

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года января 1-го дня.

Содержаніе: Чего желаемъ.—Предъ великой задачей.—Случайная встрѣча
(разсказъ).

Чего желаемъ.

Годъ прошелъ... Не много времени прожито... А сколько пережито, передумано, выстрадано! Потухаютъ послѣдніе отблески вечерней кровавой зари уходящаго въ вѣчность несчастнаго года, и нѣтъ въ душѣ радостнаго желанія—провѣрить пережитое, и хочется поскорѣе забыть, отвернуться и думать о другомъ, лучшемъ...

Но будущее неразрывно связано съ настоящимъ и прошлымъ; и мысли о лучшемъ будущемъ невольно ищутъ опоры въ пережитомъ.

Было бы великой ошибкой скрывать отъ себя и другихъ, что въ прошломъ, и притомъ не далекомъ прошломъ, у насъ было не мало нестроений, упущеній и неясностей. Вся наша жизнь, выведенная реформами Петра Великаго изъ нормально и планомѣрно развивающагося теченія общенарод-

наго русла, въ XVIII и XIX вѣкахъ шла какими-то скачками. Раздѣленный на двѣ неравныя половины русскій народъ, какъ будто, постепенно забывалъ свое единство, а такъ называемая образованная часть его переставала понимать общерусскія задачи и, легкомысленно увлекаясь всѣмъ чуждымъ, отдѣлилась отъ простаго народа настолько, что въ концѣ концовъ оказалась въ положеніи враждебнаго лагеря. Правительство, начиная со временъ Екатерины Великой, прилагало, повидимому, возможныя съ его стороны усилія поддерживать единство народное, въ той или другой степени осуществлять въ жизни народныя идеалы. Но все это дѣлалось урывками, безъ точно опредѣленной системы, и потому нерѣдко приходилось, что одною рукою созданное—другою разрушалось, или ставилось въ полное противорѣчіе съ общимъ теченіемъ жизни. Особенно часто, къ великому сожалѣнію, это случалось съ вопросами, относящимися къ церковной жизни вообще и въ частности къ церковно-приходской жизни. Предпринимавшіяся реформы въ государственномъ строѣ, въ области народнаго образованія и др. нерѣдко совершенно игнорировали интересы Церкви, чаще же всего—совершенно забывали современное имъ теченіе церковной жизни. Такая несогласованность реформъ между собою и съ общимъ, господствующимъ настроеніемъ жизни должна была неизбежно принести не мало вреда всей народной жизни и въ частности Церкви и православному духовенству.

Не можетъ быть выдѣлена въ этомъ отношеніи и эпоха реформъ Императора Александра II-го. Эти реформы какъ извѣстно, коснулись не только всѣхъ сторонъ русской народной жизни, но, можно сказать, самаго существа ея. Онѣ всколыхнули всѣ сословія, привели въ движеніе многія до нихъ спавшія въ народѣ силы и въ то же время не могутъ быть все-таки названы строго согласованными между собою и съ дѣйствительными потребностями народными. Закрывая пропасть между высшими классами населенія и низшими, возбуждая во всѣхъ слояхъ этого населенія самодѣятельность и

тѣмъ самымъ исправляя дѣло Петра Великаго и его преемниковъ, онѣ какъ-то, съ одной стороны, неувѣренно, и съ другой—поверхностно, чисто формально коснулись самой существенной стороны общенародной жизни—церковной. Въдѣ православная Церковь и ея служители съ своими отношеніями къ народу всегда составляли самый важный жизненный нервъ. А между тѣмъ, что было сдѣлано въ разсматриваемое время, чтобы поставить дѣятельность этого нерва въ благопріятныя для народа условія? Былъ ли установленъ отвѣчающій интересамъ Церкви и самаго государства цѣлесообразный порядокъ въ взаимныхъ отношеніяхъ между Церковью и государствомъ? Приняты ли были дѣйствительныя мѣры къ установленію прочнаго строя въ церковно-приходской жизни? На какихъ началахъ стало организоваться дѣло народнаго образованія? И много другихъ вопросовъ можно указать, которые реформами Александра II-го или совсѣмъ не затронуты, или слегка задѣты, или, наконецъ, неправильно разрѣшены. А все произошло оттого, что подъ вліяніемъ всей предшествующей исторіи забыто было правящими классами,—они же и образованные,—то великое значеніе въ государственной, народнои жизни, какое всегда имѣла Церковь и ея служители.

Самымъ существеннымъ опущеніемъ въ дѣятельности государственной власти время Императора Александра II-го мы считаемъ то, что ничего или слишкомъ мало было сдѣлано для дѣйствительнаго оживленія церковно-приходской жизни, для возстановленія и укрѣпленія въ приходѣ правственнаго авторитета приходскаго духовенства, а въ высшихъ областяхъ церковнаго управленія такого же авторитета русскаго архіерейства среди паствы и приходскаго духовенства. Всю свою историческую жизнь православное приходское духовенство прожило въ рядахъ простаго народа, съ нимъ вмѣстѣ несло на себѣ всѣ невыгоды положенія послѣдняго. Когда же произошли существеннѣйшія перемѣны въ этомъ положеніи, ничего или почти ничего не сдѣлано для того, чтобы, не разрывая установившихся прочныхъ связей между пасомыми и

пастырями, увеличить вліяніе православнаго духовенства на массы народныя, нуждавшіяся въ этотъ переходный періодъ въ особенно тщательномъ руководствѣ. И произошло то, что должно было произойти: взаимныя отношенія между пасомыми и ихъ пастырями начали постепенно терять свой прежній характеръ близости, и разстояніе между тѣми и другими, въ иныхъ случаяхъ стало такимъ же, какое существуетъ между простымъ народомъ и образованнымъ классомъ его. Вслѣдствіе этого въ приходской жизни оказалось немало недостатковъ и притомъ самаго существеннаго свойства. Мало утѣшительнаго съ точки зрѣнія интересовъ Церкви и пастырства произошло и въ положеніи нашего архипастырства. Всего неутѣшительнѣе то, что вліяніе послѣдняго на церковную жизнь народа значительно ослаблено не только въ епархіяхъ, но и въ центрѣ всего церковнаго управленія.—

Повторяемъ,—не мало недостатковъ въ современномъ строѣ церковной жизни, нужны реформы и реформы серьезныя. Но когда, въ какомъ объемѣ и въ какомъ направленіи?

Мы переживаемъ тяжкую политическую бурю. Всѣ враждебныя государству и русскому народу, Православной Церкви и духовенству элементы, почувствовавши за собою какую-то невидимую поддержку, съ невиданною еще яростію возстали и многихъ, въ существѣ непричастныхъ къ ихъ разрушительному дѣлу, вовлекли въ это дѣло. Разрушеніе государства и всего, что съ нимъ тѣсно связано, ведется съ нескрываемою злобой и, пожалуй, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и съ успѣхомъ. Матеріальныя средства государства и всего народа истощены. Учебныя заведенія или закрыты, или приведены въ полнѣйшій беспорядокъ. Нравственное состояніе общества, правительства и отдѣльныхъ лицъ крайне угнетенное. Во главѣ государственнаго управленія стоитъ „кабинетъ“, довѣріе къ которому въ обществѣ болѣе, чѣмъ сомнительное. Видно всюду, за исключеніемъ крайнихъ партій, растерянность. Простой народъ всюду соблазняется къ самоуправству и къ безумнымъ разореніямъ чужого добра. Среди Православной

Церкви не мало уже лицъ, настолько потерявшихъ голову, что предъ лицомъ всего православнаго люда возстають съ ничѣмъ необъяснимою дерзостію на своихъ архипастырей и „требуютъ“ такихъ реформъ, отъ которыхъ по всей нашей церковной жизни разлилась бы только одна зараза невѣрія, основаннаго на зависти и насиліи коммунизма и, въ лучшемъ случаѣ, религіознаго невѣжества. Нѣкоторыя богословскія высшія учебныя заведенія, въ лицѣ своей преподавательской молодежи, открыто и сладостно мечтають о постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ своихъ стѣнахъ на манеръ нѣмецко-протестантскій. Въ иныхъ богословскихъ журналахъ ведется „липія“ ничѣмъ не лучше „Сына Отечества“. Народившіяся и нарождающіяся ежедневно и во множествѣ политическія партіи самыхъ разнообразныхъ направленій никакъ не могутъ опредѣлить своихъ программъ и стараются другъ друга превзойти избитыми, красивыми, но ничего въ существѣ не говорящими фразами, нерѣдко даже двусмысленными. И всѣ онѣ тянутъ населеніе въ разныя стороны, чѣмъ еще бѣльшій безпорядокъ, еще-большую неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ вносятъ въ жизнь. Смута торжествуетъ и все больше и больше наполняется ложью, клеветой, челоуѣконе-навистничествомъ, безуміемъ и легкомысліемъ. Всего опаснѣе въ этой смутѣ то, что и губители государства и Церкви, и реформаторы перваго и второй свои дѣла творять во имя яко бы блага народнаго, Церкви и государства, свои дѣла оправдываютъ „высокими“ принципами свободы разныхъ видовъ, даже ученіемъ Христа.

Кто разберется въ этомъ хаосѣ? На что можно надѣяться, если бы пришлось теперь же заняться реформированіемъ церковнаго строя и притомъ всестороннимъ? Не выйдутъ ли эти реформы въ духѣ тѣхъ, кто сумѣетъ „перекричать“ всѣхъ, кто сумѣетъ, вооружившись всѣми своими ресурсами, не исключая и „святой лжи“, вовлечь въ свое дѣло и другихъ, даже искреннихъ и вѣрныхъ сыновъ Церкви и служителей алтаря Господня?

А между тѣмъ горячіе, нетерпѣливые реформаторы нашей церковной жизни у насъ не переводятся. Нужень, всѣ они твердятъ, всероссійскій помѣстный соборъ, съ участіемъ не только бѣлаго духовенства, но и мірянъ. И это въ то время, когда все государство лихорадочно встревожено, когда страсти и взаимное недовѣріе разрослись до невѣроятной степени, когда самая небольшая кучка „передовиковъ“ гордо мечтаетъ, что въ ней именно сокрыта вся соль „русскаго самознанія“, и что изъ нея только изыдутъ всѣ блага для русской Церкви!

Нужна реформа высшаго церковнаго управленія какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго. Необходимо рѣшительное видоизмѣненіе взаимныхъ отношеній между свѣтскою властію и духовною. При этомъ не менѣе рѣшительно „требуютъ“ то возстановленія патріаршества, то уничтоженія монашествоващаго архипастырства, то уничтоженія консисторій и, наконецъ, изгнанія изъ обихода духовенства рясы. И это въ то время, когда многіе свѣтскіе и духовные кричатъ во всеуслышаніе объ уничтоженіи всякой власти, когда многіе изъ „передовыхъ“ батюшекъ, особенно тѣхъ, которые никогда не бывали приходскими пастырями и рясы понадѣвали на себя „по недоразумѣнію“, вооружившись словами, вырванными изъ Евангелія, проповѣдываютъ не то толстовство, не то буддизмъ, когда цѣлыя группы отцовъ духовныхъ открыто выражаютъ свои симпатіи партіи социаль-революціонной и видятъ отдѣленіе Церкви отъ государства только въ избавленіи ихъ отъ веденія метрикъ и въ увеличеніи одновременно казеннаго имъ жалованья!

Нужно реформировать приходъ на началахъ выбора прихожанами пастырей и всего вообще духовенства приходскаго и болѣе дѣятельнаго участія приходскихъ общинъ въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ; такое выборное начало нужно распространить и на архипастырей. Увѣряютъ, что, если эту реформу провести въ жизнь немедленно, то Церковь быстро оправится отъ золь, насажденныхъ церковнымъ бю-

рократизмомъ, и проявить все свою могучую творческую силу. „Требуется“ реформа прихода на указанныхъ началахъ, и никто изъ „требующихъ“ не задумается надъ вопросомъ: возможно ли провести эту реформу безъ серьезныхъ и, нужно сказать, довольно длительныхъ подготовительныхъ работъ, такъ какъ простой народъ по состоянію своего просвѣщенія въ настоящее время рѣшительно неспособенъ воспользоваться надлежащимъ образомъ своимъ правомъ выбора? Увлекаются примѣромъ до-петровскаго прихода, кипятъ ненавистью къ современному „бюрократическому“ церковному строю и забываютъ, что, во первыхъ, наше время рѣшительно уже не до-петровское, и отношенія между православнымъ духовенствомъ и его паствою далеко не были; во вторыхъ, существовавшій въ Московской и до-Московской Руси строй приходской жизни далеко не во всѣхъ отношеніяхъ былъ благопріятенъ для церковной жизни; забываютъ, что невѣжественный народъ налагалъ свою тяжелую руку на духовенство, и оно долго, очень долго не могло выбиться изъ-подъ ига тьмы и застоя, а вмѣстѣ съ этимъ и вся приходская жизнь страдала тѣми же недостатками. Забываютъ, что современное настроеніе народа—крайне тяжелое, и растерянность, свойственная и другимъ сословіямъ, среди него выливается иной разъ въ совершенно неожиданныя формы. Такъ, напр., въ одной изъ Юго-Западныхъ губерній былъ такой случай: подъ вліяніемъ агитаторовъ - революціонеровъ одно изъ крестьянскихъ обществъ въ цѣляхъ наилучшаго распредѣленія между собою помѣщичьей и церковной земли задумало собраться въ „митингъ“; для этого оно потребовало отъ завѣдующаго Министерскимъ двухкласснымъ училищемъ, чтобы онъ предоставилъ обществу зданіе училища; когда же завѣдующій отказалъ въ этомъ, указывая на свое начальство, отъ котораго зависитъ—отдавать или не отдавать подъ „митинги“ училищныя зданія,—общество, собравшись около винной лавки, объявило, что училище его, что оно можетъ распорядиться имъ, какъ хочетъ, а потому оно лишаетъ завѣ-

дующаго должности и выбираетъ на эту должность... кого? —еврея! Совершилось нѣчто невѣроятное: вопреки всему сложившемуся народному міровоззрѣнію, послѣ недавнихъ еврейскихъ погромовъ—выбирается въ завѣдующіе министерскимъ училищемъ, гдѣ учатся дѣти православныхъ, еврей! Не полная ли растерянность, не душевная ли это болѣзнь! И въ это время народу предлагаютъ избирать священниковъ на приходы! И мы можемъ смѣло предположить, что подъ вліяніемъ современнаго возбужденнаго состоянія на многихъ приходахъ появились бы священниками, если и не евреи, то штундисты или главные агитаторы въ дѣлѣ разоренія помѣщичьихъ усадебъ!

При обсужденіи вопроса о современности коренныхъ реформъ во всемъ нашемъ церковномъ строѣ необходимо обратить вниманіе и на слѣдующее. Мы рѣшительно утверждаемъ, что, несмотря на заигрыванье съ православнымъ духовенствомъ, несмотря на разнообразныя посулы со стороны нѣкоторыхъ политическихъ партій, все современное движеніе,—не только революціонное, но даже просто конституціонное,—носитъ характеръ противо-церковный. Воспитанные въ теоретическомъ, а еще больше въ практическомъ невѣріи, приверженцы таковыхъ партій или рѣшительно отвергаютъ какое бы то ни было участіе духовенства въ народной политической жизни и тѣмъ самымъ обрекаютъ его на политическую смерть, или крайне слабо интересуются дѣйствительнымъ улучшеніемъ правового положенія всего вообще духовенства, а потому всегда и свободно могутъ въ рѣшительную минуту борьбы въ Думѣ или на помѣстномъ соборѣ съ участіемъ мірянъ предоставить нашихъ „передовыхъ“ батюшекъ, мечтающихъ перевернуть пласты нашей церковной жизни, своимъ собственнымъ силамъ. Будутъ ли въ большинствѣ эти „передовые“ о.о. духовные, трудно сказать! Едва ли и православное духовенство и православный народъ, съ другой стороны, при современномъ броженіи сумѣютъ послать на соборъ представителей дѣйствительно цер-

ковнаго направленія; могутъ, вѣдь, проскользнуть и такіе, которые въ послѣднее время ужь очень часто,—и съ церковной каюедры, и въ журналахъ, и въ надгробныхъ рѣчахъ,—часто и своеобразно изъясняютъ тему, что въ глазахъ христіанина не должно быть элина, ни іудея, которые любятъ больше всего говорить вообще о христіанствѣ и христіанской любви, которую трудно бываетъ отличить и отъ простой языческой гуманности и отъ ученія Будды о томъ же предметѣ. А если такъ, то гдѣ гарантія, что „возбужденная“ Дума или не менѣе „возбужденный“ соборъ не принесутъ намъ такихъ реформъ церковныхъ, что отъ Церкви останутся только одни воспоминанія (конечно, на короткое только время такой эффектъ можно произвести.)?

Цельзя забывать и того, что, какъ бы ни были благодѣтельны реформы,—онѣ сами собой жизни церковной не измѣняютъ. Онѣ могутъ остаться или мертворожденными, или малодѣйствительными, если только мы не сумѣемъ имъ придать практической характеръ или отнесемъ къ нимъ' сонно, апатично. Примѣровъ этому великое множество. Во время реформъ Александра II-го, вездѣ ли и всегда ли православное духовенство надлежаще воспользовалось представленными ему правами епархіальныхъ създовъ, выбора должностныхъ лицъ, дѣятельнаго участія въ экономической жизни духовныхъ учебныхъ заведеній? Вполнѣ ли использовало то же православное духовенство предоставленное ему въ царствованіе императора Александра III-го въ высшей степени важное право самага широкаго участія въ народномъ образованіи? Не вызывало ли это право по мѣстамъ сѣтованія и какой-то тяготы? Реформы необходимы, но прежде всего—необходимы люди.

Жажущіе реформъ (но правдѣ сказать, среди этихъ жажущихъ не мало любителей только *реформаторской дѣятельности*)—требуютъ, чтобы таковыя реформы сразу охватили всю церковную жизнь—отъ св. Синода до церковнаго старосты. Есть какъ будто и основаніе для этого тре-

бованія: частныя заплаты и поправки дѣла не измѣнять и стараго не сдѣлають новымъ. Но мы не можемъ не высказать опасенія, какъ бы при одновременной перестройкѣ всего зданія нашей громоздкой церковной жизни, при неясности для многихъ обновителей ея конечныхъ цѣлей и средствъ обновленія, при существующемъ глубокомъ различіи во взглядахъ между обновителями и массою православнаго народа, зданіе не рухнуло и не погребло подъ собою не только современныхъ искателей обновленія, но и всѣхъ дѣйствительно благихъ начинаній. Нельзя забывать, что мы, славяне, — сангвиники и очень часто руководствуемся безъ мѣры возбужденіемъ: или все, или ничего! Наша жизнь полна увлеченіями, и при существующемъ всеобщемъ возбужденіи какъ трудно избѣжать ихъ!

Но что же нужно дѣлать? Употреблять всѣ усилія, чтобы все осталось *statu quo ante*, по старому? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Мы слишкомъ много и долго любили старое, слишкомъ слабо откликались на зовъ жизни, а потому и дожили до положенія, когда, какъ говорится, ни назадъ, ни впередъ. Необходимо воспринять духомъ и рѣшительно взяться за трудную работу обновленія всей нашей жизни и въ особенности церковной.

И первую нашею заботою должно быть — внести всюду, куда можетъ проникнуть убѣжденный голосъ Церкви, успокоеніе. Послѣдними актами воли Монаршей намъ дано такъ много, что мы всѣ, — не только простой народъ, но и образованные его классы, — долгое еще время, даже при условіи спокойствія, не въ состояніи будемъ провести этого многого въ жизнь. Особенно это успокоеніе необходимо для выясненія дѣйствительныхъ нуждъ жизни, для опредѣленія, по возможности точнаго, неизбѣжныхъ послѣдствій отъ дарованныхъ съ высоты Престола народу свободъ. Среди кликовъ радости и огорченія, среди яростнаго недовольства всѣмъ и всѣми, при видѣ жестокой дезорганизациі во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія, подъ дикіе крики рево-

люціонеровъ, среди убійствъ, пожаровъ и разореній не только трудно, но даже и невозможно разсмотрѣть, правильно и строго проанализировать все, что дали или даютъ послѣднія реформы государственнаго быта и какое онѣ имѣютъ или возымѣютъ вліяніе на церковную жизнь. Чтобы итти дальше, если это нужно будетъ, чтобы надлежаще использовать находящіяся уже въ рукахъ средства для обновленія жизни, необходимо спокойствіе духа, совѣсти, спокойствіе самой дѣятельности. Всѣхъ и вездѣ нужно призывать къ этому успокоенію и мирному труду надъ воздѣлываніемъ быстро, необыкновенно быстро и при тяжелыхъ условіяхъ вспаханной нивы народной жизни. Имѣющее наступить успокоеніе дастъ всѣмъ возможность собраться съ силами, обновить ихъ, установить болѣе жизнерадостный взглядъ на текуція событія, возстановить угасшую было въ нѣкоторыхъ вѣру въ свѣтлое будущее русскаго народа и всѣхъ учрежденій, питавшихъ его духовною и житнетворною пищею. Пастыри Церкви! Проновѣдъ и водвореніе въ жизни нашей даже сравнительнаго успокоенія—при современныхъ условіяхъ—дѣло трудное, въ иныхъ случаяхъ требующее подвижничества. Разсвирѣпѣвшія страсти людскія почти всегда затемняютъ собою правду Божию и человѣческую и всею своею силою обрушиваются даже на то, что безусловно полезно самимъ посетителямъ этихъ страстей. Развѣ не бывали случаи жестокихъ насилій и оскорбленій, наносимыхъ служителямъ алтаря, облаченнымъ въ священническія одѣянія и съ крестомъ въ рукахъ вышедшимъ на встрѣчу возбужденной толпѣ съ словами Христова мира и любви! Но наше время таково, что нельзя останавливаться даже предъ самоотверженнымъ подвигомъ: кровь человѣческая, кровь родныхъ сыновъ Церкви льется на улицахъ городовъ и селеній, зарево пожаровъ и дикіе вопли изступленныхъ толпъ говорятъ намъ настойчиво о возможности худшихъ временъ. Всѣмъ, всѣмъ необходимо соединиться и вступить въ борьбу съ злѣйшимъ врагомъ жизни—анархіей, этой чубительницѣй всѣхъ пріобрѣтенныхъ

плодовъ и только что поспѣянныхъ на нивѣ народной добрыхъ сѣмянъ!

Какъ же достигнуть такъ желаемаго успокоенія народнаго? Въ рукахъ приходскаго пастыря сосредоточены, можно сказать, самыя сильныя средства воздѣйствія на пасомыхъ. Какъ бы ни было сильно возбужденіе народное, какъ бы ни были отуманены головы и сердца людей возможностью быстро пріобрѣсти давно искомыя и страстно желаемыя блага,—почти всегда и въ головѣ и сердцѣ такихъ людей остается нетронутымъ святая святыхъ—любовь къ Церкви, Царю и отечеству. Нужно настойчиво, вездѣ и всѣмъ разъяснять, насколько противны Церкви, вредны для отечества, огорчительны для Царя, разрушительны для самаго народа всѣ незаконныя захваты чужой собственности и, въ особенности,—соединенные съ разореніемъ, пожарами и убійствами. Въ распоряженіи пастыря—слово церковное, богослуженіе, совершеніе св. таинствъ, заставляющихъ человека не только хотя бы на время отвлекаться отъ злобъ дня, но и повѣрять свои тайныя и явныя дѣла и помышленія. Необходимо всѣмъ этимъ пользоваться, да водворится на нашей многострадальной землѣ спокойствіе и мирный трудъ на обновленіе жизни. Наше время—время самаго усиленнаго и широкаго труда, и горе тѣмъ, кто уединится и приметъ для себя за благо—быть въ сторонѣ и выжидать, когда смута минетъ! Она никого не минетъ, особенно же тѣхъ, кто по привычкѣ или по другимъ причинамъ предоставитъ другимъ нести свои обязанности, или отречется отъ нихъ: отрекающійся дѣломъ и словомъ отъ этихъ обязанностей—вмѣстѣ съ тѣмъ отрекается и отъ всѣхъ своихъ правъ,—въ томъ числѣ и отъ права быть живымъ членомъ обновленнаго или обновляемаго общества.

Реформы всего нашего церковнаго строя необходимы. Но къ нимъ въ такой же мѣрѣ необходимо подготовиться. Если легко снять съ себя старую, изветшавшую одежду и облачиться въ новую,—да и то при условіи заблаговремен-

наго приготовленія послѣдней, то несравненно труднѣе раз-
 статься съ тѣмъ, что такъ или иначе сроднилось уже съ
 душой, что съ теченіемъ времени стало привычкой, преда-
 ніемъ. Подъ существующимъ режимомъ мы жили чуть не
 два столѣтія, и такой періодъ достаточно великъ, чтобы не
 только внѣшнюю, но и внутреннюю нашу жизнь устроить по
 своему шаблону. Нужно и то имѣть въ виду, что все новое,
 хотя бы и хорошее, заставляетъ человѣка чувствовать себя
 не совсѣмъ свободнымъ,—и пока-то къ этому новому при-
 выкнуть люди! Дѣло реформированія нашей церковной жизни
 тѣмъ труднѣе, что оно, съ одной стороны, должно будетъ
 касаться самыхъ важныхъ и въ то же время чувствительныхъ
 сторонъ жизни всего православнаго народа, а съ другой—
 центръ тяжести этого дѣла находится, по нашему мнѣнію,
 не въ центрѣ управленія церковною жизнью, а въ самой
 низшей, такъ сказать, инстанціи—въ приходѣ. Мы думаемъ,
 что если и необходимы реформы, то необходимы онѣ для
 дѣйствительнаго обновленія и развитія приходской жизни,
 для оживленія религіозно-нравственной жизни населенія; все
 же остальное должно только имѣть служебное значеніе для
 этой послѣдней цѣли. Вотъ почему мы и говоримъ, что
 всѣмъ пастырямъ Церкви необходимо самымъ серьезнымъ
 образомъ подготовиться къ неизбѣжнымъ реформамъ. А для
 этого желательно, что бы современный и бывшій строй при-
 ходской жизни былъ осповательно изученъ, свѣренъ съ су-
 ществующими условіями общенародной жизни. Мы убѣждены,
 напр., что воскресить выборное начало при современныхъ
 условіяхъ рѣшительно невозможно не только въ приходсахъ
 сельскихъ, но и городскихъ, а потому реформированіе цер-
 ковной жизни въ этомъ направленіи ничего, кромѣ вреда,
 не принесетъ. Наше убѣжденіе и наши пожеланія напра-
 вляются главнымъ образомъ на то, чтобы современное пра-
 вославное пастырство, воспрянувши духомъ, отклоняя отъ
 себя всѣ, часто мнимыя стѣсненія, проистекающія отъ бюро-
 кратическаго режима въ Церкви, энергично и теперь же, съ

полнымъ сознаниемъ важности и времени, и самаго дѣла принялось само за благоустройство церковно-приходской жизни, за оживленіе въ ней духа вѣры и самодѣятельности. Для этого въ его рукахъ находятся всѣ средства, и мы увѣрены, что какія бы реформы ни произошли, новыхъ средствъ для воздѣйствія на приходскую жизнь онѣ же создадутъ. Не говоримъ о храмѣ и богослуженіи въ немъ (хотя дѣйствительность и понуждаетъ обратить вниманіе православнаго духовенства на необходимость не реформъ въ этой области его служенія, а только строгаго исполненія требованій устава и благоговѣнія). Мы укажемъ только на такія средства, какъ школа, проповѣди, братства, церковно-школьныя и приходскія попечительства, непрестанныя,—не за гнѣвъ, но за совѣсть,—сношенія съ пасомыми. Если ко всему этому присоединить пожеланіе о возможно рѣдкихъ перемѣщеніяхъ священниковъ съ прихода на приходъ, то мы увидимъ, какими могучими средствами располагалъ и располагаетъ приходскій священникъ для живой, все захватывающей дѣятельности въ своемъ приходѣ, для привлеченія къ участию въ этой дѣятельности всѣхъ силъ прихода, Мы не можемъ скрывать ни отъ себя, ни отъ другихъ, что эти средства давно уже въ рукахъ духовенства и что пренебреженіе ими далеко не всегда можно объяснять бюрократизмомъ строя церковнаго. Въ ряду причинъ, отвлекавшихъ иныхъ приходскихъ пастырей отъ употребленія указанныхъ средствъ для оживленія ихъ дѣятельности, нельзя не указать на увлеченіе дѣлами міра сего, какъ на одну изъ важнѣйшихъ. Вотъ почему мы призываемъ всѣхъ пастырей Церкви къ самому рѣшительному, энергичному труду на поприщѣ насажденія въ массахъ народныхъ просвѣщенія; въ церковныхъ ли школахъ, или въ министерскихъ,—вездѣ, куда приходитъ священникъ, какъ законоучитель или просто учитель, онъ долженъ творить великое дѣло просвѣщенія, наученія дѣтей съ подобающею серьезности дѣла ревностію. Пусть повсюду оживаются, или учреждаются братства церковныя и другія просвѣтительныя и благотвори-

тельные учрежденія общественно-приходскаго характера. Да будетъ постоянно слышимо слово пастыря и съ церковной кафедры, и въ частномъ домѣ, и въ разныхъ народныхъ учрежденіяхъ, и на разныхъ чтеніяхъ. И тогда, только тогда завяжутся, разовьются и укрѣнятся тѣ близкія, сердечныя и благотворныя взаимныя отношенія между пастырями и па-сомыми, которыя такъ желательны, и которыхъ надѣются до-стигнуть при помощи рѣшительныхъ реформъ всего церков-наго строя нашей жизни.

Обновленіе жизни и дѣятельности православнаго пастыр-ства только что указанными средствами, естественно, ведетъ насъ къ вопросу о приготовленіи къ пастырскому служенію, къ вопросу о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этой об-ласти реформы необходимы немедленно. Быть можетъ, въ несовершенствахъ учебно-воспитательнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ заключается и источникъ довольно таки безотраднаго положенія,—общественнаго и нравствен-наго,—нашего приходскаго духовенства. Не вдаваясь въ по-дробности, укажемъ на слѣдующія стороны дѣла. Для Церкви и религіозно-нравственнаго просвѣщенія населенія важнѣе всего, конечно, приходское пастырство, его умственная и ре-лигіозно-нравственная подготовленность къ своему дѣлу. Но все ли, все ли главное даже, дѣлалось для того, чтобы духовно-учебныя заведенія стояли на высотѣ требованій жизни, при-званія и задачъ пастырскаго служенія? Всегда ли и церковное правительство, и само духовенство съ необходимой тща-тельностью относились къ внѣшнему и внутреннему благоустрой-ству духовной школы? Не носятъ ли эти отношенія почти всѣ тѣ же признаки, какими въ теченіе двадцати лѣтъ характе-ризовалось отношеніе церковнаго и гражданскаго правитель-ства и самого духовенства къ церковнымъ школамъ? На эти и имъ подобные вопросы не всегда можно отвѣчать успока-ивающимъ образомъ. Мы не завидуемъ учебнымъ заведеніямъ другихъ вѣдомствъ, не завидуемъ ни матеріальному, ни тѣмъ болѣе учебно-воспитательному ихъ положенію. Но мы не мо-

жемъ не сказать, что въ дѣлѣ бывшихъ реформъ нашихъ учебныхъ заведеній, особенно съ внѣшней стороны, инициатива нерѣдко принадлежала не намъ, что, подражая другимъ вѣдомствамъ, мы все менѣе и менѣе интересовались главнѣйшимъ назначеніемъ духовной школы и совершенно предоставляли внутреннюю жизнь ея свободному, но и случайному теченію. Не огражденная въ своихъ существенныхъ сторонахъ отъ тлетворнаго вліянія безурядицы въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и общественной жизни, духовная школа постепенно усвоила и мертвящій формализмъ, и господствующіе взгляды на цѣли жизни человѣческой, и въ концѣ концовъ пришла, какъ и всѣ другія, въ разстройство. Что же нужно дѣлать? Это вопросъ очень сложный, и мы только коснемся здѣсь двухъ-трехъ сторонъ.

Мы рѣшительно вооружаемся противъ все чаще и чаще выражаемыхъ намѣреній и пожеланій программы духовно-учебныхъ заведеній позаимствовать отъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просвѣщенія или сравнять съ послѣдними. Министерскія учебныя заведенія всѣ почти дезорганизованы и никакихъ точныхъ программъ не имѣютъ, да не скоро и имѣть-то будутъ. Къ какимъ же программамъ мы будемъ свои программы приравнивать? Нельзя не обратить вниманія и на то, что нигдѣ формализмъ и метода управленія учебными заведеніями посредствомъ великаго множества циркуляровъ такъ не развиты, какъ именно въ Мин. Нар. Просвѣщенія. Не слѣдуетъ также забывать и того, что воспитательная сторона, такъ важная не только для специальныхъ цѣлей духовной школы, но и для самаго просвѣщенія, въ министерскихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно отсутствуетъ, да повидимому и признавать-то ее начали съ очень недавняго времени. Многіе желаютъ уравненія программъ и самаго строя духовной школы съ министерской исключительно съ цѣлію—дать свободный доступъ окончившимъ курсъ ученія въ первой въ университетъ, и другія свѣтскія учебныя заведенія. Но неужели такихъ правъ нельзя иначе достигнуть, какъ только

при посредствѣ рабскаго усвоенія чужого и притомъ еще неопредѣленнаго, даже ненамѣченнаго въ основныхъ своихъ началахъ? Нужно же помнить, что современные идеалы народного просвѣщенія уже далеко опередили исключительно утилитарный взглядъ на школу, призываемую правительствами разныхъ странъ не столько къ просвѣщенію, сколько къ фабрикованію дипломированныхъ чиновниковъ. А потому не лучше ли выработать вполне самостоятельно программу для духовно-учебныхъ заведеній въ полномъ согласіи какъ съ общими цѣлями просвѣщенія, такъ и съ спеціальными цѣлями духовной школы?

Мы думаемъ, что образованіе духовныхъ гимназій, мало помогая общепросвѣтительнымъ цѣлямъ, можетъ ребромъ поставить вопросъ о средствахъ и источникахъ содержанія такихъ, собственно уже не церковныхъ, учебныхъ заведеній. Кромѣ того, дѣло пастырскаго служенія, всегда въ высокой степени сложное и ответственное, съ теченіемъ времени, особенно же въ виду назрѣвающихъ событій и перемѣгъ въ нашей общественной и государственной жизни, становится еще сложнѣе и требуетъ самой высокой устойчивости характера со стороны примимающихъ священныи санъ. Поэтому, едва ли цѣлесообразнымъ будетъ, если, согласно существующимъ уже проектамъ, значительную часть времени обученія и воспитанія обучающіеся въ духовныхъ гимназіяхъ будутъ находиться не въ атмосферѣ церковности и только года два будутъ специализироваться въ познаніи богословскихъ наукъ. Намъ думается, что духовная школа при своемъ даже общеобразовательномъ характерѣ не должна быть освобождена отъ вліянія церковнаго. Въ этомъ отношеніи особенно поучительнымъ является для насъ примѣръ католической школы, не измѣнившей своему назначенію, несмотря на самые разнообразныя и тяжелыя удары, наносимыя жизни народовъ Церкви.

Для насъ въ настоящее время особенно существеннымъ является вопросъ объ отношеніи самаго духовенства къ семье.

его, къ школѣ духовной. Ищемъ причинъ нестроенія школьнаго всюду, всѣхъ стремимся обвинять въ этихъ нестроеніяхъ, и только забываемъ оглянуться на самихъ себя. Въ былыя времена, тяжелыя для школы, семья духовная какъ-то ближе, если не пространственно, то нравственно стояла къ своей школѣ. Теперь—же въ школу „сдають“ дѣтей и почти совершенно умываютъ руки. Мало этого, не рѣдки случаи сознательнаго, чаще безсознательнаго разрушенія семьей всего того, что дѣлаетъ школа. Отцы и матери, такъ поступаая, забываютъ, что роютъ авторитетъ школы, а съ нимъ и самой семьи. Необходимо приложить всѣ усилія къ возможно полному объединенію въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ силъ семьи и школы. Пусть всѣ родители проникнутся важностью всего совершающагося и займутся не только благоустройствомъ своихъ матеріальныхъ средствъ, но, главнымъ образомъ, водвореніемъ порядка и воспитаніемъ сознанія долга и обязанностей въ жизни дѣтей. Такъ это необходимо теперь! Отъ всей души желаемъ, чтобы новый годъ не былъ свидѣтелемъ позорныхъ и для дѣтей, и для родителей, и для учебныхъ заведеній забастовокъ. Пусть начнется повсюду мирный, спокойный трудъ обученія и воспитанія, самообразования и самовоспитанія во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Не малую надежду возлагаемъ въ этомъ дѣлѣ на родителей. Пусть они дома, а школа въ своихъ стѣнахъ внушаетъ учащемуся юности, что вся суть прогресса, такъ всеми желасмаго, заключается въ непрерывности просвѣщенія, что реформы, особенно же коренныя реформы учебно-воспитательнаго дѣла, не производятся, если только ожидаютъ отъ нихъ какой-либо пользы, быстро и подь диктовку разнузданной и безпечной толпы, тѣмъ болѣе—дѣтей.

Вѣрнмъ, Господу Богу угодно будетъ премѣнить гнѣвъ Свой на милость къ намъ, не мало согрѣшавшимъ противъ Его святой воли, и умирить наше отечество, вразумить заблудившихся и дать силу и крѣпость духа всѣмъ, любящимъ Церковь Его и родной народъ, для борьбы со зломъ и вра-

гами. Надѣмся, что постепенно потухнетъ на небосклонѣ русскомъ зарево пожаровъ и взойдетъ заря новой, лучшей жизни. И тогда успокоенные духомъ и совѣстію русскіе люди, объединенные вѣрою и законами обновляемаго отечества, дружно и энергично примутся за работу жизненную и проведутъ на благо всѣхъ и cadaго и всей вообще дорогой нашей родины всѣ необходимыя реформы въ томъ объемѣ и съ такимъ характеромъ, какіе будутъ указаны потребностями жизни. А теперь пока—на трудъ подготовительный, на дѣло успокоенія земли Русской, на дѣланіе дѣла, всегда намъ предлежащаго, на водвореніе порядка и обновленіе школы. Всѣ вмѣстѣ—и сильные, и малосильные, но крѣпкіе вѣрою и любовію,—соединимся и дружною духовною боевою ратью поидемъ противъ злѣйшаго врага всѣхъ народовъ революціи и анархіи и всѣхъ сподвижниковъ и соратниковъ ихъ. Да поможетъ намъ Господь Богъ!

М. Гн.

Предъ великой задачей.

Когда заболѣло одно близкое и дорогое мнѣ лицо, и я истомился, бѣгая по докторамъ и аптекамъ, одна благочестивая и доброжелательная старушка настойчиво совѣтовала мнѣ бросить возню съ докторами и аптеками, предавъ судьбу близкаго лица волѣ Божіей, благой и премудрой. „Неужели,—говорила она,—доктора сильнѣе Бога? Нѣтъ, не сильнѣе, а если такъ, почему же вамъ не обратиться за помощью непосредственно къ Самому Богу?“ И старушка перешла къ любимой темѣ своихъ разговоровъ: эта тема—упрекъ нашему поколѣнію въ маловѣріи...

Разумѣется, доводы благочестивой старушки не заставили меня порвать съ медициной,—не потому, чтобы я отрицалъ основную предпосылку моей благожелательницы—Боже-ственное промышленіе, а потому, что въ ходѣ ея разсужденій видѣлъ несомнѣнную ошибку, сущность которой наглядно

вскрывается слѣдующей страницей изъ сочиненій Лѣскова. Какой-то кавалерійскій генераль, производившій смотръ кавалерійскому полку, остался недоволенъ ѣздой, на что и указалъ полковому командиру. Тотъ въ свое оправданіе сослался на молодость эскадронныхъ командировъ. Генераль вспылнлъ: „Вздоръ говорить изволите!.. Что это еще за манера другъ на друга ссылаться... Полковой командиръ на эскадронныхъ! А эскадронные стануть на взводныхъ. А взводные на вахмистеровъ, а вахмистеры на солдатъ... А солдаты на Господа Бога!.. А Господь Богъ скажетъ: прете вы, мерзавцы,—И вамъ не конюхъ, чтобы вашихъ лошадей выѣзжать: сами выѣзжайте!“ Когда эти слова были переданы мѣстному архіерею, тотъ сказалъ: „Видите, какъ прекрасно! И какъ послѣ этого не сожалѣть, что духовное ораторство у насъ не такъ свободно, какъ военное. Почему же мы не можемъ говорить такъ вразумительно? Отчего бы на текстъ: „просящему дай“, такъ же кротко не сказать слушателямъ: не говори, алчная душа, что „Богъ подастъ“. Богъ тебѣ не ключникъ и не ларешникъ, а самъ подавай!“¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, Богъ надѣлалъ насъ физическими и духовными силами не для того, чтобы мы сидѣли, сложа руки, предоставляя дѣйствовать Господу Богу: это было бы закапываніемъ дарованныхъ Богомъ талантовъ въ землю. Нѣтъ, мы должны непрерывно и неустанно работать надъ поставленными жизнью задачами, предавая результаты своей дѣятельности въ волю Божию. Сдѣлай все, рѣшиительно все, что только ты можешь сдѣлать для спасенія ближняго, а затѣмъ предай себя и своихъ ближнихъ въ волю Божию, и если бы дальнѣйшія событія не совпали съ твоими ожиданіями, не роници, не надай духомъ, ници утѣшенія и ободренія въ преданности волѣ Божіей...

Когда за послѣдніе годы у насъ, на Руси, оживились общественныя заботы объ измѣненіи политическихъ и со-

¹⁾ Соч. Лѣскова, изд. 3, т. XXXV, стр. 13—14, приведено in extenso.

ціально-економічнихъ отношеній въ томъ направленні, чтобы ослабить существующую експлоатацію одной части населенія другою, со стороны благочестивыхъ и доброжелательныхъ людей послышались голоса въ томъ смыслѣ, что-де не въ нашихъ силахъ кореннымъ образомъ измѣнить существующій строй жизни, что мысль о наступленіи на землѣ царства Божія—несбыточная мечта, что доля вѣрующаго, христіански-настроеннаго чловѣка—предать теченіе общественной жизни волѣ Божіей.

Что мысль о наступленіи на землѣ царства Божія—мечта, это вѣрно, но это ни въ никакой мѣрѣ не освобождаетъ насъ отъ обязанности напрягать все свои силы къ тому, чтобы наши взаимныя отношенія здѣсь, на землѣ, устроились по нормамъ, указаннымъ въ Христовомъ Евангеліи, такъ что, если мы, христіане, видимъ, что наши ближніе голодаютъ или терпятъ обиды, мы не имѣемъ права сидѣть, сложа руки, мало того: мы не можемъ ограничиваться одною молитвою за голодныхъ и пригнетенныхъ. Итъ, наша христіанская обязанность—сдѣлать все, что только въ нашихъ силахъ, для устраненія нищеты, пригнетенности, безправія... Все, что только въ нашихъ силахъ... Если бы нашъ разумъ и наша совѣсть сказали намъ, что для борьбы съ общественнымъ зломъ необходима цѣлая система политическихъ и экономическихъ мѣропріятій, наша нравственная обязанность—содѣйствовать проведенію этой системы въ жизнь. Только тогда, когда мы съ своей стороны сдѣлали все, что намъ указывали разумъ и совѣсть,—только тогда врученіе нашего дѣла Господу было бы не искушеніемъ Господа, а выраженіемъ нашей вѣры въ божественное міроуправленіе и нашей преданности волѣ Божіей. Въ противномъ случаѣ мы унодились бы тому земледѣльцу, который, вмѣсто того, чтобы—по заповѣди Божіей—въ потѣ лица вснахать землю подѣ посѣвъ, бросилъ бы зерно въ невоздѣланную почву, ссылаясь на то, что Господь силенъ взрастить

зерно и безъ содѣйствія пахаря. Это было бы богохульствомъ...

Жизнь поставила передъ русскими гражданами великую и отвѣтственную задачу—выработать и провести систему мѣропрятій, направленную къ охраненію личности отъ нужды, пригнетенности, безправія. Наша нравственная обязанность—напрячь всѣ свои силы къ осуществленію поставленной задачи. Никто не въ правѣ уклониться отъ историческаго призыва: то призывъ Самого Бога, дѣйствующаго въ исторіи. Для христіанской совѣсти этотъ призывъ особенно внушителенъ. Тѣ, которые ушли изъ Церкви Христовой на „страну далече“, уже откликнулись на призывъ,—неужели мы, живущіе въ нѣдрахъ Церкви, останемся глухи къ нему? Нѣтъ, съ вѣрой въ Бога выйдемъ на то дѣло, къ которому призываетъ насъ Богъ... Время не терпитъ... Каждый день промедленія есть уже преступленіе... *И. К—въ.*

Случайная встрѣча.

Разсказъ.

I.

Кому изъ васъ, уважаемые читатели, не приходилось встрѣчаться въ жизни съ особеннаго, довольно распространеннаго у насъ, типа людьми, которыхъ создаетъ наша неприглядная русская дѣйствительность, и которыхъ я назвалъ бы; за неимѣніемъ другаго подходящаго термина, „опасливыми“. Плодить ихъ, съ одной стороны, излишняя опека надъ человѣческой личностію, съ другой—неразлучныя съ нашимъ существованіемъ наши горькія разочарованія, въ конецъ подрывающія надежды на свѣтлое будущее. Людей этого типа нельзя назвать „осторожными“, а именно только—„опасливыми“. Осторожность совмѣстима съ рѣшимостію,—это осуществленіе мудраго житейскаго правила: семь разъ примѣрь

и одинъ разъ отрѣжь. Опасливость—это: семь разъ примѣрь и... ни разу не отрѣзай, какъ бы отъ того какого худа не было! Этой чертой характера и отличается нашъ типъ, представителей котораго найдете вы и въ свѣтскихъ интеллигентныхъ кругахъ, и въ нашемъ духовенствѣ. Когда возникаютъ въ обществѣ реформаторскія стремленія, начинаютъ раздаваться въ печати смѣлыя передовые голоса, призывающіе къ обновленію жизни, къ упорядоченію устарѣвшихъ и введенію новыхъ порядковъ, тогда опасливые люди приходятъ въ смущеніе, и среди ликующихъ, бодрыхъ голосовъ ихъ рѣчи отзываются грустнымъ диссонансомъ, мрачными предчувствіями. Какъ бы ни радужны были мечты обыкновенныхъ людей при подобныхъ движеніяхъ въ обществѣ, какія бы блага ни сулили въ будущемъ предполагаемыя реформы и начавшееся прогрессивное движеніе въ обществѣ,—эти люди всегда найдутъ во всемъ этомъ столько непредвидѣнныхъ опасностей, темныхъ сторонъ, что хоть, по ихнему, не дѣлай никогда ни одного шага впередъ. Нелегко разговаривать съ подобными людьми, тяжелое, перадостное впечатлѣніе остается послѣ ихъ замогильныхъ рѣчей, и мы невольно избѣгаемъ ихъ, или стараемся оставить ихъ безъ вниманія, особенно въ моменты подъема общественной жизни. Увлеченные общимъ могучимъ движеніемъ къ новому свѣтлому будущему, мы вовсе не хотимъ прислушиваться къ этимъ тревожнымъ, опасливымъ голосамъ.

Однако исполнѣ ли мы правы въ данномъ случаѣ, открещиваясь и чураясь нашихъ же собратій? А что, если мы, увлекаясь общимъ, одностороннимъ въ свою очередь, движеніемъ, не замѣчаемъ дѣйствительно грозящихъ намъ на новомъ пути опасностей? Что, если осуществленіе въ жизни смѣлыхъ плановъ, желательныхъ переменъ не можетъ и въ самомъ дѣлѣ дать намъ того, чего мы отъ нихъ легкомысленно ожидаемъ!.. Между тѣмъ люди, страдающіе русскимъ недугомъ опасливаго, робкаго страха передъ каждымъ новымъ и передовымъ шагомъ въ нашей жизни, имѣютъ изо-

щренныя чувства и умъ угадывать недоступныя нашему взору въ пылу увлеченія опасности, нежелательныя крайности и ошибки. Одно уже то обстоятельство, что люди отмѣченнаго нами болѣзненнаго типа—наши присныя братья, плоть отъ плоти нашей, не даетъ намъ права относиться къ нимъ пренебрежительно; ихъ странная психологія должна быть для насъ въ высшей степени занимательна и поучительна. И кто, наконецъ, поручится, что тотъ же червь неумирающій, который явно отравляетъ ихъ жизнь и подтачиваетъ корни родного русскаго прогресса, не закрадывается порой и въ нашу душу, но мы не хотимъ лишь сознаться въ этомъ, настойчиво чураясь нашихъ братьевъ. Не лучше ли, поэтому, прислушаться къ ихъ робкимъ голосамъ, участливо вникнуть въ ихъ внутреннія терзанія и муки и дать имъ безпристрастную оцѣнку? Во всякомъ случаѣ подобный шагъ съ нашей стороны не будетъ бесполезенъ.

Особенно намъ, духовенству, при охватившемъ насъ стремленіи къ широкимъ кореннымъ реформамъ нашей жизни, не слѣдуетъ пренебрежительно относиться къ опасливымъ, осторожнымъ голосамъ, слабо и робко раздающимся изъ духовной среды. Здѣсь и случайный разговоръ и печальная встрѣча съ лицами, опасливо относящимися къ новому теченію и къ передовымъ начинаніямъ въ жизни духовенства, могутъ навести на серьезныя думы и удержать отъ опасныхъ увлеченій. Описаніе одной такой встрѣчи и найдутъ читатели въ предлагаемомъ разсказѣ.

II.

Съ о. Порфиріемъ я познакомился совершенно случайно. По пріѣздѣ въ городъ не нашель я свободной комнаты, въ знакомыхъ „номерахъ“, гдѣ обычно останавливался. По повелѣ я переговоры съ хозяиномъ, вышелъ къ намъ въ коридоръ изъ своего номера пожилой, полный, съ широкимъ простоватымъ лицомъ батюшка и совѣмъ неожиданно вывелъ меня изъ затрудненія.

— Да вы, отецъ, остановитесь въ моемъ номерѣ: на двоихъ мѣста хватить, и, надѣюсь, другъ друга не стѣснимъ, — любезно и просто предложилъ онъ:—это будетъ самое лучшее. Все равно и въ другихъ номерахъ не скоро найдете отдѣльную комнату. Много теперь посторонняго народа понаѣхало: родители съ дѣтьми, депутаты разныхъ собраний и съѣздовъ—нашего епархіальнаго, училищнаго.

Мнѣ оставалось съ радостью принять предложеніе и водвориться въ одномъ номерѣ съ незнакомымъ до той поры батюшкой, который назвалъ себя о. Порфиріемъ и сообщилъ, что проживаетъ здѣсь уже больше двухъ недѣль въ качествѣ депутата епархіальнаго съѣзда духовенства.

— И еще конца не предвидится нашему съѣзду. Богъ знаетъ, когда и порѣшимъ всѣ дѣла, но домамъ вырвемся!.. — съ чувствомъ огорченія и досады заключилъ о. Порфирій.

Но мнѣ лично это сообщеніе было пріятно. У насъ, по епархіи, ходили уже оживленные толки по поводу епархіальнаго съѣзда. Говорили, что онъ совершенно не похожъ на прежніе: свобода и смѣлость сужденій, независимость постановленій по многимъ самымъ современнымъ вопросамъ, вообще передовое направленіе во всѣхъ рѣшеніяхъ и, наконецъ, публичность засѣданій, — вотъ чѣмъ, по слухамъ, отличался настоящій съѣздъ. Не удивительно, что онъ интересовалъ всю епархію, поднималъ „духъ бодръ“ въ духовенствѣ и заставлялъ усиленно биться радостными надеждами скрытыя подъ ризами и подрясниками, доселѣ робкія сердца. Пріятно было и мнѣ, что я теперь могу изъ первыхъ рукъ освѣдомиться о дѣяніяхъ нашего съѣзда, жительствова въѣсть съ отцомъ депутатомъ. Представлялся, такимъ образомъ, для меня весьма удобный случай интервьюировать, притомъ—но очень близкому, интересному дѣлу. Но тутъ-то и сказала роковая черточка въ характерѣ моего новаго знакомаго: какая-то мрачная опасливость и полное недовѣріе къ новому, передовому, прогрессивному движенію въ духовенствѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ, за чайкомъ, удалось мнѣ вызвать на откровенную бесѣду о Порфиріи. Онъ охотно распространялся о дѣлахъ своего сѣзда, придавая имъ своеобразное освѣщеніе.

— Про нашъ передовой сѣздъ только и говорятъ: „серьезно работаетъ“, и каждый изъ насъ, депутатовъ, убѣжденъ про себя, что и онъ тутъ тоже „работаетъ“ серьезно, самостоятельно. Даже гордость своими заслугами предъ потомствомъ овладѣла теперь нами чуть не поголовно. А знаете ли, кто на самомъ-то дѣлѣ „работаетъ“ и всѣ дѣла въ одну сторону гнѣтъ? Да предсѣдатель, и еще старичекъ тутъ одинъ!.. Предсѣдателя выбрали смѣлаго, передового, которому за послѣдствія бояться нечего,—бываютъ и у насъ такіе счастливицы,—да старичка-то изъ подъ-спуда выкопали,—обиженный человѣкъ, всю жизнь терпѣлъ отъ начальства за передовое направленіе; вотъ и пошла писать епархія! Архіерея оскорбили, съ консисторіей поссорились, семинаріи отказали въ пустячныхъ просьбахъ, обидныхъ указаній не давали... да всего и не перечислить,—однимъ словомъ, „наработали“. Имъ-то что? Они сами за себя не опасаются, знаютъ, что съ ними ничего не подѣлаетъ начальство: слово такое знаютъ. и положеніе ихъ особенное. А вотъ мы-то, рядовые депутаты, и вообще духовенство, навѣрное, поплачѣмся. Отзовется этотъ нашъ сѣздъ на епархіи!

— О. Порфирій, пощадите, пожалуйста!—неволью вырвалось у меня: ваши слова способны напугать хоть кого... Только какъ же иначе могъ бы поступить сѣздъ! Нельзя же, при серьезномъ отношеніи къ дѣлу, обойтись безъ столкновеній и противорѣчій, никого не задѣть. Иначе въ чемъ же будетъ самостоятельность, независимость? Достаточно съ насъ и прежнихъ сѣздовъ, когда одобряли и принимали все, что ни предлагалось на обсужденіе, а по своему почину не смѣли поднять ни одного вопроса. Слава Богу, прошла та пора!..

— Прошла ли только? Не вѣрится что-то,—скенитически замѣтилъ мой собесѣдникъ,—а вотъ причины страха іудейскаго остались и теперь для нашего брата. Это на сѣздѣ, въ собраніи гдѣ-нибудь позабудемся мы и храбримся, а вышелъ оттуда въ одиночку, тутъ тебя и по шанкѣ! Что толку въ такой напускной храбрости? А страхъ іудейскій, какъ ни говорите, вполне основателецъ. Опасно и тяжело навлечь на себя немилость, нерасположеніе начальства, худо впасть въ руки разгнѣванной консисторіи, не очень-то спокойно имѣть дѣтей въ семинаріи, разъ ся власти и воспитатели раздражены противъ родителей.

— Силенъ же, однако, въ васъ этотъ страхъ... А мнѣ кажется, почему бы не рѣшиться и претерпѣть за правое дѣло?.. Не сѣдять же. Да притомъ это, вѣдь, на первыхъ порахъ, по непривычкѣ та сторона принимаетъ нашу независимость и самостоятельность за личную обиду. Потому наши же власти рады будутъ, что мы умѣемъ сами о себѣ думать и заботиться. Повѣрьте, такъ будетъ: лучше же стоять во главѣ самоопредѣляющихся существъ, чѣмъ безпомощныхъ младенцевъ. Какъ не радоваться, что наши младенцы подросли и заговорили!..

— Эхъ, отецъ, отецъ!—ни мало не сдавался о. Порфирій: было бы за что претерпѣвать, — за свои убѣжденія что ли, или ради будущей пользы отъ нашего противленія?.. Я говорилъ уже, кто у насъ „работаетъ“, ну, тѣ-то, можетъ быть и вправду имѣютъ убѣжденія и во имя ихъ тянутъ насъ, куда хотять. Да нѣтъ! И этому я не вѣрю: просто, охота предъ всѣми показаться передовыми, заслужить кой отъ кого газетную славу, вотъ и тянутся въ хвостъ свѣтской интеллигенціи: и у насъ, молъ, взгляды и стремленія тѣ же. А чтобы весь сѣздъ у насъ дѣйствовалъ продуманно, убѣжденно, этому не вѣрьте, этого и быть не можетъ. Одно ужъ поразительное единодушіе наше, повальное согласіе сѣзда со своими руководителями по всѣмъ вопросамъ—прямо сомнительно, напоминая этимъ свойствомъ классическое панур-

гово стадо... Тѣмъ пока и можно утѣшаться, что наши резолюціи, дасть Богъ, не скоро смогутъ осуществиться, а то такъ и останутся памятникомъ пріятнаго время препровожденія о.о. денутатовъ. Иначе, страшно и подумать, что бы вышло изъ нашей работы!.. Не подобало бы намъ, духовенству, увлекаться общимъ либеральнымъ движеніемъ, по ложной дорогѣ ударились, и если не сдержимся во время, худо намъ будетъ: остатки повредимъ своему прямому духовному дѣлу, и Церкви будетъ только ущербъ. Да напрасно и стараемся: все равно не полюбятъ насъ, не признаютъ за своихъ заправскіе свѣтскіе либералы. Повѣрьте!..

Чѣмъ больше говорилъ о. Порфирій, тѣмъ становилось яснѣе, что онъ ни мало не вѣритъ ни въ искренность, ни въ плодотворность передоваго движенія въ нашемъ духовенствѣ, даже хуже—и въ ближайшемъ и въ отдаленномъ будущемъ ожидаетъ отъ этого движенія много вредныхъ послѣдствій. Не хотѣлось соглашаться съ его мрачными сужденіями, но оспаривать ихъ въ этотъ разъ не пришлось. О. Порфирію пора было отправляться въ слѣздъ на вечернее засѣданіе, и нашъ разговоръ остался не оконченнымъ.

III.

На другой день, который еще суждено было мнѣ провести въ городѣ, нашъ разговоръ возобновился.

— Такъ какъ же, о. Порфирій: вы по прежнему настаиваете, что намъ, духовенству, не слѣдъ было примыкать къ общерусскому современному движенію, а держаться въ сторонѣ, и что этимъ увлеченіемъ мы только навредимъ себѣ?..—Навелъ я своего собесѣдника на его послѣднюю мысль, которую вчера онъ высказывалъ съ такой рѣшимостію.—Но не будетъ ли жестокостью съ вашей стороны лишать духовенство права заботиться и думать объ улучшеніи и обновленіи своего состоянія, разъ всѣ прочія сословія и группы нашего общества стремятся къ тому же. Если тамъ признана необходимость коренныхъ реформъ, то, думается, и

намъ не грѣхъ измѣнить отжившія, обветшалыя формы своего существованія. Вѣдь къ тому и стремится нашъ стѣздъ...

— Хорошо, если бы стремился обдуманно и не патагивалъ одежды съ чужаго плеча, не разсудивъ, подходитъ ли будетъ! То-то и худо, отецъ, что стѣздъ-то нашъ за людьми гонится.—Опять съ упорствомъ повелъ свою линію о. Порфирій.—Что тамъ, въ другихъ сословіяхъ, можетъ быть и вправду полезно и нужно, то у насъ окажется вовсе неподходящимъ. А мы настаиваемъ:—будь по нашему... Такъ порѣшили у насъ скоро и либерально съ духовнымъ образованіемъ. Къ чему эти училища и семинаріи, гдѣ съ малыхъ лѣтъ приучаютъ дѣтей нашихъ насильно къ церковности, въ ущербъ свѣтской наукѣ наполняютъ ихъ головы преждевременно религіозными знаніями? Какая отсталость—забывать бѣдныхъ ребятъ! Оттого они и не идутъ въ священники, что еще въ семинаріи надѣдаетъ имъ излишняя церковность... И съ чужого ума живо послѣла реформа: переустроить духовную школу по типу свѣтскихъ гимназій, безъ церковности, безъ богословскихъ предметовъ. А для приготовленія священниковъ довольно особыхъ церковно-богословскихъ двух-трех-лѣтнихъ курсовъ: пусть на нихъ обучаются тѣ, кто по окончаніи гимназій надумаетъ идти въ священники! Не правда ли, какъ просто и безжалостно управились мы со своей alma mater, со своей духовной школой, которая создавалась вѣками, имѣла свой особенный обликъ, которая давала и доселѣ даетъ Церкви и государству тысячи, десятки тысячъ убѣжденныхъ, честныхъ и стойкихъ слугъ и работниковъ, и съ легкимъ сердцемъ рѣшили замѣнить ее свѣтской гимназіей. Не подумали только объ одномъ: каковы будутъ священники изъ свѣтскихъ гимназистовъ, выросшихъ безъ вліянія церковности на однѣхъ свѣтскихъ наукахъ и познакомившихся съ церковно-богословской наукой только на кратковременныхъ курсахъ, въ родѣ бухгалтерскихъ? Предполагать, что пойдутъ на эти курсы гимназисты по убѣжденію или по призванію, было бы странно: откуда это вдругъ по-

явится такое призваніе у молодежи, прошедшей свѣтскую школу?! Проще и вѣрнѣе предположить, что полѣзуть туда разные неудачники да еще молодые люди, увлекшіеся мечтами о завидномъ и безпечномъ поповскомъ житьѣ. И если мы, съ младыхъ ногтей воспитанные нарочито для служенія Церкви, не всегда оказываемся на высотѣ призванія, то про тѣхъ, будущихъ пастырей, и говорить нечего! Нѣтъ, не сладкіе плоды принесетъ эта скороспѣлая реформа въ духѣ времени...

О. Порфирій, видимо, утомился продолжительной рѣчью. Онъ смолкъ и погрузился въ задумчивость, но не надолго. Скоро опять полилась его скорбная рѣчь въ нѣсколько пониженномъ тогѣ.

— Но пусть ихъ съ этой коренной ломкой училищъ и семинарій: когда-то она еще осуществится! А вотъ другія постановленія съѣзда насчетъ управленія и распорядка въ тенерешней духовной школѣ гораздо ближе къ дѣлу и тоже хороши въ своемъ родѣ. Къ чему, напримѣръ, порѣшили не быть монахамъ ни начальниками, ни воспитателями? Этакая, подумаешь, петеринность къ ангельскому чину, явно навѣянная со стороны и выраженная въ угоду неизвѣстно кому! Или тактичны ли громкія, торжественныя требованія возможно-широкой свободы и самостоятельности для семинаристовъ, утонченно-деликатнаго обращенія съ ними и другія, въ томъ же родѣ, либеральныя претензіи? И не боимся мы, родители, что наши дѣти выразятъ сочувствіе и солидарность съ нами какъ-нибудь по-своему—забастовкой или бунтомъ!.. А вѣдь это такъ возможно по нынѣшнемъ смутнымъ временамъ, и кто тутъ будетъ виноватъ?..

Теперь я слушалъ о. Порфирія покорно, не пытаясь возражать. Последнее было бесполезно. Оставалось одно—ждать, не выскажется ли мой собесѣдникъ самъ хоть по одному вопросу, затронутому на съѣздѣ, съ радостной, свѣтлой надеждой. Но мое ожиданіе не оправдалось: до конца вѣреми: себѣ остался о. Порфирій.

— Расскажу ужь вамъ кстати,—продолжалъ онъ повѣствовать,—что мы наработали въ сѣздѣ сегодня. Предсѣдателемъ нашимъ вкупѣ съ архивнымъ старичкомъ-депутатомъ, про котораго говорилъ я вначалѣ, поднять былъ вопросъ о выборномъ началѣ. Вотъ гдѣ открылся просторъ показать свою прыть нашимъ руководителямъ, и разошлись же на славу, можно сказать—себя не пощадили! Было рѣшено и подписано: признать выборный принципъ самымъ плодотворнымъ началомъ какъ въ политической, такъ и въ общественной и церковной жизни, а потому широкое примѣненіе его ко всѣмъ сторонамъ жизни духовенства—крайне желательнымъ и необходимымъ. Выбирать, такъ выбирать,—всѣхъ и вся: желательны выборные приходомъ священники, выборные духовенствомъ благочинные, духовники, судьи, члены консисторіи, даже архіереи! Чуть не половина изъ насъ—благочинныхъ, знаютъ, что при выборахъ имъ предстоитъ капуть, а молчать и подписываютъ; всѣ мы—священники и понимаемъ, что худо придется намъ, когда станутъ вертѣть намъ, какъ пѣшками, выбирать и браковать насъ мужички и разношерстные граждане, и тоже—всѣ соглашаемся! Что жь изъ того? Было бы по-современному: владѣйте нами, распоряжайтесь въ церковныхъ дѣлахъ, только не считайте насъ отсталыми, полюбите насъ!.. И любить, какъ же... Снасиба не скажутъ, какъ станутъ хозяевами, развѣютъ церковныя сбереженія на свои нужды. Давно ужь, вѣдь, подбираются передовые господа къ церковной собственности. А мы-то и рады: получите, господа, безъ росписки! Эхъ, отецъ, не по настокщей дорогѣ пошли мы, не добрую игру затѣяли себѣ на погибель...

Безрадостныя lamentаціи о. Порфирія на этомъ кончились. Больше не пришло мнѣ слушать его за отъѣздомъ изъ города. Но и теперь словно слышится мнѣ его рѣчь, его опасенія, его жалобы, и думается: сколько, быть можетъ, среди насъ таится подобныхъ мучениковъ рефлекса, ко всему въ жизни относящихся съ опаскою, съ недоувѣріемъ,нося-

ницхъ въ сердцѣ предчувствіе близкихъ бѣдъ и напастей! И тутъ же предательски прокрадывается мысль: а что, если о. Порфирій въ нѣкоторой степени правъ? И я ловлю себя на ней, стараюсь всячески отогнать ее отъ себя... Неужели же во всѣхъ насъ шевелится этотъ неумирающій червь!.. Но вотъ вопросъ: какъ намъ быть съ противоположной крайностію, которая является плодомъ протеста и борьбы съ этимъ неумирающимъ червемъ? Не нужно закрывать глазъ предъ совершающимися фактами, нельзя умалчивать и о дѣйствительныхъ увлеченіяхъ, крайностяхъ и излишней радикальности въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ передовой части нашего духовенства. Но будемъ надѣяться, что при нѣкоторомъ само-наблюденіи и внимательности, всѣ эти крайности исчезнутъ, не оставивъ слѣда, а все доброе, свѣтлое, жизненное, къ чему мы стремимся, получить крѣпость и силу и широкое распространеніе!

С. А. В.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года января 8-го дня.

Содержаніе: Духовенство въ современной беллетристикѣ.—Умѣстенъ ли въ настоящее время религіозный пессимизмъ?—Передовое начинаніе (разсказъ).

Духовенство въ современной беллетристикѣ.

Есть особенная манера изображать жизнь и человѣческіе типы. На ярмаркахъ случается видѣть дешевый балаганъ, по крышѣ котораго расхаживаетъ раскрашенный клоунъ. На потѣху празднои толпы онъ корчитъ рожи на всевозможные лады, неистово оретъ и „представляетъ“... И ужъ если онъ возьмется представлять нѣмца, то непременно—съ колбасой и кружкой пива, еврея—въ ермолкѣ и съ обезьяньими ужимками и т. д. То же бываетъ и на лубочныхъ дешевенькихъ юмористическихъ картинкахъ.

Есть и въ литературѣ подобное клоушество и такая же живопись. Эта литература составляетъ богатство толкучихъ рынковъ; но въ послѣднее время она постепенно проникаетъ и въ „чистую“ беллетристическую область. Это, конечно,

характерно для вкуса современной читающей публики и степени пониманія эстетическихъ идеаловъ тѣхъ, кто руководить художественнымъ воспитаніемъ общества.

Не высокая честь открыть своими произведеніями начало такого печальнаго упадка современной беллетристики принадлежитъ безспорно теперь уже не безызвѣстному г. Гусеву-Оренбургскому, сборникъ разсказовъ котораго пустило въ торговый оборотъ товарищество „Знанія“.

Мы увѣрены, что если бы не особые сюжеты, въ которыхъ спеціализировался г. Гусевъ-Оренбургскій, съ своимъ писательскимъ талантомъ онъ не пошелъ бы дальше латературныхъ задворковъ и навсегда опочилъ бы въ фельетонныхъ отдѣлахъ какой-нибудь плохенькой газетки, органа охотно-ридцевъ и лакеевъ.

Къ счастью для себя, онъ началъ весьма своевременно на такую благодарную тему, которая заставила простить ему его художественную безграмотность и даже подняла его на литературные верхи: онъ выступилъ въ рядъ разсказовъ, какъ изобразитель быта современнаго русскаго духовенства. При теперешнемъ спросѣ на свѣдѣнія изъ малоизвѣстной обществу среды духовенства нельзя не признать выборъ литературнаго амбула г. Гусева-Оренбургскаго удачнымъ. Теперь сюжеты изъ быта духовенства въ большой модѣ. Духовенствомъ русскимъ очень интересуются. Печально, что интересуются нѣсколько своеобразно,—не интересомъ спокойнаго изслѣдованія, а напряженнымъ любопытствомъ дурнаго тона, жаждою увеселительныхъ зрѣлищъ. Иные по простодушному невѣжеству, большинство же по сознательному чувству давнишней антипатіи ко всему, что отдаетъ „лампаднымъ масломъ“, съ худо скрываемымъ удовольствіемъ готово безъ конца слушать развязныхъ забавниковъ, съ легкою душою рассказывающихъ пикантные анекдоты о „попахъ“...

Грустно, но это такъ: видимо еще долго нашему обществу придется расти въ смыслѣ серьезнаго отношенія съ своимъ собственнымъ грѣхамъ и болѣзнями, прежде чѣмъ оно

научится трезво и разсудительно понимать себя и окружающую его сложную и запутанную жизнь. А пока что—мы обречены на печальный удѣлъ разбираться съ неприятнымъ чувствомъ въ огромной массѣ лжи и недобросовѣстной клеветы, нагроможденной вокругъ нашей пестрой жизни любителями легкой популярности и дешевыхъ лавровъ.

Съ такимъ именно чувствомъ приступаемъ мы и къ обзору той нескладной неправды, которая водила рукою г. Гусева-Оренбургскаго, когда онъ составлялъ свои многочисленныя „разказы“ о русскомъ духовенствѣ. Кто такой г. Гусевъ-Оренбургскій, мы доподлинно не знаемъ. Обозрѣватель его „разказовъ“ въ журналѣ „Образованіе“ утверждаетъ, что г. Гусевъ-Оренбургскій „знаетъ быть духовенства, какъ мало кто знаетъ изъ нашихъ беллетристовъ“. Можетъ быть, и знаетъ. Прочитывая его разказы, получаешь впечатлѣніе, что онъ дѣйствительно знаетъ много о духовенствѣ. Но чтобы онъ былъ знакомъ съ бытомъ духовенства, какъ мало кто изъ нашихъ беллетристовъ,—утверждать это, послѣ того какъ всѣмъ извѣстны „Соборяне“ Лѣскова или, еще ближе, „Разказы о прошломъ“ Елнатвевскаго, немного рискованно. Затѣмъ, знать и вѣрное знаніе перенести въ содержаніе истинно художественнаго очерка—вещи не одинаковыя. Есть большая разница въ этомъ смыслѣ между правдивымъ, вѣрнымъ художественному чутью талаптливымъ писателемъ, отливающимъ извѣстный бытовой сюжетъ въ форму изящнаго произведенія, сильнаго цѣлостностью правдиваго впечатлѣнія, и плохимъ юмористомъ, который, по бѣдности ли истиннаго дарованія, или по инымъ какимъ-либо побужденіямъ, тотъ же сюжетъ разрисовываетъ карикатурными линиями и нелѣпо кричащими мазками.

Можно родиться въ духовной средѣ, быть самому священникомъ, знать жизнь духовенства, какъ свои пять пальцевъ, и въ то же время, въ литературномъ изображеніи этой жизни быть въ лучшемъ случаѣ бѣдною посредственностью, разъ въ наличности не имѣется ни художественнаго

дарованія, ни простого желанія добросовѣстно фотографировать. Чего меньше у г. Гусева-Оренбургскаго: дарованія или добросовѣстности, не легко сказать. Въ сюжетахъ „не духовныхъ“, когда г. Гусевъ-Оренбургскій усиленно старается писать подъ Короленка или М. Горькаго, у него попадаются еще нѣчто терпимое. Но разъ онъ пускается на своей литературной ладѣ въ плаваніе по облюбованному морю „духовнаго быта“, онъ сразу утрачиваетъ всякую мѣру правды и простой деликатности къ художественному чувству читателей. И нужно много усилій заставить себя отказаться отъ естественно возникающаго подозрѣнія, что у генія, вдохновляющаго г. Гусева-Оренбургскаго въ его творчествѣ, для духовенства русскаго остались одни только слова,—слова намереннаго и рассчитаннаго извѣта и упрямаго издѣвательства.

Кошмарное удушье тѣснить грудь, когда прочитаешь до конца „разказы“. Получается почти физическое ощущеніе какого-то угара. Мелькаетъ предъ глазами безсвязная толпа отвратительныхъ уродовъ,—то тучныхъ, съ колыхающимися отъ смѣха толстыми животами и лоснящимися отъ жира пошлыми лицами, то сухихъ какъ жерди, въ „поповскихъ балахонахъ“; безконечные столы, уставленные яствами и питіями; звонъ рюмокъ, безтолковый, нескладный шумъ голосовъ, выкрикивающихъ пьяныя шутки и прибаутки, густо пересыпанныя подъ часъ до смѣшнаго нелѣпыми славянскими „яко“, „вельми“, „вкуси“, „вскую“, „велія превратность“, и надъ всѣмъ этимъ пьяный чадъ, табачный дымъ и промозглый запахъ горькой...

Безпросвѣтное пьянство, жадность и славянскія изреченія... Какъ видите, тотъ же нѣмецъ съ колбасой и шивомъ. И это почти все на протяженіи сотенъ страницъ. Даже тамъ, гдѣ авторъ старается перейти отъ „скверныхъ анекдотовъ“ къ изображенію „положительныхъ“ типовъ духовенства, онъ какъ-то быстро ослабѣваетъ и сбивается на излюбленный балаганный шаблонъ, такъ что и хорошій по началу (или,

по крайней мѣрѣ, по заглавію) замысль разрѣшается въ-пустую.

Читаешь, и на сердцѣ накапливаетъ жгучее негодованіе, сразу не разберешь на кого: на клоунствующаго ли автора, цинически размалевывающаго свои отвратительныя картинки и съ видимою пріятностью смакующаго ихъ грязь, или на нестерпимое дѣйствительное зло жизни нашего пастырства, проклятіемъ какимъ-то тяготѣющее надъ его несчастной исторіей и дающее, какъ-ни-какъ, многочисленныя поводы для „беллетристическаго“ глумленія надъ собою. Наконецъ, послѣ тяжелаго раздумья, успокаиваешься на странномъ утѣшеніи: а можетъ быть, думаешь, это и хорошо. Пусть распинаютъ, пусть глумятся и, чѣмъ ожесточеннѣе, тѣмъ, пожалуй, лучше. Не для мѣдныхъ же, въ концѣ концовъ, лбось, не для деревянныхъ же ушей и душъ ишутся эти пошлые анекдоты. Неужели же весь эффектъ ихъ уйдетъ въ то только, чтобы на минуту-другую позабавить общество веселымъ балагурствомъ. Тогда что же это за общество, если оно такъ мелко въ своемъ нравственномъ чувствѣ, что не въ состояніи усмотрѣть потрясающей жизненной драмы тамъ, гдѣ благодушно невѣжественный авторъ желаетъ видѣть только смѣшной фарсъ? Пусть смѣшливые любители пикантнаго побалуютъ себя г-номъ Гусевымъ-Оренбургскимъ въ качествѣ десерта за доброй сигарою и ликеромъ... Но не всѣ же понимаютъ жизнь въ смыслѣ легкокрылаго эпикурейства. Дойдетъ же г. Гусевъ-Оренбургскій со своею фальшиво скрынучею балалайкой до серьезно думающей части общества (а онъ, конечно, дойдетъ, потому что волею судебъ говоритъ въ большую публику съ высокой кафедрой). И, можетъ быть, тогда правда жизни скажется духовенству русскому не словами огульнаго осужденія, а и честнымъ словомъ состраданія и мягко жалости. А это уже тайло бы и нѣкоторыя свѣтлыя надежды...

Потомъ, обидная, не покрытая ничѣмъ, до ужаса подъ часъ вопіющая правда полной неустроенности жизни нашего духовенства, обезпечившая литературную славу г. Гу-

севу-Оренбургскому, должна же тоже достучаться, наконецъ, въ ту дверь, за которою лежатъ, вотъ уже два столѣтїя, ключи отъ счастья нашего пастырства, и породить за этою дверью спасительную тревогу?..

Въ размариваемомъ сборникѣ „разказовъ“ г. Гусева-Оренбургскаго посвящено изображенію быта духовенства тринадцать очерковъ. Всѣ они въ большей или меньшей степени—одни съ особенною яркостью (въ смыслѣ хлесткости), другіе съ меньшей—касаются однихъ и тѣхъ же темъ. Всѣ они написаны съ цѣлью показать, какъ безнадежно наше духовенство для возложеннаго на него дѣла. Въ частности, на разные лады доказывается, какъ наше духовенство тупо въ умственномъ отношеніи и безобразно въ нравственномъ. Въ послѣднемъ случаѣ съ особенною любовью и мастерствомъ своего рода изображается пьяная жизнь духовенства: здѣсь является возможнымъ даже измѣнить нѣкоторыя заглавія разказовъ, напр., такъ: а) Какъ лжетъ по-неволѣ русскій священникъ и пьетъ съ станичнымъ атаманомъ („о. Памфиль“); б) Какъ безобразно пьетъ о. діаконъ („Обида“); в) Какъ пьянствуетъ у добраго батюшки дяконъ и фельдшеръ („Капитанъ Кукъ“); г) Какъ классически хорошо пьютъ на праздникѣ у хлѣбосольнаго батюшки гости духовные, („Идеалистъ“); д) Какъ хорошо пьетъ и приговариваетъ о. благочинный, угощая подчиненнаго ему батюшку („Худая молва“). Есть и такіе разказы (Пастырь добрый, Капитанъ Кукъ и Идеалистъ), въ которыхъ авторъ дѣлаетъ попытки (какъ увидимъ ниже, не вполне удачныя) дать положительные типы духовенства.

1. О. Памфиль нравственно грубъ и благодушно циниченъ. Къ нему приходитъ до нищенства бѣдный казакъ, просить „отпѣть“ мертворожденнаго ребенка. Казакъ убить почти наловаль неудачливою жизнью: истощенный, со впалою грудью, съ опустившимися плечами, полуголодный, онъ живетъ въ ободранной хатѣ съ больною женой, родившею уже третьяго мертваго ребенка. Положеніе несчастнаго таково,

что способно тронуть и каменное сердце. Но у о. Памфила, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно бьется сердце, ничего нѣтъ, даже и камня, и потому онъ не находитъ въ своемъ лексиконѣ почти ни одного сочувственнаго слова бѣдняку. Увидѣвши „избушку надъ оврагомъ, въ одно окно, наполовину ушедшую въ землю“,—избушку, вокругъ которой не было ни плетня, ни строеній, и на которой вмѣсто крыши возвышалась, какъ черный палецъ, указывающій въ небо, высокая, закопченная и полуразвалившаяся труба, онъ спокойно спрашиваетъ Илью (казака):

— „А словно у тебя, Илья, крыша была, когда намедни мертвенькій родился?..“

— Была!.. съ трудомъ выговорилъ Илья, трясаясь отъ мороза. Пожгли... То и се было... Плетни... Все пожгли... Ишь морозы-то“... О. Памфилъ — ни слова... Онъ вошелъ въ какую-то дрянную, холодную дыру—комнату, увидѣлъ лежащую на лавкѣ женщину, худую, съ потемнѣвшимъ отъ страданій лицомъ, съ черными, грустными глазами. Прикрытая кучею тряпокъ и остатковъ одежды, женщина трепетала отъ мелкой дрожи и приступовъ кашля, потрясавшихъ ея безсильное тѣло“... Что передумала эта страдалница, лежа на своемъ гробовомъ помостѣ и глядясь своими „черными грустными глазами“ вокругъ себя и въ свое будущее, что почувствовала,—сколько муки необлегченной, горя неизбывнаго перенесло ея сердце!.. Какъ нуждалась она въ ласковомъ, мягкомъ сочувственномъ словѣ сейчас! Какъ, вѣроятно, она и ждала этого слова отъ того, кто призванъ быть проповѣдникомъ любви и апостоломъ состраданія?.. Увы! она ошиблась. О. Памфилъ „отчиталъ“ молитву и... вмѣсто утѣшенія нашелся сказать только такую... трудно даже опредѣлить... грубую пошлость или жестокую наивность.

— Однако, и погребъ у васъ! Какъ это вы живете въ такомъ холодѣ! Чего жъ ты, Илья, печку-то не топишь? Заморозить бабу хочешь?“—И это послѣ того, какъ онъ видѣлъ самъ вмѣсто крыши „черный палецъ, указывающій въ небо“,

послѣ того, какъ Илья „съ трудомъ выговорилъ ему“, куда пошли плетень, „то и се“ и крыша.

Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... Илья объясняетъ „батьюшкѣ“, что гробикъ младенцу кое-какъ смастерилъ изъ послѣдней скамейки. Поймите весь рыдающій ужасъ этого маленькаго факта? И что же!.. О. Памфиль нашелъ глазами маленькій гробикъ на окнѣ, поставленный туда за неимѣніемъ другого мѣста... и... вы думаете, сердце его сжалось отъ боли, глаза затуманились слезою? О, нѣтъ! Онъ опять ведетъ дѣловой разговоръ (это неподобная по невѣроятной нелѣпности сцена).

— Отчего это у тебя, Наталія, все мертвенькіе?..

— Богъ вѣсть, батюшка,—вяло сказала женщина...

— Вѣдь это уже третій?..

— Третій, батюшка...

Дальше—просто что-то чудовищно-безобразное... О. Памфиль, мало того, что безнадежно нравственно тупъ, онъ безстыдно циниченъ... Послѣ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ этомъ ужасномъ склепѣ невыплаканнаго, страшнаго горя, у него поворачивается языкъ сказать такую гнусную дикость:

— „Грѣшники вы! За грѣхи Богъ наказуетъ. Каяться надо! Молитесь! Вотъ Елизавета тоже неплодною была!“...

И... все!

Если это козырь, съ котораго думалъ красиво выйти г. Гусевъ-Оренбургскій въ своей игрѣ ошельмованія духовенства, то, нужно признаться,—козырь это довольно плохой. Даже ослѣпленному крайнимъ нерасположеніемъ къ духовенству, думается, станетъ неловко при чтеніи этихъ наивныхъ несообразностей.

Дальше сцена—въ томъ же родѣ. Провожавшій о. Памфила Илья бросается батьюшкѣ въ ноги и съ „страстностью“ умоляетъ его о милосердіи,—ради умирающей бабы просить позволить ему съѣздить на его Гнѣдомъ въ заповѣдный лѣсъ нарубить дровъ и обогрѣть хату. Уже одно неестественно, что священникъ, какъ бы грубъ онъ ни былъ, уходитъ спо-

койно изъ хаты бѣдняковъ, даже не подумавши въ виду особенной, вопіющей, исключительной ихъ бѣдности, какъ бы помочь имъ—изъ своего ли дровяного запаса, или отъ сосѣдскаго добра.—Еще неестественнѣе представляется то, что изображаетъ, какъ нѣчто возможное, авторъ далѣе... Ни вопли, ни слезы, ни упоминаніе объ умирающей—не трогаютъ жестокосердаго батюшку. Батюшка боится „нажить себѣ хлопотъ“ и, попирая грубо страданія человѣка, слѣшитъ уйти домой. Но вотъ, достаточно было бѣдному казаку пообѣщать, что онъ перевезетъ батюшкѣ ометъ за Гнѣдого, и... „батюшка пріостановился, подумалъ немного и тихо сказалъ: приходи!“

Мало того, батюшка теперь, вопреки всѣмъ даннымъ своей печеловѣческой натуры и въ явный ущербъ правдивости впечатлѣнія, созданнаго авторомъ предшествующими картинами, позволяетъ себѣ обнаружить человѣчныя чувства: разрѣшаетъ Ильѣ взять оханку дровъ изъ своего сарая... и истопить печку для больной... „Только ты, Илья, не забудь ометъ-то“—прибавляетъ онъ.

И такъ, ради омета батюшка рѣшается и на нѣкоторое милосердіе и на участіе въ воровствѣ казенныхъ дровъ; то, что не могли сдѣлать потрясающіе душу ужасы нищеты и смерти—сдѣлало одно упоминаніе объ ометѣ.—Слишкомъ же дешево цѣнить г. Гусевъ-Оренбургскій душу человѣческую, даже и не любезную ему душу священническую, и слишкомъ мало церемонится съ элементарными требованіями провопоподобія. Много нужно имѣть наивности, чтобы прочитавъ знаменитыя строки объ ометѣ безъ улыбки.

Съ чувствомъ непріятной неловкости за автора читаются и дальнѣйшія строки разсказа. Гвоздь анекдота въ томъ, что батюшка попалъ таки въ хлопоты: Илью поймалъ станичный съ полицнымъ, когда онъ возвращался уже изъ лѣса. Батюшка заволновался. Страхъ его за себя усилился, когда атаманъ станицы, поймавши „вора“, попросилъ у батюшки объясненія, какимъ образомъ Илья совершилъ кражу на его

Гнѣдомъ. Кое-какъ отговорившись и отстранивши отъ себя подозрѣніе, батюшка все же не могъ долго успокоиться. Но не то по первому разу его беспокоило, что несчастный человѣкъ крайнею нуждою вовлечень былъ въ преступленіе, не то, что этому человѣку предстояло тяжкое наказаніе—ссылка во второй отдѣлъ, т. е. полное разореніе, не то, что тутъ шла рѣчь о смерти больной женщины и гибели ея мужа, а беспокоила непріятность за себя. И опять таки за тотъ же все пресловутый ометъ. Работникъ батюшкинъ—сострадательная душа—Федоръ, оказывается ангеломъ по сравненію съ батюшкой: онъ жалѣетъ Илью, рассказываетъ, какой душевный нарень, золотой человѣкъ Илья, какъ ужасно потрясла его жизнь и непрерывныя неудачи. И въ заключеніе прибавляетъ: „а теперь пропаль!“... Что же о. Памфиль? О. Памфиль слушалъ, задумавшись и взявъ бороду въ кулакъ.—„И ометъ мой пропаль“,—сказалъ онъ, печально едва не выдавши себя работнику. О чемъ онъ думалъ, когда держалъ бороду въ кулакѣ, кто его знаетъ. Но изъ слѣдующаго ясно, что Федоръ оказался хорошимъ наставникомъ для батюшки. Эта простая жалостливая душа безсознательно подсказала батюшкѣ съ атрофированнымъ нравственнымъ чувствомъ, что вѣдь нужно же въ концѣ концовъ пожалѣть бѣдняка. И батюшку беретъ рѣшимость (совсѣмъ ужъ психологически необъяснимая съ точки зрѣнія автора)—выручить Илью. Онъ зазываетъ къ себѣ атамана, признается, что Илья для него воровалъ дрова и улаживаетъ все дѣло, пойдя на мировую съ атаманомъ, съ которымъ у него вышла передъ тѣмъ маленькая размолвка. Вспомнили прежніе друзья старину, хорошенъко выжили, и... Илья былъ спасень.

Разсказъ заключается комически-риторическою фигурою „единоокончанія“. Выпившій на радостяхъ (хотя откуда бы взять ему денегъ на вино?) или охьяненннй радостью (не разберешь ясно), Илья изливаетъ на колѣняхъ свою благодарность о. Памфилу. Батюшка отмахивается отъ пьяненькаго,

выводить изъ дверей и вслѣдъ ему кричить: „Иль-я! Не забудь завтра... ометь-то!“...

Вотъ и весь о. Памфилъ, сшитый на бѣлую нитку и, при всѣхъ условіяхъ дать въ немъ отчетъ, расплывающійся въ туманный призракъ не то какого-то несообразнаго чудовища, не то шута плоскаго: жизненныхъ красокъ на немъ нѣтъ; изъ всѣхъ щелей этой легендарной фигуры, во всѣхъ ея неуклюжихъ движеніяхъ и рѣчахъ выплываетъ ясно до утомительности одна недобрая тенденція автора—бросить погуще грязью въ лицо того жалкаго сословія, о которомъ всякое худое слово можетъ сойти за правду.

Свящ. *Евг. Капраловъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Умѣстенъ ли въ настоящее время религіозный пессимизмъ ¹⁾?

На страницахъ нашего журнала мы уже отмѣтили однажды „нашу болѣзнь“, которою такъ не во-время болѣетъ духовенство,—неумѣстность пессимизма въ дѣлѣ Церкви, несвоевременность то и дѣло раздающихся рѣчей о всемъ томъ, что такъ или иначе способствуетъ упадку духа въ нашемъ духовенствѣ.

Къ глубокому сожалѣнію, приходится замѣчать, что безотрадныя мысли о мрачныхъ сторонахъ современной религіозно-нравственной жизни на святой Руси не перестаютъ волновать умъ мыслящихъ и наблюдающихъ русскихъ православныхъ людей, не только не перестаютъ, но съ каждымъ днемъ прогрессивно увеличиваютъ свою силу и приводятъ въ результатъ къ религіозному пессимизму.

Не станемъ отрицать, что православный наблюдатель мало отраднаго найдетъ въ современной религіозной жизни

¹⁾ По поводу „Записокъ правосл. наблюдателя въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“. Сент. 1905 г. кн. 2.

для своихъ наблюдений, что наша православная цивилизація мало похожа на истинную цивилизацію, дѣйствительно облагораживающую и поднимающую нравственный уровень чело-вѣка, что, пожалуй древне-христіанскія гоненія блѣднѣютъ предъ современнымъ тонко-изопреннымъ преслѣдованіемъ христіанства, что, словомъ, настали для Церкви „времена люта“; но отсюда, по нашему скромному разумѣнію, еще далеко до безотраднaго взгляда на современную религіозно-нравственную жизнь св. Руси. Такой пессимистическій взглядъ на положеніе дѣлъ можетъ оказаться преждевременнымъ, если только не окажется совершенно неумѣстнымъ.

„Нѣтъ худа безъ добра“. Пословица эта примѣнима и здѣсь. И думается, что дѣйствительно религіозно-нравственная жизнь на св. Руси не такъ ужъ мрачно—безотраднa, какою ее представляютъ, что рядомъ съ темными ея сторонами кроются и свѣтлыя, которыя тѣмъ замѣтнѣе станутъ, чѣмъ станетъ темнѣе общій фонъ. Долгъ пастыря—подмѣтить эти свѣтлыя стороны, обратить на нихъ должное вниманіе и ни въ коемъ случаѣ не дать имъ затеряться въ общей непроглядной тьмѣ. Въ этомъ случаѣ, пессимизмъ всего менѣе умѣстенъ. Онъ будетъ только отнимать энергію у „дѣлателей нивы Божіей“, а ея-то, этой энергіи, всего больше нужно служителямъ Церкви, такъ какъ недостатокъ ея можетъ погубить пастырское дѣло.

Ни для кого, думается, не секретъ, что мы стоимъ теперь на опасной дорогѣ. Политическое броженіе распространяется все болѣе и болѣе широкими кругами. Къ чему это приведетъ, Богъ вѣсть, но не нужно забывать, что опасность не далеко и опасность не малая. Народъ нашъ еще „младенецъ разумомъ“ и легко можетъ быть увлеченъ въ сторону отъ добраго пути, вводящаго, по слову Спасителя, въ животь. Различнаго рода проходимцы не дремлютъ, а во всеоружіи выступили на поле брани, которое сплошь и рядомъ оказывается полемъ братоубійства. Вліяніе такого рода глашатаевъ на интеллигенцію, на классы общества болѣе или менѣе обра-

зованные, оставимъ пока въ сторонѣ,—это дѣло не настоящей замѣтки. Но вліяніе ихъ, и вліяніе при томъ пагубное, на народъ должно обратить на себя вниманіе пастыря (разумѣемъ—сельскихъ пастырей). Въдѣ этотъ огромный младенецъ-народъ прежде всего легковѣренъ и готовъ итти за всякимъ, кто ему сулитъ что-нибудь въ будущемъ. Къ глубокому прискорбію, приходится видѣть, что этимъ легковѣриемъ темныхъ народныхъ массъ и пользуются различнаго рода агитаторы для своихъ личныхъ и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, низкихъ цѣлей.

Служитель Церкви и истинный пастырь врученнаго ему Господомъ стада не долженъ стоять въ сторонѣ отъ этого. Его въдѣ попеченію вручена христіанская жизнь пасомыхъ, онъ въдѣ долженъ будетъ дать отчетъ предъ Богомъ за всякій нравственный проступокъ ихъ и, слѣдовательно, онъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ оставлять безъ вниманія, чѣмъ живутъ его пасомые. Хуже всего то, что духовные, нравственно-христіанскіе запросы отодвигаются совершенно въ сторону. Люди даютъ волю не въ мѣру разыгравшимся страстямъ и въ концѣ концовъ становятся игрушкою этихъ страстей. Тогда уже не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было господствѣ воли надъ страстями. Крайне необходимымъ становится постороннее вмѣшательство, а чтобы это послѣднее оказалось благотворнымъ, чтобы оно смогло во время усмирить, охладить разбушевавшіяся страсти, необходимо, чтобы оно было своевременнымъ и захватило болѣзнь въ самомъ ея началѣ. Понятное дѣло, что эту услугу „страдальцу“—народу можетъ оказать прежде всего духовенство, такъ какъ оно всего ближе поставлено къ народу и всѣхъ лучше знаетъ его. Этимъ духовенство въ значительной степени облегчить участь народа, сложить съ него часть той великой тяготы, которая и безъ того придавила своею тяжестью мощь народную, и которая грозитъ еще большей тяжестью обрушиться на согбенныя его плечи.

Но для того, чтобы успокоить другихъ, чтобы во-время укрѣпить ослабѣвшую волю, чтобы не дать заглухнуть свѣтлымъ проблескамъ христіанскаго сознанія, сознанія нравственной отвѣтственности за настоящія и грядущія бѣдствія, — словомъ, чтобы явиться истиннымъ и добрымъ пастыремъ своего стада, гласа котораго слушались бы овцы и шли за нимъ, нужно прежде всего *спокойствіе* самаго пастыря, нужна твердая увѣренность въ правотѣ и успѣхѣ своего дѣла. Растерянность, которая можетъ явиться слѣдствіемъ мрачнаго, пессимистическаго взгляда на окружающую дѣйствительность, не должна имѣть мѣста. На карту, вмѣстѣ съ политическимъ, поставлено и духовное существованіе цѣлой націи, огромнаго 130 милліоннаго народа, который можетъ погибнуть еще не придя, собственно говоря, даже въ сознаніе, можетъ погибнуть только потому, что его руководители, пастыри духовные, нали духомъ въ то время, когда нужно было „отвергнуться себе“, отдать всего себя на служеніе правдѣ и съ усиленной энергіей звать ее на путь правды и добра, на истинный путь прогресса.

Религіозный пессимизмъ несовмѣстимъ съ пастырскимъ служеніемъ. Онъ будетъ колебать увѣренность пастыря въ успѣхѣ, даже въ умѣстности своего дѣла. Дѣйствительность, рисуемая сгущенными темными красками, въ ущербъ, понятно, свѣтлымъ сторонамъ ея, заставляетъ каждого человѣка сжаться, уйти въ самого себя, подальше отъ этой дѣйствительности, тогда какъ теперь именно необходимъ совершенно обратный образъ дѣйствій. Вспомнимъ старину. Вспомнимъ смутное время на св. Руси и ту великую историческую роль, какую исполнило духовенство того времени. Филиппы, Гермогены, Аврааміи Палицыны живутъ и понынѣ въ сознаніи народномъ, и на ихъ свѣтлую память не посягнетъ ни одинъ „золь глаголь“. Эти поистинѣ великіе пастыри велики мощью своего духа. Они не растерялись, не смутились во время всеобщей растерянности, но смѣло выступили съ горячимъ „словомъ истины Евангельской“ въ роковую минуту.

Въ настоящее смутное время съ прискорбіемъ приходится замѣчать, что пастыри не возвышаются, но какъ будто все больше падаютъ духомъ. Все рѣже и рѣже раздаются ихъ бодряцій призывъ къ созидательной работѣ на нивѣ Господней. Минорное настроеніе проникаетъ и въ нашу духовную печать. Пастырь остается безъ поддержки, одинокимъ, заброшеннымъ въ своемъ приходѣ. Невольно онъ падаетъ духомъ, теряется въ общей сутолокѣ, сгущаетъ и безъ того достаточно мрачныя краски...

Но время ли этому? То ли теперь нужно? О. о. духовные! Учители свѣта и истины! Будьте дѣйствительными „стражами дому Израилева“.

Заступи, спаси, помилуй, *возстави* и сохрани насъ,
Боже, Твоею благодатію. И. И.

Передовое начинаніе.

Разсказъ.

I.

Очередной благочиннической сѣздъ духовенства 3-го округа N-скаго уѣзда приходилъ къ благополучному окончанію, всѣ вопросы, подлежавшіе его обсужденію, были рѣшены и занесены въ протоколы; псаломщикъ Курочкинъ, славившійся каллиграфіей, перебѣливалъ послѣдній, пятый, протоколъ, пока первые четыре сигншо подписывали члены сѣзда. На всѣхъ лицахъ замѣчалось утомленіе отъ необычной и продолжительной работы: съ ранняго утра до этой поры,—а шель уже третій часъ по-полудни,—члены сѣзда безъ перерыва обсуждали вопросы и постановляли рѣшенія. Сначала шли выборы депутата на общенархіальный сѣздъ. Выбрали единогласно хозяина, мѣстнаго благочиннаго о. Павла Сіонскаго, у котораго въ домѣ происходило засѣданіе сѣзда; потомъ выбрали двухъ новыхъ депутатовъ на окруж-

ный училищный съездъ; тамъ разбирали прошенія сиротъ о прибавкѣ пособія изъ епархіальнаго попечительства, причѣмъ двумъ сиротамъ-вдовамъ съ дѣтьми рѣшили повысить годовое пособіе съ восьми рублей до десяти; было и еще не мало разсмотрѣно дѣлъ и дѣлишекъ...

Поэтому, совсѣмъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что гости о. Павла Сіонскаго, дождавши, наконецъ, пятаго протокола и дружно подписавъ его, облегченно вздохнули и выжидательно посмотрѣли на высокія бѣлыя двери, скрывавшія до поры до времени сосѣдною съ залой засѣданій комнату, гдѣ, по заведенному порядку, предлагалось благодущнымъ хозяиномъ послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ скромное утѣшеніе братіи. Но на этотъ разъ пріятной минутѣ ожиданія суждено было превратиться въ цѣлый томительно-мучительный часъ, и всему виною оказался одинъ изъ членовъ благотворительнаго съезда отецъ Викторъ Миловзоровъ.

Незамѣтно сидѣвшій до сей поры въ концѣ стола, о. Викторъ неожиданно для всѣхъ приподнялся съ своего мѣста и, опираясь худыми, костлявыми руками на новую, пухлую клеенку, прикрывавшую длинный столъ засѣданій, заговорилъ тихимъ, размѣреннымъ голосомъ.

— Теперь срочныя дѣла у насъ покончены, и я думаю,—вы, о. предсѣдатель, и вы всѣ, отцы и братія, не откажетесь на досугѣ выслушать мое скромное предложеніе.

Послѣ первыхъ словъ о. Викторъ на минуту смолкъ, какъ бы выжидая разрѣшенія со стороны съезда продолжать начатую рѣчь, и этой минуты было достаточно, чтобы въ конецъ измѣнить отрадное, умиротворенное душевное настроеніе членовъ и предсѣдателя, присущее людямъ, честно исполнившимъ свой долгъ. „Знаемъ мы эти скромныя предложенія!—мелькнуло въ мысли каждаго: предложить тихо, скромненько, а тутъ—невольнo задумаешься, не разъ воспотѣешь надъ скромнымъ предложеніемъ. Опять что-нибудь такое... и нашель тоже: на досугѣ!“.. Тревожная, опасливая мысль имѣла для себя основаніе. Всѣ давно знали о. Вик-

тора Миловзорова, какъ челоѣка своеобразнаго напращенія и притомъ живо интересующагося не одними духовными во-просами. Онъ выписывалъ свѣтскіе журналы и газеты, во-дилъ знакомство съ интеллигенціей и не прочь былъ всегда поговорить на злободневныя темы. Онъ не считался либера-ломъ, но все-таки имѣлъ нѣкоторую широту взглядовъ, на многія явленія современной жизни имѣлъ свои независимыя воззрѣнія. Оттого часто случалось на собраніяхъ и сѣздахъ духовенства, что какъ бы случайно оброненное мнѣніе о. Ви-ктора по какому-нибудь уже предрѣшенному дѣлу или во-просу заставляло духовенство глубоко задумываться и измѣ-нять свое мнѣніе. Иногда одно мѣткое замѣчаніе, одна свѣ-жая мысль, высказанная о. Миловзоровымъ, сразу освѣщали предъ собраніемъ назрѣвшую потребность, неотложную ну-жду, которыхъ раньше не замѣчали вовсе. Правда, въ каче-ствѣ практическаго дѣятеля о. Викторъ не отличался вы-держкою и спокойностію характера,—это знали все окру-жное духовенство, но въ роли инициатора, „застрѣльщика“, какъ съ безобидной шуткой называли его знакомые отцы, онъ пользовался заслуженной извѣстностію. И теперь члены сѣзда предчувствовали, что своимъ скромнымъ предложе-ніемъ онъ сумѣетъ заинтересовать всѣхъ, затянетъ засѣда-ніе на добрый часъ. Тѣмъ не менѣе о. предсѣдатель отъ лица всѣхъ выразилъ готовность выслушать докладчика.

— Мы рады васъ слушать, уважаемый о. Викторъ, какъ всегда. Пожалуйста, не откажитесь подѣлиться съ собраніемъ вашими мыслями. Вѣрно, имѣете сказать что-нибудь суще-ственно важное и для всѣхъ полезное!..

Всѣ члены, не взирая на поздній часъ и поборая есте-ственное чувство утомленія, согласны были со своимъ пред-сѣдателемъ. Умныя рѣчи хорошо всегда послушать, а они знали по опыту, что о. Викторъ имѣетъ предложить имъ что-нибудь умное, новое и полезное.

II.

— Не знаю, какъ отнесетесь вы, отцы и братія, къ моему скромному предложенію; только, по-моему, жаль будетъ, если мы не воспользуемся настоящимъ съѣздомъ для начала одного самаго простаго, естественнаго и въ то же время самаго неотложнаго, существенно важнаго для всѣхъ насъ дѣла, котораго требуетъ современная русская жизнь.— Такъ повелѣ свою рѣчь къ сидѣвшимъ за столомъ батюшкамъ, оо. дьяконамъ и исаломщикамъ тихимъ, груднымъ голосомъ о. Викторъ, заручившись разрѣшеніемъ председателя.— Когда-то мы вновь соберемся на съѣздъ, а жизнь не ждетъ, идетъ предъ нами ускореннымъ темпомъ. И вотъ намъ надобно воспользоваться удобнымъ случаемъ, теперешнимъ нашимъ собраніемъ, чтобы предпринять съ своей стороны соотвѣтствующія мѣры противъ бурнаго натиска современности. И время и жизнь теперь у насъ совсѣмъ особенныя: современная русская дѣйствительность очень напоминаетъ собой взбаламученное море, но это море взбаламутилось въ ожиданіи, въ предчувствіи новой, свѣтлой жизни, возрожденія, обновленія нашей родины. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ у насъ... И вотъ, чтобы принять участіе въ созидательной работѣ на благо родины, чтобы не затеряться въ взбаламученномъ морѣ, всѣ сословія, общественныя группы, корпораціи стремятся теперь соединиться, дружно обсудить свое положеніе, свое дѣло и для этого устраиваютъ съѣзды, союзы, совѣщанія... Только у насъ, у духовенства, въ нашей средѣ, не замѣчается ни оживленія, ни движенія, ни отклика на современность, ни стремленія соединиться, сплотиться дружно въ одну жизнеспособную, производительную силу. Стоимъ мы въ сторонкѣ сиротливо, разрозненно и съ недоумѣніемъ оторопѣло смотримъ на быстро несущійся мимо насъ жизненный потокъ. Мы безучастны; все, что совершается вокругъ насъ, въ нашей родной русской жизни, насъ словно вовсе не касается. Что же, нормально ли такое безучаст-

ное отношеніе со стороны духовенства къ тревожнымъ запросамъ современной русской жизни, имѣемъ ли мы право равнодушно смотрѣть на русское взбаламученное море? Нѣтъ и нѣтъ! Ужъ если всеми настоящее возбужденное, протестующее состояніе русскаго общества признается за сознательный порывъ къ упорядоченію и обновленію жизни, за признакъ возрожденія, то участіе духовенства здѣсь неизбежно, необходимо. Здѣсь во всей силѣ должно выразиться наше высшее призваніе и назначеніе: православное духовенство должно помочь духовному религіозно-нравственному возрожденію русскаго общества, безъ чего немислимо дѣйствительное, прочное обновленіе родной земли... Это постоянная, вѣковѣчная цѣль и задача Церкви и духовенства, но теперь намъ для ея осуществленія требуется все напряженіе силъ, нужна самоотверженная, дружная, единопдушная работа. Вокругъ насъ—расколъ, сектантство, религіозный индифферентизмъ, нравственная распущенность, откровенное безбожіе,—это съ одной стороны; съ другой—пробудившіеся религіозные запросы, жажда духовнаго, религіознаго назиданія, исканіе высшей правды, разумной, сознательной вѣры въ средѣ пробудившагося православнаго народа. И при такомъ состояніи нашего общества духовенство безмолвствуетъ! Да, такъ буквально и выражается про насъ свѣтская печать: духовенство безмолвствуетъ,—замѣчая нашу безучастность, нашу разрозненность, нашу апатію; даже хуже: многіе предрекаютъ намъ полную гибель, исчезновеніе, ожидая на смѣну намъ новыхъ, болѣе жизнеспособныхъ дѣятелей.

Обидны и горьки для насъ подобныя обвиненія, тѣмъ болѣе горьки и досадны, что сами мы даемъ къ нимъ поводъ. Сидимъ мы, приходскіе священники, молча по своимъ угламъ-приходамъ, каждый ведетъ свое пастырское дѣло, устрояетъ приходскую жизнь на свой страхъ, по личному усмотрѣнію, не сознавая единства, общности, солидарности своей работы съ другими собратьями-пастырями. Мы до того разобщены и разрознены, что не знаемъ да, пожалуй, и не интрересуемся

знать, какъ и что творится у насъ подъ бокомъ, въ сосѣднемъ приходѣ. А отсюда происходятъ нестрога, разнообразіе и несовершенство въ нашей пастырской и приходской дѣятельности: въ постановкѣ церковнаго учительства, въ богослужебной практикѣ, въ нашихъ отношеніяхъ къ приходу и во многомъ другомъ. Лишены мы плодотворнаго для каждаго дѣла чувства соревнованія, лишены опытнаго руководства и взаимной поддержки, и все это — по винѣ нашей разобщенности, совсѣмъ неумѣстной по современнымъ обстоятельствамъ!.. Но кто мѣшаетъ намъ разстаться съ привычной и гибельной замкнутостію, сойтись другъ съ другомъ для общаго совѣта по пастырскимъ дѣламъ и положить начало дружной, братской плодотворной работѣ на благо мятущейся, смущенной мпожествомъ назрѣвшихъ запросовъ и нуждъ родины? Собираемся же мы на различные съѣзды, какъ вотъ собрались и теперь, для обсужденія своихъ сословныхъ, экономическихъ нуждъ и вопросовъ; почему бы не собираться намъ также на съѣзды, не составлять общихъ братскихъ собраний для сужденія о нашемъ насущномъ, паважнѣйшемъ пастырскомъ дѣлѣ? Вотъ вопросъ объ устройствѣ такихъ пастырскихъ съѣздовъ—собраний и хотѣлъ бы предложить я съ своей стороны вашему вниманію, отцы и братія. Теперь, кетати, мы въ сборѣ,—представители всѣхъ двѣнадцати сель благочинія; что, если бы положить сейчасъ же начало нашему братскому, пастырскому объединенію въ формѣ постановленія—собираться всѣмъ періодически, хотя раза два въ годъ, на съѣзды исключительно для обсужденія пастырскихъ и приходскихъ вопросовъ, испросивъ на доброе начинаніе разрѣшеніе и благословеніе владыки? Смущаться тѣмъ, что до насъ подобнаго шага никѣмъ не сдѣлапо, что нѣтъ пока въ этомъ смыслѣ предписаній или указаній епархіальной власти, по моему скромному мнѣнію и убѣжденію, совершенно напрасно. Дѣло въ томъ, что починъ въ подъемѣ и обновленіи нашей отвѣтственной предъ Богомъ и родиной дѣятельности долженъ исходить отъ насъ самихъ, долженъ быть

свободно-сознательнымъ, а не навязаннымъ извинѣ. А какая была бы польза для всѣхъ насъ, и священниковъ и остальныхъ членовъ причта, если бы осуществилась мечта о такихъ пастырскихъ собраніяхъ, какъ бы они помогли сплотиться намъ въ общемъ святомъ дѣлѣ и подняли бы нашу энергію, ободрили бы намъ унывающій въ нравственномъ сиротствѣ-одиночествѣ духъ!.. Такова сущность моего скромнаго предложенія. Простите великодушно, если злоупотребилъ вашимъ вниманіемъ и вашимъ временемъ; но, отцы и братія, отъ избытка сердца уста глаголютъ, и въ сердечной благожелательности, въ искренности моихъ словъ вы найдете для меня извиненіе. Теперь отъ васъ зависитъ—обсудить мою мысль и сейчасъ же сдѣлать добавочное постановленіе для представленія на судъ владыки, или оставить мое предложеніе безъ попытокъ къ его осуществленію.

III.

Не мало времени заняла рѣчь о. Виктора; но это время прошло для большинства какъ-то незамѣтно. Тихій голосъ, задушевность и убѣжденность тона, а главное, современность и назрѣвшій интересъ предложенія о. Миловзорова увлекли слушателей. Слушали всѣ молча, сосредоточенно и въ то же время каждый про себя соглашался съ мыслями оратора. Когда онъ, утомленный и блѣдный сѣлъ на свое мѣсто, ожидая рѣшенія, сѣздъ уже былъ на его сторонѣ.

— Спасибо вамъ, о. Викторъ, за ваше доброе слово! Благодарю и соглашаюсь лично за себя съ вашимъ предложеніемъ,—сказалъ поднимаясь съ предсѣдательскаго мѣста о. Павелъ Сіонскій.—Думаю, и вы всѣ, отцы и братіе, того же мнѣнія, добавилъ онъ и обратился съ вопросительнымъ взглядомъ къ членамъ сѣзда. Члены поднялись и въ знакъ согласія, молча, вмѣстѣ съ о. благочиннымъ, привѣтливо поклонились о. Виктору.

— Вотъ и прекрасно!—оживленно воскликнулъ предсѣдатель.—Сколько у насъ протоколовъ, пять? Что-жь! На-

нишемъ шестой по поводу предложенія нашего достопочтеннаго о. Виктора. Доброе начинаніе откладывать нечего. Только слѣдуетъ оформить дѣло, какъ слѣдуетъ. Я думаю, вы же, о. Викторъ не откажетесь? А мы подпишемся, и—дѣло сдѣлано! Но, знаете, *natura dura habet sua iuga*,—надобно же подкрѣпиться. Пожалуйте пока, оо. и братія, раздѣлить скромную трапезу, и потомъ закончимъ рѣшенное дѣло.

По мановенію хозяина высокія бѣлыя двери въ сосѣдную комнату растворились, и тамъ, за братской трапезой, было окончательно обсужено, обдуманно и оформлено скромное предложеніе о. Виктора. Въ результатѣ явилось шестое постановленіе очереднаго съѣзда 3-го благочинническаго округа N-скаго уѣзда. Это постановленіе, составленное начерно самимъ о. Миловзоровымъ, переписанное каллиграфомъ псаломщикомъ Курочкинымъ и подписанное всѣмъ составомъ съѣзда, во главѣ съ предсѣдателемъ, гласило слѣдующее.

„Съѣздъ имѣлъ сужденіе объ изысканіи способовъ и средствъ къ объединенію и взаимообщенію духовенства, а также къ поднятію и упорядоченію его пастырской церковно-приходской дѣятельности. По мнѣнію одного изъ участниковъ съѣзда, наилучшимъ средствомъ для этого могли бы быть періодически установленныя собранія духовенства со всего благочинія съ нарочитой цѣлію обсуженія вопросовъ, касающихся пастырскаго служенія и жизни прихода. Организція подобныхъ собраній настоятельно необходима и была бы особенно полезна при современномъ тревожномъ состояніи русскаго общества и народа.—Постановили: единогласно признавая благовременность и необходимость организціи пастырскихъ собраній съ вышеупомянутой цѣлью и программой, покорнѣйше ходатайствовать предъ его преосвященствомъ о разрѣшеніи таковыхъ собраній для нашего благочинническаго округа подъ наблюденіемъ о. благочиннаго и подъ предсѣдательствомъ его же, или другого лица, избираемаго всякій разъ собраніемъ; вмѣстѣ съ симъ просить благопокорнѣйше архипастырскаго благословенія на новое начинаніе и руко-

водственныхъ указаній въ семь дѣлѣ. Пастырскія собранія было бы желательно устроить не менѣе двухъ разъ въ годъ и по очереди во всѣхъ селахъ благочинія“.

Съ особеннымъ, отчасти тревожнымъ, отчасти пріятнымъ чувствомъ отправлялись въ этотъ разъ по своимъ приходамъ члены благочинническаго сѣзда. Сознавалась всѣми важность и серьезность сдѣланнаго новаго шага, и въ умѣ зарождались пытливые вопросы: какъ-то отнесется къ ихъ начинанію владыка, и что-то дастъ оно при осуществленіи въ жизни?

IV.

Не смотря на единство предмета, мечты и думы, пробужденныя шестымъ, послѣднимъ, постановленіемъ сѣзда, не у всѣхъ его участниковъ были одинаковы. Иное направленіе приняли онѣ у о. благочиннаго, иное,—и тоже укаждаго почти различное,—у приходскихъ батюшекъ, отправлявшихся позднею вечеромъ восвояси.

О. Павелъ Сіонскій, проводивъ послѣдняго гостя и возвратившись со свѣчей въ рукахъ изъ прихожей, облегченно вздохнулъ съ чувствомъ полного удовольствія. Сѣзды, какъ всегда, прошли прекрасно, безъ споровъ и разногласій. Вотъ и предложеніе о. Виктора, повидимому, совсѣмъ неожиданное и притомъ же настолько серьезное,—и оно не вызвало ни колебаній, ни противорѣчій; удивительно даже, какъ сразу и единодушно его приняли! Правда, умѣлъ выбрать о. Викторъ и моментъ подходящій. Заяви онъ о томъ же въ началѣ сѣзда,—дѣло легко приняло бы другой оборотъ. Первымъ рѣшить его предложеніе, конечно, не стали бы, а тамъ—къ концу оно не имѣло бы той силы впечатлѣнія, какая получила теперь: подъ свѣжимъ вліяніемъ его словъ, при краткости оставшагося времени какъ-то неволью, безъ колебаній, согласились всѣ. И хорошо сдѣлали: можно напередъ сказать, что наше рѣшеніе обрадуетъ владыку. Онъ не разъ въ разговорѣ выражалъ сожалѣніе по поводу

недостатка энергій, самодѣтельности, инициативы въ духовенствѣ, и—вдругъ встрѣтить это постановленіе нашего съѣзда!.. Здѣсь мысль о. Павла невольно приняла нѣсколько эгоистическій оттѣнокъ, не непріятный для него.—Положимъ, продолжалъ онъ размышлять, починъ въ этомъ дѣлѣ не принадлежитъ лично мнѣ, но все же постановленіе состоялось на съѣздѣ духовенства моего благочинія и, потому, можетъ въ благопріятномъ свѣтѣ представить направленіе моей дѣятельности. Вообще благодарить намъ всѣмъ надобно о. Виктора: скромень и находчивъ, не дастъ намъ заснуть, пробудитъ въ нужную пору, натолкнетъ на новую мысль и—всегда безкорыстно, самъ же первый ступаетъ. Дай-то Богъ успѣха нашему начинанію, въ добрый часъ!

Думы о. Николая Зорина, молодого бѣлокураго батюшки съ курчавыми волосами и такой же бородкой, священствовавшаго всего третій годъ въ однопричтномъ приходѣ Бурковѣ, были другого свойства. Выѣхавъ со двора о. благочиннаго и очутившись на проселкѣ, онъ вспомнилъ прежде всего про домашнія обстоятельства. „Варя,—такъ называлъ онъ молодую матушку, —вѣрно, заждалась уже и тревожится. Обѣщала рано возвратиться, часамъ къ восьми, а теперь раньше полночи не успѣю: шутка ли—ѣзды тридцать верстъ. И успѣлъ бы во-время, даже раньше, кабы не этотъ докладъ о. Виктора; сколько па него лишнихъ часовъ потеряли!.. А впрочемъ, нѣтъ, не потеряли мы тутъ время напрасно, и о задержкѣ сожалѣть нечего. Не часто приходится слышать такія добрыя рѣчи отъ своего собрата; тутъ поневолѣ задумаешься, оглянешься на себя и на другихъ. Боже, сколько новыхъ, свѣтлыхъ думъ, вопросовъ расшевелилъ въ насъ этотъ славный, умный о. Милосзоровъ!“ Такъ сама собою мысль о. Николая перешла на скромное предложеніе о. Виктора, и думы и вопросы, пробужденные имъ на съѣздѣ, теперь съ новой силой оживали и шевелились въ головѣ молодого батюшки, освѣженной отъ утомленія ночнымъ прохладнымъ вѣтромъ. Да, нѣтъ ничего хуже, пагубнѣе для на-

шего брата, особенно для молодыхъ и неопытныхъ, этой изолированности, душевнаго сиротства, одиночества. Тутъ прямо-таки можно опуститься въ безсиліи, погубить себя для великаго дѣла. Если къ кому, такъ къ намъ приложима поговорка: одинъ въ полѣ не воинъ; ну, что можетъ сдѣлать одинъ священникъ, неопытный, прямо изъ семинаріи заброшенный куда-нибудь въ глухой, въ конецъ запущенный приходъ, да еще зараженный па бѣду расколомъ или сектантствомъ, безъ опытнаго руководителя, безъ братской, дружеской помощи и поддержки, безъ ободряющаго совѣта и утѣшенія? Вотъ взять хотя бы самого себя: священствую почти три года, но что я собственно дѣлалъ и дѣлаю для своего прихода, для этихъ бѣдныхъ, жалкихъ своей темнотою, но все же вѣдь живыхъ, разумныхъ людей? По правдѣ говоря, и страшно, и совѣстно, и стыдно становится предъ самимъ собой! Былъ вѣдь до сихъ поръ для своихъ прихожанъ не больше, какъ требоисправитель, а ничуть не добрый пастырь, вносящій свѣтъ и радость въ темное, безрадостное народное море! Стали ли мои бѣдные прихожане за эти три года нравственно выше, религиозно-просвѣщеннѣе, привлечь ли я ихъ довѣріе, облегчилъ ихъ горе, сумѣлъ ли, смогъ ли дать я имъ настоящей отвѣтъ хотя на одинъ изъ множества мучительныхъ вопросовъ, которые гнетутъ простого, обездоленнаго человѣка? А цѣлое море подобныхъ людей, мнѣ довѣренныхъ Богомъ, волнуется мучительно, безпомощно вокругъ меня, и я стоялъ и стою до сихъ поръ такой же безпомощный предъ ними, молча, не зная, какъ и чѣмъ оказать имъ нужную помощь!.. Но что печально и худо: только теперь съ такой яркостью въ первый разъ раскрывается предо мной вся ненормальность моего положенія. И это раскрылось только благодаря живому, захватывающему слову о. Виктора; какое же за то ему великое спасибо! Вѣдь, онъ пробудилъ отъ сна, далъ первый толчекъ къ новой, сознательной, плодотворной работѣ, а это и важно: разъ пробудившись, уже стыдно будетъ снова погрузиться въ прежнюю спячку...

Здѣсь бодрая, молодая мысль батюшки перешла къ свѣтлымъ образамъ близкаго будущаго, когда осуществится проектъ о. Миловзорова, и все духовенство ихъ округа, объединившись на пастырскихъ съѣздахъ и во взаимномъ совѣтѣ найдя лучшіе пути и способы для своей дѣятельности, дружно и съ пользой станеть работать на благо дорогой родины... Однако, медлить больше печего, надобно сейчасъ же предпринять что-нибудь на благо прихода, взяться, какъ слѣдуетъ, за дѣло. Благо—толчекъ первый данъ... Съ чего бы начать?.. И при этомъ вопроесъ предъ о. Николаемъ выривалась масса непечатаго дѣла, неудовлетворенныхъ приходскихъ нуждъ. Батюшка рѣшилъ на первыхъ порахъ не разбрасываться, а выбрать одно—два дѣла неотложныя и поработать надъ ними. Вотъ проповѣдь, учительство церковное... Его надо поднять, оживить, усилить неперемѣнно. Шлохо велось оно у меня, безъ постоянства, безъ выдержки: не приходило на умъ самому потрудиться надъ проповѣдью, поучиться живой рѣчи; скажешь печатное слово или еще того хуже—совсѣмъ оставишь народъ безъ проповѣди. А понялъ ли что народъ, тронулся ли читаннымъ, объ этомъ подумать не приходилось... А обученіе молитвамъ, ознакомленіе съ вѣрой, съ заповѣдями прихожанъ?—И этого ничего не водилось. Боже, да гдѣ же я былъ, что дѣлалъ раньше, и, вѣдь, стыдно подумать, не считалъ себя хуже другихъ! Нѣтъ, не должно болѣе этого быть, довольно изображать юродивую, спящую дѣву: съ перваго же воскресенья поставлю дѣло иначе...—Обсуждалъ батюшка строго, безпристрастно и другіе недочеты, опущенія въ прошлой своей дѣятельности, рѣшаясь принять всѣ мѣры, приложить все стараніе къ ихъ устраненію. Для этого видѣлъ онъ побужденіе въ предстоящихъ пастырскихъ собраніяхъ. Ну, что бы могъ я сейчасъ доложить почтенному собранію о своихъ трудахъ и дѣятельности, о состояніи прихода? Прямо безотвѣтнымъ, лѣнивымъ рабомъ пришлось бы стать къ позорному столбу. Цѣтъ, пока есть время, надо, неперемѣнно надо начать живое дѣло на

благо прихода, а тамъ уже, на сѣздахъ, общій совѣтъ братій—товарищей поможетъ утвердиться на новомъ пути!

Среди такихъ размышленій короталъ свой путь до дома о. Николай, не чувствуя позова ко сну, а напротивъ, испытывая необыкновенный душевный подъемъ. И навѣрное многие изъ участниковъ сѣзда волновались въ эту ночь подобными пастырскими думами, возвращаясь ко своимъ захолустнымъ, мирнымъ приходамъ.

Впрочемъ, нашлись нѣкоторые изъ батюшекъ, преимущественно пожилыхъ, которые отнеслись болѣе спокойно, если не равнодушно, къ постановленію сѣзда о пастырскихъ собраніяхъ и не ожидали отъ новаго начинанія волшебныхъ переменъ и особеннаго возрожденія, подъема пастырской дѣятельности.

— Ухъ, освободились-то, наконецъ, вырвались на свободу, слава Богу! Подвигайся-ка, что ли, о. дьяконъ, дай мнѣ мѣсто!—говорилъ, грузно усаживаясь въ просторный тарантасъ вмѣстѣ со своимъ дьякономъ, о. Феодоръ Быстрицкій, пожилой, тучный батюшка.—Ужъ и затянули же сѣздъ допозда, нечего сказать... Умѣетъ нашъ о. Викторъ занять почтенное собраніе: только начни слушать, не скоро отдѣлаешься!..

О. Феодоръ служилъ священникомъ уже болѣе двадцати лѣтъ, былъ умудренъ жизненнымъ опытомъ и, будучи по природѣ флегматикомъ, ко всему относился спокойно, разсудительно, невозмутимо. Благодушный, всегда доброжелательный и строго-честный по исполненію своихъ обязанностей, былъ онъ хорошимъ священникомъ и пользовался, если не любовью, то заслуженнымъ уваженіемъ своего прихода. Но, будучи самъ ровнаго, невозмутимаго темперамента, онъ недовѣрчиво относился къ возвышеннымъ, пылкимъ порывамъ и не придавалъ имъ практической цѣны и значенія. Со своей точки зрѣнія взглянулъ онъ и на новое начинаніе, такъ воодушевившее участниковъ сѣзда. Дорогой хотѣлось ему подѣлиться своимъ уравновѣшеннымъ взглядомъ съ дьякономъ.

— Отецъ дьяконъ!.. слышь, что-ли? — толкнулъ онъ своего спутника.

— Пѣть. А что?—отозвался молчавшій все время дьяконъ.

— Да такъ, ничего собственно... Удивила меня вотъ на сѣздѣ горячка, восторгъ, какіе произвелъ о. Миловзоровъ... Поговорилъ одинъ человѣкъ, другіе послушали,—и сразу откуда что взялось: и радость, и свѣтлыя надежды, и форменный протоколъ. Подумаешь, сейчасъ всѣ переродимся, сдѣлаемся примѣрными тружениками, стоитъ только объединиться, сообща обсудить, какъ и что дѣлать, такъ и законить работа... Дай-то Богъ! — Только жаль, что этакъ не бываетъ. По моему, отъ прекрасныхъ словъ до прекраснаго дѣла очень далеко, да и плохая надежда на чужой умъ, на чужой совѣтъ. Пѣть, пока самъ не примешься за дѣло, другой за тебя его не сдѣластъ. Такъ-то! Да ты слушаешь ли, о. дьяконъ? Слышь, поди...

— Слушаю, слушаю, о. Оеодоръ!—сквозь дрему отвѣчалъ тотъ.

— Такъ вотъ я и говорю: напрасно очень ужъ нѣкоторые обрадовались и обнадѣялись. Будетъ шуму не мало на новыхъ собраніяхъ, поговоримъ много хорошихъ словъ, а сами, пожалуй, такими же останемся: ни я хуже не буду, ни другой изъ лѣниваго не сдѣлается труженикомъ. Да хотя бы взять самого о. Виктора. Ужъ онъ ли не мастеръ поговорить: всѣхъ научить, какъ и что дѣлать; а посмотрѣть, каково-то у самого дѣла идутъ по приходу... Впрочемъ, къ чему осуждать?—Только, по моему, лучше бы побольше дѣла и поменьше словъ... А то, какъ разъ на хорошихъ словахъ успокоимся. Впрочемъ, что же? И совѣтъ, и хорошія слова не мѣшаютъ, когда изъ-за нихъ не забывается самое дѣло. Эхъ мечты, мечты! — Изъ-за чего только люди волнуются...

Такія разсужденія о. Оеодора ясно показывали, что излишняя уравновѣшенность мѣшала ему по достоинству и справедливости оцѣнить нравственный, идейный подъѣмъ

своихъ собратій, болѣе чуткихъ, отзывчивыхъ къ запросамъ современной жизни.

У.

Ожиданіе благочиннаго о. Павла Сіонскаго, что постановленія съѣзда о желательности настырскихъ собраній будутъ благосклонно приняты владыкою, оправдалось въ полной мѣрѣ. Недѣли черезъ три получены были имъ протоколы съѣзда съ утвердительными резолюціями, и резолюція, положенная владыкою на шестомъ протоколѣ, оказалась самою благопріятною и лестною для духовенства и благочиннаго 3-го округа. Она гласила слѣдующее:

„Отъ души благословляю доброе, истинно-передовое начинаніе духовенства 3-го округа. Настырскія собранія, какъ они проектированы въ постановленіи съѣзда, разрѣшаются. Желательно, чтобы при сужденіяхъ на сихъ собраніяхъ обращено было вниманіе на существенныя стороны священнической дѣятельности въ приходѣ: на усиленіе и расширеніе церковнаго и внѣцерковнаго учительства, на упрядоченіе церковнаго богослуженія и требосиравленія, и на развитіе, подъемъ церковно-приходской жизни. Протоколы настырскихъ собраній представить въ обычномъ порядкѣ для моего просмотра и утвержденія. — Постановленіе съѣзда 3-го округа напечатать въ енархіальныхъ вѣдомостяхъ, какъ заслуживающее вниманія и подражанія“.

Теперь благочинному оставалось только освѣдомить духовенство своего округа о резолюціи владыки и назначить мѣсто и время для перваго настырскаго собранія, чтобы благое, „передовое начинаніе“ перешло въ дѣло. Предварительно все-таки онъ счелъ нужнымъ повидать о. Виктора и вмѣстѣ обсудить нѣкоторые вопросы, вызванные новымъ дѣломъ. Онъ инициаторъ, — его и обязанность выяснить, оформить практическую сторону утвержденнаго теперь предложенія; и какъ онъ тамъ хочетъ и знаетъ, а первое собраніе непременно надобно назначить у него, въ его Хмелевкѣ. Такъ

рѣшилъ о. Навель и, выбравъ хорошій денекъ, отправился въ с. Хмелевку.

— Поздравляю тебя, друже, съ торжествомъ твоихъ идей!—пріятельски привѣтствовалъ благочинный о. Викторъ, когда они по священническому обычаю трижды поцѣловались при встрѣчѣ.

— Порадовать тебя, о. Викторъ, пріѣхалъ да кстати и посовѣтоваться. Нашъ-то вѣдь протоколь о настырскихъ собраніяхъ утвержденъ и одобренъ. Я его прихватилъ съ собою.

О. Викторъ радъ былъ пріятному гостю: у него съ благочиннымъ, какъ у многихъ священниковъ изъ благочинія, были простыя, дружескія отношенія, а привезенная имъ добрая вѣсть еще усиливала радушное, благожелательное чувство въ хозяинѣ. Вскорѣ батюшки сидѣли уже въ кабинетѣ на удобномъ, мягкомъ диванѣ и въ мирной бесѣдѣ, не сгѣша, выработывали программу предстоящаго собранія, рѣшали, какіе вопросы прежде всего предложить на обсужденіе, принявъ за руководство общее указаніе владыки. О времени и мѣстѣ перваго настырскаго сѣзда много разговаривать, а тѣмъ болѣе спорить, нужды не представилось.

— Ужъ какъ тебѣ, почтеннѣйшій о. Викторъ, будетъ угодно, а только собраніе назначу въ Хмелевкѣ: это рѣшено и подписано. Хозяина постараемся выбрать и въ предсѣдателя—кому же больше? Вы же предложили намъ это дѣло, много думали о немъ,—вамъ и книги въ руки. Руководите нами, учите уму-разуму, настырскимъ обязанностямъ. И времени тянутъ, помоему, нечего: чѣмъ скорѣе состоится собраніе, тѣмъ лучше. Кстати, вы же тогда, на сѣздѣ, говорили, что время не ждетъ, жизнь идетъ ускореннымъ темпомъ.

Послѣ слабаго протеста о. Викторъ долженъ былъ согласиться на всѣ предложенія своего гостя-благочиннаго. Труднѣе было рѣшить вопросъ о томъ, какъ поставить дѣло на собраніяхъ, какимъ способомъ обсуждать и рѣшать настырскіе вопросы, чтобы достигалась намѣченная цѣль, получалась дѣйствительная, жизненная польза. Объ этомъ

стоило подумать и подумать именно теперь, заблаговременно. И, къ немалому удовольствію о. Павла Сіонскаго, оказалось, что о. Викторъ уже раньше задумывался надъ этимъ, неизбѣжнымъ въ каждомъ новомъ дѣлѣ, вопросомъ и пришелъ къ его посильному рѣшенію.

— Миѣ кажется, всего практичнѣе было бы повести дѣло такъ, — началъ излагать о. Викторъ заранѣе выработанный имъ планъ занятій настырскаго сѣзда: — прежде чѣмъ дѣлать заключеніе о любой сторонѣ нашей дѣятельности и думать объ устраненіи недостатковъ, о новой постановкѣ дѣла, всякій разъ каждому изъ насъ слѣдуетъ давать предъ собраніемъ безпристрастный отчетъ, въ какомъ положеніи находится то или иное дѣло, напримѣръ, проповѣдничество, и какъ оно ведется священникомъ въ своемъ приходѣ. Тогда изъ сравненія порядковъ веденія одного и того же дѣла въ разныхъ приходахъ видно будетъ, какого порядка держаться въ будущемъ, какъ и чѣмъ усилить, поднять извѣстнаго рода дѣятельность. Послѣ этого можно уже будетъ дѣлать соответствующее постановленіе о проведеніи въ нашу настырскую практику извѣстныхъ мѣръ къ ея улучшенію и опять же съ тѣмъ условіемъ, чтобы на слѣдующемъ сѣздѣ каждый изъ насъ сообщилъ о достигнутыхъ результатахъ примѣненія новыхъ мѣръ. Такая постановка дѣла на будущихъ нашихъ собраніяхъ должна дѣйствительно помочь нашему духовному сближенію, ознакомленіемъ другъ съ другомъ; она явитъ предъ всѣми искусныхъ, ревностныхъ дѣятелей и не дастъ возможности укрыться перадивымъ и безисчпнымъ; она же приведетъ къ единству, упорядочитъ нашу дѣятельность и сообщитъ ей жизненность и силу. А въ этомъ и состоитъ главная цѣль настырскихъ собраній!..

Много и долго толковали еще между собою о. Милосворовъ и благочинный, обсуждая нѣкоторыя детальныя стороны предстоящаго настырскаго сѣзда, пока благочинный не вспомнилъ и о домѣ и не уѣхалъ, вполне удовлетворенный, восвояси. Чрезъ нѣсколько дней духовенство 3-го округа

было имъ оновѣщено официально о назначеніи перваго па-
стырскаго собранія въ селѣ Хмелевкѣ... Что-то принесетъ въ
будущемъ это передовое начинаніе духовенству 3-го округа:
осуществятся ли свѣтлыя надежды отцовъ Зориныхъ и Ми-
ловзоровыхъ, или все останется по-прежнему, какъ предре-
калъ о. Теодоръ Быстрицкій? *С. А. В—ій.*

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 3,

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года января 15-го.

Содержаніе: Православно-русское при готовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ.—Духовенство въ современной беллетристикѣ (продолженіе).—Незамѣтное существованіе (разсказъ).

Православно-русское при готовленіе къ пастыр- скому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ.

Всякому, кто учился въ духовной семинаріи, не могло не броситься въ глаза, въ особенности при изученіи обли-читѣльнаго или сравнительнаго богословія, что католичество и протестантство представляютъ какъ будто два конца одной оси, два противоположныхъ полюса, между которыми находится православіе. Во многихъ богословскихъ вопросахъ, по которымъ католичество и протестантство прямо противоположны другъ другу, православная истина, очищенная отъ католическихъ и протестантскихъ крайностей, лежитъ по-

среди́нь, въ большемъ приближеніи то къ тому, то къ другому ¹⁾).

Такое же точно положеніе „среди́нности“ съ историческими колебаніями то въ одну, то въ другую сторону занимаетъ и наша система пастырскаго приготовленія, по сравненію съ католической и протестантской.

У насъ нѣтъ самостоятельной, самобытной, естественно развившейся изъ наличныхъ историческихъ условій, системы пастырскаго приготовленія, каковыми являются католическая и протестантская; нѣтъ по той причинѣ, что развитіе всей вообще русской культуры, русской государственности не совершалось нормальнымъ путемъ извнутри, а постоянно или задерживалось и даже заглушалось, или лихорадочно ускорялось и и насильственно видоизмѣнялось подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ толчковъ и вліяній.

Христіанство Россія получила изъ Греціи. Оттуда же она получила и первыхъ пастырей. Но князья русскіе еще на самыхъ первыхъ порахъ существованія Россіи, какъ христіанскаго государства, приняли мѣры къ приготовленію пастырей изъ среды своего народа. Еще Владиміръ св., по сказанію лѣтописи, „приказалъ собрать дѣтей людей знаменитыхъ и учить ихъ“. Извѣстно также о Ярославѣ, что онъ въ 1025 году въ Новгородѣ „собра отъ старость и отъ пресвитеровъ дѣтей 300 и повелѣ учить книгамъ“ ²⁾. Сохранились извѣстія еще и о другихъ школахъ. Чему и какъ учили въ этихъ школахъ, неизвѣстно, но несомнѣнно то,

¹⁾ Это положеніе едва ли кто будетъ оспаривать. Оно доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что католиковъ мы постоянно поражаемъ протестантскими доводами, а протестантовъ католическими. Всѣмъ извѣстна также судьба нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ сочиненій, которыя не были удостоены ученой степени или попадали въ немилость не за отсутствіе научныхъ достоинствъ, а единственно за то, что авторы ихъ не сумѣли выдержать православной точки зрѣнія и слишкомъ близко подходили иногда къ католицизму, а чаще къ протестантизму.

²⁾ Учить съ дѣлю приготовленія къ пастырству, потому что духовенство въ тѣ времена было единственнымъ сословіемъ, отъ котораго требовалась образованность.

что изъ нихъ, при естественномъ ходѣ историческихъ со-бытій, выработался бы самобытный православно-русскій типъ духовно-учебной школы, въ которой образованіе будущихъ пастырей велось бы въ строгомъ соотвѣтствіи съ исконными началами русскаго духа и русскаго церковно-общественнаго уклада.

Но судьба судила иное. Въ 1237—40 гг. по Россіи прокатилась всесокрушающая волна монгольскаго нашествія и надолго остановила культурный ростъ молодого государства. Народъ и князья были разорены, города лежали въ развалинахъ, недавній центръ умственной жизни, краса Россіи—Кіевъ, обратился въ ничтожное селеніе съ 200 домовъ. Само собою разумѣется, что прекратили свое существованіе и школы.

Кончилось татарское иго, Россія вновь получила свободу развитія. Но долго еще не могла она оправиться отъ постигшаго ее удара. Такъ въ 1500 году архіепископъ Новгородскій Геннадій жалуется, что нѣтъ для пастырской дѣятельности не то, что образованныхъ, а просто грамотныхъ людей. И жалобу эту имѣли право повторять русскіе архипастыри на протяженіи еще по меньшей мѣрѣ одного столѣтія.

Народы Западной Европы успѣли пережить за это время эпоху господства схоластики и Возрожденія, эпоху религіозныхъ войнъ, реформацію и Тридентскій соборъ, Англія имѣла уже Рожера Бэкона; а Россія, отрѣзанная отъ общенія съ культурнымъ міромъ, все еще коснѣла во тьмѣ невѣжества. Понятно, что когда она вновь вошла въ соприкосновеніе съ культурными народами, ей уже некогда было выработывать свою собственную культуру, а приходилось перенимать иноземную. вмѣстѣ съ прочими благами западной культуры была пересажена на русскую почву и духовная школа и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ первой половинѣ 14 столѣтія всѣ западно-русскія земли, кончая по восточной границѣ бывшими Смоленскимъ

и Кіевскимъ княжествами, вошли въ составъ Литвы, и по соединеніи послѣдней въ 1386 г. съ Польшей—Польско-Литовскаго княжества. Это обстоятельство имѣло то значеніе, что, съ одной стороны, подвергло русскія области культурному воздѣйствію Польши, а съ другой—вызвало цѣлый рядъ мѣръ со стороны польскаго правительства и въ особенности католическаго духовенства, направленныхъ къ искорененію или по крайней мѣрѣ ослабленію православія, мѣшавшаго колонизаціи края. Мѣры эти примѣнялись на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій и принимали самыя разнообразныя формы, но главной изъ нихъ всегда оставалось воспитаніе православнаго юношества въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ еще въ Краковской Академіи, основанной въ 1364 году была устроена бурса (общежитіе) для студентовъ теологіи съ назначеніемъ ея преимущественно для литовцевъ и русскихъ—*ad dilucidandum catholicam fidem*¹⁾. Съ удовольствіемъ воспитывали православныхъ и въ другихъ католическихъ школахъ. Но особенно широко этой мѣрой воспользовались іезуиты. Вызванные въ 1564 году Варминскимъ епископомъ Станиславомъ Гозіемъ специально для борьбы съ протестантствомъ и быстро справившись съ нимъ, они обратили всю тяжесть своего оружія противъ православія. Ласкательствомъ и лестью забравъ въ руки польскихъ магнатовъ и шляхту и владѣя громадными средствами, іезуиты въ скоромъ времени покрыли сѣтью своихъ школъ всю Литву и Западную Русь. Въ то же время, пользуясь своими обычными приѣмами—проповѣдями, учеными сочиненіями, торжественнымъ диспутами и пышными процессіями, всегда такъ правившимися западнымъ славянамъ, они все шире распространяли свое вліяніе и все больше забирали власти. Русь, сильная своей любовью къ православію, но бѣдная просвѣщеніемъ, не могла бороться съ іезуитами, выступавшими во всеоружіи тогдашней схоластической науки, и должна была

¹⁾ Очеркъ исторіи западно-русской церкви. *Чистовича* стр. 96.

безучастно смотрѣть, какъ лучшія аристократическія ея фамиліи одна за другой отпадали въ латинство. Тогда среди друзей и ревнителей православія возникло сознание необходимости бороться съ іезуитами ихъ же оружіемъ, т. е. школами и образованіемъ. Явились знаменитыя южно-русскія братства со школами при нихъ и среди нихъ славнѣйшая, Кіевская школа при Богоявленскомъ братствѣ.

Основанная въ 1589 году, Богоявленская Братская школа страшно бѣдствовала и средствами и учителями въ теченіе первыхъ 40 лѣтъ своего существованія. Въ 1631 г. ее взялъ подъ свою могучую защиту знаменитый Петръ Могила, сначала архимандритъ Кіево-Печерскаго монастыря, а потомъ Кіевскій митрополитъ. При его умѣломъ, и энергичномъ руководствѣ Братская школа достигла за 15 лѣтъ (ум. на 1 янв. 1647 года) такого расцвѣта, что не только сравнялась съ іезуитскими коллегіями, съ которыми борется она была призвана, но и значительно оставила ихъ за собой въ смыслѣ сосредоточенія въ себѣ ученыхъ силъ. Послѣ Могилы подъ именемъ Кіево-Могилянскои Коллегіи, все еще бѣдствуя матеріально, но изобилуя ученостью и образованіемъ, она просуществовала до 1701 года, когда была переименована Петромъ Великимъ въ академію, съ каковымъ именемъ существуетъ и понынѣ.

Въ эпоху, къ которой относится учрежденіе Кіевской Братской школы, во всемъ мірѣ существовалъ одинъ типъ учебнаго заведенія. Вся разница между школами различныхъ наименованій (коллегія, академія, университетъ) сводилась къ небольшимъ различіямъ въ программѣ и различной, да и то не въ принципѣ, постановкѣ воспитательнаго дѣла. Наиболѣе совершенными изъ нихъ были іезуитскія коллегіи. И такъ какъ учредители и въ особенности первые руководители Братской школы сами, въ большинствѣ случаевъ, были воспитанниками католической школы, то вполне естественно, что и свою школу они устроили по католическому образцу,

и коллегія Петра Могилы была совершенно тою же іезуитскою коллегіей, только православною.

Въ основѣ учебнаго плана Могилянскоі коллегіи лежитъ знаменитый іезуитскій планъ, *ratio studiorum*, легшій потомъ въ основу всего нашего духовнаго просвѣщенія и благополучно пережившій, какъ увидимъ послѣ, всѣ реформы нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. По *ratio studiorum* всѣ предметы обученія дѣлятся на низшіе и высшіе—*studia inferiora* и *studia superiora*. *Studia inferiora* обнимали слѣдующіе 6 низшихъ классовъ: *аналогію*, или *фору*, гдѣ обучали чтенію и письму на латинскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ; затѣмъ, *инфиму*, *грамматику* и *синтаксиму*, гдѣ изучали грамматику и синтаксисъ всѣхъ трехъ языковъ и занимались переводами съ одного языка на другой; и наконецъ *пѣтику* и *реторику*, въ которыхъ предлагались правила стихосложенія и ораторскаго построенія рѣчи. *Studia superiora*, обнимающія 2 высшихъ класса, состояли въ изученіи *философіи* и *богословія*.

Петръ Могила даже самихъ учащихся раздѣлилъ на два отдѣленія, сообразно изучаемымъ предметамъ;—первое изъ нихъ называлось *sodales minoris congregationis* (товарищи младшаго братства), а второе—*sodales majoris congregationis* (товарищи старшаго братства).

Характеръ наукъ, изучавшихся въ Могилянскоі коллегіи, былъ тотъ же, что и на западѣ Европы—схоластическій. Здѣсь, такъ же, какъ и тамъ, царили—въ философіи Аристотель, съ безчисленными комментаріями къ нему, въ краснорѣчій—Цицеронъ; даже учебники богословія составлялись по Томъ Аквинату¹⁾. Философія состояла на службѣ у

¹⁾ Въ Кіево-Софійскоі библіотекѣ сохранился первый учебникъ по богословію, читанный въ 1642—1646 гг. Онъ составленъ по системѣ Томы Аквината безъ малѣйшихъ отступленій въ порядкѣ. Также были передѣланы изъ католическихъ и учебники по философіи, риторикѣ и другимъ предметамъ. Исторія Кіевскоі Академіи. Булакова. Стр 69.

богословія, по средневѣковому положенію „*philosophia ancilla est theologiae*“, а богословіе занималось полемикой съ невѣрующими, еретиками и, главнымъ образомъ, западными исповѣданіями—католичествомъ и протестантствомъ.

Равнымъ образомъ оставались латинскими и методы и приемы обученія съ упражненіями учениковъ въ составленіи силлогизмовъ и публичными диспутами, ведшимися также въ силлогистической формѣ.

Нечего уже и говорить о томъ, что преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ, бывшемъ тогда не только международнымъ языкомъ ученыхъ всего міра, но и разговорнымъ языкомъ образованнаго класса. Между прочимъ, характерная подробность. *Ratio studiorum* рекомендуетъ для поощренія къ практическому изученію латинскаго языка употреблять позорный значекъ, который заставляють носить заговорившаго на родномъ языкѣ. И эту мѣру также усвоила русская школа. Значекъ носилъ названіе *calculus*'а и представлялъ изъ себя листъ бѣлой бумаги, на который записывалась фамилія провинившагося. Листъ этотъ вставлялся въ футляръ и надѣвался на шею.

Это относительно учебной стороны. Такъ же скопирована была и постановка воспитательнаго дѣла.

Здѣсь заимствованіе выразилось, главнымъ образомъ, въ системѣ надзора, явнаго и тайнаго, учениковъ другъ за другомъ. Общій надзоръ за учениками принадлежалъ суперъ-интенденту (по нынѣшнему уставу его замѣнилъ помощникъ инспектора). Тотъ въ помощь себѣ назначалъ на каждую бурсацкую комнату (т. е. комнату въ общежитіи) по нѣсколькимъ сеніоровъ и по одному директору, который долженъ былъ наблюдать за самими сеніорами. Для наблюденія за учениками повсюду, гдѣ бы они ни находились, назначались изъ учениковъ всѣхъ классовъ визитаторы, одинъ явный и нѣсколько тайныхъ. И сеніоры и директора и визитаторы отдавали отчетъ суперъ-интенденту. Для ближайшаго надзора

за занятіями учениковъ въ классахъ назначались инспектора и аудиторы изъ старшихъ и болѣе успѣвающихъ учениковъ.

Такова была наша первая духовная школа ¹⁾. Но, будучи при возникновеніи своемъ и въ ближайшій, слѣдующій затѣмъ періодъ, точной копіей съ католической школы, она скоро разошлась потомъ со своимъ оригиналомъ. Католическая духовная школа въ лицѣ семинаріи ad mentem concilii Tridentini свернула на путь тепличнаго воспитанія, нравственной аскезы, „питанія мозгомъ льва“, какъ поэтично выражается Aubry ²⁾, и немудрствованія ниче, еже подобаетъ мудрствовать. Русская же духовная школа не сочла нужнымъ принимать какія-либо особенныя мѣры для специфически-церковнаго воспитанія своихъ пастырей, но, справедливо полагая, что для нихъ достаточно общехристіанскаго, въ добромъ уваженіи къ Церкви и вѣрѣ православной веденнаго воспитанія, обратила все вниманіе на ихъ образованіе. По мѣрѣ надобности и, главнымъ образомъ, по мѣрѣ силы она вводила новые предметы обученія ³⁾, открывала новыя кафедры, улучшала методы преподаванія и совершенствовала учебныя пособія. И не только никогда она не ставила препятствій своимъ питомцамъ въ стремленіи ихъ къ знанію, но, напротивъ, всѣми средствами поощряла ихъ въ этомъ. Воспитанники Кіевской Коллегіи, а впослѣдствіи и академіи, обладая самыми скудными средствами, а то и безъ гроша въ кармапѣ, часто пѣшкомъ отправлялись за-границу и стран-

¹⁾ Школы до-монгольскаго періода не могутъ быть поставлены въ счетъ, какъ потому, что о нихъ ничего опредѣленнаго неизвѣстно, такъ и потому, что никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ просвѣщенія въ Россіи онѣ не имѣли.

²⁾ Этимъ именемъ Aubry называетъ чтеніе такихъ лишь книгъ, которыя возбуждаютъ чувства церковности, религіозности и другія подобныя и полное воздержаніе отъ книгъ не только противоположнаго, но и безразличнаго въ смыслѣ церковности содержанія.

³⁾ Въ 1738 г. введенъ нѣмецкій и еврейскій языки; во второй половинѣ 18 столѣтія постепенно введены были группы естественныхъ и математическихъ наукъ, исторія всеобщая и географія. *Булмаковъ*. Стр. 171.

ствовали тамъ, пробавляясь чѣмъ Богъ послалъ, изъ города въ городъ, изъ университета въ университетъ, слушая знаменитыхъ профессоровъ и этимъ путемъ восполняя и расширяя свои познанія. Эти искатели знанія, которымъ приходилось на время даже отрекаться отъ православія, (Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ и многіе другіе) потомъ принимались съ распростертыми объятіями въ стѣны воспитавшаго ихъ учебнаго заведенія, но уже въ качествѣ наставниковъ, и заслуженно пользовались общими любовью, уваженіемъ и даже поклоненіемъ и вызывали все новыхъ и новыхъ подражателей себѣ.

Зато Кіевская академія еще при жизни Могилы превзошла всѣ другія, подобныя ей учебныя заведенія въ Польшѣ; сдѣлалась извѣстной и за границей, и въ нее, какъ въ лучшую, начали приходять изъ всѣхъ окрестныхъ странъ для окончательнаго образованія ¹⁾). Въ теченіе почти двухъ столѣтій со времени преобразованія ея Петромъ Могилой она съ честью держала фронтъ не только русской богословской, но и русской общественной мысли. Изъ ея стѣнъ вышли извѣстные сподвижники Петра Великаго, просвѣщеннѣйшіе люди своего времени: Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофилактъ Лопатинскій, Гавріиль Бужинскій и знаменитѣйшій изъ нихъ, „Петра Великаго дѣль славныхъ проповѣдникъ“, по выраженію одного современника, Теофанъ Прокоповичъ, образованности котораго дивились сами иностранцы. Кіевская же академія дала комплектъ лучшихъ профессоровъ для перваго русскаго университета—Московскаго (открытаго въ 1755 году). Но и послѣ этого, рядомъ съ университетомъ, она продолжала давать обществу и государству много крупныхъ силъ, проявившихъ себя съ самой лучшей стороны во всѣхъ родахъ служенія обществу и государству. Наиболѣе извѣстными изъ нихъ являются: князь Безбородко, первый секре-

¹⁾ Труды Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества любителей русской словесности т. VII. *Булаковъ*.

тарь Екатерины II, графъ Завадовскій, первый въ Россіи министръ народнаго просвѣщенія, и Троцинскій, министръ юстиціи.

Что же касается высшей іерархіи, то она вплоть до 19 столѣтія состояла почти исключительно изъ питомцевъ Кіевской Академіи.

Такимъ образомъ русская духовная школа въ лицѣ Кіевской академіи, имѣя общую съ католической отправную точку и сохраняя общую съ ней схему учебнаго плана, по духу свернула въ совершенно противоположную сторону, въ сторону ничѣмъ не стѣсненнаго, широко поставленнаго научнаго и церковно-общественнаго образованія. Этимъ же путемъ, какъ намъ извѣстно, пошло и протестантское духовное образованіе. Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что если бы Кіевская академія имѣла избытокъ средствъ, и ей была предоставлена свобода развитія сообразно съ тѣми началами, съ которыми мы видимъ ее въ дореформенное время, то она съ теченіемъ времени превратилась бы въ полное подобіе богословскаго факультета протестантскаго университета съ нѣсколькими группами добавочныхъ общеобразовательныхъ наукъ.

А. Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Духовенство въ современной беллетристикѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

„Обида“ — второй рассказъ изъ быта духовенства г. Оренбургскаго. Содержаніе рассказа можно передать въ двухъ—трехъ словахъ. Діаконъ Вавилоновъ, запойный пьяница, обидѣлся на то, что теноръ архіерейскаго хора Мореходовъ, благодаря пронырливости и ласкательству, получилъ быстро

¹⁾ См. № 2-й за 1906 г.

санъ діакона, потомъ—даже священника, а онъ, Вавилоновъ, доселѣ все еще только діаконъ. Поэтому поводу оскорбленный Вавилоновъ напился и въ пьяномъ видѣ изливаетъ свою обиду предъ своимъ священникомъ о. Теогностомъ. На цѣлыхъ десяти страницахъ Гусевъ-Оренбургскій съ удивительною тщательностью расписываетъ пьяныя ломанія „уязвленнаго“ діакона, знакомя терпѣливаго читателя съ неискусными въ устахъ діакона, но, по мнѣнію автора и о. Теогноста, очень остроумными прибаутками скоморошескаго пошиба. О. Теогностъ, „поглаживая тучный свой животъ“ и колыхая имъ, искренно забавляется нелѣпыми причитаніями діакона. Весь перець разказа, очевидно, въ этихъ причитаніяхъ. Какова ихъ соль, читатель можетъ судить по слѣдующимъ образцамъ: „Отець! выкрикиваетъ пьяный діаконъ, покрой сына твоего, ибо онъ злостраждеть. Напитай, яко свинію иѣкогда блудный сынъ, желудями милости твоя!“

— Купель премудрости! Пучина разума! На тебя одного уповаеть духъ мой, яко на судію Самсона древле народъ израильскій.

— Мать! Егда древле блудный сынъ... отъидоша (sic) во страну далече. И нуждася завидоваль свиніямъ.

— Миръ, яко пустыня. Ни водки, ни пива.

— Мореходовъ? скрипитъ какъ колесо, его же возница не подмаза... О, велія превратность рассужденія!

— Духъ мой вопіеть во мнѣ, ибо зрятъ очи мои пучину беззаконія...

— На пепелищѣ грѣховъ моихъ валяюсь, яко Іовъ древле на гноищѣ, но ропщу и стражду.

— Пойду къ другу моему, Антифонскому... У того и пиво и водка есть. Возскорбимъ вмѣстѣ“... И т. д. и т. д. все въ одномъ и томъ же грязно-балаганномъ тонѣ... До того все ходульно-утрировано, до того неестественно и пошло, что не возбуждаетъ даже негодованія на автора. Чувствуется только дѣйствительная обида, „обида“... за читателя, да стыдъ за автора.

Въ ту же оправу неумнаго острословія на счетъ славянскихъ изреченій и нарочитой комичности псаломщика и отчасти священника выправленъ и этою суздальщиной погубленъ въ глубокой основѣ все-таки жизненный сюжетъ разсказа „*Конокрадъ*“.

У порѣченскаго псаломщика украли лошадь. Псаломщикъ, „какъ паленый выбѣжалъ на улицу и побѣжалъ въ правленіе. Онъ такъ растерялся, что забылъ надѣть свою лохматую шапку, и вѣтеръ раздувалъ его косичку“ (примѣчайте комическій лакъ!). Волненіе и горе его почему-то исторгаютъ изъ устъ его высокія реченія, возбуждающія въ читателѣ не сочувствіе къ его несчастью, а смѣхъ. Запыхавшись, прибѣгаетъ онъ въ правленіе и застаётъ тамъ крѣпко спящаго по пьяному дѣлу дневальнаго. „Пробудись-же, *злосудожная душа!*—тормозитъ его плачущій псаломщикъ: проснись, *велиаръ!* Грабятъ христіанъ, а онъ пьянствуетъ“... Не добудился. „У псаломщика расплелась косичка отъ огорченія“. Онъ бѣжитъ къ батюшкѣ и застаётъ батюшку тоже въ потѣшномъ положеніи. Батюшка съ утра гоняетъ по двору своего дорогого коня Гнѣдого. — „Го-го-го, Гнѣдой! Го-го! слышится его голосъ съ просторнаго двора“. Растрепанный псаломщикъ своимъ видомъ испугалъ Гнѣдого, тотъ вырвалъ узду изъ батюшкиныхъ рукъ и убѣжалъ въ поле. Поднялась суматоха: „Держи! держи! — кричитъ батюшка, бросаясь за конемъ.—Иванъ! Павелъ! Держите! Умчить!“.. Кое-какъ направили коня обратно. „Слѣдомъ за конемъ бѣжалъ батюшка въ сѣромъ подрясникѣ, а за батюшкой—псаломщикъ съ растрепавшейся косичкой“.

Дальше идетъ совѣтъ батюшки съ псаломщикомъ о покражѣ. Псаломщика авторъ заставляетъ продолжать роль неестественно глуноватаго простака изъ плохой комедіи... „Посоветуйте, батюшка, что сдѣлать? Не сбѣгать ли къ старостѣ?“—Батюшка отвергаетъ этотъ проектъ.

— Къ архіерею, батюшка, поѣхать?—спрашиваетъ простовато псаломщикъ.

— При чемъ архіерей-то!—возражаетъ батюшка.

— Какъ же! Развѣ это законъ, -- духовныхъ грабить? Пусть проклятiе наложитъ, чтобы соборнѣ анаѳемѣ предать сихъ татей и разбойниковъ!—гримасничаетъ или наивничаетъ псаломщикъ.

— Не мели пустое! У архіерея такихъ правъ нѣтъ. (докторально внушаетъ батюшка).

— А какъ же Гришку-то Отреньева, батюшка, анаѳемѣ предають? (наддаетъ смѣху псаломщикъ... Съ горя, должно быть, г. Гусевъ-Оренбургскій?).

— То Гришка! (вразумляетъ батюшка)... Ума-то, я посмотрю у тебя, Яковъ Михалычъ, какъ у курицы въ хвостѣ!...

Это игривая прелюдiя съ цѣлью позабавить публику. Дальше—неожиданный переходъ къ серьезному. Батюшка по глубокомъ раздумьи, вдругъ, тряхиувъ сѣдыми и волнистыми волосами, сказалъ:

— Нашель!

„Псаломщикъ даже руки молитвенно сложилъ“.

— Сила Божiя! Николаю угоднику свѣчку въ тридцать копѣекъ поставлю—золоченую! Батюшка, помогите! патетически кричитъ псаломщикъ (эта свѣчка золоченая здѣсь такая же эффектная подробность, какъ ометъ о. Памфила).

Средство придумано простое. Батюшка призываетъ къ себѣ извѣстнаго въ приходѣ конокрада Чмокина, ведетъ его въ церковь, устраиваетъ ему нѣчто въ родѣ экстренной исповѣди (предъ анаѳемѣ съ крестомъ и Евангелiемъ) и уговариваетъ его признаться, кто укралъ лошадь у псаломщика.

Бесѣда написана не дурно, даже съ проблесками талантливости. Батюшка попался: разговоръ начался съ того, что батюшка вздумалъ обличать Чмокина, и кончился тѣмъ, что Чмокинъ отчиталъ самага Батюшку и, пожалуй,—по-дѣломъ. Конокрадъ въ взволнованной рѣчи признается, что онъ укралъ лошадь. Но не кается въ этомъ. Онъ доведенъ до своего теперешняго ремесла предателями старостами да старшинами. И теперь все равно пропалъ!—„Гдѣ же ты былъ

тогда, отецъ, что меня не защитилъ, не помогъ мнѣ? А ужъ теперь пропало! Ты меня судомъ стращаешь... А я... Нѣтъ, ты богачей стражай, вотъ что! Ихъ постражай... А ты самъ ихъ боишься... вотъ что!..“

Авторъ прошелся довольно мѣтко по больному мѣсту. Тема благодарная: духовенство наше дѣйствительно часто далеко стоитъ отъ сложной и обильной всякими неправдами жизни прихода. Это, конечно, крайне прискорбно, и трудно не поддаться искушенію—сказать укоризненное слово всякому батюшкѣ, который въ хозяйственныхъ заботахъ о Гнѣдыхъ, небрежно просматриваетъ душу паствы. Но тема эта слишкомъ глубока и серьезна, и требуетъ спокойной и основательной разработки. А когда разсужденія на эту тему ведутся, какъ здѣсь у г. Гусева-Оренбургскаго, съ подчеркнутымъ намѣреніемъ только сорвать комическій эффектъ, тогда результатъ отъ нихъ получается болѣе, чѣмъ скромный. И г. Гусеву-Оренбургскому этотъ результатъ дался вполне. Онъ самъ затопталъ хорошую тему, продавши ее за сомнительную побрякушку дешеваго остроумія.—Онъ не удержался отъ того, чтобы серьезный тонъ разговора батюшки съ Чмокинымъ не припечатать балаганнымъ колѣномъ.—На другой день послѣ разговора съ Чмокинымъ лошадь псаломщика нашлась... Тутъ бы и кончить разсказъ. Вышло бы и естественно и даже, пожалуй, картинно. Но г. Гусеву-Оренбургскому, очевидно, трудно отстать отъ несчастной привычки—напускать кстати и не кстати ядовитаго смѣхотворства, и онъ его пустилъ въ концѣ разсказа.

„Псаломщикъ, заканчиваетъ г. Гусевъ свой разсказъ, влетѣлъ въ раскрытыя ворота (батюшки) на куцой, вертлявой лошаdkѣ и, болтая ногами вдоль тощихъ боковъ ея, радостно кричалъ, размахивая руками:

— Нашлась! о. Панкратій! Нашлась... Ахъ ты, сила Божія! А! непременно Николаю-угоднику свѣчку въ... гривеникъ поставлю, золоченую“!

Примѣчайте соль и ядъ автора. Вотъ каково, молъ, дьякъ русскій! Миновала бѣда, и Бога обмануть можно,— двадцать копѣекъ съэкономилъ... обѣцаль то вѣдь свѣчку золоченую въ тридцать копѣекъ!

Въ такомъ же веселомъ настроеніи написанъ и рассказъ подъ заглавіемъ „*Кахетинка*“. Большой любитель куръ діаконъ Авессаломовъ во время сбора руги увидѣлъ во дворѣ одной бабы породистую кахетинку, прельстился ею и упрасиваетъ бабу продать ему на заводъ курицу. Баба отказала наотрѣзъ. Діаконъ обидѣлся и отомстилъ обидчицѣ тѣмъ, что, придравшись къ предбрачнымъ документамъ, долго не соглашался повѣнчать сына бабы, у котораго не было исповѣднаго свидѣтельства. Долго ходилъ отецъ жениха къ строгому о. діакону; молилъ его всячески, кланялся въ ноги, предлагалъ взять въ подарокъ кахетинку, но діаконъ оставался неумолимъ. Наконецъ, достаточно насытившись униженіемъ „врага“, діаконъ соблаговолилъ дѣло со свадьбой устроить безъ исповѣднаго свидѣтельства, но съ хорошею памятою для непочтительныхъ прихожанъ: онъ заставилъ мужика за свадьбу заплатить, ни больше ни меньше, какъ 25 рублей, тогда какъ обычная плата за повѣнчаніе въ приходѣ была 5 рубл.;—отъ кахетинки же съ рыцарскимъ благородствомъ отказался: „не надо, еще скажетъ, что о. діаконъ изъ-за курицы свадьбы не вѣнчалъ“,—отвѣчалъ онъ гордо мужику, когда тотъ предложилъ ему взять курицу.

„У духовныхъ глаза хоть и завидушіе, а безъ духовныхъ вамъ не прожить“,—въ такихъ словахъ діаконъ Авессаломовъ выразилъ идею рассказа.

И опять: авторъ слегка затронулъ, какъ видите, большой вопросъ о ненормальности отношеній причта и прихожанъ въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія духовенства. Но по свойственной его перу легкости обратилъ эту тему только въ веселую шутку и, увлекшись потѣшными подробностями рассказа, позабылъ даже внушить діакону Авессаломову тонъ рѣчи, приличный особѣ духовнаго званія. Діаконъ Авессало-

мовъ, къ удивленію читателя, привыкшаго къ разсказамъ Оренбургскаго, не употребилъ ни одного славянскаго „реченія“ во весь не краткій разсказъ объ его побѣдѣ надъ дерзкой бабой. Широкаго же освѣщенія или того, что называется средоточной идеей, въ разсказъ свой авторъ не положилъ.

Свящ. *Ев. Капрановъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Незамѣтное существованіе.

Разсказъ.

I.

Въ селѣ Обрывахъ у о. Петра Зарубина предстояло печальное торжество—выносъ и погребеніе Аѳанасіи Ивановны, почтенной 80-лѣтней старушки, родной бабушки о. Петра. Все село и весь приходъ, особенно женщины, знали и любили старушку, всегда кроткую, безотвѣтную и ласковую. Но особенно дорога была она родной семьѣ внука-священника, была для нея истиннымъ попечительнымъ провидѣніемъ. Правнуки—дѣти о. Петра—восьмилѣтній Ваня, пятилѣтній Миша и трехлѣтняя крошка Маня постоянно вертѣлись около любимой, ласковой бабушки.—„Бабуся, бабуся!“—только и слышались голоса ластившихся ребятишекъ.

Аѳанасья Ивановна, несмотря на старость, зорко присматривала за хозяйствомъ и дѣтьми, поднимаясь утромъ раньше всѣхъ въ домѣ. Порой совѣстно становилось о. Петру и матушкѣ Аннѣ Сергѣевнѣ, глядя на постоянныя хлопоты шустрой старушки.

— Хотя бы отдохнули вы—вѣчно хлопочете,—уговаривалъ ее иногда внукъ:—люди осудятъ, скажутъ: на старости лѣтъ мучимъ васъ хлопотами, работою. Слава Богу, есть кѣмъ замѣниться, не безъ прислуги живемъ.

— Что ты, что ты, внукъ мой милый! Какъ это можно: свой глазъ вѣриѣ. Да и что я безъ дѣла?—Скука одна. Вѣдь, что могу, то и дѣлаю. Никто не неволить. Пусть люди говорятъ, что имъ хочется.—Таковъ былъ ея неизмѣнный отвѣтъ. И до самой предсмертной, короткой болѣзни продолжала она безъ усталы трудиться.

Самая смерть незамѣтно какъ-то подкралась къ этой незамѣтной труженицѣ. Уходившись по хозяйству, присѣла Аѳанасія Ивановна, по обыкновенію, вязать чулочки своимъ правнучкамъ, чтобы не сидѣть безъ дѣла. Вдругъ почувствовала общую слабость и головокруженіе, и упала бы непременно съ сундука у печки—любимаго своего мѣста, если бы ея не поддержала подвернувшаяся Анна Сергѣевна.

— Охъ, охъ, дѣточки мои!—застонала она:—смертушка моя, знать, подходитъ... Всю ровно вотъ чѣмъ-то пришибло,--- промолвила она, безсильно опускаясь на сундукъ.

Съ той поры Аѳанасія Ивановна уже не вставала, не шила и не ѣла. Позвали на другой день о. Стефана, другого священника села Обрывовъ, напутствовать старушку и торжественно пособоровать ее потомъ. Съ вѣрой принимала она св. таинства, сидя въ креслѣ, окруженная родными и селянами.—Медленно, прочувствованно совершали чинъ соборованія о. Петръ и о. Стефанъ; кроткимъ огнемъ свѣтились свѣчи въ рукахъ всѣхъ молящихся, наполняя комнату особеннымъ запахомъ воска и елея. Лицо самой Аѳанасіи Ивановны, блѣдное, восковое, изборожденное старческими морщинами, хранило молитвенное выраженіе; ослабѣвшія руки творили крестное знаменіе. Послѣ обряда начались обычныя трогательныя минуты прощанія.

— Простите меня, грѣшную,—шептали уста старушки подходящимъ и кланявшимся ей по очереди:—можетъ, живучи, кого и обидѣла; долго жила, много и нагрѣшила... А на васъ ни на кого зла не имѣю, всѣхъ любила... Богъ васъ простить!.. Особенно трогательно прощалась она съ родной

семьей, о которой пеклась и заботилась неустанно до последней минуты. Слезы наполняли глаза старушки и текли тихо по исхудалымъ, впалымъ щекамъ: видно, жаль ей было покинуть любимую семью внуковъ и правнуковъ. Не удержались отъ слезъ и растроганные о. Петръ и Анна Сергѣевна. О дѣтяхъ и говорить нечего: подчиняясь общему настроенію и чуя дѣтскимъ сердцемъ близкую разлуку съ бабушкой, они всѣ трое со слезами цѣловали опустившіяся руки старушки и любовно заглядывали въ милое, дорогое лицо.

— Что-жъ дѣлать, дорогіе мои,—говорила послѣ прощанія окружающимъ Аѳанасія Ивановна:—на покой, видно, призываетъ Господь мою душеньку. Даль Онъ, Милосердый, пожить мнѣ не мало. И слава Богу за все. Привель Онъ мнѣ пожить, потрудиться въ простотѣ на пользу близкимъ людямъ и отъ худыхъ дѣлъ, большихъ грѣховъ, соблюлъ, сохранилъ. И при концѣ пожалѣлъ мою старость: у любимыхъ дѣтей-внуковъ на рукахъ умираю. Чего еще надо? Слава Тебѣ, Боже, за все!

И предчувствіе близкой смерти не обмануло старушку. Къ утру послѣ соборованія она мирно скончалась, перешла туда, гдѣ нѣтъ ни печалей—житейскихъ заботъ, ни воздыханія...

II.

Въ чемъ же и какъ протекла многолѣтняя жизнь умершей, чѣмъ сумѣла наполнить ее Аѳанасія Ивановна, что такъ легко отошла въ лучшій міръ?..

— Не забываетъ, видно, меня Богъ: еще четвертый ротъ прибавился.

Такими словами и тяжелымъ вздохомъ встрѣтилъ появленіе на свѣтъ четвертаго ребенка-дѣвочки бѣдный дьячокъ села Забытаго Иванъ Гавриловичъ Синицынъ. Эта новорожденная и была извѣстная намъ бабушка Аѳанасія Ивановна. Кромѣ нея, у Гаврилыча было уже трое дѣтей: двѣ дѣвочки постарше и сынъ Паша лѣтъ 8: семья порядочная, соста-

лявшая значительное бремя при бѣдности родителя и при его склонности выпивать лишнее. Не веселое дѣтство выпало на долю маленькой Оани въ полунищей семьѣ, съ вѣчно пьянымъ отцомъ. Семейной перебранкой начинался чуть не каждый день и руганью кончался. Часто полуголодными ложились дѣти спать, вдобавокъ—еще и побитыя озлобленными родителями. До семи лѣтъ тянулась для Оани такая неприглядная жизнь, а тутъ наступила пора еще хуже, еще безнадежнѣе. Въ одинъ жаркій лѣтній день не стало Гаврилыча, умершаго отъ удара послѣ выпивки, а за нимъ вскорѣ умерла и жена его, изможденная вѣчной нуждой и чахоткой, покинувъ на Божію волю осиротѣлую семью.

Къ той порѣ старшія сестры были уже выданы замужъ за такихъ же горемыкъ-пономарей, какъ и ихъ отецъ; оставались непристроенными трое: братъ Паша, плохо учившійся въ духовномъ училищѣ, Оаня да еще сестра Саня, родившаяся чрезъ годъ послѣ Оани. Судьбу сиротъ начальство духовное тогда очень близко принимало къ сердцу: всѣмъ троицѣ нашлось мѣсто и уголь. Пашу уволили изъ училища и назначили на мѣсто отца на половинный доходъ, другая же половина удерживалась на содержаніе сестеръ. Оаню и Саню отдали въ женскій монастырь на воспитаніе, что практиковалось перѣдко въ старые годы. И вотъ, маленькая Оаня попала изъ огня да въ полымя: изъ семейнаго ада—подъ суровый монастырскій режимъ.

Не сладка была жизнь питомицъ-сиротокъ въ монастыряхъ. Маленькихъ воспитывали кое-какъ, а подростками пользовались, какъ даровой рабочей силой, на всякую монастырскую послугу-работу пригодной. Хорошо, если во-время сиротъ-дѣвушкѣ подыскивался „духовный“ женихъ,—за ними тоже зачисляли мѣсто: тогда избавлялась она отъ подневольнаго затвора и работы египетской... Не сладко пришлось и бѣдной Оанѣ за монастырскими стѣнами. Восьмилѣтнюю дѣвочку тотчасъ же принялись приучать къ руководѣльнымъ ра-

ботамъ, употреблять на побѣгушки, замѣтивъ въ ней смысленность и расторопность.

— „Оаня, сбѣгай туда-то!.. Оаня, сдѣлай то-то!.. Оаня, куда заглядѣлась, что не работаешь!“—раздавались непрерывно окрики руководительницъ. И дѣтская натура, жаждавшая свободы и рѣзвости, не знала ни отдыха, ни срока: вѣдь, Оаня была сирота!..

И чѣмъ старше становилась она, тѣмъ больше ложилось на плечи монастырской питомицы послушаній, особенно швейныхъ, руководѣльныхъ работъ, въ которыхъ Оаня успѣла достигнуть своего рода совершенства. „Сколько она вышила, навывивала, навязала за долгіе годы, проведенные здѣсь, въ пользу монастырскую, сидя за стѣнами, не видя свѣта Божія! Но—странное дѣло—такая суровая жизнь не могла сокрушить, надломить ни тѣлеснаго здоровья, ни свѣтлаго душевнаго настроенія Оани. Цвѣтущей, красивой дѣвушкой выросла Оаня, и всякое дѣло, работу исполняла всегда съ готовностію и усердіемъ, какъ свою собственную.

Никто не видалъ ея грустной, печальной, не слыхалъ отъ нея жалобъ на скучную, подневольную жизнь. Доброе сердце сказывалось въ обращеніи со всѣми, всѣмъ готова она была услужить,—и не диво, что Оаня сдѣлалась въ монастырѣ общей любимицей. Наконецъ, насталь, повидимому, праздникъ для одинокой сиротской души, пришла пора покинуть монастырскія стѣны и выйти на вольную волю: Оанѣ подыскался женихъ, достойный занять зачисленное за нею пономарское мѣсто въ большомъ селѣ Заевѣ.

III.

Съ перваго взгляда понравился молодой дѣвушкѣ, не издававшей людей и свѣта, выискавшійся женихъ, молодой, видный собой Иванъ Елизарычъ Зарубинъ. Безъ колебаній и сомнѣній вышла за него Аѳанасія Ивановна, навсегда покинувши съ благодарными слезами воспитавшій ее монастырь. Теперь началась для нея новая жизнь. Съ усердіемъ,

съ радостью принялись молодые супруги устроить свое гнѣздо, свое скромное пономарское хозяйство; Иванъ Елизарычъ оказался хорошимъ хозяиномъ; самъ правилъ и полевую работу, такъ что въ два года Зарубины успѣли обосноваться, какъ слѣдуетъ, всѣмъ обзавелись. Осталось жить да радоваться, глядя на родившагося скоро у нихъ первенца—мальчика Павлушу... Но... сиротское счастье не прочно. Какъ-то возвратившись съ пашни, Елизарычъ не въ мѣру выпилъ холоднаго квасу, схватилъ воспаленіе легкихъ и чрезъ двѣ недѣли нежданно-негаданно оставилъ молодую вдову...

Опять сиротство и одиночество. Но одиночество теперь было не полное: у Аѳанасіи Ивановны былъ Павликъ. Всѣ помыслы, любовь и попеченіе ея сосредоточились на малюткѣ:—какъ его выростить, поднять на ноги—о томъ только она и думала. На помощь ей пришелъ, по добротѣ души, мѣстный священникъ, предложившій Аѳанасіи Ивановнѣ мѣсто просвирни въ его части. Такъ и осталась жить здѣсь Аѳанасія Ивановна. Потянулись долгіе годы, посвященные воспитанію сына—любимца. Пригодилось и монастырское искусство шитья и вязанья. Почей не досынала мать-просфорница, добывая иглой ежудныя средства на воспитаніе Павлика, въ которомъ души не чаяла. А средствъ этихъ нужно было все больше и больше, когда сталъ онъ учиться—спачала въ училищѣ, а потомъ въ семинаріи.

Правда, Павликъ былъ принятъ на казенное содержаніе; но мало ли у ученика мелкихъ нуждъ и потребностей? Тѣмъ болѣе, матери хотѣлось, чтобъ ея Павликъ ни въ чемъ не нуждался; наравнѣ съ отцовскими дѣтьми-товарицами. И вотъ, чрезъ двадцать лѣтъ материнскихъ заботъ и терпѣнія, для Аѳанасіи Ивановны проглянулъ ясный, радостный лучъ. Павелъ Иванычъ окончилъ курсъ въ семинаріи, нашелъ священническое мѣсто и женился на доброй, славной дѣвушкѣ-сиротѣ, пришедшейся по сердцу Аѳанасіи Ивановнѣ. Любовно благословила она дѣтей на счастливое житье, но поселиться у нихъ отказалась, какъ они ни уговаривали.

— Къ чему покидать мнѣ насиженное мѣсто и васъ стѣснять?—упорно твердила она: пока могу, отчего не трудиться?.. Не за горами жить будете: стану наѣзжать къ вамъ чаще да любоваться на ваше молодое счастье. Господь васъ благослови!..

И въ самомъ дѣлѣ, Аѳанасіи Ивановнѣ жаль было покидать безъ нужды насиженное мѣсто, тѣмъ болѣе, что у молодыхъ людей не представлялось, до поры—до времени, особеннаго дѣла для ея многопечительной, заботливой души... А здѣсь, въ Заевѣ, успѣла она сродниться, сжитися съ приходомъ, особенно съ женскою его половиною. За долговременное просфорничество всѣ щенщины полюбили матушку-просфорницу, добрую, сердобольную, отзывчивую на каждое горе людское. Охотно женщины дѣлились съ ней своими житейскими печальми и всегда въ ласковой бесѣдѣ съ ней находили отдыхъ и утѣшеніе. При томъ же, добрыя черты характера еще выгоднѣе отѣнялись въ Аѳанасіи Ивановнѣ истинно монастырскимъ, благочестивымъ безъ лицемѣрія, образомъ жизни, сдержанностью, скромностью въ рѣчахъ и поступкахъ, вынесенными ею изъ монастыря.

Но, продолжая жить и служить просвирней, Аѳанасія Ивановна не забывала дѣтей. Ѣздила къ нимъ часто—и не съ пустыми руками. Когда можно было предвидѣть появленіе внука или внучки, у нея начинались новыя заботы: стегались одѣяльца, шились пеленки, рубашечки. И все это свозила она къ „дорогимъ дѣтямъ“. Годъ за годомъ, къ радости бабушки, рождались у о. Павла дѣтки. Вотъ ихъ уже трое: мальчикъ Петруша и двѣ дѣвочки. Имъ она привозила и просвирокъ своего неченья, и всякихъ гостинцевъ. Съ распростертыми объятіями всякій разъ встрѣчали въ родной семьѣ желанную гостью и неохотно отпускали домой. И радовалось сердце Аѳанасіи Ивановны, глядя на счастливую семью сына.

IV.

Такъ бы долго еще жила Аоанасія Ивановна на насиженномъ мѣстѣ, если бы не случилась семейная бѣда у о. Павла Зарубина. Молодая матушка умерла отъ тяжелыхъ родовъ,—и остался о. Павелъ съ тремя сиротами на рукахъ. Кто ихъ взростить, поставить на ноги,—страшно было думать! И вотъ, оставила Аоанасія Ивановна мѣсто просфорни, взяла въ свои руки хозяйство и воспитаніе дѣтокъ овдовѣвшаго сына. Дѣла было по-горло, но со всѣмъ умѣла управляться Аоанасія Ивановна. Для внучковъ-сиротокъ была она и нянькой и мамкой, заботливо обмывая, обшивая и вскармливая ихъ. Не роняла и хозяйства сына.

Много времени ушло, пока встали на ноги внуки, много приложила на это трудовъ и заботъ Аоанасія Ивановна. Успѣла за это время и посѣдѣть и состариться...

Дочери о. Павла окончили курсъ въ епархіальномъ училищѣ, и старшей о. Павелъ уступилъ свой приходъ, рѣшивши жить у зятя на покоѣ, такъ какъ слишкомъ измучился преждевременнымъ вдовымъ существованіемъ. Младшая дочь поступила въ сельскія учительницы. Петръ Павлычъ по окончаніи курса въ семинаріи, занялъ приходъ въ селѣ Обрывахъ. Миссія Аоанасіи Ивановны завершилась—нечего было больше дѣлать у сына.

— „Ну, внучекъ и крестничекъ мой милый, видно, теперь ты уже меня пріютишь,—говорила она молодому священнику Петру Павлычу.—Впрочемъ, не подумай, что въ тяготу буду: дастъ Богъ, послужу напоследокъ и вамъ, внукамъ моимъ дорогимъ, а ты упокой только старыя кости...

Такъ и стала доживать свой вѣкъ у любимыхъ внучатъ Аоанасія Ивановна и здѣсь обрѣла себѣ, какъ мы знаемъ, вѣчный покой.

Но пора возвратиться къ началу разсказа... Выносъ и погребеніе назначенныя, черезъ два дня послѣ смерти, пришли не въ праздничный день; но въ село съ ранняго утра набралось не мало народа изъ деревень—проститься съ кроткой, дорогой всѣмъ, умершей. Въ квартирѣ о. Петра было тѣсно, особенно въ небольшой залѣ, гдѣ подъ образами, на двухъ столахъ, мирно почивала покойница. При свѣтѣ тусклаго осенняго дня и свѣчъ, теплившихся въ подсвѣчникахъ у изголовья умершей, выдѣлялось лицо Аоанасіи Ивановны—съ рѣзко осунувшимися чертами, восковое, блѣдное, прозрачное. Выраженіе мира, покоя отпечатлѣлось на немъ,

на закрытыхъ глазахъ, на плотно сомкнутыхъ губахъ. Казалось, ни старость, ни смерть не могли уничтожить на этомъ миломъ, теперь безжизненномъ, лицѣ выраженія той духовно-правственной красоты и доброты, которымъ оно привлекало при жизни сердца всѣхъ... Наступилъ часъ выноса умершей. О. Петръ и о. Стефанъ со всѣмъ причтомъ стояли уже облачившись и начали заупокойную службу. Въ концѣ литіи сельскія женщины безъ особенныхъ усилій переложили щедрое тѣло умершей въ тутъ же стоявшій на двухъ табуретахъ скромный сѣренкій гробъ, предварительно окропленный святой водой. И потянулось печальное шествіе къ церкви.

„Со святыми упокой, Христе“, раздавалось уныло-торжественное гѣніе. И это были не одни слова, а выраженіе глубокой вѣры и твердаго упованія. И въ самомъ дѣлѣ, съ кѣмъ, какъ не со святыми, упокоить Господь эту великую, но незамѣтную, смиренную трезвенницу?..

Много разъ смѣнялись женщины, несшія гробъ: всѣмъ хотѣлось оказать этотъ послѣдній знакъ уваженія и любви къ Аѳанасію Ивановичу. Заупокойную литургію совершилъ самъ о. Петръ, и тотчасъ же приступили къ отгѣванію. Отгѣвали оба священника—истово, не допуская обычныхъ въ такихъ случаяхъ пропусковъ, сокращенія. И это придавало похоронамъ особенную, тихую умирительность и торжественность. О. Стефанъ, знавшій всю жизнь умершей, сказалъ надъ гробомъ прощальную короткую рѣчь, очертивъ безкорыстіе усопшей, ея смиреніе, беззавѣтность служенія для блага родныхъ, и закончилъ слѣдующими словами: „добрая раба и вѣрная! Въ маломъ ты была вѣрна во всю твою долгую жизнь; вниди въ радость Господа, узнай, испытай, насладись сама тою радостью, которой ты не знала при жизни, довольствуясь только чужою радостью“.

Похоронили Аѳанасію Ивановну на приходскомъ кладбищѣ рядомъ съ другими простыми людьми, такими же труженикамъ, незамѣтно закончившими свое земное существованіе. Тихо и мирно было мѣсто ея вѣчнаго упокоенія. Могильная яма выкопана была среди развѣсистыхъ, задумчивыхъ сосенъ, которыя, казалось, навѣвали усопшей мирные сны... Песчаная свѣжая насыпь да деревянный новый крестъ одни остались свидѣтелями закончившагося незамѣтнаго существованія.

Свящ. *Аѳанасій Веселуцкій.*

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года января 22-го дня.

Содержаніе: Памяти высокопреосв. Іеронима, арх. Варшавскаго и Привислицкаго. — Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію (продолженіе). Духовенство въ современной; беллетристикѣ (окончаніе). — Нѣсколько замѣчаній къ статьѣ: „О монашествѣ въ отношеніи къ епископству“ (Церк. Вѣстн. 1905 г., № 49). Неудобопонятное пѣсеніиѣе праздника Рождества Христова.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: Какъ живутъ и трудятся люди въ чужихъ странахъ.

Памяти высокопреосвященнаго Іеронима, архі- епископа Варшавскаго и Привислицкаго.

Приспомятныиъ Высокопреосвященный Іеронимъ, въ мѣрѣ Пля Тихоновичъ Экземплярскій, уроженецъ Владимірской епархіи, сынъ священника, родился 20 іюля 1836 г. Высшее образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1861 г. кандидатомъ, и въ томъ же году началась его педагогическая дѣятельность—сперва въ Черниговской, а затѣмъ въ Кіевской дух. семинаріи. Не привлекательна была эта первоначальная служба въ матеріальномъ отношеніи при 21 р. 45 к. мѣсячнаго оклада. Въ Черниговѣ у него была квартирка только изъ двухъ комнатъ, съ аршиннымъ квадратнымъ столикомъ, двумя кроват-

тами и двумя стульями плотничьей работы, такъ что, когда собиралось 3—4 человѣка гостей, и гости и сами хозяева располагались за чаемъ прямо на полу, постлавъ его коврикомъ. Нѣсколько лучше было матеріальное положеніе И. Т. Э—го на службѣ въ Кіевской семинаріи. Здѣсь онъ получалъ въ иной годъ довольно значительное вознагражденіе за сотрудничество въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, гдѣ очень много помѣщалъ статей¹⁾, и за исполненіе должности секретаря редакціи. Въ 1870 г. за свои литературные труды и за учебникъ по дидактикѣ, въ то время впервые явившійся въ качествѣ оригинальнаго пособия по указанному предмету и многіе годы затѣмъ служившій главнымъ руководствомъ для учащихся и учащихъ, И. Т. получилъ, какъ лучшую награду, степень магистра. Въ 1871 г., во исполненіе даннаго обѣта, во время тяжелой болѣзни жены, принялъ санъ священства и поступилъ въ Коллегію Павла Галагана законоучителемъ и священникомъ коллегіатской церкви. Въ Коллегіи, согласно желанію учредителя Коллегіи, служилъ нѣкоторое время воспитателемъ, исполняя въ точности очередныя дежурства—дневныя и ночныя по надзору за коллегіатами. Съ этой поры открывается И. Т. Э—му широкое поле для церковно-общественной дѣ-

¹⁾ Каковы, напр., „Нѣсколько словъ о картинѣ страшнаго суда“, „Условія поступленія молодыхъ людей духовнаго званія на приходъ а принятіе священнаго сана“, историческій очеркъ: „Русское бѣлое духовенство, какъ сословіе“, „Рекрутскіе выборы изъ русскаго приходскаго духовенства“, „Общество любителей духовнаго просвѣщенія“, „О церковномъ пѣвнѣ“, „Трудность выхода на мѣста духовныхъ воспитанниковъ въ наше время“, „Причины нерасположенія нашего бѣлаго духовенства къ школь и наукѣ въ продолженіе XVIII столѣтія“, „Что сдѣлало земство на пользу народнаго образованія“, „О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса въ начальныхъ народныхъ училищахъ“, „Что мы должны желать отъ книги, назначаемой для первоначальнаго чтенія школьникамъ и грамотному народу“, „Нѣсколько словъ о духѣ и направленіи современной полемической литературы противъ раскола“, „Благотворное вліяніе на Россію трудовъ и подвиговъ святыхъ Кирилла и Меѳодія“, „По вопросу о православномъ церковномъ пѣвнѣ“ и проч.

тельности. Самые именитые люди, какъ напр., генераль-губернаторъ Дундуковъ-Корсаковъ, попечитель учеб. округа Антоновичъ, считали за честь имѣть его домашнимъ законоучителемъ своихъ дѣтей; въ 1-ой кievской гимназiи ему предоставлено было мѣсто старшаго законоучителя. По возведенiи въ санъ протоіерея, И. Т. былъ опредѣленъ благочиннымъ Кіевскихъ церквей и нерѣдко исполнялъ самыя трудныя порученія архипастыря Кіевской епархіи м. Платона. Въ 1883 году прот. Э—му предложена была со стороны Черниговской семинаріи должность ректора, но онъ отказался отъ этой чести, какъ ранѣе отказался отъ подобнаго же предложенія Таврической семинаріи, потому что не желалъ разстаться съ Коллегіею и ея учредителемъ. Въ 1884 году м. Платонъ предложилъ прот. Э—му принять монашество и обѣщалъ возвести его въ санъ епископа (Чигиринскаго); но тогда И. Т. отказался и отъ этой чести, сославшись на несовершеннолѣтіе дѣтей своихъ, требовавшихъ ближайшаго отцовскаго надзора¹⁾. Но въ слѣдующемъ 1885 году, послѣ вторичнаго предложенія митр. Платона, прот. Э—скій принялъ монашество съ нареченіемъ ему имени Іеронима, возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ былъ управляющимъ Кіево-Михайловскимъ монастыремъ. Въ томъ же году ему Высочайше было повелѣно быть епископомъ Чигиринскимъ. Черезъ четыре съ половиною года, еп. Іеронимъ получаетъ самостоятельную кафедру въ Тамбовѣ. Въ 1894 г. онъ былъ назначенъ уже архіепископомъ Литовскимъ; а съ 1898 г. по день кончины своей управлялъ Холмско-Варшав-

¹⁾ Это предложеніе было сдѣлано о. прот. Э—му митр. Платономъ во время посѣщенія имъ м. Коростышева, гдѣ онъ, по приглашенію мѣстнаго ксенза, посѣтилъ и костель, въ которомъ сказалъ знаменитую рѣчь о родствѣ поляковъ съ русскими и по крови и по вѣрѣ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ разностей. Рѣчь митрополита черезъ нѣсколько дней явилась буквально воспроизведенной прот. Э—мъ въ печати и произвела чрезвычайную сенсацію въ польскомъ духовенствѣ. Въ это-то время м. Платонъ посѣтилъ прот. Э—го на его дачѣ въ Коростышевѣ и сдѣлалъ ему упомянутое предложеніе.

скою епархією. Быстрое возвышеніе высокопреосв. Іеронима и назначенія его на мѣста служенія, гдѣ требуется особенная мудрость въ управленіи, сами собою показываютъ его высокія душевныя качества и достоинства.

Не входя въ подробное исчисленіе всѣхъ трудовъ и дѣяній приснопамятнаго архіеп. Іеронима, что далеко завело бы насъ за предѣлы краткаго очерка, мы въ данномъ случаѣ представимъ лишь общую характеристику его церковно-общественной дѣятельности въ томъ видѣ, какъ она очерчена однимъ изъ панегиристовъ владыки въ 1901 году по случаю празднованія сорокалѣтія служенія его. „На всѣхъ мѣстахъ служенія высокопреосвященнаго Іеронима видны обильные и отрадные плоды посѣяннаго имъ и въ дѣлѣ духовно-нравственнаго просвѣщенія, и въ дѣлѣ сооруженія церквей, церковей-школь, церковно-приходскихъ школь, и въ дѣлѣ благоустроенія духовно-учебныхъ заведеній и въ дѣлѣ благотворительности, которая по щедрости и широтѣ безпримѣрна. Ни одно изъ общественныхъ полезныхъ учрежденій не оставалось безъ его благословенія и матеріальной поддержки... Во время холерныхъ бѣдствій владыка на свой счетъ снабжалъ всѣ приходы противо-холерными аптечками, во время голодovieкъ раздавалъ печеный хлѣбъ и значительныя денежныя пособія, а для сиротъ, вдовъ и убогихъ изъ духовенства былъ роднымъ отцомъ и заботливымъ попечителемъ объ ихъ горькой участи¹⁾“. Какъ истый русскій душею и любвеобильный отецъ-архипастырь, Іеронимъ въ великіе праздники Рождества Христова и Пасхи посѣщалъ общественныя больницы и мѣста заключенія для утѣшенія милостію Божіею и праздничными подарками отъ щедротъ своихъ немощныхъ и падшихъ. Для поднятія престижа духовенства и для блага народа по непреклонной волѣ владыки Іеронима было основано множество обществъ трезвости, во главѣ съ пастырями духовными, которымъ онъ внушалъ при всякомъ удобномъ

¹⁾ Газета „Свѣтъ“ 1901 г.

случаѣ, и во время епархіальныхъ съѣздовъ и во время обзоренія епархіи, заботиться о трезвенномъ и добромъ житіи и тщательномъ пасеніи вѣреннаго имъ стада Христова. Устроилъ онъ и школы для надлежащаго приготовленія псаломщиковъ; вводилъ въ церквахъ городскихъ и сельскихъ массовое пѣніе; заботился о распространеніи православной вѣры. Плодомъ этой его заботливости было обращеніе множества иновѣрныхъ и инославныхъ въ православіе.

Въ духовной литературѣ имя почившаго Іеронима также пользовалось извѣстностію. Но особенная честь принадлежитъ ему, какъ проповѣднику. Во дни воскресные и праздничные, особенно во дни Вел. поста владыка Іеронимъ, за время своего святительскаго служенія, послѣ прочтенія положеннаго Евангелія, обычно являлся на амвонъ и велъ объяснительныя и назидательныя бесѣды, изъ которыхъ множество было напечатано еще при жизни его въ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ, а еще больше осталось въ рукописяхъ.

Богослуженія, совершаемыя владыкою Іеронимомъ, отличались поразительнымъ благолѣніемъ. Вотъ какъ, напр., изображаетъ священнодѣйствующаго на пасхальной службѣ владыку одинъ изъ его глубокихъ почитателей: „Весь храмъ горитъ огнями. Гремить радостно хоръ, славящій воскресшаго Христа. Вотъ блеснули слова: „Воскресенія день, просвѣтимся людие!..“ Безшумно раздаются тѣсно сомкнутые ряды молящихся. Идетъ архинастырь съ кажденіемъ по храму. Бѣлое, какъ снѣгъ, одѣяніе, благолѣпное свѣжее лицо, серебряная сѣдина бодрой старости и ласковый, мягкій голосъ, возглашающій любовно и ободряюще: „Христось воскресе!“ Съ какимъ вдохновеніемъ звучитъ отвѣтное: „Вопистну воскресе“ умиленныхъ богомольцевъ! Легкій аромат ѳиміама, нѣжный звукъ—шелестъ звонцовъ на саккосѣ,—и тѣсные ряды молящихся смыкаются, скрывая дивное видѣніе... Или вотъ—на литургіи выходитъ архинастырь изъ алтаря на амвонъ, и льются изъ устъ его благодатныя слова: „Призри

съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей, егоже насади десница Твоя!“ Замолкли краткіе звуки. Тихо, сосредоточенно святитель произноситъ: „Елицы во Христа креститесь...“, и звонкіе серебристые голоса маленькихъ пѣвцовъ несутся къ небу, радостно вторя словамъ своего старца-отца“ (Н. Н. Одинцовъ. Холм.-Варш. В. №№ 47—48 за 1905 г.).

Неудивительно, что дивная служба владыки Іеронима, какъ говоритъ цитируемый авторъ, оставляла неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ всякаго, кому хоть разъ пришлось видѣть владыку за богослуженіемъ...

Необыкновенно добрый, ласковый и обходительный со всѣми, особенно съ простымъ народомъ, владыка Іеронимъ имѣлъ еще особенные дары, необходимые для правящихъ лицъ: тонкую наблюдательность и проницательность, вслѣдствіе которыхъ онъ быстро умѣлъ подмѣчать едва замѣтныя выраженія и черты въ людяхъ, и затѣмъ—искреннюю любовь къ ближнимъ и желаніе дѣлать добро всегда и вездѣ, гдѣ только было можно. Вотъ эта-то любовь, сопровождаемая добрыми дѣлами, и была причиною, почему такъ любили его на всѣхъ мѣстахъ его служенія. При переходахъ его изъ одной епархіи въ другую, повсюду провожали его громадныя массы народа съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія и благодарности, а встрѣчали съ великою радостію и отрадными надеждами.

Θ. Дмитревскій.

12-го декабря 1905 г.

Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Черезъ посредство архіерейскихъ школъ и епархіальныхъ семинарій, открываемыхъ епископами—бывшими воспитанниками Кіевской академіи, направленіе этой послѣдней распространилось на духовное образованіе по всей Россіи. Это же направленіе существовало и въ открытыхъ потомъ Московской и Петербургской академіяхъ ²⁾.

Въ виду этого болѣе, чѣмъ вѣроятно, что, если бы не реакціонныя общему направленію духовнаго образованія реформы, послѣдовавшія въ 19 столѣтіи, то мы имѣли бы теперь систему пастырскаго приготовленія, если не вполне протестантскую, то во всякомъ случаѣ однородную съ ней.

Маленькимъ диссонансомъ въ общемъ ходѣ протестантизаціи русскаго духовнаго образованія являются мѣропріятія по отношенію къ духовной школѣ Петра Великаго, не оставившаго безъ вниманія среди своихъ многообразныхъ государственныхъ занятій и духовно-учебнаго дѣла. Изложены они въ Духовномъ Регламентѣ, составленномъ въ 1722 году.

Заботясь о возможно широкомъ распространеніи духовнаго образованія, Духовный Регламентъ предписываетъ всѣмъ

¹⁾ См. № 3-й за 1906 г.

²⁾ Московская академія была преобразована Кіевскими учеными, по желанію Петра Великаго въ 1701 г. изъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, основанной въ 1685 году братьями Лихудами и влчавшей послѣ смерти своихъ основателей жалкое существованіе. По преобразованіи она приняла во всѣхъ отношеніяхъ видъ Кіевской. Петербургская академія получила одинаковое съ Кіевской и Московской устройство въ 1788 году, когда была преобразована изъ Главной Семинаріи, устроенной, впрочемъ, тоже по образцу Кіевской академіи. Казанская академія уравниена съ прочими въ 1797 году, хотя устройство по образцу Кіевской академіи получила уже въ 1732 году подъ именемъ Семинаріи. Б. Энцикл. Мейера т. I. 211.

епископамъ заводить при домахъ своихъ школы, причемъ на содержаніе ихъ брать отъ „знатнѣйшихъ“ монастырей двадцатую долю всего хлѣба, и съ церковныхъ земель, гдѣ суть—тридцатую долю. Повшествъ въ учебномъ дѣлѣ Регламентъ не вводитъ и повторяетъ цѣликомъ программу Кіевской академіи. Языкъ преподаванія—латинскій. Интересны тѣ постановленія, которыми опредѣляется воспитательная сторона и внутренней бытъ духовной школы. Относительно этого Регламентъ въ главѣ о „Домахъ училищныхъ“ говоритъ такъ: „Построить домъ образомъ монастыря, котораго пространство, и жилье, и всякіе къ прешитанію, и одѣянію, и прочимъ нуждамъ принасы были-бъ противъ числа дѣтей“.

„Опредѣлить времена ко всякому дѣлу и покою Семинаристамъ: когда спать ложиться, когда возставать, молиться, учиться, итить за трапезу, гулять, и прочая. И вси бы оныя часы колоколцемъ означать, и вси бы Семинаристы, какъ солдаты на барабанной бой, такъ на колоколцевъ голосъ, принимались за дѣло, какое на часъ уреченной назначено“.

„Не отпускать изъ Семинаріумъ въ города, или куды ни есть, къ своимъ въ гости, пока Семинаристъ не обыкнетъ, пребывая въ Семинаріумъ, и не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія. А имянно: до трехъ лѣтъ по приходѣ всякаго въ Семинаріумъ, не испускать никуда. А и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволить вытти въ гости къ родителемъ, или сродникомъ, и то не далече отстоящимъ“. Далѣе говорится о томъ, что при посѣщеніи семинаристомъ родителей или родственниковъ, его долженъ сопровождать „честный человекъ, яко инспекторъ“, а въ случаѣ посѣщенія его послѣдними, встрѣча должна происходить въ нарочито установленномъ для этого мѣстѣ и непременно въ присутствіи ректора или другого начальствующаго лица“¹⁾.

¹⁾ Дух Регламентъ, 1718 г. стр. 77, 79—80.

Эти постановленія до такой степени напоминаютъ порядокъ католической Семинаріи *ad mentem Concilii Tridentini*, что невольно является мысль о знакомствѣ ихъ автора съ послѣдними. Мысль эта тѣмъ болѣе правдоподобна, что авторъ Духовнаго Регламента, Оеофанъ Прокоповичъ, самъ, какъ извѣстно, учился въ католической духовной школѣ за границей и слѣдовательно былъ знакомъ съ ея порядками по собственному опыту.

Есть въ Регламентѣ и другія постановленія, плохо вяжущіяся по духу съ только что изложенными основными, но интересныя въ смыслѣ характеристики всецѣло практической Петровской эпохи.

Онѣ кажутся какимъ-то пѣмецкимъ паростомъ на латинскомъ тѣлѣ. Это—постановленія относительно развлеченій, предписываемыхъ „ко врачеванію скуки“ семинаристовъ. Будущимъ пастырямъ рекомендуется въ свободное время „водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣры (т. е. измѣренія), строеніе регулярныхъ крѣпостей и прочее“; между прочимъ рекомендуются занятія музыкой.

Такимъ образомъ, Духовный Регламентъ есть уже какъ бы шагъ назадъ, толчекъ въ сторону католической духовной школы, отъ которой постепенно отдѣлялась православная. Хотя Духовный Регламентъ не оказалъ никакого сколько-нибудь замѣтнаго воздѣйствія на ходъ нашего духовнаго просвѣщенія ¹⁾, но онъ знаменателенъ, какъ первый законодательный актъ, имѣвшій въ виду „окатоличеніе“ нашей духовной школы.

¹⁾ Давши духовной школѣ уставъ, Духовный Регламентъ все-таки не далъ ей содержанія. Правда, онъ указалъ источникъ средствъ въ церковныхъ и монастырскихъ доходахъ, рекомендуя при этомъ самимъ архіереямъ быть экономнѣе и не трогать на себя сверхъ необходимаго, но заранѣе можно было сказать, что этотъ источникъ окажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Такъ именно это и случилось. Поэтому число духовныхъ школъ послѣ Духовнаго Регламента не на много увеличилось. Кромѣ того, учебной части, какъ сказано, Регламентъ вовсе не коснулся. Слѣ-

Въкъ Екатерины II, отличавшійся и либерализмомъ и либеральничаньемъ, внесъ съ своей стороны крупицу въ процессъ протестантизації нашего духовнаго образованія. При Екатеринѣ былъ утвержденъ и введенъ въ употребленіе въ Россіи уставъ народныхъ школъ, списанный съ устава австрійской Нормальной школы. Были переведены съ нѣмецкаго и составлены по нѣмецкимъ руководствамъ и учебники для этихъ школъ. Такъ какъ методы преподаванія въ духовныхъ школахъ, и высшихъ и низшихъ, все еще продолжали оставаться схоластичечкими, схоластическій же характеръ носили и учебники, то Императрица указомъ отъ 15 мая 1785 г. повелѣла перемѣнить эти методы на тѣ, которые были введены въ народныхъ школахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Св. Синодъ предписалъ ввести въ духовныя школы и тѣ учебники, которые употреблялись въ народныхъ ¹⁾).

Нужно замѣтить еще, что въ царствованіе Екатерины наше знакомство съ Западомъ, особенно съ Германіей и Франціей, начавшееся при Петрѣ, особенно усилилось. Многіе русскіе ѣздили за границу доканчивать образованіе, и еще большее количество иностранцевъ насаждали образованіе въ Россіи. Бывали преподаватели—иностранцы и въ духов-

довательно, все осталось по старому. Что касается строгой замкнутости духовной школы, на которой такъ настоитъ Духовный Регламентъ, то она никогда не была и не могла быть достигнута. Католическая церковь, съ которой бралъ примѣръ авторъ Регламента, всегда обладала избыткомъ средствъ, слѣдовательно, могла дѣлать, что хотѣла. Русской же Церкви приходилось дѣлать то, что она могла. Въ старѣйшей и богатѣйшей изъ русскихъ духовныхъ школъ, Кіевской академіи, большая часть воспитанниковъ питалась добродотными даяніями, для сбора которыхъ ходила и въ учебное и обязательно въ канікулярное время по домамъ богатыхъ гражданъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, читая вирши, распѣвая канты и представляя комедіи, большею частью собственнаго сочиненія. Такой порядокъ длился въ Кіевской академіи до конца 18 столѣтія и, вѣроятно, былъ не совсѣмъ чуждъ и другимъ школамъ, устроеннымъ по образцу Кіевской и нуждавшимся не менѣе ея.

¹⁾ Исторія Кіевской Академіи Булакова. Стр 171. Исторія СІВ. Духовной Ак. Чистовича. Стр. 76 и 77.

ныхъ школахъ. Знакомство съ Западомъ въ видѣ учебниковъ, философскихъ системъ, образцовъ краснорѣчія и поэзіи, проникло и въ духовную школу.

Все это еще больше способствовало удаленію нашего духовнаго просвѣщенія отъ католическаго образца, отъ латинской рутинны ¹⁾.

А. Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Съ этого времени (конца 18 столѣтія) начинается въ духовной школѣ упадокъ латинскаго языка. Со времени введенія учебниковъ и преподаванія по многимъ предметамъ на русскомъ языкѣ, онъ сталъ, естественно, менѣе употребительнымъ. Реформой 1808 года обращено вниманіе на то, что латинскій языкъ отнимаетъ слишкомъ много времени у учащихся, сокращено число уроковъ по нему, и „сила“ его сравнена съ силой греческаго языка. Но все-таки изученіе его велось по силѣ исторической инерціи, очень усердно, не въ примѣръ греческому, вплоть до послѣдней реформы, хотя уже въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія синодальные ревизоры жалуются на повсемѣстное изъ рукъ вонъ плохое знаніе его.

Духовенство въ современной беллетристикѣ.

(Окончаніе ²).

Небольшой, въ десять неполныхъ страницъ, рассказъ подь заглавіемъ „Бѣдный приходъ“ г. Гусева-Оренбургскаго содержитъ сообщеніе о томъ, какъ опытный въ борьбѣ за приходское существованіе „тучный и лысый“ діаконъ Громогласовъ поучалъ своего молодого зятя, священника Добро-взорова, назначеннаго на бѣдный приходъ,—не унывать и не смущаться и убѣдилъ его ѣхать къ мѣсту назначенія, рассказавши исторію своего водворенія нѣкогда на псаломщическое мѣсто въ приходѣ, еще бѣднѣйшемъ, чѣмъ тотъ, который получилъ зять. Откровенно сказать, доказательства, приведенныя тестемъ-діакономъ въ рассказѣ, весьма въ сущно-

²) См. № 3 за 1906 г.

сти не доказательны, и почему это молодой зять все-таки ими подвинуть былъ къ рѣшимости ѣхать въ приходъ, аттестованный „самимъ“ о. ключаремъ, какъ „яма“, „трусцоба“ и „нора“, остается совершенно непонятнымъ. Въдъ приходъ Верхне-Плѣсовъ, хотя и былъ, какъ онъ увѣряетъ, хуже всѣхъ въ епархіи, но, по описанію самого же о. діакона Громогласова, ужъ далеко не пропацій: жилъ въ этомъ приходѣ пригѣваючи о. Серапіонъ, священникъ, получавшій триста рублей казеннаго жалованья; у батюшки было хозяйство обширное: „жилъ онъ патриархомъ, яко Ювъ древле“. Чего же лучше? Самъ о. діаконъ, въ то время псаломщикъ верхнеплѣсовскій, по его же словамъ, только первые мѣсяцы получалъ жалкіе гроши, а потомъ, слава Богу, довольно скоро ожилъ совсѣмъ. Въ мясоѣдъ получилъ хорошую часть изъ кружки за повѣнчаніе свадебъ, весною посѣялъ хлѣбъ, давшій обильный урожай; собралъ порядочно руги; занялся перекункой углей, дровъ и барокъ; выпросилъ себѣ у схода за два ведра водки годоваго жалованія 60 рублей. Словомъ, приходъ, по рассказамъ о. діакона, совсѣмъ не изъ послѣднихъ и аналогіи съ Рѣньевкой, куда назначенъ зять, ни съ какой стороны не выдерживаетъ. Рѣньевска—приходъ дѣйствительно нищенскій и безнадежный даже въ умѣлыхъ рукахъ. Шестьдесятъ всего дворовъ; домъ священника безъ фундамента и крыши („яко ковчегъ, его же Пой сотвори“—какъ невпопадъ и не умно сравнилъ его о. діаконъ); 60 руб. въ годъ доходу, и 200 руб. жалованья, котораго крестьяне не имѣли обыкновенія платить. Не удивительно, если „за шесть лѣтъ тамъ тринадцать священниковъ перемѣнилось“, и всѣ въ одинъ голосъ говорили объ этомъ приходѣ: „ссылка!“ „Туда только за непорядочное поведеніе священниковъ ссылатъ...“ Такимъ образомъ, по существу говоря, весь разговоръ о. діакона, или, какъ онъ самъ выражается, „анекдотецъ про себя“—ни къ чему; цѣли той, на которую онъ рассчитанъ въ намѣреніяхъ о. діакона, не достигаетъ.

Но суть намѣренія автора отъ этого нисколько не пострадала. Г. Гусевъ-Оренбургскій вообще мало заботится объ установленіи правильнаго соотношенія между отдѣльными частями своихъ разсказовъ. Психологическая правда, а подъ часть и логическая—случайныя и рѣдкія гости въ его произведеніяхъ. Но для него это не важно. Цѣль его—не въ томъ, чтобы сводить исправно „концы и начала“, а въ томъ чаще, чтобы насмѣшить читателя. Такъ и здѣсь. Не замѣчая явныхъ противорѣчій и даже несообразностей, г. Гусевъ-Оренбургскій весь поглощенъ только тою стороною разсказа, которая наиболѣе богата смѣшными положеніями дѣйствующихъ лицъ. Вотъ почему онъ съ такою охотою и даже пріятностью заставляеть о. діакона разсказывать во всѣхъ подробностяхъ исторію своихъ пьяныхъ подвиговъ до опредѣленія на мѣсто псаломщика, начиная съ того времени, когда его „изъ духовнаго училища выставили... за излишніе успѣхи въ наукахъ, которыя въ училищахъ не проходятся“. Тутъ г. Гусевъ по истинѣ отводитъ себѣ душу: матеріалу много, область знакомая, картины извѣстныя, рѣчь давно готовая. Лихое пьянство въ архіерейскихъ пѣвчихъ, „сногшибательный басъ“, безъ конца славянскія сравненія и слова (кругъ сравненій, кстати замѣтимъ, вообще не обилень у г. Гусева; выручаетъ чаще всего фараонъ на „Чермномъ морѣ“ и Товъ на гноищѣ); пьяная сцена провозглашенія многолѣтія подъ окнами архіерейской квартиры, пьяная поѣздка на приходъ... Стихія родная!

Вотъ почему авторъ быстро оживаетъ среди скучнаго повѣствованія о житьѣ-бытьѣ псаломщика на приходѣ, какъ только рѣчь заходитъ о выпивкѣ и тотчасъ же почти скисаетъ и комкаетъ разсказъ, какъ только является надобность говорить толково и продуманно о дѣлѣ.

Въ концѣ концовъ на неотвязно возникающей вопросъ, что же думалъ г. Гусевъ сказать своимъ разсказомъ,—отвѣчаешь съ недоумѣніемъ: а кто его знаетъ. Спросите автора.

Вѣроятно потому, что обстановка, въ которую поставилъ авторъ дѣйствующихъ лицъ, болѣе богата подробностями, рассказъ „Худая молва“ не лишень нѣкоторой жизненности. Правда и тутъ читатель въ изобиліи, даже излишнемъ, встрѣчаетъ всѣ необходимые аксесуары гусевскаго жанра: и здѣсь какъ и въ другихъ рассказахъ, фигурируютъ „жирный, рыхлый, иизкорослый батюшка“, „жирный, съ хитрыми масляными глазками благочинный, колыхающій отъ смѣха своимъ рыхлымъ тѣломъ“, гагакающій какъ гусь,—похожій на неуклюжую птицу—діаконъ; и здѣсь, какъ и вездѣ, преобладаетъ желаніе автора потѣшить читателя нарочито смѣшными сценками; какъ вездѣ, и тутъ пестрятъ тѣ же „веляры“, „зѣло“, „злохудожная душа“; таже пьянственная атмосфера, только на этотъ разъ въ столовой о. благочиннаго, любителя „перцовки“, которую онъ „вкушаетъ“ съ какимъ-то сладострастіемъ и ораторскими припѣвами въ родѣ слѣдующихъ:

— Ужь, братъ, и настой! И горчить, и сластить, а на послѣдокъ кислотой отзываетъ... Какъ проглотишь,—по душѣ струя пойдетъ... вѣтерокъ! Люблю я се... передъ ужиномъ... А впрочемъ оно... и послѣ ужина ничего!.. Передъ спомъ! и послѣ сна... Хе-хе!.. Есть что-то такое... не вырази́мое!“

На все это несносное, на затѣйливое, дешевой цѣны смѣхотворство хоть немного искушается нѣкоторымъ общимъ настроеніемъ, создаваемымъ рассказомъ. Настроеніе это, впрочемъ, получить не всякій читатель. Читатель *со стороны*, не знакомый съ буднями причтовой жизни, никогда не бывавшій въ своеобразной обстановкѣ нашихъ консисторій и архіерейскихъ приѣмныхъ,—а на такихъ читателей и рассчитываетъ авторъ,—уловить только смѣшныя подробности сказа и по-своему остается доволенъ авторомъ. Но людямъ, близко стоящимъ къ жизни и мелочамъ современнаго церковнаго строя, „Худая молва“, при всѣхъ своихъ техническихъ недостаткахъ, скажетъ гораздо больше,—лишній разъ грубо напомнить о неприглядно сѣрыхъ и безысходно грустныхъ условіяхъ, среди которыхъ протекаетъ у насъ церков-

ная жизнь,—и навѣтъ на душу невеселыя думы... „Жирный“ ли, или худосочный, благодушно ли пригѣваяющій около водочной закуски, или вполнѣ трезвый батюшка править приходомъ, это пожалуй, вещь не первостепенная. Гораздо важнѣе то, что и тому и другому современная жизнь безпощадно бросаетъ въ лицо до послѣдней степени оскорбительное пренебреженіе и съ нимъ, какъ съ каторжнымъ клеймомъ, заставляетъ ихъ идти непремѣнно безропотно и непремѣнно съ подобающимъ сану достоинствомъ по жизненной тропѣ. Это не легкая вещь... И не всякій способенъ съ закрытыми глазами считаться съ нею.

О. Геннадій, наѣвшій на покойной растительной жизни въ приходахъ солидный животь, можетъ терпѣливо переносить лѣтній зной, уничтожать „въ садикѣ подѣ тощими акаціями, въ сотрудничествѣ съ „расплывшеюся“ матушкой“ стаканъ за стаканомъ чай съ медомъ, лишь по временамъ прерывая благодушную тишину садика дѣловыми замѣчаніями о необыкновенномъ изобиліи мухъ, аккуратнымъ вылавливаніемъ ихъ изъ стакана да вялымъ внушеніемъ сторожу о необходимости и благовременности отслужить молебенъ „о продленіи“ жары для уборки хлѣба. Ему если и понятна какая-нибудь тревога, то она не поднимается выше предѣльнаго пункта—боязни „слетѣть“ съ насиженнаго прихода. И потому только, все, что такъ или иначе будитъ эту тревогу, его волнуетъ и выбиваетъ изъ обычнаго апатичнаго состоянія. Потому онъ и „прыгаетъ“ какъ куликъ предъ ружьемъ“ (по выраженію его матушки), когда узнаетъ о діаконскомъ доносѣ; потому онъ жалко теряется и повергается въ неописанный ужасъ, когда благочинный, благодушно играя на его трусливой струнѣ, запугиваетъ его содержаніемъ доноса, увѣряя, что батюшка впутался въ серьезную „политику“ и обнаружилъ „свободомысліе“, повергшее самого владыку въ гнѣвъ; потому же онъ „дрожитъ всѣмъ тѣломъ“, у него „перехватываетъ чѣмъ-то горло“, когда знакомый консисторскій протоіерей поясняетъ ему, что доносъ

діакона заставилъ говорить объ о. Геннадіи чуть не всю епархію, и о немъ пошла худая молва, какъ о „либералѣ“; наконецъ, единственно поэтому же онъ ни живъ, ни мертвъ переступаетъ порогъ архіерейскихъ покоевъ, въ полуснѣ и почти безъ сознанія отъ страха слушаетъ мягко укоризненную рѣчь благостнаго епископа и выходитъ отъ него съ дрожащими колѣнами и такимъ ощущеніемъ, „какъ будто онъ наѣлся шерсти“... Это съ ногъ до головы футлярный человекъ въ рясѣ. Какъ и чеховскій „человѣкъ въ футлярѣ“, онъ принимаетъ безъ малѣйшаго размышленія цѣликомъ весь церковно-административный механизмъ, какъ разъ навсегда неподвижно лежащую и священно неприкосновенную, единоспасительную норму жизни. Онъ бессознательно чувствуетъ фатальную, стихійную силу этой нормы, инстинктивно пугаясь ея, какъ ребенокъ грозы; одна мысль, что она карающимъ крыломъ можетъ задѣть его, приводитъ его въ содроганіе. Нельзя не сознаться, что въ этомъ отношеніи консисторски-канцелярскій режимъ обладаетъ, безспорно, удивительнымъ даромъ—быстраго и полного обезличенія живой души.

Вотъ этотъ грустный выводъ, который подъ своею зловѣщей краткостью скрываетъ для знающаго „духовный бытъ“ цѣлую бездну мучительнаго ужаса и отчаянія,—этотъ выводъ—больно стучацій по надерганнымъ нервамъ только тѣхъ, кто въ той или иной мѣрѣ дѣйствительно близко стоитъ къ жизни современнаго русскаго духовенства, и пораждаеть опредѣленное настроеніе при чтеніи въ сущности нескладнаго разсказа г. Гусева-Оренбургскаго.

Не изъ однихъ оо. Геннадіевъ состоитъ наше духовенство; не всѣ священники смотрятъ вокругъ себя его трепещущими и рабски почтительными глазами. Есть среди нихъ и, вѣрнѣе, не мало—натуръ цѣльныхъ, характеровъ сильныхъ, которыхъ духота и темнота современнаго церковнаго строя подавляетъ сколько стихійною неотразимостью давящей силы, столько же, и, пожалуй, еще болѣе, неоправданною

фальшью внутренних своих оснований. То, что для оо. Геннадіевъ составляетъ предметъ физическаго страха, для нихъ это—боль души, мятущейся въ бореніи за попираемыя права личности и отвѣтственные требованія пастырскаго долга. Такимъ пастырямъ тоже хорошо вѣдома вся совокупность неусловимыхъ мелочей, создающая часто цѣлый адъ изъ взаимныхъ отношеній членовъ причта. Но для нихъ это—не арена для упражненія дипломатическихъ и боевыхъ силъ, а тяжелый крестъ, камнемъ лежащій на совѣсти. И стопами этой совѣсти, а не легкимъ чувствомъ удовольствія отъ веселаго разсказа, отзовется въ души такихъ пастырей „Худая молва“ Гусева. Сцены въ приходѣ, въ домѣ благочиннаго, въ консисторіи, въ архіерейской приѣмной, бойко паброшенные безпечальнымъ перомъ г. Гусева, пронесутся въ ихъ сознаніи не забавною панорамой живыхъ картинъ, а вопьются въ живое сердце большими уколами и исторгнутъ оттуда въ тысяча первый разъ рядъ безплодныхъ вопросовъ, на которые уже давно перестала отвѣчать угрюмо молчаливая жизнь, окружающая нашу пастырскую работу, и которые лежатъ такъ далеко отъ сердца свѣтскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, каверзный и злостный доносъ о. діакона на своего священника и растительное прозябаніе священника... Это уже страшный показатель полной смерти приходской жизни. Значитъ,—тутъ поставленъ крестъ надъ тѣмъ, что мы называемъ служеніемъ идеѣ душепонеченія. Но попробуйте хорошенько уяснить себѣ, гдѣ таятся убѣжища этой смерти; изъ какихъ угловъ она простираетъ свое убивающее жало?.. Плохъ діаконъ, плохъ священникъ. Отвѣтъ краткій, но неудовлетворяющій: плохой плодъ вырастаетъ на плохой почвѣ. Отвѣтите сначала, какъ получаютъ эти плохіе священники и діаконы? Откуда они появляются на свѣтъ Божій? Кто ихъ готовитъ къ священному служенію? Кто ихъ посылаетъ на приходъ? Кто слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не хулилось Имя Божіе ихъ устами и дѣлами? Кто стоитъ около пастыря въ качествѣ добраго генія, который бы

вдохновлялъ его на подвижничество, или въ минуты крайняго изнеможенія и соблазна тихою, ласкающею рукою стогнѣлъ бы съ его лица мрачныя тѣни малодушія и близкаго паденія?..

И вотъ одна за другой, сами собою пробѣгаютъ въ головѣ картины изъ несложной, но въ извѣстномъ смыслѣ поучительной біографіи о. Геннадія, теперь предъ нами стоящаго въ жалкой роли запуганнаго діаконскимъ доносомъ „кулика“.—Изъ семинаріи, если только онъ тамъ былъ, онъ вышелъ съ необременительнымъ запасомъ нужныхъ свѣдѣній и кругомъ нравственныхъ понятій средняго размѣра. Мечты о будущемъ приходѣ... Онѣ отчетливо представлялись его воображенію и воплощались въ знакомые съ дѣтства образы. Сѣрое, скучное село, причтовой домъ съ небогатыми надворными постройками, бѣдная церковь, никакого общества кромѣ псаломщика и, можетъ быть, діакона, службы, требы; заботы о доходѣ безпокойныя, мучительныя, потому что источники дохода случайны, а потребности и нужды домашняго благоустройства постоянны и безотлагательны: онѣ впереди и главенствуютъ въ сознаніи. Далѣе—представленіе объ обязанностяхъ... Не исполнѣ ясныя думы объ учительствѣ; болѣе яркой опредѣленности тревожныя представленія о благочинномъ, его ревизіяхъ, о наблюдателѣ приходскихъ школъ, можетъ быть, о миссіонерѣ; потомъ страшная консисторія, потомъ владыка...

Но вотъ мечты переходятъ въ жизнь. О. Геннадій—приходскій священникъ. Волною охватила его сѣрая жизнь... На всѣхъ углахъ и перекладинахъ, на всѣхъ входахъ и выходахъ повисла забота о хлѣбѣ насущномъ. Силъ на самоотверженіе не оказалось. Никто не зажегъ ихъ раньше. И застучали монотоннымъ шумомъ колеса машины... Службы, требы, доходы... Спокойно для неглубокой души, сытно. Но... спокойно до перваго камня, попавшаго подъ колесо. Слегка обжился батюшка, округлился, а тутъ дразги съ діакономъ. Благочиннической судъ...—Это бы первая опора для

находящагося въ затруднительномъ положеніи сельскаго батюшки. По дѣйствительная ли опора? благочинный по своему назначенію и званію—должность болѣе канцелярская, чѣмъ воспитательная. Благочинный избранникъ консисторіи и ея слуга; исполнѣ отъ консисторіи зависимое и передъ нею отвѣтственное лицо. По смыслу своей инструкціи, онъ, правда, слѣдитъ за благоповеденіемъ своего округа. Но фактически—онъ меньше всего способенъ быть миротворцемъ среди подчиненныхъ ему членовъ причта. Вся его дѣятельность по приходамъ округа ограничивается ревизіями обысковъ, клировыхъ и приходскихъ вѣдомостей, полученіемъ положеннаго жалованья, формальными аттестаціями поведенія и исправности по службѣ членовъ причта. Раздоръ въ приходѣ... Что можетъ онъ тутъ сдѣлать? Въ лучшемъ случаѣ, т. е., если благочинный живая душа, онъ постарается уладить дѣло внѣшнимъ миромъ, убѣдить поссорившихся не выносить соръ изъ избы. А чаще и этого не бываетъ. Дѣлъ у благочиннаго и своихъ много по приходу, а тутъ цѣлая канцелярія: бумаги, бумаги и бумаги; срочная отчетность, отписка по „входящимъ“... Смотри въ оба, потому что надъ головой кошмаромъ виситъ отвѣтственность предъ консисторіей. Съ нею надо ладить. Въ противномъ случаѣ и почетъ благочинческаго званія и жалованіе и проч. быстро улетитъ изъ рукъ. Одна-другая неисправность—замѣчаніе, тамъ поставленіе на видъ, выговоръ и, можетъ быть, нѣчто худшее. А развѣ въ сложной работѣ канцелярской трудно надѣлать промаховъ? Кто безъ грѣха? Попробуйте-ка безъ сучка и задоринки провести хоть такое, напр., дѣло, какъ ревизія обысковъ. Бываетъ всяко. Кое-что случится и проглядѣтъ тутъ по недосмотру, а кое-что укрыть и сознательно. Значитъ, взять уже грѣхъ на совѣсть. Значитъ, и самъ стать въ разрядъ подсудныхъ... Надо волею-неволею вести подобострастную и ласкательную „дипломатію“ въ гостинной секретаря, въ квартирахъ членовъ консисторіи... Надо цутями, вѣдомыми только стѣнамъ консисторскимъ, заклеивать собственныя прорѣ-

хи... До разбирательства ли тутъ по совѣсти всякихъ приходскихъ дрязгъ. Богъ съ ними!.. За миръ въ приходдахъ еще прійдется ли отвѣтить, а за „бумагу“, за „цѣломудріе канцеляріи“—отвѣтственность серьезная... Къ тому же для всякихъ кляузъ есть дорога и мимо двора благочинническаго,—прямо или посредственно въ судный столъ консисторіи... Послѣднему въ различныхъ смыслахъ это далеко не безынтересно... „И пусть ихъ тамъ разбираютъ! А то смотри еще и тебя съ твоими прегрѣшеніями втянутъ въ хлопоты...“

И взволнованный, потрясенный страхомъ діаконскаго доноса о. Геннадій на просьбу свою—освободить его отъ безпокойнаго діакона слышитъ отвѣтъ благочиннаго: „власти у меня нѣтъ, отецъ“...

Теперь уже одно: иди въ консисторію безпрекословно, „вызываютъ...“ О. Геннадій понимаетъ это. Понимаетъ, что благочинный правъ по-своему, когда говоритъ: „власти у меня нѣтъ“... И въ безхитростномъ сердцѣ мирится съ этимъ.

Идетъ въ консисторію... Онъ очень хорошо знаетъ, что такое консисторія и консисторскій судъ. Объясненіе, дознаніе, слѣдствіе, допросъ свидѣтелей-прихожанъ; можетъ быть дополнительное слѣдствіе—удручающая, постыдная для священнаго сана канитель... Полная неувѣренность, чѣмъ все можетъ кончиться. Одна только сомнительная надежда выиграть дѣло,—успѣть благопріятно повернуть на себя аксіому суднаго стола: „съ умомъ все можно сдѣлать“. Но вѣдь можно и съ болѣе оборотливымъ умомъ столкнуться... По вотъ и она, консисторія... Холодная, чопорная, сухая, затянута въ вицмундиръ, медленно-поспѣшающая, церемонная, знающая себя цѣну. Въ казенныя стѣны, въ бумажную губку „столовъ“ вбираетъ она всю епархіальную жизнь въ нестрѣйшей многосложности ея изгибовъ. Вбираетъ потоки жалобъ, доносовъ, ссоръ—всю копоть и грязь, наслойвшуюся на больномъ тѣлѣ епархіи, вбираетъ хорошіе проекты, иногда свѣтлыя начинанія. День и ночь пухнуть здѣсь „дѣла“, растутъ листы... проливается море чернилъ, тунятся перья... Подъ

„дѣлами“, листами, чернилами плачетъ, жалуется, нервничаетъ, волнуется надеждами, просится къ доброму дѣлу— приходская совѣсть... Консисторія спокойно разноситъ ее по листамъ, сортируетъ по категоріямъ, обговариваетъ безстрастными статьями закона, „заслушиваетъ“, обсуждаетъ.

Обсуждаетъ и „постановляетъ...“ Конечно, наивно думать, что „постановляетъ“—значить отвѣчаетъ на запросы приходской жизни. Слишкомъ далеки живые корни этой жизни отъ консисторіи. Консисторія имѣетъ дѣло только съ бумажной жизнью. На послѣднихъ листахъ своихъ бумагъ она и кладетъ свои рѣшенія на точномъ основаніи статей законовъ и на основаніи не всегда точныхъ (по различнымъ причинамъ) экстрактовъ изъ „донесеній...“ Въ послѣднихъ вся сила. Сила страшная, потому что очень эластичная,—въ любую минуту способная оглушительнымъ ударомъ спуститься туда, гдѣ ее не ожидали и наоборотъ, вопреки тоже всякимъ ожиданіямъ, реабилитирующая то, что подлежитъ несомнѣнной наказуемости...

Вотъ предъ этою-то силою и чувствуетъ притрепетное состояніе о. Геннадій. Пока эта сила только умопредставляется заключенною въ грозныя стѣны далекой отъ благополучнаго прихода консисторіи, о. Геннадій испытываетъ къ ней почтительный страхъ. Но когда она привлекла его къ отвѣту, о. Геннадій естественно падаетъ духомъ и трепещетъ...

Въ этомъ смыслѣ о. Геннадія можно, пожалуй, назвать тишескимъ явленіемъ: онъ олицетворяетъ въ своей особѣ громадное большинство нашего сельскаго духовенства. По осудимъ ли мы это геннадіевство? Посмѣемся ли надъ нимъ, какъ смѣются Гусевы Оренбургскіе?..

Нѣтъ, не хватитъ для этого у насъ... циническаго благодушія. Мы жалѣемъ оо. Геннадіевъ и отвѣтственность за ихъ печальный жребій, превращающій ихъ изъ священниковъ въ смѣшныхъ „куликовъ“, возлагаемъ и имѣемъ право возложить столько же на совѣсть тѣхъ, кто ближе всего

могли и должны были предохранить предусмотрительною заботливостью наше сельское пастырство отъ возможныхъ уродствъ и публичнаго позорища,—сколько и на тѣхъ усердныхъ печальниковъ народнаго горя, у которыхъ можно найти преизбытокъ всякихъ громахающихъ жуanelовъ и красивыхъ чернильныхъ слезъ для разнаго рода общественныхъ неустройствъ, но у которыхъ не хвѣтаетъ мужества, или желанія, или добросовѣстности толкнуть общественное мнѣнiе въ сторону „духовнаго быта“ и заставить честныхъ людей крѣпко призадуматься надъ этимъ загадочнымъ и вѣчно пре-рекаемымъ камнемъ соблазна.

Да, оо. Геннадіевъ намъ жалко до боли и въ ихъ бѣд-номъ ничтожествѣ. Но еще болѣе гнетущее настроеніе охва-тываетъ насъ подъ впечатлѣнiемъ „Худой молвы“, когда мы начинаемъ съ ужасомъ понимать, что изъ строкъ Гусевскаго разсказа слагается сама собою не просто худая, а и страш-ная, не молва только, а правдивая повѣсть оскудѣнiя духа жизни—вообще въ русскомъ церковномъ строѣ; что зану-танные позоромъ геннадіевства, богатые дарованiями силы или совѣмъ проходятъ мимо Церкви, унося свои способ-ности и энергію на другое дѣло, или преждевременно над-ламываются и коверкаются до потери человѣческаго образа.

Свящ. *Евт. Катрашовъ.*

Нѣсколько замѣчаній къ статьѣ: „О монашествѣ въ отношеніи къ епископству“ (Церк. Вѣстн. 1905 г., № 49).

„Внутреннее противорѣчіе между обѣтами иноческаго званія и обязанностями и правами епископства, несомнѣнно, чувствуется многими наиболѣе искренними изъ епископовъ. Этимъ именно объясняется удаленіе съ кафедръ въ уединеніе монашеской кельи святителей Тихона Задонскаго, Теофана Тамбовскаго, Іереміи Нижегородскаго и др. (стр. 1539)“.

Пастырское и архипастырское служеніе сводится къ тремъ обязанностямъ: учить, священнодѣйствовать и управлять. Если подѣ управленіемъ разумѣть не царствованіе или княженіе, а нравственно-авторитетное руководство вѣрующихъ ко спасенію, или, употребляя наименѣе двусмысленное выраженіе, — *служеніе* спасенію вѣрующихъ, то спрашивается, какая же именно обязанность пастырская, несомѣстима съ монашескими обѣтами?.. Можетъ быть еще обязанность учить?—Но эта обязанность болѣе другихъ требуетъ смиренія и самоотреченія: пастырь проповѣдуетъ слово не свое, а откровенное (1 Кор. 3, 5—4, 16),—огласуясь съ голосомъ Церкви;—ученіе, не надмевающее душу, но глубоко смиряющее ее, проповѣдуетъ о любви и смиреніи не столько словомъ, сколько своимъ примѣромъ (1 Петр. 5, 3; 1 Кор. 9, 19—27); проповѣдуетъ не изъ тщеславія, но по долгу и по послушанію (1 Кор. 9, 16). Что же здѣсь противнаго обѣтамъ или духу монашества? Напротивъ, не будетъ ли это исполненіемъ заповѣди, которая, по чину постриженія, обязательно дается каждому новонаначальному иноку: „Прими, брате, свѣщу сію и виждь, яко отсель долженъ еси чистымъ и добродѣтельнымъ житіемъ и благими нравы свѣтъ быти міру. Рече бо Господь: тако да просвѣтитися свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ“.—Замѣчательно, что приведенныя слова Господа опредѣляютъ, по разумѣнію Церкви, служеніе именно пастырское, почему евангельское начало, въ которомъ находятся эти слова (Мѣ. зач. 11), положено читать на службахъ святителямъ.

Такъ какъ между монашествомъ и пастырствомъ внутренняго противорѣчія не существуетъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что вселенская Церковь Христова, между прочимъ въ лицѣ и самыхъ искреннихъ изъ ея епископовъ, такого противорѣчія не находила, вопреки заявленію Церковнаго Вѣстника. Положительно непонятно, почему авторъ статьи не предпочелъ оставить это заявленіе голословнымъ,

а рѣшился подтвердить его примѣрами святителей: Трихона Задонскаго, Теофана, Іереміи и *другихъ* (?) Вѣдь многіе же знакомы съ жизнію и трудами названныхъ трехъ святителей и хорошо знаютъ, что побудило каждаго изъ нихъ оставить епископскую кафедру. Касаясь трехъ святителей, жизни которыхъ онъ, повидимому, не знаетъ, почему авторъ не вспомнилъ цѣлаго сонма епископовъ-монаховъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, о которыхъ онъ не можетъ не знать, что они почилы о Господѣ, оставаясь до конца на святительскихъ кафедрахъ? Или онъ предпочитаетъ забыть факты, которые ему не на руку? Почему также онъ не принялъ во вниманіе, что, начиная со времени самихъ основателей монашества, аскетизмъ, даже отшельническій, часто разрѣшался въ настырство, и что изъ пустынныхъ отцевъ наиболѣе ублажаются Церковью именно *старцы*, т. е. учителя духовные, учившіе добродѣтелямъ и монаховъ, и часто мірянъ? Припомнимъ изъ древнихъ также Ефрема Сиріина, начальника Едесско-Низибійской школы...

„Пережиткомъ господствовавшаго нѣкогда въ Церкви порядка избирать епископовъ не изъ монаховъ въ современной церковной жизни остаются нѣкоторыя, сохранившіяся доселѣ, преимущества епископскаго званія, именно: 1) право располагать своимъ имуществомъ, или право завѣщанія, котораго лишены монашествующіе; 2) право носить цвѣтныя одежды и, главное, 3) священническій, а не монашескій чинъ погребенія епископовъ“ (стр. 1539—40).

Если присвоенное епископомъ право завѣщанія серьезно представляется автору *пережиткомъ*, то, значитъ, онъ не въ шутку склоненъ думать также, что и пастоятелями монастырей въ какое-то доброе старое время бывали преимущественно не монахи. Вѣдь авторъ самъ припоминаетъ (правда, нѣсколько смутно), что правомъ завѣщанія, кромѣ епископовъ, пользуются „почему-то“ другіе монахи, облеченные властію.—Что касается обычая погребать почившихъ епископовъ по священническому, а не по монашескому чину, то

онъ введенъ въ Русской Церкви; не такъ давно (при Екатеринѣ II) и потому ничего не доказываетъ. Но онъ ничего не доказывалъ бы и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ исконнымъ. Не было бы ничего несообразнаго, если бы не только епископы, но и священники изъ монаховъ отиѣвались по чину священническому; а что сообразно съ существомъ дѣла, то можно ли назвать пережиткомъ?

„Если епископы—монахи съ юности, то (они) не знакомы со многими житейскими отношеніями, поневолѣ черствѣютъ душою и не могутъ войти въ интересы и нужды подвѣдомаго имъ духовенства и общества. Какъ бы какая-то стѣна отдѣляетъ ихъ отъ жизни“ (стр. 1541).

Удивляемся отрѣшенности отъ жизни не епископовъ, а автора приведенныхъ словъ. Почему бы ему, вмѣсто обманывающихъ его апріорныхъ соображеній, не обратиться къ дѣйствительной жизни Русской Церкви. Наша іерархія на половину состоитъ изъ вдовыхъ священниковъ, которые иногда большую часть своей жизни провели среди семьи и общества и долго были связаны съ міромъ всякими житейскими отношеніями. Возможность наблюденій, сравненій и основательныхъ апостеріорныхъ выводовъ открыта. Почему же авторъ не воспользовался ею?

„Людей жизни, а не отрѣшенныхъ отъ жизни требуетъ епископское служеніе“ (тамъ же).

Если бы авторъ говорилъ здѣсь о жизни духовной, съ нимъ нельзя было бы не согласиться: руководителю въ духовной жизни, дѣйствительно, нельзя быть невѣждою въ своей области. Но онъ говоритъ о бытѣ семейномъ, духовно-сословномъ и общественномъ. Чѣмъ же можно оправдать требованіе обязательнаго личнаго переживанія всѣхъ подробностей быта отъ епископа? Можно было бы еще думать, что близкое знакомство епископа со всѣми мелочами жизни, лишнее для архипастырскаго дѣла, благоприятно для сословныхъ интересовъ духовенства; но это предположеніе жизнью не оправдывается, не говоря уже о томъ, что интересы узко-сословные должны всегда отступать предъ интересами Церкви.

„Перѣдко случается, что иной монахъ изъ ученыхъ совѣтъ, можно сказать, не видалъ монастыря, ибо большинство семинарій и дух. училищъ помѣщаются особо отъ монастырей... И вотъ онъ... посылается въ міръ (т. е. въ санъ епископа) сѣять то, чего самъ не успѣлъ возрастить, учить подвижничеству, которому самъ не успѣлъ... научиться“... (тамъ же).

Авторъ проявляетъ въ этихъ словахъ глубокое уваженіе къ монастырямъ. Онъ не только находитъ въ нихъ необходимыя условія для подвижнической жизни, но только въ монастыряхъ и находитъ ихъ. Если онъ знаетъ монастырскую жизнь съ разными видами монастырскаго послушанія, то ему не трудно будетъ убѣдиться, что т. н. административныя должности въ дух.-учебныхъ заведеніяхъ, представляющія собою, въ существенномъ, пастырское служеніе юношамъ, соединенное съ обязательнымъ преподаваніемъ и, слѣдовательно, изученіемъ Новаго Завѣта, представляютъ изъ себя не менѣе благопріятныя условія для усвоенія духовной жизни, чѣмъ большинство монастырскихъ послушаній. Вообще мысль автора, что монашеская жизнь возможна только въ монастырскихъ стѣнахъ, вскрываетъ тотъ слишкомъ внѣшній взглядъ на монашество, по которому сущность послѣдняго полагается не во внутреннемъ подвижничествѣ, не въ самопринужденіи и самопротивленіи, не въ воздержаніи и очищеніи сердца, не въ развитіи смиренія и любви, а въ чемъ-то другомъ, что связано съ монастырскими стѣнами.

Послѣдняя мысль автора статьи, что административныя лица изъ монаховъ въ дух.-учебныхъ заведеніяхъ по неопытности и молодости приводятъ въѣряемые имъ школы въ разстройство, покоится единственно на предразсудѣ. Не отрицая извѣстнаго значенія опытности, не слѣдуетъ его преувеличивать; не слѣдуетъ также выпускать изъ виду, что жизненный опытъ знакомитъ насъ собственно съ исключеніями, а норму жизни мы узнаемъ изъ совѣсти и книги. Духовная ревность объ успѣхѣхъ порученнаго дѣла, свобода отъ семей-

ныхъ и другихъ стороннихъ попеченій, юношескій строй души, сближающій и сродняющій монаха-администратора съ воспитанниками, часто перевѣшиваютъ значеніе пресловутой опытности. По знаменательному наблюденію одного святителя, семинарскіе бунты, умножившіеся съ 1895 года, а съ 1901 г. ставшіе повсемѣстными, открылись именно въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ начальники (протоіереи и статскіе совѣтники) сидѣли весьма подолгу. Особенно грандіозные бунты были тогда въ семинаріяхъ Калужской, Тобольской, Вятской, Рязанской, Полтавской, Вологодской, Пермской, Смоленской, Таврической, Одесской,—ездѣ, гдѣ маститые (и часто весьма достойные) начальники сидѣли по 10 и по 20 лѣтъ. Уже въ дальнѣйшіе годы бунты сдѣлались эпидемическими и не щадили никакихъ педагогическихъ составовъ.

Архим. Кирилль.

Неудобопонятное пѣснопѣніе праздника Рождества Христова.

Это пѣснопѣніе, всѣмъ извѣстное, въ славянскомъ переводѣ передается такъ: *любити убо намъ, яко безбѣдное стрихомъ, удобѣе молчаніе. Любовію же, Дѣво, пѣсни тка-ти спротяженно сложенныя не удобно есть, но и, Мати, силу елико есть произволеніе даждь.* (Ирмосъ 9-й пѣсни 2 канона на Рождество Христова). Пониманіе этой пѣсни проясняется переводомъ ея съ греческаго языка на русскій, по изданію проф. Е. Ловягина, а именно: по страху намъ удобнѣе бы хранить молчаніе, какъ (дѣло) безопасное; и по любви къ Тебѣ, Дѣва, составлять пѣсни стройно сложенныя, не легко; но ты, Матерь, сама даруй намъ и силу по нашему усердію“. Вся сущность пѣснопѣнія, по объясненію Пресвященнаго епископа Виссаріона, можетъ быть изложена такъ: лучше бы молчать, совсѣмъ не отверзать усть для славословія Богоматери по страху передъ нею. Но страхъ побѣждается любовію. Любящему Богоматерь трудно удер-

жаться отъ восхваленій Ея пѣснями. Къ прискорбію, какъ бы ни были стройно сложены сіи пѣсни, не легко восхвалять Тебя достойнымъ образомъ. Посему просимъ Тебя: Ты Сама, Приснодѣва, помоги намъ выйти изъ этого затрудненія, даруй намъ силу достойно прославить Тебя согласно нашему усердію.

Что это за страхъ, удерживающій уста отъ словъ хвалы? Это благоговѣніе предъ Матерію Дѣвою, подобное тому, въ какомъ находился пророкъ Исаія во время видѣнія, которымъ онъ призванъ къ пророческому служенію. Это видѣніе повергло Исаію въ великій страхъ: онъ назвалъ себя окаяннымъ, съ нечистыми устами, и ему показалось, что Господь не потерпитъ его и поразитъ смертію.—И пѣвцамъ Богоматери страшно воспѣвать честнѣйшую херувимовъ и славнѣйшую серафимовъ: они боятся, не оскорбить бы Ее словами хвалы, исходящими изъ ихъ нечистыхъ устъ.

Но съ другой стороны любящимъ Богоматерь и молчаніе хранишь не удобно. Сердце, исполненное любовію къ Ней, чувствуетъ неодолимую потребность восхвалить Ее.—Но въ то же время святая Церковь боится увлечься въ этихъ похвалахъ до забвенія истины, и потому исповѣдуетъ, что расточать множество похвалъ, выражать любовь къ Богоматери пѣснями, стройно сложенными, не всегда удобно въ виду опасности впасть въ крайность, переступить за предѣлы истины. Итакъ, что же нужно для того, чтобы наша любовь къ Ней была чиста, похвалы были угодны? По словамъ церковной пѣсни, нужно прежде всего то, чтобы Она Сама дала намъ силу воспѣть Ее достойнымъ образомъ, съ истиннымъ усердіемъ. Она есть наша мать,—пусть Она Сама научить насъ, какъ дѣтей своихъ, тому, чтобы наше усердіе къ Ней было Ей благоугодно. (Донск. еп. вѣд.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 5**. Подписка принимается въ редак-
цїи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

1906-го года января 29-го.

Содержаніе: Hora novissima—vigilemus.—Православно-русское пригото-
вленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и
протестантскимъ (продолженіе).—Письмо къ священнику-другу, ди-
шавшемуся супруги.

Hora novissima – vigilemus.

Кто способенъ отчетливо мыслить и чувствовать не
ложнымъ сердцемъ, долженъ понять безпримѣрную высоту и
огромную серьезность переживаемого момента. Вся жизнь
Россіи въ ея наличныхъ силахъ отнынѣ подведена подъ та-
кія широкія опредѣленія, которыя требуютъ всего напряженія
генія народнаго духа, чтобы вывести нашу родину на путь
такъ давно желаемого покойнаго и сознательнаго обществен-
наго творчества. Все позвано къ свободной работѣ и при
томъ подъ такими гарантіями, что только безнадежно нера-
дивый или безчестный рабъ въ состояніи не сознавать глу-
бочайшей нравственной отвѣтственности за одну минуту без-
дѣтельности или равнодушія.

Итакъ, культурнымъ силамъ Россіи открыты самыя широкіе пути развитія...

Въ какомъ же направленіи должна пойти работа обновленія Россіи? Это вопросъ болѣе важный для Церкви, чѣмъ для политической сущности государства, или постолько важный для государства Русскаго, поскольку сознается его значеніе для Церкви... Въ какое русло войдетъ въ концѣ концовъ новое движеніе русской жизни, теперь идущей въ полный развалъ, мы не знаемъ. Но какъ служители евангельской культуры, мы явно сознаемъ, по какому руслу оно *не должно* идти.

Кто не даромъ носить крестъ на груди, кто держитъ руку на Евангеліи и убѣжденнымъ сердцемъ вѣруеть въ творческую силу началъ христіанства, у того не можетъ быть двухъ мнѣній, чего мы, пастыри Церкви, должны желать и къ чему теперь призываемся. Еще никогда Русская Церковь не стояла передъ такою сложною и обязывающею задачею, какъ въ данную минуту; никогда раньше она не была поставлена въ такую острую необходимость, какъ теперь, опознать себя цѣликомъ во всей своей правдѣ и неправдѣ, въ своихъ силахъ и недостаткахъ, въ своихъ идеалахъ и обязательствахъ предъ евангеліемъ и исторіей, и, опознавши, стать твердыми ногами на свое дѣло и на дѣланіе до *земного вечера*. Къ тому зоветь ее жизнь, того неотлѣжно требуютъ отъ нея новыя тревожныя обстоятельства.

Отовсюду слышимъ требовательныя призывы съ великимъ разнообразіемъ тоновъ—отъ почтительно-просящихъ до насмѣшливо-ироническихъ—призывы примкнуть активно къ дѣлу обновленія русской жизни. И мы должны примкнуть... Это болѣе чѣмъ безспорно.

Вопросъ, во 1-хъ, въ томъ, съ чѣмъ мы можемъ явиться на призывъ, во 2-хъ, какъ должны осуществить *свою* миссію среди новыхъ условій жизни и совершенно исключительной обстановки, потому что призывъ къ обновленію русской жизни мы принимаемъ подъ *своимъ* угломъ зрѣнія.

Почти безотраденъ отвѣтъ на первый вопросъ.

1. Мы столѣтія лежали въ черной немочи унынія и вялой апатіи. Цѣлыя столѣтія не слышно было нашего авторитетнаго учительнаго голоса и живого дѣла. Жизнь мелькала передъ нами и проходила *мимо насъ*. Она была чужда намъ; мы были непонятны ей... Она передъ нашими глазами извивалась иногда въ мучительныхъ судоргахъ безправія, насилія, униженнаго, потоптаннаго человѣческаго достоинства; она вопіяла къ небу о правдѣ насущнаго хлѣба, о правдѣ простого сострадательнаго милосердія. Въ минуты крайняго безысходнаго, безпросвѣтнаго изнеможенія она толкалась въ двери храмовъ, подступала къ кафедрамъ церковныхъ проповѣдниковъ,—искала утѣшенія, просила дать ей вѣру, вѣру въ реальную силу добра, въ дѣйствительное значеніе тѣхъ началъ, которыя возвѣщаетъ Евангеліе, и которыя особенно приходятъ на память среди тяжкихъ сумерокъ упадка духа. А мы?...

Нельзя не сознаться, облеченные въ торжественныя одежды служителей св. алтаря, мы вынуждены были молчать: стояли разрозненными рядами, въ одиночку, не согласованные, не одушевленные силою, не готовые отвѣчать авторитетно на жгучіе вопросы жизни,—неся свѣтильники своего апостольства колеблющеюся рукою,—и молчали, когда нужно было говорить огненною рѣчью; молчали, гдѣ нельзя было молчать, и говорили, гдѣ честно было бы помолчать, ибо охотно или по навыку открывали хвалебныя уста чаще въ ту сторону, гдѣ стояли угрожающе или снисходительно обласкивающе сановная сила и титулованный авторитетъ.

И надо ли удивляться, что чуткая совѣсть русскаго общества, оскорбленная и обманутая въ своихъ надеждахъ и исканіяхъ, отшатнулась отъ насъ и пошла въ разбродъ. Интеллигентные слои общества, въ значительной своей части неоплодотворенные евангельской вѣрою, приняли на вѣру идеаль *человѣкобои*, т. е., не поставленные убѣдительною логикой церковнаго слова и дѣла на служеніе великому прин-

цину христіанской любви, пошли на службу началамъ атеистическаго гуманизма и тамъ истощаютъ свою нравственную энергію. Простой народъ, въ лучшей своей (думающей) части, неудовлетворенный *только* обрядомъ, покинулъ церковную ограду и потянулся душою за призракомъ свѣта туда, гдѣ, по крайней мѣрѣ, искренно *желаютъ* дѣлать дѣло Христово.

Что же осталось съ нами, и кто за церковь и ея идеалы? Признать искренно фактъ значить на половину побѣдить его. Надо сознаться: мы остались съ храмами, требамъ и громадною еще, правда, массою вѣрующаго *посвоему* простого народа, но такую массою, которая въ любую минуту, разрыхленная и вздѣланная чужими, болѣе проворными и дѣятельными руками, можетъ вырасти страшною *угрозою* Церкви. Если сюда прибавить незначительную по составу группу интеллигентныхъ вѣрующихъ, сознательныхъ друзей христіанства, не переставая горько оплакивать несчастную судьбу Русской Церкви и искренно желающихъ ея возрожденія, то унылая картина современной русской дѣйствительности и въ частности нашего пастырскаго безсилія будетъ полная.

Это—наши силы. Есть надъ чѣмъ крѣпко призадуматься... А „время дышитъ нетерпѣливо“... Мы захвачены врасплохъ такимъ водоворотомъ событій, который не таитъ въ себѣ большихъ утѣшеній. Надвигается стихійно страшная гроза, въ раскатахъ которой слышны страшные голоса по направленію къ устоямъ церковной жизни и христіанской культуры вообще.

Въ томъ громкомъ шумѣ многорѣчивыхъ голосовъ, которые раздаются въ русской печати и обществѣ на тему о немедленномъ осуществленіи „великихъ надеждъ“; въ истерическихъ вопляхъ революціонной и анархической проповѣди, дышащей озлобленіемъ и въ фанатизмѣ партійнаго иступленія освящающей всякое насиліе включительно по кровавымъ „искупительнымъ“ гекатомбамъ;—въ кипящемъ страстностью и

нетерпѣливостью морѣ преобразовательныхъ проектовъ;—въ нервной лихорадкѣ общественныхъ нестроений и прямыхъ, душу потрясающихъ, безобразій,—чувствуется страшное дыханіе смертельной и смертоносной свободы... отъ христіанской совѣсти и идеаловъ духа... Когда дѣлаешь попытку квалифицировать современное общественное движеніе подъ угломъ зрѣнія христіанскихъ началъ жизни, испытываешь крайнее, физически-болѣзненное смущеніе... Поднятая было для благословенія освободительнаго движенія рука безсильно опускается внизъ, и слова благословенія замираютъ на устахъ, или направляются не къ тому, что совершается вокругъ, а къ тому желанному свѣту здороваго обновленія, который чувствуешь — пламенно желаешь вѣрить— долженъ засіяť надъ этимъ безсвязнымъ, горячечнымъ жаромъ страстей, въ которомъ всего много: и пылкой энергіи, и паюса идейнаго подвижничества, и убѣжденной вѣры въ свою правду, -- и одного только не видно: Христа и Его благодати... Объявляется съ упрямою рѣшительностью отмѣна „старыхъ моральныхъ нормъ“, страстно проповѣдуется „новая этика“, стирающая самыя свѣтлыя страницы евангельскаго ученія... „Верхнимъ концомъ внизъ“ переворачивается и ломается все, что береглось, какъ завѣтная святыня здоровой совѣсти. Устраняется Богъ; жизнь „строится“ торопливыми, нервно дрожащими руками расшатанной, чуждой Небу, политической стихіи...

И это внѣрелигіозное дѣланіе жизни развивается съ поразительною силою.

Изъ словесъ высшихъ оно волною заливаешь широкіе круги простыхъ массъ. Сознательно и точно формулируются идеалы, окрашенные обольстительнымъ колоритомъ правды земного, матеріальнаго блага, тѣмъ болѣе увлекающіе, что они доступны въ своей осязательности непосредственному ощущенію. Слухъ уже привыкаетъ къ рѣчамъ, убѣжденно заподозривающимъ жизнепригодность тѣхъ моральныхъ истинъ, которыя по идеѣ должно воплощать христіанство еван-

гельское и которыя висять пока въ воздухѣ безплодными словами. Какъ нѣкогда Пилать, пренебрежительно спрашивавшій: „что есть истина“, теперь тысячи уходящихъ отъ насъ не менѣе иронически бросаютъ намъ вопросъ: „гдѣ ваша истина?“.. Чувствуется—страшный и умный духъ іорданской пустыни простеръ свои холодныя, тяжелыя крылья надъ нашею землею и обѣщаніемъ хлѣба порабощаетъ духъ, сильный жить не о хлѣбѣ единомъ.

Это уже не призывъ, обращенный къ Церкви, а вызовъ рѣшительный и окончательный,—вызовъ, несомнѣнно, на борьбу. Церковь насильственно будятъ и заставляютъ выступить въ состязаніе съ новыми факторами жизни, быть можетъ, съ тайною надеждою на ея пораженіе. И Церковь должна принять вызовъ, потому что на карту ставится вопросъ: считаться ли съ нею, какъ съ дѣйствительною силою, или безцеремонно снять ее со счетовъ „новой эры русской исторіи“?..

Но чѣмъ грознѣе опасность, тѣмъ нужнѣе приготовиться къ ней со всею серьезностью и съ отчетливымъ сознаниемъ страшной отвѣтственности передъ Богомъ за исходъ борьбы. Тутъ всякая уклончивость, дипломатичная тактика, рассчитанная на затемненіе дѣла, всякія „цѣломудренныя гримасы“ на тему „все обстоитъ благополучно“, такъ много уже повредившія дѣлу Церкви, болѣе чѣмъ не умѣстны...

Готова ли Церковь на борьбу? Равна ли борьба? Надо разобратся въ этомъ безстрастно, спокойно, не щадя себя, чтобы не обсчитаться въ итогѣ шансовъ и не заплатить дорогою цѣною за невѣрный расчетъ...

Нужно имѣть все мужество рѣшительно сказать: борьба неравная. Тамъ, гдѣ по горячимъ слѣдамъ готовится на страсти и кровавой борьбѣ торжественная встрѣча „умному духу“, и тамъ—реальная сила, потому что тамъ *своя* могучая логика одушевленія, идейнаго огня и организованныя средства. А у насъ?..

Сознаемся откровенно: мы затеряли логику и всего только *пока надѣмся* на средства.

2. Въмѣсто логики, насъ запутали въ лукавомъ софизмѣ. Духъ Церкви, ея созидательныя силы попрежнему связаны и задавлены; и мы постарому стоимъ на стражѣ церковной безъ движенія, безъ творческой инициативы. Отвлеченно отъ жизни, мы знаемъ, исповѣдуемъ всю высоту евангельской истины и христіанской программы жизни,—до благоговѣнія страстно желаемъ торжества креста Христова; *фактически* вынуждены въ лучшемъ случаѣ только бессильно биться въ тенетахъ историческаго софизма, предавшаго Церковь на служеніе иной стихіи, искусственно раздѣлившей силы церковныя на высокіе и низкіе, большіе и малые ранги, внѣшне связанные, внутренно до глубочайшихъ основаній разобщенныя... Раздѣленные между собою, мы не связаны крѣпкимъ союзомъ нравственнаго единенія и съ паствою.

Что дѣлать? Положеніе вещей таково: если раньше возможно было говорить и разсуждать съ академическимъ спокойствіемъ, теперь должно громко проповѣдывать, а если можно, кричать,—несмолкаемымъ, напряженнымъ, тревожнымъ звономъ волновать тѣхъ, кто стоитъ у узла софизма, и просить объ уничтоженіи его. Иначе трудно и представить ту бездну отчаянія и ужаса, къ которой фатально движется исторія нашей Церкви. Церковь, если она желаетъ побѣды, должна стать во весь свой ростъ, явить весь объемъ силы духа, въ ней заключеннаго,—выступить въ крѣпкомъ нравственномъ единеніи всего своего состава. А это значитъ: нужна скорѣйшая, всесторонняя, неотложнѣйшая реформа церковнаго строя, не административная только, а—что тысячекратно теперь нужнѣе—реформа *духа* Церкви... Надо ни минуты не медлить съ самою энергическою работою раскрѣпощенія силъ церковныхъ, надо дать полный просторъ и свободу церкви въ ея духовномъ творествѣ, собрать всѣ ея силы, организовать ихъ, вдохнуть въ нихъ священный огонь ревности и выдвинуть на мученическій, можетъ быть,—а ис-

повѣдническій, безспорно,—подвигъ апостольской борьбы съ силами антихристіанской стихіи. Настаиваемъ: *немедленно* надо сдѣлать это. Въ противномъ случаѣ, пока мы будемъ торговаться за чечевицу ранговъ и сводить личные счета, за насъ нашу судьбу, судьбу народа и, значить, судьбу дѣла Божія, сумѣютъ посвоему рѣшить другіе, для которыхъ первородство Церкви,—опасный конкурентъ. Время не ждетъ. Когда, какъ теперь, нельзя отвѣчать за завтрашній день, надо начинать сегодня.

И такъ за первородство Церкви...—И въ первую очередь нужно, чтобы истинно творческое дыханіе жизни повѣяло оттуда, гдѣ завязываются и распускаются нити церковной жизни, откуда посылаются въ русскій „міръ“ свѣтильники вѣры и творцы христіанской жизни. Пусть съ властью и авторитетомъ, а главное съ искреннею тревогою и огнемъ убѣжденія скажутъ свое вѣское слово о несчастномъ положеніи Церкви, ея болѣзняхъ и необходимости спасенія ея—верхи Церкви. Когда до очевидности ясно, что каждый день промедленія несетъ ужасныя опустошенія въ рядахъ тѣхъ, за которыхъ мы отвѣтственны предъ судомъ Божественной правды, и влечетъ корабль церковный по подводнымъ камнямъ ко всякимъ случайностямъ, требуются жертвы и великое самоотреченіе. И здѣсь прежде всего: во имя спасенія души народной, ради покоя совѣсти малыхъ сихъ (и ихъ ли однихъ?), ради страшныхъ обѣтовъ, которыми заклѣты мы предъ Тѣломъ Господнимъ,—нужно, чтобы скорѣе отошло роковое искушеніе земного властительства отъ сердца всѣхъ, кто призванъ управлять Церковью Божіей милостію и именемъ Основоположника Церкви, а не по соблазнительному сверху и снизу и насквозь—курсу министерской, хромающей политикки, раздвоенія между алтаремъ Христовымъ и каѳедрой свѣтскаго ласкательства... Чѣмъ скорѣе забыта будетъ эта удобная каѳедра, тѣмъ ближе будетъ сердцу алтарь Господень. Время дать ясный отчетъ всѣмъ, держащимъ кормило церковнаго корабля: что же въ концѣ концовъ

дороже намъ: призракъ ли власти, улыбка свѣтской фортуны, расцвѣченная лентами и орденами помпа, холоднымъ блескомъ съѣдающая благодатные родники жизни,—или достояніе Божіе, разоряемое на нашихъ глазахъ? Что нужнѣе затѣмъ:—правдой и неправдой цѣпляться за этотъ призракъ и бессознательно готовить церковную катастрофу, которая можетъ повалить въ общемъ смятеніи и высокія каѳедры и скромные помосты церковные, или, отгнавши смиренномудренно опьяняющій угаръ іерархическаго самовластія, разбивши несчастныя перегородки, раздѣляющія черное знамя отъ бѣлаго, собраться одною ратью подъ знамя Христа и во имя Его итти рука объ руку на спасеніе и укрѣпленіе Его царства? Дѣлиться и самолюбиво разбираться въ своихъ правахъ, когда врагъ у дверей,—звать къ междоусобию, когда надъ головой чужой мечъ—чего больше тутъ: ослѣпленія или кощунственнаго благодушія?

Да не будетъ же раздѣленія тамъ, гдѣ мѣсто только союзу любви во Христѣ Иисусѣ, и среди обстоятельствъ, когда жизнь русская всѣмъ напряженіемъ своихъ измученныхъ нервовъ настойчиво требуетъ только любви, только мира подъ сѣнью Церкви. Кто больше, кто меньше виноватъ въ обозначившемся, особенно въ послѣднее время, разладѣ между большими и малыми органами учащей церкви—усчитывать теперь не время. Эту работу исполнить въ свой часъ безстрастный счетчикъ дѣлъ человѣческихъ—исторія. Въ данную же минуту, предъ лицомъ общей опасности, надо сознать, что этотъ разладъ ужаснѣе для Церкви всякаго вражескаго подкопа и устранить его со всею рѣшительностью.

Всѣ мы, и малые и большіе члены учащей церкви, виноваты каждый въ свою мѣру, потому что всѣ въ свою бѣольшую или меньшую мѣру слабы по историческимъ обстоятельствамъ, а отъ нашей слабости страдаетъ паства, страдаетъ все тѣло. Послѣднее ужасно, а особенно теперь...

Ясно, надо оставить ранги и преимущества и подумать *соборною головою объ общихъ обязанностяхъ* предъ лицомъ

Того, Кто вручилъ нашей совѣсти Церковь и ея строитель-ство. Намѣренно говоримъ: *соборною* головою. Когда идетъ вопросъ о болѣзни Церкви, лѣчение должно быть органиче-ское. Это сознано давно, это должно стать непоколебимымъ убѣжденіемъ всѣхъ, преимущественно теперь.—Вѣками на-зрѣвшая болѣзнь сама собою отчетливо выдвинула на очередь *соборное разсмотрѣніе дѣла* Русской Церкви. Сознано, что цѣлая бібліотека ученой литературы о церковной немощи, томы лирики и печатныхъ проектовъ цѣленія ея не въ со-стояніи двинуть на пядь впередъ *дѣло церковнаго благо-устройства*. И если мы и теперь будемъ только говорить, только съ плачемъ водить свои жалобы по печатнымъ стра-ницамъ, можемъ быть спокойны: все останется постарому. Нужна соборная дума, общецерковная работа.

Это необычайно элементарно, какъ истина. Надо спаси-тельную тревогу пробить по всѣмъ линіямъ церковнаго тѣ-ла, *встать* поставить *на ноги*, всѣмъ сверху донизу громко сказать о надвигающейся грозѣ и нашей пока неподготовлен-ности къ ней.

Нуженъ всецерковный соборъ, говоримъ. Къ тяжкому испытанію Церкви, около этого простого требованія жизни успѣли уже создаться недоразумѣнія и страшные споры. Идетъ ученая полемика, по временамъ приобрѣтающая ха-рактеръ непріятной страстности. Считаютъ нужнымъ дока-зывать догматически, исторически и канонически, кто имѣетъ право войти въ составъ ожидаемаго собора. Можетъ быть, это и полезно вообще для научнаго опредѣленія церковныхъ формъ жизни. Но для данной трудной минуты, переживаемой Рус-ской Церковью, неужели это такъ нужно? Вѣдь дѣло въ дан-ную минуту не въ томъ, что Русская Церковь колеблется какими-нибудь ересями и догматическими распрями, а въ томъ, что духъ жизни церковной идетъ на погашеніе, что расшатанныя вѣковымъ небреженіемъ основы Церкви готовы рухнуть; слѣдовательно не въ томъ нужда, чтобы съ науч-нымъ изяществомъ аргументировать право однихъ участво-

вать въ соборѣ съ рѣшающимъ голосомъ, другихъ—съ совѣщательнымъ, а въ томъ, чтобы помочь общими силами Церкви выйти здоровою изъ грознаго кризиса... И если такъ, неужели нужно *доказывать* теоретически то, что силою обстоятельствъ выдвигается въ качествѣ беспорѣйшаго требованія жизни и что по всѣмъ основаніямъ иначе не можетъ быть? Кто можетъ подыскать въ законѣ Христа хоть одно слово, которымъ запрещалось бы кому-нибудь любить Церковь и содѣйствовать ея благополучію? Гдѣ записанъ такой канонъ, которымъ упразднялось бы слово, говорящее, что всѣ христіане „тѣло Христово“, и который возбранялъ бы Церкви, обуреваемой панаестіями, единить всѣхъ своихъ членовъ въ союзъ дѣятельно ревнующихъ объ угрожаемомъ благодѣиіи Церкви, о славѣ имени Христа? Гдѣ въ исторіи можно указать моментъ, когда бы общецерковная опасность, поражадала *тревогу* только у однихъ членовъ Церкви и ихъ однихъ вызвала на дѣло защиты, а другимъ предоставила бы право безучастно стоять въ сторонѣ? На какомъ языкѣ написана, наконецъ, и можетъ ли существовать такая чудовищная психологія, которая органически цѣлому духовному тѣлу въ общемъ болѣзненномъ его процессѣ предписывала бы мѣстное лѣченіе и препятствовала бы, когда болѣютъ всѣ стороны души, брать данныя для правильнаго діагноза и лѣченія—отовсюду?

Неужели не ясно, неужели еще возможно не видѣть, что положеніе Русской Церкви въ данную минуту до такой степени всесторонне безнадежно, что только всецерковный соборъ въ состояніи облегчить его. Неужели не очевидно, что страшное дѣло злого генія, жестоко подшутившаго надъ Русскою Церковью, дѣло, котораго мы не можемъ избыть цѣлыя столѣтія, — обозначено однимъ роковымъ словомъ „разъединеніе“. Неужели кому-либо неизвѣстно, что самое большое историческое несчастье Русской Церкви—это человѣческими руками поставленныя мертвыя перегородки между различными группами вѣрующихъ. Онѣ слишкомъ больно

давить живое тѣло Церкви, чтобы не чувствовать ихъ. Онѣ слишкомъ угрожающе задерживаютъ біеніе пульса церковнаго тѣла, чтобы не предвидѣть въ ближайшемъ, можетъ быть, будущемъ полного церковнаго истощенія, если ихъ не устранить...

Нѣтъ братскаго любовнаго единенія между членами церкви руководящей. Развѣ это для кого-нибудь секретъ? И развѣ это не ужасно? Развѣ не ужасно, что между высшимъ и низшимъ духовенствомъ доднесъ вотъ уже съ какихъ поръ стоитъ стѣна взаимнаго отчужденія и непониманія. Положеніе вещей одинаково мучительное для той и другой стороны, т. е. для тѣхъ (оговариваемся) изъ представителей высшаго и низшаго священства (а ихъ—вѣримъ—не мало), христіанскому убѣжденію и сердцу которыхъ звучить не пустымъ словомъ благодать пастырскаго призванія. И гдѣ, какъ не на общемъ только братскомъ собраніи, въ духѣ взаимной любви и согласія возможно съ успѣхомъ, Богу любви содѣйствующему, вырѣшить всю эту историческую муку, всю эту убійственную неправду? Путь канцелярскаго соглашенія черезъ бумажную литературу консисторій уже достаточно испытанъ и далъ плоды по роду своему, такіе плоды, отъ которыхъ осѣли пенель и горечь на сердцѣ и язвы на тѣлѣ Церкви. Нуженъ путь *душевнаго* сближенія. Поближе, потѣснѣ другъ къ другу душою—и, Богъ дастъ, мы поймемъ другъ друга. Намъ много есть чего сказать другъ другу, о многомъ вмѣстѣ поболѣть, можетъ быть, покаяться во многомъ, все же вообще доброе сдѣлать только соединенными, дружными усиліями. Поменьше только самолюбія, гордости и склонности обвинять другъ друга. Побольше искренней откровенности, взаимнаго довѣрія, главное—побольше проникновеннаго спасительнаго страха предъ лицомъ Христа и благоговѣйнаго вниманія къ бѣдственности Церкви. И крѣпко вѣримъ—тогда мы побѣдимъ зло: ибо гдѣ Христосъ, тамъ и побѣда.

Что намъ, рядовымъ пастырямъ, ни скажутъ наши святители, съ какою горечью и даже негодованіемъ ни вскроютъ

они грѣхи нашей немощи, мы все готовы искренно, съ чувствомъ братолюбиваго смиренія принять, какъ по праву заслуженное, какъ сказанное при томъ не въ правдѣ жестокаго суда, а въ горечи ревности о имени Божіемъ. Но пусть и насъ святители выслушаютъ терпѣливо и поймутъ безъ гнѣва, ибо пришло время для этого. Всего менѣе съ желаніемъ досадить; болѣе съ расчетомъ склонить къ себѣ братское сочувствіе, мы скажемъ одну только правду, которая, конечно, черезчуръ не нова будетъ для многихъ изъ святителей, но которая, надѣмся, сказанная собору высшихъ іерарховъ, воспріята будетъ съ тревогою и съ сознаниемъ необходимости дѣятельно справиться съ нею. Мы скажемъ только, что папство православно-русское, доселѣ мертвое, не оживетъ во вѣки, если не умретъ, не исчезнетъ изъ памяти исторіи, та безжалостная свинцовая тяжесть теперешняго церковно-административнаго режима, которая поставила предъ нашими глазами ставленническую грамоту, грозную скрижаль нашей совѣсти,—и потомъ съ какою-то насмѣшливо-коварною предусмотрительностью сдѣлала все, чтобы, глядя на эту скрижаль, мы исходили только безсильными слезами, надрывались бесплодно давящимъ чувствомъ полной безпомощности. Да, безпомощность во всемъ: безпомощность въ знаніяхъ (плодъ уродливаго семинарскаго обученія), безпомощность въ практическихъ вопросахъ жизни, въ моменты нравственнаго изнеможенія полное отсутствіе поддержки откуда бы то ни было и прежде всего отъ малопочетливой (по необходимости, иногда по начальственному пренебреженію) высшей власти, и вмѣсто поддержки,—требованія, приказы, указы, безконечныя предписанія со всѣхъ угловъ епархіи: отъ благочиннаго, наблюдателей всѣхъ родовъ и названій, воинствующихъ миссіонеровъ, губернаторовъ, исправниковъ и всякаго другаго титулованнаго и безтитульнаго начальства,—цѣлой тучи начальства, требовательнаго, часто беззастѣнчиво высокоомѣрнаго, однообразно пренебрежительно

трепирующаго „поповъ“ и указующаго надменнымъ перстомъ на холодную, чепорную, церемонную, затянутую въ виць-мундиръ консисторію, уродливый символъ слѣдствія, пресѣченія, взысканія и казни безъ милости... А надъ всѣмъ этимъ - безпокойная, мучительная до кошмара, горькая забота о кускѣ насущнаго хлѣба, „новисшая на всѣхъ углахъ и перекладахъ, на всѣхъ входахъ и выходахъ пастырской жизни“, по просту—обидная до жгучихъ слезъ нищенская сума, въ которую пастыри обязаны съ выпрошенными, выторгованными грошами класть свою поцранную пошлыми компромиссами іерейскую совѣсть, свою измученную душу...

Развѣ все это не таково, чтобы привести кого угодно въ истинное содроганіе? Развѣ можно нарочно годами изысканнѣйшаго, злого остроумія придумать что-нибудь болѣе чудовищное, болѣе кощунственное и вмѣстѣ болѣе дѣйствительное для постепеннаго и вѣрнаго обезпложенія пастырскаго дѣланія...

Надо, чтобы этотъ безпредѣльный ужасъ пастырской драмы, равную которой едва ли можетъ указать міровая исторія, былъ понятъ, выстраданъ, оплаканъ соборнымъ сердцемъ, и горячая единопдушная забота о немедленномъ снятіи его съ многострадалныхъ плечъ духовенства была положена въ первую линію большихъ вопросовъ, которые должны найти на соборѣ неотложное разрѣшеніе. Тогда только, убѣжденно говоримъ, пастыри будутъ правильно поняты народомъ, ибо тогда только будутъ въ состояніи стать вплотную около источниковъ народнаго духа, только тогда будутъ дороги паствѣ, ибо тогда только получать возможность говорить ей не языкомъ каѳедральнаго, такъ часто невнушительнаго, учительства, но убѣдительнымъ и побѣждающимъ языкомъ дѣла, которое доселѣ отсутствовало въ пастырской программѣ, только тогда станутъ истинными свѣтильниками Церкви, ибо только тогда получать право и возможность свободными руками полагать на жизнь народа во всѣхъ ея изгибахъ печать истинной христіанственности...

Въ противномъ случаѣ „библіотечно-административное“ христіанство современной Русской Церкви скоро можетъ увидѣть понстинѣ ужасныя дни.

Нѣтъ нравственнаго, благодатносердечнаго единенія между пастырями и паствою. Неужели это-то не всѣмъ очевидно? И можно ли въ церковномъ дѣлѣ назвать что-нибудь болѣе поражающее, болѣе грозное? И опять,—на чемъ основано, откуда родилось это отчужденіе, что его закрѣпило, и общаетъ намъ медленное, но вѣрное разложеніе приходской жизни до совершеннаго, можетъ быть, опустошенія православныхъ общинъ? Кто знаетъ это? Хорошо, черезчуръ основательно знаютъ это пастыри. Знаютъ потому, что, можетъ быть, никакое другое знаніе не отдается въ ихъ душѣ такую безысходную, непрерывающуюся болью. Но знаетъ ли это простой народъ? Конечно, кое что, очень немногое знаетъ, кое о чемъ догадывается чуткою совѣстью своею, и это въ лучшихъ, немногихъ своихъ представителяхъ. Но сплошная масса, живущая неглубокимъ сознаніемъ, неспособная въ своей темнотѣ къ трезвому разсужденію, развѣ она въ состояніи понять убійственный трагизмъ положенія своихъ руководителей и свою собственную опасность? И развѣ можно строго судить ее за то, что она слишкомъ упрощенно, подѣтски, наивно приучена понимать „поповское безпечальное житіе“ и бываетъ подчасъ до грубости безпощадна къ намъ? Но она должна узнать все. Она должна быть поднята до отчетливаго пониманія себя и своихъ пастырей въ общемъ дѣлѣ защиты Церкви; она должна быть привлечена активно къ строительству церковному; должна быть живо заинтересована въ судьбѣ своего христіанскаго исповѣданія... Это необходимо для нея, для насъ, т. е. опять таки для дѣла Божія... и опять таки въ текущую годину непроглядныхъ бѣдъ, сгустившихся надъ Церковью, болѣе чѣмъ когда-нибудь раньше... Смотрите: эта народная, простая, темная масса... съ слѣпыми глазами, съ ширью дѣвственной, невоздѣланной духовной энергіи, съ внѣшнею только печатью христіанства,

съ младенчески развитой рефлексіей, оцупью, бессознательными, нервными вспышками реагирующая на все,—она сдвинута сейчасъ новыми событіями и неожиданными вопросами съ мертвой точки, колышется, бродить, растерянно мечется въ заколдованномъ кругу, будучи не въ силахъ разобратъся въ сложныхъ эконоимическихъ и этическихъ проблемахъ, одною и тою же рукою кладеть на себя крестное знаменіе и поднимаетъ топоръ, рубить и жжетъ...

Чего же еще ожидать? Чтобы тѣмъ же топоромъ душевной тупости подрублены были у нея въ корни и всѣ устои вѣрованій? Не будемъ обманываться; дѣло близится къ тому. Связанное слово пастырей, робкое, неувѣренное, бесплодно идетъ теперь мимо вниманія народа, ибо слухъ его уже обласканъ соблазнительнымъ напѣвомъ другихъ рѣчей, новыхъ его друзей и руководителей, говорящихъ громко, увѣренно, коварно-убѣдительно „о понахъ и панахъ, злодѣяхъ народнаго счастья“.

Что же дѣлать! Надо имѣть, прежде всего, искренность сознаться, что сердце народное, довѣріе народное мы сумѣли удивительно успѣшно и давно сами отстранить (потому оно, какъ свободное помѣщеніе, такъ легко и завоевывается вѣцдерковнымъ содержаніемъ), а потомъ, не тратя напрасну силъ на сыскъ виноватыхъ въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ,—всѣмъ напряженіемъ ума и любви повернуть народъ въ ограду Церкви. Это, разумѣется, не легко, но крайней мѣрѣ не сразу возможно. Дѣло, разрушенное столѣтіями, не можетъ быть возстановлено въ два-три дня. Но начало возстановленію должно быть положено сейчасъ, и надежда на успѣшный исходъ этого дѣла имѣетъ крупныя основанія.

Пикто не смѣетъ говорить: народъ нашъ не церковень; напротивъ, онъ очень любитъ церковь, любитъ храмовое благолѣпіе, богослуженіе, чтить традиціи церковныя. Больше того: въ родникахъ его духа живо бьетъ почти безотчетное, правда, но сильное стремленіе душою войти въ Церковь, почувствовать себя хоть самамалѣйшею, но ак-

тивно дѣйствующею частицею соборнаго тѣла. Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, пусть вникнетъ въ психологію сектантскихъ совращеній. Пока православный простолудинъ довольствуется обрядовою внѣшностью, принимая ее въ экономіи своего духовнаго блага за нѣчто самодовлѣющее и исчерпывающее весь объемъ его потребностей, онъ твердъ въ своемъ православіи. Но пастунасть пора духовнаго подростанія, пробуждается чаще подсказанная со стороны потребность религиозно-церковнаго самоопредѣленія, и въ простой душѣ поднимается сначала чувство недоумѣнія, потомъ недовѣріе къ своему исповѣданію, далѣе чувство малосознанной нѣкоторой обиды за насильственное отчужденіе отъ своей Церкви, наконецъ, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ (а мало ли ихъ?)—враждебность къ неправдѣ церковнаго строя, и... въ результатъ отпаденіе... Трудно не понять, что въ настоящее время громадная масса нашего народа переживаетъ именно этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ тревожный, процессъ религиознаго колебанія...

Трудно не понять, съ другой стороны, до какой степени и именно въ данную минуту легко использовать этотъ моментъ къ истинному благу Церкви и народа.

Первый шагъ, исполненный, по нашему непоколебимому убѣжденію, самыхъ важныхъ послѣдствій, въ этомъ случаѣ, привлечь и представителей народа къ соборному обсужденію дѣлъ Русской Церкви. Стоймъ за то даже, что бы этихъ представителей было на соборѣ возможно больше. Пусть они здѣсь услышатъ и пронесутъ по всей Россіи благоую вѣсть, что отнынѣ и они—не безмолвные и безучастные созерцатели, а живые строители церковнаго дѣла, что отнынѣ мы сливаемъ ихъ съ собою въ общей христіански-братской работѣ. Пусть узнаютъ они, а чрезъ нихъ вся народная христіанская Русь, безъ прикрасъ искреннюю повѣсть тяжелой исторической болѣзни Русской Церкви, о страшныхъ минутахъ переживаемыхъ ею сейчасъ, о неизмѣримыхъ по ужасу ругозахъ, которые сулитъ ближайшее будущее всей христіан-

ской культурѣ. Надо со всею убѣдительною подчеркнуть и поставить въ яркое освѣщеніе ту опасность, около которой стоитъ и самъ простой народъ, не ясно понимающій, какъ тонко задуманъ и уже программно осуществляется на нашихъ глазахъ великій заговоръ противъ Церкви и драгоценнѣйшихъ залоговъ вѣры православной. Надо встревожить совѣсть народную, самому народу внушить, что общее дѣло требуетъ совокупныхъ усилій всѣхъ членовъ Церкви, что подвигъ обновленія Церкви долженъ быть подвигомъ и народной воли и дѣла.—Въ сложномъ вопросѣ о практической программѣ дѣйствій, о томъ, что мы ожидаемъ отъ народа, придется говорить откровенно о многомъ, что быть можетъ сказать не легко будетъ. Не надо бояться этого. Чѣмъ искреннѣе будетъ слово наше, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ оно будетъ выслушано. Надо будетъ необинуясь и со скорбью признаться, что мы въ большомъ долгу предъ народомъ, что долгъ этотъ—наша неизбытная мука... Но съ тѣмъ вмѣстѣ со всею внушительностью призвать и народъ къ выполнению его христіанскаго долга по отношенію къ намъ. Народъ справедливо ищетъ и требуетъ нашей благодатно-руководительной помощи,—скажемъ ему братски, что и мы безсильны въ своемъ дѣлѣ безъ его помощи...

Непоколебимо вѣримъ, что нашъ, въ глубинѣ непроевѣтленной даже души своей, христіаннѣйшій народъ, въ вѣковомъ историческомъ міросозерцаніи своемъ таящій безграничное богатство любви и совѣстливой чуткости; отзывчивымъ сердцемъ; полною любовью отвѣтитъ на нашъ любовный же призывъ, и, понявши на соборѣ то, чего не могъ или не умѣлъ понять раньше, отбросивши вѣковое, рожденное простымъ непониманіемъ, предубѣжденіе противъ своихъ пастырей, всѣмъ міромъ, грудью станетъ за Христа, Его Церковь и обездоленныхъ служителей ея и не пожалѣетъ никакихъ жертвъ для дѣла Божія. Только бы хватило у руководителей собора умѣнья съ неподдѣльною искренностью подойти къ сердцу народному, разъяснить, что обращая свой встревоженный голосъ къ нему за помощью, мы не своихъ

си ищемъ, а печалимся, по Христову повелѣнію, лишь о его душѣ и благѣ Церкви, что намъ какъ великая святыня дорога душа народа, что отнынѣ мы всѣ силы своего вліянія, весь подвигъ жизни полагаемъ въ томъ, чтобы въ Церкви дать надлежащее удовлетвореніе религіозному томленію народа, въ нѣдрахъ народнаго сознанія высвѣтлить и воскресить чистый образъ Христа и увлечь народъ на созидательную всецерковную работу...

Если же и въ этомъ до очевидности ясномъ дѣлѣ мы упустимъ моментъ, если попрежнему будемъ упрямо отговариваться отъ народа навѣянною кабинетнымъ книжничествомъ боязнию, какъ бы привлеченіемъ народа къ участию на соборѣ и въ дѣлахъ церковныхъ не были нарушены прерогативы правящихъ и учащихъ,—за послѣдствія ручаться трудно: мы не успѣемъ, можетъ быть, оглянуться, какъ наша паства разбредется отъ насъ въ разныя стороны, по сектантскимъ угламъ и по лавочкамъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ христіанствомъ.

Наконецъ, давнишній глубокій разладъ Церкви съ свѣтской интеллигенціей. Это особенно большой вопросъ совѣсти церковной и давнишняя же скорбь Церкви. Свѣтская интеллигенція не вѣритъ въ Церковь, отрицаетъ ея жизнеспособность, считаетъ ее мертвымъ учрежденіемъ, „безсодержательнымъ зданіемъ вѣдомства духовнаго исповѣданія“, поэтому она ушла отъ Церкви сознательно и работаетъ по своимъ идеаламъ за собственный счетъ и собственными силами. Но не то преимущественно печально, что она отказалась отъ насъ, а то, что въ данную минуту, какъ и давно раньше, она стала во враждебное отношеніе къ Церкви, заняла позицію прокурорски - обвинительную ко всему церковному. Права ли она? И права и не права. Права, по скольку ея враждебный, иногда негодующе-безпощадный голосъ направленъ къ наличному церковному строю, дѣйствительно, маложизненному, почти остановившемуся въ своемъ творчествѣ. Неправа потому, что не сумѣла спокойно отдѣлать

въ своемъ сужденіи о Церкви вѣчныхъ идеаловъ, лежащихъ въ основѣ церковнаго строенія, отъ историческихъ формъ церковной жизни, отъ церковныхъ учрежденій, и возмущившихся ненормальностью формъ, пренебрегла и животворящимъ духомъ христіанства, никогда не умирающимъ источникомъ подлинной жизни... Дѣло, стало быть, въ несчастномъ недоразумѣніи. Это недоразумѣніе и пужло устранить теперь опять такъ неотложно. Нельзя равнодушно смотрѣть, какъ могучія умственные силы, богатая энергія людей, которые могли бы стать въ первые ряды защитниковъ евангельскаго христіанства, изживаются на чужомъ полѣ, необвѣянная небесною благодатію. Необходимо вновь приобрѣсти ихъ для Церкви.

И это не безнадежное дѣло: въ громадномъ своемъ числѣ люди эти, при всей видимой отчужденности отъ Церкви, не вылизи чужды ея идеаламъ. Наша свѣтская интеллигенція исторически никогда не была безбожна (крайностей не беремъ въ расчетъ). Духъ живаго религіознаго исканія, томленіе по идеалу, жажда нравственнаго подвига нестираемыми чертами запечатлѣны въ нашей классической художественной литературѣ и лежать на многихъ поразительной нравственной красоты фактахъ жизни „нецерковной интеллигенціи“. Этотъ безнокойный духъ виѣцерковной религіозности—въ наши дни рѣшетъ уже около вратъ Церкви, идетъ самъ на соглашеніе съ церковнымъ христіанствомъ, ищетъ союза и примиренія... Есть въ свѣтскомъ обществѣ и вѣрующіе, но равнодушные къ интересамъ Церкви по слабости, или по навѣянному убѣжденію, что Церковь трудно оживить... Есть, наконецъ, и искренно вѣрующіе, но при современныхъ условіяхъ церковной жизни лишь платонически свидѣтельствующіе свое сочувствіе церковнымъ горестямъ.

Въ правѣ ли Церковь Русская при такихъ обстоятельствахъ объявлять безнадежными всякія попытки сближенія со свѣтской интеллигенціей? Наоборотъ, не прямой ли нравственный долгъ ея приложить всѣ старанія къ тому, чтобы серьезно

въ концѣ концовъ столкнуться съ свѣтскимъ обществомъ, научить его понимать себя и взять трудъ самой вдумчиво и спокойно разобраться въ томъ хорошемъ и дурномъ, чѣмъ живетъ и волнуется эта среда, намъ по крови и національнымъ традиціямъ родная и близкая. Если до сихъ поръ мы не могли достигнуть взаимнаго соглашенія, вина тутъ въ громадномъ разстояніи, которое раздѣляло насъ другъ отъ друга. Подойдемъ другъ къ другу ближе, братски, и тогда быть можетъ многое уладится само собою, гораздо проще, чѣмъ это кажется издали. Пусть начинъ этого сердечнаго сближенія сдѣлаетъ Церковь. Это се не унижить, напротивъ, это будетъ со стороны Церкви актъ высочайшаго нравственнаго величія, которое обезоружитъ даже самую крайнюю человѣческую надменность. Пусть и интеллигенціи, какъ и представителямъ простого „міра“, Церковь откроетъ гостепріимно двери предстоящаго собора, и мы убѣждены,—этимъ простымъ рѣшеніемъ она достигнетъ сразу того, чего не могла достигнуть годами напряженнѣйшей литературной полемики съ началами „свѣтской культуры“...

Въ данномъ случаѣ, разумѣется, рѣчь идетъ объ интеллигенціи послѣднихъ двухъ категорій. Первая группа интеллигенціи еще, быть можетъ, надолго останется только потенциальной силою для Церкви. Вторая—по неформальности своего религіознаго средо равнымъ образомъ не можетъ быть призвана сейчасъ въ качествѣ активной помощницы собору въ дѣлѣ церковнаго возрожденія. Но права на участіе въ соборныхъ сужденіяхъ интеллигенціи послѣднихъ двухъ категорій—безспорны... Эту интеллигенцію необходимо нужно привлечь на соборъ и тѣмъ снять съ Церкви справедливый упрекъ, что она своею замкнутостью и отчужденностью отъ общества отстранила (говорятъ сильнѣе—оттолкнула) отъ себя тѣхъ, кто хотѣлъ и искалъ въ Церкви и личнаго душевнаго удовлетворенія и примѣненія своихъ силъ на пользу церковнаго дѣла. „Храмъ для насъ, говорятъ искренніе люди свѣтскаго общества—чужое мѣсто и чужое дѣло, дѣло кли-

риковъ и какой-то тамъ замкнутой администраціи“. Пусть же отнынѣ онъ станетъ для нихъ своимъ, святымъ мѣстомъ,—его интересы—ихъ интересами, его жизнь и задачи—ихъ задачею и жизнью. Пусть Церковь приметъ представителей свѣтскаго общества на соборныя совѣщанія съ полнымъ довѣріемъ, какъ лицъ, отнынѣ призванныхъ на дѣло церковное не въ качествѣ случайныхъ гостей, какими доселѣ чувствовала себя интеллигенція въ Церкви, а въ качествѣ почетныхъ членовъ, отъ которыхъ есть всѣ основанія ожидать большой и дѣйствительной помощи въ затрудненіяхъ, отягочающихъ нынѣ церковную жизнь...

Этимъ введеніемъ интеллигентныхъ силъ въ церковное строительство Церковь покроетъ свой давнишній долгъ передъ свѣтскимъ вѣрующимъ обществомъ и привлечетъ къ себѣ его довѣріе и любовь... Нужно только, чтобы и здѣсь все совершилось съ обѣихъ сторонъ въ духѣ взаимной благорасположенности Господа ради, въ сознаніи грозной минуты, переживаемой сейчасъ православнымъ христіанствомъ,—и въ чувствѣ общей отвѣтственности за предстоящее дѣло церковной реформы...

Питаемъ твердую увѣренность, что на призывающей голосъ Церкви интеллигенція, въ ея лучшихъ представителяхъ, отвѣтитъ полною готовностью стать съ нами плечо о плечо за церковные интересы, потому что это будетъ вмѣстѣ и защитой священнѣйшихъ идеаловъ ея же сердца. Увѣрены, что этотъ голосъ разбудитъ и спящихъ лѣнивымъ сномъ равнодушія и ихъ вовлечетъ въ курсъ церковнаго возрожденія. А всѣмъ этимъ вмѣстѣ приближено будетъ, какъ намъ думается, вѣрное рѣшеніе и вопроса о нормальныхъ путяхъ христіанизации слоевъ свѣтскаго общества, теперь работающаго подъ знаменемъ безрелигіозной морали, или только нащупывающихъ не всегда вѣрными руками почву истинно христіанскаго труда и жизни. Полагаемъ, что христіанскую миссію среди этихъ слоевъ общества—въ крѣпкомъ духов-

номъ союзѣ съ Церковью—вѣрующая интеллигенція поведеть съ отмѣннымъ успѣхомъ.

И наоборотъ—скажемъ въ заключеніе—если мы и въ текущую, такъ счастливо для Церкви слагающуюся минуту, выйдемъ въ ошибку по отношенію къ свѣтскому обществу, если изъ боязни поступиться самолюбіемъ и преимуществами власти—попрежнему отстранимъ его отъ себя, мы углубимъ свои несчастія... При современной горячечно-нервной группировкѣ политическихъ и идейныхъ силъ—весьма возможно—мы останемся навсегда (и не несправедливо) пренебрѣженными въ своихъ интересахъ со стороны даже вѣрующихъ изъ свѣтскаго общества и обречены будемъ на собственныхъ одинокихъ плечахъ, безъ поддержки общества, призваннаго теперь къ общегосударственному обновленію, вести корабль Церкви среди страшныхъ политическихъ бурь ближайшаго къ намъ настоящаго и, быть можетъ, еще болѣе тяжелыхъ—въ недалекомъ будущемъ,—говоря проще: собственною рукою подготовимъ, можетъ быть, исполненіе вѣщаго пророчества В. С. Соловьева, предсказавшаго, что Церковь скоро вынуждена будетъ слова скрывать въ пустыняхъ и катакомбахъ.

Священникъ *Евгеній Капраловъ*.

Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ 1808 г. была предпринята коренная реформа всего духовно-училищнаго строя. Вызвана она была давно назрѣвшею потребностью дать однообразное устройство всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. До сихъ поръ духовныя школы открывались епархіальными архіереями, причѣмъ каждый давалъ своей школѣ такое устройство, какое былъ въ состояніи, имѣя въ виду выработавшійся уже типъ духовной академіи. По недостатку средствъ многія каѳедры пустовали, — другія были заняты дешево оплачиваемыми и потому слабыми силами; азбука проходилась рядомъ съ высшими науками въ сосѣднемъ классѣ. Всѣ эти недочеты и призвана была искоренить реформа.

Въ 1807 году былъ учрежденъ „Комитетъ о усовершеніи духовныхъ училищъ“, членомъ котораго состоялъ, между прочимъ, знаменитый Михаилъ Сперанскій. Его-то организаторскому таланту мы и обязаны, главнымъ образомъ, тѣмъ стройнымъ планомъ духовнаго образованія, какой былъ выработанъ комитетомъ. Всѣ духовныя школы раздѣлены были на четыре разряда: академіи—4 на всю Россію, семинаріи по одной на каждую епархію, уѣздныя училища—по одному на уѣздъ и училища приходскія—по одному на каждый благочиннической округъ. Въ порядкѣ управленія низшія были порайонно подчинены высшимъ. Для завѣдыванія и руководства всѣмъ вообще духовно-учебнымъ дѣломъ учреждалась „Коммиссія духовныхъ училищъ“ (отправлявшая функціи нынѣшняго Учебнаго Комитета).

¹⁾ См. № 4 за 1906 г.

Такая же строгая выдержанность плана была внесена и въ учебное дѣло. Были разграничены предметы преподаванія между школами разныхъ типовъ, и введены вездѣ одинаковыя программы. Что касается общаго направленія, самаго духа духовнаго просвѣщенія, то его реформа не тронула. Напротивъ, официально были подтверждены тѣ начала, которымъ оно до сихъ поръ слѣдовало. Говоря объ этихъ началахъ, „Комитетъ“ прямо заявляетъ: „главную цѣлью духовнаго просвѣщенія должна быть собственно такъ называемая, ученость (*eruditio*) сколько можно болѣе приспособленная къ наукамъ богословскимъ. И это есть первое правило, на коемъ должны быть основаны духовныя училища“. Далѣе онъ указываетъ на примѣръ англійскаго и нѣмецкаго духовенства, имѣющаго „нарочитый степеь“ учености, тогда какъ французское уклонилось на путь блестящихъ но внѣшности, но легко достижимыхъ и малоцѣнныхъ успѣховъ¹⁾.

Эта реформа и была съ успѣхомъ проведена въ жизнь, такъ какъ сопровождалась изысканіемъ средствъ дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ только, на ея осуществленіе. Но не долго просуществовалъ духовно учебный строй, узаконенный этой реформой. Черезъ 30 лѣтъ послѣдовала новая реформа.

Реформа церковнаго управленія, произведенная Петромъ Великимъ и состоявшая въ замѣнѣ патріаршества синодомъ, поставила Русскую Церковь въ прямую зависимость отъ государственной власти. вмѣстѣ съ тѣмъ, Церковь была лишена возможности управлять своими школами и руководить ихъ направленіемъ. Вся полнота власти отошла къ оберъ-прокурору Св. Синода. Новый порядокъ, едва дававшій себя чувствовать въ началѣ, вполнѣ показалъ себя черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ, когда бюрократія успѣла основательно войти во вкусъ власти.

¹⁾ Исторія СПб. Дух. Академіи Чистовича, стр. 167.

19 вѣкъ вообще отличался разнообразіемъ и быстрой смѣной общественныхъ настроеній и теченій общественной и государственной мысли. Каждое новое царствованіе приносило съ собой новыя вѣянія. При оберъ-прокурорскомъ режимѣ, который дѣлалъ проведеніе новой реформы легкимъ и подчасъ даже приятнымъ экспериментомъ, вѣянія эти немедленно проводились въ жизнь. Духовная школа превратилась въ какое-то опытное поле для разведенія всякихъ педагогическихъ и церковно-общественныхъ культуръ. Притомъ реформы эти, нисколько не вытекавшія изъ потребностей духовной школы и пастырскаго служенія, а продиктованныя общими политическими или даже личными тенденціями, и проводившіяся лицами, часто ни съ духовной школой ни съ пастырскимъ служеніемъ ничего общаго не имѣвшими, имѣли въ виду не исправленіе какихъ-нибудь частичныхъ недочетовъ учебной и воспитательной части, а замѣну самихъ основъ духовно-учебнаго дѣла другими, новыми. Эти именно реформы и довели наши духовныя академіи до той, болѣе чѣмъ скромной, роли, какую онѣ играютъ теперь, и поставили все дѣло нашего пастырскаго приготовленія въ то незавидное положеніе, въ какомъ оно теперь находится.

Первая такая реформа была произведена оберъ-прокуроромъ Св. Синода, графомъ Протасовымъ, въ 1838 году.

Воспитанный, какъ говорятъ, іезуитами, прошедшій военную школу Николаевскаго времени и лишь по недоразумѣнію попавшій въ оберъ-прокуроры Св. Синода, Протасовъ, естественно, не былъ знакомъ ни съ духомъ, ни съ традиціями нашей духовной школы. Въ ея строѣ онъ видѣлъ одни лишь непорядки и распущенность. Вотъ что говоритъ объ этомъ въ своей „Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ“ покойный проф. Лопухинъ. „Направленіе духовной школы казалось слишкомъ общимъ, представлявшимъ излишній просторъ самодѣятельности и своеобразію, мало практичнымъ, воспитывавшимъ людей вообще богословски образованныхъ и развитыхъ, но не подготовленныхъ къ предсто-

ящей имъ профессіи такъ прямо и рѣшительно, какъ, напримѣръ, офицеры подготовлялись къ командованію въ кадетскихъ корпусахъ, когда и малѣйшая ошибка въ командѣ, маршировкѣ или поворотѣ просто являлась, немислимою, и когда въ отношеніи профессиональныхъ занятій почти не могло быть и рѣчи о лучшихъ и худшихъ: всѣ были одинаково хороши. Духовное образованіе достигало развитія духа, знанія, которое не поддастся точному и очевидному для всѣхъ учету, и какъ бы игнорировало развитіе дисциплины, умѣнье, практическую приспособленность къ непосредственному исполненію предстоящихъ обязанностей, такъ цѣнимыя въ Николаевскія времена“¹⁾).

Протасовъ указывалъ на то, что семинаристы не знакомятся, какъ слѣдуетъ, въ школѣ съ церковнымъ уставомъ, церковными законами, не знакомятся даже въ достаточной степени съ примѣрами изъ исторіи христіанской жизни. Обученіе ведется въ сферѣ отвлеченныхъ общихъ соображеній; въ программѣ содержится много лишняго, совершенно ненужнаго въ виду спеціальнаго пазначенія семинаристовъ. Вслѣдствіе этого молодые священники, сейчасъ по выходѣ изъ семинаріи, не умѣютъ ни пѣть, ни читать по церковному, ни отправлять богослуженія. Падъ ними издѣваются грамотные мѣщане.

Все это было, положимъ, правда. Но какая же школа даетъ окончившему ее заразъ всю полноту практической опытности? Тѣмъ болѣе нельзя этого требовать въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ пастырство. Не даетъ полной практической подготовки и католическая семинарія, которую, можетъ быть, имѣлъ въ виду Протасовъ, несмотря на то, что тамъ воспитанникъ еще съ дѣтства принимается въ клиръ и на школьной скамьѣ проходитъ всѣ низшія степени его. Всѣ тѣ обвиненія, которыя предъявилъ Протасовъ духовной шко-

¹⁾ Стр. 609.

лѣ, можно было повторить и по адресу реформированной имъ школы; повторяють ихъ нерѣдко и теперь. вмѣсто того, чтобы подумать объ организаціи послѣшкольнаго приготовленія пастырей, которое такъ тщательно поставлено въ протестантствѣ, и необходимость котораго у насъ логически слѣдовала изъ данныхъ условій, Протасовъ рѣшилъ реорганизовать самую духовную школу. За дѣло онъ принялся съ такой энергіей и рѣшительностью, которыя дѣлають болѣе чести его силѣ воли и военному воспитанію, чѣмъ педагогическому таланту.

Не добившись согласія на реформу у Комиссіи духовныхъ училищъ, которая стойко отстаивала свое дѣтище, оберъ-прокуроръ испросилъ у Императора совершенное ея упраздненіе, замѣнивши ее „Духовно-учебнымъ управленіемъ“, организованнымъ на чисто канцелярскихъ началахъ и всецѣло подчиненнымъ его власти. Для разработки своей реформы съ чисто технической стороны онъ пригласилъ нѣсколькихъ ректоровъ духовныхъ семинарій и, несмотря на все ихъ нежеланіе и явное несочувствіе реформѣ, заставилъ ихъ приняться за дѣло. Несочувственно относилось къ реформѣ и духовенство. Такъ митрополитъ Филаретъ, много потрудившійся надъ первой реформой составленіемъ учебныхъ программъ, вполне справедливо находя, что нельзя такія важныя задачи рѣшать одной головой, тяжело вздыхалъ и говорилъ: „Куда идутъ? чего хотятъ? Подлинно, нынѣ болѣе вниманія обращаютъ на недостатки духовно-учебныхъ заведеній, чѣмъ на то, что въ нихъ лучшее, и отсюда происходитъ желаніе преобразовать, какъ кому разсуждается, вмѣсто истиннаго исправленія и усовершенія“ ¹⁾.

А. Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Лопухинъ.* Стр. 612.

Письмо къ священнику-другу, лишившемуся супруги ¹⁾.

Поскорбѣлъ я о тебѣ, незабвенный отецъ Павелъ, когда услышалъ, что ты лишился супруги.

Едва успѣлъ ты вступить на порогъ жизни, и уже вдовѣ. Тутъ я почувствовалъ всю настоящую тоску твою. Она мучительна. Получивъ извѣстіе о твоёмъ горѣ, я, по старой дружбѣ, беру перо, чтобы, христіански сострадавъ тебѣ, принести, съ помощію Господа, хотя малую отраду и тѣмъ облегчить печаль твою.

А печаль твоя, какъ печаль Поемины, которая говоритъ: „не зовите меня Поеминь (Прекрасная), но зовите меня „горькая“, яко исполни меня горести Вседержитель зѣло (Руоѣ 1, 20). И дѣйствительно, ты похожа на нее. Поеминь въ молодыхъ лѣтахъ лишилась мужа, а ты лишился жены. Но Всевышній, промышляющій о людяхъ, благоустроилъ жизнь Поемины. Онъ же да благоустроитъ и твою жизнь. Итакъ, возверзи на Господа печаль твою, смириися подъ крѣпкую руку Божию, не падай духомъ, не унывай. Не ропщи на Бога и на Его святое провидѣніе, что Онъ такъ рано испыталъ тебя.

И одинъ ли ты такъ страдаешь на свѣтѣ? Нѣтъ. Апостоль Петръ говоритъ въ своемъ посланіи: *тѣже страсти случаются и вашему братству, еже въ мѣръ* (1 Петра 5, 9).

И Іовъ говоритъ: *не искушеніе ли житіе человеку на земли*. То есть, въ томъ одномъ на землѣ и состоитъ жизнь

¹⁾ Беремъ это письмо изъ 24 № Нижегород. еп. вѣдомостей за 1905 г. Оно было написано въ 1847 г. смотрителемъ сначала Печерскаго, а потомъ Починковского дух. училищъ Е. А. Садовскимъ и адресовано свящ. Н. И. Пряткову, лишившемуся супруги. Теплая вѣра въ всеблагій Промыслъ Божій, устрояющій къ лучшему судьбу каждаго человека, глубоко проникаетъ содержаніе этого письма и дѣлаетъ его цѣннымъ для всякаго времени. Вдовствующіе іереи найдутъ въ письмѣ много для себя утѣшительнаго.

человѣка чтобы страдать. И нѣтъ ни одного человѣка, который бы не огорчался и не печалился: *человѣкъ рожденъ отъ жены малолѣтенъ*, говоритъ Іовъ, и жизнь его полна страданій (Іов. 14, 1). И Спаситель нашъ, оставляя міръ сей, оставилъ намъ въ удѣлъ слезы, рыданія и скорби (Іоанн. 16, 2). Прими же съ благословеніемъ это наслѣдство, какъ истинный ученикъ Христовъ. Прими и не скорби. Быть можетъ, чрезъ это огорченіе Господу угодно видѣть тебя іереемъ совершеннымъ, право правящимъ слово истины. Тебѣ извѣстно, что иногда Всевышній, любя Своего раба, нарочно погружаетъ его въ страданія, какъ золото въ огонь, чтобы испытать его и найти достойнымъ Себя. Припомни исторію Іова и Товита, людей, любимыхъ Богомъ. Долго они искушались и чрезъ это спаслись. И намъ *многими скорбями подобаетъ въ царствіе Божіе внити. Блаженъ мужъ иже претерпитъ искушеніе, зане искусенъ бывъ, приметъ вѣнецъ славы.* (Іак. 1, 12). Ты скажешь все-таки: несчастна моя доля, и въ чемъ же мнѣ найти утѣшеніе? Несчастлива. Ты судишь такъ, а я сужу иначе. Твоя доля счастливѣе другихъ. Почему? Потому, что ты испыталъ горе. А кто не знаетъ его, кто не лишался и не страдалъ, тотъ на землѣ всегда былъ счастливъ. А кто счастливъ, кто имѣетъ жену, друзей, родныхъ, въ кругу которыхъ онъ живетъ безъ горя, тотъ весь привязанъ только къ одной землѣ, всѣми помыслами своими занятъ здѣшнейю жизнью. О небѣ, о другой жизни онъ не думаетъ: это для него предметъ далекій.

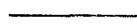
Не то бываетъ съ человѣкомъ, у котораго супруга и родные отошли въ другую жизнь; земля безъ родни не радуется его; онъ вполне сознаетъ, что для него она страна чужая. Его отечество тамъ, гдѣ любимый его предметъ, т. е. на небѣ, и самъ онъ желалъ бы отлетѣть туда. И я думаю, что съ тѣхъ поръ, какъ супруга твоя отошла въ вѣчность, ты сталъ чаще смотрѣть на небо. И блескъ звѣздъ, и тишина почи больше на тебя наводятъ тоску и живѣе располагаютъ мыслить о небѣ, стремиться къ нему, какъ къ

своему отечеству, жить и наслаждаться имъ,—развѣ это не есть счастье? И какое еще счастье можетъ быть лучше сего? Если, любезный собратъ и другъ, ты стяжалъ такое стремленіе къ небесному, то это стремленіе и будетъ тебѣ утѣшеніемъ въ твоей жизни такимъ, которое всегда истинно можетъ усладить тебя. А все прочее земное, богатство ли, развлеченіе ли какое, забавы ли міра, мудрость ли, никогда не могутъ утѣшить человека. Вотъ свидѣтель Соломонъ. Чего онъ не дѣлалъ? Набиралъ богатства безъ числа, безъ ума предавался чувственнымъ удовольствіямъ, обогащался мудростью, и умъ его былъ такъ высокъ, что онъ зналъ все, что только разумъ человѣческій можетъ постигнуть; и что же, нашелъ ли онъ во всемъ утѣшеніе? Нѣтъ. Онъ говорилъ, что все это суета и крушеніе духа. Но въ чемъ онъ нашелъ? Въ добродѣтели, въ любви къ Богу, въ стремленіи къ небу. Обрати и ты взоръ ума своего къ Отцу Небесному, предайся Его всеблагой волѣ, и ты почувствуешь всю полноту твоего утѣшенія.

Промысль, которому угодно было поставить тебя въ безотрадное состояніе, самъ указываетъ, какой нужно вести тебѣ родъ жизни. Тебѣ скучно? Читай больше книги Священнаго Писанія и умудрай ими другихъ. Врачуи немощи душъ, тебѣ, какъ пастырю, Богомъ ввѣренныхъ. Сердце твое пусто,—наполни его удовольствіями чистыми, выбери для него радости и наслажденія такія, которыя были бы приличны твоему сану. Ты лишень радости супруга—познавай другія радости. Какія? Благодвори другимъ и удружай человѣчеству. А въ этомъ и должна состоять цѣль нашей жизни. Супруга твоя взята отъ тебя на небо. И самъ возносишь туда въ своей молитвѣ. А для сего совершай чаще Богослуженіе. Вотъ на что тебѣ указываетъ Промысль Божій и вотъ какое тебѣ остается утѣшеніе въ жизни. Неси же, любезный другъ, терпѣливо свой крестъ и не предавайся тоскѣ по умершей. Въ слезахъ ты утѣшенія не найдешь, а разстроить свое здорově можешь. Да и благоразумно-ли предаваться тоскѣ, когда нѣтъ отъ того никакой пользы? Можно похвалить

грусть, тоску тогда, когда есть опасность потерять что-нибудь. Но для тебя потеря невозвратима. Будь же твердь духомъ и не сокрушайся. Ты—стѣна вѣры, и что будетъ, если пошатнется эта стѣна? Гдѣ тогда научатся терпѣнію твои пасомые, если имъ приключится какое-либо зло? Ты будь для нихъ примѣромъ безропотности, преданности волѣ Божіей, и такъ молись Всевышнему и говори: Господи, Тебѣ угодно было наказать меня, благодарю! Если еще пошлешь вдвойнѣ мнѣ страдапія, все приму отъ руки Твоей, ибо знаю что это добро. Вотъ мой совѣтъ и утѣшеніе тебѣ. Прощай! Благословеніе Божіе да будетъ съ тобою! Остаюсь преданный тебѣ другъ Е. А. Садовскій.

Сообщ. свящ. П. Лузинъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 6.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года февраля 5-го дня.

Содержаніе: Къ родителямъ и дѣтямъ.—Приходская благотворительность.—
Религіозная и политическая самозащита. (Братство въ с. Поличен-
цахъ Бердич. у. Кіев. губ.).—Опытъ унорядоченія дѣла исповѣди.—
Къ свѣдѣнію духовенства.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: Свобода вѣровать
и молиться (по поводу Указа 17 апр. 1905 г.).

Къ родителямъ и дѣтямъ.

Въ бурю и непогоду, когда разъяренныя волны броса-
ютъ немилосердно утлый челнокъ и готовы ежеминутно по-
глотить его, единственная и страстная мысль овладѣваетъ
пловцами — поскорѣ увидѣть берегъ и найти безопасную
пристань. Среди снѣжной мятели, когда вой вѣтра и непре-
одолимая сила снѣга заглушаютъ всѣ призывы путеше-
ственника о помощи и спасеніи, когда наметенные вѣтромъ су-
гробы мѣшаютъ безпрятственному движенію, единственное
чувство овладѣваетъ путешественникомъ—найти дорогу къ
жилюю человѣческому, найти пріютъ и отдохновеніе отъ раз-
бушевавшей непогоды.—Есть не менѣе страшныя бури и не
меньшія опасности отъ нихъ для странника этой земной

жизни и въ мірѣ нравственномъ, въ мірѣ духовномъ. И много такихъ бурь пережило человѣчество, много самыхъ тяжелыхъ испытаній перенесло оно.

Не мало такихъ испытаній выпало и на долю нашего народа. Со времянь ознакомленія нашего съ Западомъ, со времянь причастія нашего къ западно-европейской образованности мы почти непрестанно подвергаемся приливамъ разнаго рода увлеченій. Оторвавшись отъ единства съ массою народною, мы въ своей погонѣ за ученіями Запада не рѣдко забывали свое родное, завѣты нашей многопоучительной исторіи и готовы были колебать все то, на чемъ покоится мощь нашего государства, что составляло и составляетъ сущность нашего историческаго бытія, что и созидалось-то съ великими трудами и жертвами со стороны народа. Кровавыя бури, вызванныя на Западѣ разбушевавшимися страстями народовъ, страстная борьба за права различныхъ классовъ и сословій, не менѣе страстная проповѣдь различныхъ разрушительныхъ ученій—все это находило и, къ сожалѣнію, находить тотъ или другой откликъ и у насъ, все это вызывало и вызываетъ бурныя и безумныя увлеченія, и было причиной тяжелыхъ, едва переносимыхъ явленій. Давно ли, кажется, мы были свидѣтелями увлеченій тлетворными ученіями, а затѣмъ—ужасныхъ преступленій, мутнымъ потокомъ прошедшихъ по руслу нашей жизни,—давно ли этому пожирающему идолу приносились обильныя жертвы всѣмъ, что такъ для насъ цѣнно, что превыше всего въ жизни,—и опять Русская земля стала свидѣтельницей всѣхъ тѣхъ ужасовъ непогоды, отъ которыхъ едва было избавилась. И буря разыгрывается на нашихъ глазахъ, и, кажется, нѣтъ утишающаго ее.

Но что воздвигаетъ подобныя бури въ жизни народовъ? гдѣ причина раздраженныхъ и губительныхъ увлеченій? Говорятъ, исканіе счастья; говорятъ, стремленіе къ лучшимъ формамъ жизни; говорятъ, желаніе уменьшить зло въ мірѣ, неправду людскую среди людей и увеличить добро во все-

ленной, дать торжество правдѣ и любви среди человѣческихъ обществъ. Ради этого поднимають вопли на разныхъ голосахъ, раздражаются проклятіями всему существующему, расточають угрозы по всему міру, требуютъ жертвъ и приглашаютъ всѣхъ къ полному разрушенію того, что съ великими трудами создано человѣчествомъ, что выстрадано многовѣковыми ошибками человѣчества. Разрушьте, вопіють безумные въ сердцахъ своемъ, все, не останавливайтесь ни предъ чѣмъ,—но для чего? Но что воздвигнется на мѣстѣ разрушеннаго, какую храмину созиждутъ разрушители на мѣстѣ разрушаемой? На это нѣтъ отвѣтовъ въ вопляхъ возбужденныхъ людей, нѣтъ и разумныхъ, тѣмъ болѣе успокоительныхъ указаній, какимъ же образомъ будетъ созидаться новое зданіе, гдѣ будутъ царить равенство и свобода, гдѣ водворятся правда житейская и истина человѣческая. Вооруженные, якобы, достовѣрнѣйшимъ знаніемъ науки, преклонившіеся исключительно предъ силою ума человѣческаго, забывшіе все остальное, душѣ человѣческой присущее, эти ослѣпленные фанатики, чтобы достигнуть цѣлей разрушенія, ни предъ чѣмъ не останавливаются. Не остановились они и предъ тою ужасною, невиданною, въ исторіи человѣчества еще неслышанною жертвою, какая теперь приносится ими на алтарь все пожирающаго идола разрушенія, именно: они не падаютъ нашего молодого поколѣнія, красу и надежду грядущей жизни, того поколѣнія, которое готовится занять мѣсто сходящаго съ путей жизни и итти впередъ и впередъ,—туда, гдѣ истинный свѣтъ знанія, гдѣ истинно плодотворный трудъ, гдѣ и правда, и милость, и свѣтъ и теплота,—гдѣ все, все, что такъ необходимо для жизни человѣческой. Безумная проповѣдь безумныхъ вождельнѣй, прикрытая красивыми и для неискушенныхъ въ жизни привлекательными словами правды, счастья, равенства, къ великому горю жизни нашей, находитъ откликъ, увлекаетъ молодежь, и она, вмѣсто стремленій къ знанію, къ истинному свѣту, погружается въ мутныя волны разрушительныхъ увлеченій и гибнетъ, губя все, что она

могла бы внести въ жизнь лучшаго, губя и тѣхъ, кому такъ дорога эта молодежь. И такъ водворяется вездѣ и всюду одно только разрушеніе, и не видно созидающаго. Но водворяется ли то, во имя чего производится разрушеніе, творятся насилія, разнуздываются страсти, — водворяется ли на землѣ счастье, снисходятъ ли съ заоблачныхъ пространствъ искомые, будто бы, миръ, равенство и благосостояніе? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, — сурово говоритъ суровая дѣйствительность; нѣтъ и не будетъ, говоритъ безпристрастная исторія. Конецъ XVIII в. завершился ужаснѣйшею, какую когда-либо видѣло человѣчество, бурею. Проповѣдь разрушенія во имя братства, равенства и свободы достигла своей цѣли: не оставлено было камня на камнѣ отъ бывшаго зданія, милліоны человѣческихъ жизней исчезли съ лица земли, опустошеніе прошло всѣ грады и веси разныхъ народовъ и царствъ, и вмѣсто вѣры во Христа на пьедесталѣ безумствующихъ массами водворенъ былъ разумъ. Но гдѣ равенство, гдѣ же братство и свобода? Онѣ такъ и остались въ мутномъ воображеніи проповѣдниковъ разрушенія. XIX вѣкъ унаслѣдовалъ страсть къ потрясеніямъ, къ бурнымъ увлеченіямъ, къ кровавымъ опытамъ насажденія правды въ жизни. И что же, — каковы слѣдствія бурныхъ потрясеній, пережитыхъ Западомъ въ теченіе этого вѣка? Народы достигли мишурныхъ украшеній свободы, но не нашли въ нихъ удовлетворенія; достигли, якобы, ограниченія своеволя и господства отдѣльныхъ немногихъ лицъ и сословій, но гдѣ же то счастье, ради котораго поливали такъ изобильно человѣческою кровію улицы городовъ, гдѣ же то довольство жизнію, призывамъ къ которому такъ торжественно внимали народы среди оглушительнаго шума пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, среди воплей и стоновъ разъяренныхъ массъ, избиваемыхъ и избивающихъ. Въ жизни народовъ попрежнему столько же горя, если еще не больше, сколько было и до пріобрѣтенія мнимой свободы, столько же и страданій, столько же и плача и стenanій; но зато неизмѣримо больше, чѣмъ прежде, стало злобы и зависти, же-

стокаго, никого не признающаго себялюбія и развращенности. Неужели для того, чтобы, не смотря на громадное развитіе промышленности, не смотря на все величіе изобрѣтений и открытій, которыми такъ гордится XIX вѣкъ, попрежнему и даже больше прежняго города и селенія были переполнены нищетою, развратомъ, людскою злобою и человѣконенавистничествомъ,—неужели для этого необходимо было приносить всѣ тѣ кровавыя жертвы, производить всѣ тѣ самоизбѣненія, отъ которыхъ содрогается душа человѣческая? О, порожденія слѣпотствующаго ума и раздраженныхъ страстей,—напрасно вы искали добра отъ зла, напрасно, поднявши мечъ, ожидали водворенія мира и любви въ жизни, загрязненной ложью, обманомъ и страстями людскими! Нѣтъ, не смыть и кровію человѣческою той грязи нравственной, той тли духовной, тѣхъ плодовъ ума горделиваго, которые съ такимъ усердіемъ люди насаждали и насаждаютъ въ своей жизни, отвернувшись отъ истиннаго кладезя добра, изъ котораго вотъ уже 19 вѣковъ истекаютъ источники воды живой, въ которомъ единственно и сокрыта цѣлительная сила отъ всѣхъ людскихъ прегрѣшеній, и который одинъ можетъ дать силу людямъ въ исканіи правды и указать, гдѣ эта правда. Нѣтъ, не найти свободы и счастья тѣмъ, кто сталъ рабомъ раздраженнаго ума, кто сталъ послушнымъ орудіемъ ничѣмъ не сдерживаемыхъ страстей.

Гдѣ же главнѣйшая причина столь всегубительнаго ослѣпленія людей, гдѣ причина горделиваго возстанія на поприще всего святаго и дорогаго въ жизни? Дѣйствительная причина всего этого одна и та же, что была и вчера, и много-много лѣтъ тому назадъ, что омрачала умы людскіе до пришествія Христа, что ослѣпляетъ ихъ и теперь. Это отвращеніе людей отъ лица Божія, это безумная гордость ослѣпленнаго разумомъ своимъ человѣка. Вспомнимъ, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческой предъ пришествіемъ Спасителя. Всѣ тогда забыли истиннаго Бога, всѣ предались самоуслажденію дѣлами рукъ и ума своего,—и потому въ

своей гордости полагали—однимъ своимъ умомъ, одною своею волею создать себѣ бытіе, достойное разумныхъ существъ, удовлетворенныхъ и счастливыхъ. Но что же въ дѣйствительности произошло? Плачь и стenanія, безцѣльность жизни и ни съ чѣмъ несравнимая пустота жизни стали достояніемъ рода человѣческаго. Безнадежно страдалъ рабъ и всякій слабый отъ сильнаго, мучительно-тоскливо влачилъ свою жизнь и равнодушно ожидалъ конца ея властелинъ, сильный и богатый, философъ-стойкъ и эпикуреецъ. И надъ всѣмъ міромъ стоялъ непроницаемый туманъ безцѣльнаго бытія,—безъ вѣры, надежды и любви,—бытія, преисполненнаго отчаяніемъ. Покорные водительство своего гордаго ума, образованные классы того времени не вѣрили богамъ, не признавали иныхъ законовъ нравственности и жизни, кромѣ личной воли, личной прихоти. Покорные волѣ сильныхъ, чуждые вѣры, преисполненные суевѣрій, низшіе или безмолвно и безнадежно страдали, относясь ко всему съ безразличіемъ, или, выведенные изъ томительнаго и безнадежнаго страданія завистію и ненавистію, съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ мстили своимъ поработителямъ, добивались кровію и мечемъ снять съ себя ицѣни рабства и получить свободу,—и это для того, чтобы вновь надѣть на себя или на другихъ горшія ицѣни, внести въ жизнь свою или другихъ еще больше безнадежнаго страданія.

И вотъ среди всеобщаго ужаса и полной безнадежности, когда, казалось, не было выхода изъ того круга, который былъ созданъ самимъ же человѣкомъ, когда послѣдній не зналъ, поистинѣ, куда склонить голову,—раздался гласъ Сына Божія: *„Придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго Мое благо и бремя Мое легко есть“*. И воспрянули всѣ духомъ и сердцемъ, воспрянули прежде всего тѣ, кто особенно страдалъ тѣломъ и духомъ, кто болѣе всего томился въ плѣну раздраженной,

но неудовлетворенной мысли, кто страдалъ, не зная цѣли жизни, не видя въ ней ни покоя, ни отрады, кто искалъ, но не могъ найти своими силами счастія и мира душевнаго. На призывъ Божественнаго Учителя пошли женщины, дѣти, рабы и свободные, богатые и бѣдные, сильные и слабые,— и всѣ вкусившіе сладости евангельскаго ученія дѣйствительно нашли покой душамъ своимъ, дѣйствительно научились кротости и смиренію сердечному и познали причину своихъ страданій и источникъ своего обновленія.

Но проходить времена, духъ человѣческій, освобожденный ученіемъ Христа отъ оковъ языческаго рабства, неопостижимо быстро начинаетъ познавать окружающее его; мысль его, оживотворенная духомъ христіанской свободы, быстро начинаетъ проникать въ тайны бытія и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляеть природу служить себѣ согласно волѣ и желаніямъ человѣка. И опять въ душу человѣческую постепенно, незамѣтно, но упорно проникаетъ мысль гордая, безгранично-самонадѣянная; опять человѣкъ увлекается торжествомъ своего ума надъ бездушною природою и все болѣе и болѣе самъ себя убѣждаетъ, что отъ его ума все зависитъ, что онъ царитъ надъ природой, только благодаря уму, что однимъ своимъ умомъ онъ можетъ распутать сплетшіяся въ нераспутанный узелъ житейскія и политическія отношенія людей. XVIII вѣкъ особенно ободрилъ человѣка, и онъ завершилъ его одною изъ чудовищнѣйшихъ попытокъ на крови и пеплѣ создать счастіе народовъ и отдѣльныхъ лицъ, совершенно отвергнувши Божіе руководительство и избравши вмѣсто Бога руководителемъ своимъ разумъ.

Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ, и это безумное слово пронеслось отъ края до края земли, и проникло оно всюду: и въ семью, и въ общество, и въ школу, и къ взрослымъ и къ дѣтямъ,—и вездѣ стало приносить плодъ свой: растлѣша и омерзѣша въ начинаніяхъ, нѣсть творяйъ благодѣлю; рече бо въ сердцѣ своемъ: не подвижуся отъ рода въ родъ безъ зла: его же клятвы уста его полни

суть, и горести и лести: подъ языкомъ его трудъ и бользмь; пристѣдитъ въ ловительствѣ съ богатыми въ тайныхъ, еже убити неповиннаго. Рече бо въ сердце своемъ: забы Богъ, отврати лице Свое, да не видитъ до конца. Чесо ради нечестивый прогнѣва Бога; рече бо въ сердце своемъ: не възыщеть. Такъ, съ изгнаніемъ изъ сердца человѣческаго вѣры въ Бога, водворяется въ немъ увѣренность въ безнаказанность за грѣхи, за преступленія, водворяется безначаліе мысли, чувства и дѣла. Не сдерживаемый въ своихъ хотѣніяхъ и мечтаніяхъ волею Всемогущаго, не признающаго надъ собою Высшаго Судіи, не вѣдающій иного Устроителя и Промыслителя міра, кромѣ самого себя, невѣрующій человѣкъ мнитъ все сдѣлать своими силами, своимъ умомъ, мнитъ волю, чувства— всю жизнь другихъ людей устроить по своему плану, по начинаніямъ своего ума. И вотъ XIX вѣкъ, вѣкъ просвѣщенія, открытій и изобрѣтеній, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ преступленій, невиданныхъ злодѣяній и убійствъ. Это— плоды ума, растлѣннаго гордостію, плоды чувства безначальнаго. Это уже царство зависти и ненависти, царство себялюбія и страха предъ трудомъ правымъ и истинно-полезнымъ, трудомъ во славу Божию и на пользу народамъ. Вотъ гдѣ причина переживаемыхъ время отъ времени человѣчествомъ и намъ бурь и непогодъ, вотъ гдѣ причина того великаго горя, которое съ такою силою охватываетъ душу всякаго мыслящаго человѣка при видѣ всего совершающагося. Господи, гдѣ же тихая пристань отъ этой бури и непогоды? Куда обратимъ взоры и гдѣ обрящемъ покой душамъ нашимъ?—*Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы,*—призываетъ насъ къ себѣ Господь. *Возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ.* Какое же иго возлагаетъ Господь на всѣхъ приходящихъ къ Нему. *Возлюбихи Господа Бога Твоего всею душею твою и ближняго твоего, яко самъ себе. Нищте прежде царствія Божія, остальное все приложится вамъ. Блаженіи нищии духомъ,*

яко ваше есть царствіе Божіе. Блажени алчущіи нынѣ, яко насытитесь. Блажени плачущіи нынѣ, яко возмѣтается. Блажени будете, егда возненавидятъ васъ чловѣцы, и егда разлучатъ вы, и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына Человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день, и възтѣхайте: се бо мзда ваша многа на небеси. И это иго смиренія, исканія правды, это иго мира и любви поистинѣ есть иго благое и бремя легкое. Оно благо, потому что ведетъ чловѣка къ постоянному нравственному совершенствованію, потому что водворяетъ въ жизни мирное преуспѣваніе ея, потому что спасаетъ чловѣка отъ ужасовъ вражды и борьбы и вездѣ всюду обуславливаетъ собою то счастье, къ которому чловѣкъ такъ неустанно стремится, то довольство, котораго онъ такъ тщетно иногда въ теченіе всей своей жизни ищетъ. Ибо плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Бремя этого ига—легко есть, ибо это бремя Господне, ибо оно не творитъ среди людей зависти и злобы, не раздражаетъ ихъ, но умиротворяетъ, не насилуетъ, а добровольно приводитъ къ источнику истинной радости. Взявши сіе иго на себя, не будемъ тщеславны, другъ друга раздражающе, другъ друга завидяще.

Вотъ гдѣ истинное и тихое пристанище отъ обуревающихъ насъ непогодъ. Въ ученіи Спасителя, хранимъ въ Его Церкви, мы должны искать якорь спасенія; къ этому ученію, какъ неисчерпаемому кладезю живой воды, мы и должны постоянно прибѣгать и въ немъ искать утѣшенія и надежды на исцѣленіе отъ болѣзней и язвъ; насъ постигающихъ, отъ мукъ нравственныхъ, отъ терзаній ума пытливаго.

Среди тревоженій жизни, когда умъ и сердце невольно ищутъ успокоенія и указаній относительно цѣлей жизни и дѣятельности нашей, необходимо непрестанно помнить призывъ Господа нашего Иисуса Христа и въ Его ученіи искать разрѣшенія всѣхъ вопросовъ нашей жизни. Въ особенности

помнить этотъ призывъ Господа необходимо вамъ, учащіеся и воспитывающіеся,—воспитывающіеся для дѣла будущаго и высокаго, для жизни отвѣтственной предъ Богомъ и людьми. Тамъ, вдали, для однихъ ближе, для другихъ дальше за дверями школы вашей предстоятъ вамъ или труды высоко-отвѣтственнаго пастырства, или труды ученія и воспитанія многихъ сыновъ земли Русской, или иные какіе. А среди нихъ, сыновъ земли Русской, много горя, много страданій душевныхъ и тѣлесныхъ, не мало и соблазновъ, идущихъ отъ сыновъ вѣка сего, не мало и нравственныхъ потрясеній, когда нужна твердая и увѣренная рука помощи. Пусть всегда предъ вашимъ умственнымъ слухомъ предносится гласъ Сына Божія, призывающаго всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ Себѣ, ниспосылающаго душамъ мятущимся успокоеніе и радость жизни, душамъ, въ сомнѣніи и страхѣ находящимся,—вѣру и надежду. Ваше грядущее будущее такъ высоко и важно, такъ много потребуеть отъ васъ труда, знаній, умѣнья, любви ко всѣмъ немощнымъ духомъ и тѣломъ, что для этого будущаго необходимо возможно лучше подготовиться, возможно изобильнѣе заpastись всѣмъ необходимымъ духовнымъ богатствомъ на дальній и отвѣтственный путь. Проникнитесь же убѣжденіемъ здѣсь, въ періодъ своей юности, въ періодъ ученія и воспитанія до глубины сердца своего вѣрою въ Бога, укрѣпитесь всею душею своею въ надеждѣ на Его благодатную помощь во всѣхъ скорбяхъ и радостяхъ, на всѣхъ путяхъ жизни какъ вашей, такъ и всѣхъ другихъ людей; вооружите свое сердце любовію къ Богу и всѣмъ ближнимъ, тою любовію, которая все содѣваетъ, которая вездѣ и всюду несетъ миръ и радость, которая не разрушаетъ, а обновляетъ, одухотворяетъ и созидаетъ.

Господь пришелъ въ міръ грѣшныя спасти, дать измученнымъ людямъ, изстрадавшимся нравственно отъ неправды людской новый законъ. И этотъ законъ данъ. Это—заповѣдь любви къ ближнему, основанная на любви къ Богу. „Кротокъ, говоритъ Спаситель, есмь и смиренъ сердцемъ“, и къ

этой кротости и смиренію Онъ призываетъ всѣхъ, въ особенности же тѣхъ, кто дѣйствительно ищетъ блага для другихъ.

Въ наше время, когда идетъ открытая проповѣдь все-разрушенія, когда всюду слышится ласкающій голосъ лжи, клеветы во имя, якобы, правды и любви,—всѣмъ, кто дѣйствительно ищетъ для жизни добра и истины, необходимо, отрѣшившись отъ пристрастій времени нашего, взглянуть очами чистаго ума и совѣсти своей въ ту книгу жизни, которая дала людямъ Новый Завѣтъ. Вѣрьте и знайте, что въ этой книгѣ все дано, что на пользу людямъ. Вѣрьте и знайте, что только слѣдующіе указанія евангелія, зовущаго всѣхъ людей къ безконечному совершенству, къ любви и миру, явятся въ жизни для себя и для другихъ истинными носителями просвѣщенія, истинными насадителями среди людей евангельской свободы, братства и равенства. Юность—время чистыхъ, возвышенныхъ, самоотверженныхъ порывовъ ко всему идеальному, но въ то же время и страстныхъ увлеченій, и часто, къ сожалѣнію, ослѣвленного служенія всему, что носитъ обманчивый видъ добра, истины и красоты. Исторія человѣчества всѣхъ временъ учила и учитъ этому. Взгляните окомъ чистымъ въ книгу Новаго Завѣта,—и вы узрите свое призваніе и найдете достаточно силъ для служенія Богу и людямъ въ духѣ истины и правды и сумѣете всѣмъ указать истинные пути къ искомому людьми счастію. Здѣсь, и нигдѣ, найдете все свое призваніе. Да, цѣнна, мила и дорога для всѣхъ насъ юность, вся молодежь наша. Дѣти наши—утѣшеніе наше, опора наша, продолжатели лучшихъ дѣлъ нашихъ. Пусть же они, согрѣваемые нашею любовію, руководимы нашимъ опытомъ и разумомъ, идутъ тою дорогою, которая всегда была и будетъ единственно вѣрною. Высоко и отвѣтственно, поэтому, дѣло воспитанія и обученія. Всѣ ли мы и все ли мы дѣлали для того, чтобы воспитать и научить нашихъ дѣтей въ духѣ евангелія, въ духѣ вѣчной истины? Не будемъ съ словомъ укоризны говорить о прошломъ. Лучшее всего мы, родители,

присмотримся повнимательнѣе къ тому, что происходитъ теперь передъ нами, и къ тому, что наступаетъ на насъ, какъ черная, страшная туча, предвѣщающая страшный громъ и молнію надъ полубеззащитной родиной нашей! Если всегда,—всегда до самаго послѣдняго мига жизни,—родители должны быть при своихъ малыхъ и несамостоятельныхъ дѣтяхъ въ качествѣ ихъ воли и разума, а при самостоятельно живущихъ—въ качествѣ дорогихъ авторитетовъ, то теперь, теперь, когда на жизни по преимуществу молодежи желаютъ разыграть заключительный актъ ужасной современной намъ общественной драмы,—родители обязаны *быть при дѣтяхъ*, обязаны приложить всѣ усилія къ спасенію ихъ отъ ужаснаго погрома, который готовится имъ современнымъ якобы освободительнымъ движеніемъ. Вооружитесь же всѣ, кому дороги дѣти, силами всей своей души, знаніемъ, опытомъ, наипаче же любовію къ дѣтямъ своимъ на спасеніе ихъ. Нужно помнить, что вся бѣда наша въ отсутствіи серьезнаго воспитанія въ семьяхъ (а за ними и въ школахъ), что мы забываемъ часто свои святые обязанности,—забываемъ изъ-за дѣль „хозяйственныхъ“; трудимся, не покладая рукъ, до изнеможенія тѣла и даже до огрубѣнія души, надъ созиданіемъ благъ земныхъ для дѣтей же,—для нихъ однихъ,—и совершенно забываемъ о богатствахъ духовныхъ. И... лишаемся, вслѣдствіе такого односторонняго пониманія блага дѣтей,—лишаемся и дѣтей и земного богатства. Пусть же благо наше будетъ въ добромъ воспитаніи дѣтей нашихъ, въ ихъ искреннемъ служеніи Богу правды, истины и любви.

Трудно и тяжело дѣло воспитанія и обученія. Оно становится еще болѣе труднымъ во времена, подобныя нашимъ, когда всюду растерянность, когда цѣлымъ рядомъ десятилѣтій люди пріучались только къ одному внѣшнему, когда изъ ума и сердца человѣческаго изгнаны истинная любовь къ Слову Божію и жизни по завѣтамъ этого Слова. Но да не смущается ничье сердце. Падъ нами и къ намъ постоянно

обращено слово Спасителя: *Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы.*

Тяжелое, страшно тяжелое время, переживаемъ мы всѣ... Сколько слезъ, сколько молчаливаго горя перенесли и переносятъ родители изъ-за своихъ дѣтей,—а дѣти изъ-за своихъ увлеченій! И кажется, что этимъ слезамъ, горю и увлеченіямъ и конца не будетъ! Подъ тяжестію переживаемаго одни опускаютъ руки, другіе ронцуютъ на всѣхъ и на все; иные поддаются, какъ они выражаются, неизбежному року, велѣніямъ судьбы... И всѣ такіе забываютъ гласъ Сына Божія,—забываютъ среди застигнутой ихъ, отчасти не безъ вины ихъ же самихъ, бури искать спасенія въ единственно надежной пристани. Пусть же напомнимъ имъ, пусть и всегда напоминаютъ объ этой пристани только приведенныя слова Спасителя: *Приидите ко Мнѣ вси.* М. Гн.

Приходская благотворительность.

Въ возстановленіи прихода, какъ самостоятельной единицы въ ряду общественныхъ формъ, большинство духовенства и мірянъ видитъ единственное цѣлесообразное средство, при помощи котораго возможно устранить недостатки нашей церковно-общественной жизни, возвысить духовенство и побудить прихожанъ къ болѣе дѣятельному отношенію къ интересамъ Церкви.

Въ какой мѣрѣ исполнятся эти ожиданія,—въ настоящее время, конечно, трудно сказать, но несомнѣнно, что весь историческій опытъ наглядно свидѣтельствуетъ въ пользу возстановленія прихода. Не говоримъ уже о томъ, что существующій строй церковно-общественной жизни настоятельно требуетъ преобразованія и заставляетъ искать тотъ или другой выходъ для устраненія всѣхъ его ненормальностей.

Между функціями будущаго прихода можно указать на главнѣйшія три: попеченіе о храмѣ и клирѣ, устройство

первоначальной народной школы и организованіе общественной благотворительности, сосредоточенной, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ прихода.

Въ духовной литературѣ преимущественно указываютъ и разрабатываются первыя двѣ функціи, какъ наиболѣе важныя и относящіяся къ самому существу вопроса. Но и третья задача не должна быть оставлена безъ вниманія. Будущій приходъ не можетъ ограничиться попеченіями объ одномъ храмѣ, клирѣ и церковной школѣ; если все это можно поставить на первомъ мѣстѣ при образованіи церковной общины, то непосредственная за этимъ дѣятельность необходимо должна быть направлена на самое широкое развитіе благотворительности во всѣхъ ея формахъ среди обездоленныхъ членовъ той или другой общины. Одна Церковь въ состояніи придти на помощь человѣческому горю и позаботиться о сирыхъ, нищихъ и убогихъ. Оказывать благотворное вліяніе на всѣхъ вообще прихожанъ, служить идеѣ соединенія вокругъ приходскаго храма, при дѣятельномъ участіи приходскихъ священнослужителей, возможно бѣльшаго числа прихожанъ во имя любви къ нуждающимся ближнимъ и нравственно-дѣятельнаго участія въ подачѣ имъ всякаго рода помощи—вотъ высокая задача членовъ будущаго самостоятельнаго церковнаго прихода. Нельзя отрицать, что возможна государственная и общественная благотворительность. Часто говорятъ, что о бѣдныхъ должно заботиться государство и общество. Но въ состояніи ли они искоренить бѣдность и порождаящія ее причины и совершенно обезпечить матеріальное положеніе неимущихъ? Государство и общественныя управленія имѣютъ другія важныя задачи, и дѣло оказанія помощи во всѣхъ частныхъ случаяхъ не можетъ входить въ кругъ ихъ дѣятельности. Благотворительность только тогда станетъ на твердую почву, когда она будетъ ограничена небольшою территоріею, будетъ находиться въ вѣдѣніи благотворительныхъ обществъ, возникающихъ непосредственно изъ среды мѣстнаго населенія; таковою терри-

торіальною единицею общественнои благотворительности можетъ быть только православный приходъ. При опредѣленномъ составѣ членовъ приходу всегда будетъ извѣстно истинное состояніе нуждающихся, и будетъ опредѣлена достаточная мѣра вспоможенія. Государство и общественныя управленія должны бы оставить въ сторонѣ всѣ свои задачи, если бы всецѣло взяли на себя организацію благотворительности, и все-таки не достигли бы цѣли: возникла бы масса злоупотребленій, усилилось бы въ громадныхъ размѣрахъ промышленное нищество и т. п.

Тѣмъ болѣе не достигаетъ цѣли частная благотворительность. Обусловливаемая волею частнаго лица, она представляетъ изъ себя слишкомъ ненадежный способъ для устраненія бѣдности и ея причинъ. Не безъ основанія указываютъ даже на вредъ личной, уличной благотворительности. Человѣкъ сострадательный никогда, конечно, не откажетъ подать бѣдному, просящему на кусокъ хлѣба или на ночлегъ, но убѣдиться въ томъ, что предъ нимъ дѣйствительно нуждающійся, для него нѣтъ возможности. Всѣмъ извѣстно, что существуетъ промышленное нищенство—одно изъ величайшихъ золъ, пренятствующихъ дѣлу истиннаго благотворенія. Коренясь въ испорченности человѣческой природы, промышленное нищенство возникло, безъ сомнѣнія, на почвѣ личной благотворительности и можетъ быть устранено только тогда, когда съ достовѣрностію будетъ опредѣляема степень бѣдности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что вполне возможно для общества изъ многихъ лицъ, ограничивающихъ свою благотворительную дѣятельность небольшимъ участкомъ, составляющимъ приходъ или его часть.

Наконецъ, самое главное преимущество церковно-приходской благотворительности лежитъ въ ея характерѣ религіозной чистоты. Заключая въ себѣ существенныя стороны благотворительности личной и общественнои, она глубоко отличается отъ нихъ по своимъ основнымъ чертамъ и внутреннимъ побужденіямъ. Только она одна развивается на

началахъ истинно-христіанскихъ, и въ ней одной находить выполненіе заповѣдь о любви къ ближнимъ. Благотворительность христіанская исходитъ изъ той мысли, что всѣ люди дѣти одного Отца и потому братья другъ другу. Гдѣ благотворительность отдѣлена отъ Церкви, тамъ нѣтъ любви къ ближнимъ, нѣтъ и истинныхъ благотворителей. Гуманность и равенство—слова, отрѣшенные отъ христіанскихъ понятій, онѣ далеко не выражаютъ того, что хотятъ сказать этими словами. Милость, соединенная съ холодностію, по одному долгу челоуѣколюбія, а тѣмъ болѣе—по гордости или тщеславію, не можетъ принести существенной пользы; люди бѣдные, обиженные, нуждаясь въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, еще болѣе нуждаются во внутреннемъ сердечномъ участіи къ нимъ, въ любви. Понятно отсюда, какое значеніе можетъ имѣть приходскій храмъ, вокругъ котораго соединяются люди вѣрующіе, дѣйствительно готовые стать братьями всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ. Каждый членъ прихода, или приходскаго благотворительнаго общества, будетъ дѣлать свои жертвы не по другимъ какимъ-либо эгоистическимъ побужденіямъ, не изъ-за награды, а только по влеченію своего сердца.

Обращаясь къ исторической сторонѣ разсматриваемаго вопроса, мы видимъ, что въ древней Русской Церкви благотворительность всегда сосредоточивалась около приходскаго храма и даже не существовала внѣ его. Существовавшій въ то время церковный приходъ былъ жизненною и дѣятельною всесловною единицею; повсюду учреждались, особенно въ XII и XIII вв., „братчины“, или братскія собранія, поставлявшія себѣ религіозныя общественныя задачи, одушевленные идеею общаго блага всѣхъ членовъ. Церковь, школа и богадѣльня составляли одно нераздѣльное цѣлое. Насколько можно судить по историческимъ памятникамъ и документамъ, древніе русскіе приходы отличались самою широкою самодѣятельностію въ области благотворенія, получившаго главнымъ образомъ церковный характеръ. По уставу Св. Влади-

міра, изгои, странники, слѣпцы, хромые считаются въ вѣдѣніи Церкви, называются „Христовою братією, церковными людьми, красою церковною“; тамъ же упоминаются такія учрежденія, подвѣдомственныя Церкви, какъ „гостинницы, больницы и страннопріимницы“. Будучи непосредственнымъ выраженіемъ приходской жизни, общественная благотворительность въ древней Русской Церкви получила прочныя и твердыя устои потому, что основнымъ началомъ жизненныхъ отношеній поставлялась въ то время взаимная помощь и поддержка. Въ пожертвованіяхъ не было недостатка, такъ какъ всякій зналъ, что его жертва несомнѣнно пойдетъ на благое дѣло и принесетъ пользу. Собранныя пожертвованія почти всецѣло употреблялись на оказаніе помощи бѣднымъ. Помощь эта выражалась въ разнообразныхъ формахъ; при церквахъ и монастыряхъ строили такъ называемыя „келліи“, служившія пріютомъ для нищихъ; выдавались ссуды деньгами, или чаще натурою, чѣмъ во-время старались поддержать слабыхъ и предупредить ихъ нищету; давались братскіе обѣды для бѣдныхъ, каковой способъ благотворенія и доселѣ остался въ обычаяхъ русскаго народа. Въ обезпеченіе помощью всѣхъ истинно нуждающихся и въ братскомъ характерѣ взаимопомощи древнерусскіе приходы приближались къ идеалу первой общины христіанской, которая была по существу трудовымъ братствомъ (1 Сол. 4, 11. Еф. 4, 28) и своею главною обязанностью почитала братолюбіе (Евр. 13), выражавшееся въ благотвореніи.

Можно думать что при возстановленіи церковнаго прихода въ настоящее время возродится и церковно-приходская благотворительность въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ она существовала въ древней Русской Церкви; будутъ организованы приходскія общины, главною цѣлью которыхъ будетъ поставлено искорененіе бѣдности въ приходѣ и оказаніе помощи всѣмъ нуждающимся во всѣхъ ея видахъ. Во главѣ приходской благотворительной общины долженъ стать

мѣстный приходскій священникъ. Кому, какъ не священнику, естественнѣе всего завѣдывать дѣлами милости, быть главнымъ дѣятелемъ тамъ, гдѣ наиболѣе проявляется христіанская любовь и милосердіе. Въ первоначальной христіанской Церкви всѣ пожертвованія направлялись къ епископу и уже чрезъ него распредѣлялись между бѣдными. „Если кто дѣлаетъ что помимо епископа, говорится въ постановленіяхъ апостольскихъ, напрасно дѣлаетъ: ибо не вмѣнится ему въ заслугу“. Въ древнее время священникъ имѣлъ весьма большое вліяніе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, ему же принадлежала первенствующая роль и въ области благотворенія. Но и теперь онъ можетъ принимать главное участіе въ этой дѣятельности уже по своему положенію, какъ лицо, стоящее во главѣ прихода. Странно было бы, если бы дѣло общественнаго призрѣнія было чуждо пастырю Церкви. Можно безъ преувеличенія сказать, что многія наши современные благотворительныя общества имѣли очень часто печальный конецъ именно потому, что образовались и дѣйствовали помимо Церкви. Гдѣ благотворительное общество сосредоточивалось при храмѣ, при участіи священниковъ, тамъ, наоборотъ, дѣло въ большинствѣ случаевъ стояло прочно и приносило видимые благіе результаты. Священникъ хорошо знаетъ своихъ прихожанъ, и это обстоятельство представляетъ одно изъ практическихъ удобствъ при оказаніи помощи, такъ какъ весьма важно знать дѣйствительную бѣдность и не быть введено въ заблужденіе; священникъ же при исполненіи требъ и вообще своихъ обязанностей всегда можетъ имѣть требуемыя свѣдѣнія о каждомъ своемъ прихожанинѣ.

При дѣятельности священниковъ въ указанномъ направленіи съ нихъ снимется не всегда незаслуженный упрекъ, что они учатъ словомъ, а не дѣломъ; установится и другой взглядъ на духовенство, когда оно приметъ горячее участіе въ нуждахъ своихъ прихожанъ, на дѣлѣ выполняя заповѣдь Спасителя о любви къ ближнимъ.

Относительно самой организациі приходской благотворительности и формъ ея проявленія въ настоящее время можно сказать только немногое. Живое дѣло не умѣщается въ тѣсныя рамки, и сама жизнь укажетъ, какъ поставить наилучшимъ образомъ дѣло оказанія помощи. Въ краткой замѣткѣ возможно высказать лишь нѣсколько общихъ замѣчаній касательно таковой постановки.

Такъ, при многихъ церквахъ теперь существуютъ церковно-приходскія попечительства, состоящія изъ приходскаго священника и нѣкоторыхъ прихожанъ и имѣющія своею задачею попеченіе о храмѣ и школѣ. Эти попечительства и могутъ расширить свою дѣятельность, принявъ на себя и заботу о бѣдныхъ прихода. Могутъ быть образованы и отдѣльныя благотворительныя общества, которыя собирали бы пожертвованія и давали имъ опредѣленные назначенія. Возрастъ и званіе не должны служить препятствіемъ къ поступленію въ постоянные члены-благотворители. Каждый прихожанинъ, внесшій какой-либо взносъ или желающій посвятить себя служенію бѣднымъ, становится членомъ. То или иное участіе дѣтей, обыкновенно не допускаемое ни въ какихъ обществахъ, въ этомъ случаѣ принесетъ имъ одну пользу, такъ какъ съ дѣтства пріучитъ ихъ относиться сострадательно къ ближнимъ. Нѣтъ основаній опасаться, что не найдется достаточнаго количества членовъ-благотворителей. Опытъ показываетъ, что, гдѣ благотворительность была организована прочно, тамъ не было недостатка въ пожертвованіяхъ, и благотворительное общество процвѣтало, пріобрѣтая даже недвижимую собственность. Отсутствие пожертвованій всегда указывало на внутреннюю несостоятельность какого-либо общества. Большинство не желаютъ подѣлиться своими достатками именно потому, что не увѣрены, достигнетъ ли цѣли ихъ пожертвованіе, и, наоборотъ, охотно даютъ тогда, когда убѣждены въ цѣлесообразности и плодотворности своей жертвы.

При устройствѣ благотворительныхъ обществъ необходимо дать имъ полную свободу дѣйствій и устранить различ-

ныя формальности, съ которыми связано открытіе благотворительныхъ обществъ въ настоящее время, и которыя служатъ чуть-ли не главнымъ тормазомъ для развитія благого дѣла. Нужно опредѣлить одинъ общій уставъ для всѣхъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ, которыя будутъ открываемы самостоятельно прихожанами съ заявленіемъ только о томъ надлежащей власти.

Церковно-приходская благотворительность въ селахъ будетъ имѣть нѣсколько отличный характеръ сравнительно съ благотворительностію городскихъ попечительствъ. Острая нужда въ деревняхъ бываетъ только при особыхъ обстоятельствахъ, напр., при неурожаѣ, пожарѣ и пр. Приходское попечительство здѣсь можетъ оказать существенную помощь, если во-время озаботится заготовленіемъ всего необходимаго. Поднятіе вообще благосостоянія крестьянства—задача слишкомъ обширная и невыполнимая для сельскихъ благотворительныхъ обществъ; дѣятельность ихъ должна быть ограничена болѣе тѣснымъ кругомъ и помощью въ отдѣльныхъ частныхъ и исключительныхъ случаяхъ.

Бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ семействъ къ веснѣ вслѣдствіе отсутствія хлѣба можетъ быть устранено при весьма небольшихъ усиліяхъ; помощь погорѣвшимъ, прирѣніе и воспитаніе круглыхъ сиротъ, ссуды натурою, деньгами одиночнымъ больнымъ и безпомощнымъ, устройство яслей для дѣтей въ лѣтнее время—вотъ главное, на что должна быть направлена дѣятельность сельскихъ приходскихъ попечительствъ.

Гораздо шире могутъ быть поставлены городскія благотворительныя общества. Насколько велика нужда въ городахъ, настолько широко можно и организовать здѣсь помощь. Всѣ городскія приходскія благотворительныя общества прежде всего должны поставить своею задачею искорененіе причинъ бѣдности. Съ этою цѣлью должны быть открываемы пріюты и училища для сиротъ и малолѣтнихъ бѣдныхъ. Искорененіе привычки нищенства въ юности и пріученіе къ труду дѣтей

будеть имѣть громадное вліяніе на уменьшеніе количества взрослыхъ нищихъ и уничтоженіе промышленнаго нищенства. Само собой разумѣется, что приходскія попечительства придутъ на помощь и во всѣхъ случаяхъ, когда того требуетъ положеніе того или иного бѣдняка. Помощь здѣсь выразится въ многочисленныхъ формахъ и будетъ оказываема всевозможными способами, какіе только укажетъ опытъ. Устройство богадѣленъ для престарѣлыхъ мужчинъ и женщинъ, постоянныхъ и дневныхъ пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей, бесплатныхъ ночлежныхъ помѣщеній, школъ, больницъ, библиотекъ и пр.—все можетъ входить въ кругъ дѣйствій приходскихъ благотворительныхъ обществъ. Поле дѣятельности ихъ безгранично, и нужно только надѣяться, что при возстановленіи древняго прихода церковной благотворительности будетъ удѣлено надлежащее вниманіе. Безъ этого и самый приходъ не будетъ тою жизненною единицею, какою онъ былъ въ древности, и какою желаютъ видѣть его теперь.

Е. Р.

-Религіозна и политическая самозащита.

(Братство въ с. Подиленцахъ, Бердич. у. Кіевской губ.).

Много писалось въ періодической печати о необходимости и значеніи такъ называемыхъ „братствъ“—такихъ организацій, которыя сами могли бы выступить на защиту дорогихъ жизненныхъ началъ духовной жизни, которымъ откуда-либо можетъ грозить опасность. Въ высшей степени дѣятельное и горячее участіе въ такихъ организаціяхъ долженъ принимать священникъ, который въ союзѣ съ учителемъ и составитъ „душу живу“ этого общества, сконцентрировавъ благомыслящихъ готовыхъ постоять за себя прихожанъ. Въ высшей степени отрадно отмѣтить, что братства эти—не газетныя и журнальныя только слова, а дѣйствительность, которой, при энергичномъ и неослабномъ трудѣ

священниковъ, предстоить богатое плодами будущее. Мы считаемъ весьма благовременнымъ познакомить читателей нашего журнала съ открытіемъ нынѣ дѣйствующаго уже братства въ с. Поличенцахъ, Бердичевского у. Кіевской губ. 1).

Мотивы возникновенія „Братства“ въ Поличенцахъ, равно какъ процессъ организаціи его, а также и тѣ мѣстные и общія измѣнившіяся теперь условія (съ закономъ 17-го апрѣля 1905 г.), которыми вызвано на свѣтъ это „Братство“, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Поличенцы 2) принадлежатъ помѣщикамъ католикамъ. Недавно умершій ихъ владѣлецъ полякъ отличался особеннымъ фанатизмомъ въ своей вѣрѣ и ненавистью къ православію и Россіи. Свои идеи онъ настойчиво пропагандировалъ въ Поличенцахъ. Со смертію его, религіозно-политическая пропаганда не погибла, но нашла усердныхъ продолжателей въ лицѣ нынѣшнихъ владѣльцевъ имѣнія и служащихъ въ немъ поляковъ. Всѣми силами и средствами, ничѣмъ не стѣсняясь, стараются они сѣять между православными простолюдинами плевелы своего „ученія“. Они говорятъ темному люду, что скоро весь русскій народъ, Царь съ царствующимъ Домомъ и все духовенство перейдутъ въ католичество; надо торопиться переходомъ, потому что счастливѣе будетъ тотъ, кто перейдетъ въ католичество до изданія какого-то царскаго указа: ему дадутъ много земли и сдѣлаютъ паномъ. Всѣ мужики, проповѣдуютъ они, раньше были католиками, а русскіе цари насильно перевернули ихъ въ православіе; весь свѣтъ исповѣдуетъ латинскую вѣру, только мужики да кацапы держатся Владиміровской *языческой* вѣры; все польское деликатно, блестяще, все мужицкое—грубо и должно быть уничтожено; въ школахъ будутъ всѣхъ русскихъ обучать по-польски; настало время владычества поля-

1) Братство открыто мѣстнымъ священникомъ о. Г. Линчевскимъ въ союзѣ съ учителемъ К. Стратійчукомъ.

2) Сообщаетъ одинъ изъ членовъ-учредителей братства.

ковъ надъ русскими. Превознося католическую вѣру и польскіе обычаи, они осмѣиваютъ православные церковные обряды и службы, унижаютъ православное духовенство, насмѣхаются надъ святынями православныхъ храмовъ, св. мощи называютъ чучелами, бранятъ все русское и пр. и пр...

Эта польско-католическая пропаганда оскорбила религіозно-національное чувство православно-русскихъ жителей с. Поличенець и вызвала съ ихъ стороны противодействие. Образовалось братство—союзъ для борьбы съ врагами православія и русской народности, а организовалось братство такъ. Сначала священникъ поговорилъ вдвоемъ съ учителемъ, потомъ пригласилъ псаломщика и еще 5 человекъ изъ прихожанъ къ себѣ въ домъ. Предложеніе священника учредить братство приняли единодушно все. На слѣдующее собраніе каждый привелъ еще по человекъ изъ преданныхъ Церкви и отечеству прихожанъ. Наконецъ прихожане въ числѣ 15 человекъ, обсудивъ задачи будущаго братства, составили проектъ его устава. Уставъ несложный, но онъ постепенно можетъ разрабатываться и расширяться. Есть надежда, что братство приобрететъ необходимыя денежныя суммы. Вотъ текстъ того акта, который составили подъ руководствомъ священника и учителя прихожане, рѣшивъ защищать себя противъ польско-католической пропаганды¹⁾.

Со времени обнародованія свободы вѣроисповѣданій въ нашемъ государствѣ положеніе господствующей Православной Церкви и православной вѣры измѣнилось; прекращено дѣйствіе тѣхъ гражданскихъ узаконеній, которыя ограждали вѣру православную отъ иновѣрныхъ исповѣданій, сдерживая ихъ пропаганду среди православнаго населенія. Послѣ 17-го апрѣля сего года Православная Церковь, лишившись покро-

¹⁾ Вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, въ которыхъ поставлено православіе въ приходѣ, понятно, „почему въ актъ братства-союза вошло выраженіе „борьба съ польщизной“. Братство, конечно, не будетъ въ своей дѣятельности подражать фанатизму католиковъ; оно просто будетъ лишь выяснять негѣпость всехъ польскихъ бредней.

вительства со стороны государства, должна сама встать на защиту чад своихъ отъ враговъ. Въ нашемъ юго-западномъ краѣ, особенно въ Бердичевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, наиболѣе сильнымъ врагомъ является католичество, исповѣдуемое массой польскаго населенія или такъ называемой польской шляхты, среди которой есть также много исповѣдующихъ и православную вѣру. Воспользовавшись дарованной свободой, агенты католичества, немедленно послѣ 17 апрѣля, повели дѣятельную пропаганду среди православнаго населенія нашего уѣзда не только въ религіозномъ, но и польско-національномъ духѣ, не брезгая ради успѣха даже самыми низкими средствами, какъ напр. ложью, обманомъ, обѣщаніемъ матеріальныхъ выгодъ и т. п. Эта пропаганда уже имѣетъ нѣкоторый успѣхъ среди полуправославной шляхты. Между прочимъ и въ нашемъ приходѣ ведется польско-католическая пропаганда, и уже есть примѣръ совращенія въ католичество одной шляхетской семьи, состоящей изъ трехъ душъ. Хотя коренное русское крестьянство нашего прихода твердо держится отеческой вѣры и не поддается соблазнамъ, тѣмъ не менѣе мы, преданные сыны своей матери Православной Церкви, не можемъ чувствовать себя спокойно въ близкомъ присутствіи дерзкаго и безстыднаго врага, и потому рѣшились дать ему отпоръ. Для этой цѣли мы основываемъ при нашей Св. Преображенской Церкви с. Полиценецъ братство, поручивъ его покровительству св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, въ видахъ объединенія съ нами приходской церковной школы, ежегодно празднующей торжественно день памяти сихъ угодниковъ.

Но мы не ограничиваемъ задачи нашего братства борьбою только съ врагами Православной Церкви. Какъ истинно-русскіе люди, преданные своему Царю и Его престолу, мы чувствуемъ вблизи себя еще и другихъ враговъ, тайныхъ враговъ нашего дорогого отечества, стремящихся подпольнымъ путемъ сбить съ толку наше довѣрчивое, простое сердце, малорусское крестьянство и, посѣявъ среди него

смуту, воспользоваться его силою для достиженія ихъ преступныхъ цѣлей. Посему мы ставимъ себѣ въ обязанность бороться и съ этими тайными врагами нашей родины.

Частнѣе задачи нашего братства мы опредѣляемъ такъ:

1. Объединеніе прихода на почвѣ преданности св. православной вѣрѣ; насажденіе и развитіе въ прихожанахъ любви къ православной вѣрѣ, церковному богослуженію, церковному пѣнію; организація общаго церковнаго пѣнія при богослуженіяхъ въ храмѣ; привлеченіе къ дѣятельному участию въ церковной жизни прихода людей, равнодушныхъ къ вѣрѣ, и особенно лицъ изъ православной шляхты; заботы о благолѣпії нашего приходскаго храма.

2. Возбужденіе любви къ богопознанію. Изученіе догматовъ православной вѣры по богооткровеннымъ источникамъ Свящ. Писанія и Св. Преданія; одновременно съ этимъ обнаруженіе неправильностей въ вѣроученіи инославныхъ исповѣданій. Веденіе нарочитыхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ устныхъ бесѣдъ со своими односельцами по предметамъ православнаго вѣроученія и правоученія.

3. Согласованіе жизни нашей съ духомъ св. Евангелія, а для сего: самоисправленіе и борьба съ распространенными пороками, суевѣріями и вредными обычаями.

4. Огражденіе слабыхъ въ своемъ упованіи православныхъ прихожанъ отъ навѣтовъ и впушеній со стороны иновѣрныхъ лицъ; обнаруженіе лживости, обмана и хитрости послѣднихъ.

5. Возбужденіе среди своихъ односельцевъ сознанія въ необходимости книжнаго образованія; устройство чтеній.

6. Воспитаніе въ народѣ здороваго патріотизма; возбужденіе любви къ своей національности, преданности Царю и Его престолу; обнаруженіе подлости, хитрости и заднихъ цѣлей подпольныхъ крамольниковъ и русскихъ измѣнниковъ; борьба съ польщиною.

Съ 16 сего октября 1905 года наше братство считается открытымъ подъ слѣдующимъ названіемъ: „Свято-Кирилло-Меодіевское братство ревнителей православія и союзъ русскихъ людей при Св. Преображенской Церкви с. Полиценецъ Бердичевского уѣзда“.

Предсѣдательствованіе и главное руководство нашимъ братствомъ-союзомъ поручаемъ своему духовному отцу, настоятелю нашей приходской церкви, священнику Глѣбу Линчевскому.

Совершивъ молитву Господу Богу Иисусу Христу, Пречистой Его Матери и св. первоучителямъ Кириллу и Меодію, мы даемъ торжественное обѣщаніе по мѣрѣ силъ своихъ и способностей стремиться къ выполненію вышепредначертанныхъ задачъ нашего братства-союза. „Господи, помоги намъ! Св. Первоучители Славянскіе Кирилле и Меодіе, молитте Бога о насъ“!

Актъ этотъ подписанъ 25-тью членами.

Конечно, много здѣсь мѣстнаго элемента; но у каждаго энергичнаго пастыря найдутся свои спеціальныя задачи и цѣли для братства, а многимъ оны смѣло можетъ воспользоваться и цѣликомъ.

Опытъ упорядоченія дѣла исповѣди.

На пастырскихъ собраніяхъ въ Москвѣ рѣшался весьма важный вопросъ о томъ, какъ ускорить исповѣдь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одинъ день къ священнику приходитъ желающихъ исповѣдаться 300—500 и болѣе человекъ. Отказывать многимъ въ исповѣди и оставлять ихъ до другого дня не всегда возможно; всю массу исповѣдать *какъ должно*—нѣтъ времени и физической возможности; вести исповѣдь небрежно—не позволяетъ совѣсть; вести „общую“ исповѣдь, подобно о. Іоанну Кронштадтскому, можетъ и рѣшиться да-

леко не всякій священникъ, потому что о. Іоаннь одинъ у насъ. Какъ же быть? Вопросу этому посвящено было нѣсколько собраній, при чемъ каждый священникъ предварительно дома обстоятельно и на основаніи всѣхъ данныхъ рѣшалъ этотъ вопросъ. Но изъ всѣхъ предложенныхъ іереями способовъ рѣшенія этого вопроса, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія слѣдующій.

Одинъ священникъ предложилъ на основаніи своей практики такое средство для ускоренія исповѣди. Прежде чѣмъ начать исповѣдывать каждаго, священникъ велъ со всѣми говѣющими бесѣды, главнымъ образомъ, конечно, о таинствѣ покаянія и тѣмъ подготовлялъ въ нихъ соответствующее настроеніе. А въ самый день исповѣди священникомъ практиковалось нѣчто въ родѣ общей исповѣди: по порядку заповѣдей Закона Божія, заповѣдей о блаженствахъ и нагорной проповѣди приводились на память исповѣдующихся всѣ грѣхи, при чемъ изображался вредъ этихъ грѣховъ для души и средства къ исправленію ихъ. Во время такихъ бесѣдъ каждый могъ углубиться въ себя, на сколько онъ причастенъ къ тому или другому грѣху, и мысленно въ душѣ раскаяться, если сознавалъ себя виновнымъ.

Послѣ такой бесѣды, которая выслушивается всѣми съ глубокимъ вниманіемъ, а нѣкоторыми и со слезами и которой всѣ грѣхи приведены на память, явилось уже покаянное чувство. Поэтому продолжительность частной исповѣди съ разрѣшеніемъ грѣховъ сокращается весьма значительно. Обыкновенно подходит кающійся и объявляетъ: „во всѣхъ грѣхахъ, которые ты, батюшка, пересчитывалъ, я грѣшенъ, только вотъ не дѣлалъ такихъ-то грѣховъ“. Или такъ: „во всемъ, батюшка, я грѣшенъ, да еще и вотъ въ чемъ согрѣшилъ, вотъ что мучить меня“, и открываетъ особенные грѣхи, только имъ совершенные.

Благодаря такимъ бесѣдамъ и особенно бесѣдѣ предъ исповѣдью, достигается двойная польза. Исповѣдникъ глубже вникаетъ въ свою душу и покаяется, а у священника сохра-

нится много времени: не придется повторять одни и тѣ же вопросы и выслушивать одни и тѣ же отвѣты.

Средство прекрасное. Но тутъ, очевидно, все дѣло въ томъ, чтобы *хорошо подготовить* массу говѣльщиковъ къ великому таинству. А это требуетъ отъ священника также и большого труда и *дарованій* и главное—пастырской любви, ревности и вообще *идейности*. (Ворон. еп. вѣд. 1905 г. № 6).

Къ свѣдѣнію духовенства.

Отъ редакціи ж. „Рук. для сел. паст.“ можно выписывать слѣдующіе листки *для народа*: 1) Тяжелое время; 2) Государственная Дума; 3) Предъ выборами въ Государственную Думу; 4) Какъ крестьянамъ пріобрѣтать землю мирнымъ и законнымъ путемъ, и что нужно для того, чтобы толково обрабатывать её (по поводу Высоч. Маниф. отъ 3 ноябля 1905 г.) 5) О свободѣ, дарованной манифестомъ 17 окт. 1905 г.; 6) Трудись; 7) Земныя блага; 8) Какъ жить и трудятся люди въ другихъ странахъ; 9) Свобода вѣровать и молиться (по поводу Указа Государя Императора отъ 17 апр. 1905 г.).

Цѣна за сотню экземпляровъ каждаго листка—35 коп. съ пересылкой наложеннымъ платежомъ. Бѣднымъ приходамъ листки могутъ быть высылаемы бесплатно.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Аѣц. Общ. Н. Т. Корчажъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года февраля 12-го дня.

Содержаніе: Вѣротерпимость и наши дѣла и обязанности во имя ея.—
Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху имп.
Александра I.—Православно-русское приготовленіе къ пастырскому
служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ (про-
долженіе).— Отъ Редакціи.

Вѣротерпимость и наши дѣла и обязанности во имя ея ¹⁾).

Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1905 г. объявлена
въ нашемъ государствѣ вѣротерпимость. Волею Государя да-
ровано Его подданнымъ право свободного избранія той или
другой вѣры для исповѣданія, и отмѣнены тѣ ограниченія въ
правахъ, какимъ подвергались принимавшіе инославную вѣру
или обращающіеся въ расколъ и секты. Исключеніе сдѣлано
только для послѣдователей сектъ изувѣрныхъ, каково, напр.,
скопчество. Принадлежность къ такимъ сектамъ закономъ

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ Кіевскомъ Религіозно-Просвѣтитель-
номъ Обществѣ 27 ноября 1905 года.

преслѣдуется, и отпаденіе въ нихъ наказуется. Всѣ же остальные, неизувѣрныя, сектанты, какъ и всѣ старообрядцы, сравнены теперь въ своихъ правахъ предъ закономъ съ нами, членами Церкви Православной. Всѣ они имѣютъ, какъ и мы, право совершать богомоленія по своимъ обрядамъ и строить храмы или молитвенныя зданія съ соблюденіемъ лишь обязательныхъ для всѣхъ правилъ строительнаго устава. Предметы ихъ набожности получили признаніе на свободное существованіе, а лица, избираемыя старообрядцами и сектантами для отправленія богомоленій и для наставленія въ вѣрѣ ея послѣдователей, признаются закономъ въ званіи настоятелей и наставниковъ. Словомъ, разномыслящіе съ нами въ вѣрѣ стали теперь не отщепенцами въ Русской землѣ, а относительно полноправными гражданами ея, какъ и мы.

Свобода религіозной совѣсти, свобода возношенія молитвы къ Богу и выраженія ея такъ, какъ это доступно человѣку по степеніи его пониманія и сообразно влеченію его сердца, есть право его, какъ разумно-свободнаго существа, и вмѣстѣ есть одно изъ высшихъ благъ, выше дара рѣчи и равное жизни, — такихъ благъ, — какими онъ можетъ пользоваться по волѣ своего Творца, лишь бы только онъ пользовался ими безъ вреда себѣ и другимъ. Поэтому вполне понятно, что предоставленіе религіозной свободы людямъ, доселѣ не пользовавшимся ею, встрѣчено было ими съ чувствомъ живой радости и благодарности.

Не случайно, конечно, обнародованіе указа о вѣротерпимости произошло въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Оно приурочено было къ этому празднику съ добрымъ намѣреніемъ. Это—величайшій христіанскій праздникъ, когда у всѣхъ христіанъ, даже и у тѣхъ, кто равнодушны къ вѣрѣ, просынаются религіозное чувство и чувство братства во Христѣ предъ Богомъ и рвутся наружу къ прославленію Бога Спасителя, Бога любви и Благодѣтеля грѣшныхъ людей, усыновившаго ихъ Себѣ и открывшаго всѣмъ входъ въ Свое царство, всѣхъ объемшаго Своей любовью и

всѣхъ зовущаго къ взаимному братолюбію. Объявляя религіозную свободу въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, Государь сильнѣе словъ внушалъ всѣмъ принять Его даръ съ обязательствомъ неуклонно слѣдовать въ своей жизни тѣмъ святымъ началамъ любви, братства и мира, торжество которыхъ Церковь совершаетъ въ этотъ великій день. Старообрядцы и сектанты наши, какъ непосредственно облагодѣтельствованные милостью Государя, прежде другихъ должны были проникнуться не только сознаниемъ, а и отраднымъ ощущеніемъ своего равенства съ нами не предъ однимъ Отцомъ Небеснымъ, а и предъ Государемъ земнымъ, въ великой семьѣ котораго они призваны быть равноправными съ нами членами,—должны были воодушевиться стремленіемъ къ сохраненію мира со всѣми, кто бы къ какой вѣрѣ ни принадлежалъ, къ отложенію вражды и злобы и къ тѣмъ, кто, какъ мы, остаются чуждыми имъ въ вѣрѣ. Величіе и радость дня, въ какой объявлена религіозная равноправность, всѣхъ обязывали глубже и полнѣе оцѣнить значеніе дарованной Государемъ милости. Они и православныхъ христіанъ обязывали согрѣться чувствомъ братолюбія къ заблуждающимся въ вѣрѣ и, не раздѣляя ихъ заблужденій, быть къ нимъ снисходительными, въ отношеніи же къ своей вѣрѣ быть ревнивыми и преданными.

Время, однако, показываетъ,—хотя и немного прошло его со дня объявленія вѣротерпимости,—что ни послѣдователи православной вѣры, ни уклонившіеся отъ нея и чуждые ей не продумали достаточно и не оцѣнили значенія дарованной имъ свободы совѣсти и не исполняютъ строго обязательствъ вѣротерпимости, которыя возлагаетъ на нихъ она и сама по себѣ и фактъ объявленія ея въ день торжества вѣры и любви христіанской.

Приходятъ печальныя вѣсти. Такъ, въ печати оглашенъ фактъ самаго дикаго изуверства, допущенный въ совсѣмъ недавнее время сектантами одного села Саратовской губерніи. Повидимому, безъ всякаго вызова со стороны православ-

ныхъ односельчанъ они ворвались въ храмъ, осквернили его разгромомъ святынь и безстыдною пляскою, жестоко падругались надъ священникомъ и псаломщикомъ, не пощадивши ихъ женъ и дѣтей, и хотѣли было сжечь и самый храмъ. Но эпохватившійся за умъ вожакъ сектантскій остановилъ обезумѣвшую толпу и звономъ въ сторожевой колоколъ привлекъ къ храму православныхъ его прихожанъ. Между ними и изувѣрами-сектантами произошло побоище, ужаса котораго мы не хотимъ рисовать здѣсь. Такого ли отношенія мы въ правѣ были ожидать отъ сектантовъ къ православной святынѣ послѣ дарованія имъ религіозной равноправности съ нами? Но Богъ имъ судья. На злобу мы не должны и не станемъ отвѣчать злобою и не можемъ оправдать дикой расправы, какую учинили наши братья по вѣрѣ съ изувѣрами въ Саратовской губерніи. Но мы должны крѣпко призадуматься надъ тѣмъ, какими бы средствами намъ можно было привлечь къ себѣ ихъ сердце, растворить его, если не любовію, то духомъ терпимости въ отношеніи къ намъ, пробудить и воспитать въ нихъ уваженіе къ нашей вѣрѣ.

Съ другой стороны, есть факты, показывающіе, что православные христіане обнаруживаютъ не въ мѣру снисходительное отношеніе къ иновѣрцамъ и сектантамъ, что снисхожденіе къ религіознымъ вѣрованіямъ ихъ, предполагаемое актомъ объявленной вѣротерпимости, обращаютъ въ сочувствіе къ ихъ вѣрѣ и даже мѣняютъ на свою православную вѣру. Такихъ примѣровъ въ особенности много среди православнаго населенія, живущаго на западѣ Россіи, въ предѣлахъ католической Польши и въ областяхъ, смежныхъ съ нею. Есть подобные примѣры и въ нашемъ краѣ. Этими примѣрами позволительно было бы и не смущаться, если бы можно было быть увѣреннымъ, что во всѣхъ случаяхъ перехода православныхъ христіанъ въ католичество ли то, или въ сектантство имѣло и имѣетъ мѣсто сердечное и давнишнее влеченіе ихъ къ тому и другому, искусственно доселѣ задержавшееся силою внѣшняго принужденія, каковое влеченіе

и заставляло ихъ лишь внѣшне принадлежать къ Церкви, а душою быть внѣ ея. Потеря Церковью членовъ, чуждыхъ ей по духу, скорѣе полезна для нея, чѣмъ вредна. По словамъ св. Кипріана карфагенскаго, „Не слѣдуетъ собирать въ Церковь такую гнилость, которая заразила бы всё здоровое и цѣльное“. Къ сожалѣнію, въ ряду отмѣченныхъ примѣровъ есть такіе, гдѣ оставленіе православной вѣры произошло подъ давленіемъ внѣшней силы, гдѣ, слѣдовательно, у людей, измѣнившихъ ей, не хватило стойкости для отраженія соблазна, той стойкости, которая сохранила бы ихъ въ церковной оградѣ полезными для Церкви членами. Есть и такіе примѣры, гдѣ измѣна православной вѣры произошла не по сердечному расположенію къ иной вѣрѣ, а по соображеніямъ земныхъ выгодъ и привязанностей, удовлетворенія которыхъ представлялось возможнымъ достигнуть чрезъ переходъ въ иную вѣру. Намъ извѣстенъ случай, происшедшій здѣсь, въ Кіевѣ, вскорѣ послѣ объявленія указа о вѣротерпимости, когда нѣкая женщина приняла католичество изъ желанія выйти замужъ за католика; который обѣщаль на ней жениться подъ условіемъ перемѣны ею своей православной вѣры на его—католическую. Вѣру она перемѣнила, а цѣли, для которой сдѣлала это, не достигла: соблазнитель ея не сдержалъ своего слова. И тутъ только раскрылись глаза несчастной: она увидѣла всю преступность своей измѣны и должна была искупать её горькими слезами и тяжкими мученіями совѣсти. Въ этомъ и подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ людьми, въ которыхъ сознаніе высокихъ обязательствъ по отношенію къ своей вѣрѣ не отличалось ясностью и затмевалось подъ напоромъ земныхъ пристрастій. Ихъ могла бы уберечь отъ вѣроотступничества отвѣтственность предъ закономъ; но она упразднена объявленной вѣротерпимостью, а эта послѣдняя не сдержала ихъ отъ преступнаго шага, потому, надо думать, что понята была ими или же истолкована была имъ превратно—въ смыслѣ безразличнаго отношенія къ своей и чужой вѣрѣ.

Не станемъ скрывать также, что среди насъ есть или могутъ встрѣтиться люди, которые не отступили отъ вѣры, но въ душѣ чуждаются ея, какъ вѣры, безплодно сокрытой, скажутъ они, въ мертвыхъ обрядахъ и не обнаруживающей своей правды и благодатной силы въ жизни ея послѣдователей. При взглядѣ на нее, отмѣчаютъ бѣдность дѣятельной любви и взаимопомощи, отсутствіе одушевленнаго служенія ближнимъ, господство грѣховныхъ привычекъ и дурныхъ пристрастій. Многихъ смущаетъ, что православная вѣра не борается этихъ проявленій зла, хотя и борется съ ними,—не дѣлаетъ изъ своихъ послѣдователей людей, которые бы вышли изъ узкой сферы попеченія только о себѣ на широкое поприще служенія ближнимъ въ разныхъ видахъ благотворительности, хотя она и проповѣдуетъ о долгѣ этого служенія. Раздаются голоса, что въ то время какъ православная вѣра не проявляетъ своей животворной и благодатной силы надъ людьми, такую силу обнаруживаетъ подчасъ—страшно сказать!—несовершенная вѣра сектантовъ, которая и пороки людей исправляетъ, и религіозность ихъ возвышаетъ, и вдохновляетъ ихъ любовью къ дѣятельному служенію ближнимъ. Съ объявленіемъ вѣротерпимости, подобное сочувствіе сектантамъ, не скрывавшееся и прежде, будетъ высказываться, несомнѣнно, чаще и болѣе открыто, усиливая отчужденіе отъ православной вѣры въ однихъ и пробуждая его въ другихъ.

Итакъ, вотъ какія язвы частью уже раскрылись, а частью готовы раскрыться въ нашемъ обществѣ, съ дарованіемъ религіозной свободы. Враги нашей вѣры не дремлютъ и ведутъ себя не скромнѣе, а смѣлѣе, чѣмъ прежде. Въ нашей средѣ обнаружили люди, слабые въ вѣрѣ и отпадшіе отъ нея вслѣдствіе своей слабости. А въ другихъ растетъ отчужденіе къ вѣрѣ, вотъ-вотъ готовое разрѣшиться отпаденіемъ ихъ въ секты. Что же мы сдѣлаемъ, какъ и чѣмъ обнаружимъ внутреннюю силу своей вѣры, которая не напрасно же насаждается въ нашей землѣ почти тысячу лѣтъ,

которая выдержала натискъ многочисленныхъ враговъ: и язычниковъ, и мусульманъ, и поляковъ,—и устояла предъ этимъ натискомъ не затѣмъ, конечно, чтобы обезсилѣть и пошатнуться потому только, что отпали мѣры внѣшняго огражденія нашихъ вѣрованій. Теперь-то именно сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, всѣ послѣдователи православной вѣры призываются обнаружить сокровища своей вѣры, раскрыть ихъ въ своей жизни, въ отношеніяхъ къ врагамъ вѣры, слабымъ въ ней и чуждающимся ея, не подъ охраною внѣшнихъ законовъ, а добровольно, руководясь началомъ христіанской вѣротерпимости и свято соблюдая тѣ обязанности, которыя она возлагаетъ на нихъ, какъ послѣдователей православной вѣры.

Вѣротерпимость требуетъ отъ православныхъ христіанъ снисходительнаго отношенія къ религіознымъ убѣжденіямъ, заблужденіямъ, слабостямъ и недостаткамъ разномыслящихъ съ ними въ вѣрѣ. Никто изъ православныхъ христіанъ не долженъ во имя вѣры разжигать ни въ себѣ, ни въ другихъ вражды противъ нихъ, а тѣмъ болѣе домогаться нанести имъ вредъ, подвергнуть преслѣдованіямъ и какимъ бы то ни было притѣсненіямъ въ дѣлахъ житейскихъ, или уклоняться отъ помощи имъ, когда они нуждаются въ ней. По наставленію апостола, „рабу Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ... (и) незлобивымъ (2 Тим. 2, 24). Высокій примѣръ кроткаго и любвеобильнаго обращенія съ заблуждающимися подаетъ Иисусъ Христосъ. Онъ не уклонился отпить воды изъ рукъ самарянки, хотя она принадлежала къ обществу раскольниковъ, съ которыми іудеи не общались,—удостоилъ ее Своей бесѣды и даже склонился на просьбу ея обновѣрцевъ и пробылъ у нихъ два дня (Іоани. 4, 6—40). Онъ удостоилъ высокой похвалы милосердаго самарянина за помощь, какую тотъ оказалъ пострадавшему отъ разбойниковъ, не справляясь, братъ ли онъ ему по вѣрѣ, или же чуждый ему (Лук. 10, 29—37). Не чуждавшійся общенія съ мытарями и грѣшниками настолько, что получилъ отъ іудеевъ названіе *друза* ихъ (Лук. 7, 34),

Спаситель нашъ не допустилъ Своимъ ученикамъ низвести огонь съ неба на жителей самарянскаго селенія за то, что тѣ отказались принять Его изъ побужденій религіозной розни; Онъ осудилъ въ ученикахъ Своихъ возбужденіе нетерпимости и сказалъ имъ: „не знаете, какого вы духа“ (Лук. 9, 52—55). Мы—исповѣдники Бога мира и любви, и потому именно должны относиться кротко и любовно ко всѣмъ, не исключая и тѣхъ, кто чуждъ намъ по вѣрѣ. Ибо вѣдь и они такъ же, какъ и мы, твореніе Божіе и предметъ промысленія Его и такъ же, какъ мы, искуплены безцѣнною Кровію Христа Спасителя. Религіозная рознь въ особенности не должна проявляться тогда, когда чуждые намъ по вѣрѣ на глазахъ нашихъ голодаютъ, болѣютъ и вообще такъ или иначе бѣдствуютъ. Заповѣдь любви Христовой повелѣваетъ намъ въ этомъ случаѣ, не смотря на разность вѣры, оказать нужную имъ помощь. Поучительные въ этомъ отношеніи уроки даетъ исторія христіанской Церкви. Въ 6 в. нашей эры былъ въ Константинополѣ голодъ. Мѣстный епископъ, св. Атикъ, послалъ одному пресвитеру триста золотыхъ монетъ для раздачи бѣднымъ и писалъ ему: „когда будешь раздавать эти деньги бѣднымъ, не обращай вниманія на вѣроисповѣданіе, но имѣй въ виду только одно—напитать алчущихъ, не разбирая по-нашему ли они мыслятъ“, или нѣтъ ¹⁾. Самый злой и тонко-мстительный врагъ христіанства языческой императоръ Юліанъ сознавался, что христіане или, по его словамъ, „нечестивые галилеяне, кромѣ своихъ, питаютъ еще и нашихъ“,—питаютъ, очевидно, не принимая въ расчетъ, что пуждавшіеся были людьми языческой вѣры. Вѣротерпимость не препятствуетъ намъ вступать даже въ дружбу съ исповѣдниками чужой намъ вѣры, разъ эта дружба не влечетъ насъ къ участию въ ихъ религіозныхъ заблужденіяхъ. И Христосъ Спаситель, какъ мы видѣли, не гнушался общенія съ людьми, бывшими для іудеевъ чуждыми по вѣрѣ.

¹⁾ Сократъ, Истор. въ русск. переводѣ, стр. 545.

„Если друзья, поучаетъ также св. Іоаннѣ Златоустъ, нисколько не вредятъ въ отношеніи къ благочестію, то будемъ сами привязывать и привлекать ихъ къ себѣ“; если же вредятъ, то, говоритъ св. отецъ Церкви, „только избѣгай, а не состязуйся и не враждуй“ ¹⁾. О другомъ великомъ свѣтильникѣ нашей Церкви, св. Василии Великомъ, извѣстно, что онъ, не смотря на разность вѣры, водилъ дружбу съ однимъ ученымъ евреемъ, врачомъ по своей профессіи, и велъ дружественную переписку съ Ливаніемъ, постоянно выражая въ ней знаменитому языческому софисту чувства своего уваженія и сердечной любви.

А. Волгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Слова и бесѣды на разн. случ., т. I, Спб. 1864 г., стр. 369—370.

Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху имп. Александра I.

Мы видѣли ²⁾, что за восемнадцатый вѣкъ во взаимныхъ отношеніяхъ русскаго культурнаго общества и православнаго пастыря силою различныхъ обстоятельствъ появилась уже нѣкоторая отчужденность,—образовалось извѣстное разстояніе, затруднявшее, съ одной стороны, возможность вліянія пастыря на эту часть своей паствы; съ другой—пріучавшее общество все болѣе и болѣе обходиться безъ пастырскаго вліянія и руководства. Имѣя это въ виду, мы заранѣе можемъ сказать, что отношенія между пастыремъ и русской интеллигенціей въ девятнадцатомъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ его, не могли быть нормальными. Такъ, дѣйствительно, оно и было. Если въ чемъ, то именно въ своемъ отношеніи къ религіи и пастырю интеллигенція русская начала девятнадцатаго вѣка явилась лучшимъ преемникомъ взглядовъ и воззрѣній на это русскаго общества Екатеринин-

¹⁾ Слова и бесѣды на разн. случ., т. I, Спб. 1864 г., стр. 369—370.

²⁾ См. №№ 5—8 за 1905 г.

ской эпохи, съ его „вольтеріанствомъ“, съ его взглядами на „поповъ“, какъ на невѣждъ, на религію, какъ на предразсудокъ и суевѣріе... Мы останавливались на характеристикѣ воспитанія того времени ¹⁾). Посѣянные сѣмена не замедлили принести достойные себя плоды. Произведенія нашего поэта Пушкина, созданныя въ Александровскую эпоху, носятъ въ себѣ достаточно яркій отголосокъ того либеральнаго вихря, который пронесся тогда надъ русской жизнью. Легкомысленное и даже прямо грубо-кощунственное отношеніе къ христіанской вѣрѣ, отрицаніе всякаго за ней значенія, стремленіе замѣнить религію разумомъ, преклоненіе предъ „не утѣшительными“, но „правдоподобными“ теоріями атеизма ²⁾),— вотъ что мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ его этой эпохи, рассматривая ихъ со стороны религіознаго элемента. Впослѣдствіи Пушкинъ перемѣнился въ своихъ взглядахъ и воззрѣніяхъ и глубоко раскаявался въ легкомысліи своей молодости. Не всѣ, однако, слѣдовали по этому пути... Этотъ моментъ, моментъ не только личной жизни, но пережитый и всей интеллигенціей этой эпохи, прекрасно выразилъ Пушкинъ въ своемъ „Демонѣ“:

„Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистоимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ...“

¹⁾ № 8 й.

²⁾ Ср., напр., слѣд. Въ мартѣ 1824 г. изъ Одессы Пушкинъ пишетъ „неизвѣстному лицу въ Москвѣ“: „Читая Библию, Св. Духъ иногда мнѣ не по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира... Беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ (Гунчисонъ), единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать, что нѣтъ разумнаго Творца и Промыслителя, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, бѣгѣ всего правдоподобная...“

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ...“

Повальное отрицаніе всего святого—вотъ тотъ „демонъ“, который искушалъ и Пушкина, и, повторяемъ, не его одного. Пушкинъ въ этомъ отношеніи былъ только сынъ своего времени—не больше. Передовая интеллигенція можетъ быть шла даже дальше его въ своемъ отношеніи къ Православной Церкви. Разумѣемъ такъ называемыхъ „декабристовъ“. Что всѣ они лекомысленно относились къ христіанству, религію считали дѣломъ невѣжества и умственной косности, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; а „Православную Церковь, которая будто бы освящала крѣпостничество, они“, говоритъ прот. Буткевичъ, „просто ненавидѣли и борьбу съ нею, до совершеннаго уничтоженія ея, даже ставили своею цѣлью наравнѣ съ борьбой противоположительственной“¹⁾. Извѣстна революціонная пѣсня, сочиненная Рылѣевымъ, которую обязательно пѣли заговорщики въ концѣ каждаго изъ своихъ засѣданій, въ которой предназначался „первый ножъ на бояръ, на вельможъ; второй ножъ—на поповъ, на святошь...“²⁾.

И такое настроеніе интеллигенціи въ отношеніи духовенства и религіи не было уже только „модой“—случайнымъ наноснымъ явленіемъ, вытекавшимъ изъ слѣплого подражанія иностранцамъ, какъ это было, напримѣръ, въ Екатерининскую эпоху. Нѣтъ, здѣсь уже чувствовались нѣкоторыя философскія предпосылки для такого настроенія, какъ результатъ сознательнаго усвоенія плодовъ теоретической мысли Запада, сообщившія настроенію устойчивость. На Западѣ въ это время просвѣтительная французская философія, выступивъ подъ знаменемъ позитивной науки во имя требованій разума, вела ожесточенную борьбу со всѣмъ, что не могло доказать

¹⁾ Религіозныя убѣжденія декабристовъ. Харьковъ. 1900 г. стр. 2.

²⁾ Тамъ-же.

предъ этимъ разумомъ рациональности своего существованія. Духовнымъ девизомъ ея было „просвѣщеніе“. Всѣ устои общественной жизни, всѣ вѣрованія подвергались критической переоцѣнкѣ. Все, что хотѣло жить, должно было отдать отчетъ предъ неумолимымъ разумомъ. Казалось, что вѣками сложившійся внѣшній и внутренній строй человѣчества готовъ былъ рухнуть сразу.—Но не только разрушительная работа велась въ это время людьми науки,—вся она была проникнута самымъ горячимъ убѣжденіемъ въ возможности найти общеобязательную правду, рациональныя формы для всего человѣчества. Человѣкъ не остался стоять среди развалинъ поверженныхъ идоловъ: онъ сразу, съ какой-то алчностью, бросился начертывать планы будущихъ работъ. Для этого онъ, прежде всего, желалъ незыблемыхъ основъ, которыя могли бы служить фундаментомъ. И онъ нашелъ ихъ. „Свобода, равенство и братство“—вотъ что начерталъ на знамени своемъ новорожденный человѣкъ—раціоналистъ; религіозную вѣру онъ замѣнилъ вѣрой въ *прогрессъ* и вмѣсто прежнихъ божествъ поставилъ столь многообѣщающія новыя: *Человѣчество* и его руководитель—*Разумъ*...

Эти идеи были усвоены и русской интеллигенціей, и не на словахъ только. Такіе факты, какъ освобожденіе многими помѣщиками своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, или во всякомъ случаѣ облегченіе ихъ участи, заботы объ ихъ просвѣщеніи и своемъ собственномъ, наконецъ—событія 25 года, ясно показываютъ, что западныя идеи во все не играли роли болѣе или менѣе красивыхъ декораций барскаго быта, но оказали на русскую интеллигенцію глубокое вліяніе.

И все это просвѣтительное движеніе и на Западѣ и у насъ шло мимо Церкви и духовенства, стояло внѣ связи съ христіанскимъ ученіемъ, являлось даже противовѣсомъ ему. Между тѣмъ, по существу, доктрины и требованія, выставленныя эпохою просвѣщенія, въ лучшей части, *принадлежатъ христіанству*. Оставшись безъ защиты со стороны

государства и безъ достаточнаго призора со стороны Церкви, нѣкоторыя части христіанскаго міра мыслей, вмѣсто того, чтобы развиваться внутри Церкви и дѣйствовать въ христіанскомъ человѣчествѣ чрезъ нее, какъ черезъ посредство, попали во внѣхристіанскую, даже антихристіанскую область; какъ осиротѣлыя и затерявшіяся дѣти, бродили онѣ безъ пристанища и въ своемъ сиротствѣ не только извратились во многихъ отношеніяхъ, но даже потеряли сознаніе о своемъ христіанскомъ происхожденіи и стали во враждебное отношеніе къ лону родившей ихъ матери—Церкви. Идеи о свободѣ воли, о взаимной терпимости въ религіозной области, идеи о свободѣ и правѣ общественной жизни людей, о человѣчности и человѣческомъ достоинствѣ, наконецъ—весь кругъ соціальныхъ мыслей, изъ-за осуществленія которыхъ съ 1789 г. началась борьба, повергающая христіанскіе народы обоихъ полушарій и по сію пору въ страстное движеніе,— все это въ глубочайшей основѣ своей не что иное, какъ только именно заблудшіе, во многихъ отношеніяхъ исказившіеся и одичавшіе отпрыски христіанскаго откровенія, въ тихомъ, незамѣтномъ самоотчужденіи понавшіе въ услуженіе естественному человѣческому сердцу, которое безъ стыда злоупотребляетъ ими и подстрекаетъ ихъ къ позорному возстанію противъ разумно-человѣческихъ, освященныхъ свыше порядковъ, даже къ кощунству противъ Самого Духа Святого.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: гдѣ же былъ православный пастырь съ его заботами и попеченіемъ о нравственномъ руководствѣ своей паствы? При данныхъ обстоятельствахъ, необходимой и благотворной, по своимъ результатамъ, была бы *предупредительная* пастырская дѣятельность. Почему духовенство не приняло мѣръ къ предотвращенію глубокой разности во взглядахъ и стремленіяхъ паствы и пастыря?

Для этого, какъ главнѣйшее условіе плодотворности дѣятельности, необходима была свобода, свобода внѣшняя

прежде всего; а ея то и не было у православнаго духовенства. Мы касались ви́шняго положенія духовенства въ 18 вѣкѣ. Послѣ петровскихъ преобразованій и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, воздѣйствіе духовенства на высшее русское общество было почти совершенно устранено, такъ что, если до Петра I духовенство принимало участіе въ созданіи русской интеллигенціи и являлось нравственнымъ руководителемъ русскаго общества въ его духовномъ развитіи, то послѣ Петра I оно должно было отказаться отъ этой роли. Вся сила воздѣйствія до того времени, пока, наконецъ, интеллигентныя силы русскаго общества не созрѣли настолько, что оно могло стать уже на путь самостоятельной жизни,—принадлежала правительству и тѣмъ западнымъ вліяніямъ, которымъ все сильнѣе и сильнѣе стало подвергаться русское общество. Такъ было въ 18 вѣкѣ. Эпоха Александра I не измѣнила ви́шняго положенія пастыря къ лучшему. Правда, религіозность Государя, его искреннее стремленіе къ воплощенію въ международныхъ отношеніяхъ началъ христіанской морали, его заботливая попечительность о религіозномъ развитіи народа и преусиженіи духовнаго просвѣщенія—все это какъ будто говорить за то, что православному духовенству была отведена видная роль въ культурномъ просвѣщеніи Россіи; но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Къ глубокому сожалѣнію, Александръ I слишкомъ довѣрялъ своимъ друзьямъ и, не обладая самъ твердой волей, постоянно подпадалъ подъ ихъ вліяніе; а желанія и стремленія тѣхъ часто шли въ ущербъ вліянію и авторитету Православной Церкви и ея пастырей. Вліяло здѣсь и то, что онъ былъ воспитанъ въ идеяхъ широкой свободы и религіозной терпимости и—хотя на глубоко-религіозной почвѣ, но безъ надлежащей церковной основы, или вѣрнѣе, дисциплины. Это послужило основаніемъ тѣхъ широкихъ взглядовъ на вѣротерпимость, какихъ держалось правительство Александровскаго времени, когда у насъ получили одинаковое право господства и католичество, и православіе, и скопче-

ство купца Селиванова, и мистицизмъ Сіонскаго Вѣстника и масонскихъ ложь;—въ особенности послѣдній. Почувствовавшій было себя немного свободнымъ въ первые годы царствованія Александра I, при оберъ-прокурорѣ Яковлевѣ Св. Синодъ „утихъ“ съ назначеніемъ на должность оберъ-прокурора „царскаго паперсника“ кн. Голицына ¹⁾); съ этого времени „духъ Монарха водворился въ Синодѣ“ ²⁾), а еще сильнѣе—духъ самого Голицына. „Этотъ человѣкъ, несвѣдущій въ предметахъ той вѣры, которой интересы онъ былъ призванъ оберегать“,—такъ характеризуетъ его свящ. Морошкинъ,—„и гость въ дѣлахъ того вѣдомства, котораго оберъ-прокуроромъ онъ былъ назначенъ“ ³⁾)..., готовъ былъ сдѣлать все угодное для купца Селиванова, іезуита Грубера и др., хотя бы въ требованіяхъ ихъ былъ истинный вредъ для Православной Церкви. Поставленный во главѣ „двойного“ министерства: духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, учрежденнаго съ цѣлью—„дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“ ⁴⁾), князь Голицынъ далъ полное торжество мистицизму. Св. Синодъ былъ въ совершенномъ его подчиненіи. Всѣ училища были въ его зависимости. Цензура ревниво задерживала все то, что шло противъ мистицизма. А мистическія сочиненія текли цѣлымъ потокомъ... Казалось бы, мистицизмъ не могъ вредить особенно православію; наоборотъ, могъ бы быть даже полезнымъ въ смыслѣ поддержки и воспитанія въ русскомъ обществѣ религіознаго духа; но на самомъ дѣлѣ вышло другое. Цѣня только внутреннее настроеніе въ человѣкѣ и мирясь со всѣми религіями, мистицизмъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на „внѣшнія“ церкви, сверху внизъ, какъ на что-то стоящее ниже его. Онъ отрицалъ всякую необходимость внѣшней церков-

¹⁾ *Благовидовъ*. Оберъ-прокуроры Св. Синода въ 18 и 1-ой половины 19 столѣтія. 1900 г. Казань. Стр. 351 ср. 325—346.

²⁾ Тамъ же, стр. 351.

³⁾ Іезуиты въ Россіи. Ч. II. Стр. 251. Спб. 1870

⁴⁾ *Благовидовъ*. Цит. соч. стр. 375.

ной организаціи, необходимость обрядовъ и догматовъ. Слѣдствіемъ его вліянія было то, что если у русскаго общества оставалась еще религіозная потребность послѣ французскаго рационализма, то теперь, растворяясь въ идеяхъ религіознаго космополитизма, она перешла въ полное конфессіональное безразличіе. Отмѣчая эту сторону тогдашняго общества, Самаринъ говоритъ: „О вѣрѣ въ тѣ времена разсуждали такимъ образомъ: всѣ вѣроисповѣданія одинаково хороши... На латинца, который бы вздумалъ перейти въ православіе, высшее общество взглянуло бы такъ же неблагосклонно, какъ и на православнаго, переходящаго въ латинство. И тотъ и другой въ его глазахъ прослыли бы отступниками; мало того, оно нашло бы для второго обстоятельства, смягчающія вину, въ обаяніи высшей цивилизаціи и въ искренности убѣжденія, заявленной смѣлостью поступковъ“¹⁾...

Для представителей Церкви, для пастырей православнаго стада, борьба съ мистицизмомъ, благодаря Голицыну, сказывалась почти невозможной. На протестъ ихъ и не обратили бы вниманія. Имъ оставалось только глубоко сожалѣть о своемъ безсиліи „спасти Церковь“, какъ сожалѣли объ этомъ Филаретъ съ Иннокентіемъ, да съ молитвой о наступленіи лучшаго будущаго выжидать, пока пройдетъ „мистическое повѣтріе“. Оно прошло. Голицынъ палъ. Началась реакція въ духъ православія. Но защитниками его явились не призванные пастыри. На стражѣ интересовъ православія стали два знаменитыхъ генерала того времени—адмиралъ Шишковъ (по должности министра духовныхъ дѣлъ) и Аракчеевъ (по собственному побужденію) и стали защищать его прежде всего отъ... православныхъ пастырей. Были пріостановлены выпускомъ въ свѣтъ составленные Филаретомъ катихизисы, одобренные уже Синодомъ, а теперь признанные недостаточно православными изъ-за перевода текстовъ Св. Писанія на „простонародное нарѣчіе“. Митрополита Филарета даже

¹⁾ Самаринъ. Іезуиты. М. 1866 г. стр. 265—66.

стали открыто обвинять въ неправославіи ¹⁾). Ученый комитетъ при управленіи училищъ получилъ инструкцію строжайше слѣдить за согласіемъ преподаванія съ вѣрою и устранять въ учебныхъ курсахъ всякія мысли, несогласныя съ Св. Писаніемъ ²⁾). Имена Магницкаго и Рунича довольно отчетливо характеризуютъ эту эпоху, извѣстную подъ именемъ „министерскаго затменія“. — „Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь!“ въ горести восклицалъ Филаретъ въ одной официальной бумагѣ, съ волненіемъ указывая, что невѣжество взяло власть въ свои руки ³⁾).

Стѣсненный въ своей дѣятельности, лишенный необходимой свободы, настырь русскій не всегда могъ стоять на стражѣ своихъ настырскихъ интересовъ также и по причинамъ чисто внутреннимъ, явившимся опять-таки наслѣдствіемъ того же 18 вѣка. Недостаточное образованіе, удаленность отъ общественной жизни, кастовая замкнутость и проч. все имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что настырь русскій не всегда былъ способенъ понимать запросы своего времени и не всегда могъ удовлетворять этимъ запросамъ. Свящ. Моршкинъ даетъ такой отзывъ о православномъ духовенствѣ конца 18-го и начала 19 вѣка. Духовенство наше, даже петербургское, говоритъ онъ, въ большинствѣ представляло самый поразительный примѣръ невѣжества, грубости и невоздержанія ⁴⁾).

Въ спискахъ петербургскаго духовенства Екатерининскаго времени мы видимъ протоіереевъ, необучавшихся нигдѣ, какъ напр. Іоаннъ Троянскій, или дошедшихъ до одного грамматическаго класса, — священниковъ, по-

¹⁾ Изд. *Лопухина*. Церковная Исторія въ XIX в. т. II стр. 565.

²⁾ *Соколовъ*. Идеи и идеалы рус. интеллигенціи стр. 325.

³⁾ *Лопухина* Церк. Ист. т. II стр. 565.

⁴⁾ Такой отзывъ не покажется намъ особенно рѣзкимъ, если мы составимъ его съ характеристикой нашего духовенства времени Екатерины и Павла I профессора *Знаменскаго* въ его сочиненіи: Положеніе духовенства во вр. Екат. II и Павла I (сравни стр. 81 и др.).

павшихъ въ этотъ санъ изъ потерявшихъ голосъ придворныхъ протодіаконовъ, изъ митрополичьихъ посошниковъ, иподіаконовъ, и пѣвчихъ“¹⁾). Не могла, конечно, интеллигенція обращаться за разрѣшеніемъ вопросовъ своей внутренней жизни къ такимъ пастырямъ: не могли они твердо поставить свой авторитетъ предъ паствой, зараженной вольномысліемъ и невѣріемъ, невеликій отпоръ могли дать они вольтеріанству. А „въ бѣльцахъ, по отзыву Екатерины II, люди были еще образованнѣе, нежели въ чернецахъ“²⁾).— Въ такомъ низкомъ уровнѣ образованія нашего духовенства много виновата школа духовная, находившаяся въ очень неблагоприятныхъ условіяхъ. Нельзя сказать, чтобы правительство, къ которому послѣ учрежденія Св. Синода, а особенно послѣ секуляризаціи церковныхъ имѣній, перешли заботы объ образованіи и улучшеніи быта духовенства, не заботилось объ этомъ. Но, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи у него было больше благихъ желаній, которыя такъ и застывали на бумагѣ. Духовный регламентъ опредѣлилъ во всѣхъ епархіяхъ открывать архіерейскія школы „для дѣтей священническихъ или и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ“, начерталъ и проэктъ ихъ внѣшняго и внутренняго устройства; не было недостатка въ указахъ и послѣдующаго правительства; но въ дѣйствительности мы не видимъ ни стройной организаціи школъ, ни сноснаго матеріальнаго обезпеченія. Школы находились въ полной зависимости отъ архіереевъ, даже въ матеріальномъ отношеніи³⁾. Отсюда самое существованіе ихъ подвергалось всякимъ случайностямъ. Программа

¹⁾ Иезуиты въ Россіи т. I стр. 268.

²⁾ Тамъ же стр. 269.

³⁾ Послѣ секуляризаціи имѣній Правительство назначило на содержаніе дух.-учебныхъ заведеній (въ 1765 г.) штатные оклады въ размѣрѣ 40 тысячъ въ годъ. Окладъ, какой получили семинаріи, простирался отъ 490 до 816 рубл. и только пять семинарій получили оклады большіе (4 семинаріи около 2 тыс. и одна 8285 р.) При такихъ скудныхъ средствахъ нечего было и думать о хорошей или даже удовлетворительной постановкѣ образованія.

не была строго опредѣлена, и семинаріи въ этомъ отношеніи представляли большое разнообразіе, не имѣя правильности и полноты въ учебныхъ курсахъ, которые могли быть измѣняемы и по произволу архіереевъ и по неимѣнію учителей. Академіи тоже мало разнились отъ семинарій. Кругъ предметовъ ихъ былъ крайне неопредѣленный и въ общемъ, по отзыву комитета 1808 г., учрежденнаго для улучшенія духовнаго образованія, „отъ первоначальныхъ познаній простираясь до самыхъ высшихъ наукъ, не имѣлъ ни надлежащаго времени, ни нужнаго пространства“. Схоластика, царившая здѣсь, стѣсняла преподаваніе, и лишала его развивающей силы и жизненности. „Въ своихъ схоластическихъ формахъ науки, по тому же отзыву, имѣли слишкомъ суровый учебный видъ, который и приобретаемыя познанія дѣлали малоупотребительными для общенароднаго наставленія и, обманывая полуученость мнимою важностью, препятствовали углубленію въ основаніе ученія“. Въ довершеніе всего школа вела свое дѣло среди нуждъ и лишеній, будучи обезнечена болѣе терпѣніемъ и неутомимостью учениковъ, нежели обиліемъ пособій. Могушая волна просвѣщенія, поднявшаяся въ Россіи въ царствованіе Александра I, захватила и духовныя школы и захватила,—точнѣе, намѣрена была захватить,—довольно существенно. Но духъ схоластики не поддался этой реформѣ и такимъ лицамъ, какъ Сперанскій, по-прежнему приходилось жаловаться на духовенство за то, что въ своихъ проповѣдяхъ оно только спорить съ невѣрующими, а нисколько не назидаетъ. Впослѣдствіи Гоголь глубоко сокрушался о неприглядномъ положеніи духовенства, а Чаадаевъ иначе разрѣшаетъ вопросъ: переходитъ въ католичество и шлетъ упреки мертвенности Православной Церкви. Неудивительно, поэтому, что число нашихъ образованныхъ пастырей—священниковъ, извѣстныхъ среди интеллигенціи, было очень ограничено ¹⁾. Что же касается высшей церковной

¹⁾ Имена ихъ извѣстны: это знаменитый прот. Самборскій, свящ. Казан. Собора Петръ Андреевъ и дьяконъ Василій Налимовъ, знакомые съ иностранными языками и западной наукой.

іерархіи, то мы видѣли, въ какія условія она была поставлена: по-прежнему двигалась она по колеѣ петровскаго регламента и, не смотря на личныя качества нѣкоторыхъ іерарховъ, какковы, напр., митрон. Платонъ, Филаретъ, Иннокентій и'ми. другіе, мало оказывала благодѣтельнаго воздѣйствія на высшіе классы русскаго общества.

Конечно, если бы духовенство стояло ближе къ жизни, если бы между нимъ и интеллигенціей было больше точекъ соприкосновенія, больше общенія, то оно не было бы такимъ отсталымъ. Оно сумѣло бы въ-время подмѣчать тѣ или другія ненормальныя явленія въ религіозной жизни русскаго общества, а необходимость бороться съ ними заставила бы его заботиться и о собственной подготовкѣ къ ней. Но кастовая замкнутость поставила духовенство въ сторонѣ отъ общества. Духовенство жило собственной жизнью, имѣло собственную литературу (съ Оеофана Прокоповича прекращается общая литература: съ Кантемира уже начинается разграниченіе ея на „свѣтскую“ и „духовную“), собственныя—сословныя—учебныя заведенія, чрезъ высокія стѣны которыхъ (они всѣ были построены „образомъ монастыря“, согласно указу Петра I) слабо долетали до обитающихъ за ними свѣжія вѣянія и теченія жизни русскаго общества.

А это послѣднее въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтія переживало глубокой подъемъ своихъ духовныхъ силъ: какъ ни поверхностно было наше „вольтеріанство“, оно во всякомъ случаѣ будило мысль, освобождало умы нашихъ предковъ отъ рутиннаго склада воззрѣній, заставляло ихъ задумываться надъ тѣмъ, что прежде, въ силу привычки, казалось имъ само собой понятнымъ, не требующимъ никакихъ объясненій. Стали разсуждать даже фонъ-визинскіе Иваны, но стали появляться и уже такіе высокоинтеллигентные лица, какъ Радищевъ и Новиковъ. Правда, слабый лепетъ пробуждавшейся общественной мысли сталъ было заглушаться реакціей послѣднихъ лѣтъ 18 столѣтія; но съ воцареніемъ Александра I, когда сразу почувствовалось вѣяніе живыхъ освободительныхъ

идей, которыми увлекался тогда молодой государь, возбужденіе снова началось. Дальнѣйшія событія русской исторіи открыли возможность болѣе близкаго и серьезнаго знакомства съ европейской литературой и европейской жизнью. Двухлѣтняя заграничная война привела многіе слои нашего общества въ непосредственное соприкосновеніе съ Западомъ. Это уже не Западъ пудры и фижмъ, а обновленный Западъ романтики. Не какъ изящное произведеніе роскоши пришла къ намъ изъ Европы эта новая волна, а какъ просвѣтительное дуповеніе свободы. Русская интеллигентная мысль, получившая новый сильный толчекъ, заработала интенсивнѣе, стала глубже вдумываться въ общественныя отношенія, сравнивать свое съ чужимъ и опредѣлять, чего именно намъ недостаетъ. Симптомомъ яркаго возбужденія, охватившаго тогда общество, лучше всего служатъ тѣ различные союзы и общества, которые тогда во множествѣ появились у насъ, вплоть до основанія извѣстнаго „Союза спасенія“. И это—не смотря на всѣ пренятствія, какія создавала въ то время Аракчеевская реакція. О внутренней жизни этихъ союзовъ и обществъ вотъ что пишетъ одинъ изъ участниковъ: „Было бы большой ошибкой предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами; здѣсь вовсе ими не занимались... Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на нестройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, на ея будущее... Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи цивилизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Если я когда-нибудь жилъ жизнью существъ, сознающихъ свое назначеніе и желающихъ его исполнить, то это въ особенности было въ эти рѣдкія минуты бесѣды съ людьми, которыхъ я видѣлъ одушевленными разумнымъ и безкорыстнымъ энтузіазмомъ къ счастью себѣ подобныхъ“¹⁾...

¹⁾ Н. И. Тургеневъ. *Овсянничко-Куликовскаго*. Итоги рус. худож. литературы XIX в. Вѣстн. Восп. 1904 г. № 1 стр. 20.

Коснулась ли эта живительная струя духовенства?... Двѣнадцатый годъ взволновалъ его. Духовенство еще разъ послужило великую службу Россіи. Еще разъ показало глубокой запасъ своихъ духовныхъ силъ, но въ общемъ культурномъ развитіи оно стало отставать отъ интеллигенціи, что особенно стало замѣтнѣе въ послѣдующія эпохи. Правда, тѣ идеи, которыми тогда волновалась и жила интеллигенція, были знакомы и духовенству; но онѣ восприняты имъ были отвлеченно, какъ пункты, требующіе діалектическаго опроверженія со стороны богословія. А между тѣмъ въ нихъ много было жизненнаго элемента.

Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Графъ Протасовъ не имѣлъ обыкновенія справляться съ чужимъ мнѣніемъ. Реформа духовно-учебныхъ заведеній была утверждена и введена въ дѣйствіе съ сентября 1840 года. По этой реформѣ были введены въ семинарскій курсъ библейская исторія, историческое ученіе объ отцахъ Церкви, сельское хозяйство, медицина, естественная исторія и усиленно изученіе св. Писанія и русской церковной исторіи. Чтобы найти мѣсто для всѣхъ этихъ предметовъ, были значительно сокращены и урѣзаны другія, общеобразовательныя науки. Для собственно-практической подготовки семинаристовъ къ предстоящему имъ дѣлу было предписано по праздникамъ вести катехизическія бесѣды.

Цѣли своей реформа, разумѣется, не достигла, потому что нельзя насаждать любовь къ дѣлу мѣрами строгости и предписаніями свыше, при отсутствіи внутреннихъ къ тому

¹⁾ См. № 5-й за 1906 г.

стимуловъ. Три извѣстныхъ писателя, сыгравшихъ потомъ замѣтную роль въ исторіи движенія 60 годовъ—Чернышевскій, Добролюбовъ и Помяловскій, все учились въ протасовской семинаріи и ничего, кромѣ ожесточенія, въ лучшемъ случаѣ—равнодушія къ своей школѣ и предстоящему имъ служенію, не вынесли. И мудро было вынести что-либо иное изъ заведенія, въ которомъ господствовали режимъ „бурсы“ Помяловскаго. Самъ авторъ „Очерковъ бурсы“ признается, что за время пребыванія въ духовномъ училищѣ былъ сѣченъ всего 400 разъ. Воспитаннику протасовской духовной школы трудно было понять психологію питомцевъ Кіевской Коллегіи времени Петра Могилы и непосредственно затѣмъ слѣдовавшихъ, которые все свои недюжинныя дарованія, весь пылъ своего сердца отдавали на служеніе духовному и духовно-учебному дѣлу, не изъ-за вознагражденія,—оно часто едва превышало нищенское,—а единственно изъ любви и благодарности къ воспитавшему ихъ учебному заведенію. Воспитанники же протасовской школы, все, кто только чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, бѣжали изъ духовнаго вѣдомства. Науками занимались способнѣйшіе ученики, кто какими хотѣлъ, нерѣдко подъ частнымъ руководствомъ наставниковъ. Собственно же семинарскія науки, въ предписанномъ графомъ Протасовымъ направленіи, были болѣе, чѣмъ въ неблестящемъ положеніи.

Вскорѣ настала Крымская война. Начавшееся послѣ нея освободительное движеніе охватило все стороны русской жизни. Наступила эпоха великихъ реформъ, и рѣшено было опять пересоздать весь строй духовно-учебнаго дѣла, что и было исполнено при оберъ-прокурорѣ Св. Синода и вмѣстѣ министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Димитріи Толстомъ.

Духовно-училищная реформа, какъ все реформы 60-тыхъ годовъ, была поставлена широко. Были командированы спеціальныя лица для изученія хода духовнаго образованія и настырскаго приготовленія во Франціи и на православномъ

Востокѣ. Были приглашены высказаться ректора семинарій. Исключительный интересъ къ реформѣ духовной школы овладѣлъ всѣми, такъ или иначе причастными къ дѣлу, лицами. Стали появляться воспоминанія о старой бурсѣ (между прочимъ „Очерки бурсы“ Помяловскаго); епархіальные архіереи высказывали свои соображенія. Самъ Государь во время своего путешествія по Россіи посѣтилъ нѣсколько семинарій. Даже м. Филаретъ Московскій, такъ противившійся протасовской реформѣ, теперь желалъ скорѣйшаго новаго преобразованія духовныхъ училищъ.

Работы велась нѣсколько лѣтъ, причемъ комиссіи приходилось выслушивать самыя разнообразныя, до полной противоположности, мнѣнія. Но реформа, какъ этого и слѣдовало ожидать, была совершена въ духѣ времени. Между прочимъ дѣлались пока, до окончательной реформы, по просьбѣ самихъ семинарій, частичныя измѣненія программы, состоявшія въ выкидываніи „спеціально пастырскихъ“ наукъ предшествовавшей реформы—медицины и сельскаго хозяйства. Наконецъ и реформа была выработана и Высочайше утверждена 14 мая 1867 года.

А. Кактынь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ Редакціи.

Вышли въ свѣтъ листки *для народа*: 1) Тяжелое время; 2) Государственная Дума; 3) Предъ выборами въ Государственную Думу; 4) Какъ крестьянамъ приобрѣтать землю мирнымъ и законнымъ путемъ, и что нужно, чтобы толково обрабатывать ее (по поводу Высоч. маниф. 3 ноября 1905 г.); 5) О свободѣ, дарованной маниф. 17 окт. 1905 г.; 6) Трудись; 7) Земныя блага; 8) Какъ живутъ и трудятся люди въ другихъ странахъ (въ Германіи, Франціи и Англіи); 9) Свобода вѣровать и молиться (по поводу маниф. 17 апр. 1905 г.).

Цѣна за сотню экземпляровъ cadaго выпуска 35 коп. съ пересылкою, кромѣ листка № 8, каждый экземпляръ котораго (брошюрка) стоитъ 3 коп.

За наложенный платежъ прибавлять по 15 коп. на сотню.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года февраля 19-го.

Содержаніе: О богослужебной реформѣ.—Въротерпимость и наши дѣла и обязанности во имя ея (окончаніе).—Пастырь-страдалецъ.—Воззваніе.

О богослужебной реформѣ.

Въ ряду церковныхъ вопросовъ, поставленныхъ временемъ и требующихъ авторитетнаго рѣшенія, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о реформѣ общественнаго богослуженія. Представители духовенства, а также нѣкоторые изъ мірянъ, благожелательно настроенныхъ въ отношеніи къ Церкви, оживленно дебатируютъ этотъ вопросъ и обмѣниваются мыслями касательно необходимости исправленій въ современномъ чинѣ богослуженія, равно какъ и вообще—объ улучшеніяхъ въ области богослуженія. Это, думаемъ, съ достаточною ясностью показываетъ, что богослужебная реформа у насъ назрѣла и заставляетъ серьезно подумать, какъ лучше всего приступить къ ней.

Не скроемъ, что реформа богослужебная — дѣло исключительной трудности. Къ ней пельзя отнести кое-какъ. Тѣ, кто будутъ призваны къ этой реформѣ, будутъ работать въ условіяхъ не вполне благопріятныхъ для увѣренности, что сложное и серьезное предпріятіе увѣнчается совершеннымъ успѣхомъ. Область нашего богослуженія, разсматриваемая съ научной стороны (а такъ преимущественно и придется смотрѣть на нее работникамъ реформы), чрезвычайно мало изслѣдована, и всякій шагъ здѣсь долженъ быть крайне остороженъ. По епархіальнымъ извѣстіямъ, а также изъ газетныхъ сообщеній, намъ случилось познакомиться съ характеромъ обсужденій вопроса о богослужебной реформѣ на сѣздахъ духовенства и на частныхъ братскихъ собраніяхъ представителей духовенства. Эти обсужденія убѣдили насъ, что для реформы богослуженія этотъ обмѣнъ мыслей между пастырями и отчасти мірянами не далъ ничего, въ смыслѣ положительнаго матеріала. Говорили, что реформа нужна, что есть много устарѣваго въ службахъ нашихъ и послѣдованіяхъ, что ихъ продолжительностью таготятся богомольцы; но какіе приемы должны быть употреблены при работахъ надъ реформой, какой методъ долженъ быть избранъ, что взять критеріемъ отношеній къ богослужебному чину теперешнему и будущему, — объ этомъ не слышалось серьезныхъ рѣчей. Правда, рижскій епарх. сѣздъ, замѣчательный, между прочимъ тѣмъ, что на немъ участвовали вмѣстѣ съ представителями духовенства и *міряне*, взялъ было вѣрную точку зрѣнія на наше богослуженіе — научную, но когда приступилъ къ детальной разработкѣ вопроса о реформѣ богослуженія и сталъ намѣчать измѣненія въ отдѣльныхъ службахъ и послѣдованіяхъ церковныхъ, то немедленно обнаружился недостатокъ серьезныхъ знаній по исторіи православнаго богослуженія, — недостатокъ, быть можетъ, не всякому замѣтный, но сейчасъ же бросающійся въ глаза человѣку, знакомому съ современнымъ состояніемъ литургической и церковно-археологической науки.

Мало научное отношеніе къ предмету недалеко уходить отъ поверхностнаго отношенія къ нему. И если реформа всякая требуетъ непременно серьезнаго отношенія къ себѣ, то реформа богослужебная по преимуществу требуетъ такого именно отношенія. Слишкомъ чувствительныя нервы она затрогиваетъ. Въ жизни русскаго человѣка удовлетвореніе религіозныхъ потребностей занимаетъ видное мѣсто,—на столько видное, что многимъ представляется, будто въ Россіи культъ заслоняетъ и религіозное вѣдѣніе (богословскую науку), и практическую дѣятельность на началахъ христіанскаго ученія. Такъ это или не такъ, разсуждать не будемъ, но отмѣтимъ, что иностранцы удачно уловили національную русскую черту, когда въ старину еще признали, что русскій народъ—самый богомольный въ мірѣ. Иностранцы и прежде изумлялись и теперь приходятъ въ удивленіе, наблюдая особенное усердіе русскаго человѣка къ храму и неутомимость его за богослуженіями въ какіе-либо парочитые времена или дни праздниковъ, когда монастырскія обители и древніе соборы бывають переполнены народомъ, собравшимся иногда съ разныхъ концовъ Россіи, какъ это, напр., можно наблюдать въ Кіевѣ и Москвѣ.

Великое усердіе къ „истовымъ“ богослуженіямъ, передаваясь у насъ, русскихъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, дѣйствительно является причиною того, что богослужебная часть въ нашей церковной жизни заняла весьма видное и почетное мѣсто, но оно же, не скроемъ, переходя иногда въ слѣдную привязанность къ буквѣ и обряду, послужило поводомъ для многихъ относиться къ богослужебнымъ порядкамъ совершенно такъ же, съ такою же вѣрою и съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ къ *догмѣ* христіанства, а подчасъ—даже больше того. Для многихъ богослужебный культъ—*святыня*, къ которой не долженъ имѣть доступа пытливый умъ научнаго изслѣдователя съ его тенденціей „развѣнчивать кумиры“. Для другихъ, болѣе свободно настроенныхъ, богослужебный культъ хотя и представляется доступнымъ научному изслѣ-

дованію, но они сторонятся и избѣгаютъ примѣнять къ нему научныя приемы, не безъ причины опасаясь, какъ бы неосторожнымъ прикосновеніемъ научнаго ланцета не задѣть больно *чувства* святыни, особенно нѣжнаго у людей въ той области, которая касается *вѣрованій*, и не оскорбить его, хотя бы и невольно. Чрезвычайно знаменателенъ фактъ, что среди сѣрьезныхъ трактатовъ и изслѣдованій русскихъ выдающихся богослововъ, изслѣдованій по наукѣ православнаго богослуженія такъ мало, что въ ряду прочихъ богословскихъ трудовъ они занимаютъ чуть ли не послѣднее мѣсто. Среди нашей литургической литературы рѣдко можно встрѣтить книгу съ достоинствами настоящаго научнаго изслѣдованія. Казалось бы, и предметъ для научной работы интересенъ (культъ), и западные ученые не успѣли отнять у насъ такого безусловно свѣжаго и новаго матеріала, каковъ литургическій, способный освѣтить многое въ прошлой и современной жизни Востока и Россіи, но... имена работающихъ по наукѣ православнаго богослуженія буквально можно пересчитать по пальцамъ,—такъ ихъ мало.

Условія для начала преобразованій въ сферѣ нашего богослуженія, заключающіяся въ степени подготовленности къ нимъ общества и особенно народной массы, а также въ наличномъ состояніи литургическаго знанія, нельзя пока назвать вполне благоприятными. Неудивительно, что въ памяти многихъ воскресаютъ времена патріарха Никона, какъ только поднимаются разсужденія о богослужебной реформѣ, и умственному взору собесѣдниковъ начинаютъ представляться картины одна другой мрачнѣй и ужаснѣй изъ этой злосчастной эпохи „книжныхъ исправленій“, закончившейся прискорбнымъ отдѣленіемъ отъ Православной Церкви множества живыхъ ея членовъ... Ко временамъ же Никона обращается и наша мысль, когда въ настоящую минуту мы высказываемъ свои думы о *будущемъ* русскаго богослуженія. Мы обращаемся мыслью къ тѣмъ временамъ не для того, однако, чтобы отбить охоту думать о реформѣ, но для того, чтобы въ про-

шломъ найти уроки и руководство для настоящаго, а также и предостеречь будущихъ дѣятелей по устройенію богослужебнаго чина отъ повторенія роковыхъ ошибокъ п. Никона и его сотрудниковъ.

Конечно, времена п. Никона въ многомъ отличаются отъ настоящихъ. Въ прискорбныхъ событіяхъ его эпохи громадная доля отвѣтственности падаетъ на невѣжество тогдашняго общества, при какомъ невѣжествѣ только и возможно проявленіе въ столь рѣзкой формѣ и крайней степени оппозиціи противъ патріарха. Теперешнее состояніе русскаго общества въ отношеніи просвѣщенія куда выше тогдашняго. За два съ половиной столѣтія Россія далеко ушла впередъ. Но... все-таки, въ общей массѣ народа, мы весьма и весьма далеки еще отъ настоящаго просвѣщенія, такого, при которомъ безопасно можно было бы приступать къ реформѣ въ области, столь близкой народному сердцу. Когда готовится, напр., реформа духовно-учебныхъ заведеній или реформа епархіальнаго управленія, можно не считаться съ отношеніемъ къ такого рода реформамъ народа. „Задѣтъ за живое“ народъ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса о типѣ дух.-уч. заведеній или объ устройствѣ епархіальнаго управленія нельзя, и поэтому смѣло можно проводить въ жизнь то, что признано будетъ лучшимъ и необходимымъ. Реформа же богослуженія далеко не безразличный русскому народу предметъ, и вотъ именно потому, что въ храмѣ ему все дорого: и восковая свѣча, и теплющаяся предъ иконою лампада, и куреніе фиміама, и особый характеръ иконописи, и покрой ризъ священнослужительскихъ, и всѣ эти пѣсни и славословія, которыя большинству богомольцевъ извѣстны на память... все это, и многое другое, въ храмѣ дорого народу потому, что со всѣмъ этимъ онъ сжился, тѣсно связался душой, сроднился. Измученный тяжелымъ трудомъ, крестьянинъ отдыхаетъ въ храмѣ. Уставная служба для него—высокое наслажденіе. Не бремя, а отраду даютъ ему далекія паломничества по святымъ мѣстамъ, гдѣ у раки угодника, въ какой-то особенно

благодатной атмосферѣ общихъ усердныхъ моленій, въ ночной тиши, оглашаемой развѣтвіемъ дивнаго, могучаго хора, онъ отрѣшается отъ горькой дѣйствительности, забываетъ ее и вдыхаетъ въ себя новыя силы, которыя такъ нужны ему тамъ, за стѣнами, въ „міру“. Ясно, что реформа богослуженная должна быть исполнена такъ, чтобы новыя порядки, во всякомъ случаѣ, не лишили народъ возможности находить въ храмѣ удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей его души. Пусть богослуженіе, кромѣ молитвенной потребности, удовлетворяетъ и его умственные и эстетическія потребности, особенно—последнія, если взять во вниманіе самый складъ русской природы, живущей въ значительной степени чувствомъ. Какъ это достигнуть, какъ, по требованію времени, сокращая службу въ одномъ случаѣ, въ другомъ—сохранить ея продолжительность, удержавъ лишнія части чиновъ и послѣдовацій въ удовлетвореніе запросамъ другихъ, объ этомъ въ настоящій разъ мы говорить не будемъ; мы ограничиваемъ свою рѣчь общими положеніями.

Противники п. Никона ставили ему въ вину, что подъ его редакціей богослуженные чины утратили благолѣпіе древности и лишились прежней красоты, которая умиляла великихъ угодниковъ Божіихъ и доставляла имъ часы высокихъ духовныхъ наслажденій. Дѣйствительно, въ сравненіи съ болѣе древними службами, никоновскіе чины и послѣдованія замѣтно сокращены, и тотъ поэтический элементъ, который разумѣется подъ словомъ „благолѣпіе“, въ значительной степени умаленъ въ нихъ. Никоновскія книги не удовлетворили современниковъ, потому что не удовлетворяли критерію древности, понимаемому, впрочемъ, узко, —предъявляемому ими къ новоисправленнымъ книгамъ. Дѣло реформы потерпѣло такую жестокую неудачу, что съ той поры до нашего времени не было серьезныхъ попытокъ взяться вновь за исправленіе богослуженныхъ чиновъ и послѣдовацій.

И вотъ теперь, когда вновь возникла мысль о богослуженной реформѣ, и раздаются сильные голоса за ея необхо-

димось, естественно остановиться предъ вопросомъ: что взять *критеріемъ* при производствѣ работъ по исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ? Не примѣнить ли въ наши дни тотъ критерій древности, которымъ руководились (хотя въ ограниченной мѣрѣ) люди стараго времени?—Нѣтъ, какое бы глубокое уваженіе къ древности мы ни питали, все-таки воскресить старину *во всей полнотѣ* уже невозможно, такъ какъ многое въ ней настолько отжило, что перестало бы удовлетворять насъ, если бы искусственнымъ образомъ было возвращено къ жизни. Св. Василій В., очень уважавшій древность, чрезвычайно хорошо выразился объ одномъ епископѣ—читителѣ старины, поставивъ ему въ заслугу, главнымъ образомъ, то, что онъ умѣлъ древность примѣнять къ положеніямъ даннаго времени. Этотъ епископъ былъ, какъ выражается св. Василій В., „стражемъ отеческихъ постановленій, врагомъ новизны, изображавшимъ въ себѣ самомъ видъ древней церкви, приводившимъ ввѣренную ему церковь къ древнему состоянію, какъ бы къ пѣкосу священному образу; такъ что жившіе съ нимъ казались какъ бы жившими съ тѣми, которые за двѣсти и болѣе лѣтъ блистали на подобіе свѣтильниковъ. Поэтому оный мужъ не выдавалъ отъ себя ничего, никакого изобрѣтенія ума, но, по благословенію Моисея, умѣлъ износить изъ тайнъ своего сердца, изъ добрыхъ, т. е., сокровищницъ, *ветхая ветхихъ и ветхая предъ лицемъ новыхъ* (Лев. 26, 10) (Пис. XXVIII). Необходимо съ знаніемъ древности еще соединить умѣніе примѣнять ее къ современности. Очевидно, что и въ области богослужебной реформы долженъ найти въ наше время полное примѣненіе критерій *научнаго знанія*, выражающагося, съ одной стороны, въ знаніи исторіи православнаго греко-россійскаго богослуженія по памятникамъ его, а съ другой—въ знаніи потребностей разныхъ классовъ нашего общества относительно богослуженія.

Итакъ, прежде всего для богослужебной реформы необходимы историческія знанія изъ области науки о православномъ богослуженіи.

Православное греко-россійское богослуженіе имѣеть за собою длинную исторію, и каждый богослужебный чинъ насчитываетъ десятки и сотни памятниковъ, въ которыхъ онъ варіируется, исторически развиваясь и видоизмѣняясь, сообразно съ обстоятельствами времени. Къ дѣлу реформы должны быть привлечены всѣ извѣстные памятники богослуженія греческаго и русскаго, такъ или иначе вліявшіе на созданіе нынѣшнихъ нашихъ богослужебныхъ книгъ: типикона, служебника, требника и др., потому что не только при свѣтѣ исторіи службъ церковныхъ мы въ состояніи будемъ понять смыслъ и значеніе современнаго богослуженія въ цѣломъ и частностяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надлежащимъ образомъ оцѣнить его. Исторія богослуженія лучше всего представитъ намъ и достоинство того литургическаго матеріала, который можетъ быть взятъ въ качествѣ содержанія для вновь составляемыхъ или только вновь редактируемыхъ богослужебныхъ книгъ. А богослужебнаго матеріала такое богатство сохраняется въ древнихъ памятникахъ, что будущимъ дѣятелямъ по реформѣ богослуженія остается выбирать изъ многаго хорошаго—лучшее для нашихъ дней. Научное отношеніе, примѣненное къ дѣлу богослужебной реформы, сообщитъ ей достоинство серьезной работы и избавитъ ее отъ нареканій, подобныхъ тѣмъ, какія сыпались на иконовою реформу, предпринятую мало подготовленными къ ней людьми, особенно если во главѣ дѣла будутъ поставлены авторитетныя въ литургической наукѣ лица, сумѣющія основательно отвѣтить на всѣ возраженія, какія неизбѣжно послѣдуютъ со стороны друзей и враговъ при оцѣнкѣ результатовъ столь серьезной работы, какова работа благоустроенія богослужебнаго чина.

Другое условіе, съ которымъ непременно придется считаться будущимъ дѣятелямъ по реформѣ богослуженія, это—неодинаковое отношеніе къ богослужебному чину различныхъ классовъ общества, вызывающее необходимость со стороны іерархіи церковной разумно примѣняться къ законнымъ тре-

бованіямъ современности и до извѣстной степени удовлетворяютъ имъ. Какъ заслуживаютъ полнаго вниманія къ себѣ усердіе народа къ благоукрашенію храмовъ и любовь его къ продолжительнымъ и благолѣпнымъ монастырскимъ и соборнымъ богослуженіямъ, заставляющая простолюдина издалека приходитъ въ какую-либо славную обитель или древній соборъ, такъ нельзя игнорировать желанія занятыхъ ежедневно, изнурительною работою людей въ большихъ городахъ, да даже и селахъ, имѣть болѣе краткій чинъ богослуженія, вразумительный и благообразный, назидающій богомольцевъ и сообщающій имъ необходимую духовную пищу. Приспособленіе содержанія и продолжительности службъ къ составу молящихся и условіямъ ихъ жизни составляетъ отличительную черту древняго богослуженія на Востокѣ, освященную примѣромъ великихъ отцовъ Церкви. На Востокѣ же, съ древнихъ временъ, установилось различіе въ типиконахъ церквей: соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ—съ весьма крупными отличіями какъ въ отношеніи содержанія, такъ и продолжительности службъ. Приспособляемость къ обстоятельствамъ времени ясно даетъ о себѣ знать и теперь на Востокѣ, а также и въ богослужебной практикѣ славянскихъ земель. Въ предисловіи къ современному греческому, очень сокращенному въ сравненіи съ нашимъ, типикону, переведенному и на славянскій языкъ въ Болгаріи, прямо и рѣшительно говорится (цитируемъ по славянскому переводу): „позволено есть... святѣйшимъ церквей представителемъ... чинорасполагати въ знаніи священный уставъ, по потребамъ время и мѣсть по обстоятельствамъ въ церкви на молитву собравшихся людей...: во иныхъ бо обстоятельствахъ имуть совершати молитву сущіи въ мирѣ и отрадѣ и благостояніи ¹⁾, во иныхъ сущіи въ весехъ и городахъ, а во иныхъ сущіи въ пустыняхъ и въ путешествіяхъ и на войнѣ, во иныхъ во священныхъ обителяхъ живущіи, а во иныхъ иже во от-

¹⁾ Намекъ на угнетенное положеніе восточныхъ церквей.

шельничествѣ и молчаливостѣ, ангельски подвижающіеся“ (стр. 10—11, Терновск. изд. типикона 1890 г.). Между тѣмъ, въ практикѣ Русской Церкви для всѣхъ храмовъ является *de jure* обязательнымъ одинъ *монастырскій* уставъ, столько уже времени регулирующий наше благослуженіе. Удивительно ли, что при разсужденіяхъ о богослужебной реформѣ невольно возникаетъ вопросъ: какъ лучше провести въ жизнь новые богослужебные порядки,—такъ, чтобы они не вызвали огорченія у тѣхъ, кто привыкъ къ старинѣ? Вопросъ этотъ большой важности, и надъ тѣмъ, какъ приготовить общество къ богослужебной реформѣ, слѣдуетъ серьезно подумать.

Н. Пальмовъ.

Вѣротерпимость и наши дѣла и обязанности во имя ея.

(Окончаніе¹⁾).

Обязывая къ снисходительности въ отношеніи къ заблуждающимся по вѣрѣ и къ братолюбивому общенію съ ними въ дѣлахъ житейскихъ, вѣротерпимость не должна переходить въ насъ въ безразличное отношеніе къ своей и чужой вѣрѣ, а тѣмъ болѣе въ предпочтеніе нашей вѣрѣ вѣровавній иныхъ. Истинная вѣротерпимость никакъ не заключается въ равнодушномъ созерцаніи религіознаго заблужденія, образчиковъ котораго представляютъ такъ много окружающія насъ старообрядчество и сектантство. Пусть они претендуютъ на обладаніе истиной и отказываютъ въ ней нашей православной вѣрѣ. Насъ не должно смущать это. Сколько враговъ у православной вѣры перебивало за время почти двухтысячелѣтняго существованія ея; одни исчезали, появлялись другіе, какъ бы наперерывъ стремясь расхитить ея достояніе. И

¹⁾ См. № 7-й за 1906 г.

что же? Православная вѣра всѣхъ ихъ пережила. Одни ложныя ученія и секты совсѣмъ исчезли, затерявшись даже въ исторической памяти людей,—а отъ другихъ дошли до насъ едва замѣтные остатки, о которыхъ мало кто знаетъ и которые, во всякомъ случаѣ, не производятъ вліянія на современную жизнь. Пусть пока мы не имѣемъ еще основаній предвидѣть и предсказывать ту же участь нашимъ старообрядчеству и сектантству. Но остановить ростъ ихъ—дѣло, во всякомъ случаѣ, отъ насъ зависящее, такъ какъ они распространяются и усиливаются на нашъ счетъ, на счетъ послѣдователей православной вѣры, и отъ насъ зависитъ положить предѣлъ этому усилению ихъ. Всмотримся, въ самомъ дѣлѣ, принадлежитъ ли имъ та сила, которою они хотятъ завлечь насъ, есть ли у нихъ признаки исповѣданія или Божественной истины, на обладаніе которой они претендуютъ? О чемъ свидѣтельствуетъ это постоянное дробленіе ихъ на мелкіе толки и секты, которые находятся между собою во враждѣ, сами себя обличаютъ и опровергаютъ, въ которыхъ что-либо, признанное вчера за истину одними, сегодня отвергается другими, какъ ложное? Не ясный ли это показатель того, что въ нихъ Божественной истиной объявляются частныя человѣческія мнѣнія, которыхъ можетъ быть многое множество, но изъ которыхъ каждое въ отдѣльности, какъ и всѣ они вмѣстѣ, далеки отъ истины? Не показатель ли это того, что они своимъ человѣческимъ лжемудрованіемъ расхищаютъ ту единую истинную вѣру христіанскую, о которой апостолы говорили, какъ объ „однажды преданной святымъ“ (Іуд. 1, 3 ст.), которую заповѣдали христіанамъ сохранять (2 Сол. 2, 15; 1 Кор. 11, 2),—за которую заповѣдали подвизаться (Іуд. 3 ст.)? Вотъ эту-то вѣру, истинную и святую, свято и неизмѣнно хранить. Православная Церковь вездѣ, гдѣ она имѣетъ своихъ членовъ, къ какимъ бы племенамъ и народамъ они ни принадлежали. Ее должны хранить, должны за нее подвизаться и мы, члены Церкви Православно-русской. Это наша обязанность, возла-

гаемая на насъ долгомъ вѣротерпимости. Мы не должны поступаться даже въ маломъ своими религіозными вѣрованіями, сколько бы ни старались враги нашей вѣры подорвать въ насъ уваженіе къ нимъ. Должны возбуждать въ себѣ религіозное одушевленіе ревностнымъ исполненіемъ установленій нашей вѣры, поддерживать въ себѣ пламень этого одушевленія участіемъ въ общественной молитвѣ, заботливостью о храмѣ и проведеніемъ установленныхъ Церковью дней радости и поста въ духѣ ея ученія. Пусть разномыслящіе съ нами въ вѣруъ возстають противъ нашихъ обрядовъ, видя въ нихъ искаженіе истинной вѣры. Мы не должны смущаться и этимъ. Не потому ли они и возстають, что замѣчаютъ въ насъ оскуднѣніе уваженія къ нимъ и ревности въ исполненіи ихъ? Обряды есть и у сектантовъ, только гораздо менѣе совершенные, чѣмъ обряды наши, надъ развитіемъ и усовершенствованіемъ которыхъ Церковь трудилась цѣлые вѣка. Безъ обрядовъ человѣкъ, какъ состоящій изъ души и тѣла, и обойтись не можетъ; свое религіозное настроеніе онъ необходимо выражаетъ во внѣ, въ какихъ-либо доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ проявленіяхъ. Трудно понять, какъ и чѣмъ обряды наши могутъ исказить христіанскую вѣру, если они выражаютъ свѣтыя истины ея и выражаютъ съ такою силою, которая производитъ неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ, кто впервые знакомится съ нашимъ богослуженіемъ, каковы, напр., иностранцы. Намъ самимъ хорошо извѣстны молитвенные восторги, несомнѣнно пережитые въ храмѣ каждымъ изъ насъ хоть разъ въ своей жизни, хотя бы, напр., въ пору юнаго дѣтства. Обряды наши не отнимали у Церкви силы нравственнаго вліянія на своихъ членовъ, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ ея исторія. Церковь воспитала величайшихъ свѣтильниковъ вѣры, которые, казалось, отличались всѣми добродѣтелями, доступными человѣку, и богатство любви которыхъ не знало, казалось, предѣловъ для своего проявленія. Таковы всѣ, вообще, общіе и наши русскіе угодники, которыхъ, скажемъ словами апостола, „не былъ достоинъ весь міръ“

(Евр. 11, 38). Развѣ и намъ всѣмъ не извѣстно, что такое и въ чемъ должны заключаться: любовь, правда, честность, кротость, воздержаніе, милосердіе и пр. христіанскія добродѣтели? Если жизнь наша скудна ими, то повинна въ этомъ не вѣра православная, а сами мы виновны въ томъ, что слабо слѣдуемъ наставленіямъ вѣры. Однако же, сознавая святость и чистоту ея, послѣдователи и исповѣдники ея свято должны хранить свою вѣру, какъ драгоценное сокровище, и не отказываться отъ нея даже и въ томъ случаѣ, если бы исповѣданіе ея угрожало имъ потерю благополучія и даже самой жизни. Въ наше время, впрочемъ, православнымъ христіанамъ угрожаютъ не столько эти страшныя опасности, сколько искушенія другого рода. Преданность ихъ вѣрѣ испытываютъ обѣщаніемъ выгодъ и утѣхъ земныхъ за измѣну ей. Люди шаткіе и неутвержденные въ вѣрѣ и страдающіе земными пристрастіями незамѣтно для самихъ себя поддаются соблазну и постепенно, сами того не замѣчая, шагъ за шагомъ все ближе и ближе подходятъ къ роковому и преступному моменту, дѣлающему измѣну ихъ вѣрѣ полною и рѣшительною. Чего, напр., стоитъ вмѣсто храма пойти въ театръ или въ веселую компанію знакомыхъ и товарищей? Это представляется совсѣмъ невиннымъ и практикуется у насъ часто. Отъ этого не удерживаютъ часто ни родители—своихъ дѣтей, ни воспитатели—своихъ учениковъ. Между тѣмъ это преступно. Эти т. наз. *малые грѣшки* подтачиваютъ уваженіе къ вѣрѣ, развиваютъ холодность къ ней и становятся причиною крупныхъ паденій. Нашъ братскій долгъ поддержать слабыхъ въ вѣрѣ, которымъ угрожаетъ соблазнъ измѣны ей, раскрыть имъ преступность и опасность пути, на которомъ они стоятъ. Никто не долженъ думать, что это дѣло однихъ пастырей; нѣтъ, это—общее дѣло. Всѣ призваны, по наставленію апостола, „другъ друга тяготы носить“, и каждый изъ насъ, какъ говоритъ Писаніе, „вспомоществуемый братъ отъ брата“, только въ томъ случаѣ и „стоитъ, какъ твердый городъ“. Въ отношеніи дѣтей и млад-

шихъ возрастомъ забота о чистотѣ ихъ вѣры и крѣпости ея въ нихъ составляетъ прямой долгъ родителей и старшихъ поколѣній.

Долгъ вѣротерпимости, призывая православнаго христіанина стать на защиту своей вѣры во всѣхъ случаяхъ тайнаго и явнаго нападенія на нее, глумленія или оскорбленія ея со стороны разномыслящихъ съ нимъ въ вѣрѣ, повелѣваетъ ему держать себя съ кротостью, отличающею истиннаго послѣдователя ученія Христова, и не отвѣчать безумному противнику вѣры по безумію его рѣчей и дѣлъ. Неискусность простыхъ вѣрующихъ въ словопреніяхъ должна имъ подсказать необходимость воздержаться отъ бесплоднаго спора и тѣмъ оберечь въ своей душѣ миръ и сознаніе правоты своей вѣры, а въ случаяхъ посѣянной проповѣдникомъ иной вѣры искры сомнѣнія въ правотѣ его исповѣданія — довѣрчиво обратиться за поддержкою въ вѣрѣ и за разъясненіемъ сомнѣнія къ своему духовному отцу или болѣе крѣпкому въ разумѣніи религіи брату. Многихъ губить это часто поспѣшное и обманчивое довѣріе своему разуму въ способности его самостоятельно разобраться въ трудныхъ вопросахъ религіи, безъ совѣта съ людьми свѣдущими. Людей, въ вѣрѣ ревностныхъ, не должны оставлять кротость и незлобіе, какихъ бы дикихъ и грубыхъ проявленій изувѣрства и глумленія надъ ихъ вѣрою они ни были свидѣтелями. „Самъ Богъ мира, Спаситель нашъ, скажемъ словами св. Златоуста, „изгнавшій бѣсовъ и совершавшій множество добрыхъ дѣлъ, не ниспослалъ молніи“ не только на непринявшихъ Его жителей одного самарянскаго селенія, но и на самыхъ поносителей Своихъ ¹⁾. „Душа апостола (Павла), говоритъ тотъ же отецъ Церкви, въ подтвержденіе нашей мысли, пламенѣла ревностью, когда онъ говорилъ: „я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ“ (Римл. 9, 3). И однако, имѣя такую любовь къ Христу, апостоль никого не

¹⁾ Слова и бесѣды на разн. случ., т. I, стр. 370.

подвергалъ ни обидѣ, ни принужденію,--- иначе онъ не привелъ бы къ Богу столько людей и цѣлыхъ городовъ. Но, подвергаясь самъ униженію, бичеванію, заушенію, посмѣянію ото всѣхъ, онъ совершалъ такіа дѣла, оказывая снисхожденіе, убѣждая, умолая“¹⁾. И такъ поступалъ не одинъ Павелъ, а всѣ апостолы. Они „побѣдили вселенную... страдая, а не причиняя страданій, будучи поражаемы, но—не поражая, подвергаясь злоумышленію, но—не злоумышляя, терпя удары, а не нанося удары, будучи преслѣдуемы, но не преслѣдуя“²⁾. Иные изъ современныхъ намъ братьевъ нашихъ по вѣрѣ, не споя безчипствъ, наносимыхъ имъ сектантами, платятъ имъ тѣмъ же и склонны оправдывать свое поведеніе ревностью по вѣрѣ. Примѣры Христа и апостоловъ могутъ имъ показаться слишкомъ высокими, чтобы они вмѣнили себѣ въ обязанность слѣдовать имъ. Тогда изъ исторіи Церкви можно привести уже вполне убѣдительныя и назидательныя для нихъ примѣры—уроки. Незадолго до дарованія христіанству полной свободы, слѣдовательно—въ началѣ 4-го вѣка, одну дѣвицу въ Римѣ, христіанку, привели къ языческому судѣ, который заставлялъ ее принести жертву стоявшему тутъ идолу. Дѣвица эта въ своей ревности не только отказалась принести жертву, но и идола разбила, за что и была замучена. Послѣ этого случая одинъ западный соборъ постановилъ, что если кто будетъ убитъ язычниками за то, что разрушалъ ихъ идоловъ, такого послѣ смерти не считать въ числѣ мучениковъ: „ибо, говорить соборъ, такое разрушеніе ни въ Евангеліи не предписано, ни сами апостолы никогда этого не дѣлали“³⁾. Или вотъ другой случай, бывшій въ Александріи, вѣкомъ позднѣе. Тамъ преподавала философію одна языческая женщина, по имени Ипатія. Люди съ горячими головами“, какъ выражается древній церковный

¹ и ²⁾ См. въ чтеніи проф. В. Θ. Кипарисова „О вѣротерпимости“. Правосл. Обзор. 1833 г. т. II, стр. 99—100.

³⁾ См. тамъ же, стр. 92—93.

историкъ (Сократъ), рассказывающій объ этомъ случаѣ, воображали, что она вредить мѣстному епископу Кириллу (извѣстному). Однажды они подстерегли ее, „притащили къ Церкви и здѣсь убили“. „Это, говоритъ историкъ, причинило немало скорби и Кириллу и церкви Александрійской, ибо убійство, распри и все тому подобное совершенно чуждо мыслящимъ по духу Христову“¹⁾. Итакъ, ясно, что никто изъ православныхъ христіанъ, какъ бы ни былъ ревностенъ въ вѣрѣ, не долженъ на насиліе разномыслящихъ въ ней отвѣчать насиліемъ. Это противно духу православной вѣры. Этого никто не долженъ допускать, какъ бы ни трудно было сдержатъ себя,—во имя и собственнаго своего спасенія, и вразумленія заблуждающихся, которыхъ ничто такъ не можетъ влечь къ истинѣ, какъ именно кротость и незлобіе исповѣдниковъ ея. И послѣдніе нигдѣ такъ настойчиво не призываются проявить величіе своего духа, просвѣтленнаго вѣрою, какъ именно въ случаяхъ открытаго поруганія ея.

Но не въ этихъ только случаяхъ, а и въ повседневной своей жизни и тогда, когда послѣдователь православной вѣры не сталкивается съ фактами открытаго возстанія на нее, онъ обязанъ распространять вокругъ себя свѣтъ ея, помня, что враги вѣры видятъ его, слѣдятъ за нимъ и могутъ соблазниться его шаткимъ и недостойнымъ исповѣданіемъ своей вѣры и оттого только еще больше стануть крѣпнуть въ своемъ заблужденіи и отверженіи ея. По долгу вѣротерпимости, онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ созерцателемъ религіозныхъ заблужденій, какія окружаютъ его, а долженъ стремиться разсѣять ихъ и внести свѣтъ истины, свѣтъ вѣры своей, въ среду заблуждающихся относительно ея. Конечно, не всѣ изъ насъ, христіанъ православныхъ, могутъ¹⁾ быть миссіонерами своей вѣры, хотя никто не можетъ и не долженъ уклоняться отъ обязанности посильнаго вразумленія заблуждающихся, особенно если встрѣчаетъ таковыхъ въ до-

¹⁾ Сократъ, исторія въ русск. перев., стр. 526.

машнемъ кругу или въ кругу своихъ знакомыхъ. Но въ общемъ распоряженіи нашемъ есть гораздо болѣе могущественныя средства вразумленія, чѣмъ устное наставленіе или проповѣдь,—такія средства, безъ которыхъ и проповѣдь осталась бы пустымъ звукомъ. Средства эти—молитва и добрая, согласная съ ученіемъ вѣры, жизнь. Во имя любви христіанской, питая въ себѣ живое состраданіе къ заблуждающимся въ вѣрѣ, православный христіанинъ долженъ молиться за нихъ, прося Господа объ обращеніи ихъ на путь истины и добра. Къ этому средству вразумленія прибѣгали, даже всегда имъ пользовались, и тѣ люди, которые въ совершенствѣ, доступномъ человѣку, обладали способностью устнаго наставленія въ вѣрѣ. Св. Василиій Великій, о дружбѣ котораго съ ученымъ евреемъ-врачемъ мы упоминали выше, ничѣмъ другимъ, какъ именно молитвой, обратилъ ко Христу своего невѣровавшаго друга. Рассказываютъ, что святой отецъ, заболѣвъ предсмертною болѣзью, позвалъ къ себѣ этого врача-еврея. Пришедшій врачъ сказалъ болящему святителю, что онъ не увидитъ слѣдующаго утра. „Что же?—говорилъ умирающій: „а если я проживу и до завтрашняго полудня“? Тогда, отвѣчалъ еврей, я готовъ самъ умереть. Но Василиій Великій взялъ обѣщаніе съ еврея не умереть, конечно, а принять крещеніе въ случаѣ, если онъ доживетъ до утра. Самъ же, сложивъ охладѣвающія руки свои, произнесъ слѣдующую молитву: „Господи Іисусе! Ты, даровавшій этому бѣдному тѣлу жизнь и дыханіе, чтобы я употреблялъ силы мои на обращеніе душъ человѣческихъ, даруй теперь умирающимъ членамъ моимъ еще нѣсколько часовъ жизни, дабы душа этого человѣка сдѣлалась участницею Твоего спасенія и блаженства!“ Молитва была услышана: св. Василиій Великій пережилъ и утро и слѣдующій день, а еврей крестился ¹⁾...

¹⁾ Чтеніе проф. Кипарисова „О вѣротерпимости“, Правосл. Обзор. 1833 г., т. II, стр. 113.

Столь же могущественнымъ средствомъ для обращенія заблуждающихся въ вѣрѣ является добрая, согласная съ ученіемъ и правилами православной вѣры, жизнь ея послѣдователей. Св. Іоаннъ Златоустъ, обращаясь къ мірянамъ съ просьбою оказать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ язычниками, просилъ ихъ вліять на послѣднихъ не проповѣдью, а жизнью. „Окажите мнѣ, говорилъ онъ, содѣйствіе въ борьбѣ съ ними, обращая и привлекая ихъ къ намъ жизнию“¹⁾. „Никто не остался бы язычникомъ, разъяснилъ онъ своимъ слушателямъ, если бы мы были христіанами, какъ слѣдуетъ быть... Если бы мы соблюдали заповѣди Христовы, будучи укоряемы—благословляли, терпя обиды—воздавали бы добромъ; если бы всѣ такъ вели себя, то никто не былъ бы столь дикимъ, чтобы не обратиться къ истинной вѣрѣ. И чтобы вы узнали это, покажу вамъ примѣръ: одинъ былъ Павелъ и сколько людей привлекъ къ себѣ! Если бы всѣ мы были такими, то сколько вселенныхъ мы обратили бы“²⁾! Слова великаго отца Церкви выражаютъ святую истину и имѣютъ полное приложеніе къ нашему времени. Если бы всѣ мы, скажемъ о себѣ этими словами, были истинными христіанами, какъ слѣдуетъ быть, всѣхъ или очень многихъ отступниковъ отъ нашей вѣры мы привлекли бы къ себѣ. Взирая на нашу жизнь такъ, какъ она есть, они, должны мы сознаться, мало видятъ въ ней того, чему бы они могли подражать, чѣмъ могли бы увлекаться. Видятъ, что мы и не трезвенны, и невоздержны, и мало нравственны, и недостаточно-религіозны. Видятъ, что мы столько же, если не болѣе, пристрастны къ деньгамъ, какъ и они. Охваченные и одушевленные интересами распространенія своей вѣры, рекламировать которую они хотятъ всѣми способами, они подчасъ бываютъ болѣе религіозны и нравственны, чѣмъ мы. „Ради чего же, спросимъ словами

¹⁾ Бесѣд. на 1 посл. къ Коринѣ., русск. перев. СПб. 1858 г., ч. I, стр. 69, ср. стр. 48

²⁾ Бесѣд. на 1 посл. къ Тим., стр. 140.

того же св. отца, они почувствуют уваженіе къ нашей вѣрѣ? Ради знаменій? Но ихъ уже больше нѣтъ. Ради жизни ли праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но¹⁾... такъ мало - значительны проявленія ея въ нашей жизни... Мы можемъ сослаться, какъ и ссылаемся, на то, что у насъ были и есть великіе мужи, воспитанные нашею вѣрою, и не всѣ же мы таковы, что только способствуемъ униженію своей вѣры недостойными ея дѣлами. Но эти доводы болѣе убѣдительно для насъ, чѣмъ для нихъ. Скорѣе въ нашихъ глазахъ они поддержать достоинство нашей вѣры, чѣмъ въ нихъ возбудятъ уваженіе къ ней, потому что они не хотятъ знать прошлаго въ жизни нашей Церкви и судятъ о ней по ея малоотрадному настоящему. Они именно отъ насъ и въ данное время требуютъ, чтобы мы фактически и дѣятельно, въ самой жизни своей, воплощали тѣ святые и высокія начала своей вѣры, о которыхъ проповѣдуемъ на словахъ. Они требуютъ отъ насъ показать имъ вѣру нашу въ дѣлахъ нашихъ (Іак. 2, 18). И мы должны это сдѣлать, должны сдѣлать немедленно, дабы не сдвинулся свѣтильникъ нашъ—вѣра православная—съ мѣста своего для тѣхъ, кому онъ пока еще свѣтитъ,—дабы не лишились свѣта его спотыкающіеся въ вѣрѣ, выбросившись за бортъ корабля Церкви Христовой въ море безвѣрія, религіозныхъ заблужденій и страстей... Изъ нашей среды должны выдѣлиться люди, сильные вѣрою, и выйти на служеніе слабымъ въ ней. Трудно вѣдь найти человѣка, который не желалъ бы быть добрымъ и честнымъ, не хотѣлъ бы быть вѣрующимъ. Большинство не становятся таковыми за недостаткомъ своихъ личныхъ усилій, требующихъ поддержки и подкрѣпленія доброю помощію со стороны ближнихъ. Пришла пора къ заботамъ о личномъ спасеніи присоединить заботы объ оздоровленіи общественной жизни. Сознаніе необходимости дружными усиліями остановить упадокъ общественной правственности и вызвать къ жизни

¹⁾ Тамъ же:

дѣятельности святаго начала вѣры и любви христіанской, заглушаемыя и подавляемыя безрелигіознымъ и чувственно-эгонстическимъ направленіемъ нашего времени, уже есть въ нашемъ обществѣ. Это именно сознаніе вызвало на свѣтъ появленіе различнаго рода союзовъ христіанской взаимопомощи въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго совершенствованія человѣка. Разумѣемъ общества трезвости, трудолюбія, союзы христіанской молодежи, общества попеченія о надпсихъ женщинахъ и пр. т. п.,—словомъ, всѣ тѣ общества, которыя ставятъ своею задачею борьбу съ пороками, развѣдающими общественный организмъ,—будетъ ли то пьянство, развратъ или тунеядство, а также и тѣ общества, которыя борются съ нищетой и заботятся о христіанскомъ воспитаніи безпріютныхъ дѣтей—подкидышей и сиротъ. Всѣ подобныя союзы должны пользоваться широкимъ сочувствіемъ нашего общества и привлекать изъ нашей среды какъ можно больше дѣятелей и соревнователей. Для выполненія высокихъ обязанностей нашей вѣры намъ поодиночкѣ недостаетъ именно вдохновенія и энтузіазма, недостаетъ того высокаго религіозно-нравственнаго настроенія, которое одно рождаетъ героевъ вѣры и добраго дѣла и которое иптается взаимобиченіемъ людей, объединенныхъ однимъ стремленіемъ и одной задачей. Для поднятія въ каждомъ изъ насъ этого святаго одушевленія желательно, чтобы въ нашемъ обществѣ образовывались такіе союзы и содружества, въ которыхъ люди, связанные отношеніями родства или знакомства, давали бы взаимное обязательство исполнять, по мѣрѣ силъ, обязанности вѣры и установленія Церкви, освѣжать и развивать религіозное чувство участіемъ въ общественной молитвѣ и чтеніемъ назидательныхъ книгъ, оставлять дурныя привычки и наклонности и воспитывать въ себѣ чувство христіанской благожелательности и любви опытами дѣйствительнаго упражненія своей воли въ дѣланіи добра. Чего одинъ человѣкъ не въ состояніи сдѣлать для своего религіозно-нравственнаго совершенствованія, то онъ сдѣлаетъ съ помощью и поддержкой

другихъ. А такимъ путемъ возвысится и облагородится по духу вѣры Христовой какъ личная, такъ и общественная наша жизнь. Указанный способъ поднятія религіозно-нравственной жизни общества на подобающую ей высоту освященъ исторіей и именно исторіей здѣшняго края. Въ эпоху польско-католическаго возстанія здѣсь на православную вѣру что спасло еѣ, какъ не религіозныя братства, въ которыхъ люди различнаго званія и состоянія соединились для борьбы за вѣру и отстаивали еѣ издапіемъ полезныхъ книгъ, устройствомъ религіозно-пазидательныхъ чтеній, поддержкой слабыхъ въ вѣрѣ частными вразумленіями, вообще—дѣятельнымъ и всестороннимъ просвѣщеніемъ людей въ духѣ православной вѣры? Въ здѣшнемъ краѣ существовали также въ то время и много позднѣе такъ называемые цехи, т. е. братства ремесленниковъ, которыя, кромѣ своихъ профессионально-ремесленныхъ цѣлей, преслѣдовали и цѣли религіозно-нравственныя: заботились о храмѣ, наблюдали за поведеніемъ своихъ членовъ и сами судили допуславшихъ преступленія и проступки. Наконецъ, здѣсь же были и болѣе легкія, чисто приходскія, братства, воспоминаніе о которыхъ сохранилось до сего времени въ одномъ благочестивомъ обычаѣ, наблюдаемомъ въ нѣкоторыхъ селахъ. Этотъ обычай состоитъ въ томъ, что въ иныхъ селахъ міряне,—не всѣ, а нѣкоторые,—являются по праздникамъ въ храмъ съ большими восковыми свѣчами собственнаго изготовленія и держатъ ихъ въ своихъ рукахъ возженными во время совершенія службы. Это—такъ называемые братчики. Они составляютъ остатокъ и пережитокъ нѣкогда весьма дѣятельнаго братскаго союза прихожанъ, посвятившаго свои силы заботамъ о процвѣтаніи вѣры и доброй нравственности въ своемъ приходѣ. Возродить подобныя союзы и оживить ихъ полезную дѣятельность настолько необходимо въ наше время, когда не меньше, чѣмъ прежде, вѣра православная нуждается у насъ въ поддержкѣ, а жизнь ея послѣдователей—въ возвышеніи и благоженіи.

Въ заключеніе своей бесѣды мы считаемъ долгомъ сказать, что всѣ союзы и содружества христіанской взаимопомощи въ дѣлѣ ;религіозно-нравственнаго совершенствованія человѣка и обновленія общества, возникновеніе и распространеніе которыхъ весьма желательны и необходимы, должны открываться и дѣйствовать съ благословенія Церкви и подъ ея руководствомъ. Только подъ покровомъ Церкви они могутъ правильно развиваться и процвѣтать, предохраняемые ею отъ ошибокъ въ направленіи своей дѣятельности, свойственныхъ человѣческой ограниченности. Слѣдовательно, только тогда они снимутъ съ нея поношеніе въ оскудѣніи животворящаго духа и силы, которое въ глазахъ враговъ вѣры навлекли на Церковь худыя дѣла и жизнь современныхъ членовъ ея. И потому только тогда эти содружества станутъ для отступниковъ вѣры и Церкви тою силою, которая будетъ пробуждать въ нихъ уваженіе къ нашей вѣрѣ и привлекать ихъ къ соединенію въ ней съ нами подъ кровомъ покинутой ими матери—нашей Православной Церкви. *А. Волгинъ.*

Мастыр-страдалецъ.

Въ „Таврическихъ Церк.-Общ. Вѣстникъ“ (№ 3 т. г.) свящ. В. Никольскій сообщаетъ подробности объ убійствѣ въ с. Алушкѣ, 29 дек. 1905 г. тамошняго священника о. *Владимира Тропольскаго*, краткое извѣстіе о чемъ облетѣло газеты и вызвало во многихъ и многихъ читателяхъ вмѣстѣ съ чувствомъ ужаса, негодованіе противъ безчеловѣчныхъ убійць, совершенно потерявшихъ совѣсть и дерзнувшихъ поднять руки на *служителя алтаря Господня!*

Вотъ что пишетъ о. В. Никольскій.

Жизнь о. Владимира въ послѣдніе два—три мѣсяца протекла неспокойно Въ это тревожное время, когда „освободительное движеніе“ открыто приняло насильственный революціонный характеръ, когда люди крайнихъ партій, ничѣмъ не

стѣсняясь, особенно сильно вели свою пронаганду въ Ялтѣ и ея окрестностяхъ, призывая народъ къ борьбѣ съ правительствомъ и вооруженному возстанію, — о. Владиміръ, по долгу гражданина и пастыря, смѣло выступилъ со словомъ обличенія этихъ людей. Гдѣ только представлялся удобный случай и возможность, онъ убѣждалъ народъ не увлекаться льстивыми и заманчивыми рѣчами этихъ людей, не участвовать въ гибельныхъ для государства забастовкахъ, уяснялъ истинное значеніе манифеста 17 октября, призывалъ принять съ благодарностію дары, возвѣщенные этимъ манифестомъ, призывалъ свою паству къ миру и спокойствію. Приходилось о. Владиміру иногда бывать на митингахъ крайнихъ партій; здѣсь онъ не оставался нѣмымъ слушателемъ, просилъ себѣ слова, въ которомъ увѣщевалъ собравшихся слушателей не вѣрить заманчивымъ рѣчамъ ораторовъ, не увлекаться несбыточными ихъ мечтаніями. Такая дѣятельность о. Владиміра была, разумѣется, не по сердцу приверженцамъ крайнихъ партій. Послышались угрозы ему; получены были имъ письменныя предупрежденія. О. Владиміръ пересталъ бывать на митингахъ, но не пересталъ говорить съ церковнаго амвона своей паствѣ о мирѣ, любви и спокойствіи. Въ виду недобрыхъ слуховъ и угрозъ, жена о. Владиміра и близкія къ нему лица просили его болѣе не говорить на темы политическаго характера, умолкнуть въ это неспокойное время, пожалѣть себя и своихъ маленькихъ дѣтей. Но онъ, оставаясь непреклоннымъ, отвѣчалъ имъ: „если пастыри въ такую тяжелую минуту не будутъ отвлекать свою паству отъ неправыхъ путей, то кто же вмѣсто нихъ можетъ это сдѣлать?“ Тѣмъ не менѣе о. Владиміръ предчувствовалъ что-то неладное, недоброе. Незадолго до наступленія Рождественскихъ праздниковъ онъ купилъ револьверъ, кое-какіе сдѣлалъ запоры къ дверямъ своего дома, ветхаго и покосившагося, ни днемъ, ни ночью не запиравшагося. Наступили праздники. По слухамъ, о. Владиміръ въ первый день праздника получилъ отъ неизвѣстныхъ людей письмо, въ которомъ они поздравляли его съ праздни-

комъ и обѣщались прійти къ нему въ скоромъ времени въ гости. Послѣднія двѣ ночи о. Владиміръ, ложась спать, клалъ подъ подушку револьверъ, чего онъ никогда прежде не дѣлалъ. Но револьверъ оказался ненужнымъ. Недобрые люди, дѣйствительно, пришли къ нему, — пришли не ночью, а въ шесть часовъ вечера, появились неожиданно и, какъ вихрь, сдѣлавъ въ пять-шесть минутъ свое злое дѣло, исчезли. 28 декабря, отслуживъ вечерню, о. Владиміръ въ 5 часовъ вечера возвратился въ домъ; послѣ вечерни къ нему зашелъ о. діаконъ Макаренко. Пилился чаю. Передавъ о. діакону документы для годовой отчетности по церкви и отпустивъ его, о. Владиміръ изъ столовой перешелъ въ свой кабинетъ, сѣлъ возлѣ конторки и сталъ раскрывать книгу съ цѣлію заняться по греческому языку съ своимъ старшимъ сыномъ; въ двухъ шагахъ отъ него на диванчикѣ помѣстилась жена съ двумя маленькими дѣтьми; двое другихъ дѣтей остались въ столовой. Въ то время, какъ о. Владиміръ раскрывалъ книгу, слышался шумъ и говоръ во входныхъ дверяхъ коридора, ведущихъ во дворъ. Прислуга, 17-лѣтняя дѣвушка, въ это время отправлялась набрать изъ фонтана воды. Встрѣтивъ въ коридорѣ трехъ неизвѣстныхъ ей людей, она спросила ихъ: „что вамъ нужно?“ — „Батюшка дома?“ отвѣчали ей. — „Дома, — не входите; я доложу батюшкѣ.“ Но люди эти, оттолкнувъ прислугу со словами: „ты намъ не нужна“, слѣшно направились въ комнату, ведущую въ кабинетъ, возлѣ раскрытыхъ дверей котораго въ полуоборотъ сидѣлъ батюшка. Вслѣдъ за людьми вошла и прислуга. На бѣгу одинъ изъ людей, по словамъ прислуги, опустилъ руку въ карманъ и что-то вынулъ изъ него. Одинъ мигъ — люди очутились возлѣ батюшки. Батюшка приподнимаясь спросилъ ихъ: „что вамъ, голубчики, нужно?“ Въ это время одинъ изъ злодѣевъ набросился на батюшку и ударилъ въ плечо. Батюшка оттолкнулъ его назадъ, въ комнату, сосѣдную съ кабинетомъ, и самъ сюда выбѣжалъ; здѣсь завязалась борьба безоружнаго съ тремя вооруженными злодѣями. Батюшка успѣлъ одного

изъ нихъ повалить на полъ. Тогда послѣдовалъ окрикъ: „боевая дружина, на помощь!“ Борьба длилась недолго: батюшка упалъ отъ ударовъ кинжала на полъ и скоро умолкъ. Одинъ изъ злодѣевъ, наклоняясь къ батюшкѣ, сказалъ: „батюшка, простите!“ Послѣдовалъ отвѣтъ: „Богъ проститъ“. Вслѣдъ за этимъ совершилось ужасное надругательство—послѣдовалъ еще ударъ кинжаломъ. Матушка въ это время стояла въ кабинетѣ точно окаменѣлая. Малютки упрятались между складками платяя ея, дрожа отъ страха. Одинъ постарше, 7 лѣтній, вскочилъ на подоконникъ, стараясь укрыться за занавѣсью. Средній, девятилѣтній мальчикъ, вздумалъ выбѣжать изъ залы въ окно на терасу. Но тутъ у окна онъ встрѣтилъ двухъ людей, крикнувшихъ ему: „назадъ!“ Старшій, 11-лѣтній мальчикъ, въ испугѣ бросился въ кухню, въ подвальный этажъ, и выбѣжалъ на улицу. То же сдѣлала и горничная, выпрыгнувъ изъ окна кухни. Они бѣгомъ устремились къ сосѣднимъ домамъ, крича дорогою о случившемся и взывая о помощи. Покончивъ съ батюшкою, злодѣи отправились къ матушкѣ и приставилъ къ ея груди окровавленный кинжалъ. Матушка очнулась. „Вамъ деньги нужны? закричала она: я вамъ все—все отдамъ: мужа убили,—можете и меня убить; только моихъ малютокъ не трогайте!“ Въ это время подбѣгаетъ къ ней другой, беретъ ее за руку, цѣлуетъ руку и говоритъ: „прости, матушка: успокойся, мы тебя не тронемъ, не тронемъ и твоихъ дѣтей“. Матушка отправилась къ комоду, достала завязанные въ двухъ платочкахъ деньги и передала злодѣямъ, сказавъ имъ: „вотъ всѣ деньги, которыя я имѣю; теперь можете, если не вѣрите, убить меня“. Денегъ взято около 250 р.; изъ нихъ около 150 рублей составлялъ мѣсячный доходъ причта, а остальные 100 р. въ этотъ день случайно получены о. Владиміромъ изъ майората Воронцова—Шувалова. Получивъ деньги, злодѣи поспѣшно стали удаляться. Изъ вещей они ничего не взяли, не рылись въ комодахъ, не взяли золотыхъ часовъ и цѣпочки, висѣвшихъ на груди о. Владиміра. Вслѣдъ за убѣгавшими злодѣями вы-

бѣжала и матушка изъ дома и, видя удаляющихся отъ дома людей и не вѣдая, что они убійцы ея мужа, кричала имъ: „доктора, доктора позовите!“ Въ это время направлялись къ дому о. Владиміра другіе люди (которыхъ оповѣстили горничная и сынъ покойнаго о. Владиміра), вооруженные револьверами. Встрѣчаютъ они этихъ людей и, не зная также что они убійцы о. Владиміра, пропускаютъ мимо. Встрѣтивъ матушку, они идутъ къ о. Владиміру, застаютъ его буквально плавающимъ въ крови, бережно приподнимаютъ и кладутъ на постель. Признаки жизни у о. Владиміра еще были. Немедленно являются извѣщенные и три врача села Алупки. О. Владиміръ мало-по-малу приходитъ въ сознаніе. Первый вопросъ его былъ обращенъ къ врачамъ: „положеніе безнадежное“? „Это теперь нельзя сказать, но серьезное“, отвѣчаютъ ему врачи. „Въ такомъ случаѣ пошлите къ о. благочинному, сообщите ему о случившемся и о томъ, чтобы онъ немедленно послѣшилъ пріѣхать сюда напутствовать меня св. Тайнами, да непременно дайте вооруженную стражу“. Желаніе о. Владиміра тотчасъ въ точности было исполнено. За о. благочиннымъ въ Кореизъ былъ посланъ экипажъ съ тремя вооруженными лицами. Черезъ часъ прибылъ о. благочинный протоіерей Василій Поповъ и напутствовалъ о. Владиміра св. Тайнами. Въ девять часовъ вечера врачами приступлено было къ освидѣтельствованію ранъ, къ перевязкѣ ихъ и операциі.

Раны оказались слѣдующія: одна была нанесена въ лѣвое плечо. Кинжалъ скользнулъ по кости, и остріе его вышло около сосца; рана широкая, сквозная и какъ бы рваная. Другая рана была нанесена въ руку; какъ и первая; эта рана сквозная и не затронула жизненныхъ нервовъ. Третья рана—тяжелая—нанесена въ бокъ; разрѣзъ раны широкій, позволялъ видѣть легкое. Четвертая—самая тяжелая, смертельная; нанесена въ паховую кость ноги. Кинжалъ скользнулъ по кости, стесалъ часть ея и направился внутрь живота; слѣпая кишка и часть другихъ выступила наружу.

Перевязка и операція длилась около часу. Все это время о. Владиміръ спалъ подѣйствиємъ хлороформа. Врачи не отходили отъ о. Владиміра, дожидаясь, когда онъ проснется; тутъ же порѣшили они чрезъ извѣстные промежутки времени собираться на консиліумъ, установили дежурство, чтобы о. Владиміръ ни на одну минуту не оставался безъ врачебной помощи. Но вотъ начинаетъ просыпаться о. Владиміръ, появляется у него сознание, вмѣстѣ съ тѣмъ появляется въ окружающихъ его лицахъ нѣкоторая надежда на его выздоровленіе. Страданія о. Владиміра были самыя тяжелыя; насколько возможно, онъ переносилъ ихъ терпѣливо. Врачи употребляли всѣвозможныя средства къ облегченію мучительныхъ болей. Обезсиленный отъ потери крови, измученный страданіями, подѣвліяніемъ успокоительныхъ врачебныхъ средствъ, о. Владиміръ большею частію находился въ полубытіи: все рѣже приходилъ въ сознание, которое не покидало его до самой кончины; задавалъ вопросы дежурившему возлѣ него врачу о состояніи своего здоровья, дѣлалъ также распоряженія и наставленія неотлучно находившейся при немъ женѣ своей. Наступило утро 29 декабря. Пульсъ началъ падать, дѣятельность сердца стала слабѣть. Собраннымъ на консиліумъ врачамъ удалось оживить пульсъ, но не надолго. Около трехъ часовъ вечера пульсъ опять началъ падать, и уже никакія возбуждательныя средства не могли поднять его дѣятельность; жизнь видимо начала угасать. Скончался о. Владиміръ въ половинѣ 5-го вечера, съ молитвой къ Богу, прорадавъ почти сутки.

Вѣсть о совершенномъ въ домѣ священника злодѣяніи быстро разнеслась по Алупкѣ и ея окрестностямъ. На всѣхъ она произвела удручающее, тягостное впечатлѣніе, болѣе того — паническій страхъ и ужасъ. Нѣкоторые на слѣдующій день покинули Алупку.

Кто были люди, убившіе о. Владиміра, теперь трудно сказать, равно какъ трудно сказать, нужны ли были имъ деньги о. Владиміра или его жизнь.

О. Владиміръ Троепольскій—уроженецъ Орловской губерніи, въ раннемъ дѣтствѣ лишился своихъ родителей; воспитывался онъ сперва въ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Орловской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1884 году со званіемъ студента. До принятія священства онъ служилъ въ различныхъ вѣдомствахъ; одинъ годъ состоялъ псаломщикомъ, затѣмъ отбывалъ военную службу на правахъ вольноопредѣляющагося, причемъ сданъ былъ имъ экзамень на прапорщика армейской пѣхоты, съ каковымъ званіемъ онъ вышелъ въ запасъ арміи. Послѣ сего онъ состоялъ чиновникомъ при Таврическомъ губернскомъ правленіи и помощникомъ правителя канцеляріи Таврическаго губернатора. Священство о. Владиміръ принялъ въ 1891 году, по зрѣломъ обсужденіи,—въ тѣ годы, когда у него окончательно сложились и установились убѣжденія и воззрѣнія. Сталъ онъ на трудный путь священства, вооруженный знаніемъ, опытомъ, а главное—призваніемъ. Спокойно, твердо, съ вѣрою въ помощь Божію, шелъ онъ по этому пути въ продолженіе 14 лѣтъ, стараясь только о томъ, какъ бы побольше сдѣлать добра людямъ. Священникомъ онъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ, и во всѣхъ мѣстахъ оставилъ добрую память о себѣ.

О. Владиміръ былъ самымъ скромнымъ труженикомъ пастыремъ: онъ не любилъ говорить о себѣ и о своей дѣятельности. Въ обращеніи онъ былъ ласковъ и обходителенъ; друзьями его были всѣ прихожане. Одинаково радушный пріемъ у него находили и лица высокопоставленныя и самыя простыя. Никому изъ обращающихся къ нему за совѣтомъ и помощію онъ не отказывалъ и, насколько могъ, помогалъ и словомъ и дѣломъ.

Мѣстный епископъ, преосв. Алексій, извѣщенный телеграммою о кончинѣ пастыря-мученика, на слѣдующій же день—30 дек. вознесъ о немъ молитвы въ крестовой церкви. вмѣсто причастнаго стиха, на заупокойной литургіи, владыка сказалъ краткое поученіе о мученической кончинѣ о. Владиміра и приглашалъ всѣхъ помолиться за душу достойнаго

іерея, животь свой положившаго за свое дѣло пастырства. Обращаясь мысленно къ усопшему, Владыка просилъ его молитвъ предъ Пастыреначальникомъ Христомъ; да поможетъ Онъ Своему пастырству добръ правити слово истины въ такое многмятежное время, какъ нами переживаемое. Мятежное время, говорилъ далѣе Владыка, прервало жизнь о. Владиміра. Но вѣримъ, что пролитая кровь мученика-пастыря не только не уменьшитъ силы Церкви и пастырства, напротивъ, эта кровь будетъ сѣменемъ, изъ нѣдръ котораго родятся, выростутъ, явятся новые ряды такихъ же безстрашныхъ пастырей-героевъ, готовыхъ пріять мученической вѣнецъ за дѣло Христово.

О. Владиміръ скончался 42 лѣтъ, оставивъ послѣ себя безъ всякихъ средствъ жену и пять дѣтей, изъ коихъ старшему сыну—11 лѣтъ, а младшему 2 съ половиной года. О. Владиміръ похороненъ на средства, собранныя прихожанами, ибо деньги, какія онъ имѣлъ, захвачены были убійцами. Среди Таврическаго духовенства возникла мысль собрать средства на обезпеченіе несчастной семьи пастыря-мученика, встрѣченная сочувствіемъ какъ со стороны самого духовенства, такъ и владыки Алексія, благословившаго сборъ и пожертвовавшаго отъ себя въ пользу семьи покойнаго 100 рублей.

Воззваніе.

Въ селѣ Дерновѣ строится каменный храмъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. Денегъ въ храмъ нѣтъ. Откликнитесь, благодѣтели, на мой зовъ, на мое всеусерднѣйшее прошеніе, помогите, кто чѣмъ можетъ. Святитель Николай, за ваше усердіе не оставитъ васъ своими молитвами предъ престоломъ Бога Всевышняго. И мы, служащіе алтарю Господню, будемъ молить милосердіе Божіе оказать вамъ милость на землѣ и на небѣ. Скажи, добрый братъ.

свое имя, и я буду молиться за тебя, а есть родной покойникъ, дорогой сердцу твоему, скажи и его имя,—я помяну его на проскомидіи, и отрадно ему будетъ. И тебя, добрый датель, Господь помянетъ въ день скорби твоея, въ часъ кончины твоей и за гробомъ. Будьте милосерды!

Села Дернова Священникъ Александръ Тихомировъ.

Адресъ: С.-В. ж. д. ст. Мятлево, Калужской губерніи, въ село Дерново Священнику Александру Аонасьевичу Тихомирову, Предсѣдателю ц.-пр. попечительства.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кириллъ.

Кіевъ Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года февраля 26-го дня.

Содержаніе: „Слово“ и „дѣло“ въ области подготовки къ пастырскому служенію.—Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ (продолженіе).—Пастырскія замѣтки.—Отъ Редакціи.

„Слово“ и „дѣло“ въ области подготовки къ пастырскому служенію.

Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ нашу пору и религіозная вѣра наравнѣ съ другими явленіями и формами обще-государственной жизни переживаетъ кризисъ. Простая и чистосердечная вѣра въ истины вѣры Христовой, безусловная преданность всѣмъ въ теченіе длинной исторіи Церкви сложившимся формамъ православной церковной жизни уступили мѣсто или полному невѣрію и индифференцизму въ области вѣры у однихъ, или рѣзкой критикѣ и отрицанію формъ церковной жизни съ оставленіемъ только такъ называемой этической стороны религіи—у другихъ, или, наконецъ, уклоненію отъ Церкви въ многочисленныя раціо-

налицистическія и всякія другія секты у третьихъ. Если первыя два условія примѣнимы къ интеллигентной части общества, то третье находитъ себѣ примѣненіе у глубоко-невѣжественнаго еще народа нашего, не знающаго, куда и зачѣмъ его ведутъ слѣпыя вожди. Но въ томъ, другомъ и третьемъ случаяхъ съ печальными явленіями православно-религіозной жизни нашей необходимо считаться, не осужденіемъ и охуленіемъ только отдѣлываться (что не трудно), а поискать причинъ въ самой постановкѣ церковно-религіозной жизни, и устранить эти причины немедленными, энергичными усиліями всѣхъ, кому дороги интересы религіи нашей православнои и Церкви.

Если, благодаря закону о свободѣ совѣсти, отъ пастырскаго стада свободно, по философскимъ ли основаніямъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, будутъ все болѣе и болѣе отпадать его словесныя овцы, а мы будемъ простыми зрителями совершающагося вокругъ насъ въ ожиданіи еще какихъ-то событій (ихъ и такъ уже довольно прошло на нашихъ глазахъ), то дѣло будетъ только приходить въ большій и большій упадокъ, намъ грозитъ опасность „распудить“ своихъ овецъ. Если христіанская община выросла изъ того, такъ сказать, зерна горюшнаго, какимъ явились первые послѣдователи ученія Христа и слушатели первой проповѣди апостола Петра въ Иерусалимѣ, свободно пошедшіе на призывъ къ истинѣ, возвѣщаемой имъ, то въ чемъ причина того, что теперъ изъ этой общины бѣгутъ, не хотятъ ни вѣровать, ни жить по евангелію, ни примиряться съ сложившимися формами жизни церковной? Мы отнюдь не задаемся широкою цѣлью—въ подробностяхъ выяснять причины столь сложнаго явленія; оставляя также въ сторонѣ все, что могла и можетъ еще высказать отнынѣ свободная печать по этимъ вопросамъ, мы остановимся только на одномъ—на вопросѣ о нашихъ нынѣшнихъ пастыряхъ, условіяхъ ихъ подготовки, отношеніяхъ ихъ къ приходу, условіяхъ ихъ дѣятельности; не найдемъ ли какихъ-либо, быть можетъ,

весьма серьезных ненормальностей, которыя, повторяемъ, должны быть немедленно устранены.

Пастырь въ приходѣ—великая сила нравственная и общественная, онъ беретъ на себя то же дѣло, которому служили Великій Пастыреначальникъ Христосъ и Его святыя преемники апостолы; всѣ мы знаемъ это, повторяемъ объ этомъ, знаемъ науку, которая съ большими подробностями излагаетъ ученіе о томъ, какими качествами *должны* отличаться пастырь, чтобы успѣшно выполнять вѣренное ему великое и святое дѣло; но что сдѣлано для того, чтобы пастырь *дѣйствительно* отличался этими качествами, чтобъ готовящійся къ пастырскому служенію не съ въ массу народную, которой идетъ онъ служить, все богатство своихъ духовныхъ дарованій, свой свѣтлый и искренно преданный дѣлу умъ, согрѣтый привязанностью къ дѣлу горячаго и убѣжденнаго сердца, вооруженный крѣпкою и энергическою волею для борьбы съ препятствіями, которыя непременно встрѣтятся на пути къ осуществленію поставленныхъ себѣ святыхъ цѣлей? что сдѣлано для того, чтобы принимающій пастырское званіе и готовый идти для служенія народу могъ бы сказать этому народу то же самое, что долженъ говорить ученикамъ учитель, сердце котораго дрожить отъ любви къ ученикамъ: „вотъ я, берите меня всего, дѣлайте со мной, что хотите, только ради Бога извлеките изъ меня себѣ на пользу все то, на что я годенъ!“

Прежде всего безспорная истина, что всякое дѣло для успѣшности своего выполненія требуетъ любви къ нему, призванія; пастырское дѣло и учительское—тѣмъ паче. Кто же и когда дѣлаетъ отборъ имѣющихъ дѣйствительное призваніе къ пастырскому дѣлу отъ идущихъ на него „отъ некуда дѣваться“, изъ-за куска хлѣба, изъ-за семьи и по многимъ другимъ, имъ же нѣсть числа, побужденіямъ, кромѣ того одного, которое единственно можетъ обезпечить успѣхъ пастырскаго дѣланія? Идутъ потому, что окончили курсъ, получили право, прошли тотъ циклъ всякихъ общеобразова-

тельныхъ и спеціально-богословскихъ дисциплинъ, которыя необходимо *знать* для того, чтобы удостоиться пастырскаго сана. Правда, семинарское начальство при окончаніи курса семинаристами даетъ такъ называемыя характеристики, гдѣ указываетъ, какого поведенія былъ оканчивающій въ теченіе пребыванія въ стѣнахъ семинаріи, въ какихъ проступкахъ былъ замѣчаемъ, часто ли попадался инспекціи и проч. Все это имѣеть, конечно, свое значеніе, но отнюдь не такое, чтобы на основаніи этого скуднаго и, весьма поверхностно опредѣляющаго личность будущаго кандидата на пастырство матеріала, можно было составить опредѣленное понятіе о кандидатѣ священства, а тѣмъ менѣе матеріаль этотъ можетъ пролить свѣтъ на глубокіе тайники душевнаго склада, гдѣ единственно и кроется все то, что относится къ цѣлямъ и идеаламъ дѣятельности, какіе вырабатываетъ въ себѣ человекъ, имѣющій извѣстныя жизненныя убѣжденія и готовый имъ посвятить жизнь свою. На эти вопросы напрасно стали бы мы искать отвѣтовъ въ характеристикахъ: мы ихъ тамъ не найдемъ, не дадутъ его и лица, составляющія характеристики, ибо имъ, при настоящей постановкѣ дѣла, невозможно такъ ознакомиться съ воспитанниками, которыхъ такое огромное число, чтобы знать ихъ особенности, складъ ума и характера и болѣе или менѣе безошибочно судить о томъ внутреннемъ человекѣ, котораго опредѣлить въ данномъ случаѣ именно и нужно. Итакъ, главнѣйшее и важнѣйшее условіе для успѣшнаго выполненія пастырскаго служенія не выполняется и, при настоящихъ условіяхъ, практически не можетъ быть выполнено, что не мѣшаетъ, конечно, въ стѣнахъ духовно-учебныхъ заведеній раздаваться *словами* изъ соответствующей науки о качествахъ пастыря умственныхъ и нравственныхъ и всяческихъ иныхъ, — словахъ, которыя, всѣ это видяты, такъ и остаются словами, почти ни къ кому не приложимыми. Это досадное, нестерпимое, радикальное противорѣчіе между тѣмъ, что должно, и тѣмъ, что есть, страшнымъ терзаніемъ должно отозваться на

молодой, еще нетронутой жизнью, идеально-настроенной душой; должно постоянно указывать на страшный разлад между идеей и действительностью; должно приводить к мысли, что наука сама по себе, а жизнь сама по себе, что наука что-то сообщает к сѣдѣнію, даетъ понятіе, но *жить* по этимъ понятіямъ ни отъ кого не требуется; что жизнь своимъ могучимъ потокомъ превращаетъ въ прахъ всѣ эти идеи, понятія, мысли и идеалы; что она не для идеаловъ; что она—тяжелая борьба за хлѣбъ насущный, а остальное... наука и книга. Что же тогда остается отъ пастырства? Ничего, конечно, кромѣ такъ жестоко, но вѣрно названнаго „поповства“, т. е. требоисправленія, полученія за него, отыскиванія всякими путями средствъ къ тому, чтобы еще болѣе увеличить свой донельзя скромный бюджетъ. Все это говоримъ мы не въ осужденіе нынѣшнихъ священниковъ, которые представляютъ собою уже результатъ долговременно сложившихся условій и, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ невинны въ тѣхъ ненормальностяхъ, которыя сами постоянно допускаютъ и которыми окружены со всѣхъ сторонъ. Вѣдь средства имъ необходимы, а народъ, среди котораго они живутъ, бѣденъ, средства ничтожны, воспитаніе дѣтей въ городахъ дорого,—какъ же не подумать о средствахъ къ существованію? о какихъ идеалахъ можетъ быть рѣчь, когда приходится думать о завтрашнемъ днѣ? И за этимъ добываніемъ средствъ къ существованію пастыря уже совсѣмъ не видно, онъ весь поглощенъ интересами обиходно-жизнейскими, интересами пропитанія семьи, а не совершенствованіемъ ввѣреннаго ему стада Христова, которому, по идеѣ, онъ долженъ былъ бы посвятить всѣ свои силы и самую жизнь свою. Итакъ, нужно къ принятію духовнаго сана привлекать только такихъ лицъ, которыя дѣйствительно имѣютъ призваніе къ нему, а для этого во время ихъ подготовки къ пастырскому званію ближе узнавать ихъ внутреннее душевное расположеніе, ихъ внутреннюю душевную жизнь, и тогда только допускать къ принятію сана, когда это расположеніе будетъ несомнѣннымъ, искрен-

нимъ. Вотъ открытіе! скажете. Конечно, ничего новаго пѣтъ, если къ словамъ этимъ отнести такъ, какъ привыкли относиться къ безчисленному множеству хорошихъ словъ, высказываемыхъ съ цѣлью произвести какую-либо перемѣну къ лучшему. Слова и только! Такъ и будетъ, пока печальная уже создавшаяся дѣйствительность будетъ предметомъ спокойнаго созерцанія, пока не привыкнемъ давать себѣ сознательный отчетъ въ томъ, что дѣлаемъ, пока не попытаемся пересоздать дѣйствительность согласно съ тѣми мыслями, идеалами, которые выражаются посредствомъ слова. Подобно этому, пока не обезпечимъ православнаго пастыря настолько, чтобъ онъ не думалъ о хлѣбѣ насущномъ, чтобъ онъ весь свой трудъ отдавалъ на служеніе своей паствѣ, на ея просвѣщеніе, усовершенствованіе, помощь частную и общественную, до тѣхъ поръ опять все будутъ слова и слова.

Также словами останутся и тѣ требованія, по которымъ готовящійся къ священному служенію долженъ быть дѣйствительно къ нему подготовленъ и узнавъ настолько, чтобы избраніе имъ столь отвѣтственного поприща служенія было результатомъ искренняго расположенія его духа. А это приводитъ къ вопросу о томъ, чѣмъ бы восполнить, а быть можетъ, и совершенно измѣнить въ чемъ-либо существующій порядокъ подготовки къ принятію священнаго сана. Несомнѣнно, что многолѣтняя сложившаяся до сихъ поръ подготовка во многомъ является неудовлетворительной, такъ какъ исключительное вниманіе обращаетъ на обученіе и совершенно игнорируетъ весьма важный воспитательный элементъ въ процессѣ подготовки къ пастырскому званію. Что касается первой стороны, то въ этомъ отношеніи наша духовная школа раздѣляетъ судьбу общую всей нашей средней школѣ... Общій недостатокъ нашей средней школы тотъ, что она превратилась изъ учебно-воспитательнаго учрежденія въ чисто учебное, что она все вниманіе обратила на интеллектъ учащагося, что она все время нагромождаетъ, нагнетаетъ его голову (особенно память) всякими познаніями, совершенно

упускаемая изъ вида, что юноша—не ящикъ только для собиранія всякаго рода научныхъ свѣдѣній, а у него есть сердце и воля, которыя должны быть воспитаны; иначе получится односторонній, односторонній въ психическомъ отношеніи человекъ. И опять какое рѣзкое, диссонансомъ звучащее разногласіе между научными весьма цѣнными словами и дѣломъ! Элементарнѣйшая психологическая истина (чтобы узнать ее, впрочемъ, не нужно и къ наукѣ обращаться: достаточно личнаго опыта каждаго и здраваго смысла), что духъ человека имѣетъ три способности (умъ, волю и сердце); въ каждомъ учебникѣ педагогики встрѣтимъ элементарнѣйшее положеніе, что воспитаніе должно быть направлено на всѣ способности души, развивать ихъ гармонически, что обученіе не есть воспитаніе и проч. Но къ чему эти золотыя слова, если они живутъ въ книгахъ, изучаются, поясняются и покоятся на страницахъ психологическихъ и педагогическихъ книжекъ? Эта досадная ложь равносильна погребенію великаго педагогическаго дѣла, ибо сводитъ его къ нулю. Среднія школы изъ учебно-воспитательныхъ заведеній обращены въ среднія учебныя заведенія; воспитанникъ превратился въ ученика, а воспитаніе замѣнилось надзоромъ и дисциплиной; и самое умственное развитіе обращено въ гимнастику... Питомецъ такой школы бывалъ нерѣдко хорошо обученъ и въ то же время онъ оставался лишеннымъ „здраваго смысла“. А между тѣмъ люди науки всегда доказывали и теперь не перестаютъ повторять, что развитіе чувства имѣетъ весьма важное значеніе въ планѣ душевнаго развитія особенно въ юные годы. Развитіе чувства дѣлаетъ юношу нравственно чуткимъ и отзывчивымъ какъ къ вышнимъ впечатлѣніямъ, такъ равно и къ актамъ собственнаго сознанія. Чувство даетъ намъ своего рода познаніе, и хотя это познаніе смутно и безотчетно, но оно достовѣрно, тонко и предупредительно. Въ послѣднемъ свойствѣ содержится условіе особеннаго, благодѣтельнаго воздѣйствія чувства на другіе психическіе процессы, т. е. на умъ и волю: чувство даетъ этимъ актамъ поощреніе и под-

держку, или, наоборотъ, предохраняетъ отъ нихъ и мѣшаетъ имъ. Благодаря этому, самые зародыши мыслей и зачатки намѣреній и рѣшеній могутъ быть или поддержаны и подкрѣплены чувствомъ, или ослаблены и подавлены: чувства то раздуваютъ вспыхивающую въ душѣ искру, то холодятъ и гасятъ ее. Благодаря этому, чувство и его развитіе стало на высоту первостепеннаго жизненнаго требованія, и если мы развиваемъ умъ для интересовъ знанія, то чувство культивируемъ по глубокому запросу нашего духа... Дѣйствіемъ чувства вызывается широкая идейная и нравственная жизнь и обезпечивается полнота и глубина духовнаго существованія человѣка при общемъ подъемѣ темпа всей духовной жизни. Если работа чувства необходима въ теченіе всей жизни, то въ юности ему принадлежитъ величайшее значеніе¹⁾.

Однакоже, это основное психологическое и педагогическое положеніе рѣзко нарушается въ нашей средней школѣ вообще, и въ частности въ нашей духовной школѣ. Правда, религіозному по крайней мѣрѣ и отчасти художественно-эстетическому элементу (въ занятіяхъ музыкой и живописью) отводится въ нашихъ семинаріяхъ довольно видное мѣсто, но вѣдь изученіе богословія и посѣщеніе, хотя бы и весьма частое и обязательное, храма Божія не есть еще воспитаніе въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Скажутъ, что воспитаніе чувства начинается въ семьѣ подъ руководствомъ религіозно-настроенныхъ родителей, всей той религіозной атмосферы, которая окружаетъ ребенка въ первые годы его жизни; но вѣдь въ школѣ это должно продолжаться и укрѣпляться отъ постоянного воздѣйствія религіозно-настроенныхъ наставниковъ которые сумѣли бы продолжать и укрѣпить начатое въ семьѣ дѣло. „То глубокое раздѣленіе и взаимное непониманіе, какое существуетъ и до настоящаго

¹⁾ Психологич. основы воспитанія. Рѣчь И. А. Сикорскаго на торжеств. засѣд. Второго Съѣзда Отеч. Психіагровъ въ Кіевѣ, стр. 7—8.

дня между семьей и школой, обязано своимъ существованіемъ, съ одной стороны, отсутствію у профессиональных педагоговъ наблюдательности и опыта матерей и нянь, а съ другой—чувству удивленія и страха, съ какимъ семья не безъ основанія смотритъ на сухой, можетъ быть, и дѣловитый, но шаблонный и чуждый теплоты режимъ школы“¹⁾. Итакъ, нужно постоянное, неослабное руководство сердце ученихся любящими ихъ и преданными интересамъ религіи и Церкви воспитателями, которые и соотвѣтствующимъ выборомъ чтенія, и постоянными бесѣдами, и личнымъ примѣромъ и участіемъ, историческими примѣрами, и выборомъ чистыхъ эстетически-художественныхъ развлеченій облагораживали бы и питали чувство юныхъ питомцевъ всѣмъ чистымъ, святымъ, благороднымъ, возжигали бы пламень любви къ тому святому дѣлу и предстоящимъ высокоправственнымъ обязанностямъ, какія возлагаетъ на каждаго долгъ пастырства. Все это золотыя слова, скажутъ. Оттого и дѣло страдаетъ, что слова эти далеки отъ практическаго осуществленія, что осуществленіе ихъ требуетъ средствъ, дорого, — какъ будто не дороже этого дѣло, которое разстроивается на нашихъ глазахъ, приходитъ въ упадокъ и, конечно, не остановится въ дальнѣйшемъ постепенномъ движеніи внизъ, пока твердой рукой, не жалѣющей энергій и матеріальныхъ средствъ, не будетъ двинуто на новый путь, гдѣ воспитанію будетъ отведено то высокое мѣсто, котораго оно по всей справедливости заслуживаетъ. Одной дисциплины, которою пользуются духовно-учебныя заведенія теперь, совершенно недостаточно; вся она сводится только къ поддержанію вышняго порядка (иначе и не можетъ быть при настоящихъ условіяхъ), она только караетъ, она не предпринимаетъ (и не можетъ) никакихъ положительныхъ мѣръ къ развитію добрыхъ чувствъ, ибо нравственное воспитаніе заключается не въ борьбѣ съ проступками и нарушеніями

¹⁾ Сикорскій. Ibid. стр. 5.

дисциплины и даже не въ подавленіи дурныхъ чувствъ. Едва ли нужно прибавлять, что при такомъ только условіи можетъ быть достигнуто такъ называемое индивидуализированіе воспитательнаго процесса, т. е. приспособленіе средствъ воздѣйствія на воспитываемаго къ тѣмъ личнымъ особенностямъ, которыми отличается каждый отдѣльный воспитанникъ; если и при обученіи даже класса такое приспособленіе должно примѣняться, то тѣмъ болѣе это пужно сказать о воспитаніи.

То же пужно сказать и о другой упомянутой способности души—воли. Что дѣлается, или сдѣлано для того, чтобы укрѣпить эту великую силу, безъ которой никакая дѣятельность, требующая инициативы, неуклоннаго преслѣдованія разъ поставленныхъ цѣлей, борьбы съ препятствіями, становится невозможной? Правда, и обученіе и дисциплина могутъ содѣйствовать укрѣпленію воли; такъ называемое активное вниманіе, требующее напряженія умственныхъ силъ къ извѣстной сферѣ предметовъ обсужденія въ классѣ, основано на усиліяхъ воли; аккуратное исполненіе работъ, жизненный порядокъ во внѣшнихъ условіяхъ при строгомъ и неуклонномъ исполненіи его содѣйствуетъ тому же, создавая извѣстные навыки. Но этого еще далеко недостаточно для выработки энергической воли въ практическихъ обстоятельствахъ. Здѣсь опять необходимо знакомство съ индивидуальными чертами воспитываемыхъ; необходимо знать, у кого какіе недостатки и достоинства; знать, какія задачи дать одному, отъ чего предостеречь другого,—словомъ, примѣнять къ дѣлу весь тотъ довольно обширный арсеналь средствъ, который мирно покоится въ руководствахъ и трактатахъ по воспитанію и остается для насъ только словами и предметомъ спокойно-объективнаго созерцанія; но дѣло далеко отстоитъ отъ этихъ словъ, а потому и страдаетъ чрезвычайно. „Въ дѣлѣ воспитанія, читаемъ въ той же рѣчи проф. Сикорскаго, развитіе воли имѣетъ почти такую же важность для гармоніи души, какъ и развитіе чувствъ. Безъ надлежащаго развитія воли

нѣтъ, дѣятельности и вмѣсто жизни наступаетъ въ душѣ царство нытья и вздоховъ отъ сознанія своего безсилія, того рокового безсилія въ борьбѣ со зломъ и въ отстаиваніи своихъ убѣжденій и своей нравственной личности, которое нерѣдко приводитъ человѣка къ самоубійству“. На это тѣмъ болѣе нужно обратить вниманіе, что психологія народовъ давно уже отмѣтила слабость воли, какъ особенность славянской расы. Изображеніемъ этого недостатка изобилуетъ наша художественная литература; Обломовъ сталъ нарицательнымъ именемъ недѣятельнаго человѣка, а рефлексія и нытье, издавна свойственныя русскому образованному человѣку, выражаютъ фактъ гамлетовской задержки на точкѣ обдумыванія при неспособности перейти къ рѣшимости и дѣйствію. Чеховъ и Вересаевъ даютъ самые яркіе образы сознаваемого человѣкомъ собственнаго безсилія и помощи предъ перспективой дѣйствія. Въ этомъ лежитъ глубочайшая причина нашей неспособности провести наши убѣжденія въ жизнь (и тогда мы разыскиваемъ виновниковъ, мѣшающихъ будто бы намъ реализовать нашу волю). Въ слабости воли лежитъ и другое великое зло—наша неспособность отстоять нашу собственную личность въ борьбѣ съ самимъ собою или въ борьбѣ съ другою, болѣе насъ сильною волею: мы сдаемся предъ нашими собственными увлеченіями и страстями, сами то сознавая; мы также легко уступаемъ другому лицу, подчиняясь сильной волѣ. Оттого нами безъ труда овладѣваетъ любой фанатикъ, даже тупой и неразвитой. Подобно тому, какъ толкимъ и умнымъ Александромъ I овладѣлъ грубый Аракчеевъ и извѣстный архимандритъ Фотій, такъ и мы способны поддаться любому оратору сходки, чувствуя при этомъ полное нежеланіе идти за нимъ, сознавая даже нелѣпность пути, на который насъ ведутъ. „А какъ печально это сказывается на всемъ характерѣ нашей общественной дѣятельности, это легко понять“. Славянскому народу часто недоставало силы воли: онъ то не заканчивалъ послѣдняго штриха, то послѣдняго движенія въ дѣлѣ, уже

исполненномъ на $\frac{9}{10}$, то наоборотъ подъ вліаніемъ чувства и одушевленія начинать дѣло, которое еще не созрѣло и не могло бы быть исполнено даже націей съ болѣе сильной волей. Мы то не доканчиваемъ готоваго дѣла, то слишкомъ рано начинаемъ новое. Постоянно мы то запаздываемъ, то безъ мѣры торопимся. Болѣе насъ опытные народы говорятъ про насъ, что намъ то недостаетъ воли, то у насъ нѣтъ самообладанія, и мы часто раскрываемъ нашему противнику программу, которую мы готовы исполнить, и лишь торопливо заявляемъ о ней, какъ о нашемъ вѣроисповѣданіи. Въ этомъ сказывается легкомысленная сила словеснаго рѣшенія, а не сила реализующей воли. Совершенно то же замѣчается въ нашемъ юношествѣ, и оттого оно перѣдко подпадаетъ подъ феруду юношества инородческаго, быть можетъ, не имѣющаго всѣхъ нашихъ достоинствъ, но зато свободнаго отъ нашихъ недостатковъ. Необходимо при воспитаніи русскаго юношества принять во вниманіе наши природныя черты, какъ дѣлаютъ нѣмцы для своего юношества, англичане—для своего (Сикорск. указ. рѣчь стр. 14—15). Если бы наши духовно-учебныя заведенія исполняли намѣченныя нами требованія по части воспитанія чувства и воли, то воспитываемые должны были бы пройти долговременный и основательный курсъ, были бы и узнаны, и направлены, и развиты, и укрѣплены для того великаго и святаго дѣла, служить которому собираются. Мы не упоминаемъ о третьей способности души—умѣ. Для него такъ много дается, онъ такъ много напрягается, что пришлось бы въ пользу воспитанія поступиться многими излишними и не имѣющими прямого жизненнаго значенія знаніями, уменьшить вообще количество учебныхъ часовъ въ виду большей физической слабости современнаго молодого поколѣнія, и наоборотъ, ввести такія познанія, которыя являются существенною необходимостью и для пастыря въ виду нынѣ наступившей перемѣны нашего общегосударственнаго строя. Наша патріотически-соціальная и политическая невоспитанность и неподготовленность будетъ,

конечно, постояннымъ упрекомъ школъ за то, что она не считается съ жизненными требованіями; пастырь душъ, готовящій членовъ царства Божія, не можетъ и себя и свою паству мыслить изолированными отъ тѣхъ формъ общественной и государственной жизни, среди которыхъ и въ которыхъ протекаетъ ихъ земная жизнь; какъ же не имѣть понятія о социальномъ и правовомъ строѣ, какъ не имѣть понятія о законодательствѣ, если съ тѣмъ и другимъ постоянно придется встрѣчаться въ устройствѣ земного благополучія насомыхъ, которое, койечно, не можетъ не быть предметомъ горячихъ заботъ любвеобильнаго пастыря ввѣренныхъ ему овецъ словеснаго стада Христова?

Чтобы не быть голословными въ затронутомъ нами вопросѣ о несоотвѣтствіи должнаго съ дѣйствительнымъ въ дѣлѣ пастырскаго служенія, намъ пришлось бы обратиться къ фактическимъ доказательствамъ, но, думаемъ, ихъ нашлось бы такое огромное количество, что „самому міру не вмѣстить бы пишемыхъ книгъ“ по этому вопросу, а не только журнальныхъ статей. „Народъ знаетъ еще, пишетъ одна прихожанка, желающая не осуждать священниковъ, а болѣющая душой по поводу ненормальностей нашей церковно-приходской жизни,—народъ знаетъ, что въ приходѣ есть священникъ, который долженъ совершать службы въ положенные дни, исправлять требы, ходить въ престольные и другіе праздники съ молебнами по домамъ. Знаетъ онъ также, что бываютъ хорошіе, добрые батюшки, которые берутъ не много и охотно исполняютъ просимое, бываютъ и педобрые. Но не только народъ, а и люди болѣе развитые задаются очень рѣдко вопросомъ о томъ, какія отношенія членовъ общины и ихъ наставниковъ имѣли въ виду апостолы, которые устраивали первыя церковныя христіанскія общины по сошествіи на нихъ Св. Духа. Мнѣ случалось очень часто со многими говорить о томъ, отчего они рѣдко посѣщаютъ свой приходскій храмъ, а бываютъ чаще въ другихъ, и отчего не заботятся совсѣмъ о своемъ. На это обыкновенно получался одинъ

отвѣтъ: молиться все равно, въ какой бы ни было церкви, а заботиться должны священники, выборные отъ прихожанъ и старосты. Такое отношеніе и неудивительно, потому что пастыри не даютъ себѣ труда выяснитъ народу тѣ цѣли, къ которымъ должны стремиться члены приходо́въ или христіанскихъ обществъ. Не берусь судить навѣрное, отчего происходитъ такое горькое явленіе, но думаю, что главная причина—упадокъ духа въ нашемъ духовенствѣ и даже упадокъ вѣры. Отсюда безпечность, полное равнодушіе къ дѣлу возвышенія духовной жизни среди пасомыхъ, самоугодіе, чело-вѣкоугодіе и другіе недостатки, а вслѣдствіе этого и полное разстройство церковно-приходской жизни.

Пастыри, призванные возгрѣвать въ себѣ даръ Божій, данный въ таинствѣ священства, призванные быть всегда на стражѣ душъ пасомыхъ (внимайте убо себѣ и всему стаду...), служить въ большинствѣ двумъ господамъ сразу. Въ погонѣ за тѣмъ, чтобы предоставить своимъ семьямъ не только скромное и необходимое, но и излишки во всемъ, въ погонѣ за роскошью, за комфортомъ, они всѣ силы свои употребляютъ на то, чтобы какъ можно больше добыть средствъ къ жизни.

Такимъ образомъ собственно въ приходѣ ихъ дѣятельность ограничивается исключительно только отправленіемъ службъ, требъ и отчасти проповѣдничествомъ. Остальную часть времени поглощаютъ другія дѣла и заботы о семьяхъ. Поэтому прихожане живутъ своей жизнью, а пастырь—своей. Общности или совѣмъ нѣтъ, или очень мало.

Гдѣ вы, спрашиваетъ авторъ, добрые, доступные, милостивые пастыри? Отчего мы встрѣчаемъ васъ въ домахъ только высшаго и средняго круга, у людей состоятельныхъ, гдѣ карты, шумъ, удовольствіе? Отчего вы не хотите хоть изрѣдка заглянуть въ бѣдную, убогую хижину, гдѣ какой-нибудь жалкій кормилецъ семьи или несчастный страдалецъ повѣдалъ бы вамъ свои муки, попросилъ бы у васъ, можетъ быть, совѣта или наставленія, или гдѣ какая-нибудь озлобленная, изстрадавшаяся душа нашла бы въ бесѣдѣ вашей

себѣ утѣшеніе, гдѣ бы присутствіе ваше способно было вновь воспламенить искру Божьяго огня, еле тлѣющуюся подъ гнетомъ житейской суеты и скорбей?

Всякій разъ, когда спрашиваешь себя, кто теперь въ данную минуту стоитъ на стражѣ твоей жалкой души, получаешь отвѣтъ: никто. Сбѣгать приходъ менѣе доходный на болѣе богатый не задумывается почти ни одинъ изъ нашихъ священниковъ; поэтому тѣсной, внутренней духовной связи между пастырями и мірянами, безъ которой не мыслима ни одна правильно организованная церковно-приходская община, не существуетъ. Оставить приходъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ немъ, священнику бываетъ такъ же легко, какъ пчелѣ, собирающей медъ, перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ. Всѣ болѣе или менѣе развитые люди это видятъ и знаютъ, и потому, когда въ обществѣ религіозно-настроенномъ, приходится слышать разсужденія о томъ, что собственно можетъ служить причиною упадка вѣры въ людяхъ или полнаго ихъ безвѣрія, отчего пошатнулись нравственные устои жизни, и чѣмъ можно объяснить преступно холодное, даже пренебрежительное отношеніе нашей молодежи къ Церкви, то большинсто находить, что самый корень зла надо искать въ нашемъ духовенствѣ, которое давно не стоитъ на высотѣ своего призванія.

Не трудно понять послѣ всего этого, заключаетъ авторъ, изложивши много еще непривлекательныхъ фактовъ изъ жизни духовенства, почерпнутыхъ имъ; какъ онъ заявляетъ, изъ многолѣтнихъ тщательныхъ наблюденій надъ жизнью церковно-приходскихъ общинъ, — не трудно понять, отчего наша такъ называемая интеллигенція, не озаренная истиннымъ свѣтомъ Христовымъ, не просвѣщенная имъ, предоставленная самой себѣ, съ такимъ легкимъ сердцемъ оставляетъ свою Церковь, увлекается всевозможными рационалистическими сектантскими лжеученіями, отчего секты плодятся у насъ не по днямъ, а по часамъ, отчего наша молодежь не прислушивается къ голосу своей матери Церкви, а такъ охотно идетъ

на зовъ ея хулителей и, вмѣсто того, чтобы подчиниться авторитету, лицъ отъ Бога поставленныхъ, чтить ихъ и любить, она, на погибель себѣ, идетъ вслѣдъ непризванныхъ учителей ¹⁾). Понятно само собою, что всѣ эти прямо изъ жизни выхваченные факты несовершенства нашего духовенства только доказываютъ до сихъ поръ развитія нами мысли о необходимости солидной умственной, правдивой, религиозной подготовленности будущихъ служителей вѣры и просвѣтителей народа, о необходимости самаго тщательнаго ихъ воспитанія въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, которыя должны будутъ выпасть на долю пастыря ²⁾).

Но необходимость воспитанія будущихъ пастырей потребуетъ, конечно, существенныхъ перемѣнъ въ дѣлѣ выбора тѣхъ лицъ, которымъ ввѣряется это великое и святое дѣло, а также перемѣнъ въ ихъ матеріальномъ положеніи, ибо это дѣло требуетъ отдачи всѣхъ силъ на пользу юношества, и никакія постороннія занятія не должны отвлекать ихъ отъ этого прямого дѣла. Слѣдовательно, необходимо воспитать и этихъ руководителей юношества, необходимо, чтобы они были снабжены высокимъ и солиднымъ, по возможности

¹⁾ Пенз. епарх. Вѣд. № 16-й 1905 г.

²⁾ Намъ чрезвычайно пріятно было узнать, что гр. Витте, которому, быть можетъ, суждено сыграть видную роль въ дѣлѣ умиротворенія Россіи и проведенія въ нее внутреннихъ реформъ, высказалъ, по словамъ „Свѣта“ (органа православнаго общества взаимопомощи, издающагося въ Филадельфій) мысли, которыя дѣлаютъ честь его проникательности и пониманію глубокихъ основъ духовной жизни русскаго народа: „не въ переустройствѣ правительства, говорилъ онъ, основа народнаго благосостоянія: она — въ добромъ развитіи и направленіи духовнаго достоянія народа — религиозности, вѣры, православія, которое глубоко вложено въ самую глубину души русскаго человѣка. За исключеніемъ малаго числа иновѣрцевъ изъ общаго состава російскаго населенія, остается громадная масса чисто русскихъ людей, которымъ человѣческій образъ придается ихъ внутреннимъ достоинствомъ — православіемъ, которое дѣлаегъ ихъ нерѣдко даже выше интеллигенціи. Разрабатывать это достояніе русскаго православнаго народа, давать ему надлежащее направленіе, поднимать и усовершенствовать его и призвано въ Россіи духовенство... Остается пожелать, чтобы это тоже не были только золотыя слова.

всестороннимъ образованіемъ и были бы воспитаны во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ сами они будутъ воспитывать будущихъ пастырей. Какъ невозможно научить тому, чего мы сами не знаемъ, такъ и воспитывать можетъ только тотъ, кто имѣетъ въ себѣ богатый запасъ тѣхъ духовныхъ дарованій, развивать и укрѣплять которыя въ другихъ онъ призванъ. Здѣсь требуется также единство дѣятельности, единство цѣлей, плановъ, цѣлая солидарность въ проведеніи всѣхъ намѣченныхъ задачъ къ практическому осуществленію. Безъ сомнѣнія, самымъ лучшимъ было бы объединеніе дѣятельности учителей и воспитателей; первые не должны быть завалены уроками и должны быть, повторяемъ, обезпечены настолько, чтобы всю свою энергію отдавать на служеніе дѣлу воспитанія.

Не менѣе вниманія должно быть отведено выбору лицъ, на которыхъ падаетъ это объединеніе дѣятельности всего педагогическаго персонала. Лицами этими должны быть тѣ, которые всею душою готовы послужить завѣдываемому дѣлу, должны сами подавать примѣръ своей педагогической дѣятельностью. Въ каждомъ учебникѣ педагогики можно встрѣтить указаніе, что воспитаніе—дѣло весьма трудное, что оно требуетъ не только теоретическаго образованія, но и практической мудрости, опыта, продолжительнаго наблюденія надъ своею дѣятельностью, а слѣдовательно заслуживаетъ того, чтобы ему можно было посвятить свою жизнь; исторія педагогики указываетъ намъ такихъ дѣятелей и указываетъ плоды ихъ дѣятельности. Но что было сдѣлано для того, чтобы наши духовно-учебныя заведенія имѣли такихъ воспитателей ректоровъ, инспекторовъ и т. г. преподавателей)? Кажется, дѣлалось все, чтобы свести къ нулю всю ихъ работу, если бы она и возможна была. Назначеніе ректорами и инспекторами людей молодыхъ, не имѣющихъ не только педагогическаго, но и вообще служебнаго опыта, недолговременное пребываніе ихъ на одномъ мѣстѣ, конечно, не могли способствовать успѣхамъ

въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, и качества лицъ, которымъ ввѣряется завѣдываніе педагогическимъ дѣломъ, должны быть предметомъ особеннаго вниманія, ибо эти лица должны быть душою этого дѣла. „Начальнику школы необходимо, чтобы онъ самъ былъ знающимъ и опытнымъ учителемъ, чтобы имѣлъ призваніе къ учительству и былъ человѣкъ не только умный, но и одушевленный, притомъ не карьеристъ, высматривающій почестей и возвышеній по службѣ. Ничто человеческое ему не чуждо; онъ любитъ юношество, доброжелателенъ къ своимъ коллегамъ и заботливъ объ нихъ въ нуждѣ. Самъ, будучи первымъ работникомъ, онъ всѣхъ одушевляетъ въ работѣ. Въ отношеніи къ своимъ коллегамъ естественъ и умѣетъ, когда нужно, оговаривать ихъ и дѣлать имъ внушеніе безъ рѣзкихъ словъ и начальственного тона. Онъ твердъ во всемъ томъ, что требуется правдою и чувствомъ долга безъ поблажекъ и уступокъ, но къ каждому относится, сообразуясь съ природою и характеромъ каждаго“ (Ученъе и учитель К. П. Побѣдоносцева стр. 33—34).

Остается пожелать, чтобы въ предпринятой реформѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній была принята къ сердцу и неотложному исполненію совершенно устраненная теперь воспитательная сторона. Мы намѣтили только штрихи, руководясь данными педагогическими и психологическими и данными практически-открывающейся неподготовленности современныхъ пастырей къ своему святому и отвѣтственному служенію. О, если бы это не были только одни слова!

П. К.

Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Реформой 1867 г., совпавшей съ общимъ тогда всей Росіи стремленіемъ освободиться отъ бюрократическаго режима, было дано духовнымъ школамъ широкое право самоуправленія на выборныхъ началахъ. Должности ректора и преподавателей сдѣланы выборными, учреждены въ семинаріяхъ и училищахъ правленія съ широкимъ кругомъ компетенціи; привлечено къ дѣлу и заинтересовано въ немъ мѣстное духовенство—участіемъ выборныхъ отъ него членовъ въ семинарскихъ и училищныхъ правленіяхъ. Въ хозяйственномъ отношеніи значительно улучшено содержаніе воспитанниковъ, а равно и преподавателей.

Въ учебномъ отношеніи эта реформа особенно близко подошла къ протестантской системѣ. Прежде всего были исключены изъ семинарскаго курса протасовскія нововведенія: сельское хозяйство, медицина, катехизическое ученіе, библейская исторія, патрологія, полемическое богословіе, церковная археологія, герменевтика; вновь введены основное богословіе и педагогика съ практическими занятіями, а освободившіеся учебные часы отданы на изученіе классическихъ языковъ, философіи, математики и Свящ. Писанія; одинъ изъ новыхъ языковъ сдѣланъ обязательнымъ. Затѣмъ, спеціально богословское образованіе было выдѣлено изъ общаго и отнесено на два послѣдніе класса семинаріи. Общее образованіе кончалось четвертымъ классомъ и было приравнено и по направленію и по объему къ программѣ классической гимназіи. вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженъ сословный замкнутый характеръ семинаріи; доступъ въ нее открытъ всѣмъ желающимъ,

¹⁾ См. № 7-й за 1906 г.

и семинаристамъ позволено по окончаніи четырехъ классовъ поступать во всѣ высшія учебныя заведенія. Это право, впрочемъ, скоро было отнято у нихъ, потому что имъ стали пользоваться въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ.

Толстовская семинарія еще у многихъ на памяти, и потому распространяться о ней мы не станемъ. Замѣтимъ только, что, по общему признанію учившихся въ ней, учебное дѣло было поставлено весьма солидно. Стремилась не столько выполнить программу, сколько дать основательныя познанія по предмету. Практиковалось изученіе одной или двухъ какихъ-либо наукъ нерѣдко при внѣклассномъ содѣйствіи преподавателя. Сплошь и рядомъ среди семинаристовъ бывали примѣры начитанности, далеко выходившей за предѣлы семинарской программы.

Но недолго пользовалась духовная школа относительными льготами толстовскаго режима. Скоро наступили реакціонныя восьмидесятыя годы съ ихъ охранительной политикой. Толстовская семинарія была найдена слишкомъ либеральной, „протестантской“, и рѣшено было приступить къ преобразованію ея на началахъ церковности и патріотизма. Реформа была утверждена въ 1884 году и постепенно введена въ дѣйствіе.

По этой реформѣ, въ связи съ общимъ направленіемъ внутренней политики Россіи, стремившейся къ созданію твердой власти на мѣстѣ, въ семинаріяхъ отмѣнено было выборное начало; ограничены права и составъ семинарскаго правленія; а вмѣсто этого усилена власть енархіальнаго архіерея и значеніе администраціи. Увеличено число уроковъ по богословскимъ предметамъ; возстановлено преподаваніе библейской исторіи и обличительнаго богословія, введено преподаваніе исторіи и обличенія раскола, церковное пѣніе, раньше существовавшее только для обладавшихъ хорошимъ голосомъ, сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ учениковъ. Съ другой стороны, значительно сокращена программа по предметамъ небогословскимъ—математикѣ, философіи, педагогикѣ и древнимъ языкамъ; изученіе новыхъ сдѣлано необязательнымъ. Сле-

ціально для воспитанія семинаристовъ въ доброй нравственности учреждена въ семинаріяхъ должность духовника. Въ-стѣ съ тѣмъ уничтоженъ принципъ, который придавалъ такой стройный, законченый видъ толстовской семинаріи—разграниченіе курсовъ общеобразовательнаго и спеціально богословскаго; богословскіе предметы стали преподаваться уже съ младшихъ классовъ семинаріи.

При этой реформѣ семинаристы были лишены не только права, но и возможности поступать въ свѣтскія высшія учебныя заведенія, потому что, прошедши курсъ общеобразовательныхъ наукъ по значительно урѣзанной противъ гимназіи программѣ, не въ состояніи были выдержать экзамень на аттестатъ зрѣлости. Теперь имъ, правда, дано право поступления въ нѣкоторые университеты, но поставлено при этомъ въ зависимость, главнымъ образомъ, отъ богословскихъ предметовъ.

Для огражденія семинаристовъ отъ вредныхъ вліяній со стороны, при семинаріяхъ расширены раньше существовавшія и устроены новыя общежитія съ тѣмъ расчетомъ, чтобы въ нихъ помѣстить по возможности всѣхъ семинаристовъ. Режимъ при этомъ установленъ гораздо болѣе строгій, чѣмъ то было при графѣ Толстомъ. При семинаріяхъ заведены бібліотеки фундаментальныя и ученическія (до реформы семинаристы свободно пользовались городскими и частными бібліотеками) со строгимъ подборомъ книгъ, предназначенныхъ для ученическаго чтенія.

Для наблюденія за тѣмъ, чтобы преподаваніе велось строго по программамъ, и чтобы вообще вся духовно-учебная жизнь двигалась сообразно точному смыслу закона, установлены регулярныя ревизіи духовно-учебныхъ заведеній, болѣе крупныя результаты которыхъ потомъ публикуются въ циркулярахъ по духовному вѣдомству ко всеобщему свѣдѣнію и руководству.

Нельзя не замѣтить, что по идеѣ послѣдней реформы наша духовная школа особенно приближена къ католической.

Какъ бы въ противовѣсъ толстовскому протестантизму она окатоличена до такой степени, до какой она едва ли была католической даже при Петрѣ Могилѣ.

Но не успѣла эта реформа быть вполнѣ проведена въ жизнь, не успѣлъ кончить семинарію первый принятый послѣ нея курсъ, какъ стали раздаваться требованія новой реформы. Вполнѣ компетентными лицами были указаны крупныя недочеты и въ учебной и воспитательной части семинаріи. Въ настоящее время опять идетъ обсужденіе реформы, при чемъ къ участию въ обсужденіи реформы привлечены уже педагогическія собранія духовныхъ семинарій и училищъ. Академическіе совѣты заняты выработкой новаго устава духовныхъ академій на началахъ автономіи. Вотъ въ общихъ чертахъ тотъ путь, которымъ шла исторія нашего духовнаго просвѣщенія.

При ретроспективномъ взглядѣ на него нельзя не замѣтить сразу же, что системѣ нашего пастырскаго приготвленія¹⁾ не хватаетъ того основнаго, руководящаго принципа, который всякой системѣ придаетъ стройность, законченность и планомѣрность. Въ католичествѣ такимъ принципомъ является приготовленіе изъ будущаго пастыря преданнаго до самозабвенія интересамъ Церкви рядового напской арміи; въ протестантствѣ—приготовленіе просвѣщеннаго и умѣлаго попечителя о душахъ. И въ одномъ и въ другомъ этотъ принципъ выдвинуть самую жизнью, ясно сознанъ и положенъ въ основу пастырскаго приготвленія на всѣ времена; поэтому тамъ не можетъ быть и рѣчи о такой реформѣ, которая замѣнила бы этотъ, существующій, принципъ другимъ. Тамъ реформы заключаются лишь въ изысканіи новыхъ способовъ болѣе совершеннаго проведенія въ жизнь стараго принципа. У насъ же, какъ мы видѣли, реформы состоятъ, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ самаго принципа

¹⁾ У насъ не существуетъ послѣ-школьнаго періода приготвленія къ пастырству; все приготвленіе кончается семинаріей, а потому „духовное образованіе“ и „пастырское приготвленіе“, въ сущности, синонимы.

пастырскаго приготовленія, съ технической стороны сводясь въ сущности къ простой перетасовкѣ предметовъ программы.

Нельзя не замѣтить также и того, что наша духовная школа въ силу какого-то внутренняго тяготѣнія, присущаго ей съ самаго начала ея существованія, упорно стремится выродиться въ подобіе протестантской духовной школы.

Естественно является вопросъ: почему же это у католиковъ и протестантовъ дѣло пастырскаго приготовленія сразу наладилось, сразу стало на твердую почву и нашло свою дорогу, а у насъ оно все еще продолжаетъ хромать на оба колѣна, колебаться изъ стороны въ сторону, съ явной при этомъ тенденціей въ послѣднее время къ увеличенію амплитуды колебаній?

Отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ особенностяхъ нашего церковнаго уклада и условіяхъ быта нашего духовенства.

Православная Церковь въ лицѣ своей іерархіи никогда не высказывала склонности къ цезарепапизму, никогда не стремилась къ усиленію своей власти въ ущербъ государственной, хотя для этого и были на Руси превосходные историческіе моменты. Первымъ и самымъ удобнымъ изъ этихъ моментовъ было введеніе христіанства въ Россіи, когда высокообразованное и политически развитое греческое духовенство было призвано вершать дѣла въ полуварварскомъ государствѣ, когда великій князь не предпринималъ ни одного серьезнаго дѣла, не посоветовавшись съ представителями Церкви. Но духовенство не вышло изъ области чисто церковныхъ интересовъ. Были подходящіе случаи и впоследствии, но никогда русское духовенство не пользовалось ими. Единственный случай, на который иногда указываютъ, какъ на доказательство противоположнаго мнѣнія,—случай, который имѣлъ въ виду Петръ Великій, учреждая синодальное правленіе взамѣнъ патріаршаго, это—борьба патріарха Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Но если эта борьба „тишайшаго“ изъ царей съ энергичнѣйшимъ изъ патріарховъ кончилась не

въ пользу послѣдняго, то еще, конечно, меньше оснований предполагать возможность иного исхода при иномъ соотношеніи силъ. Интересный опытъ о томъ, какъ относились русскія духовныя власти къ дѣламъ государственнымъ, даетъ въ своей книгѣ „О государствѣ русскомъ въ 16 столѣтіи“, недавно изданной на русскомъ языкѣ, Джильсъ Флетчеръ, посланникъ англійской королевы Елизаветы, посѣтившій Москву въ 1588. По его словамъ, патріархъ и высшее духовенство, приглашаемые высказать на земскомъ соборѣ свое мнѣніе, всегда даютъ одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: „Царь и дума его премудры, опыты въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ и гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, ибо они (духовныя лица) занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до вѣры, потому просятъ ихъ самихъ сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ вспомоцествовать имъ молитвами по своей обязанности и должности“¹⁾.

Напротивъ, семейное и въ силу этого связанное безчисленными нитями съ остальнымъ населеніемъ—мірянами, съ живыми въ до петровское время тенденціями выборного начала, русское духовенство всегда тяготѣло въ сторону протестантскаго церковнаго устройства, т. е. прихода, какъ земской, а не административной едѣницы.

Этимъ именно и объясняется исконное тяготѣніе къ протестантизму нашей духовной школы.

Школа и жизнь находятся въ самыхъ тѣсныхъ между собой отношеніяхъ. Будучи призвана воздѣйствовать на общество, школа въ то же время является продуктомъ этого самаго общества и должна находиться въ строгомъ соответствіи съ потребностями общества или, вѣрнѣе, той части его, которую она обслуживаетъ. Все, не вытекающее прямо изъ потребностей общества, а тѣмъ болѣе идущее съ ними въ разрѣзъ, будетъ, подобно чужеземному растенію, пересажен-

¹⁾ „Русское Слово“, № 206. 1905 г.

ному на неблагопріятную для него почву, чахнуть, хирѣть и вырождаться.

Но наша духовная школа лишена возможности самоопредѣленія, лишена права устраиваться, развиваться и совершенствоваться сообразно съ тѣми началами, которыя властно диктуются ей самой жизнью. Тѣ же лица, которымъ волею судьбы предоставлена была власть направлять теченіе духовной школы, какъ будто не желали видѣть особенностей русскаго церковнаго уклада и вытекавшихъ изъ него традицій духовной школы. Они какъ будто бы твердо вѣрили вслѣдъ за Екатериной II, что посредствомъ школы можно создать „новую породу людей“, которая потомъ и самую жизнь передѣлаетъ по своему, и реформировали духовную школу сообразно со своими личными вкюсами и наклонностями. Отсюда и получается то отсутствіе основного принципа, которое является характернымъ признакомъ православно-русской системы пастырскаго приготовленія.

Реформа 1884 г., какъ намъ уже извѣстно, опять пригвоздила русскую духовную школу къ ненавистному ей Прокрустову ложу католицизма. Но въ то же время она не сумѣла сдѣлать ее строго спеціальной, тогда какъ вся сила католической системы пастырскаго приготовленія именно и заключается въ ея крайней спеціальности.

А. Кайшынъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пастырскія замѣтки.

Отъ свѣтскихъ людей мнѣ не разъ приходилось слышать грустное сѣтованіе, а то и язвительное обвиненіе духовенства за то, что нѣкоторые духовныя лица не могутъ отрѣшиться отъ слѣпотаго слѣдованія буквальному тексту тѣхъ чинопослѣдованій и молитвословій, кои изданы по благословенію Св. Синода и напечатаны въ Синодальныхъ типографіяхъ, и не осмѣливаются дѣлать какихъ-либо отступленій въ видѣ замѣны

однихъ словъ другими или добавленій, когда того требуютъ обстоятельства, или когда въ сихъ изданіяхъ допущены явные недосмотры.

Въ этомъ случаѣ обвинители указываютъ на чинъ поминовенія о православныхъ войнахъ и о всѣхъ, за вѣру и отечество на брани убіенныхъ, вышедшій изъ Московской Синодальной типографіи въ 1897 году уже 17 изданіемъ, на послѣдованіе молебнаго пѣнія во время брани противу супостатовъ, изданное въ Петербургской Синодальной типографіи въ 1904 году, а также на царскую молитву, читаемую на литургіи.

Обвинители замѣчаютъ, что въ чинѣ поминовенія о православныхъ войнахъ, которымъ руководились служащіе подъ новый годъ панихиду, во всѣхъ ектеніяхъ, возгласахъ, молитвѣ, провозглашеніи вѣчной памяти и даже въ самомъ заглавіи этого чина нѣтъ упоминанія о Царѣ. Русскій народъ привыкъ слышать, что на брани полагають животъ не только за вѣру и отечество, но и за Царя, между тѣмъ въ этомъ чинѣ положено возносить молитвы о всѣхъ, на брани убіенныхъ лишь за вѣру и отечество.

Кромѣ того, въ прошеніи на сугубой ектеніи по случаю брани Господь Богъ именуется защитникомъ „*правовѣрныхъ*“, когда слово „правовѣрный“ принято относить къ Турціи, гдѣ Порты именуется правовѣрною, вѣра же русскихъ людей извѣстна подъ именемъ православной, но не правовѣрной.

Затѣмъ, въ царской молитвѣ, читаемой на литургіи по сугубой ектеніи, въ послѣднемъ даже изданіи, приложенномъ къ № 3 Синодскихъ Вѣдомостей за сей годъ, въ титулѣ Императора пропущенъ эпитетъ „Самодержавнѣйшій“.

Замѣчаніе обвинителей достойно вниманія.

Но вѣдь духовенство и въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ права отступать отъ буквальнаго текста напечатанныхъ въ Синодальныхъ типографіяхъ чинопослѣдованій и молитвъ и за всякое самопроизвольное измѣненіе текста ихъ подлежитъ суду.

Какъ же поступать духовенству въ подобныхъ случаяхъ?

Многія духовныя лица, не осмѣливаясь отъ себя дѣлать какія-либо измѣненія въ текстахъ чинопослѣдованій, не смотря на явные недосмотры, какъ бы съ полнымъ правомъ и спокойною совѣстію, хотя бы къ смущенію молящихся, вводятъ всѣ недоточеты и недосмотры печатныхъ Синодальныхъ изданій въ богослуженіе въ храмѣ, оправдываясь отсутствіемъ по сему предмету особыхъ распоряженій высшаго духовнаго начальства. Между тѣмъ подобныя недосмотры, введенныя въ богослуженіе, и въ самомъ дѣлѣ приводятъ многихъ свѣтскихъ лицъ въ смущеніе, а инымъ людямъ даютъ поводъ къ разнообразнымъ кривотолкамъ.

Мнѣ кажется, что если почему-либо нѣтъ и не бываетъ какихъ-либо предупредительныхъ распоряженій высшаго духовнаго начальства, то духовенство, слѣпо слѣдуя буквальному тексту и вводя въ богослуженіе явные—досадные недосмотры, едва ли будетъ правымъ; напротивъ, прямой священникъ долгъ его самому придти на помощь и отъ себя внести столь нужное исправленіе; иначе всѣ ошибки и недосмотры, допущенныя въ Синодскихъ изданіяхъ по винѣ синодальныхъ справщиковъ, свѣтскимъ обществомъ будутъ возложены всецѣло на само духовенство.

Съ другой стороны—удивительно, почему указанные выше недосмотры въ Синодальныхъ изданіяхъ, замѣченные свѣтскими людьми, до сего времени остаются неисправленными другими изданіями и безъ предупредительнаго разъясненія, когда общество стало такъ чувствительно? Нельзя же предполагать, чтобы недосмотры, подобные описаннымъ, намѣренно вводились въ текстъ чинопослѣдованій. Желательно было бы слышать мнѣніе и другихъ духовныхъ лицъ по сему предмету. (Моск. церк. вѣд. 1905 г. № 5).

Свящ. *И. Романскій.*

Отъ Редакціи.

Вышли въ свѣтъ листки *для народа*: 1) Тяжелое время; 2) Государственная Дума; 3) Предъ выборами въ Государственную Думу; 4) Какъ крестьянамъ приобрѣтать землю мирнымъ и законнымъ путемъ, и что нужно, чтобы толково обрабатывать ее (по поводу Высоч. маниф. 3 ноября 1905 г.); 5) О свободѣ, дарованной маниф. 17 окт. 1905 г.; 6) Трудись; 7) Земныя блага; 8) Какъ живутъ и трудятся люди въ другихъ странахъ (въ Германіи, Франціи и Англіи); 9) Свобода вѣровать и молиться (по поводу маниф. 17 апр. 1905 г.); 10) О податяхъ и повинностяхъ.

Цѣна за сотню экземпляровъ каждаго выпуска 35 коп. съ пересылкою, кромѣ листка № 8, каждый экземпляръ котораго (брошюрка) стоитъ 3 коп. и № 10 по 1 коп. экз.

За наложенный платежъ прибавлять по 15 коп. на сотню.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года марта 5-го дня.

Содержаніе: Что нужно предпринять духовенству въ виду распространенія въ народѣ социалистическихъ и революціонныхъ идей.—Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху сороковыхъ годовъ.—Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ (окончаніе).—Положеніе вдовыхъ священниковъ.

Что нужно предпринять духовенству въ виду распространенія въ народѣ социалистическихъ и революціонныхъ идей.

„По мѣрѣ того, какъ приближается реальное осуществленіе народнаго представительства—Государственной Думы, наступаетъ время образованія большихъ политическихъ партій и окончательнаго формулированія ихъ партійныхъ программъ. Для этого формулированія партійныхъ программъ имѣются въ настоящее время вполне достаточныя данныя. Уже давно образовалось ядро будущихъ политическихъ партій. Въ особенности это можно сказать относительно прогрессивныхъ партій, социалистическихъ и радикальныхъ. Приближается (и уже начался) періодъ политической агитаціи,

при которой каждая партія старается всѣми доступными для нея способами—книгой, брошюрой, листками, газетой, устною рѣчью распространять свои воззрѣнія и вербовать ихъ сторонниковъ. Въ народную жизнь сразу хлынетъ (и хлынулъ уже) цѣлый потокъ новыхъ идей, программъ, настроеній. Вліяніе новыхъ вѣяній однако не ограничивается только политическимъ самосознаніемъ. Дѣло вовсе не обстоитъ такъ просто. Въмѣстѣ съ политическими и соціальными программами, формулирующими извѣстныя практическія требованія, будутъ пропагандироваться различныя системы и общаго міровоззрѣнія, на которомъ эти требованія обоснованы, съ которымъ они неразрывно связаны. Въ народную душу вторгнется потокъ не только политическихъ идей, но и общеполитическихъ и религіозныхъ ученій: социаль-демократы будутъ проповѣдывать свой экономическій матеріализмъ; другія партіи—разныя иныя разповидности позитивизма и матеріализма; но у всѣхъ у нихъ ихъ политическое *credo* является только частнымъ выводомъ ихъ общаго міровоззрѣнія, которое они будутъ стараться прежде всего внушить своимъ сторонникамъ. Однимъ словомъ, при современной партійной агитаціи рѣчь идетъ не о томъ только, чтобы приобрѣсти голосъ въ пользу той или иной партіи или привлечь члена въ партійную организацію, но прежде всего, можетъ быть, о томъ, чтобы завоевать его душу, сдѣлать его человекомъ своей вѣры, въ силу этой вѣры и совершающимъ тѣ или другіе политическіе акты. Современныя политическія партіи, въ особенности социалистическія, опирающіяся на широкія народныя массы, какъ онѣ складываются у насъ и какъ онѣ существуютъ, напр., въ Германіи, Франціи, Австріи, Италіи, суть столько же политическія партіи, сколько и религіозныя секты, проповѣдующія цѣльное религіозно-философское и, какъ частный выводъ изъ нихъ, политическое міровоззрѣніе... Современное социалистическое движеніе въ разныхъ его развѣтвленіяхъ и отгѣнкахъ есть не только политическое и соціальное, но прежде всего религіозно-философское; нужно

никогда не упускать этого из виду".—Вот что писалъ недавно проф. С. Булгаковъ („Неотложная задача“).

Соціалистическое ученіе уже теперь успѣло охватить широкія народныя массы, потрясло общественно-бытовые устои народной жизни, производитъ въ народной душѣ этическое и религіозное опустошеніе. Соціализмъ ведетъ борьбу съ христіанствомъ и религіей вообще. „Слова Маркса: религія есть опиумъ для народа—выражаютъ едва ли не общее убѣжденіе представителей современнаго радикализма и соціализма“ (тамъ же).

Наша невѣрующая интеллигенція, идущая во главѣ теперешняго революціонно-общественнаго движенія, насквозь пропитана этимъ антихристіанскимъ воззрѣніемъ и всѣми путями несетъ его въ народъ. Пржнему церковному религіозно-этическому воззрѣнію объявлено искорененіе. Православной вѣрѣ народа предстоитъ великое испытаніе. Православной Церкви и ея служителямъ предстоитъ великая борьба за народную душу, за свое мѣсто и значеніе въ устроеніи народной жизни.

И вотъ напрашивается вопросъ: понимаетъ ли духовенство, сельское въ особенности, грядущія испытанія? Понимаетъ ли свою задачу, выдвигаемую временемъ? Если понимаетъ, то предпринимаетъ ли что для борьбы съ антихристіанскими въ народѣ идеями? И что оно можетъ предпринять? Къ сожалѣнію, почти нигде не получается свѣдѣній о томъ, чтобы сельское духовенство что-нибудь спеціально по этой части предпринимало,—разумѣемъ мѣры и способы систематическіе.

Далѣе, событія даютъ совершенно новыя необычныя темы для проповѣди—о забастовкахъ, о неприкосновенности личности, всякаго рода гражданскихъ свободахъ. Теперь уже нельзя ограничиться проповѣдью на одну только гражданскую тему: „о подчиненіи властямъ“. Государь призываетъ духовенство умиротворить народъ истолкованіемъ Его Высочайшей воли, выраженной въ цѣломъ рядѣ послѣднихъ мани-

фестовъ и указовъ. Св. Синодъ также сдѣлалъ по этому поводу свое распоряженіе. А въ этихъ манифестахъ содержится много совершенно новыхъ темъ для проповѣди, отъ которыхъ уклониться нельзя. Является опять вопросъ: справится ли духовенство съ этой задачей? Сумѣетъ ли сказывать проповѣди народу на эти гражданскія темы, освѣщать ихъ съ евангельской точки зрѣнія? Мало данныхъ быть увѣреннымъ, что сельское духовенство, въ массѣ, конечно, окажется въ настоящій моментъ въ курсѣ духовныхъ запросовъ времени. Скорѣе можно ожидать, что по своей несплоченности, по привычкѣ дѣйствовать врозь, по вѣковой привычкѣ ожидать на всякій случай указа консисторіи, по неподготовленности наличное духовенство не справится, или плохо будетъ справляться съ своею задачею. Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ читаемъ: „Многіе (священники) обнаружили признаки неувѣренности, а нѣкоторые оказались и совершенно безсильными разобратся въ наступившей сумятицѣ жизни... Сельское духовенство нерѣдко оказалось безсильнымъ отличить ложь отъ правды“ (№ 1, „Въ тяжелую годину“). А между тѣмъ служители Церкви не могутъ умывать руки, подобно Пилату, когда Христосъ вновь осуждается, и проповѣдь Его ниспровергается: духовенство должно подняться на борьбу съ разрушительными антихристіанскими идеями и освѣщать текуція событія свѣтомъ Евангелія. Борьба съ антихристіанскимъ социализмомъ внѣшними мѣрами только временно можетъ приглушить, задержать это разрушительное общественное движеніе; съ социализмомъ, какъ антихристіанскимъ міровоззрѣніемъ, необходима единственно цѣлесообразная борьба духовными мѣрами, на почвѣ идейной, путемъ широкаго усиленнаго христіанскаго просвѣщенія народа и противопоставленія идеаламъ социаль-революціонеровъ идеаламъ Христовыхъ. При этомъ высокіе идеалы Откровенія должны быть представлены не только въ ихъ непосредственномъ евангельскомъ изложеніи, но и въ историческомъ ихъ осуществленіи и проявленіи въ жизни народовъ. Христіанство

прошло 20-ти вѣковъй путь. Нужно возможно широко показать народу плоды Христова ученія въ исторіи, опыты построенія жизни по началамъ Евангелія. Нужно дать опытно народу „вкусить и видѣть, яко благъ Господь“. Къ осуществленію этой-то задачи должна быть направлена въ настоящее время пастырская проповѣдь благовременнѣ и безвременнѣ, духовная періодическая литература, нарождающіеся пастырскіе союзы, наконецъ, построеніе церковно-приходской жизни на такихъ началахъ, чтобы прихожане на дѣлѣ могли „и сами, какъ живые камни (приходскаго зданія), устроить изъ себя домъ духовный“, т. е. церковь-приходъ.

Послѣднее есть дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго; церковно-приходская жизнь постепенно наладится и оживится, когда обновится весь строй Русской Церкви.

О пастырскихъ союзахъ, которые должны бы сплотить насъ для взаимной выучки, нравственной поддержки, для объединенія въ борьбѣ съ новою опасностію,—пока только пишутъ, но прививаются они туго: вѣками мы привыкли осуществлять свое пастырство въ одиночку, особнякомъ, и только по руководству и указу изъ консисторіи.

Но за періодическую духовную литературу и проповѣдь духовенству нужно приниматься немедленно. Духовная литература за короткое послѣднее время уже улучшилась въ своемъ содержаніи и направленіи, стремясь идти въ уровень съ теченіемъ церковно-общественной жизни. Народились и нарождаются новыя ежедневныя и еженедѣльные церк.-общественныя изданія, которыя поставляютъ своею задачею проводить въ сознаніе и жизнь народа начала Христовой вѣры и церковно-православныя идеалы, освѣщать и оцѣнивать текущія событія съ христіанской точки зрѣнія, а также выражать и пстолковывать народу, призванному участвовать въ строеніи государственномъ, здоровыя политическія теченія и созидательныя начала „христіанской политики“.

Мысль наша такова: духовенству, чтобы не оказаться въ положеніи отстаемаго отъ своихъ прихожанъ спутника и

не съѣхать окончательно на роль только требонисправителя, — каковую единственно роль мы исполняемъ еще доселѣ въ отношеніи интеллигенціи, — чтобы быть и впредь духовнымъ руководителемъ народной совѣсти въ общественно-государственныхъ дѣлахъ при грядущихъ, совершенно новыхъ, условіяхъ, — духовенству надлежитъ елико возможно пользоваться періодическими церковно-общественными изданіями для собственной освѣдомленности, для освѣженія своей проповѣди и внѣцерковныхъ бесѣдъ съ прихожанами; необходимо настоятельно проводить ихъ въ народъ, заинтересовать ими грамотныхъ прихожанъ, рекомендовать выписывать; а кто изъ священниковъ выписываетъ самъ, — не забрасывать номеровъ по прочтеніи, но пускать ихъ въ приходъ. Въ виду освѣженія церковныхъ и епархіальныхъ вѣдомостей нужно оставить вѣковую привычку откладывать ихъ по просмотрѣ на шкафъ, но самому ли священнику при всякомъ удобномъ случаѣ прочитывать прихожанамъ статьи, освѣщающія современные событія, или передавать грамотеямъ для прочтенія крестьянамъ на дому, въ частныхъ собраніяхъ, въ чайной, въ волостп. Я не могу себѣ представить, чтобы кто-либо изъ священниковъ не прочиталъ въ церкви или не далъ людямъ самимъ прочитать, напр., прекрасное обращеніе „къ русскому народу“ въ № 1-мъ Церк. Вѣд. Хочется попутно выразить желаніе, чтобы епархіальныя изданія давали больше оригинальныхъ или перепечатаваемыхъ статей, руководственныхъ для духовенства и для народа. Въ виду того, что еп. вѣдомости издаются на народные деньги, ихъ нужно приблизить содержаніемъ и распространіемъ къ народу, пусть онѣ обслуживаютъ и народные духовные запросы, пусть народъ пользуется ими. Въ настоящее время нужно использовать всякій здравый листокъ, брошюрку, даже вырѣзку изъ газетъ и пускать ихъ въ приходъ.

Нынче широкимъ потокомъ пущены въ народъ социалистическія, социаль-демократическія и революціонныя изданія, въ родѣ „Стрѣль“, „Пулеметовъ“, „Буреломовъ“, „Молвы“,

„Освобожденія“, и множества другихъ, приправленныхъ „св. ложью“, по 1 к. за №. Прибавьте къ этому сотни тысячъ даровыхъ листовъ и прокламацій, которыми, какъ снѣгомъ, засыпаются села, и станемъ ли удивляться, что эта литература въ короткое время успѣла произвести смятеніе и опустошеніе въ душѣ народной и сбила массы съ толку. Вотъ что сообщаютъ, наприм., изъ Пермской губерніи: „здѣсь появилась брошюра Николаевича: „Шире дорогу! Свободная Русь идетъ!“ и роздана была революціонерами въ количествѣ 100 т. экземпляровъ. Подъ ея воздѣйствіемъ народъ начинаетъ чуждаться Церкви; на духовенство смотритъ враждебно. Нужны серьезныя мѣры для противодѣйствія этому настроенію. Многіе приходы уже теперь не имѣютъ священниковъ, потому что почти никто не идетъ въ духовное званіе вслѣдствіе возбужденія противъ него“... (Колоколь, № 8).—Вотъ что угрожаетъ въ большей или меньшей степени духовенству въ будущемъ, если соціалъ-революціонная пресса завладѣетъ душою народа, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны духовенства; уже теперь начинаютъ оправдываться слова проф. С. Булгакова! Конечно, такъ обстоитъ дѣло не въ одной Пермской епархіи. Недавно и кіевскіе люди писали, что „между ними изъ рукъ въ руки ходятъ разные листки возмутительнаго содержанія, а о раздачѣ листовъ противъ этихъ подпольныхъ никто не заботится. Начальство мало на это обращаетъ вниманія: бросили деревню (въ этомъ отношеніи) на произволь, — защищайся, какъ хочешь (Кіевл., № 351).—

Отцы и братія! не будемъ отдѣлываться въ блаженствѣ своего покоя общею фразою, что народъ-де крѣпокъ еще въ вѣрѣ.

Пока паладятся пастырскіе союзы, пока возродится церковно-приходская жизнь на новыхъ началахъ, надлежитъ намъ дѣйствовать тѣми самыми способами, какими дѣйствуютъ въ противномъ лагерѣ: путемъ широкаго распространенія въ народѣ дешевыхъ христіанскихъ періодическихъ изданій, соотвѣт-

ствующихъ времени проповѣдей, воззваній, листовъ, брошюръ и т. п. въ такомъ количествѣ, въ какомъ распространяются прокламаціи. Ни одно воскресеніе не должно проходить безъ раздачи народу послѣ литургіи листовъ; всякая трезвая статейка или замѣтка, прочитанная вами, должна быть пущена въ приходъ. При теперешней дешевизнѣ листовъ — 25 и даже 20 к. за сотню—, если въ приходѣ въ теченіе года распространено будетъ, наприм., 10 листовъ разныхъ наименованій по сотнѣ экземпляровъ, то это обойдется всего въ 2—2½ руб. Принимая во вниманіе, что листки скажутъ народу то, чего онъ, вѣроятно, не услышитъ въ проповѣди, а главное—непремѣнно окажутъ доброе воздѣйствіе на настроеніе прихожанъ, въ противовѣсъ тому настроенію, какое создается прокламаціями,—принимая это во вниманіе, мы поймемъ, что расходъ въ 2½ руб. стоитъ своей цѣли и вполне себя оправдываетъ; въ приходѣ распространится за годъ 1.000 своего рода контръ-прокламацій, и онѣ сдѣлаютъ свое дѣло.

Полагаемъ, что „Руководство для сельскихъ пастырей“ должно оказать существенную помощь сельскому духовенству, организовавъ умѣлое изданіе народныхъ листовъ, отвѣчающихъ вопросамъ времени; также рекомендаціей на своихъ страницахъ тѣхъ книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, какія пригодны для распространенія въ народъ¹⁾.

Свящ. Д. Слюсаревъ.

¹⁾ Идя навстрѣчу нуждамъ сельскаго духовенства, нашъ журналъ дѣйствительно поставилъ предметомъ своихъ особыхъ заботъ изданіе общедоступныхъ листовъ, которые бы отвѣчали на всѣ большыя вопросы времени (см. объявленіе въ № 9 за т. г.) а въ своихъ ежемѣсячныхъ библиографическихъ приложеніяхъ обращаетъ вниманіе духовенства на всякую вышедшую въ свѣтъ книгу или брошюру, если она имѣетъ какое-л. отношеніе къ пастырской дѣятельности и можетъ быть полезна священнику.

Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху сороковыхъ годовъ ¹⁾).

Въ отношеніяхъ ко всякой популярной идеѣ со стороны какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества, особенно въ первое время ея господства,—всегда больше увлеченія, чѣмъ яснаго, сознательнаго убѣжденія въ ея истинности и несомнѣнности. Послѣднее всегда является результатомъ болѣе или менѣе продолжительной мыслительной работы, спокойной, научно-объективной оцѣнки данной идеи или факта, сопоставленія съ другими данными сознанія и включенія ея, наконецъ, въ твердыя рамки общаго міросозерцанія. Только въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ идея получаетъ устойчивость и твердость. Нелегко тогда поколебать ее, разубѣдить въ ней ея приверженцевъ. -- Не всегда и не со стороны всѣхъ возможно такое отношеніе. Притягательная сила, заключающаяся въ новизнѣ идеи, соотвѣтствіе ея тайнымъ желаніямъ и стремленіямъ личности, что лишаетъ человѣка возможности спокойной и безпристрастной оцѣнки ея, недостатокъ, иногда, развитія и необходимыхъ знаній,—все это производитъ то, что человѣкъ принимаетъ идею, становится горячимъ ея адептомъ, готовымъ до полнаго самоотверженія служить ей, хотя твердыхъ логическихъ основаній; оправданія ея съ точки зрѣнія цѣльнаго міровоззрѣнія, онъ и не можетъ представить. Конечно, въ такомъ положеніи оставаться долго дѣло не можетъ. Проходятъ первые порывы увлеченія, и человѣкъ начинаетъ задумываться надъ явленіемъ, старается дать себѣ полный и ясный отчетъ въ немъ.

Въ воззрѣніяхъ нашей интеллигенціи въ первой четверти XIX столѣтія на религію, въ отношеніяхъ ея къ Православной Церкви и пастырямъ было именно больше увлеченія, возбужденнаго идеями Запада на почвѣ, которую подготовили традиціи русскаго общества XVIII столѣтія. Ясной сознатель-

¹⁾ Продолженіе. См. № 7.

ности, твердой убѣжденности у нея не могло быть уже по одному тому, что интеллигенція въ данный періодъ своей исторической жизни совершенно не была способна къ той отвлеченной работѣ мысли, какая нужна для этого. Это былъ періодъ юности интеллигенціи. Она еще только обособилась какъ отдѣльная социальная группа, и въ этомъ ея обособленіи было больше отрицанія стараго, чѣмъ утвержденія новаго. Отъ стараго отрѣшились, познакомились съ новымъ; новыя идеи были восприняты съ горячимъ юношескимъ энтузіазмомъ, но за ними не чувствовалось общихъ положительныхъ основъ. Политическое движеніе 20-хъ годовъ служить лучшимъ показаніемъ настроенія тогдашней интеллигенціи: горячее и искреннее по своимъ побужденіямъ, исторически замѣчательное по своимъ стремленіямъ къ народному благу, это движеніе было мало созрѣвшимъ, слишкомъ диллетантскимъ по средствамъ, какими могло располагать.

Чацкій—вотъ представитель нашей интеллигенціи этого времени. Въ немъ чувствуется глубокая серьезность ума, высокое сознаніе своего нравственного достоинства, широкое знакомство съ европейскими идеями, твердая, энергичная воля, способная изъ-за этихъ идей итти на сильный протестъ противъ закоснѣлаго общества. Но мы не находимъ у Чацкого принципиальнаго антагонизма съ цѣлымъ складомъ жизни тогдашняго общества. Несмотря на все его филиппики противъ Московскаго общества и на вырывающіяся у него мѣткія обличенія, онъ нигдѣ не противопоставляетъ пошлой жизни и мелочнымъ занятіямъ Фамусовыхъ, Скалозубовыхъ и Молчалиныхъ идеала лучшей жизни. Такъ было въ практическихъ воззрѣніяхъ его; то же, въ сущности, было и въ теоретической области. Такова была вся наша интеллигенція 20-хъ годовъ. Теперь ей, по ходу историческаго развитія, предстояла широкая отвлеченная работа. Она должна была поднять всѣ тѣ запросы и продумать все, что было поставленно жизнью, и рѣшить уже это обстоятельно и твердо. Отсюда становится яснымъ значеніе въ исторіи взаимныхъ отношеній интеллигенціи и пастыря той эпохи, къ которой мы теперь переходимъ.

димъ. Того отчужденія, какое установилось между ними въ Александровскую эпоху, можно было еще не опасаться. Вопросы о томъ, имѣеть ли православіе значеніе въ общей культурной жизни русскаго народа, нужны ли религія, Церковь и, слѣдов., — пастырь для общаго преусиженія жизни народной; всѣ эти вопросы, хотя, повидимому, и были уже раньше рѣшены, но въ этомъ рѣшеніи сказалось больше вліянія Запада, чѣмъ самостоятельной работы русской мысли. Вотъ почему интеллигенція, именно въ силу своей интеллигентности, должна была снова поднять и рѣшить волнующіе ее вопросы въ послѣдующей работѣ своей мысли. И она дѣйствительно скоро подняла и занялась ихъ рѣшеніемъ въ тѣхъ кружкахъ, въ какіе загнала русскую интеллигенцію реакція Николаевской эпохи. Отъ того, какъ она рѣшитъ эти вопросы, отъ этого будутъ зависѣть и послѣдующія отношенія между интеллигенціей и, духовенствомъ.

—

Философія Вольтера и энциклопедистовъ не могла надолго привязать къ себѣ русскую интеллигенцію и по узости горизонта и по своей односторонности. Въ поискахъ широкаго и систематическаго мышленія наша интеллигенція естественно должна была остановиться на нѣмецкомъ идеализмѣ, тѣмъ болѣе, что, по закону контраста, почувствовалъ себя неудовлетворенной матеріализмомъ и сенсуализмомъ, интеллигенція и вообще должна была склониться въ обратную сторону. И вотъ въ послѣдовательномъ порядкѣ начинаютъ фигурировать у насъ Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель, особенно два послѣдніе. Вліяніе шеллинго-гегеліанской философіи было поразительное. Горячими спорами цѣлыхъ ночей бралось изученіе гегеліанства. Восторгъ, возбужденный повизной и глубокой идеей Гегеля, бралъ верхъ надъ всѣми остальными стремленіями тогдашней интеллигенціи. Въ пылу перваго увлеченія она казалась русскимъ все объясняющей, все примиряющей и дающей твердые устои для сознательной дѣятельности.

Изученіе западно-европейской философіи и науки дало толчекъ развитію самостоятельнаго критическаго отношенія къ вопросамъ историческимъ, политическимъ и общественнымъ, и вскорѣ вызвало два различныхъ теченія, исходившія, однако, изъ одного общаго источника. Сравненіе современнаго положенія и историческихъ судебъ Европы и Россіи приводило нашу интеллигенцію къ неодинаковымъ заключеніямъ. Исходя изъ философскаго ученія о томъ, что каждая національность призвана осуществить извѣстную идею, одни, проникаясь безпредѣльнымъ уваженіемъ къ европейской цивилизаціи и считая русскій народъ вполне способнымъ къ ея воспріятію, благоговѣли предъ реформой Петра I, который поставилъ Россію на путь европейскаго просвѣщенія, и доказывали, что русскій народъ можетъ и долженъ исполнить свое историческое предназначеніе не иначе, какъ окончательно отрекшись отъ старыхъ византійско-татарскихъ традицій, тормозящихъ умственный и нравственный процессъ нашего отечества. Другіе, утверждая, что каждому народу присущи особыя апріорныя начала, въ существованіи которыхъ и заключается его историческое призваніе, противопоставляли Россію Западу, какъ особый самостоятельный міръ, не имѣющій необходимости ни въ европейскомъ просвѣщеніи, ни въ европейскомъ политическомъ строѣ, и съ этой точки зрѣнія осуждали реформу Петра, какъ своевольную измѣну исконнымъ народнымъ началамъ, какъ насильственный разрывъ со стороны и искаженіе правильнаго національнаго развитія. Оба направленія, получившія впоследствии названія: западничества и славянофильства, были недовольны современнымъ положеніемъ дѣлъ; но первое источникомъ всего зла считало недостатокъ просвѣщенія и ожидало спасенія отъ большаго распространенія образованія, отъ усвоенія европейскаго знанія, другое, наоборотъ, не ждало добра отъ скороспѣлой прививки къ русской жизни испорченныхъ западныхъ соковъ и спасеніе Россіи видѣло въ развитіи самостоятельной культуры и просвѣщенія на началахъ православія. Соотвѣтственно

этому, расходились и политическіе идеалы обѣихъ сторонъ: для западниковъ идеаломъ являлась современная Европа, для славянофиловъ—допетровская Русь, гдѣ не было разъединенія высшихъ классовъ съ народомъ, гдѣ было единство идеала,—идеала религіознаго, православнаго, гдѣ общая культурная работа совершалась подъ непосредственнымъ руководствомъ Церкви, съ благословенія святителя-патріарха.—Въ спорахъ этихъ двухъ направленій русской интеллигентной мысли разрѣшались самые разнообразныя, и философскіе и религіозныя, вопросы: объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, о міровомъ значеніи Востока и Запада, объ отношеніи православія къ католичеству и протестантству. Въ конечномъ выводѣ всѣ они, въ сущности, сводились къ одному: предстоить ли русскому просвѣщенію проникаться все болѣе и болѣе не только внѣшними результатами, но и самыми началами западно-европейскаго просвѣщенія, или, вникнувъ глубже въ свой собственный, православно-русскій духовный бытъ, опознать въ немъ начала новаго будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія?

Славянофилы исходили въ рѣшеніи этого вопроса изъ того положенія, что высшее начало жизни человѣка есть *вѣра*, которая, по выраженію Хомякова, „проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его, полагая даже предѣлъ его внутреннему развитію“¹⁾. „Она есть крайній предѣлъ человѣческаго знанія“²⁾. Но, разумѣется, вѣра въ высшемъ своемъ проявленіи—въ ученіи Христа, въ Откровеніи Божественномъ, которое доступно только полнотѣ человѣческаго духа подъ руководствомъ благодати, живущей въ Церкви. Отсюда—Церковь въ ея цѣломъ, Церковь Православная, какъ носительница истиннаго,

¹⁾ Соч. т. V стр. 8

²⁾ Т. VI, стр. 251.

вселенскаго христіанства, должна служить средоточіемъ всей жизни человѣчества, и въ частности Россіи, очагомъ просвѣщенія, потому что „только явное, сознательное и полное торжество православія (понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ вселенской истины) откроетъ возможность всякаго другого развитія“. Прекрасно эту мысль славянофиловъ выражаетъ Гоголь въ своемъ письмѣ къ Жуковскому: „Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всѣми видимъ,—наша Церковь. Уже готовится вдругъ вступитъ въ полныя права свои и засіяетъ свѣтомъ на всю землю. Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно-русской во всѣхъ ея отношеніяхъ... По мнѣ безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь, не испросивъ ея благословенія. Нелѣпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы ни было европейскія идеи, покуда не окреститъ она ихъ свѣтомъ Христовымъ... Въ ней дорога и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному Существому. Другъ! не смущайся ничѣмъ. Если бы седмерицею крѣтъ были запутаннѣе нынѣшнія обстоятельства—все примиритъ и распутаетъ наша Церковь. Уже какимъ-то невѣдомымъ чувствомъ даже наши свѣтскіе люди, толкающіеся среди насъ, начинаютъ слышать, что есть какое-то сокровище, отъ котораго спасеніе, которое среди насъ, и котораго не видимъ. Блеснетъ сокровище и на всемъ отсвѣтится блескъ его... Мы повторяемъ теперь еще бессмысленно слово *просвѣщеніе*. Даже и не задумались надъ тѣмъ, откуда пришло это слово и что оно значитъ. Слова этого нѣтъ ни на какомъ языкѣ; оно только у насъ. Просвѣтитъ не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви“¹⁾. Эти мысли родились и пе-

¹⁾ Т. IV. стр. 635—7 изд. 1880 г. Письм. XVII сравн. VIII и IX.

решили въ убѣжденіи славянофиловъ постепенно. Исходя изъ глубины русскаго сердца, воспитаннаго въ историческихъ традиціяхъ народной жизни, новое направленіе въ области религіозной вѣры должно было вытѣснить собою увлеченія нѣмецкой философіей и произвести переломъ въ міровоззрѣніи цѣлой группы передовыхъ людей того времени.—Положительный результатъ такого перелома выразился въ ихъ единоподушномъ сознательномъ преклоненіи предъ святостью и всеобъемлемостью православной вѣры и Церкви. Поэтому-то, посвящая всѣ свои силы изученію Св. Писанія и св. отцовъ, они старались выяснить и утвердить въ сознаніи своихъ современниковъ необходимость вернуться подъ руководство Православной Церкви, отъ котораго полтора вѣка тому назадъ такъ силится освободиться русская мысль. Ив. В. Кирѣевскій задачи будущей русской философіи видитъ въ возвращеніи къ любомудрію св. отцовъ, и это новое направленіе представляется ему самымъ желательнымъ и нужнымъ. „Любомудріе св. отцовъ“, говоритъ онъ, „представляетъ зародышъ будущей философіи, которая требуется всею совокупностію современной русской образованности“ ¹⁾. „Противопоставить эти драгоцѣнныя и живительныя истины современному состоянію философіи, проникнуться по возможности ихъ смысломъ, сообразить въ отношеніи къ нимъ всѣ вопросы современной образованности, всѣ логическія истины, добытыя наукой, всѣ плоды тысячелѣтнихъ опытовъ разума среди его разностороннихъ дѣятельностей; изо всѣхъ этихъ соображеній вывести общія слѣдствія, соотвѣтственныя настоящимъ требованіямъ просвѣщенія,—вотъ задача, рѣшеніе которой могло бы измѣнить все направленіе просвѣщенія въ народѣ, гдѣ убѣжденія православной вѣры находятся въ разногласіи съ заимствованною образованностью“ ²⁾.

¹⁾ *Лясковскій*. Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ. Спб. 1899 г. стр. 91-я.

²⁾ Тамъ же, стр. 89.

Въ такомъ видѣ представляется намъ религіозно-философскій идеализмъ первыхъ славянофиловъ. Иначе относились къ религіи западники.

В. А.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Православно-русское приготовленіе къ пастырскому служенію въ сравненіи съ католическимъ и протестантскимъ.

(Окончаніе ¹⁾).

По уставу 1867 г. духовныя училища были предназначены для первоначальнаго образованія дѣтей духовенства. Этимъ обстоятельствомъ оправдывалось и то, что изысканіе средствъ на ихъ содержаніе было предоставлено мѣстному духовенству. По уставу 1884 г. духовныя училища были сдѣланы уже „учебно-воспитательными заведеніями для первоначальнаго образованія и подготовленія дѣтей къ служенію Православной Церкви“, т. е. имъ было дано уже специальное назначеніе; но содержаніе ихъ по-прежнему возложено на мѣстные источники средствъ. Въ силу этого духовенство, естественно, смотритъ на нихъ по-старому, какъ на *свои* школы, какъ на школы, предназначенныя для образованія его дѣтей. Да и тяжело нашему мало-обезпеченному и, обычно, многосемейному приходскому духовенству воспитывать дѣтей на собственный счетъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ и посылаютъ ихъ въ училища. Но куда можетъ пойти мальчикъ, кончившій курсъ въ духовномъ училищѣ? Программа училища значительно урѣзана по сравненію съ программой гимназій: туда поступить онъ не можетъ. Поневолѣ приходится идти въ семинарію. А семинарія, какъ гласитъ уставъ этого заведенія (§ 1), есть уже вполне специальное „учебно-воспитательное заведеніе для приготовленія юношества къ

¹⁾ См. № 9 за 1906 г.

служенію Православной Церкви“, и тамъ съ перваго же класса приходится приниматься за изученіе богословскихъ наукъ. Какъ бы ни былъ нерасположенъ человѣкъ къ изученію богословія, какъ бы ни желалъ онъ посвятить себя изученію общеобразовательныхъ предметовъ, ему приходится главное вниманіе обращать именно на богословскія науки. Получается какой-то тупикъ. Въ качествѣ лазейки изъ этого тупика предоставлена семинаристамъ возможность съ недавняго времени поступать въ нѣкоторые университеты. Но и для того, чтобы попасть въ университетъ, семинаристу нужно знать не столько тѣ науки, которыя онъ потомъ будетъ проходить, сколько богословіе, потому что знаніе его необходимо для полученія перваго разряда, а въ университетъ принимаютъ только перво-разрядныхъ. Вотъ и зубритъ человѣкъ богословіе со злостью въ сердцѣ и проклятіемъ на устахъ. А это создаетъ особую атмосферу недовольства системой и озлобленія въ цѣломъ учебномъ заведеніи, и общему настроенію поддаются даже тѣ, которымъ, не будь этого, никогда бы и въ голову не пришло возмущаться существующими порядками.

Всѣмъ извѣстно также усилившееся, особенно за послѣднее время, стремленіе семинаристовъ отдѣлаться отъ пресловутаго бурсаизма и сдѣлаться вполне свѣтскими людьми. Несмотря на то, что это стремленіе семинаристовъ нисколько не соотвѣтствуетъ спеціально-пастырскому, въ католическомъ духѣ вѣденному, воспитанію, центральное управленіе пошло ему навстрѣчу и разрѣшило вводить въ семинаріяхъ форменную одежду. Исчезли порывѣлыя безформенныя пальто и уродливыя картузы, и на ихъ мѣсто явились фуражки и мундиры военнаго образца, „совсѣмъ, какъ у студентовъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ стали семинаристы учиться танцовать, посѣщать танцевальные вечера, даже блистать въ провинціальномъ обществѣ. Среди нихъ явились уже свои „бѣлоподкладочники“.

Но въ то же время въ семинаріи остается въ силѣ католическій *ratio studiorum* съ его принципомъ *philosophia ancilla est theologiae*“ и со всей той хитроумной системой

концентраціи знаній, до которой додумались средневѣковые схоластики. И не только остается, но объ этомъ семинаристу постоянно напоминаютъ, объ этомъ предписывается напоминать ¹⁾).

Вотъ и получается, что семинаристъ *ex officio* прислуживаетъ въ церкви за богослуженіемъ и раздуваетъ кадило, а *ex pia diligentia* во время вечернихъ занятій перелѣзаетъ черезъ заборъ и идетъ къ учителю танцевъ учиться манерамъ и выдѣлывать „на“ мазурки; *ex officio* повторяетъ за учебникомъ о несовершенствѣ человѣческаго разума, лишеннаго сверхъестественной помощи въ дѣлѣ отысканія истины, а *ex pia diligentia* зачитывается до одурѣнія произведеніями подпольной литературы; *ex officio* говоритъ о необходимости и сладости христіанскаго смиренія, а *ex pia diligentia* бьетъ стекла и ломаетъ мебель.

Такихъ параллелей можно привести, сколько угодно, но и приведенныхъ уже достаточно, чтобы видѣть, что нынѣшняя семинарія стремится обнять необъятное и вмѣстить невмѣстимое; стремится соединить выгоды католической концентраціи знаній и развитіе церковности съ удобствами протестантскаго свѣтскаго воспитанія. Очевидно, нужно выбрать что-нибудь одно: или тепличную систему католическаго воспитанія и тогда—целибатъ духовенства и цезарепапистическій строй церковнаго устройства, или же семейное духовенство съ обычными запросами живой души и тогда—свободу свободно избраннаго духовнаго образованія, какъ у протестантовъ.

Что нынѣшняя система тяжела, неестественна, что она гнететъ учащихся, это убѣдительно доказываетъ сама жизнь. Вотъ уже болѣе 10 лѣтъ, какъ воспитанники нашей духовной школы заявляютъ свой протестъ противъ системы самыми дикими бунтами, сопровождаемыми убійствами и избіеніемъ школьной администраціи, битьемъ стеколъ, ломаньемъ мебели

¹⁾ См. циркуляры по дух. вѣдомству.

и поджигательствомъ. Получается что-то въ высшей степени ненормальное, ни съ чѣмъ несообразное, подобнаго чему напрасно стали бы мы искать въ лѣтописяхъ исторіи. Школа стѣпенная, задержанная въ своемъ поступательномъ движеніи, останавливается, кружится на одномъ мѣстѣ, подобно водовороту, и наконецъ обращаетъ всю энергію на уничтоженіе самой себя. Развѣ это было бы мыслимо при сколько-нибудь цѣлесообразно поставленной системѣ?

Трудно найти въ настоящее время человѣка, который былъ бы доволенъ современнымъ духовно-учебнымъ строемъ, не только изъ учалщихся, но и изъ давно кончившихъ учиться. Одинъ священникъ на страницахъ полуофіціального „Церковнаго Вѣстника“ (№ 27. 1905 г.) свидѣтельствуетъ, что такихъ недовольныхъ по крайней мѣрѣ 90 процентовъ. И недовольство это высказывается не мягко, не съ сожалѣніемъ, не съ улыбкой прощенья, а со злобой, съ ожесточеніемъ, съ проклятіемъ.

Падаютъ въ семинаріи и общеобразовательныя науки, падаетъ общее развитіе, которымъ семинаристы всегда такъ выгодно отличались передъ воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній. Падаютъ, какъ потому, что при общемъ строѣ отрицательнаго отношенія къ семинарской учебѣ и онѣ находятся не въ чести, такъ и потому, что при отсутствіи свободнаго выхода изъ семинаріи знаніе ихъ не даетъ никакихъ преимуществъ. Вотъ что говоритъ объ общемъ развитіи семинаристовъ въ отчетѣ о приѣмныхъ экзаменахъ въ академіи профессоръ Кіевской дух. акад. П. И. Линицкій еще въ 1890 г.: „за немногими исключеніями, державшіе экзамень студенты семинаріи не обнаруживаютъ склонности къ размышленію и къ сколько-нибудь самостоятельному обсужденію предлагаемыхъ вопросовъ; не замѣчается вовсе охоты вникнуть въ смыслъ выученнаго и передать его по возможности иными словами; всякій предложенный вопросъ обыкновенно ведетъ къ тому, что спрошенный усиливается припомнить, нѣтъ ли въ учебникѣ прямо относящагося къ вопросу, вмѣсто того, чтобы

выскнуть въ смыслъ вопроса и, на основаніи имѣющихся свѣдѣній, дать обдуманнѣе отвѣтъ“. Оцѣнка студентовъ послѣдующихъ курсовъ не лучше этой. Въ общемъ, всѣ привыкли не разсуждать. И это сливки духовной школы, выдѣленные цѣлымъ рядомъ экзаменаціонныхъ фильтровъ и другихъ мытарствъ. Что же сказать объ обыкновенномъ, рядовомъ семинариствѣ?

Относительно того, къ какой изъ двухъ системъ, католической или протестантской, должна примкнуть наша система пастырскаго приготовленія, въ настоящее время кажется, трудно найти среди лицъ, близко прикосновенныхъ къ духовно-учебному дѣлу, двухъ человѣкъ съ разными мнѣніями. Чѣмъ больше слушаешь разсужденій по этому поводу, чѣмъ болѣе ихъ читаешь, тѣмъ яснѣе вырисовывается желательный строй духовно-учебнаго дѣла въ Россіи, какъ устроенный по чисто протестантскому образцу. Всѣ требуютъ уничтоженія сословности духовной школы, раскрѣпощенія дѣтей духовенства отъ какого-то тягла богословствованія, свободы выхода изъ семинаріи во всѣ высшія учебныя заведенія и выдѣленія богословскаго образованія если не въ отдѣльные богословскіе институты или еще лучше въ богословскіе факультеты при университетахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльные классы, необязательные для всѣхъ, какъ то было при графѣ Толстомъ. Общее образованіе должно быть уравнено по объему и по правамъ съ образованіемъ министерской гимназіи.

Пожеланіе такой реформы высказываютъ не только частныя лица, но и съѣзды духовенства и корпораціи преподавателей духовно-учебныхъ заведеній. Въ такомъ же, вѣроятно, духѣ предложить реформу и проектируемый съѣздъ преподавателей духовной школы, если онъ только состоится.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вопросъ о духовной школѣ будетъ одинъ изъ самыхъ первыхъ и самыхъ важныхъ вопросовъ, какіе придется рѣшать нашему будущему помѣстному собору.

А. Кактыль.

Положеніе вдовыхъ священниковъ.

Если и мірскому человѣку потеря жены наноситъ тяжкую рану, которая залѣчивается и заживаетъ долгими годами, то что говорить о священникѣ? При похоронахъ жены священника кажется, что не одну умершую засыпаютъ сырою землей, но гробъ уноситъ съ собою и часть живого человѣка, часть второй живой половины брака. Благо священнику вдовцу, если у него остаются дѣти! Пусть дѣти не замѣнятъ жены для мужа, но все же священникъ не оказывается одинокимъ, такъ какъ присутствіе дѣтей смягчаетъ одиночество и самую потерю. Не сладко положеніе священника вдовца, тяжело положеніе и дѣтей его, если они не стали на собственныя ноги; замѣнить матери никто не можетъ, и дѣти священника, съ потерей матери, часто лишаются какого бы то ни было ухода. Понятно, что въ такомъ уходѣ необходима женская рука и благо, если у вдовца найдется одинокая безпріютная родственница старушка, которая возьметъ на себя досмотръ и заботу о сиротахъ, но часто такой родственницы можетъ и не оказаться. Держать въ домѣ чужую женщину, бонну или учительницу для дѣтей, священнику неудобно; пойдуть намеки, разговоры, кляузы, доносы начальству; къ тому же церковными правилами священнику вдовцу запрещается держать въ домѣ женщинъ, кромѣ ближайшихъ родственницъ. Да и кто пойдетъ къ священнику въ глушь, въ бѣдную обстановку? При такихъ условіяхъ дѣти священника вдовца остаются безпрізорными, и воспитаніе первоначальное получаютъ на улицѣ, въ компаніи деревенскихъ ребятишекъ.

Какъ слагается или устраивается жизнь священниковъ вдовцовъ?

Одни изъ нихъ, не падая духомъ и не теряясь подъ ударами судьбы, на потерю близкаго и дорогаго человѣка смотрятъ какъ на испытаніе, крестъ, посланный отъ Бога, и покорно его несутъ. Силы и время, какое отдавалось семьѣ, они отдаютъ приходу, съ удвоенной энергіей служа своему

пастырскому дѣлу. Потеря семьи, какъ она ни горька и тяжела, освобождаетъ въ значительной мѣрѣ отъ матеріальныхъ заботъ и нуждъ, которыя такъ сильно принижаютъ и пришибаютъ насъ къ землѣ, парализуя лучшіе порывы. Отсутствіе зависимости отъ прихода въ грошахъ открываетъ дорогу къ взаимному довѣрію съ приходомъ, самого широкаго и плодотворнаго вліянія священника на приходъ.

Нѣкоторые священники вдовцы, энергичные, съ болѣе широкими духовными запросами, идутъ въ академію, пробираютъ себѣ дорогу къ учительству, профессурѣ, архіерейскимъ кафедрамъ.

Третья категорія священниковъ вдовцовъ, это тѣ, которые, не находя въ себѣ силъ бороться съ судьбой, опускаются нравственно. Намъ думается, если бы возможна была статистика всѣхъ судебныхъ дѣлъ, какія возбуждаются въ нашихъ консисторіяхъ противъ лицъ духовныхъ, то она съ несомнѣнностію доказала бы, что значительный процентъ этихъ дѣлъ касается священниковъ вдовцовъ.

Наконцѣ, есть и еще группа священниковъ вдовцовъ, самая малочисленная. Не найдя въ духовномъ званіи и служеніи нравственнаго удовлетворенія, тоскуя въ своемъ одиночествѣ, эти идутъ на смѣлый и рѣшительный шагъ: не задумываясь надъ тѣмъ, что ожидаетъ ихъ за стѣнами церковной ограды, снимаютъ санъ и женятся. Дальнѣйшая судьба и участь ихъ, при общераспространенномъ пренебрежительномъ отношеніи къ „разстригѣ“, нерѣдко бываетъ очень и очень печальной.

Чѣмъ возможно было бы облегчить положеніе вдовыхъ священниковъ? У свѣтскихъ лицъ на этотъ вопросъ отвѣтъ давно готовъ; при видѣ плачевнаго положенія вдовца-священника, они только пожимаютъ плечами и съ удивленіемъ спрашиваютъ: „и отчего это не позволяютъ священникамъ во второй разъ жениться?“ На запрещеніе священнику жениться во второй разъ эти лица смотрятъ, какъ на какое-то печальное недоразумѣніе, не имѣющее для себя разумныхъ

основаній. Между тѣмъ, если стоять на почвѣ церковныхъ каноновъ, по данному вопросу двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. 17 ап. правило гласитъ: „кто по святомъ крещеніи двумя браками обязанъ былъ, тотъ не можетъ быть епископъ, ни пресвитеръ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина“. То же подтверждаетъ 3 пр. VI вселенскаго собора и 9 пр. Неокессарійскаго. Отмѣнить данныя правила могъ бы вселенскій, но не помѣстный, допустимъ, русскій соборъ. Печего и говорить о практическихъ неудобствахъ такой отмѣны, о томъ, какой соблазнъ въ милліонахъ простыхъ людей произвела бы такая реформа; раскольникамъ она дала бы новое доказательство того, что Русскую Церковь осилилъ діаволь.

Облегчить положеніе вдовыхъ священниковъ возможно въ другой формѣ, именно—совсѣмъ уничтоживъ тѣ стѣсненія, какими сопровождается снятіе сана. Стѣсненія эти чисто юридическаго характера, но они настолько важны и тяжелы, что часто удерживаютъ священника въ духовномъ сословіи, заставляють, противъ воли, нести пастырскія обязанности, благое иго Христова обращая въ тяжкій яремъ. Когда священникъ оказывается въ положеніи подневольнаго раба, а не свободнаго соработника Христова, и пастырскій трудъ не сется черезъ силу,—что пользы Церкви въ такихъ слугахъ и пастыряхъ?! Священнослужителямъ, добровольно сложившимъ съ себя духовный санъ, воспрещается вступать въ какой бы то ни было родъ государственной службы: священникамъ ранѣе 10 лѣтъ, а діаконамъ ранѣе 6 лѣтъ (т. III, уставъ сл. гр. ст. 12); при томъ службу такія лица могутъ занимать только внѣ предѣловъ той епархіи, въ которой состояли на службѣ. Такъ какъ понятіе государственной службы захватываетъ многія и самыя разнообразныя сферы, такъ какъ духовныя семинаріи не даютъ практическихъ профессиональныхъ знаній (кромѣ, конечно, богословскихъ), то ясно, какому риску подвергаетъ себя тотъ, кто рѣшается снять съ себя духовный санъ? Это рискъ остаться безъ работы, умереть голодною смертію. Десятилѣтній срокъ не шутка; па-

чинать въ сорокъ лѣтъ жизнь и службу не всякому улыбается. Запрещеніе снявшему съ себя санъ служить въ предѣлахъ той епархіи, гдѣ онъ служилъ, когда-то имѣло, по всей вѣроятности, цѣлью предохранить отъ соблазна паству, но оно утратило теперь свой смыслъ и является положительно жестокимъ, если признать естественную привязанность человека къ мѣсту. Повторяемъ: гражданскія стѣсненія для лицъ, добровольно снявшихъ съ себя санъ, должны быть полностью уничтожены. Это будетъ полезно въ томъ отношеніи, что откроетъ обратный выходъ изъ духовскаго званія лицамъ, взявшимъ на себя пастырское служеніе по недомыслию, для лицъ, признавшихъ себя неспособными или негодными для пастырскаго служенія, для всѣхъ тѣхъ, въ комъ не окажется твердости и стойкости, нужныхъ для пастырства. Пастырство есть прежде всего дѣло совѣсти; пусть же и отреченіе отъ него, измѣна ему, карается самой совѣстью, а не статьями вѣщнаго закона.

Духовнымъ академіямъ нашимъ также слѣдовало бы оказать болѣе участія къ положенію вдовыхъ священниковъ, болѣе привѣтливо и широко открыть для нихъ двери академическихъ аудиторій, съ цѣлью дать имъ богословское образованіе, болѣе широкое, чѣмъ какое они получали въ семинаріи. Пастыри сельскіе—средня, второй разрядъ, и поэтому имъ закрыта дорога въ академію. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, очень многіе изъ нихъ, пожившіе, читавшіе, по развитію вовсе не уступятъ студентамъ или перворазрядникамъ семинаристамъ, пусть и позабыли они кое-что изъ частныхъ богословской науки. Широкой доступъ въ наши академіи вдовыхъ священниковъ принесетъ несомнѣнную пользу и для нихъ и для Церкви.

Свящ. В. Пестряковъ.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 11, Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года марта 12-го дня.

Содержаніе: Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ.—Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху сороковыхъ годовъ (окончаніе)—Одно изъ проявленій народной дикости.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: „О податяхъ и повинностяхъ“.

Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ без- приходныхъ миссіонеровъ.

Въ № 19-мъ Вятск. епарх. вѣд. за 1905 годъ излагается рядъ рѣшеній, къ какимъ пришло пастырское собраніе вятскаго духовенства (бывшее 23 августа) по вопросу о постановкѣ миссіи среди старообрядцевъ въ своей епархіи. Послѣ предварительныхъ разсужденій пастырское собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ: 1, ходатайствовать чрезъ епархіальнаго преосвященнаго объ упраздненіи института безприходныхъ уѣздныхъ миссіонеровъ въ Вятской епархіи, возложивъ дѣло обращенія въ лоно св. Церкви заблуждающихся старообрядцевъ и огражденія православныхъ отъ увлеченія старо-

обрядчествомъ на приходскихъ священниковъ; 2, для поддержанія контингента лицъ, способныхъ дать надлежащій отпоръ мѣстнымъ старообрядческимъ начетчикамъ и главарямъ сектантства, установить должность окружныхъ миссіонеровъ во всѣхъ благочинническихъ округахъ съ старообрядческимъ и сектантскимъ населеніемъ, оставивъ ихъ въ то же время и приходскими священниками; 3, для огражденія же православнаго населенія отъ заѣзжихъ всероссійскихъ старообрядческихъ начетчиковъ, каковы: Коноваловъ, Перетрухинъ, Пермяковъ и др., для веденія публичныхъ бесѣдъ въ Вяткѣ и другихъ мѣстахъ епархіи, а также для направленія и объединенія миссіонерской дѣятельности окружныхъ миссіонеровъ и всего духовенства Вятской епархіи, оставить должности епархіальнаго миссіонера и его помощника.

Настановленія эти, предварившіяся рядомъ довольно сложныхъ разсужденій, интересны, поскольку въ нихъ выразился принципиальный голосъ объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ и ихъ дѣятельности.

Дѣятельность безприходныхъ миссіонеровъ не разъ за послѣднее время подвергалась критикѣ. Отрицательныя сужденія о ней довольно распространены. Они были высказаны и въ пастырскомъ собраніи Вятскаго духовенства. Обыкновенно указываютъ, какъ и здѣсь было указано, на относительную бесплодность дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ, которая въ иныхъ мѣстахъ (сдѣлана была ссылка на Астраханск. епархію) даетъ минусъ вмѣсто плюса, выражающійся именно въ томъ, что число уклоненій въ расколь и секты превышаетъ число присоединеній къ Церкви. Затѣмъ, также указываютъ на непріятный характеръ, какой принимаютъ миссіонерскія бесѣды, обращаясь нерѣдко, даже у виднымъ и опытнымъ миссіонеровъ, въ безтактно задорныя и бранчивыя рѣчи, въ акты непрошеннаго и безцеремоннаго вторженія во внутренній міръ заблуждающихся, совсѣмъ не расположенныхъ слушать то, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ надоѣдливо раздается надъ ихъ ухомъ. Въ собраніи

приведены были и образчики подобнаго рода бесѣдъ. Отмѣчено было, что показанный характеръ собесѣдованій усвоенъ миссіонерами довольно прочно и выражается иногда слишкомъ неприглядно, напр., въ томъ, что „миссія дозволяетъ инсинуаціи самаго низкопробнаго свойства“, не падить памяти умершихъ враговъ своихъ, позволяя „позорно издѣваться надъ ними“, т. е. обнаруживаетъ духъ нетерпимости, оскудѣніе христіанской благожелательности,—и потому было засвидѣтельствовано, что отрицательное отношеніе къ ней со стороны старообрядцевъ, ругательства, какими они встрѣчаютъ и провожаютъ миссіонеровъ, вполне естественны. „Такъ бесѣдовать нельзя, заявляли участники собранія; такія бесѣды вызываютъ одно раздраженіе; онѣ безплодны“. Не имѣя жизненности, онѣ лишь реклама миссіонерскихъ знаній“. Институтъ такихъ дѣятелей необходимо упразднить.

Строгій приговоръ нѣкоторыхъ членовъ собранія встрѣтилъ, какъ и естественно ждуть этого, горячій отпоръ со стороны другихъ участниковъ его. Говоримъ—естественно, потому, что стоя на почвѣ фактовъ, можно дать и нѣсколько иную оцѣнку миссіонерской дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ. *Abusus non tollit usus*. Если отдѣльныя лица среди миссіонеровъ позволяютъ себѣ горячиться на бесѣдахъ, если находятся въ средѣ ихъ такія, которыя допускаютъ безтактныя дѣйствія и злостныя инсинуаціи, то это еще, конечно, не значитъ, чтобы былъ „виноватъ тутъ весь миссіонерскій институтъ, который за это и слѣдуетъ уничтожить“. „Если оказался среди духовенства Гапонъ, значитъ ли это, что надо уничтожить все духовное сословіе—священниковъ, діаконовъ и епископовъ?“ Здѣсь слѣдовало бы ожидать, что будутъ указаны примѣры такихъ миссіонерскихъ собесѣдованій, которыя въ рѣшительностью свидѣтельствуютъ о жизненности миссіонерской дѣятельности въ ея цѣломъ,—рядомъ съ которыми отрицательные образчики бесѣдъ станутъ въ очевидное положеніе печальныхъ исключеній. Но рѣшительныхъ примѣровъ подобныхъ бесѣдъ членами собранія не было пред-

ставлено. Было, правда, сдѣлано однимъ участникомъ собранія довольно глухое заявленіе, что бесѣды миссіонеровъ не всегда сопровождаются присоединеніями раскольниковъ, хотя всегда благотворно дѣйствуютъ на православныхъ, укрѣпляя въ нихъ преданность православной вѣрѣ. Зато другимъ участникамъ собранія, священникомъ-миссіонеромъ, было указано, что въ его практикѣ собесѣдованія въ деревняхъ съ православными на обще-христіанскія темы вызывали искреннюю благодарность слушателей; послѣдніе усиленно просили миссіонера-батюшку бывать у нихъ и впередъ, на рукахъ выносили его изъ дома. Совсѣмъ обратное впечатлѣніе производили бесѣды того же миссіонера, съ книгами въ рукахъ, противъ старообрядцевъ. По его откровенному признанію, въ этомъ случаѣ онъ никогда ничего не достигалъ, кромѣ ожесточенія и озлобленія. Эти заявленія свидѣтельствуютъ о томъ, что собраніе старалось исчерпать всѣ фактическія данныя о вліяніи миссіонерскихъ собесѣдованій съ старообрядцами, говорящія какъ въ пользу ихъ, такъ и противъ нихъ. И если собраніе не привело рѣшительныхъ данныхъ въ защиту ихъ, то можно заключать, при какой мысли, повидимому, осталось пастырское собраніе, судя по его постановленію, что благотворнаго дѣйствія на раскольниковъ эти бесѣды вообще и въ желательной степени не производятъ. Было еще сдѣлано разъясненіе, что въ политическихъ бесѣдахъ, хотя не послѣднее мѣсто занимаетъ внѣшняя форма выраженій, но она еще не составляетъ всего; не слѣдуетъ опускать изъ виду содержанія бесѣды, которое можетъ быть и бываетъ не бесполезнымъ для приходскихъ священниковъ. Кромѣ того было сказано, что внѣшняя сторона бесѣды, хотя бы и отличалась рѣзкимъ характеромъ, ничего еще не говоритъ о бесполезности ея по существу. Что изъ того, что старообрядцы выходятъ съ этихъ бесѣдъ раздраженными? „Это самое обычное явленіе среди людей, которые бѣжатъ отъ свѣта и правды“, — такъ говорилось въ собраніи. „Не только раскольники свирѣпѣютъ, слыша правдивое обличеніе; но свирѣпѣли во вре-

мена Христа фарисеи и книжники;... свирѣпѣли и во времена апостоловъ іудеи и язычники, гнали ихъ и заключали въ узы, побивали въ ярости камнями“; однако Христось и апостолы не молчали, а обличали этихъ законсѣлыхъ враговъ правды. Миссіонеры подражаютъ высокому примѣру Христа и апостоловъ, когда идутъ съ проповѣдію въ дома заблуждающихся старообрядцевъ, или ѣдутъ въ ихъ деревни. Уклониться отъ бесѣды потому только, что раскольники не хотятъ слушать ихъ, на дѣлѣ бываетъ не удобно; уклоненіе непременно будетъ истолковано старообрядцами за поражение миссіонера, за неспособность его защитить свою вѣру, что, конечно, произвело бы удручающее впечатлѣніе на православныхъ и сопровождалось бы неизбѣжными уклоненіями ихъ въ расколъ. Съ другой стороны, не зачѣмъ придавать серьезное значеніе раздраженію старообрядцевъ, которое часто предваряетъ бесѣду, а не слѣдуетъ за нею, ибо „раскольникъ часто и является на бесѣду лишь для того, чтобы сорвать бесѣду, что бы во что бы то ни стало смѣшать, смутить собесѣдника“. Ужели бѣжать изъ-за того съ бесѣды? Опять и отсюда слѣдуетъ, что бесѣду необходимо продолжать при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ и даже въ виду ихъ. Разсуждающіе подобнымъ образомъ, не отвергая отрицательныхъ сторонъ въ постановкѣ бесѣды, оправдываютъ ихъ создавшимися условіями, при которыхъ миссіонерамъ приходится дѣйствовать,—возводятъ ихъ, такъ сказать, въ естественное и неизбѣжное явленіе, причѣмъ, само собою разумѣется, прямое назначеніе бесѣды—способствовать обращенію заблуждающихся, сводится только уже къ загражденію православныхъ отъ совращенія въ расколъ зловредною дѣятельностью старообрядческихъ пачетчиковъ.

Что касается статистическихъ данныхъ, констатирующихъ якобы бесплодность миссіонерской дѣятельности, то и они подержаны были съ этой стороны критикѣ. Не вездѣ цифры показываютъ минусъ миссіонерской дѣятельности; по мѣстамъ (сдѣлана была ссылка на Вятскую епархію) онѣ пока-

зываютъ и плюсъ ея. По заявленію одного миссіонера-священника, „при какомъ бы настроеніи ни была ведена бесѣда, она всегда приноситъ пользу; раскольники не всегда присоединялись, но православные всегда укрѣплялись“. Была высказана также мысль, что трудно и даже невозможно переводить на цифры итоги миссіонерской дѣятельности. Напр., о вредѣ пьянства проповѣдуется постоянно: но обращаются на путь трезвости не многіе. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что нужно бросить проповѣдничество. Съ другой стороны, никакіе счеты, ни расчеты, въ особенности коммерческіе, нельзя признать и по существу удобными и примѣнимыми въ святомъ дѣлѣ обращенія заблуждающихся. „Душа человѣческая дороже всѣхъ сокровищъ міра: какъ польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣщетъ, душу же свою отщетитъ“ (Мѡ. 16, 26; Мар. 8, 36; Лук. 9, 25). Сюда по ассоціаціи можно было бы привлечь и другое наставленіе Христа Спасителя, что добрый пастырь оставляетъ девяносто девять овецъ и идетъ для спасенія одной заблудившейся (Мѡ. 18, 12; Лук. 15, 4). Насколько цѣнно обращеніе даже и одной заблудшей овцы! И такъ, въ результатѣ критической оцѣнки и статистическихъ данныхъ объ успѣхахъ миссіонерской дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ для пастырскаго собранія становилось болѣе или менѣе яснымъ, что успѣшность ея показывается цифрами слабая или во всякомъ случаѣ недостаточная, не пропорціональная затратѣ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ миссіонерами и на миссіонеровъ. Только защитники этого института прикрываютъ неудовлетворительное положеніе вещей высшими соображеніями, возвышая, на основаніи словъ Христа Спасителя о достоинствѣ человѣческой души, цѣнность того немногаго, что достигается дѣятельностью этого института.

Мы охотно слѣдуемъ шагъ за шагомъ въ воспроизведеніи разсужденій пастырскаго собранія Вятскаго духовенства о миссіонерской дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ *pro* и *contra*, потому что хочется намъ достигнуть уясненія

этого вопроса, въ виду крайне разнорѣчивыхъ и спорныхъ рѣшеній его; а всякій спорный вопросъ лучше всего уясняется путемъ сопоставленія и сравнительной оцѣнки того и другого изъ двухъ противоположныхъ рѣшеній. Сейчасъ мы подошли къ моменту, когда пора задаться вопросомъ: отвратимы ли въ полной мѣрѣ тѣ слабыя стороны, которыя присущи характеру и постановкѣ миссіонерской дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ, а слѣдовательно, достижимы ли въ какомъ-либо случаѣ этимъ институтомъ и возможно большіе успѣхи въ дѣлѣ обращенія заблуждающихся, желать которыхъ во всякомъ случаѣ вполне естественно и законно? Ибо вѣдь никто не станетъ отрицать, что прямой задачей миссіонерскихъ собесѣдованій должно быть обращеніе заблуждающихся и только попутной—укрѣпленіе православныхъ. Поставленнымъ вопросомъ задалась и участница пастырскаго собранія Вятскаго духовенства, когда пришли, путемъ обмѣна мнѣній, къ выводу, что прямому своему назначенію институтъ безприходныхъ миссіонеровъ удовлетворяетъ недостаточно. Но предварительно мы хотимъ сдѣлать отъ себя нѣкоторое разъясненіе и пополненіе къ сказанному.

Мы цѣликомъ раздѣляемъ взглядъ, что переводить на цифры итоги миссіонерской дѣятельности нельзя. Даже больше того, мы затрудняемся приписывать, за очень немногими исключеніями, гдѣ дѣло ясно само по себѣ, какъ день Божій, затрудняемся приписывать миссіонерской дѣятельности и тѣ немногіе результаты ея, которые показываются цифрами. Зато мы не склонны усвоить этой дѣятельности, какъ таковой, и тѣ минусы, которые значатся въ тѣхъ же цифрахъ. Для насъ ясно, что не каждое уклоненіе въ расколъ, происшедшее послѣ бесѣды, составляетъ прямой отрицательный плодъ ея. Точно также мы думаемъ, что не всякое обращеніе раскольника, происшедшее послѣ бесѣды, бываетъ ея прямымъ слѣдствіемъ. Дѣло обращенія души человѣческой къ истинѣ, какъ и совращеніе ея во лжу, есть дѣло, требующее извѣстной продолжительности и подготовки, не могущее совершиться

мгновенно; таково въ особенности обращеніе заблуждающихся къ истинѣ. Этому научаетъ насъ притча Христа Спасителя о блудномъ сынѣ. И это вѣрно какъ по отношенію къ старообрядцамъ и всѣмъ вообще сектантамъ, упорство которыхъ не можетъ быть побѣждено мгновенно, такъ и по отношенію къ православнымъ, преданность которыхъ православію или хотя бы просто привычка ихъ къ нему не могутъ быть сломлены сразу. Слѣдовательно, при обращеніи раскольниковъ къ Церкви, какъ и при уклоненіи православныхъ въ расколъ, дѣйствуютъ болѣе или менѣе продолжительно многоразличные факторы, и миссіонерскія бесѣды, въ зависимости отъ своего характера, становятся только однимъ изъ этихъ факторовъ въ длинной цѣпи ихъ. Цѣпь эту составляютъ многоразличныя условія внутренней жизни самихъ старообрядцевъ и, неразрывно съ этимъ, обще-приходской жизни, находящейся подъ ближайшимъ смотрѣніемъ и вліяніемъ приходскаго священника. Отъ внутренняго состоянія этой жизни, отъ ея качества и зависитъ, прежде всего, увеличеніе или уменьшеніе числа уклоненій въ расколъ и обращеній изъ него. Здѣсь именно иногда совсѣмъ незначительными, какъ можетъ показаться, явленіями и случаями, а главное—общимъ духомъ, общимъ направленіемъ жизни создается атмосфера, развивающая расположеніе и любовь къ Церкви, или, наоборотъ, охлаждающая эти чувства къ ней и развивающая сочувствіе къ расколу и другимъ ложнымъ ученіямъ. Равнымъ образомъ, во внутренней жизни мѣстныхъ старообрядческихъ обществъ могутъ быть тѣ или иные явленія и движенія, которыя обусловливаютъ крѣпость раскола, усиливая её, смотря по своему характеру, или же ослабляя. Такимъ положеніемъ вещей сами собою намѣчаются пути, которыхъ нужно держаться при отвѣтѣ на поставленный выше вопросъ о внутренней цѣнности дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ и достижимости ею своего прямого назначенія, а именно: насколько цѣлесообразна эта дѣятельность по отношенію къ расколу даннаго мѣста и времени,

отмѣченному тѣми или другими индивидуальными особенностями, иначе—къ расколу, какъ живому факту даннаго мѣста и дня,—и затѣмъ, насколько опять цѣлесообразна она, какъ отрасль пастырскаго дѣланія, которымъ создается та среда, куда приходитъ съ своимъ словомъ заѣзжіи миссіонеръ? Иначе говоря, насколько тѣсно и согласно, насколько практически-жизненно входитъ она въ сферу пастырской дѣятельности приходскихъ священниковъ, направленной къ утвержденію православныхъ въ вѣрѣ и обращенію отступившихъ отъ вѣры, и дѣйствительно ли оказываетъ имъ въ ихъ нелегкомъ трудѣ существенную поддержку?

Старообрядческій расколъ, какъ это и высказалъ одинъ изъ участниковъ пастырскаго собранія Вятскаго духовенства, есть болѣзнь не только ума, но воли и сердца. Какъ болѣзнь ума, онъ достаточно опредѣлился, хотя не безъ того, чтобы уже исключалась въ немъ возможность мѣстнаго и временнаго разнообразія въ характерѣ рѣшенія его послѣдователями тѣхъ или другихъ церковныхъ вопросовъ. Съ этой стороны онъ хорошо извѣстенъ миссіонерамъ; отъ ихъ вниманія не ускользаютъ и видоизмѣненія въ рѣшеніи старообрядцами своихъ вопросовъ, но крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе существенныя и замѣтныя. Но они не могутъ услѣдить всего разнообразія этихъ видоизмѣненій, а равнымъ образомъ и степени заинтересованности отдѣльныхъ старообрядцевъ и цѣлыхъ общинъ ихъ тѣми или другими вопросами, которая (заинтересованность), конечно, и не можетъ быть одинаковою какъ по объекту своему, такъ и по интенсивности въ разныхъ старообрядческихъ обществахъ. Болѣе или менѣе скрытая отъ взоровъ пріѣзжаго миссіонера внутренняя жизнь мѣстнаго раскола, если не съ каждымъ днемъ, то по мѣрѣ времени, выдвигаетъ изъ ряда вопросовъ, которыми расколъ мучится, преимущественно одни какіе-нибудь, а другіе оставляетъ въ сторонѣ. Поэтому въ кругѣ теоретическихъ представленій, составляющихъ обще-раскольническое ученіе, по отношенію къ данной какой-либо частной общинѣ старообряд-

шевъ возможно постоянное и болѣе или менѣе интенсивное движеніе отъ одного вопроса къ другому. Это движеніе отчасти производитъ окружающая старообрядцевъ жизнь. Волна общественной жизни такъ сильна, что захватываетъ собою и старообрядческія общества, какъ бы ни были они малы, гдѣ бы вдали отъ шума городовъ и укромно ни ютились они, и, захватывая, заставляетъ ихъ такъ или иначе реагировать на свои удары. Вспомнимъ хотя бы Терновскій скитъ и ту печальную трагедію, какая разыгралась въ немъ, какъ отзвукъ на всеобщую народную перепись 1899 года,—или то обостреніе больного для раскольниковъ вопроса о видимой безблагодатности ихъ „подцерковнаго“ общества, которое происходило у нихъ всякій разъ, когда наша Церковь праздновала торжество открытія мощей ея святыхъ угодниковъ (свят. Оеодосія Углицкаго, преп. Серафима Саровскаго),—и мы не будемъ нуждаться въ другихъ иллюстраціяхъ для подтвержденія высказываемой нами мысли. Итакъ, должно быть ясно, что какъ во всемъ расколѣ вообще, такъ и въ какой-либо частной общинѣ его самымъ временемъ выдвигаются особые интересы и запросы, иногда совсѣмъ новые, а большею частью представляющіе лишь варіацію обще-раскольниковческаго ученія. Вотъ этихъ-то интересовъ и запросовъ извѣстной минуты и даннаго мѣста безприходные миссіонеры, вообще говоря, не знаютъ и знать не могутъ, а потому они, конечно, и не считаются съ ними въ своихъ бесѣдахъ съ старообрядцами. А отсюда бесѣды ихъ оказываются маложизненными и мало-цѣлесообразными. Безприходные миссіонеры знаютъ только вообще, *о чемъ должно* имъ полемизировать со старообрядцами; но *о чемъ именно приличнѣе всего и какъ* бесѣдовать съ ними *въ данную минуту и въ томъ мѣстѣ*, куда они явились для бесѣды,—это отъ нихъ сокрыто. Оттого бесѣды ихъ оказываются безжизненными и такими только и могутъ быть. Не отвѣчая, исключая развѣ счастливую случайность, дѣйствительному настроенію старообрядцевъ, не затрогивая ихъ живыхъ интересовъ, онѣ, ра-

зумѣтся, не могутъ и привлечь къ себѣ ихъ вниманіе и вызываютъ въ нихъ или безучастное, равнодушное отношеніе, выражающееся иногда даже въ отказѣ вступить въ собесѣдованіе, или же досаду и раздраженіе, находясь въ которыхъ старообрядецъ часто говоритъ только однѣ дерзости. Это всё равно какъ проповѣдь въ храмѣ, которая внимательно и охотно выслушивается только тогда, когда отвѣчаетъ жизненнымъ интересамъ предстоящихъ. Можно, разумѣется, во время самаго собесѣдованія напасть на интересующій старообрядцевъ вопросъ. Но и въ этомъ случаѣ бесѣда не произведетъ должнаго впечатлѣнія; она лишена будетъ методичности,—той мудрой и педагогической методичности, которая, въ предвидѣніи зачастую явно необнаруживаемаго интереса, подходитъ къ нему осторожно, принимаетъ въ расчетъ индивидуальныя особенности въ образѣ мыслей своихъ слушателей по данному вопросу и, только такъ ведя дѣло, направляетъ мысли ихъ къ желательному выходу. Тутъ уже самымъ существомъ дѣла исключаются полемическій, обличительный характеръ бесѣды. Обрушиться потокомъ обличеній въ то время, когда слушатель ищетъ спокойнаго разъясненія интересующаго его вопроса, когда для него гораздо важнѣе лишь указать ему надежныя точки для самостоятельной работы мысли и освѣтить вопросъ со стороны, имъ не усматриваемой въ своей слѣпотѣ,—значить испортить всё дѣло и оборвать вниманіе къ нему въ самомъ началѣ, не давши ему развиться. Намъ думается, что широко практикуемая безприходными миссіонерами полемика въ большинствѣ случаевъ только увеличиваетъ бесплодность ихъ собесѣдованій съ старообрядцами.

Но это еще одна сторона дѣла. Расколъ есть болѣзнь воли и сердца и, какъ таковая, проявляется въ крайнемъ упорствѣ его послѣдователей, что, конечно, хорошо извѣстно миссіонерамъ. Но нельзя представлять, чтобы упорство всѣхъ старообрядцевъ вытекало изъ однихъ мотивовъ и было повсюду одинаковымъ по степени своей интенсивности. Здѣсь

тоже возможно и естественно разнообразіе. Возможны тысячи переходныхъ ступеней между чистой и искренней, наивной приверженностью къ старой вѣрѣ и отстаивапіемъ ея по мотивамъ низменнымъ, эгоистическимъ. Здѣсь такъ же, какъ и вездѣ, возможно слабовольное содержаніе старой вѣры, обусловленное только рожденіемъ въ ней, при отсутствіи сердечнаго расположенія. Возможны скрывающіяся отъ постороннихъ глазъ колебанія, сомнѣнія,—необнаруживаемая открыто неудовлетворенность. Окрѣпшее за два вѣка существованія раскола отчужденіе его отъ Церкви, ставшее закономъ жизни, бѣгство отъ нея, какъ отъ зараженной антихристовой сресью, въ душахъ однихъ сопровождается сладостными переживаніями торжествующаго поправія никоніанскихъ прелестей па каждомъ шагу ихъ жизни, а на души другихъ, которыхъ посетила искра сомнѣнія, ложится тяжелымъ гнѣтомъ, которое глушитъ и убиваетъ въ нихъ зародившееся движеніе къ Церкви, или встаетъ предъ ними страшнымъ кошмаромъ, угрожающимъ проклятьемъ и градомъ бѣдъ за отступленіе, и кидаетъ человѣка въ бесплодную борьбу между возникшимъ страхомъ отступить отъ вѣры и нажитымъ страхомъ вступить въ общеніе съ Церковью. Тамъ, гдѣ бы нужно было протянуть старообрядцу руку помощи и ободрить его, или, наоборотъ, гдѣ бы требовалось разоблачить дурныя побужденія его ревности,—тамъ вмѣсто всего этого примѣняется одна полемика, которая не успокоиваетъ и не можетъ успокоить ни того, въ комъ есть душевный разладъ, ни того, кто возбужденъ страстью; послѣдняя въ спорѣ только сильнѣе разгорается. Робкое сомнѣніе боится гласности, и человѣкъ, мучимый имъ, не выступитъ съ исповѣданіемъ своей души на публичной бесѣдѣ; самое большее, что онъ сдѣлаетъ, это—если явится на нее молчаливымъ слушателемъ. Но на него скорѣе подѣйствуетъ тихій и участливый голосъ вразумленія, слышимый имъ безъ свидѣтелей, чѣмъ шумный споръ, который можетъ и не затрогивать своимъ содержаніемъ предмета его сомнѣній, а главное—не воспримется и не

усвоится имъ, какъ несродный душѣ его. Онъ почувствуетъ подавленность, которая окончательно помѣшаетъ ему разобраться въ сложныхъ впечатлѣніяхъ отъ словопренія, далеко не всегда принимающихъ ясность и опредѣленность, благоприятныя для миссіонера, и не вынесетъ изъ бесѣды того настроенія, которое бы дало ему притокъ новыхъ побужденій къ обращенію въ Церковь. Намъ думается, что въ случаяхъ обращеній послѣ бесѣдъ сказывается созрѣвшая, болѣе или менѣе независимо отъ нихъ, рѣшимость оставить расколъ, ждавшая только благоприятнаго повода для своего обнаруженія и находящая таковой въ бесѣдѣ. Что же касается фанатиковъ раскола и приверженцевъ его по побужденіямъ эгоистическимъ, то они, конечно, идутъ на бесѣду, но не за вразумленіемъ, а затѣмъ, чтобы, какъ засвидѣтельствоваль миссіонеръ-участникъ пастырскаго собранія Вятскаго духовенства, смутить собесѣдника, поглумиться надъ нимъ и сорвать бесѣду, и ужъ, разумѣется, не бесѣды могутъ быть средствомъ борьбы съ такими послѣдователями раскола. Вообще, глубоко справедливо сужденіе этого члена помянутаго собранія пастырей, что расколъ, какъ болѣзнь воли и сердца, одной полемикой подавить нельзя.

А. Волгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху сороковыхъ годовъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Подъ вліяніемъ научнаго направленія, господствовавшаго за границей, *западники* смотрѣли на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человѣчество всегда выбивалось на просторъ. Временная необходимость

¹⁾ См. № 11-й за 1906 г.

вѣры, ея условная законность, какъ *одного* изъ моментовъ безначальнаго и безконечнаго развитія чего-то саморазвивающагося, не оспаривалась; но этимъ же признаніемъ за ней *нѣкотораго* значенія заявлялась и ея ограниченность, какъ преходящей формы, которою это нѣчто не могло удовлетвориться навсегда. Несостоятельность притязаній вѣры на непреложность, неизмѣнность и вѣчность казалась окончательно выясненною; оставалось отрѣшиться отъ нея и искать лучшаго. Это лучшее виднѣлось въ идеализмѣ самоопредѣляющагося духа. Затѣмъ, окончательно ли должна исчезнуть вѣра съ лица земли, и нужно ли снѣшить уборкой символовъ ея развѣчаннаго державства, какъ думали болѣе рѣшительные и послѣдовательные западники, или отвести ей въ новомъ мірѣ, въ сторонѣ отъ царскаго пути, которымъ пойдетъ развитіе, скромный пріютъ,—эти вопросы особенной важности не представляли.

Понятно, что, при такомъ воззрѣніи на религію, православіе, въ глазахъ западниковъ, не могло имѣть большого значенія, даже въ смыслѣ историческомъ. Для всякаго было видно, что результаты, до которыхъ доработалась наука, связывались по прямой, восходящей линіи не съ православіемъ, а съ латинствомъ и протестантствомъ. Латинству, такъ рассуждала „наука“, принадлежала неотъемлемая заслуга проявленія религіозной идеи во всей ея величавой исключительности и суровой односторонности; оно же тѣмъ самымъ, въ силу логическаго закона, вызвало протестантство, которое, въ свою очередь, провозгласило самодержавіе личнаго разума, подготовило царство науки, вступившей теперь во владѣніе человѣческой совѣстью и судьбами человѣчества. Православіе оставалось совершенно въ сторонѣ отъ этого *діалектическаго развитія религіозной мысли* и потому не могло даже претендовать ни на какую долю исторической заслуги, признанной за вѣроисповѣданіями западными. Оно не участвовало въ саморазложеніи христіанства,—это былъ главный порокъ его.

Таковы были основныя воззрѣнія интеллигенціи сороковыхъ годовъ. Имѣя въ виду воззрѣнія славянофиловъ, можно сказать, что почва для сближенія интеллигенціи и духовенства была очень благопріятная. Правда, западники—тѣ отдалились, разстояніе углубилось между ними и пастыремъ; но славянофилы, въ случаѣ единенія съ духовенствомъ, могли сослужить великую службу въ смыслѣ возможности сближенія, хотя бы сначала и внѣшняго, всей интеллигенціи съ православнымъ пастырствомъ. Но этотъ благопріятный моментъ, къ глубокому сожалѣнію, остался неиспользованнымъ. Почему? — Это была *Николаевская* эпоха. Въ характеристическихъ чертахъ ея, оказавшихъ сильное вліяніе и на Церковь, и на пастыря, и на русское общество, и кроются, прежде всего, причины того явленія, что интеллигенція и духовенство и въ эту эпоху оказались по-прежнему чуждыми другъ другу. Черты эти извѣстны.

Строгое поддержаніе правительственнаго авторитета при помощи матеріальной силы — войска; поглощеніе властью, сосредоточенной въ одной волѣ, всѣхъ силъ народа, что особенно сказывается колоссальнымъ развитіемъ административнаго элемента, въ ущербъ прочимъ; стремленіе создать, хотя бы насильственнымъ образомъ, единство вѣроисповѣданія, законодательства и администраціи; подавленіе всякаго самостоятельнаго проявленія мысли какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ; регламентация, военная дисциплина и полицейскія мѣры даже въ томъ, что наименѣе подлежитъ имъ, — вотъ чѣмъ характеризуется разсматриваемая эпоха. Государственная опека стремилась связать въ одномъ крѣпкомъ узлѣ всѣ нити управленія, распространить надзоръ за всѣми движеніями національной жизни, все подвести къ одному уровню. За обществомъ не признавалось никакого самостоятельнаго значенія; оно не могло само ничего дѣлать въ своихъ интересахъ, даже самыхъ элементарныхъ, и могло двигаться только въ данныхъ рамкахъ; за него думали и дѣйствовали канцеляріи, и ему оставалось лишь повиноваться. Критиче-

скаго отношенія къ окружающему въ данную эпоху не было. Данный status quo считался наилучшимъ; послѣдней цѣлью было только усовершенствовать, дисциплинировать этотъ status quo съ чисто внѣшней, формальной стороны, нисколько не касаясь его внутренняго смысла, т. е. не задаваясь мудренными вопросами о внутреннемъ качествѣ даннаго положенія вещей, соотвѣтствуетъ ли оно существеннымъ интересамъ націи, требованіямъ времени, указаніямъ цивилизаціи и науки. Послѣдняя понималась только въ самомъ тѣсномъ утилитарномъ значеніи, внѣ котораго она не только не допускалась, но даже преслѣдовалась. Ея мѣсто было строго опредѣлено извѣстными бюрократическими запрещеніями; каждый разъ, когда мысль научная или общественная приходила въ малѣйшее столкновеніе съ существующимъ порядкомъ жизни, съ принятыми мнѣніями и обычаями, эта мысль трактовалась какъ зловредный умыселъ...

Общія черты эпохи сказались и на положеніи Церкви и пастыря. Царствованіе импер. Николая I-го со свойственной ему вообще ясностью отношеній отгѣнило господствующее положеніе православной вѣры въ имперіи, но отгѣнило только внѣшними мѣрами и во внѣшнемъ ея положеніи. Въ самостоятельности дѣйствій пастыри не выиграли. И въ церковныхъ дѣлахъ проводилось то же начало правительственнаго авторитета. При нѣкоторой зависимости отъ государства, что было достигнуто уже въ предыдущія царствованія, наше церковное управленіе слишкомъ часто было орудіемъ административно-полицейскихъ мѣръ. Въ самую церковную область, область пастырскихъ отношеній, проникъ бюрократизмъ и сталъ заглушать внутреннюю жизнь. Для утвержденія православія, обращенія иновѣрныхъ, для наблюденія надъ жизнью чадъ Церкви и борьбы съ внутренними ея врагами пастыри не нужны были. Этимъ занялись свѣтскіе чиновники и дѣйствовали, конечно, менѣе всего въ духѣ православія.

Съ грустью замѣчали пастыри Церкви, какъ область пастырскаго дѣланія сокращалась. „Нынѣ архіереи въ городахъ нужны почти только для торжественнаго служенія въ извѣстные дни, не болѣе“ — писалъ преосвящ. Иннокентій Камчатскій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) въ 1856 году ¹⁾. Все рѣшала, все обдумывала, руководясь прежде всего, конечно, государственными интересами, правительственная власть. Отъ этого получалось, что „самыя лучшія“, какъ жалуется тотъ же епископъ, „и необходимѣйшія для блага Церкви предложенія не принимались“. „Не я одинъ, добавляетъ онъ, вижу неурядица и безпорядки въ нашей Церкви; это видятъ даже члены Св. Синода, но ничего не выходитъ“ ²⁾. Дѣйствительно, Святѣйшій Синодъ мало что значилъ въ эту эпоху; все сосредоточилось на оберъ-прокурорѣ. Власть его усилилась. Извѣстный писатель по богословскимъ и церковнымъ вопросамъ А. И. Муравьевъ такъ изображаетъ значеніе должности оберъ-прокурора въ эту эпоху въ своей запискѣ „о стѣснительномъ положеніи синодальнаго дѣйствованія“, одобренной, кстати сказать, митрополитомъ Григоріемъ и протопресвитеромъ Бажаповымъ. „Лице сіе изъ обыкновеннаго охранителя гражданскихъ законовъ (какіе поставлены были со временъ Петра Великаго при каждомъ коллегіальномъ управленіи) сдѣлалось болѣе чѣмъ министромъ, хотя и безъ сего громкаго титула. Власть его теперь тройкая: во 1-хъ, предначертательная, потому что все, болшею частью, дѣлается по его предложеніямъ, какъ только дѣло выступаетъ изъ общаго порядка; во-2-хъ, совѣщательная, ибо несмотря на мнѣніе, единодушно высказанное всѣми членами Синода, никто изъ нихъ не можетъ приложить руки къ своему мнѣнію, доколѣ оберъ-прокуроръ не напишетъ сбоку на протоколѣ: „читалъ“; и, наконецъ, „исполни-

¹⁾ Церковно - обществен. вопросы въ эпоху Александра II. А. А. Панкова. Рус. Вѣстн. 1901 г. № 1, стр. 195.

²⁾ Тамъ же. Стр. 195. Изъ письма къ митрон. Григорію.

Рук. для сельск. паст., т. 1, 1906 г.

тельная“, ибо, несмотря на подпись членовъ, не приводится въ исполненіе ихъ рѣшеніе, доколѣ не подпишетъ онъ: „исполнить“, и тогда еще, по его произволу, можетъ безотчетно долгое время пролежать протоколъ. Итакъ, два таинственныхъ слова „читаль“ и „исполнить“, безъ всякаго даже имени, рѣшаютъ дѣла церковныя, самыя важныя, какъ и самыя обыкновенныя. Какой патріархъ пользовался столь неограниченною властью? 1). Сами члены Св. Синода признавались, что оберъ-прокуроръ Протасовъ „забралъ ихъ въ руки повоенному, сразу... и сонмомъ архіерейскимъ какъ эскадронномъ на ученьи командовалъ“ 2), поставивъ членовъ Св. Синода въ такое положеніе, что „они, по выраженію Благовидова, даже голоса подымать не смѣли 3). Имъ оставалось подписываться только для фѣрмы. Въ силу такого значенія оберъ-прокурора, къ нему перешло и назначеніе епархіальныхъ архіереевъ, что поставило и тѣхъ въ зависимость отъ него. Впрочемъ, были и другія средства держать епархіальныхъ архіереевъ въ своихъ рукахъ. По словамъ Исмаилова, бывшаго секретаремъ при Синодѣ во времена Протасова, „завелись секретныя дѣла, изслѣдованія подъ рукою, появились между чиновниками доносчики“, и ничто не оставалось неизвѣстнымъ оберъ-прокурору. Секретарямъ консисторій было предоставлено право контроля надъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ и вмѣнено въ обязанность доносить оберъ-прокурору обо всемъ, что происходило въ епархіяхъ. И вообще „ни одно средство не было упущено... къ воцаренію надъ духовными аристократическаго владычества“ 4). Не пользовались пастыри и свободой слова. Въ проповѣдничествѣ были крайне стѣснены даже архіереи, не говоря уже о свя-

1) Рус. Вѣст. 1901 г. № 1, стр. 190.

2) Благовидовъ. Оберъ-прокур. Свят. Синода въ XVIII и въ 1-й половинѣ XIX стол. 1900 г. Казань. Стр. 430.

3) Тамъ же. Стр. 431.

4) Благовидовъ. Цит. соч. стр. 430.

щенникахъ. Вотъ что писалъ объ этомъ преосвященный Никаноръ въ 1885 году: „Первая половина прошлаго столѣтїя, говоритъ онъ, до сихъ поръ отзывается своимъ болѣзненнымъ влїяніемъ на нашей бодрственности. Вѣдь самые великіе наши проповѣдники, когда касались запросовъ времени, намѣренно окутывали свою мысль въ такой туманъ выраженїя, что понять ихъ, къ чему это, и какъ они говорятъ, могутъ почти такіе же умы, какъ умы авторовъ, да и то подумавши... А сильная мысль любитъ полетъ. Если бы самые великіе умы нашего прошедшаго строго подцензурнаго времени безусловно покорствовали всѣмъ иногда и мелочнымъ крайне боязливымъ требованїямъ цензуры своего времени, то они не были бы свѣточами на горизонтѣ русской мысли и слова, не были бы не меркнувшими звѣздами“¹⁾. Но не всѣ были способны и къ такому протесту. Трудно было бороться съ духомъ времени, и духовенство поддалось ему. Отношенїе его къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ стало въ большинствѣ случаевъ формальнымъ: „Духовенство наше“, пишетъ болѣвшій сердцемъ за положенїе Церкви Русской Достоевскій, „не отвѣчаетъ на вопросы народа уже давно. Кромѣ иныхъ, еще горящихъ огнемъ ревности о Христѣ священниковъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ именно потому, что они ничего не ищутъ для себя, а живутъ лишь для паствы, кромѣ этихъ, и, увы, весьма, кажется, немногихъ, остальные, если ужъ очень потребуются отъ нихъ отвѣты,—отвѣтять на вопросы пожалуй еще доносомъ на нихъ (т. е. совопросниковъ). Другіе до того отдаляютъ отъ себя паству несоразмѣрными ни съ чѣмъ поборами, что къ нимъ и не придетъ никто спрашивать“²⁾. Вотъ какъ характеризуетъ общее положенїе жизни Церкви въ эпоху сороковыхъ годовъ одинъ изъ современниковъ. „Много ли ис-

¹⁾ Проповѣди. Т. I. Изд. 3-е. Стр. 82. Сравн. *Пытинъ*. Характеристика литерат. мнѣній... Вѣст. Евр. 1871 г. Сент. стр. 313—315.

²⁾ Дневникъ писателя за 1877 г. Сочин. т. XI, ч. I, стр. 212—213. Изд. 1895 г.

кренности и много ли христіанской истины въ новѣйшемъ направленіи, данномъ дѣламъ вѣры, въ мѣрахъ воссоединенія раскольниковъ и въ отношеніи къ иновѣрнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ?.. Развѣ намъ дозволено смотрѣть на религіозныя вѣрованія какъ на политическое орудіе, и произвольно употреблять ихъ для достиженія политическихъ цѣлей?.. Нынѣшній бытъ нашего духовенства соотвѣтствуетъ ли его призванію, и правильно ли смотрять на внутреннія дѣла православной паствы тѣ самые государственные люди, которые всегда готовы къ мѣрамъ строгости противъ иновѣрцевъ или раскольниковъ? О раскольникахъ сказано, что ихъ религіозная жизнь совершается въ „буквѣ и недухѣ“. Кажется, что иногда Православная Церковь тяготѣетъ надъ ними „буквою и недугомъ“. Быть можетъ, если бы наши пастыри нѣсколько болѣе полагались на вышнюю силу вѣчныхъ истинъ, ими проповѣдуемыхъ, и нѣсколько менѣе вѣровали въ пользу содѣйствія мірскихъ полицій, то ихъ жатва была бы обильнѣе“¹⁾...

Вотъ почему славянофилы, признавая въ принципѣ важность глубокаго вліянія въ народной жизни Церкви и пастырей, въ дѣйствительности не особенно-то стремились стать въ тѣсныя отношенія съ ними. Они не могли примириться съ тѣми сторонними цѣлями, которымъ служило духовенство, съ тѣмъ положеніемъ Русской Церкви въ государствѣ, начало которому далъ Петръ Великій, а расцвѣтъ котораго представила Николаевская эпоха, съ тѣмъ бюрократизмомъ, который господствовалъ въ ней, убивая всякое живое отношеніе къ христіанской истинѣ, Церкви и ея интересамъ, возбуждая и поощряя только формализмъ. Славянофилы глубоко жизненно понимали христіанство: оно должно обнимать собою всю жизнь и отдѣльной личности и цѣлаго общества на началахъ вполне свободнаго и сознательнаго къ нему отноше-

¹⁾ *Валуевъ*. Цитир. изъ ст. Паикова. Церк.-общ. вопросы въ эпоху Александра II. Рус. Вѣстн. 1901 г. № 1-й, стр. 184.

нія. Какое-либо принужденіе въ дѣлахъ вѣры не можетъ мириться съ характеромъ православія.

Много и другихъ причинъ, помимо „духа времени“, неблагоприятно вліяли на состояніе духовенства, отражаясь на отношеніяхъ къ нему интеллигенціи. Здѣсь была и тяжелая зависимость отъ помѣщиковъ, и недостатокъ матеріальнаго обезпеченія, и безправное, приниженное положеніе низшаго духовенства и еще больше недостаточное его образованіе. Школы духовныя по-прежнему таили въ себѣ массу недостатковъ, и, главнымъ образомъ, отъ матеріальной нужды. Преподаватели болѣе или менѣе даровитые при первомъ удобномъ случаѣ бросали службу по учебному вѣдомству; оставались только такіе, у которыхъ отъ житейскаго гнета уже пропадали свѣтлыя надежды на лучшее будущее. Такъ было въ семинаріяхъ и училищахъ, такъ было и въ академіяхъ. И здѣсь содержаніе было крайне скудное (ординарные профессора получали 715 рублей; экстраординарные и бакалавры по 358 р.). Послѣдовавшая въ духѣ времени протасовская реформа духовно-учебныхъ заведеній, усиливавшая спеціализацію семинарій въ ущербъ общеобразовательному ихъ значенію, не внесла свѣжей струи въ жизнь духовной школы. Теперь стали обременять умъ учениковъ самыми разнообразными свѣдѣніями по самымъ разнороднымъ предметамъ въ одно и то же время, при небольшомъ количествѣ удѣляемаго имъ времени, и только; ни новыхъ методовъ преподаванія, ни болѣе жизненной постановки въ разработкѣ богословскихъ вопросовъ она не давала. А если въ чемъ, то въ этомъ именно и чувствовалась крайняя необходимость. Какъ мало давала школа пастырямъ, какъ далеко стояла она отъ жизни, и какъ это, въ связи съ другими недостатками эпохи, неблагоприятно отражалось на пастырѣ, можно судить по тому впечатлѣнію, какое произвело на духовенство появленіе въ печати богословскихъ сочиненій Хомякова. Вотъ какъ передаетъ эти впечатлѣнія Ю. Самаринъ: „Не боясь возраженій, можно, кажется, сказать, что всѣ спеціалисты (по богословскимъ вопросамъ) обрадовались неожиданной подмогѣ и привѣтствовали въ лицѣ Хомякова первокласснаго полемиста. Можно сказать болѣе: самое направленіе его мысли и сущность его воззрѣнія на предметы вѣры, встрѣтили въ *нѣкоторыхъ* спеціалистахъ одобреніе и сочувствіе, которыми покоійный авторъ дорожилъ болѣе, чѣмъ лестными о немъ отзывами иностранной печати. Но далеко не всѣ спеціалисты такъ отнеслись къ нему. Большинство издали ему рукоплескало, но не рѣшалось итти за

нимъ, не рѣшалось даже гласно и открыто признать его. Вообще въ доходившихъ до насъ изъ этого круга отзывахъ и сужденіяхъ мы часто замѣчали, отчасти преднамѣренную сдержанность, а отчасти совершенно искреннее двойство впечатлѣній. Съ одной стороны слышалось сердечное желаніе согласиться, съ другой—какая-то боязнь усвоить себѣ что-то какъ будто новое, но крайней мѣрѣ неожиданное, что-то, правда, свѣтлое, но ужъ не слишкомъ ли даже свѣтлое? Къ этому присоединялось и нѣкоторое сожалѣніе, какъ будто тоска: чувствовалось, что если взяться за оружіе, выкованное Хомяковымъ, то пришлось бы, вѣроятно, сложить съ себя значительную часть прежней, школьной арматуры, правда, тяжелой, неудобной, ни отъ чего не оберегающей, даже насквозь продыравленной, но зато какъ бы приросшей къ членамъ: пришлось бы пожертвовать логическими приѣмами и оборотами, правда, всѣмъ надобѣвшими, ни на кого ужъ не дѣйствующими, но за то издавна затверженными и потому легкими; наконецъ, пришлось бы, можетъ быть, изъ арсенала опредѣлсній и доказательствъ кое-что и отбросить какъ вовсе негодное, что правда и теперь не безусловно одобряется, даже осуждается какъ слабое и невѣрное, но осуждается какъ-то больше про себя, въ своей совѣсти или въ кругу своихъ, а не на людяхъ“¹⁾.

Разобщенный и происхожденіемъ и школою съ наиболѣе образованнымъ кругомъ и изолированный отъ вліянія передового класса нашего общества, православный пастырь, даже при желаніи, нелегко могъ освободиться отъ той схоластической „арматуры“, въ оправѣ которой усвоивались имъ знанія въ духовной школѣ. Да и мало у кого изъ пастырей, особенно низшихъ, могло проявиться желаніе къ самообразованію. Государственная опека въ церковно-религіозной жизни не требовала особенной самодѣятельности и образованія отъ пастыря. Жизнь общественная тоже не возбуждала къ этому; ея, можно сказать, даже не было. Вся Русь спала мирнымъ, безмятежнымъ сномъ обывательскаго благополучія, отъ котораго пробудилъ ее только Севастопольскій погромъ. Жила только интеллигенція, замкнувшись въ своихъ кружкахъ. Но про ея работу мало кто зналъ. Тщетно мы стали бы искать въ литературѣ того времени отраженія той живой умствен-

¹⁾ Полное собр. сочин. А. Хомякова. Изд. 4 е. М. 1900 г. т. II. Предисловіе стр. XXXI. Первое изданіе богословскихъ статей Хомякова, кстати сказать, появилось за-границей (въ Берлинѣ), а не у насъ, и только въ 1879 году опредѣленіемъ Св. Синода этотъ томъ былъ разрѣшенъ къ обращенію въ Россію.

ной работы, какая совершалась въ кружкахъ Станкевича, Грановскаго и др. Если и проникали какія-нибудь мысли въ литературу по поводу тѣхъ или иныхъ запросовъ живой дѣйствительности, то, не находя себѣ здѣсь возможности яснаго выраженія, высказывались въ болѣе или менѣе отвлеченныхъ „вольнлюбивыхъ мечтаніяхъ“ въ стилѣ Шиллера, или въ болѣе или менѣе туманныхъ философскихъ разсужденіяхъ, которыя надо было привыкнуть читать „между строкъ“.

При такихъ условіяхъ, пастырь Николаевской эпохи, если бы и хотѣлъ, не могъ слѣдить за жизнью интеллигенціи, развитіемъ ея возрѣній и убѣжденій. *В. А.*

Одно изъ проявленій народной дикости.

Въ Орловскихъ еп. вѣдомостяхъ напечатана (№ 7 т. г.) слѣдующая корреспонденція г. С. Юдкина изъ с. Паниковца Орловск. г.

Въ началѣ ноября мѣсяца крестьяне села Паниковца, Воронежской волости, Елецкаго уѣзда, срубили въ моемъ имѣннн 3½ десятины молодаго лѣса, а въ ночь на 11 ноября они ворвались ко мнѣ въ садъ и начали рубить старые дубы, составляющіе украшеніе и защиту отъ вѣтровъ фруктоваго сада.

Почъ была ужасная, стукъ топоровъ, визгъ пилъ, стонъ и грохотъ валившихся одинъ за другимъ дубовъ, дикіе крики и возгласы крестьянъ—все это вмѣстѣ оглушало все окружающее и наводило страхъ и ужасъ на живущихъ въ экономіи людей.

Эта ужасная оргія продолжалась до поздней глубокой ночи: темнота и грязь, какъ видно, мѣшали громиламъ,---и дальнѣйшее хозяйничанье отложили до слѣдующаго дня.

Утромъ на слѣдующій день они опять начали собираться около винной лавки съ топорами и пилами; на этотъ разъ предлагалось уже громить усадьбу и амбары съ хлѣбомъ.

Къ счастью, священникъ этого села о. Алексѣй, находившійся въ это время въ Ельцѣ, узналъ отъ пріѣхавшаго въ городъ сосѣда, что крестьяне громятъ мою усадьбу, и что одной моей усадьбой дѣло можетъ не окончиться такъ какъ нѣсколькими днями раньше такой же участи подверглись сосѣднія усадьбы Варгунина, Трубина и Ростовцева; въ ту же ночь, несмотря на темноту и грязь, онъ успѣшилъ пріѣхать въ село.

Утромъ, увидя собирающихся крестьянъ, онъ пошелъ къ церкви и позвалъ къ себѣ собирающихся. Сначала неохотно крестьяне одинъ за другимъ начали подходить и остановились близъ церковной ограды. О. Алексѣй подошелъ къ нимъ и первый съ ними поздоровался; затѣмъ, не ожидая ихъ привѣтствія, тутъ же началъ уговаривать ихъ, чтобы они отказались отъ задуманнаго ими злого умысла. Увѣщаніе продолжалось нѣсколько часовъ, а толпа все увеличивалась, и своимъ могучимъ и разумнымъ словомъ онъ сумѣлъ убѣдить озвѣрѣвшую толпу.

Тѣ крестьяне, которые такъ недавно были свирѣпы, чрезъ нѣсколько часовъ увѣщанія сдѣлались неузнаваемы: ни нагайкой, ни штыкомъ нельзя было такъ покорить озлобленныхъ, ожесточенныхъ и озвѣрѣвшихъ людей. Только правдивымъ и искреннимъ, а не казеннымъ словомъ о. Алексѣй сумѣлъ вложить въ ихъ души и зажечь искру Божію и пробудить состраданіе и любовь къ ближнему, такъ что послѣ произнесенной о. Алексѣемъ рѣчи крестьяне начали благодарить его, говоря: „спасибо тебѣ, батюшка, что отвелъ насъ отъ грѣха“, и мирно начали расходиться по домамъ.

Да послужить этотъ достойный христіанскій примѣръ урокомъ для многихъ священниковъ, которые ничего подобнаго не сдѣлали въ то время, когда они могли сдѣлать ¹⁾.

¹⁾ Въ приведенной корреспонденціи обращаетъ на себя серьезное вниманіе какъ печальный и при томъ—далеко не единичный фактъ истребленія крестьянами чужихъ лѣсовъ въ порывѣ озлобленія и раздраженія противъ богатыхъ, такъ и то благотворное вліяніе, какое въ этомъ случаѣ можетъ имѣть священникъ съ своимъ вразумляющимъ и успокаивающимъ разсвирѣтвшую народную толпу словомъ. Но, безъ сомнѣнія, вліяніе священника на народъ должно предвѣщать возможность прискорбныхъ событій, подобныхъ вышеописанному. Священникъ достигнетъ этого, если постарается внушить крестьянамъ уваженіе къ чужой собственности и ясно покажетъ неразумность такихъ дикихъ выходовъ, какъ порубка чужого лѣса, пограба полей, сожженіе жилищъ и пр. Къ одному изъ слѣдующихъ №№ нашъ журналъ постарается присоединить популярную статью, посвященную спеціально вопросу о такомъ вопіющемъ злодѣяніи, какъ порубка чужихъ лѣсовъ. *Ред.*

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года марта 19-го дня.

Содержаніе: Къ вопросу о митрополитанскомъ управленіи — Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ безприходныхъ миссіонеровъ (окончаніе). — Какъ обезпечить семинаристовъ учебниками?

Къ вопросу о митрополитанскомъ управленіи.

Среди другихъ современныхъ вопросовъ церковной жизни стоитъ на очереди и вопросъ о подраздѣленіи Русской Церкви на округа въ цѣляхъ какъ болѣе правильной постановки церковнаго управленія на мѣстахъ, такъ и освобожденія центральныхъ его органовъ отъ массы дѣлъ, не имѣющихъ общецерковнаго значенія. Въ необходимости такого освобожденія всѣ согласны, но на счетъ устройства окружнаго управленія мнѣнія расходятся не только относительно подробностей, но даже относительно того, чѣмъ руководиться при опредѣленіи границъ округовъ, и какой принципъ долженъ быть положенъ въ основу дѣленія. Всего естественнѣе было бы поискать руководственныхъ началъ прежде всего въ древней Церкви и посмотрѣть, чѣмъ она руководилась въ

организациі ея высшаго надъ отдѣльными епархіями (въ современномъ смыслѣ слова) управленія. Но именно по этому вопросу въ русской литературѣ можно найти очень немного, да и это немногое часто представляетъ недостаточно проверенныя гипотезы.

Недавно появившаяся книга П. Гидулянова „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства“ (Москва 1905 г.) въ значительной степени восполняетъ этотъ недостатокъ. Авторъ хорошо знакомъ съ богатою западною литературою по этому вопросу и знакомитъ съ ея выводами и русскаго читателя.

Попытаемся дать самый бѣглый очеркъ интереснаго содержанія этой книги. Сначала авторъ говоритъ о происхожденіи и развитіи іерархіи общинъ (т. е. церквей въ тѣсномъ смыслѣ слова) и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ вопросѣ наука по независящимъ отъ нея причинамъ еще долго принуждена будетъ довольствоваться преимущественно гипотезами.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о церковныхъ округахъ. Происхожденіе ихъ онъ ставитъ въ связь не съ официальнымъ государственнымъ дѣленіемъ Востока на провинціи, а съ давнимъ этнографическимъ подраздѣленіемъ его на мѣстные союзы. Послѣдніе въ видѣ такъ называемыхъ *коча* въ императорскую эпоху являлись *de jure* союзами для поддержанія учреждений императорскаго культа, фактически же вѣдали мѣстное самоуправленіе, обладая даже правомъ представленія императору о мѣстныхъ нуждахъ. Параллельно имъ образовались и христіанскіе союзы церквей, для которыхъ борьба съ императорскимъ культомъ выяснила необходимость большей централизациі, чѣмъ прежде. На основаніи главнымъ образомъ Марквардта авторъ дѣлаетъ опытъ перечня этихъ древнехристіанскихъ округовъ.

Органами ихъ являются соборы и митрополиты.

Прежде чѣмъ перейти къ соборамъ, авторъ даетъ очеркъ развитія епископата вообще, какъ существеннаго элемента

соборовъ. Въ послѣднихъ онъ различаетъ соборы чрезвычайныя для избранія епископовъ и соборы регулярныя для рѣшенія общецерковныхъ дѣлъ и довольно подробно останавливается на ихъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ. Раздѣляя взгляды Зома, авторъ видитъ въ соборахъ не столько органъ юрисдикціи въ современномъ смыслѣ слова, сколько органъ реценціи общецерковныхъ поимъ.

Новое дѣленіе имперіи на провинціи, произведенное Діоклетіаномъ, сблизило гражданское дѣленіе ея съ церковнымъ дѣленіемъ на округа, такъ какъ при немъ были приняты во вниманіе тѣ же этнографическія области, которыя служили фундаментомъ какъ для *κοινα*, такъ и для церковныхъ союзовъ. Поэтому на востокѣ многія новыя провинціи совпали съ существующими уже церковными округами.

Съ признаніемъ христіанства въ имперіи самъ собою возникалъ вопросъ о соотношеніи между церковнымъ и гражданскимъ дѣленіемъ и прежде всего о соотношеніи между гражданскими провинціями и церковными округами. Этимъ вопросомъ и занялся, между прочимъ, Никейскій соборъ.

Такова схема труда г. Гидулянова. Главная задача его — толкованіе Никейскихъ каноновъ, все же остальное должно служить лишь иллюстраціей для нихъ.

На постановленіяхъ Никейскаго собора 325 года, какъ основномъ законѣ Церкви, и мы позволимъ себѣ остановиться подольше. Къ занимающему насъ вопросу относятся каноны 4—7. Особенно трудными для толкованія являются каноны 6-й и 7-й.

Въ 6 канонѣ Никейскаго собора наиболѣе сомнѣній возбуждаетъ его начало, имѣющее въ греческомъ оригиналѣ: *Τὰ ἀρχαῖα ἔθνη κρατεῖτω, τὰ ἐν Αἰγύπτῳ, καὶ Λυβύῃ, καὶ Πενταπόλει, ὡσπερ τὸν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ ἐπίσκοπον πάντων τούτων ἔχειν τὴν ἐξουσίαν· ἐπειδὴ καὶ τῷ ἐν τῇ Ῥώμῃ ἐπισκόπῳ τοῦτο σὺνηθές ἐστίν ὁμοίως δὲ κατὰ Ἀντιόχειαν καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις τὰ πρεσβεῖα σώζεσθαι ταῖς Ἐκκλησίαις* и т. д. Въ переводѣ же Книги правилъ: „Да хранятся древніе обычаи, при-

нятые въ Египтѣ и въ Ливіи и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими. По-неже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей и т. д.“. Спорными являются два вопроса: 1) предоставляет ли Ник.6 патріаршія права епископамъ Рима, Александріи и Антіохіи? 2) что понимать подъ преимуществами прочихъ церквей, и что это за церкви. Эти вопросы и останавливаютъ на себѣ преимущественно вниманіе автора. Результатъ его изслѣдованія выраженъ имъ въ слѣдующемъ перифразѣ Ник.6: „Да сохраняются древніе обычаи, существующіе въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ, согласно которымъ александрійскій епископъ имѣетъ митрополичью власть надъ всѣми провинціями этихъ странъ, такъ какъ и римскій епископъ осуществляетъ такую же власть надъ провинціями средней и южной Италіи. Подобнымъ образомъ пусть сохраняется и митрополичья власть антиохійскаго епископа надъ провинціями всей Келе-Сиріи. И въ другихъ провинціяхъ пусть соблюдается ненарушимо привилегированное положеніе церквей, которыя, не будучи гражданскими метрополями, осуществляютъ митрополичью власть надъ своею провинціею въ силу обычая. Вообще же да будетъ извѣстно: если бы кто былъ поставленъ во епископа безъ согласія митрополита, т. е. епископа гражданского метрополя провинціи, такому великій соборъ опредѣлилъ не быть епископомъ. А когда по общему всѣхъ избранію, основательному и согласному съ церковнымъ правиломъ, стануть прекословить двое или трое по одному только любопренію, тогда мнѣніе большинства должно [сохранить свою силу“ (стр. 364). Такими церквями, которыя, „не будучи церквями гражданскихъ метрополій, съ древнихъ лѣтъ сдѣлались церковными метрополями и въ качествѣ таковыхъ осуществляли митрополичью власть *въ предѣлахъ одной гражданской провинціи...*, могли быть церкви Бараты, Едессы, Антіохіи (Тралла), Иконіи, Пергіи, Мирра

и Констанціи для провинцій Исавріи, Месопотаміи, Каріи, Писидіи, Памфіліи, Ликии и Кипра“ (стр. 362).

Нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ автора, что такимъ толкованіемъ „устраняются и разъясняются всѣ затрудненія“. Почему онъ ограничиваетъ предѣлы областей этихъ привилегированныхъ митрополитовъ предѣлами одной *гражданской* провинціи? Изъ исторіи образованія ихъ, какъ она у него изложена, отнюдь не вытекаетъ необходимости такого совпаденія.

Въ до-никейскій періодъ онѣ образовались не на политической, а на племенной основѣ. Есть основанія думать, что и послѣ Никейскаго собора, по крайней мѣрѣ въ глазахъ негреческаго населенія, единство племени въ связи съ единствомъ обряда и богослужебнаго языка представлялось наиболѣе естественнымъ основаніемъ для группировки церквей въ болѣе обширныя организаціи. Въ приводимомъ авторомъ (стр. 355 ³²) армянскомъ переводѣ Ник.6 „митрополитъ“ даже прямо замѣнено черезъ „католикосъ“. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и редакторъ Апостольскихъ правилъ, жившій въ концѣ IV в. въ Сиріи. Онъ замѣнилъ Ант.9 „Въ каждой области (ἐπαρχία) епископамъ должно вѣдать епископа въ митрополіи начальствующаго и имѣющаго попеченіе о всей области, такъ какъ въ митрополію отовсюду стекаются всѣ имѣющіе дѣла“ черезъ ап. 34 „Епископамъ всякаго народа (ἐθνους) подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія (γνώμη)“. Такая замѣна государственнаго подраздѣленія церкви ея племеннымъ подраздѣленіемъ несомнѣнно сдѣлана вполнѣ сознательно. Наконецъ, и успѣхъ ересей V вѣка въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что онѣ успѣли сдѣлаться національными исповѣданіями негреческихъ народностей.

Хотя греки, съ Константинополемъ во главѣ, враждебно относились къ этому „филетизму“, и проведеніе полнаго соотвѣтствія церковнаго дѣленія гражданскому являлось важнымъ

средствомъ борьбы съ нимъ, но и они принуждены были дѣлать уступки традиціямъ. Соборъ 381 г. приурочилъ церковное дѣленіе лишь къ діоцезамъ (не провинціямъ) и при томъ съ уступками въ пользу племенныхъ церковныхъ организацій (пр. 2). Даже въ Халкидонскихъ правилахъ (пр. 17) мы находимъ признаніе традиціонныхъ подраздѣленій церквей, хотя бы онѣ и не совпадали съ гражданскими подраздѣленіями на городскія округа. Во времена Никейскаго собора такое совпаденіе могло быть только случайнымъ, а не принципиальнымъ. Самъ авторъ указываетъ, что слово *ἐπαρχία* имѣло двойкій смыслъ, обозначая или гражданскую провинцію, или этнографическую область, населенную однимъ и тѣмъ же племенемъ, и что епископъ Иконійскій оказывался митрополитомъ *δвухъ* гражданскихъ провинцій Писидіи и Ликаоніи (стр. 361).

Тоже подтверждается и грамматическимъ смысломъ Никейскаго правила 6-го. Пѣть никакихъ основаній прилагать *ὁμοίως* только къ Антиохійской церкви, какъ это дѣлаетъ авторъ, и читать канонъ: *Ὅμοίως δὲ καὶ κατὰ Ἀντιοχείαν. Καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις τὰ πρεσβεῖα σώζονται ταῖς ἐκκλησίαις.* „Подобно и въ Антиохіи. II въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей“ (точка передъ и вмѣсто запятой. Первое предложеніе оказывается безъ подлежащаго и сказуемаго). Сходство между Антиохіей и „иными“ церквями заключалось именно въ томъ, что традиціонныя ихъ права были признаны независимыми отъ политическаго подраздѣленія имперіи. Независимость эта могла выражаться не только въ томъ, что митрополитанская церковь находилась не въ главномъ городѣ гражданской провинціи, но еще болѣе въ томъ, что предѣлы церковной епархіи не совпадали съ предѣлами гражданской провинціи, хотя митрополичьею церковью и была церковь метрополя провинціи. Такъ было въ Антиохіи, такъ могло быть и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Никомидіи. „Еще въ IV в. (въ 340 г.) — какъ можно это заключить изъ церковной исторіи Сократа и Созомена—на

высшую власть надъ византійскимъ епископомъ притязалъ также епископъ Никомидійскій“ (стр. 344), хотя Византія и Никомидія не только въ разныхъ провинціяхъ, но и въ разныхъ діоцезахъ. Поэтому списокъ привилегированныхъ церквей, данный авторомъ, долженъ быть пополненъ Никомидією и, по всей вѣроятности, многими другими церквами, неизвестными намъ лишь по недостатку данныхъ.

Можно съ полнымъ правомъ поставить вопросъ, признавалъ ли Никейскій соборъ за норму совпаденіе церковныхъ провинцій съ гражданскими? И послѣдовательность мысли въ пр. 4—7 не даетъ намъ права отвѣчать утвердительно. Въ правилахъ 4 и 5 соборъ говоритъ о традиціонныхъ органахъ управленія областями, т. е. чрезвычайныхъ соборахъ для избранія епископовъ и регулярныхъ—для дѣлъ областного управленія. Далѣе, въ 6 и 7 правилахъ соборъ переходитъ къ опредѣленію границъ церковныхъ областей и правъ ихъ первенствующихъ епископовъ. Въ правилѣ 6-мъ онъ сначала утверждаетъ неприкосновенность границъ традиціонно сложившихся областей и ихъ первенствующихъ епископовъ, при чемъ два изъ нихъ указаны поименно, а остальные *inter cetera*. Только на случай отсутствія традиціоннаго центра для нѣсколькихъ церквей соборъ признаетъ за таковой центръ для церквей провинціи церковь гражданской митрополіи. Если бы на права прежде указанныхъ имъ церквей соборъ смотрѣлъ, какъ на изытіе изъ общаго правила, то порядокъ расположенія матеріала въ Ник. 6 былъ бы иной: въ началѣ было бы поставлено устройство церквей примѣнительно къ гражданскимъ провинціямъ, какъ нормальное, а затѣмъ уже указана исключительная организація церквей Александріи, Антіохіи и иныхъ. Но въ томъ-то и дѣло, что соборъ смотрѣлъ на традиціонно сложившуюся организацію церквей, какъ на нормальную, и возвращается къ этой нормѣ въ 7-мъ правилѣ.

Правило это, представляющее камень преткновенія для всѣхъ толкователей, читается. Ἐπειδὴ συνήθεια κερράτηε καὶ

παράδοσις ἀρχαία, ὥστε τὸν ἐν Αἰλίᾳ ἐπίσκοπον τιμᾶσθαι, ἐχέτω τὴν ἀκολουθίαν τῆς τιμῆς, τῇ μητροπόλει σωζομένου τοῦ οἰκείου ἀξιώματος „Понеже утвердися обыкновение и древнее предание, чтобы чтить епископа, пребывающаго въ Эліи (т. е. Іерусалимѣ), то да имѣеть оны послѣдованіе чести съ сохраненіемъ достоинства, присвоеннаго митрополіи“.

Понимая *ἀξίωμα* въ смыслѣ *jurisdictio*, авторъ даетъ этому канону такое толкованіе: „Канонъ 7-ой въ управленіи Палестины утвердилъ *status quo ante*: власть въ провинціи принадлежитъ митрополиту Кесарійскому, но *на всѣхъ соборахъ* совершенно равное съ нимъ по чести мѣсто принадлежитъ епископу Іерусалимскому“ (стр. 373). Порядокъ старшинства между ними опредѣлялся старшинствомъ времени посвященія или возраста (стр. 374). Но въ такомъ случаѣ старшему по посвященію или возрасту епископу Іерусалимскому должно было принадлежать и предсѣдательство на Палестинскомъ соборѣ преимущественно передъ епископомъ Кесарійскимъ, и, слѣд., объ исключительной власти послѣдняго надъ Палестиною не можетъ быть рѣчи?

7-ое правило чрезвычайно характерно для опредѣленія отношенія Никейскаго собора къ вопросамъ о церковномъ устройствѣ. Признавая все традиціонное нормальнымъ, соборъ въ сущности уклонился отъ опредѣленія отношеній между Іерусалимомъ и Кесарією, сославшись на *status quo*, хотя это *status quo* было нѣчто не только исключительное, но и совершенно нежизнеспособное при новыхъ условіяхъ церковной жизни. Іерусалимскій епископъ, не взирая на 7-е Никейское и даже вопреки ему, скоро сдѣлался церковнымъ центромъ и не для одной, а даже для цѣлыхъ трехъ гражданскихъ провинцій.

Такова была дѣятельность Никейскаго собора завершившая собою періодъ древне церковной организаціи управленія, давшей принципы для дальнѣйшаго его развитія. Принципы эти совершенно ясны. Дѣло шло не о подраздѣленіи церкви, а объ объединеніи отдѣльныхъ епископскихъ церквей въ

округа для взаимопомощи ихъ въ общецерковномъ дѣлѣ. Последнее не было привилегіею центральной власти. Напротивъ, каждая епископская церковь должна была видѣть въ своемъ дѣлѣ дѣло общецерковное и относиться къ нему, какъ къ таковому. Областная организація должна была лишь облегчать имъ эту дѣятельность и дѣлать ее болѣе плодотворною, а отнюдь не убивать. По существу своему такая организація была союзническою организаціею, жизненнымъ принципомъ которой долженъ былъ служить тотъ принципъ, что всякое церковное дѣло есть необходимо дѣло общецерковное, а не мѣстное. Не въ утратѣ ли этого принципа и слѣдуетъ искать основную причину недостатковъ русской церковной организаціи?

Проф. *И. С. Соколовъ.*

Голосъ вятскаго духовенства объ институтѣ без- приходныхъ миссіонеровъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Старообрядчество, какъ живое, хотя и болѣзненное явленіе, характеризуется постоянной смѣной различныхъ внутреннихъ переживаній, въ самой незначительной, конечно, степени въ сторону сближенія съ Церковью, главнымъ же образомъ въ сторону всё большаго и большаго ожесточенія въ расколѣ съ нею,—и этихъ переживаній безприходные миссіонеры своими бесѣдами регулировать не могутъ. Со стороны своей внутренней жизни оно притомъ не должно быть разсматриваемо одиноко. Оно находится во взаимодействіи, какъ уже отчасти мы и высказывали это, съ приходской жизнью православныхъ обществъ, среди которыхъ живеть,—и эта послѣдняя производитъ на него свое, такое или иное, воздѣйствіе, какъ и сама, въ свою очередь, подверга-

¹⁾ См. № 11-й за 1906 г.

ется вліянію его. Здѣсь одушевленность и сплоченность православныхъ мірянъ въ служеніи интересамъ своей приходской церкви, выражающіяся усердіемъ къ храму, сочувствіемъ ко всѣмъ, какія есть, просвѣтительнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ прихода, точнымъ соблюденіемъ церковныхъ уставовъ и предписаній, отнимаютъ силу вліянія на нихъ старообрядческихъ обществъ, къ какимъ бы мѣропріятіямъ послѣднія ни прибѣгали для проведенія его, и могутъ становиться причиною ихъ внутренней слабости и разложенія. И наоборотъ, охлажденіе и индеферентизмъ православныхъ въ отношеніи къ Церкви увеличиваютъ размѣры вліянія на нихъ со стороны старообрядцевъ и становятся причиною внутренней силы и крѣпости послѣднихъ. На одномъ уровнѣ эта обще-приходская жизнь, или жизнь смѣшанныхъ приходоѡ, никогда не стоитъ; она постоянно движется, и упорядоченіе ея выдвигаетъ все новыя требованія, которыя такъ же разнообразны и трудно исчислимы, какъ разнообразны ступени внутренняго состоянія, на которыхъ находится и приходская жизнь въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Но запросовъ этихъ въ особенности много она выставляетъ теперь, когда старообрядчество уже вступило въ новую фазу жизни на началахъ вѣротерпимости, а православные приходы стоятъ на поворотѣ къ всестороннему обновленію своей жизни. Религіозная полноправность неизбѣжно отразится на характерѣ практическихъ отношеній православныхъ и старообрядцевъ, открывши послѣднимъ больше простора, больше свободы для воздѣйствія ихъ на православныхъ мірянъ, расширивши и самую сферу ихъ вліянія на нихъ. Въ зависимости отъ этого приходская жизнь потребуеетъ, если не новыхъ, то усиленія и оживленія прежнихъ средствъ самоохраны отъ вторженія этого вліянія, потребуеетъ, словомъ, наибольшаго широкаго обновленія приходскихъ силъ, примѣнительно къ запросамъ даннаго мѣста и времени. Знать эти запросы и сообразно имъ направлять приходскую жизнь такъ, чтобы она была оплотомъ Церкви, а не удобною поч-

вою для дурного посѣва ложныхъ ученій, можетъ только тотъ, кто лицомъ къ лицу стоитъ къ ней, кто, если не знаетъ, то можетъ, если захочетъ, знать внутреннее состояніе прихода. Такимъ лицомъ является только приходскій священникъ и отнюдь не безприходный миссіонеръ. Не состоя на приходѣ, онъ не можетъ, если бы даже хотѣлъ, знать ни внутренняго состоянія чужой паствы, смѣшанной съ послѣдователями ложныхъ ученій, ни запросовъ, какіе предъявляются этимъ состояніемъ. Въ виду этой-то неосвѣдомленности безприходныхъ миссіонеровъ, одинъ изъ нихъ, участникъ пастырскаго собранія вятскаго духовенства, бывший раньше горячимъ сторонникомъ этого миссіонерскаго института, теперь высказался о немъ отрицательно, и къ сужденію его примкнуло большинство членовъ всего собранія, какъ показываютъ его постановленія. „Не останемся ли мы безъ приходовъ, говорилъ этотъ священникъ-миссіонеръ, — сзади другихъ пастырей въ пониманіи запросовъ жизни своей паствы? Безъ знанія запросовъ паствы, среди которой мы будемъ проповѣдывать, не останемся ли за барьеромъ, не окажемся ли висящими на воздухѣ и не будемъ ли бесѣдами своими бить только воздухъ, не принося дѣлу существенной пользы? Я былъ, продолжалъ онъ, горячимъ сторонникомъ института безприходныхъ миссіонеровъ. но въ настоящее время сознаю въ своей ошибкѣ: миссіонера нельзя отдѣлять отъ прихода“.

Мы съ своей стороны думаемъ, что именно этой разносторонней, какъ мы видѣли, неосвѣдомленностью безприходныхъ миссіонеровъ съ внутреннимъ состояніемъ паствы, въ среду которой они приходятъ съ своею проповѣдью, отсутствіемъ духовнаго родства ихъ съ ней объясняется не только безрезультатность ихъ дѣятельности, но въ значительной степени и слабыя стороны въ самой постановкѣ и характерѣ ея. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно чужой, не имѣющей никакихъ духовныхъ связей съ населеніемъ человѣкъ, нерѣдко

еще свѣтскій ¹⁾), является въ среду и ему самому въ самыхъ общихъ чертахъ извѣстныхъ людей, добрая половина или часть которыхъ притомъ предубѣждена противъ него, какъ послѣдователя отвергаемой вѣры,—является и начинаетъ авторитетно вскрывать предъ ними внутренній міръ ихъ. Онъ долженъ заговорить языкомъ ангельскимъ, языкомъ прозорливца, чтобы заставить прежде забыть первое впечатлѣніе, что онъ чужой для нихъ, и только уже тогда онъ можетъ быть довѣрчиво выслушанъ ими. Но проповѣдь его не оказывается жизненною, не затрагиваетъ ихъ сокровенныхъ запросовъ, потому что они неизвѣстны ему. Такъ какъ это повторяется изъ раза въ разъ, а не составляетъ явленія случайнаго и исключительнаго, то неудивительно, что весьма не рѣдки случаи крайне враждебнаго отношенія старообрядцевъ къ пріѣзжимъ миссіонерамъ и ихъ бесѣдамъ. Здѣсь, можетъ быть, отчасти кроется причина и того, что они отказываются принимать бесѣду, или являются на нее неохотно и притомъ въ наиболѣе худшемъ составѣ изъ своей среды,—составѣ людей, ищущихъ не вразумленія, а идущихъ для глумленія надъ миссіонеромъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей является то, что миссіонеръ, иногда противъ воли, вовлекается въ пустыя словопренія, горячится и раздражается,—бесѣда принимаетъ неприличный и непристойный характеръ, а миссіонерская дѣятельность вырождается въ безплодную полемику. Обличать позволительно и апостоль заповѣдуетъ (2 Тим. 4, 2),—но, конечно, тогда, когда обличенія могутъ принести пользу обличаемому, когда они вѣрно рассчитаны на достиженіе доброй цѣли. Тамъ же, гдѣ они приносятъ только одинъ вредъ и достигаютъ преврат-

¹⁾ Къ свѣтскимъ миссіонерамъ, по заявленію, сдѣланному на пастьерскомъ собраніи вятскаго духовенства, населеніе относится особенно недоброжелательно, что выражается иногда въ непочтительномъ названіи ихъ „мосье миссіонеръ“. Въ этомъ случаѣ, вѣроятно, сказывается сознаніе, что дѣло, какое берутъ на себя свѣтскіе миссіонеры, причиняе лицу духовному, поставленному на дѣло не людьми, а Богомъ.

ныхъ результатовъ, разжигая только страсти и увеличивая злобу вдохновителей злобы,—тамъ слѣдуетъ руководиться другимъ правиломъ: не отвѣчать безумному по безумію его и отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, оставить собесѣдованіе, не навязывая его насильно. И никакой примѣръ ни Христа, ни апостоловъ, прибѣгавшихъ къ обличенію въ случаяхъ дѣйствительно потребныхъ и смотрительныхъ, не можетъ служить оправданіемъ для широкаго практикованія миссіонерами своей полемики. Не имѣя жизненности, не оказываясь дѣйствительнымъ и цѣлесообразнымъ средствомъ вразумленія, а отвѣчая скорѣе затаеннымъ стремленіямъ фанатичныхъ приверженцевъ раскола поставить миссіонера въ неприглядное положеніе, она является недобрымъ всходомъ на нивѣ миссіонерскаго дѣланія, обезцѣнивающимъ его и даже сводящимъ его на нѣтъ. Если, далѣе, полемика, какъ показано, не устраняетъ невыгодныхъ условій миссіонерской дѣятельности, а способствуетъ въ значительной степени увеличенію и усиленію ихъ, то ясно, что не приходится ссылаться на эти условія въ оправданіе практикованія полемики, а слѣдуетъ подумать объ изытаніи ея изъ практики для удаленія самыхъ этихъ условій и для освѣженія всей вообще атмосферы миссіонерской дѣятельности.

Неудовлетворительность института безприходныхъ миссіонеровъ скорѣе была бы признана и вызвала бы упраздненіе его и коренныя измѣненія въ постановкѣ миссіонерскаго дѣла, если бы въ самомъ расколѣ не существовалъ, параллельно ему, тоже своего рода институтъ миссіонеровъ — начетниковъ, развѣзжающихъ, подобно нашимъ миссіонерамъ, по деревнямъ и селеніямъ съ пропагандою раскола. Эти начетники и являются, въ большинствѣ случаевъ, участниками въ преніяхъ съ миссіонерами на бесѣдахъ ихъ. На пастырскомъ собраніи вятскаго духовенства было отмѣчено, что въ ряду начетчиковъ есть лица, обладающія настолько громадными знаніями (Шермяковъ, Коноваловъ и др.), что даже синодальный миссіонеръ оказывался иногда неподготовленнымъ для

веденія бесѣды съ ними. Бывали случаи, что они, являясь въ села, требовали бесѣды, а православные священники, по своей неподготовленности, отказывали имъ въ ней,—отчего, быть можетъ, страдали интересы православія. Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе дѣятельности этихъ начетниковъ, надо обратить вниманіе на то, какими побужденіями она вызвана къ жизни. Можно бы думать, что сами старообрядцы въ дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ видятъ серьезный ударъ своей крѣпости, если у себя создали подобный же институтъ. Но это едва ли такъ, потому что миссіонерская дѣятельность безприходныхъ миссіонеровъ, даже по признанію нѣкоторыхъ представителей этого института, серьезными опасностями старообрядчеству не угрожала и не угрожаетъ. Отсюда можно думать, что наѣзды начетчиковъ въ села для публичныхъ бесѣдъ вызваны просто подражаніемъ приемамъ нашихъ миссіонеровъ въ борьбѣ ихъ съ расколомъ не безъ расчета, конечно, что этими наѣздами они придадутъ нѣкоторый плюсъ къ другимъ орудіямъ пропаганды своего ученія. Не въ публичныхъ бесѣдахъ своихъ начетчиковъ старообрядцы полагаютъ оплотъ своей крѣпости. Въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Для завлеченія православныхъ въ расколъ, для утвержденія въ немъ своихъ послѣдователей у нихъ имѣются иныя, болѣе радикальныя, средства, которыя не столь громки и не имѣютъ характера гласности и публичнаго оказательства. Къ публичнымъ бесѣдамъ они прибѣгаютъ больше для того, чтобы, не уступая православнымъ миссіонерамъ, въ возможно выгодномъ свѣтѣ представить старообрядчество на виду общества и, для вяцшаго преусивленія немощной своей братіи въ преданности старой вѣрѣ, рекламировать его предъ ся глазами, какъ способное постоять за себя и отразить удары противника. Такимъ образомъ, публичныя бесѣды старообрядческихъ начетниковъ ничѣмъ инымъ по существу своему не являются, какъ только рекламой старообрядчества, которая до извѣстной степени привлекаетъ къ нему общественное вниманіе, но не служитъ единственнымъ и самымъ силь-

нымъ орудіемъ пропаганды раскола; въ соединеніи съ другими средствами пропаганды она только и имѣетъ смыслъ. Такъ бы слѣдовало смотрѣть на вещи и у насъ, да такъ она и есть на дѣлѣ; но только не всѣ миссіонеры сознаются въ этомъ. Къ чему, какъ не къ рекламированію миссіонерскихъ знаній, что высказывалось и въ пастырскомъ собраніи вятскаго духовенства, сводятся въ очень многихъ случаяхъ публичныя словопренія и разглагольствія нашихъ миссіонеровъ? Въ этомъ состязаніи представителей двухъ враждебныхъ лагерей часто только и проглядываетъ одинъ, одинаково жгучій для той и другой стороны, интересъ: чья возьметъ? Святое дѣло вразумленія заблудшихъ обращается въ своего рода спортъ, въ словесный турниръ, въ которомъ собесѣдники—борцы тратятъ свои силы на взаимное изобличеніе въ промахахъ и оговоркахъ, ловятъ другъ друга на словахъ, изощряются въ казуистическомъ подборѣ библейскихъ и святооческихъ свидѣтельствъ, а истинныя задача и призваніе миссіонерства отходятъ на задній планъ,—впрочемъ, не исключительно по винѣ миссіонеровъ, а въ силу ложной постановки самаго дѣла, живое отношеніе къ которому они только и могутъ проявить въ преніяхъ и полемикѣ. Отказаться же отъ полемики будетъ значить для нихъ обречь себя на бездѣтельность и тѣмъ прописать себѣ отставку. У насъ вошла въ силу припаровка къ приемамъ старообрядцевъ въ томъ, въ чемъ бы ея не должно быть (въ характерѣ полемики),—и нѣтъ ея тамъ, гдѣ бы она должна быть. Кромѣ полемики мы не имѣемъ или, имѣя, не практикуемъ въ достаточной степени тѣхъ средствъ борьбы, какія практикуютъ они (широкой нравственной поддержки, взаимопомощи, частныхъ вразумленій, братскихъ союзовъ и мн. другого, что должно входить въ хорошую организацію приходской жизни и что отчасти есть въ организаціи старообрядческихъ общинъ). Пора же сознать, что не въ полемикѣ вся суть миссіонерства; пора сознать, что безприходные миссіонеры не въ силахъ осуществить великихъ задачъ миссіи,—что дѣтельность ихъ,

по неизмѣннѣ у нихъ средствъ для цѣлесообразной постановки ея, необходимо вырождается въ бесплодную полемику или въ рекламу ихъ миссіонерскихъ знаній, для которой нѣтъ разумныхъ основаній имѣть цѣлую армію работниковъ; достаточно имѣть для этого немногихъ специалистовъ, въ противобѣсъ старообрядческимъ начетчикамъ, и то до тѣхъ поръ, пока центръ миссіонерской дѣятельности не перемѣстится въ среду приходскаго духовенства. Когда оно, имѣя всѣ средства для цѣлесообразной постановки миссіи, разовьетъ свои силы и пріобрѣтетъ опытъ въ борьбѣ съ расколомъ,—тогда, можно думать, захватитъ въ средѣ старообрядцевъ потребность публичныхъ словопреній о вѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ нужды и у насъ въ существованіи особыхъ безприходныхъ миссіонеровъ.

Но вотъ здѣсь мы сталкиваемся съ новымъ соображеніемъ, которымъ оправдываютъ существованіе института безприходныхъ миссіонеровъ. Это соображеніе, съ которымъ считалось и пастырское собраніе вятскаго духовенства, сводится къ слѣдующему. Духовенство наше не подготовлено надлежащимъ образомъ къ борьбѣ съ старообрядчествомъ. Въ своемъ большинствѣ оно не обладаетъ ни нужными для нея знаніями, ни необходимымъ даромъ креянорѣчія и не въ состояніи отпарировать удары противника; оно не имѣетъ даже и усердія къ этому дѣлу, а потому многимъ представляется рискованнымъ отдать дѣло миссіи въ его руки. За обремененностью сложными заботами и дѣлами по приходу, оно не имѣетъ и времени подготовиться къ борьбѣ съ расколомъ, а потому институтъ безприходныхъ миссіонеровъ безусловно необходимъ. Дѣятельность его есть ни больше—ни меньше, по своей идеѣ, какъ только отрасль пастырскаго дѣланія, которая не можетъ быть ведена и выполнена приходскимъ священникомъ непосредственно. Нечего и говорить, что означенное соображеніе имѣло не послѣднее значеніе въ вопросѣ объ учрежденіи этого института. Имѣетъ ли оно, однако, ту вѣскость, какая, повидимому, принадлежитъ ему?

Выше мы разъяснили, что присоединенія изъ раскола, какъ и уклоненія въ него, не составляютъ непосредственныхъ плодовъ дѣятельности безприходныхъ миссіонеровъ. То и другое подготавливается больше пастырскою дѣятельностью приходскаго духовенства, отъ характера и качества которой прежде всего и главнѣе всего зависитъ то или другое качество внутренняго состоянія прихода, т. е. способствующее или процвѣтанію въ немъ православной вѣры, или же, наоборотъ, посяву и росту ложныхъ ученій. Мы осмѣливаемся предполагать, что внутренняя фізіономія приходовъ существенно не измѣнилась бы, если бы и не было института безприходныхъ миссіонеровъ; и безъ него хорошіе приходы не перестали бы быть хорошими, а худые и при немъ замѣтнымъ образомъ не улучшились бы. Въ самомъ дѣлѣ, успѣхи безприходныхъ миссіонеровъ не такъ уже велики, не смотря на все ихъ многознаніе и подготовленность къ борьбѣ съ расколомъ, чтобы можно было серьезно опасаться, что безъ поддержки со стороны ихъ у пастырей нашихъ вывалилось бы изъ рукъ все дѣло, и паства ихъ разсыпалась. Напрасно опасаться, что приходскій священникъ,—этотъ незамѣтный и скромный герой просвѣщенія Руси на протяженіи ея многовѣковой исторіи, не сумѣетъ приложить рукъ къ святому дѣлу миссіи. Онъ защитилъ св. вѣру и отъ татаръ, и отъ поляковъ,—защищалъ ее, иногда умѣя только читать по-славянски. Сила его пастырскаго вліянія заключалась вовсе не въ краснорѣчіи, да и не въ немъ она заключается по существу. Русскій пастырь совершалъ свое дѣло и достигалъ въ немъ успѣховъ, по справедливой мысли участника пастырскаго собранія вятскаго духовенства, „своею простотой, безыскусственностью своей разговорной рѣчи, вліяя своей простотой, при помощи благодати Божіей, на простое, безхитростное сердце русскаго челоуѣка“ и истовымъ совершеніемъ богослуженія умиляя его. Онъ изыскалъ бы и изыщетъ способы длѣ привлеченія и старообрядцевъ въ церковную ограду, и эти способы будутъ цѣлесообразнѣе тѣхъ,

какіе практикуюцца безприходнымі миссіонерамі, потыму што яму лепшэ, чымъ імъ, извѣстны запросы і духоўнае састаяніе свай паствы. Надо толькі сдѣлаць яго хазяіномъ гэтага дѣла. А та падтрымка, якую пашны былі по ідѣѣ аказываць яму безприходныя миссіонеры, аказалася на практыкѣ толькі помѣхой яму въ яго дѣланіі. Такъ, по крайняй мѣрѣ, высказалісь нѣкаторыя участнікі пастырскага сбраіія вятскага духоўнаства, і яні еджа лі ашыбаюцца. Кому, какъ не пастырямъ, лепшэ знаць цѣну миссіонерскай дѣятельнаста, выдаваемай по недоразумѣнію за атрасль ихъ пастырскага дѣланія? „Вообразілі у насъ, говорілі адінь ізь ныхъ—участнікъ помянутага сбраіія,—вообразілі, што ідетъ какай-то патошъ, который унічтожыць вѣру. Явылось желаніе создаць башню до небесъ, спеціалізавать миссіонерскае дѣло“... І плоды гэтай спеціалізаціі не замедлілі атразныцца неблагопрыятнымъ абразомъ на пастырскай дѣятельнаста прыходскага духоўнаства, въ которую вошла яна, што называеця, кліномъ. Переходъ миссііі въ рукы спеціаліставъ охладілі рвеніе і усердіе пастырей въ ихъ атношеніі къ дѣлу миссііі, которое стало для ныхъ постороннымъ, а самы миссіонеры, ставъ спеціалістамаі гэтага дѣла, ізь поможнікавъ пастырямъ, каковымы яні должны былі быць по ідѣѣ, абратылісь въ пачальнікавъ надъ нымы. „Къ функціі миссіонера, какъ поможніка, какъ сотрудыка прыходскага свящанніка, прысаііналась, і по сознанію участнікавъ пастырскага сбраіія вятскага духоўнаства, функція набліадацеля за духоўнаствомъ“. Надъ пастырскай дѣятельнаста устанавілся миссіонерскій надзоръ. Справедліва заявленіе пастыря помянутага сбраіія, што „ко всякай спеціалнаста бываецъ прыстрастнаста. Безприходный миссіонеръ выставяецъ сваю спеціалнаста і праводыць яе въ ущербъ друрымъ атраслямъ пастырскага дѣланія“. Взыскательнаста яго по атношенію къ пастырямъ, по заявленію того же свящанніка, тыжело чувствуюцца ямы, і адно уже требаваніе яго ать прыходскага свящанніка ачета въ яго дѣятельнаста

„непріятно поражаетъ“ послѣдняго. „Пока составляется этотъ отчетъ, между священникомъ и миссіонеромъ вѣдрется какой-то раздоръ“... Дѣло миссіи изъ добровольнаго и пріятнаго по идеѣ обращается для священника въ принудительное и тяжелое. Миссіонеры, не непосредственно, конечно,---засыпаютъ его предписаніями и циркулярами. Создается крайне тяжелое положеніе, изъ котораго нѣтъ выхода, потому что ложна постановка миссіонерскаго дѣла по существу. Миссіонеры видятъ проявленіе усердія къ дѣлу въ томъ преимущественно, въ чемъ и сами могутъ показать свое усердіе, именно въ собесѣдованіяхъ; приходскіе же священники не практикуютъ широко этого орудія въ борьбѣ съ расколомъ, потому ли что не имѣютъ времени и умѣнья или охоты писать бесѣды, или потому, что, имѣя инья болѣе дѣйствительныя орудія миссіонерскаго вліянія въ своемъ распоряженіи, не сознаютъ надобности въ устройствѣ полемическихъ собесѣдованій. Отсюда—взаимное непониманіе и неуваженіе. Миссіонеры не усматриваютъ цѣны и значенія въ томъ, что дѣлаютъ пастыри,—а пастыри не придають значенія миссіонерскимъ бесѣдамъ. „Имъ надо показать, говорилось въ пастырскомъ собраніи вятскаго духовенства, что они дѣло дѣлаютъ; они и печатаютъ бесѣды. Надо показать, что безъ нихъ дѣло не дѣлается, и у нихъ доносы“. Такъ продолжаться дѣло миссіи дальше не можетъ и не должно,—и вполне пріемлемую точку зрѣнія на правильную постановку его намѣтило и указало помянутое собраніе въ своемъ постановленіи, которое мы обсуждаемъ.

Центръ миссіонерской дѣятельности долженъ перемѣститься изъ среды безприходныхъ миссіонеровъ въ среду нашего приходскаго духовенства, которое должно взять миссію въ непосредственное свое завѣдываніе. Только оно одно—приходское духовенство—и можетъ изыскать вполне цѣлесообразныя и дѣйствительно-жизненныя способы для правильной постановки и веденія миссіонерскаго дѣла. Если и можетъ встрѣтиться для этого какое-либо препятствіе у нашихъ приходскихъ

священниковъ, то развѣ въ недостаткѣ времени, отнимаемаго у нихъ въ значительной степени бездушнымъ письмоводствомъ, по требованію разныхъ лицъ и учрежденій. На рукахъ нашего духовенства лежитъ масса писарской, канцелярской, бухгалтерской и статистической работы всевозможныхъ видовъ. Эта работа не питаетъ души пастыря, да и далеко не всегда относится къ его пастырскимъ обязанностямъ. Онъ долженъ быть освобожденъ отъ нея, чтобъ имѣть возможность отдаться выполненію прямыхъ своихъ обязанностей, въ ряду которыхъ обязанности миссіонерскія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ долженъ быть избавленъ также отъ стѣсненія въ своей дѣятельности массой циркуляровъ, предписаній и указовъ, отъ которыхъ наши приходскіе священники, по признанію участниковъ пастырскаго собранія вятскаго духовенства, положительно задыхаются, лишаясь свободы и инициативы самопроявленія въ своей дѣятельности, потому вѣдь извѣстно, что бумага убиваетъ, и свобода-духъ животворитъ. Конечно, въ настоящую минуту приходскіе священники не отличаются надлежащей подготовкой къ миссіонерству, а потому перемѣщеніе центра миссіонерской дѣятельности изъ среды приходныхъ миссіонеровъ въ среду ихъ должно совершиться не сразу, а постепенно, по мѣрѣ приобрѣтенія ими необходимыхъ знаній и опыта для веденія миссіонерскаго дѣла. Но и медлить привлеченіемъ ихъ къ непосредственному завѣдыванію миссіонерскимъ дѣломъ нѣтъ оснований, потому что опытъ и практика служатъ лучшею школою миссіонерства. Пока же приходскіе священники не обогатятся въ этомъ дѣлѣ необходимыми знаніями и опытомъ, можно поступить только такъ, какъ поступило пастырское собраніе вятскаго духовенства; возложивши дѣло миссіи на приходскихъ священниковъ, сосредоточить ближайшее руководство въ немъ ими въ рукахъ окружныхъ миссіонеровъ изъ приходскихъ же священниковъ, а для общаго направленія и объединенія миссіонерской дѣятельности пастырей и для противодѣйствія пропаторской

дѣятельности всероссійскихъ старообрядческихъ начетчиковъ и главарей сектантства оставить пока должность безприходнаго епархіальнаго миссіонера вмѣстѣ съ должностью, гдѣ это нужно, такового же помощника ему.

А. Волгинъ.

Какъ обезпечить семинаристовъ учебниками ¹⁾.

Изъ постановленій епархіальныхъ съѣздовъ духовенства, бывшихъ въ 1905 году, обращаемъ вниманіе читателей на одно изъ постановленій духовенства Повгородской епархіи, пожелавъ ему напередъ самаго широкаго распространенія и по другимъ епархіямъ. Постановленіе касается небольшого вопроса, второстепеннаго, но тѣмъ не менѣе не лишено своей полезности при общей скудной обезпеченности православнаго духовенства. Не богато наше православное духовенство,— въ массѣ, конечно, и если когда особенно тяжело чувствуетъ оно тяготу матеріальной скудости, то это въ пору воспитанія дѣтей. Въ это время священнику приходится экономить каждый гропъ, урѣзываетъ себя въ самомъ необходимомъ; сбереженія, какія иные могутъ сдѣлать смолоду, обыкновенно уходятъ полностью на дѣтей; нѣкоторымъ приходится входить въ долги, со слабой надеждой когда-нибудь развязаться съ ними. Если трудно воспитывать дѣтей священнику, то нечего и говорить о томъ, какъ это трудно для діакона и псаломщика; за нуждой многіе изъ нихъ отказываются дать образованіе дѣтямъ и открыть имъ путь къ жизни болѣе свѣтлой и радостной, чѣмъ та, которую влачатъ они сами. Отсюда, всякое мѣропріятіе, направленное къ тому, чтобы облегчить духовенству дѣло воспитанія дѣтей, помочь имъ въ матеріальной нуждѣ—пусть это мѣропріятіе будетъ даже частичнаго характера,—должно встрѣчать признательность и подраженіе.

¹⁾ См. Церковныя вѣдомости 1905 г. № 34, 1456 стр.

Правленіе Новгородской духовной семинаріи предложило епархіальному духовенству ассигновать ежегодно 500 руб. изъ суммъ свѣчнаго завода для снабженія своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи казенными учебниками, обѣщая, что черезъ 4—5 лѣтъ можно такимъ образомъ достигнуть безплатнаго снабженія учебниками всѣхъ семинаристовъ. На предложеніе правленія семинаріи епархіальный съѣздъ согласился и постановилъ ассигновать просимую сумму изъ средствъ свѣчнаго завода съ 1-го января 1906 года. Высокопреосв. Гурій, арх. Новгородскій, указанное постановленіе утвердилъ подъ тѣмъ условіемъ, если правленіе свѣчнаго завода найдетъ возможнымъ, за покрытіемъ лежащихъ на немъ обязательствъ, отпускать указанную сумму. Такой способъ обезпеченія семинаристовъ учебниками нельзя не привѣтствовать. Дѣло въ томъ, что имѣть всѣ учебники—роскошь, далеко не всякому семинаристу доступная. Возьмите любой классъ семинаріи,—не истративъ 15—20 рублей, вы не обезпечите семинариста книгами; а если у васъ сразу учатся нѣсколько дѣтей, то вы должны будете истратить на учебники сумму, для іерейскаго кармана довольно чувствительную. Отсюда многіе семинаристы обходятся совсѣмъ безъ учебниковъ: подчиталь у товарища, взявъ въ другомъ отдѣленіи, и кое-какъ обошелся; очень часто уроки учатся пѣлой компаніей; вообще голь на выдумки хитра. Не споримъ, что совмѣстный способъ ученія, обмѣнъ учебниками развиваесть въ семинаристахъ чувство дружбы и товарищества, дѣлаесть ученіе болѣе интереснымъ и живымъ, но въ немъ есть и своя невыгодная сторона: въ ученикахъ развивается верхоглядство, легкое отношеніе къ дѣлу; каждый старается какъ бы скорѣе ознакомиться съ вопросомъ, чтобы учебникъ передать другому; и хорошо еще, если ученикъ, не имѣющій книги, обладаетъ хорошею памятью, воспріимчивъ; но бѣда тупому: чужого учебника надолго не дадутъ, даже если и надъ своимъ иной любить посидѣть, то „чающіе“, т. е. не имѣющіе своихъ книгъ, затолкають, обзовутъ зубрилой и т. д.

При существующемъ способѣ обезпеченія семинаристовъ книгами есть и другая невыгодная сторона. Кое-какъ стягивается іерей и отпускаетъ потребную сумму на книги, но было бы наивно думать, что отпущенная сумма идетъ на книги: „сей возрастъ жалости не знаетъ“, сказалъ Крыловъ; а въ городѣ такъ много привлекательнаго: театры, „ресторациі“, кондитерскія, иногда картишки; и идутъ родительскія, поистинѣ потому заработанныя, денежки на всякія пріятности, но только не на книги. Иные болѣе сообразительные родители, привозя дѣтей и юношей въ школы, сами приобрѣтаютъ книги, но и это не помогаетъ дѣлу: къ услугамъ нуждающагося букинисты, книжная спекуляція въ самомъ учебномъ заведеніи; новую книгу можно продать за $\frac{3}{4}$ цѣны, а себѣ приобрѣсти (и то не всегда) потрепанную за $\frac{1}{4}$; чистый илюсъ поступаетъ въ карманъ изворотливаго и находчиваго продавца и тратится на разныя пріятности. Бываютъ случаи и прямого надувательства родителей дѣтьми. Одинъ почтенный батюшка, правда, состоятельный, въ шутовомъ тогѣ жаловался намъ на сына—семинариста лѣтъ 17: „ужасно онъ у меня разсѣянный и небрежный; представьте, каждый годъ даю послѣ каникулъ 25 р. на книги; а онъ за три года привезъ мнѣ одну „Одиссею“; все говорить: „теряю“ (очевидно, на Одиссею не нашлось покупателя). Бываютъ случаи и похуже. Вспоминается одинъ изъ товарищей, правда, свѣтскій. Богатая простая мать отдала сына въ семинарію, надѣясь видѣть въ сынѣ на старость молитвенника у престола Божія, и сынъ былъ не изъ илехихъ, умный и добрый, да семинарія была изъ „вольныхъ“. Души не чаяла въ сынѣ мать и на все, что касалось ученія, готова была жертвовать и давать деньги не считая; это и погубило сына. Чуть не каждый мѣсяць присылала мать по 15—20 рублей; и на что только не присылала она! Всѣ пособія, какія перечисляются въ учебникахъ, были использованы сыномъ: тутъ была и Вульгата, и Поляглотта, Иосифъ Флавій и т. д. Велико было, навѣрно, огорченіе бѣдной старухи, когда ея „книжнаго“ сына прислали навсегда домой изъ второго класса семинаріи.

Особенно плохо отзывается отсутствіе учебниковъ въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ нѣтъ общежитій, и гдѣ воспитанники живутъ по квартирамъ; неимѣніе учебниковъ не только развиваетъ, но и покрываетъ въ ученикахъ бродяжничество. Нѣтъ учебника,—значить, нужно идти къ тому, кто его имѣетъ,—иногда на противоположный конецъ города. Нужно съ квартиры уйти, надо записаться въ отпускной журналъ и выставить причину отлучки,—такая причина всегда есть: ходилъ учить урокъ къ такому-то.

Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ духовенство почему-либо не можетъ отпустить сразу крупной суммы для бесплатнаго снабженія воспитанниковъ учебниками, можно было-бы, по приѣзду Кіевской семинаріи, помочь дѣлу хотя на половину. Въ Кіевской семинаріи книги выдаются воспитанникамъ для временнаго пользованія за небольшую плату, которая въ нѣсколько лѣтъ и окунаетъ книгу. За порчу или утерю книги воспитанникъ долженъ уплатить; этотъ способъ обезпеченія воспитанниковъ учебниками удобенъ въ томъ отношеніи, что воспитанникъ за временное пользованіе книгами платитъ самую небольшую плату, что въ теченіе 6 лѣтъ семинарскаго ученія даетъ значительное облегченіе небогатымъ родителямъ. При этомъ способѣ воспитанникъ смотритъ на книгу, какъ на общее достояніе; за небрежное обращеніе съ нею онъ долженъ платить деньги, а это пріучаетъ воспитанниковъ къ аккуратности. Семинаріи и духовныя училища сдѣлали бы большое облегченіе духовенству, если бы завели хотя бы второй способъ обезпеченія воспитанниковъ книжками. Думаемъ, что найти средства на первоначальное обзаведеніе потребнымъ числомъ книгъ не такъ уже трудно; книжные фирмы, за солиднымъ поручительствомъ правленія соответствующаго учебнаго заведенія, не откажутъ отпустить книги въ кредитъ. Учредивъ у себя это доброе дѣло, правленію семинаріи или духовнаго училища оставалось бы только сдѣлать одно: познакомить съ нимъ, черезъ епархіальный органъ, духовенство, объявивъ, сколько въ каждомъ классѣ будетъ стоить пользованіе всѣми учебниками въ теченіе года. Доброе начинаніе несомнѣнно встрѣтитъ поддержку и сочувствіе духовенства.

Свящ. В. Пестряковъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть № 13. Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. ции журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года марта 26-го дня.

Содержаніе: Чѣмъ долженъ быть приходъ?—Еще по вопросу о пастырскихъ
союзахъ.—Отрадное явленіе въ церковно-приходской жизни.—По
поводу уирековъ священникамъ за предосудительное молчаніе во
время тревожныхъ событій.—Отъ Редакціи.

Чѣмъ долженъ быть приходъ?

Что такое приходъ, и что такое прихожанинъ?

Самый вопросъ объ этомъ можетъ показаться страннымъ: всякому кажется яснымъ, что такое приходъ. Православная Церковь предписываетъ, чтобы вѣрующіе періодически приходили въ храмъ для исполненія ихъ религіозныхъ обязанностей. По практическимъ соображеніямъ вѣрующіе распределяются для этого между отдѣльными храмами. Къ каждой церкви приписывается опредѣленная округа, территория; все проживающее на ней православное населеніе, безъ различія пола, возраста и состоянія, съ причтомъ данной церкви во главѣ и составляетъ ея приходъ. Изъ такой территоріальности прихода уже само собою вытекаетъ, что каждый пра-

вославный долженъ быть членомъ одного изъ приходо́въ, но не можетъ состоять въ двухъ.

При всей видимой простотѣ такого ходячаго представленія о приходѣ въ немъ чрезвычайно много условнаго. Можно согласиться, что при образованіи прихода главная роль принадлежитъ практическимъ соображеніямъ. Но не имъ опредѣляется крѣпость и здоровая жизнь прихода. Въ этомъ мы легко убѣдимся, если сравнимъ сельскій приходъ съ городскимъ.

Сельскій приходъ является типичнѣйшимъ представителемъ строго территоріальнаго прихода. При сравнительно значительныхъ разстояніяхъ между сельскими церквами, населеніе естественно тяготѣетъ къ ближайшей церкви; территорія прихода дается и соображеніями удобства и самыми условіями сельской жизни. Но далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ условій. Сельское населеніе малоподвижно. Внуки живутъ если не на томъ же самомъ мѣстѣ, то въ той же самой деревнѣ, гдѣ жили и умерли отецъ и дѣдъ. У нихъ возникаетъ наследственная привязанность къ своей церкви, даже къ самому ея зданію. Для посторонняго и тѣсна-то эта церковь, и убога, и угрожаетъ отъ ветхости паденіемъ. Прихожане собрали средства для новаго храма, но все-таки предпочитаютъ построить его даже на менѣе удобномъ мѣстѣ, лишь бы не трогать старой церкви, которой предоставляется спокойно достоять свой вѣкъ. Она все-таки для нихъ дорога и при новомъ храмѣ.

Мы сами были свидѣтелями такого случая. Помѣщица, изъ семьи далеко не старозавѣтной, послѣ долгаго отсутствія изъ родного прихода, какъ-то пріѣхала на время въ свою усадьбу и здѣсь нашла себѣ жениха. Во время ея долгаго отсутствія рядомъ со старою деревянною церковью выросла уже каменная, гдѣ священникъ и приготовилъ все для свадьбы почетной прихожанки. Но невѣста, пріѣхавъ къ вѣнцу, потребовала, чтобы ее вѣнчали въ старой церкви, съ которой у нея связаны воспоминанія дѣтства...

Отношенія къ священнику тоже устанавливаются самыя близкія. Причтъ въ сельскихъ церквахъ не великъ, священникъ обыкновенно одинъ. На него и смотритъ приходъ, какъ на общаго батюшку. Настоящій сельскій батюшка прекрасно знаетъ имена не только всѣхъ прихожанъ, но даже ихъ родственниковъ живыхъ и умершихъ. Всѣ интересы прихожанъ близки и понятны ему, даже какъ сельскому хозяину. Не особенно далеки отъ насъ тѣ времена, когда связь священника съ приходомъ была не только пожизненною, но даже наследственною. Будущая матушка или будущій батюшка съ самаго рожденія росли на глазахъ прихожанъ, съ которыми они становились одной семьей. Теперь наследственность приходскихъ мѣстъ исчезла изъ закона, но далеко не исчезла изъ жизни. Бываетъ, что священникъ проситъ о переводѣ его на менѣе доходный приходъ потому только, что это приходъ отцовскій.

Прибавимъ къ этому, что сельскіе приходы имѣютъ каждый свою исторію. Старыя церкви строились міромъ, и на это смотрѣлось, какъ на важнѣйшее дѣло міра. Миръ группировался около церкви, исторія которой сливалась съ его исторіею. Несложные факты этой исторіи въ памяти, можетъ быть, и не удержались, но она даетъ себя знать множествомъ незамѣтныхъ для посторонняго вліяній.

Вотъ силы, которыя создаютъ крѣпость прихода въ селеніяхъ. Территоріальность прихода сама является результатомъ дѣйствія этихъ силъ, но не можетъ ихъ создать. Въ этомъ легко убѣдиться, взглянувъ на городской приходъ въ большомъ городѣ. Какъ извѣстно, строго территоріальное дѣленіе на приходы введено и въ городахъ. Но тамъ оно оказывается дѣленіемъ недалекимъ отъ искусственнаго. Для человека, явившагося въ городъ въ первый разъ, разстояніе церкви отъ жилища не имѣетъ никакого значенія. Городскія разстоянія и вообще не велеки, а на деревенскій масштабъ всѣ городскія церкви „тутъ и есть“. При выборѣ церкви, гдѣ помолиться, пріѣзжій руководится другими соображеніями:

въ одной служить архіерей, въ другой пѣвчіе хорошіе, въ третьей чудотворный образъ и т. д. Дѣло немного измѣняется и тогда, когда пріѣзжій укоренится въ городѣ.

Городское населеніе, сравнительно съ сельскимъ, ведетъ кочевой образъ жизни; даже собственники домовъ нерѣдко живутъ въ наемныхъ квартирахъ, которыя они мѣняють безъ всякихъ справокъ съ границами приходовъ. Случается, что даже батюшка живетъ не въ своемъ приходѣ. Все это ни въ какомъ случаѣ не можетъ развить той привязанности къ своей приходской церкви, какую мы наблюдаемъ въ деревняхъ. Не лучше дѣло обстоитъ и въ отношеніяхъ къ причту. Причтъ при городскихъ церквахъ болѣе многочисленъ, чѣмъ при сельской церкви; при нихъ часто состоитъ по нѣскольку священниковъ; уже это одно мѣшаетъ сближенію прихожанъ съ отдѣльными представителями клира. Къ тому же скученное въ городахъ населеніе живетъ въ то же время крайне обособленно другъ отъ друга; сплошь и рядомъ даже жильцы одного и того же дома вовсе не знаютъ, кто ихъ сосѣди. Что можетъ связывать при такихъ условіяхъ священника съ его случайными прихожанами, которыхъ онъ никогда не видитъ въ церкви, и которые и сами подчасъ не знаютъ, въ какомъ приходѣ они живутъ? Не мудрено, что такой приходъ не можетъ имѣть никакой исторіи. Строеніе городской церкви есть дѣло не прихода, а отдѣльныхъ прихожанъ, руководящихся частію дѣйствительною преданностію церкви, частію другими менѣе идеальными побужденіями. О мірскомъ дѣлѣ нѣтъ и помина.

Но сдѣлаемъ наилучшее предположеніе: предположимъ, что прихожанинъ, не взирая на всѣ неблагопріятныя условія, сроднился съ своей приходской церковью и нашелъ въ ея священникѣ дѣйствительнаго пастыря. И въ этомъ случаѣ ему постоянно грозитъ опасность убѣдиться, что границы приходской территоріи представляютъ своего рода „предѣлъ, его же не преидеши“, для прочности этого сближенія между пасомымъ и пастыремъ. Переѣхалъ нашъ прихожанинъ въ другой домъ

и попрежнему зоветь о. Петра освятить его новую квартиру. О. Петръ отказывается и рекомендуетъ обратиться къ о. Евлампію; переѣхавъ на другую сторону улицы, прихожанинъ оказался уже въ другомъ приходѣ. Если бы о. Петръ пошелъ съ требой въ чужой приходъ, то мѣстный священникъ, о. Евлампій, поймавъ его на мѣстѣ преступленія, могъ бы, пожалуй, безъ церемоніи отобрать у него узелъ съ облаченіями и отправить его въ консисторію. Послѣ долгихъ объясненій злополучному прихожанину приходится оставить о. Петра; конечно, другой вопросъ, пойдетъ ли онъ къ о. Евлампію.

Такимъ образомъ, территоріальность прихода сама по себѣ не въ силахъ установить той тѣсной нравственной связи между прихожаниномъ и приходскимъ храмомъ, которая служитъ главнымъ условіемъ нормальной приходской жизни. При условіяхъ современной жизни, безусловное проведеніе принципа территоріальности прихода можетъ даже препятствовать установленію правильныхъ приходскихъ отношеній.

Можетъ ли быть безусловно признанъ и тотъ выводъ изъ территоріальности прихода, что всякій долженъ принадлежать къ одному, и никто не можетъ принадлежать къ нѣсколькимъ приходамъ? Во второй его части это положеніе слѣдуетъ признать безусловно несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Даже въ такомъ типичномъ территоріальномъ приходѣ, какъ приходъ сельскій, двухприходность его членовъ составляетъ нормальное явленіе. Оно и раньше бывало, а въ настоящее время становится все болѣе и болѣе обычнымъ.

Помѣщикъ, проживая на службѣ государевой внѣ своего помѣстья, имѣлъ свой приходъ на мѣстѣ своего служенія; но это вовсе не означало, что онъ черезъ это долженъ былъ порвать съ приходомъ его помѣстья. Совершенно напротивъ. Всѣ, начиная съ преосвященнаго, продолжали смотрѣть на помѣщика, какъ на самаго виднаго и вліятельнаго члена прихода. Самъ же помѣщикъ считалъ своимъ настоящимъ приходомъ приходъ отцовъ и дѣдовъ, на всякій же другой при-

ходъ, хотя бы и всю жизнь прожилъ въ немъ, смотрѣлъ, какъ на приходъ по нуждѣ. Въ настоящее время очень значительная часть городскихъ прихожанъ состоитъ изъ пришлаго изъ деревень населенія, которое очень нерѣдко не утрачиваетъ связи ни съ своей деревней, ни съ своимъ роднымъ приходомъ, даже и тамъ, гдѣ отхожіе промыслы очень развиты. Ярославскій крестьянинъ нерѣдко вполне укореняется въ Петербургѣ, имѣетъ тамъ свои дома и даже состоитъ тамъ церковнымъ старостою; въ родной приходъ онъ является лишь гостемъ на короткое время. И тѣмъ не менѣе, мѣстная приходская церковь считаетъ его своимъ прихожаниномъ; онъ принимаетъ самое живое участіе въ ея судьбахъ, не говоря уже о щедрой помощи пожертвованіями.

Есть ли въ такой двухприходности что-нибудь опасное для ослабленія приходской связи? Ясно, конечно, совершенно обратное. Эта двухприходность является результатомъ сильно развитаго приходского чувства, въ которомъ и заключается основаніе здоровой приходской жизни. Въ этомъ отношеніи приходъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ естественныхъ общественныхъ организацій. Возьмемъ даже такую замкнутую по существу организацію, какъ семья. Хотя каждая семья представляетъ изъ себя юридически нѣчто совершенно обособленное, тѣмъ не менѣе при наиболѣе нормальныхъ семейныхъ отношеніяхъ какъ мужъ, такъ и жена состоятъ членами трехъ такихъ семей одновременно. Дѣвушка, выходя замужъ, дѣлается членомъ мужниной семьи, не переставая быть членомъ семьи своихъ родителей. Членомъ этой же семьи становится и ея мужъ. Въ свою очередь, родители супруговъ становятся членами молодой семьи. Никому и въ голову не придетъ пожертвовать такими отношеніями ради отвлеченной юридической формулы, несмотря на полную ея безспорность.

Теперь мы обратимся опять къ оставленному нами городскому приходу. Какъ мы уже видѣли, строгая территориальность приходовъ въ городахъ, какъ она понимается у насъ, не способствуя укрѣпленію связей между прихожаниномъ и его

приходскою церковью, наоборотъ, очень часто порываетъ и прочно установившіяся связи этого рода. Вредъ такого порядка очевиденъ. На почвѣ именно такихъ отношеній вырабатывается афоризмъ: „что ни пошь, то батька“, такъ ярко выражающій взглядъ на священника, какъ на требоисправителя, а не пастыря. Почему же въ такомъ случаѣ такъ старательно проводится этотъ территориализмъ въ самомъ узкомъ смыслѣ слова? Причина заключается въ томъ, что администрація находитъ въ такомъ устройствѣ прихода большія удобства для выполненія своихъ задачъ. Удобства эти—частію дѣйствительныя, частію мнимыя.

Какъ извѣстно, административная рутинѣ видитъ въ приходѣ прежде всего источникъ содержанія церкви и причта и находитъ поддержку такого взгляда и въ законодательствѣ. Строго территориальное устройство приходовъ является наиболѣе удобнымъ съ этой стороны. Источниками содержанія, кромѣ доходовъ съ капиталовъ и недвижимостей, которые въ данномъ случаѣ въ счетъ не идутъ, могутъ служить или принудительно взимаемые палогъ съ прихожанъ, или другія въ большей или меньшей степени добровольныя даванія съ ихъ стороны. На западѣ, гдѣ съ уплатою церковнаго налога связано и право участія въ приходскомъ самоуправленіи, приходъ по необходимости долженъ быть территориаленъ. Но сама по себѣ система церковныхъ налоговъ не требуетъ такой территориальности, разъ дѣло идетъ о городскихъ приходахъ. Палогъ могутъ быть взимаемы въ центральную городскую церковную кассу и оттуда распредѣляемы между церквами сообразно ихъ нуждамъ. Такая система и была бы болѣе согласною съ древне церковными традиціями, въ силу которыхъ всѣ приношенія вѣрующихъ направлялись въ кассу каѳедральной церкви, и равномернѣе удовлетворяла бы нужды всего городского населенія, и, наконецъ, давала бы возможность устройства такихъ заведеній, какъ, напр., больницы, которыя не по средствамъ отдѣльнымъ приходамъ. Въ Русской Православной Церкви никакихъ налоговъ нѣтъ. Даже прино-

шенія могутъ быть принимаемы только отъ вполне достойныхъ людей. Принудительно взимаемый налогъ стоялъ бы въ полномъ противорѣчьи съ этимъ основнымъ принципомъ. Трудно оправдать его и съ точки зрѣнія нашего законодательства, требующаго, чтобы какъ вновь устраиваемая церковь, такъ и причтъ при ней были напередъ вполне обезпечены какимъ-нибудь плодоприносящимъ имуществомъ. Остаются лишь, такъ называемыя, добровольныя приношенія, которыя и обезпечиваются за приходскимъ духовенствомъ путемъ воспрещенія иноприходному духовенству совершать требы въ предѣлахъ чужой приходской территоріи. На сколько такое запрещеніе достигаетъ этой цѣли? Оно можетъ быть дѣйствительно лишь по отношенію къ требамъ, совершаемымъ на дому, т. е. обычнымъ періодическимъ праздничнымъ хожденіямъ „со святомъ“ и другимъ требамъ болѣе случайнаго характера. Но что касается до первыхъ, то въ большихъ городахъ они болѣе и болѣе выходятъ изъ обычая, и недалеко то время, когда они, можетъ быть, совершенно исчезнутъ. Причина заключается въ особенностяхъ городского прихода, не дающихъ священнику возможности близко ознакомиться съ его составомъ. Отправляясь со святомъ, священникъ постоянно рискуетъ получить на свой звонокъ или грубое и даже оскорбительное замѣчаніе со стороны ино-вѣрца, или не менѣе сомнительное „дома нѣтъ“ со стороны случайнаго прихожанина. Чувство собственного достоинства заставляеть отказаться отъ хожденія безъ приглашенія даже и въ ущербъ доходамъ. Приглашенія же на домъ находятся въ прямой зависимости отъ степени близости прихожанина къ своему священнику. Приходская граница, разъ она препятствуетъ установленію этой близости въ городахъ, тѣмъ самымъ медленно, но вѣрно подтачиваетъ источникъ доходовъ отъ требъ по дому въ самомъ его корнѣ.

Далѣе, приходъ въ глазахъ администраціи является своего рода полицейско-административнымъ кварталомъ. Съ совершеніемъ нѣкоторыхъ требъ связано веденіе метрическихъ

книгъ, имѣющихъ значеніе актовъ гражданскаго состоянія. Для точности этихъ актовъ и достовѣрности записи въ нихъ необходимо указать обязательнаго совершителя соотвѣтствующихъ требъ, какимъ и является священникъ приходской территоріи. Въ качествѣ органа веденія гражданскихъ актовъ состоянія онъ подъ часъ имѣетъ очень своеобразныхъ прихожанъ. Православный священникъ обязанъ повѣнчать инославныхъ брачующихся, буде они не имѣютъ возможности повѣнчаться у служителя ихъ исповѣданія и потому пожелаютъ повѣнчаться въ православной церкви. Православный священникъ обязанъ проводить до кладбища „трупъ“ инославнаго, умершаго въ мѣстности, гдѣ нѣтъ неправославнаго священника, согласнаго его похоронить. Православный же священникъ долгое время обязанъ былъ совершать всѣ метрическія требы для раскольниковъ разныхъ наименованій. Очевидно, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ, собственно, не о православномъ приходѣ, а лишь о живущемъ на его территоріи населеніи, православіе котораго, въ глазахъ закона, является вещью второстепенною. Приходъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, совершенно утрачиваетъ всякое, даже административное, значеніе съ предстоящею передачею веденія актовъ состоянія въ руки свѣтскихъ государственныхъ органовъ.

Приходскій священникъ въ то же время есть органъ епархіальнаго надзора за церковною дисциплиною въ предѣлахъ прихода. Надзоръ этотъ ведется въ формѣ надзора за исполненіемъ православными долга ежегодной исповѣди и причащенія, что и отмѣчается въ такъ называемыхъ исповѣдныхъ росписяхъ. Къ сожалѣнію, на небывальщиковъ у исповѣди довольно долго смотрѣли какъ на раскольниковъ, подлежащихъ двойному окладу. Чтобы избавиться и отъ него и отъ никоніанскаго причастія, раскольники являлись на исповѣдь, но взводили на себя небывалые грѣхи съ цѣлью подвергнуться запрещенію приобщаться. Синодъ (дѣло происходило въ началѣ его дѣятельности) узнавъ объ этомъ, не нашелъ ничего луч-

шаго, какъ приказать, чтобы всѣ исповѣдывавшіеся приобщались, не смотря ни на какіе грѣхи. Этимъ, конечно, уничтожена была всякая церковная дисциплина, а потому и самый надзоръ за нею оказывался совершенно безсодержательнымъ и безцѣльнымъ. Эта безсодержательность и безцѣльность существующей системы надзора сдѣлалась вполне очевидною съ уничтоженіемъ полицейскаго принужденія въ дѣлахъ вѣры. Возстановить расшатанную церковную дисциплину возможно будетъ, лишь укрѣпивъ личную связь между пастыремъ и пасомыми.

Такимъ образомъ, прикрѣпленіе прихожанина исключительно къ приходской территоріи не можетъ быть оправдано. Скажемъ болѣе. И въ настоящее время, въ одномъ, правда, случаѣ, принципомъ територіальности прихода жертвуется въ интересахъ пастырства. Мы имѣемъ въ виду предписанія о выборѣ духовника. Настоятельно рекомендуется не мѣнять разъ избраннаго духовнаго отца—предполагается, что онъ приходскій священникъ—до самой смерти, стало быть—и въ томъ случаѣ, если бы духовный сынъ пересталъ быть прихожаниномъ своего духовнаго отца. Такое правило равняется признанію частичной двухприходности даннаго лица. Мотивъ законодателя очевиденъ: духовникъ, какъ пастырь по преимуществу, предпочитается просто священнику. Но не пора ли и вообще отказаться отъ взгляда на священника, какъ на требоисправителя, и признать въ немъ пастыря? Не пора ли отношенія между духовнымъ отцомъ и духовнымъ сыномъ признать за норму отношеній священника къ прихожанину вообще? Тогда приходскія отношенія получаютъ такой видъ. Прихожанинъ, переселившійся за предѣлы приходской территоріи, не обязанъ въ силу этого выходить изъ состава прихода. Приходскій священникъ имѣетъ полное право добровольно продолжать исполненіе всѣхъ своихъ пастырскихъ обязанностей по отношенію къ такому прихожанину. Сознаніе духовенствомъ общей солидарности въ дѣлѣ пастырства было бы лучшимъ средствомъ противъ злоупотребленій въ этой области.

Такое рѣшеніе вопроса подсказывается не только жизнью, но и самою сущію приходскихъ отношеній. Въ основу приходской организаціи долженъ быть положенъ принципъ неразрывности связи, существующей между прихожаниномъ и его пастыремъ. Принципъ территоріальности прихода есть принципъ второстепенный и подчиненный; въ случаѣ признанія его за главный онъ обращаетъ священника въ простаго требоисправителя и тѣмъ разрушаетъ церковную жизнь прихода. Между тѣмъ, отъ правильной жизни прихода больше, чѣмъ отъ чего бы то ни было, зависитъ правильность церковной жизни вообще. Русскій приходъ переживаетъ въ настоящее время критическій моментъ: ему предполагается дать самоуправленіе. Вопросъ о составѣ прихода есть вопросъ о судьбѣ этого самоуправления. Было бы большою ошибкой влить новое вино въ старые мѣхи.

Проф. *Ил. Соколовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Еще по вопросу о пастырскихъ союзахъ ¹⁾.

Въ настоящее время всюду по благочинническимъ округамъ организуются пастырскіе союзы. По справедливости имъ придается большое значеніе и высшимъ церковнымъ начальствомъ и самими пастырями. На нихъ возлагаются большія надежды, какъ на такой факторъ, который способенъ под-

¹⁾ Вопросу о пастырскихъ собраніяхъ и союзахъ была уже посвящена въ нашемъ журналѣ статья о. Н. С. Гроссу (см. № 45—за 1905 г.). Охотно, въ видахъ всесторонняго выясненія предмета, даемъ мѣсто и настоящей статьѣ—реферату, предложенному на собраніи пастырей 3-го благоч. окр. Бердич. у. Кіевск. г. 27 февр. с. г. Не можемъ, однако, согласиться съ взглядомъ автора, будто прямая задача пастырскихъ союзовъ исключаетъ всякія другія цѣли, даже, напр., цѣль самообразованія, которое, какъ извѣстно, является для пастыря немалымъ воспособленіемъ въ приходской дѣятельности. Необходимо лишь, чтобы всѣ частныя цѣли

нять духъ пастырства, развить (его) самодѣятельность, коей до сихъ поръ не давали возможности проявляться въ дѣлѣ пастырскаго служенія. Вслѣдствіе этого необходимо съ особенною внимательностью и серьезностью отнестись къ предмету ихъ организаціи; они должны быть жизненны и плодотворны. Будетъ очень жаль, если они не оправдаютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ и останутся только на бумагѣ, или же, что еще хуже, уклонятся отъ прямого своего назначенія въ сторону пустаго либеральничанья. Поэтому слѣдуетъ ясно опредѣлить задачи пастырскихъ союзовъ и тотъ главный, по евангельскому выраженію, „краеугольный камень“, который долженъ лечь „во главу угла“ ихъ организаціи.

На св. Руси настали какія-то странныя времена: о чемъ бы кто ни говорилъ, какія бы гдѣ начинанія ни дѣлались, всѣ со сладостью упоминаютъ объ освободительномъ движеніи и къ этому движенію пригоняютъ всякія начинанія, какъ будто бы плодъ этого движенія. Приходилось читать и слышать мнѣніе, что и организуемые повсемѣстно пастырскіе союзы вызваны будто этимъ движеніемъ. На первый взглядъ оно кажется, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ такъ.

пропитались духомъ истиннаго идеализма и не только не заслоняли главной и основной цѣли служенія пастырскаго, но именно—чтобы служили ей. У св. Григорія Двоеслова въ „Правилѣ пастырскомъ“ есть превосходное разъясненіе, почему паствѣ особенно близко и дорогъ тотъ священникъ, который печется о матеріальныхъ нуждахъ ея и *умѣетъ* помочь въ бѣдѣ прихожанамъ (Пр. паст. ч. II, гл. 7). „Пастырямъ необходимо“, заключаетъ свои разсужденія великій отецъ, „заботиться о невинныхъ средствахъ къ процвѣтанію вишняго благочестія (т. е. благополучія) членовъ своихъ паствѣ, если для нихъ желательно, чтобы и внутреннее ихъ благочестіе тѣмъ болѣе процвѣтало. Пусть они, ревнуя о послѣднемъ, не пренебрегаютъ и первымъ: иначе пасомые ихъ какъ бы въ правѣ будутъ отворачиваться отъ кафедры проповѣдника, когда онъ отворачивается отъ ихъ насущныхъ потребностей“... О понечительности пастыря, направленной къ устроенію вишняго блага прихожанъ, интересующіеся найдутъ много поучительныхъ страницъ въ извѣстномъ трудѣ *проф. В. О. Пшеницкаго*: „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“ (Спб. 1898 г.).

Ред.

Но вникнувъ въ смыслъ какъ первыхъ, такъ и второго, приходится сознаться, что такое мнѣніе ошибочно, и потому нѣтъ нужды пристегивать возникновеніе пастырскихъ союзовъ къ освободительному движенію. Между ними хотя и бросается въ глаза нѣкоторая внѣшняя связь, но зато положительно нѣтъ никакой внутренней связи. Между ними нѣтъ и исторической послѣдовательности, ибо это движеніе явилось у насъ недавно, а первообразъ пастырскихъ союзовъ и собраній существовалъ еще во времена апостольскія. И что такое, въ самомъ дѣлѣ, освободительное русское движеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявилось? Это есть ни болѣе, ни менѣе, какъ практическое проведеніе въ жизнь крайняго либерализма, такого направленія мысли, которое находитъ спасеніе человѣчества въ отбѣнѣ всякихъ, иногда даже мелочныхъ, внѣшнихъ ограниченій въ жизни и отдѣльныхъ личностей и цѣлаго общества. Когда это движеніе направлено къ ниспроверженію дѣйствительныхъ жизненныхъ аномалій, такихъ жизненныхъ формъ, которыя дѣйствительно убиваютъ жизнь, какъ напр., бюрократизмъ, протекціонизмъ и др., то оно заслуживаетъ всякихъ симпатій. Но разъ оно стало на ложный путь и размѣнивается на мелочи, или же дерзко подкапывается подъ самые устои общественной жизни, то пора съ нимъ разстаться и отрѣшиться отъ него, такъ какъ оно на такомъ пути въ свою очередь убиваетъ жизнь. Многіе изъ пастырей Православной Церкви, увлекшись этимъ движеніемъ, стали вносить и въ жизнь церковную массу мелочей: на епархіальныхъ сѣздахъ и пастырскихъ собраніяхъ ставили, рѣшали и писали резолюціи и петиціи по такимъ несущественнымъ для жизни Церкви и мелочнымъ вопросамъ, какъ ношеніе священниками длинныхъ волосъ, особаго покроя одежды, ѣздѣ на велосипедахъ и т. п. Вся эта мелочь есть плодъ азартнаго увлеченія либерализмомъ и необдуманнаго насажденія его въ ту область, которая по своему, искони опредѣлившемуся, характеру строга консервативна. Вся эта мелочь произвела большое смущеніе среди истинно вѣру-

ющихъ, преданныхъ сыновъ Православной Церкви, а предъ глазами пастырѣй заслонила собою самое главное—поднятіе угасшаго духа пастырства, изысканіе способовъ для наибольшей плодотворности пастырскаго служенія. Такое либеральное направленіе въ церковной жизни не можетъ быть терпимо, потому что оно печется только о внѣшнемъ и въ недалекомъ будущемъ всю пастырскую дѣятельность сведеть къ грубому матеріализму и погубить ее. Поэтому пора намъ покончить съ нимъ и возвратиться къ забытому нами святому идеализму и отъ него почерпнуть вдохновенія и руководства на тернистомъ пути пастыредѣланія. Идеализмъ есть и очень давнее и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма юное такое направленіе мысли, которое, игнорируя все внѣшнее и скоропреходящее, мелочное и грубое, во всякомъ явленіи отыскиваетъ внутреннее и вѣчное, существенное и прекрасное. Носителемъ чистѣйшаго идеализма былъ Пастыреначальникъ нашъ Иисусъ Христосъ, преемниками Котораго считаемся мы, недостойные пастыри. Онъ указалъ намъ и задачу нашу, которая состоитъ въ *насажденіи на землѣ царствія Божія*. Вотъ нашъ идеаль! вотъ тотъ принципъ, которымъ должны быть проникнуты всѣ начинанія наши! Только при неуклонномъ, постепенномъ проведеніи его въ жизни церковной мы можемъ быть увѣрены въ плодотворности своего дѣла. Онъ и долженъ быть краеугольнымъ камнемъ при созданіи пастырскихъ союзовъ.

Этотъ идеаль неотступно стоитъ предъ совѣстью каждаго добраго пастыря, увлекаетъ его за собою, располагая къ самопожертвованію. Безъ подвига самопожертвованія онъ и не достигимъ. Первые вѣка христіанства представляютъ эпоху высокаго развитія церковной жизни, благодаря именно самоотверженному проведенію въ жизнь этого идеала ближайшими преемниками Христа и апостоловъ. Съ теченіемъ времени, когда внѣшнія условія существованія христіанской Церкви улучшились, постепенно этотъ идеаль заслонялся, а духъ пастырства угасалъ. Въ частности, въ жизни нашей

Русской Православной Церкви произошло тоже самое: когда эта послѣдняя стала подъ крѣпкую защиту государства, жизнь церковная внутренно стала ослабѣвать, идеаль Христовъ потускнѣлъ въ глазахъ пастырей, а на смѣну ему появлялись другія идеи; православные пастыри пошли въ разбродъ, постепенно матеріализовались, обратились къ исканію, по апостольскому выраженію, „своихъ си“... Овцы стада нашего перестали слушаться насъ и стали расходиться по чужимъ дворамъ. И вотъ теперь, когда внѣшнія условія существованія нашей Церкви измѣняются, мы, православные пастыри, ощутили неожиданно предъ трудной задачей; отъ насъ, ослабленныхъ прежнимъ безмятежіемъ, неотложно требуется энергичная дѣятельность; намъ, какъ руководителямъ и двигателямъ церковной жизни, нужно воспрянуть, воскресить угасшій духъ и, очистивъ отъ заслонокъ идею Христову, самоотверженно подъ ея знаменемъ выйти на дѣланіе. Работа предстоитъ трудная, а для каждаго въ одиночку можетъ быть и непосильная. Поэтому намъ нужно сплотиться, образовавъ пастырскіе союзы или кружки, назовите ихъ какъ угодно,—но только при непремѣнномъ условіи искренняго проникновенія одной общей идеей. Только при этомъ условіи собранія участниковъ пастырскаго союза будутъ для нихъ дорогими, интересными, а для дѣла плодотворными. Изъ корня основной, главной идеи, какъ молодые побѣги, будутъ возникать жизненные вопросы пастырской практики для обсуждения ихъ на пастырскихъ собраніяхъ. А если бы противъ ожиданія случилось такъ, что каждый отдѣльный пастырскій союзъ или кружокъ задался своею отдѣльною, спеціальною цѣлью (высказывались, напр., пожеланія образовать кружки для самообразованія), безъ одной общей для всѣхъ ихъ идеи, то тогда отъ такихъ пастырскихъ союзовъ нечего ожидать большой пользы для Церкви: они, какъ горные, бурные ручьи, много бы порыли овраговъ на нивѣ Христовой, а въ главное русло Православной Церкви понесли бы вмѣстѣ съ водою и илъ и разный случайный соръ.

Нечего и говорить о томъ, что при организаціи пастырскихъ союзовъ нужно преслѣдовать задачу возможно крѣпкаго и притомъ добровольнаго сплоченія членовъ ихъ; тутъ неумѣстны для участниковъ союза какія-либо внѣшнія или случайныя побужденія, въ родѣ предписаній начальства, насильственнаго понужденія или даже просто желанія поразнообразить свою сельскую жизнь поѣздками въ мѣста собраний и встрѣчею съ собратіями и т. п.; тутъ, напротивъ, нужна духовная, нравственная связь между членами союза. Для большей прочности пастырскихъ союзовъ и устраненія возможности ихъ разложенія слѣдовало бы выработать общій примѣрный уставъ каждаго союза въ отдѣльности,—это оградило бы собранія участниковъ его отъ внесенія въ нихъ безпорядочности.

Вотъ въ общихъ чертахъ главная идея и задачи, которыя желательно было бы имѣть въ виду при организаціи пастырскихъ союзовъ; частности же могутъ быть разработаны только послѣ установленія главнаго фундамента каждымъ союзомъ въ отдѣльности.

Итакъ, дружно, собратья, за работу! Въ общей работѣ—залогъ успѣха! Къ общей дружной работѣ побуждаетъ насъ и здравый смыслъ простого народа, сложившаго такую мѣткую поговорку: „въ гуртѣ каша исться“¹⁾. Въ помощь намъ станетъ и Самъ Божественный Учитель, сказавшій слѣдующія, дорогія для насъ, слова: „*Идѣже еста собрани двоє или тріє во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ*“. Но да не будетъ нашъ союзъ „совѣтомъ нечествыхъ“, на который, по совѣту псалмопѣвца, не пойдетъ „*блаженъ мужъ*“! О если бы всѣмъ пастырямъ объединиться въ живые союзы для святого дѣла! О если бы на православную ниву вышли всѣ пастыри-работники, но не въ разбродѣ, а цѣлыми артелями! Какая бы закинула работа! Какой бы былъ подъемъ духа у работниковъ! Какъ бы легко чувствовалось каждому работнику въ

¹⁾ Въ компаніи каша охотиѣ ѣтся.

отдѣльности при сознаніи, что онъ не одинъ, что бокъ о бокъ съ нимъ идутъ другіе товарищи, готовые при первой трудности помочь ему и поддержать его! Работа наша тогда бы спорилась! Не страшны тогда были бы намъ враги наши! Не чувствительны тогда были бы для насъ уколы разсыпаннаго на пути нашемъ тернія!..

Свящ. *Глѣбъ Личевскій.*

Отрадное явленіе въ церковно-приходской жизни¹⁾.

7—8 февраля текущаго года въ уѣздномъ городкѣ Белебеѣ Уфим. г. состоялся съѣздъ пастырей и мірянъ, представителей 62 православныхъ приходоѡ уѣзда, по вопросу оѡ устройствѣ церковно-приходской жизни. Предсѣдатель собранія о. К—нъ въ своей вступительной рѣчи познакомилъ собравшихся съ цѣлью собранія. Намѣчены были для обсуждения три вопроса: 1) возстановленіе церковно-приходской жизни на должной высотѣ, 2) принятіе мѣръ для борьбы съ антирелигіозной пропагандой и 3) о преподаваніи Закона Божія и славянскаго языка въ сельскихъ школахъ гражданскаго вѣдомства. Послѣдній вопросъ поставленъ въ виду того, что на бывшемъ въ г. Белебеѣ 10 дек. 1905 года съѣздѣ земскихъ учителей Законъ Божій признанъ былъ необязательнымъ, а славянскій языкъ упраздненъ вовсе.

¹⁾ Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто на страницахъ нашего пастырскаго журнала этой корреспонденціи изъ Уфимской епархіи, надѣясь, что она вызоветъ участниковъ съѣздовъ и собраній въ другихъ епархіяхъ подѣлиться въ печати и своими впечатлѣніями по столь важному дѣлу, какъ обсужденіе современныхъ церк.-приходскихъ вопросовъ заинтересованными въ нихъ лицами. Нельзя не задуматься надъ отмѣченнымъ у о. М. Бурдукова фактомъ бѡльшей жизненности тѣхъ собраній, на которыхъ присутствуютъ и представители отъ *мірянъ*. Очевидно, дѣло церковнаго благоустройства не можетъ обойтись безъ участія мірянъ. Какія же выработать условія, чтобы дѣятельность послѣднихъ на пользу Церкви привяли возможно широкіе размѣры?..

Собранія прошли очень оживленно. Говорили много. Были здѣсь рѣчи, составленныя по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства, были и рѣчи безыскусственныя, но дышавшія полною правдивостью. Говорили іереи, говорили міряне-интеллигенты, говорили и міряне-простолюдины. Передать все, что говорилось на собраніяхъ въ теченіе двухъ дней, нѣтъ возможности. Ограничиваюсь только передачей того, что я имѣлъ возможность уловить и запечатлѣть въ своей памяти. Собраніе проектировало открыть церковно-приходскія *братства*. Членами братствъ могутъ быть всѣ прихожане извѣстнаго прихода безъ различія званія и пола, достигшіе гражданскаго совершеннолѣтія. Число членовъ братства, или братчиковъ, неограниченно. Изъ наличнаго числа братчиковъ избирается *советъ*, въ составъ котораго входятъ: предсѣдатель, казначей, дѣлопроизводитель и отъ 3 до 12 членовъ. Для того, чтобы дѣятельность братства не оставалась на бумагѣ и имѣла бы вѣсь въ глазахъ прихода, проектировано ходатайствовать предъ Правительствомъ о предоставленіи братствамъ правъ гражданской единицы, пользующейся юридическими правами низшаго правительственнаго учрежденія, а если возможно, то и правами автономіи.

Отъ членовъ братства, поступающихъ сюда исключительно по доброй своей волѣ, требуется первѣе всего нравственное самоусовершенствованіе, а затѣмъ братская, единокружная работа въ дѣлѣ возстановленія на должной высотѣ религіозно-нравственной стороны приходской жизни. Кругъ дѣятельности братства обширенъ, онъ распадается на нѣсколько отдѣловъ: церковно-религіозный, нравственно-просвѣтительный, благотворительный и др. Средствами братства служатъ членскіе взносы, добровольные сборы среди прихожанъ деньгами, натурой, общественныя заправки и т. д.

Присутствовавшіе на собраніяхъ въ подавляющемъ большинствѣ отнеслись весьма сочувственно къ идеѣ открытія братствъ и ихъ желательной дѣятельности. Видимо, нужда въ братскомъ единеніи сознается въ обществѣ.

Когда былъ поднятъ вопросъ о мѣрахъ нравственнаго воздѣйствія на населеніе, міряне-участники сѣзда выразили желаніе, чтобы оо. іереи говорили свои поученія возможно чаще и, притомъ, языкомъ живымъ удобопонятнымъ народу. Здѣсь, между прочимъ, одинъ простолюдинъ выразилъ, хотя и горькую, но правдивую мысль по поводу желательности замѣны славянскаго языка русскимъ. „Я часто хожу въ церковь Божію къ службамъ, а понимаю здѣсь больше то, что говоритъ въ проповѣди батюшка, а не то, что поютъ и читаютъ“, сказалъ онъ. И правда, нашъ церковно-славянскій языкъ за послѣднее время становится черезчуръ „дальнимъ“ родственникомъ языка отечественнаго: онъ пестритъ массой словъ и выраженій малопонятныхъ не только неграмотному простолюдину, но зачастую и просвѣщенному челоуѣку. Подобный отзывъ слышенъ и въ заявленіи инородцевъ. Представители инородческаго населенія, преимущественно — чуваши и крещенные татары, заявили на сѣздѣ о желаніи слышать въ своихъ приходахъ какъ богослуженіе, такъ и проповѣданіе слова Божія на родномъ языкѣ. Нельзя не согласиться, что это—резонное требованіе. Если для многихъ изъ русскихъ славянскій языкъ представляется „камнемъ преткновенія“, то тѣмъ болѣе онъ затруднителенъ для пониманія инородцевъ. Справедливо поэтому и другое желаніе инородцевъ—видѣть въ лицѣ своихъ священно-церковно-служителей своихъ же сородичей. У насъ въ Уф. губ. нерѣдкость встрѣтить въ инородческомъ приходѣ священника изъ русскихъ, не знакомаго съ языкомъ инородцевъ. А года три тому назадъ въ чувашскомъ приходѣ села Е. былъ священникомъ о. Р.—мордвинъ по происхожденію, изъяснявшійся съ паствой по-русски, а иногда по-татарски. Можно себѣ представить плоды пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ, когда ни пастырь ни пасомые почти не понимали другъ друга, объясняясь на чуждомъ для обоихъ языкѣ!

Вопросъ о постановкѣ народныхъ чтеній и собесѣдованій вызвалъ оживленныя пренія среди участниковъ собранія.

Такъ, одинъ изъ городскихъ іереевъ выразилъ мысль о необходимости реформы въ дѣлѣ народныхъ чтеній. Онъ нарисовалъ такую картину. Въ зданіи народной аудиторіи назначено народное чтеніе изъ отдѣловъ религіозно-нравственнаго, беллетристическаго и др. Чтенія предваряются игрой духового оркестра. Оркестръ исполнилъ назначенное программой что-либо въ родѣ марша, вальса. Очередь за лекторомъ дух.-нрав. чтенія. Лекторъ читаетъ исторію страданій Иисуса Христа. Чтеніе демонстрируется картинами волшебнаго фонаря. По содержанію чтенія, на экранѣ показанъ Распятый Христосъ. Настаетъ очередь лектора беллетриста. На томъ же экранѣ, гдѣ только что былъ показанъ Христосъ, показывается картина (не рѣдкость!) съ сюжетомъ игриваго характера. Скажите по совѣсти: совмѣстима ли, полезна ли и назидательна ли такая обстановка чтеній?! Не возмутится ли религіозное чувство глубоко вѣрующаго посѣтителя при такой постановкѣ дѣла въ народныхъ читальняхъ?!

Подобная постановка народныхъ чтеній признана всѣмъ собраніемъ нежелательною. Одинъ мужичокъ выразился даже такъ: „Намъ не надо этихъ „цимбаловъ“; мы хотимъ послушать божественнаго“. Собраніемъ постановлено вести чтенія религіозно-нравственныя въ церквахъ или школахъ. Если же гдѣ мѣстные условія создали веденіе чтеній только въ аудиторіи, то назначать религіозно-нравственныя чтенія въ особые дни, отдѣльно отъ чтеній свѣтскаго содержанія.

Возбужденъ былъ вопросъ о желательности наблюденія приходскаго населенія за учебно-воспитательной частью въ школахъ. Этотъ вопросъ многосторонне обсуждался. Много иллюстрацій было представлено къ нему. Какъ извѣстно, за послѣднее время духъ свободомыслія проникъ и въ наши школы. Участниками съѣзда было приведено множество примѣровъ нежелательныхъ явленій подобнаго рода. Такъ, въ одной школѣ педагогъ внушалъ дѣтямъ считать себя свободными отъ повиненія всякаго рода властямъ, каковое право будто бы дано манифестомъ 17 октября; въ другой, ссылаясь

на манифестъ о вѣротерпимости, учитель вынесъ изъ школы икону и зарылъ ее въ снѣгъ; въ третью—пробилъ икону гвоздемъ и хвалился безнаказанностью своего поступка и т. д...

Въ виду того обстоятельства, что въ школахъ учатся дѣти самихъ участниковъ съѣзда и населенія, представителями котораго они являются, проектировано дать право братству контролировать школы, бороться съ нежеланными явлениями такими мѣрами, какъ увѣщаніе и вразумленіе неблагонамѣренныхъ лицъ педагоговъ, а въ случаѣ упорства со стороны ихъ, постановлено было ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ о замѣнѣ такихъ учителей лицами благонамѣренными.

Въ этомъ проектѣ учителя (отзывы получены черезъ два—три дня послѣ съѣзда) увидѣли желаніе духовенства установить контроль и вторгнуться въ ихъ педагогическую дѣятельность. Странный взглядъ! Духовенство съ братчиками являются представителями населенія, желающаго добра своимъ дѣтямъ и себѣ, и этотъ контроль первѣе всего относится къ самимъ членамъ братства, требуя отъ нихъ самихъ нравственнаго самоусовершенствованія. *„Контроль страшенъ только тому, кто допускаетъ несправедливости въ своей жизни и дѣятельности“*, скажемъ словами одного изъ участниковъ собранія 7 февраля.

По поводу этого же вопроса было высказано хотя и интересное, но очень странное мнѣніе однимъ, бывшимъ на собраніи въ качествѣ слушателя интеллигентомъ міряниномъ Н. Онъ говорилъ, что *„контроля со стороны братства надъ учителями не допуститъ земство“*. Не странный ли взглядъ?! По мнѣнію Н, братство и земство—чуждые другъ другу учрежденія.—Нѣтъ, братство—представитель населенія и земство—тоже представитель населенія. Между ними тѣсная связь, и если населеніе желаетъ себѣ добра, то братство и земство должны идти рука объ руку въ своей дѣятельности.

Г. Н, отрицая права братства, а главнымъ образомъ духовенства на контроль надъ школами, въ дальнѣйшей своей рѣчи сталъ обвинять духовенство чуть-ли не во всѣхъ современныхъ печальныхъ явленіяхъ. Народное образованіе на Руси стоитъ не на высотѣ,—виновато духовенство. Въ упадкѣ народной нравственности виновато духовенство. Въ неблагонадежности учителей—опять-таки виновато духовенство. Спросимъ г. Н: одно ли духовенство тутъ виновато! Кто поставилъ духовенство въ такое положеніе, что оно малосильно, что вліяніе его слабо? Не разрозненность ли общества тутъ виновата, не отсутствіе ли христіански-братскаго единства, выражающееся въ томъ, что на Руси царитъ полная сословная рознь, вслѣдствіе чего каждому приходится заботиться лично о себѣ? Не самомнѣніе ли интеллигенціи въ своей неогрѣшимости, не желаніе ли первенствовать надъ другими сословіями и ими руководить?!

По вопросу объ увеличеніи содержанія законоучителямъ въ видахъ назначенія спеціальныхъ законоучителей г. Н выразилъ мысль, что духовенство въ гражданскомъ вѣдомствѣ напрасно ждетъ субсидій, когда въ духовномъ вѣдомствѣ имѣются неистощимые запасы денегъ, напр. въ монастыряхъ... Но если въ школахъ обучаются дѣти населенія всѣхъ сословій, почему же должно „расплачиваться одно духовенство?! А школы духовнаго вѣдомства на чей счетъ содержатся? Духовенство не отрицаетъ, что нѣкоторые монастыри обладаютъ средствами; да всѣ ли? вотъ вопросъ. Въ Уф. губ., напр., пять монастырей, и они еле-еле влачатъ существованіе...

Въ заключеніе своей „обличительной“ рѣчи г. Н договорился до того, что, во 1-хъ, приписалъ духовенству привитіе народной массѣ суевѣрій и, во 2-хъ, обнаружилъ себя пустымъ вольнодумцемъ и полнымъ невѣждой въ Св. Писаніи. „Не вы ли, отцы, учите, что, когда гремитъ громъ, то—это ѣздитъ Илья пророкъ?“ говорилъ онъ.—„Не вы ли рассказываете такіа небылицы, что во время всемірнаго потопа Ной выстроилъ ковчегъ? Какъ же это могло быть, когда въ то

время ни гвоздей, ни топоровъ не было“?! Закончивши такую тирадою, г. N постыдно бѣжалъ изъ собранія, боясь обличенія въ невѣжество.

Рѣчь г. N вызвала оживленные толки въ собраніи. Духовенство не отрицало того печальнаго факта, что въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія народной массы оно дѣйствительно до нѣкоторой степени виновно въ лицѣ нѣкоторыхъ собратій. Такъ нѣкоторые оо. законоучители не всегда добросовѣстно выполняли свои обязанности. Причинъ такому печальному явленію найдено не мало. Одни законоучители не успѣшно ведутъ занятія по многочисленности обязанностей, другіе— по собственной винѣ. Сознавая этотъ недостатокъ, собраніе проектировало ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о назначеніи въ школы специальныхъ законоучителей. Соображая невозможность скорого осуществленія этого проекта по недостатку средствъ на обезпеченіе специальныхъ законоучителей, собраніе предположило просить начальство о замѣщеніи должностей низшихъ членовъ клира лицами съ учительскимъ образовательнымъ цензомъ, а также лицами, по своимъ нравственнымъ качествамъ и умственному развитію достойными быть законоучителями или помощниками. Чтобы привлечь такихъ лицъ къ законоучительству, проектировано просить объ увеличеніи законоучительскаго жалованья въ земскихъ школахъ до 100 р. и о назначеніи жалованья въ церковныхъ.

Когда былъ поднятъ вопросъ о вознагражденіи, изъ толпы мірянъ всталъ нѣкто Н. М., богатый мордвинъ, мужикъ изъ села С., извѣстный своимъ сутяжничествомъ на цѣлый уѣздъ, и сказалъ: „Миѣ, отцы, хотѣлось бы знать, по какому праву священники берутъ за свадьбы съ одного десяти р., съ другого пятнадцать?.. Надо бы составить таксу, по которой и вѣзять плату за требы“. Въ защиту духовенства всталъ одинъ изъ участниковъ собранія, нѣкто о. М., и сказалъ: „Намъ, духовенству, сейчасъ брошено Н. М. обвиненіе въ поборахъ съ паствы. Насколько справедливо такое

обвиненіе?.. Я состою на службѣ 20 лѣтъ, имѣю не малую семью (самъ девять), живу на добровольныя даянія прихожанъ. Что же я замѣтилъ! Въ приходѣ со мной дѣлятся охотнѣе бѣдняки, чѣмъ богачи. Я никогда не „ряжусь“ за требы, а довольствуюсь тѣмъ, что мнѣ даютъ. Вѣнчаю браки я и по 10 р., но случается вѣнчаю и даромъ. Плата берется смотря по человѣку. На дняхъ, напр., прїѣзжаетъ ко мнѣ прихожанинъ—зажиточный мужикъ и проситъ повѣнчать брата. Я назначаю 7 руб. Мужикъ соглашается, но проситъ обождать пять руб. Я не согласился. Что же? Мужикъ вынимаетъ кошель и высыпаетъ изъ него не 5—7, а около 20 р. серебра, изъ которыхъ и платитъ мнѣ 7 р. Черезъ день—два узнаю, что этотъ же мужикъ на „запоѣ“ (при за-сватаніи невѣсты) выставилъ *десять ведеръ водки* на одинъ столъ. Не правъ ли я взять съ такого 7 руб.? Другой случай. Прихожанинъ-чувашенинъ даетъ мнѣ за повѣнчаніе сына 50 к.—„А марку-то ты, бачка, самъ купи!“ говоритъ онъ. Такимъ образомъ я повѣнчалъ даромъ, да приложилъ своихъ 10 к. за марку въ 60 к., требуемую на одинъ документъ. Вотъ вамъ характеристика даяній прихожанъ. Ненормальность такого явленія мы сами сознаемъ. Правительство идетъ намъ и вамъ прихожанамъ навстрѣчу: оно уже вырабатываетъ проектъ о назначеніи опредѣленнаго оклада жалованья духовенству. Вотъ тогда никакихъ недоразумѣній между пастырями и паствою не будетъ. Нѣтъ, не упрекать насъ надо мірянамъ, а жалѣть наше положеніе, да идти на помощь. Отчего бы прихожанамъ не сдѣлать добровольной раскладки между собой для обезпеченія духовенства? Вы доказали бы тогда, что вы истинные христіане, любите своихъ пастырей, сочувствуете ихъ положенію. Я, изъ многолѣтней практики въ приходѣхъ, знаю, что вы этого не сдѣлаете. У васъ богатые люди не согласятся на такую раскладку. „Что мнѣ платить за другихъ?“ скажетъ богачъ... Что мы-духовенство въ правѣ ожидать вознагражденія за свой трудъ, тому доказательство Слово Божіе, которое говоритъ: „Трудивыйся

да ясть“. Рѣчь о. М. была встрѣчена сочувственно всѣми участниками собранія, какъ рѣчь правдивая.

Въ концѣ послѣдняго собранія участниками было заявлено всеобщее желаніе послать всеподданнѣйшій адресъ Государю Императору съ выраженіемъ чувства преданности и любви населенія. Пѣніе народнаго гимна сопровождалось громогласными, единодушными криками: „ура!“ въ честь обожаемаго Монарха!

Въ 3 ч. дня 8 февраля состоялось пастырское собраніе безъ участія мірянъ. Къ сожалѣнію, долженъ правду сказать, пастырское собраніе не оправдало надеждъ насъ—сельскихъ пастырей. Мы ожидали найти здѣсь дружеское единеніе, совѣты и рѣшенія своихъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Но получили такіе общіе совѣты, какъ—выписывать „капитальныя“ руководства и книги по богословію и др. наукамъ. На вопросъ о. К—ва, какія мѣры принимать въ борьбѣ съ расколомъ, большинство оо. іереевъ отозвалось невѣдѣніемъ, по неимѣнію въ ихъ приходахъ раскольниковъ, и ограничилось ссылкою на компетентность самихъ оо. іереевъ тѣхъ приходоу, гдѣ есть раскольники. Подобные совѣты побудили многихъ оо. іереевъ свои нужды припрятать и умолкнуть ¹⁾. Совмѣст-

¹⁾ Лично я, напр., хотѣлъ просить совѣта, какъ поступить въ такомъ случаѣ. Въ 1901 г. ко мнѣ въ приходъ назначенъ на діаконскую вакансію священникъ-инородецъ. Въ 1902 г. у меня отчисляютъ изъ прихода двѣ деревни въ сосѣдній, вновь открывающійся, приходъ. Въ 1902 году свящ.-инородецъ переѣзжаетъ на жительство въ приходскую деревню К. (25 вер. отъ села), гдѣ строилась церковь. Въ 1905 году эта церковь освящена. Съ этой поры свящ.-инор. служить въ К., вырабатывая около 200 р. (еще есть деревни 7 в. отъ К.) въ годъ и еще получая изъ общей братской кружки 450 р. Мое ходатайство о выдѣленіи К—ской Церкви въ самостоят. приходъ, отклонено, вакансія діакона не закрыта, но деревни отняты. Между тѣмъ въ сосѣднемъ приходѣ Р., гдѣ нѣтъ ни жалованія, ни земли, ни домовъ причту, *Свят. Синодомъ* открытъ самостоят. приходъ. Также и въ с. Н. (15 в.), гдѣ нѣтъ ни жалованія, ни домовъ для членовъ причта, еп. начальствомъ открытъ самостоятельный приходъ. А К. почему-то самостоятельнымъ приходомъ быть не можетъ?!

ныя съ мірянами собранія были не въ примѣръ сердечнѣе. Сужу о впечатлѣніи отъ пастырскаго собранія не по единоличному своему мнѣнію, а по отзывамъ многихъ отцовъ іереевъ, осчастливившихъ меня своимъ довѣріемъ...

Неудовлетворенные пастырскимъ собраніемъ, мы вполне вознаграждены были и удовлетворены вѣстью, что проектированное на нашихъ общихъ собраніяхъ церковно-приходское братство сочувственно встрѣчено кружкомъ представителей мѣстной интеллигенціи и администраціи. Въ 4 ч. вечера „братчики“ были приглашены въ помѣщеніе уѣзднаго съѣзда, гдѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ г. уѣзднаго предводителя дворянства совѣщаніе братчиковъ съ членами уѣзднаго комитета касательно принятія мѣръ къ умиротворенію края въ духѣ христіанскаго ученія. Братчики изъявили согласіе войти въ составъ комитета и совмѣстно работать во благо дорогого отечества, нуждающагося въ единомушной, мирной работѣ населенія.

Свящ. *Михаилъ Бурдуковъ*.

С. В.-Троицкое 1906 п/11.

По поводу упрековъ священникамъ за предосудительное молчаніе во время тревожныхъ событій.

Въ ж. „Кормчій“ (№ 4 т. г.) о. протопресвитеръ А. А. Желобовскій пишетъ: Вокругъ и около слышатся и читаются нареканія на молчаніе священнослужителей, по поводу происходящихъ въ разныхъ мѣстностяхъ беспорядковъ и безчинствъ. Передъ глазами совершаются забастовки, грабежи, даже убійства,—а Церковь молчитъ, пастыри безмолвствуютъ: развѣ имъ не стыдно, не грѣшно? И мнѣ, недостойному пастырю, не разъ приходилось слышать: „и вы молчите? и отъ васъ не слышно ни одного слова назиданія въ храмъ Божиємъ?“

Не въ оправданіе, не въ извиненіе, а въ нѣкоторое разъясненіе считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ.

„Пастыри молчатъ“,—но не всѣ и не вездѣ. Многіе и пишутъ и говорятъ по поводу настоящихъ прискорбныхъ событій.

И знаете, когда на сердцѣ слишкомъ тяжело, когда въ окружающей средѣ волнують и бушуютъ страсти,—слово замираетъ на устахъ. Вѣдь всѣ обидчики и любители чужого добра знаютъ, что дѣлаютъ—поступаютъ не хорошо: доказывать имъ это излишне, а до причинъ добраться—мудрено. Слово пастыря въ подобныхъ случаяхъ оказывается слабымъ.

Пастыри, сѣятели Слова Божьяго, молчатъ: а что, если почва возбужденныхъ душъ малоплодна и бесплодна? Евангеліе (притча о сѣятелѣ) указываетъ три сорта почвы, на которой посѣянное сѣмя спасительнаго Слова Божьяго не принесло плода. Одни сѣмена попали на дорогу и были затоптаны прохожими и поклеваны птицами, другія—на каменистую почву—и засохли, третьи—на землю, въ которой много сѣмянъ сорныхъ травъ, дали ростки тѣ и другія, но сорныхъ было больше, и они заглушили сѣмена добрыя. Напрасно потрудились сѣятели. Правда, нашелся уголокъ удобной земли: тамъ—вышелъ урожай.

Скажите намъ, любители упрековъ (на это такъ много охотниковъ и это дѣлать такъ легко), скажите намъ: удобна ли для принятія Слова Божьяго душевная почва людей раздраженныхъ и разстроенныхъ? Нужно сначала воздѣлать почву, а потомъ уже и сѣять...

Кто уготовалъ такую печальную почву для сѣятелей—пастырей? Развѣ они, и только они одни? Недовольство заявили прежде всего люди взрослые, и оно образовалось у нихъ не вчера, не мѣсяць, не годъ, а давненько. Зачѣмъ окружающая среда дозволила укорениться, а потомъ такъ печально проявиться этому недовольству? Поближе пастырей къ этимъ недовольнымъ стояли другія личности; что же онѣ смотрѣли?

Когда поднялась буря непорядковъ и безчинствъ, почему же пастыри оказались виновниѣ всѣхъ? Почему упреки посыпались на нихъ, что они не усмиряютъ, не вразумляютъ, не укрощаютъ, а молчатъ? Годами, цѣлыми годами росъ этотъ

духъ недовольства; проникъ онъ въ учебныя заведенія, гдѣ никогда его не было слышно, коснулся даже невинныхъ дѣтскихъ душъ, а родители, воспитатели, руководители относились къ этому движенію безучастно или, что еще хуже, деспотично: они заботились о развитіи ума, а сердце и волю предоставили самимъ себѣ, оставили безъ водительства. Разладъ во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ общества дошелъ до послѣднихъ размѣровъ: не стало ни довѣрія, ни авторитета.

Начали искать виноватыхъ. Ихъ много, и далеко—не одни пастыри.

Я не дерзаю никого обвинять: да судить Правосудный Богъ!

Отъ Редакціи.

Вышли въ свѣтъ листки *для народа*: 1) Тяжелое время; 2) Предъ выборами въ Государственную Думу; 3) Государственная Дума; 4) Какъ крестьянамъ приобрѣтать землю мирнымъ и законнымъ путемъ, и что нужно, чтобы толково обрабатывать ее (по поводу Высоч. маниф. 3 ноября 1905 г.); 5) О свободѣ, дарованной маниф. 17 окт. 1905 г.; 6) Трудись; 7) Земныя блага; 8) Какъ живутъ и трудятся люди въ другихъ странахъ (въ Германіи, Франціи и Англии); 9) Свобода вѣровать и молиться (по поводу маниф. 17 апр. 1905 г.); 10) О податяхъ и повинностяхъ.

Цѣна за сотню экземпляровъ каждаго выпуска 35 коп. съ пересылкою, кромѣ листка № 8, каждый экземпляръ котораго (брошюрка) стоитъ 3 коп., и № 10 по 1 коп. экз.

За наложенный платежъ прибавлять по 15 коп. на сотню.

Опечатка:

Въ листкѣ „О податяхъ и повинностяхъ“.

Стр. 6, 10 стр. отъ конца: *день*, а надо—*годъ*.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года апрѣля 2-го дня.

Содержаніе: Новое небо и новая земля.—Чѣмъ долженъ быть приходъ
(продолженіе)—Литургія въ первый день Пасхи.

Новое небо и новая земля.

Ужасными событіями предыдущихъ дней они были истерзаны и подавлены... Казалось, мрачныя тѣни ада спустились на землю и окутали ихъ унылыя души. Мысли ихъ путались, они бессильны были найти какое-нибудь удовлетвори-тельное объясненіе всему случившемуся, а сердце глодала смертельная тоска. Все кругомъ было пусто, безжизненно, мертво. А между тѣмъ еще такъ недавно они жили надеждою на этого дивнаго Назарянина... И развѣ Онъ не заставлялъ ихъ сердца биться твердою увѣренностью, что царство Божіе близко, при дверяхъ, что „не пройдетъ родъ сей“, какъ Сынъ человѣческой придетъ на облакахъ во всей славѣ Своей? Развѣ это царство не казалось близкимъ къ осуществленію; а эти труждающіеся и обремененные, забытые людьми, а теперь, повидимому, и Богомъ оставленные,—развѣ

Онъ не поддерживалъ въ нихъ чаянія новой земли съ новымъ, лучшимъ строемъ жизни на ней? Развѣ Онъ не звалъ къ Себѣ, съ необыкновенно трогательною любовью, всѣхъ мытарей и грѣшниковъ, всѣхъ отверженныхъ, всѣхъ нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, глухихъ—всѣхъ, кому въ удѣлъ дано лишь одно страданіе, и не говорилъ имъ о томъ, что скоро страданіе ихъ окончится, что они будутъ утѣшены милосердіемъ къ нимъ Отца Небеснаго, что этотъ міръ, равно для всѣхъ созданный Богомъ, откроетъ и имъ источникъ неисчерпаемыхъ своихъ благъ?

Что же теперь? Гдѣ обѣтованіе пришествія Его во славу? Въ бѣдности родился, въ бѣдности жилъ, въ бѣдности и умеръ, а нынѣ уже погребенъ, и гробъ Его запечатанъ... Но если Онъ не принесъ людямъ и нашей грѣшной землѣ царства Божія, то кто можетъ это сдѣлать?—Нѣтъ болѣе такого пророка-чудотворца. Да и царства Божія въ дѣйствительности, можетъ быть, никакого и нѣтъ... Одна лишь праздная мечта, раждаемая нищетою и страданіемъ людскимъ. Когда люди найдутъ какое-нибудь надежное средство противъ этой нищеты и страданія, тогда отъ золотой мечты не останется и слѣда. Вѣра въ наступленіе новаго неба и новой земли вовсе не говоритъ о томъ, что имѣеть быть, а лишь о томъ, чего человѣкъ желаетъ при настоящихъ условіяхъ его жизни...

Но какъ возможно жить съ такими мрачными мыслями, съ такимъ безотраднымъ настроеніемъ? Какъ можно работать надъ облегченіемъ часто непосильнаго бремени жизни? Поневолю опускаются руки, сгибаются колѣна, склоняется голова. Поневолю большей половинѣ человѣчества приходится отдать себя во власть мощной волнѣ міровой жизни и плыть по теченію, не имѣя и того слабаго утѣшенія, что она—дополняетъ гармонію земного бытія, потому что—какая можетъ быть гармонія тамъ, гдѣ есть слезы, проклятія, скрежетъ зубовъ, озлобленіе, ненависть. Бѣдное человѣчество. Тебѣ не выйти изъ безконечнаго мрачнаго ущелія, куда загоняетъ

тебя, поколѣніе за поколѣніемъ, неотвратимый рокъ. Много у тебя появляется благодѣтелей, зажигающихъ предъ тобою факелы вѣры и надежды; но эти факелы быстро гаснутъ, отчего тьма вокругъ становится еще страшнѣе. Очевидно, безсилны мы вести борьбу съ этимъ бездушнымъ и потому безжалостнымъ міровымъ порядкомъ, который на всѣ наши жалобы отвѣчаетъ только разрушеніемъ и смертью. Что можетъ быть бесмысленнѣе этого отвѣта?..

Эти два дня со времени распятія великаго Пророка разрушили мечту о новомъ небѣ и новой землѣ, самую свѣтлую и самую основательную, какую только человѣчество знало. Ученики дивнаго Галилеянина впали въ состояніе полного оцѣпенѣнія, и ничто, казалось, не могло возвратитъ ихъ къ жизни.

Но какъ небо выше земли, такъ пути Божіи выше путей человѣческихъ, и мысли Его выше мыслей ихъ.—Удрученные своимъ тяжелымъ положеніемъ людей, повидимому, обманутыхъ въ самыхъ задушевныхъ чувствахъ и въ самыхъ святыхъ идеалахъ, ученики неожиданно были обрадованы неземною радостью, которой міръ уже не могъ отнять у нихъ и не отнять, доколѣ есть въ небесахъ Богъ Вседержитель.

Держайте, яко воскресе Христосъ: вотъ источникъ этой радости. Христосъ—новая пасха: вотъ ея необятный предметъ. Нѣкогда израильтяне освободились отъ рабства египетскаго, навсегда порвали со своею прешедшею жизнью рабовъ и стали свободными, перешли черезъ Чермное море, чтобы получить отъ Бога новый законъ и начать новую жизнь на началахъ полного равноправія въ пользованіи благами обѣтованной земли, текущей молокомъ и медомъ,—все это историческое прошлое народа Божія нынѣ проносится предъ нами, какъ чудное предизображеніе нашей новой Пасхи. Воскресшій Христосъ, побѣдившій смерть, а съ нею и все зло міровой жизни, разорвалъ навсегда цѣпи рабства человѣческаго рода и всѣмъ даровалъ свободу и божественное право

на участіе въ обновленіи міра. Онъ разогналъ страшныя тучи сомнѣній, Онъ очистилъ горизонтъ отъ всякой мглы, Онъ открылъ людямъ безконечныя перспективы въ даль. Тамъ, въ дали грядущихъ вѣковъ, орлиный взоръ вѣры ясно различаетъ голубыя вершины новой обѣтованной земли, которой человѣкъ рано или поздно достигнетъ. Къ нимъ бодро идетъ человѣчество, полное свѣтлыхъ надеждъ и руководимое Тѣмъ, Кто есть Путь и Животь.

Христось—новая пасха. Это проясняетъ смыслъ всего прошедшаго, настоящаго и будущаго. Прошедшее и настоящее—это только временныя этапы на пути къ великой цѣли этого непрерывнаго движенія міровой жизни, и чѣмъ скорѣе человѣчество снимается съ этихъ этаповъ, тѣмъ ближе становится эта цѣль. А состоитъ эта цѣль въ твореніи новаго неба и новой земли. „Я творю новое небо и новую землю, и прежнія не будутъ воспоминаемы и не прійдутъ на сердце“, говоритъ Богъ. Онъ дѣйствительно продолжаетъ твореніе вселенной, какъ откровеніе чудныхъ свойствъ Своего Существа. Онъ продолжаетъ твореніе человѣка, какъ богоподобнаго царя міра. Онъ продолжаетъ твореніе земли, какъ мѣста обитанія новой твари. Начатое вмѣстѣ съ началомъ времени, это великое дѣло творенія нѣкогда было разстроено, но теперь воскресшимъ Спасителемъ снова введено въ прежнее русло. Творческій процессъ совершается медленно, съ великой постепенностью и при участіи человѣка, исполненнаго и освященнаго благодатью Богочеловѣка-Христа. Къ этому участію Господь Вседержитель зоветъ всѣхъ насъ.

Держайте же, бѣдныя, нищіе, страждущіе, угнетенные. Поднимите нить земной жизни на томъ мѣстѣ, гдѣ ее передаю вамъ предшествующія поколѣнія, въ полной надеждѣ, что всеобщими усиліями учениковъ Христовыхъ создана будетъ новая земля, на которой будетъ жить одна правда Божія. Воскресшій Спаситель затѣмъ и приходилъ на землю, и пострадалъ на Крестѣ, и восталъ отъ гроба, чтобы намъ, людямъ, урвать путь къ такому блаженству, при которомъ

не было бы болѣ никакой нужды, никакого горя. Это блаженство въ полной мѣрѣ насъ ждетъ на небѣ, въ чертогахъ Божіихъ; но и земля, какъ первоначальное жилище чело-вѣка, благословенное Творцомъ, должна освободиться отъ тяготѣющаго надъ нею проклятѣя въ свободу славы дѣтей Божіихъ. Она постепенно должна становиться болѣе и болѣе ласковою къ намъ и открывать намъ сокровища свои все болѣе и болѣе щедро. Миръ и прощеніе, любовь и богосыновство, принесенные на землю воскресшимъ Спасителемъ, изъ сердца челоувѣческаго должны распространяться на всю вселенную и обнять собою все сотворенное, чтобы такимъ образомъ былъ Богъ все во всемъ. Побѣдитель ада и смерти черезъ Своихъ учениковъ ведетъ борьбу со всѣмъ, что мѣшаетъ достиженію этой цѣли, слѣдовательно—Онъ ведетъ борьбу и съ тѣмъ, что удручаетъ васъ. Готовя вамъ полное воздаяніе въ будущемъ, Онъ хочетъ, чтобы и настоящеее ваше было исполнено всякихъ богословеній. Дерзайте же и идите за Нимъ, вооруженные Его крестомъ Голгоескимъ, на которомъ огненными буквами написано: любите, какъ я возлюбилъ; любите жизнью, дѣлами—и вы побѣдите всякое зло міра, какъ Я побѣдитъ.

Дерзайте и вы, богатые, смѣющіеся, радующіеся. Воскресшій Спаситель и васъ хочетъ обрадовать нынѣ Своею божественною радостью. Не отвергая вашей земной радости, Онъ хочетъ только углубить ее и расширить, направивъ въ сторону тѣхъ, кому жизнь такъ мало улыбается. Онъ хочетъ, чтобы вы брызнули своею радостью и своимъ счастьемъ на всѣхъ окружающихъ васъ и всѣхъ заставили почувствовать благоуханіе обновленной жизни. Это легко сдѣлать. Нужно только понять, что воскресшій Христосъ обогатилъ насъ надеждою на продолженіе нашей жизни въ безконечности. Жизнь хороша, прекрасна, но ея радости тѣмъ чище, тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ ближе она стоитъ къ вѣчности. Входъ въ страну этой вѣчности теперь для всѣхъ открытъ воскресеніемъ Христовымъ. Во имя же Христа, возвышающаго ваши земныя

радости, будьте внимательны къ тѣмъ, которые, подобно вамъ, хотять жить полною земною жизнью, чтобы сильнѣе восчувствовать сладость и вѣчнаго бытія. Дѣлайте дѣло Божіе; возвышайте жизнь людей, усовершенствуйте ее, очищайте; насаждайте жизнь, утверждайте ея господство въ мірѣ и ведите непримиримую борьбу со всѣмъ, что ей угрожаетъ разрушеніемъ хотя бы въ малой степени. Будьте увѣрены въ окончательной побѣдѣ, потому что ее обезпечиваетъ намъ Воскресшій.

Держайте, грѣшники. Вы прощены; ваша совѣсть облегчена отъ давившаго ее бремени грѣховъ. Теперь вы должны присоединиться къ той великой арміи Божіей, которая безтрепетно идетъ за Христомъ въ священную битву и готова отдать себя на смерть, какъ Онъ Себя предалъ, чтобы завоевать всѣмъ право на новую, лучшую жизнь на обновленной землѣ. Васъ Господь усыновилъ Богу Отцу, и отнынѣ въ домѣ Отца вы не рабы и не наемники, но полноправные наследники Божіи, сонаследники же Христу.

Держайте, всѣ вѣрующіе. Для дѣла Божія и великая и малая сила одинаково пригодны. Пусть никто не соблазняется видимою незначительностью успѣховъ этого дѣла. Незначительность эта есть плодъ слабаго воодушевленія той священной рати, посредствомъ которой Богъ дѣйствуетъ въ мірѣ, и которую составляютъ поклонѣнія вѣрующихъ, постепенно смѣняющіяся въ теченіе вѣковъ. И если прошедшія поколѣнія, повидимому, мало сдѣлали для обновленія міра, если современное поколѣніе кажется малоподвижнымъ, слабымъ, дряблымъ, то не обманывайтесь, потому что Богъ поругаемъ не бываетъ. Онъ воздвигнетъ новое поколѣніе вѣрующихъ людей, несокрушимыхъ въ своей крѣпости, исполиновъ, которые поведутъ челоуѣчество къ чистой рѣкѣ воды жизни, исходящей отъ престола Воскресшаго, приведутъ его къ древу жизни, которое двѣнадцать разъ приноситъ плоды, на каждый мѣсяць плодъ свой, а листья его—для исцѣленія народовъ отъ вѣчнаго зла. Тогда уже не будетъ ничего проклятаго, но бу-

детъ новое небо и новая земля. Неужели же мы, бр., можемъ сознательно бросить эту великую миссію ...

Если ее бросаютъ многіе по разнымъ причинамъ, то никогда не бросимъ мы, пастыри Христовой Церкви.

Пастырство Христовой Церкви насчитываетъ тысячелѣтія своей исторіи, которая знаетъ много замѣчательныхъ особенностей въ направленіи и проявленіи пастырской дѣятельности. Но кто рѣшится сказать, что прошедшіе вѣка исчерпали всѣ задачи пастырскаго дѣланія въ мірѣ? Они богаты обиліемъ опыта, какъ воспитывать въ душѣ человѣческой настроеніе нѣкотораго равнодушія къ землѣ и блаженнаго восторга небомъ. Но развѣ въ этомъ всѣ задачи пастырства?—Нѣтъ. Съ неба, красотою котораго душа человѣческая восторгалась столько вѣковъ, долженъ сойти на землю новый Іерусалимъ, украшенный, какъ невѣста для своего жениха. Т. е. твореніе новаго неба должно сопровождаться твореніемъ и новой земли, и содѣйствовать этой второй половинѣ творческаго процесса обновленія міра составляетъ великую задачу пастырства настоящаго и будущаго, задачу едва только начатую, а можетъ быть и вовсе не начатую. Къ ней воскресшій Пастыреначальникъ нашъ и зоветъ насъ нынѣ. Каждому поколѣнію пастырей Онъ ставитъ особыя задачи, сообразно съ планомъ Своего божественнаго домостроительства, и все направляетъ къ обновленію жизни міра. Если явленіе Христа Богочеловѣка, Побѣдителя смерти постепенно подготавливалось въ теченіе многихъ тысячелѣтій, притомъ съ великими усиліями человѣчества, то твореніе новаго человѣка по образу Богочеловѣка, твореніе новаго неба и новой земли не должно ли совершиться съ такою же постепенностью въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, и не должны ли потребовать отъ человѣчества такихъ же усилій и настойчивости въ стремленіи къ достиженію этой цѣли? Несомнѣнно, это должно совершиться именно такъ. Тѣмъ не менѣе стѣснить тысячелѣтія въ болѣе короткій періодъ времени и облегчить гигантскую работу человѣчества—это зави-

ситъ отъ учениковъ Христовыхъ и въ частности—отъ насъ, пастырей церкви. Чѣмъ сознательнѣе и свободнѣе будемъ относиться къ осуществленію задачи переживаемаго момента исторіи домостроительства, тѣмъ ощутительнѣе будутъ успѣхи нашей пастырской дѣятельности; тѣмъ отчетливѣе будутъ также вырисовываться и настоящія средства для этой дѣятельности...

Да укрѣпитъ же воскресшій Христосъ всѣхъ насъ, сотрудниковъ Своихъ, въ открывающемся предъ нами необъятно-великомъ дѣлѣ обновленія міра. Свящ. Н. Гр.

Чѣмъ долженъ быть приходъ?

(Продолженіе ¹⁾).

Когда въ настоящее время говорятъ объ устройствѣ прихода, то имѣютъ въ виду собственно устройство приходскаго самоуправленія. При этомъ указываютъ, какъ на образцы, достойные подражанія, частію на устройство западно-европейскихъ, преимущественно протестантскихъ приходовъ, частію на нашъ древне-русскій приходъ. Дѣйствительно, и на западѣ, и на востокѣ, и у насъ въ древней Руси мы наблюдаемъ такія самоуправляющіеся приходы; да и нашъ современный русскій приходъ далеко не вполне утратилъ права самоуправленія. Такое однообразіе явленій всегда заставляетъ предполагать существованіе общихъ вызывающихъ ихъ причинъ. Въ чемъ заключаются эти причины?

Въ принципѣ положеніе прихода очень различно въ различныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ. Въ этомъ отношеніи всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: въ первую войдутъ вѣроисповѣданія, отрицающія необходимость епископальнаго устройства Церкви, куда относится большин-

¹⁾ См. № 13-й за 1906 г.

ство протестантскихъ исповѣданій; ко второй—исповѣданія, сохранившія традиціонное епископальное устройство; сюда относится и наша Православная Церковь.

По мысли творцовъ протестантизма, протестантскій приходъ долженъ былъ воспроизвести первоначальное устройство церкви-общины апостольскихъ временъ. Въ качествѣ таковой приходу должно принадлежать не только самоуправленіе, но и вся правительственная и дисциплинарная власть церковная, поскольку о ней можетъ быть рѣчь въ протестантизмѣ. Протестантскій приходъ является не только самостоятельною, но и самодовлѣющею церковью. Соотвѣтствуя въ первомъ отношеніи понятію діецеца—епархіи, онъ во второмъ отношеніи не имѣетъ аналогіи въ учрежденіяхъ ни римско-католической, ни Православной Церкви.

Какъ извѣстно, протестантская приходъ-община съ этой стороны не оправдала надеждъ, возлагавшихся на нее ея творцами. На практикѣ въ Германіи ничего существенно новаго не создано. Произошла лишь замѣна клира учительнымъ сословіемъ, а епископа княземъ. Такая неудача обусловливалась не только неподготовленностью прихода къ его новому положенію, но и болѣе серьезными причинами. Для возстановленія церкви временъ апостоловъ у насъ нѣтъ главнаго—наличности апостоловъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ непосредственныхъ учениковъ и самовидцевъ. Только при этомъ условіи мыслима была та организація христіанскихъ общинъ, свидѣтельства о которой (весьма не полныя) находимъ мы, между прочимъ, и въ апостольскихъ посланіяхъ. Послѣапостольская Церковь тотчасъ же принуждена была пожертвовать этимъ устройствомъ ради того, чтобы создать замѣну недостающихъ апостоловъ институтомъ епископовъ. Даже тамъ, гдѣ протестантизму удалось организовать свою церковь дѣйствительно на республиканскихъ началахъ (въ видѣ такъ назыв. синодальнаго устройства), о полной самобытности прихода не можетъ быть и рѣчи. Что же касается до протестантизма вообще то и въ немъ участіе мірянъ въ приходскомъ управленіи осно-

вано было не на принципиальныхъ взглядахъ на Церковь, а на тѣхъ же юридическихъ традиціяхъ, какія мы находимъ и въ Византіи и въ западно-католической Церкви.

Традиціи эти никакъ не могутъ быть возведены ко временамъ апостольскимъ, такъ какъ и самый приходъ представляетъ явленіе гораздо болѣе позднее, чѣмъ послѣ-апостольская епископальная община. Развитие приходовъ относится къ такому времени, когда вся правительственная власть въ Церкви сосредоточилась уже въ рукахъ епископовъ, съ полнымъ устраненіемъ мірянъ отъ дѣлъ управленія церковнаго. Уже въ силу этого, приходская организація, какъ подраздѣленіе епархіальной, не могла обладать правительственными правами, которыя и послѣ образованія приходовъ оставались и должны были остаться всецѣло въ рукахъ мѣстнаго епископа. Приходы образовались частію черезъ уничтоженіе сельскихъ епископій, частію черезъ естественный распадъ первоначально единаго богослужебнаго собранія на собранія отдѣльныя отъ епископскаго. Какъ извѣстно, епископскія каѳедры въ древнія времена существовали не только въ городахъ, но иногда и въ селахъ. Насколько можно судить по Африканской церкви, гдѣ такіе сельскіе епископы сохранились дольше, чѣмъ на востокѣ, они еще въ V в. нисколько не отличались по своимъ правамъ отъ городскихъ епископовъ, хотя иногда въ клирѣ такого епископа былъ одинъ лишь пресвитеръ за неимѣніемъ другого подходящаго кандидата. Но на востокѣ уже въ IV вѣкѣ хореепископы сначала были поставлены въ полное подчиненіе городскимъ епископамъ, а затѣмъ обратились въ обыкновенныхъ пресвитеровъ, бывшія же ихъ епархіи обратились въ приходы.

Но для нашего вопроса о приходскомъ самоуправленіи важны приходы другого происхожденія. Приходская церковь является мѣстомъ нормальнаго богослужебнаго собранія. Но такимъ нормальнымъ мѣстомъ богослужебныхъ собраній христіанъ по древнимъ воззрѣніямъ была епископская церковь, куда всѣ христіане обязаны были являться къ литургіи, осо-

бенно въ дни великихъ праздниковъ. Даже въ такомъ большомъ городѣ, какимъ была Александрія, св. Аѳанасій Александрійскій въ одну пасху рѣшился отслужить литургію въ неосвященномъ еще храмѣ, ради того только, чтобы дать возможность присутствовать на ней всѣмъ христіанамъ Александріи. Если и бывали другія церкви, то онѣ не были приходскими въ современномъ смыслѣ этого слова. Но такой порядокъ не могъ сохраниться съ увеличеніемъ числа христіанъ и въ особенности съ распространеніемъ христіанства по селамъ. Явилась необходимость въ строеніи новыхъ церквей, около которыхъ впослѣдствіи и образовались самостоятельные приходы. Церкви эти строились, частію на средства епископской казны, частію на средства частныхъ лицъ. Въ храмоздательствѣ послѣднихъ и заключается источникъ приходскаго самоуправленія. На этомъ мы и остановимся.

Церковь долгое время ничѣмъ не регулировала дѣятельность частныхъ лицъ по постройкѣ такъ называемыхъ молитвенныхъ домовъ, т. е. церквей, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Отцы начала V в. даже рекомендовали богатымъ христіанамъ вмѣсто роскошныхъ мавзольевъ, которыми другъ передъ другомъ щеголяли языческіе богачи, строить, по примѣру Константина Великаго, свои усыпальницы въ видѣ церквей. Государство, съ своей стороны, признало въ лицѣ императора Зенона обѣты о построеніи церквей за обѣты юридически обязательные, чѣмъ дало новый толчекъ къ усиленному храмостроительству, но въ то же время продолжало смотрѣть на эти церкви, какъ на частную собственность ихъ строителей, хотя такіе молитвенные дома, особенно въ селлахъ, фактически являлись приходскими церквами для окрестныхъ жителей.

Въ дѣйствительности эти права хозяевъ церкви ктиторъ грозили совершенно уничтожить дисциплинарную власть епископовъ и тѣмъ разстроить всю церковную организацію, какъ объ этомъ можно судить по тѣмъ мѣрамъ, какія при-

паяль Юстиніанъ для упорядоченія дѣла храмоздательства. Постановленія Юстиніанова законодательства на этотъ счетъ касаются какъ самихъ ктиторскихъ церквей, такъ и состоящаго при нихъ клира. Храмостроительство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова было подчинено надзору мѣстнаго архіерея. Къ строенію церквей впродъ предписано приступать не иначе, какъ съ его согласія. Этимъ имѣлось въ виду какъ предупредить возможность построенія еретическихъ молельныхъ подь видомъ православныхъ храмовъ, такъ и обезпечить содержаніе будущей церкви. Епископъ долженъ былъ выдавать свое согласіе на ея постройку, лишь убѣдившись, что строитель ассигнуеть средства достаточныя для содержанія храма, совершенія въ немъ богослуженія и пропитанія служащаго при немъ клира. Надзоръ епископа простирался и на управленіе имуществомъ выстроенной уже церкви. Церковь, пришедшую уже въ разрушеніе, епископъ имѣеть право отобрать у ея хозяина и передать любому лицу, пожелавшему ее возстановить.

Подь юрисдикцію и надзоръ епископа поставленъ былъ и находящійся при церквахъ клиръ. Хотя выборъ лица для замѣщенія священнической должности при церкви и предоставленъ былъ попрежнему ея ктитору, но онъ обязанъ былъ представлять епископу достойнаго, т. е. удовлетворяющаго законнымъ требованіямъ, кандидата. Епископъ всегда имѣлъ право удалить священника, не исполняющаго своихъ обязанностей при церкви, и замѣнить его новымъ. Такимъ образомъ законъ, не упничтожая права частныхъ лицъ быть собственниками церквей, довольствовался тѣмъ, что подчинялъ такихъ собственниковъ-ктиторовъ цѣлому ряду ограниченій въ правѣ пользованія и распоряженія принадлежащимъ имъ церковнымъ имуществомъ. Такими собственниками бывали не только отдѣльныя лица, но цѣлыя общества, въ особенности же крестьянскія общества, какъ и вездѣ, наиболѣе нуждающіяся въ мѣстныхъ храмахъ уже по условіямъ сельской жизни. Мы видимъ, что крестьянскія общества частію сами

выстраиваютъ такія церкви, частію пріобрѣтаютъ ихъ отъ другихъ лицъ по сдѣлкамъ или въ силу закона. Императоры Македонской династіи, внимательно относившіеся къ нуждамъ крестьянъ, старательно охраняли и крестьянскія церкви наравнѣ съ другими крестьянскими недвижимостями отъ захвата ихъ магнатами, относя къ этимъ опаснымъ для крестьянъ магнатамъ и епископовъ (см. напр. новеллу Василія Порфироднаго 996 г.) и тѣмъ содѣйствовали развитію сельскихъ приходоу.

Обладая правами внутренняго самоуправленія, крестьянское общество тѣмъ же путемъ управляло и принадлежащую ему церковь, при которой члены его состояли прихожанами, и такимъ образомъ съ церковной точки зрѣнія представляло особый автономный приходъ. Поэтому законодательство Юстиніаново и для насъ представляетъ величайшій интересъ, не только теоретическій, но и практическій. Оно дѣйствовало не только въ Византіи, но и на западѣ и въ нашей допетровской Россіи, и не вполнѣ устранило свое значеніе и въ настоящее время.

Юстиніанъ правильно опредѣлилъ основаніе, въ силу котораго мірянину можетъ быть предоставлено участіе въ дѣлахъ церкви: это тѣ матеріальныя жертвы, которыя онъ несетъ на содержаніе церкви и ея служителей. Сфера этого участія—церковно-имущественное управленіе. Иначе и быть не можетъ, разъ чисто духовная сторона церковно-правительственной дѣятельности предоставлена въ православной церкви клиру, какъ особо предназначенному для этого учрежденію. Несмотря на кажущуюся узость этого основанія, на немъ можетъ быть построено самое широкое участіе въ управленіи. Достаточно вспомнить исторію англійскаго парламента. Юстиніаново законодательство поощряетъ мірянъ къ отмежеванной имъ области дѣятельности на пользу церкви, не только предоставляя имъ весьма широкую инициативу, столь важную во всякой сознательной дѣятельности, но и освобождая ихъ отъ всякихъ стѣсненій, не вызываемыхъ крайнею

необходимостію, что тоже не менѣе важно. Епископу предоставляется наблюдать за этою дѣятельностію мірянъ и давать ей желательное для церкви направленіе, но отнюдь не препятствовать постояннымъ вмѣшательствомъ. Система эта должна быть признана совершенно правильною, какъ чуждая той мелочной опеки и полицейской подозрительности, которыя въ конечномъ результатѣ предупреждаютъ и пресѣкаютъ лишь охоту имѣть дѣло съ консисторіею. Слѣдуетъ прибавить, что этотъ принципъ проведенъ Юстиніаномъ, какъ принципъ общій, и что приходское самоуправленіе является лишь частнымъ случаемъ его примѣненія. Обращаясь въ частности къ приходу, мы должны признать, что даже съ узко административной точки зрѣнія, заботящейся лишь о цѣлости церковнаго имущества, приходское самоуправленіе представлялось наилучшей системой охраны церковно-имущественныхъ интересовъ церкви. При неотчуждаемости церковнаго имущества, при правѣ епископа слѣдить за состояніемъ церкви, передача ея въ руки лицъ, ближе всего заинтересованныхъ въ ея благоустройствѣ, была какъ нельзя болѣе рациональна, даже при допущеніи самой широкой автономіи прихода, какою онъ могъ пользоваться въ Византіи.

Но тѣмъ не менѣе было бы поспѣшнымъ идеализировать византійскій приходъ, увлекаясь фактомъ его широкой автономіи. Въ немъ былъ крупный недостатокъ, въ которомъ, впрочемъ, Юстиніаново законодательство не виновато. Дѣло въ томъ, что Византія временъ Юстиніана не знала прихода, какъ подраздѣленія епархіи въ цѣляхъ пастырскаго управленія. И по образованіи приходовъ епископъ продолжалъ оставаться единымъ пастыремъ въ предѣлахъ своей небольшой епархіи (территорія ея въ среднемъ была значительно меньше территоріи нашего уѣзда). Ему исключительно принадлежало право учительства въ собственномъ смыслѣ этого слова. Не слѣдуетъ забывать, что священникъ, хотя бы и приходскій, не былъ даже духовникомъ своихъ прихожанъ. Современная наша обязательная тайная исповѣдь, какъ условіе до-

пущенія къ причащенію, во времена Юстиніана не существовала, да когда она и появилась, то право принимать исповѣдь предоставлялось на востокѣ не каждому священнику, а лишь нѣкоторымъ изъ нихъ и при томъ въ силу особаго на то полномочія со стороны епископа. Образование приходоу имѣло цѣлью лишь облегчить населенію участіе въ церковныхъ службахъ и таинствахъ. Уже въ силу этого обязанности приходскаго священника являлось собственно совершение необходимыхъ для прихожанъ требъ. Онъ едва ли могъ быть чѣмъ-нибудь большимъ требоисправителемъ и по незначительности того ценза, который требовался закономъ отъ кандидатовъ въ священники. Онъ долженъ былъ имѣть не менѣе 30 л. отъ роду, быть грамотнымъ, православнымъ и честной жизни, не имѣть ни наложницы, ни внѣбрачныхъ дѣтей, могъ состоять лишь въ первомъ бракѣ съ неопороченною дѣвицею,—вотъ и всѣ требованія отъ него. Разъ ктиторъ или приходъ представляли епископу такого кандидата, епископъ долженъ былъ признать его за достойнаго. Только при такомъ низкомъ цензѣ и возможно было прихожанамъ сознательно выбирать священниковъ, на основаніи личнаго знакомства съ кандидатами, хотя онъ былъ едва достаточнымъ для порядочнаго исправленія требъ. Въ среднемъ такой священникъ стоялъ по своему интеллектуальному развитію не выше своихъ прихожанъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Юстиніанъ не говоритъ въ своихъ законахъ о приходѣ; права принадлежали приходу, не какъ таковому, а лишь постольку, поскольку онъ былъ собственникомъ церкви. Этимъ рѣшался съ юридической стороны и вопросъ объ отношеніяхъ между приходомъ и священникомъ; это были отношенія между хозяиномъ церкви и лицомъ, нанявшимся для службы при ней. Они были крайне невыгодны по своимъ результатамъ для обѣихъ сторонъ.

Что касается до священника, то ими принижалась какъ его личность, такъ и значеніе его въ приходѣ. Священникъ, по общему правилу бѣдный, не былъ достаточно обезпеченъ

и постояннымъ содержаніемъ отъ церкви, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы имѣть возможность прожить и безъ доходовъ отъ прихожанъ. Поэтому, хотя Юстиніанъ и смотрѣлъ на назначеніе священника къ церкви, какъ на постоянное, дававшее ему прочныя права на предоставленное ему мѣсто, но въ дѣйствительности дѣло было не такъ. Вполнѣ зависимому отъ прихожанъ священнику, навлекшему на себя хотя бы неосновательное по существу неудовольствіе прихожанъ, волей-неволей приходилось оставлять церковь и искать куска хлѣба въ другомъ приходѣ. При многочисленности духовенства соображенія о сохраненіи чѣства собственнаго достоинства приходилось оставить въ сторонѣ.

Но и прихожане мало пріобрѣтали отъ своего господствующаго положенія въ приходѣ. Даже у самаго добросовѣстнаго священника, разъ онъ являлся только требоисполнителемъ, они могли научиться лишь тому обрядовому благочестію, той преданности формѣ при полномъ незнаніи того, что въ этой формѣ выражается, которое такъ характерно и для древне-русскаго благочестія, въ концѣ концовъ приведшаго къ расколу далеко не худшихъ своихъ представителей. Русская Церковь настоящаго времени поставила себѣ задачей сдѣлать изъ прихода учрежденіе пастырства и не мало уже сдѣлала для выполненія этой задачи. Но какъ ея опытъ, такъ и опытъ Запада показаль, что правильное ея разрѣшеніе невозможно, если придерживаться лишь буквы Юстиніанова права.

Проф. *Пл. Соколовъ.*

(Продолженіе будетъ).

Литургія въ первый день Пасхи.

Въ тѣ далекія времена, воспоминаія о которыхъ сохранили намъ рукописныя литургическія памятники, пасхальная литургія не всегда была такъ тѣсно связана съ заутреней, какъ теперь у насъ ¹⁾. Между двумя этими службами бывалъ иногда перерывъ, назначаемый частію—на отдыхъ богомольцамъ, частію—въ такихъ соборныхъ храмахъ, какъ Воскресенія на Гробѣ Господнемъ въ Іерусалимѣ или въ Софіи константинопольской, на обрядъ христосованія патріарха съ духовенствомъ, занимавшій значительный промежутокъ времени, такъ какъ обрядъ совершался по точно выработанному и довольно сложному церемоніалу ²⁾.

Византійскій императоръ рѣдко присутствовалъ за утреней въ Софійскомъ соборѣ. Обычно эта служба совершалась для него въ придворной церкви и сравнительно—поздно, въ девятомъ—десятомъ часу дня. Послѣ утрени (служилъ ее придворный протопопъ съ архидіакономъ) императоръ принималъ поздравленіе съ праздникомъ отъ священнослужителей

¹⁾ О пасх. заутрени см. „Рук. д. с. п.“ 1905 г. т. III, стр. 402—422.

²⁾ По Святотробокому типикону 1122 г. послѣ утрени—*ἀπόλασις*, т. е. полный *отпустъ*. богомольцы могли уходить изъ храма. Но въ болѣе древнія времена послѣ заутрени совершалась литанія къ св. Гробу для поклоненія. Впослѣдствіи она отнесена была къ концу литургіи.

Обрядъ христосованія патріарха съ духовенствомъ изложенъ подробно въ новооткрытомъ типиконѣ константинопольскаго храма св. Софіи (отъ XII в. по ркп. Дрезд. кор. б. № 140). Здѣсь указываются митрополиты, архієпископы и пресвитеры съ діаконами по 12 человекъ въ облаченіяхъ, которые приносятъ поздравленіе патріарху, и „множество чиновъ“ патріархін. Сначала подходятъ къ патріарху младшіе чины, затѣмъ старшіе—поочередно. Облобызавшись, всѣ становятся на свои мѣста и стоятъ до конца христосованья; когда хортофилаксъ скажетъ: „Позвѣлите“, всѣ садятся. Хортофилаксъ начинаетъ чтеніе слова Григорія Богослова „Воскресенія день“, а въ дворецъ идутъ съ докладомъ, что все готово къ началу литургіи... Подробности см. въ ст. А. А. Дмитріевскаго—„Древнѣйшіе патріаршіе типиконы“... ж. „Труды Кіев. д. акад.“ 1901 г. дек. стр. 539.

и сановниковъ, христосуясь съ первыми въ храмѣ, а со вторыми въ смежной съ церковью палатѣ. Къ литургіи императоръ, во всѣхъ царскихъ регаліяхъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, шествовалъ торжественно въ Софійскій соборъ, гдѣ встрѣчалъ его патріархъ. Императоръ входилъ съ патріархомъ въ алтарь, поклонялся тамъ престолу и святынямъ, а затѣмъ отходилъ къ царскому мѣсту около южнаго портика. При великомъ входѣ, съ свѣчей въ рукѣ, онъ сопровождалъ св. Дары до алтаря. Во время цѣлованія мира (при возгласѣ: „возлюбимъ другъ друга“...), императоръ снова входилъ въ алтарь и давалъ лобзаніе патріарху, митрополитамъ и епископамъ. Наконецъ, къ причастію императоръ еще разъ являлся въ алтарь и у престола принималъ изъ рукъ патріарха Тѣло и Кровь Христову. До конца службы императоръ оставался на царскомъ своемъ мѣстѣ въ храмѣ ¹⁾).

Пасхальный придворный ритуаль византійскаго императора почти цѣликомъ перешелъ въ древнюю Россію и наблюдался въ дворцѣ московскихъ царей и въ Б. Успенскомъ соборѣ. Московскіе цари слушали утреню почти всегда въ Б. Успенскомъ соборѣ и здѣсь же, по окончаніи утрени, принимали поздравленіе отъ патріарха съ духовенствомъ и отъ гражданскихъ чиновъ— бояръ, дворянъ, дьяковъ и пр. Обрядъ христосованья царя, жаловавшаго свѣтскихъ властей къ рукѣ и дарившаго пасхальныя яйца, происходилъ у южныхъ дверей собора. Послѣ заутрени патріархъ славить Христа во дворцѣ, въ покаяхъ царя и царицы. Послѣ же заутрени, московскій царь имѣлъ обыкновеніе посѣщать Архангельскій соборъ и Вознесенскій женскій монастырь, и поклонялся гробницамъ царственныхъ предковъ своихъ, почивающихъ въ

¹⁾ См. ж. „Дух. Бесѣда“ за 1872 г. № 16 и дал. „Церковно-придворныя церемоніи византійскихъ императоровъ сравнительно въ подобными же церемоніями древнихъ русскихъ царей“. Также—*Byzantina* Д. Ф. Бѣляева т. II, стр. 261 и дал.

названныхъ храмахъ. А предъ утреней царь посѣщаль заключенныхъ въ тюрьмахъ и обращался къ нимъ съ милостивымъ возгласомъ: „Христось воскресъ и для васъ“¹⁾.

Въ тѣ времена глубокой христіанской древности, когда на первый день Пасхи совершали крещеніе оглашенныхъ,—воспоминаніе о чемъ сохранилось и доселѣ въ пѣніи стиха „Елицы во Христа креститесь“,—промежутокъ времени до литургіи былъ занятъ приготовленіемъ къ крещенію. Чинъ крещенія, а съ нимъ вмѣстѣ и мир помазанія, долженъ былъ затягиваться на значительное время, такъ что неудивительно, что константинопольскій, напр., патріархъ, совершивши таинства надъ оглашенными, входилъ въ храмъ на литургію не съ началомъ ея, но гораздо позже—приблизительно ко времени чтенія апостола и евангелія. Устраиваемая патріарху встрѣча духовенствомъ и послужила основой современнаго намъ малаго входа, который въ древности былъ входомъ патріарха въ Церковь изъ крещальни, а затѣмъ и вообще сталъ обычнымъ временемъ его вступленія въ храмъ къ важнѣйшей части литургійной службы—чтенію Слова Божія и совершенію евхаристіи.

Если въ древнихъ соборныхъ храмахъ послѣ утрени народъ „отпускался“ до начала литургіи и могъ отдохнуть предъ литургіей, то, какъ кажется, въ монастырскихъ храмахъ этого не бывало. Промежутокъ съ службахъ былъ настолько кратокъ, что совсѣмъ нельзя было посвятить его отдыху, тѣмъ болѣе, что въ монастыряхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, пасхальная служба начиналась не въ первомъ часу ночи, какъ въ Святогробскомъ храмѣ, а позже, напр. въ третьемъ²⁾. Въ монастырскихъ храмахъ обрядъ христосованья игумена съ братіей не могъ отнять много времени. Крещенія оглашенныхъ, думаемъ, въ монастыряхъ

¹⁾ Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII ст. *И. Забѣлина*, ч. I. Москва, 1862, стр. 333 и дал.

²⁾ См. „Рук. д. с. и.“ 1905 г. т. III, стр. 403.

не бывало ¹⁾). Поэтому, *отпускать* богомольцевъ ихъ храма въ монастыряхъ не было побужденій, въ какое бы время,—поздно ли, рано ли,—ни начиналась тамъ пасхальная служба. Указанному обычаю монастырей не отдѣлять пасхальную литургію отъ утрени должны были слѣдовать приходскіе, „мірскіе“ храмы, преслѣдовавшіе въ своихъ порядкахъ удобства прихожанъ—мірянъ и приспособлявшіе церковные порядки къ существующему укладу „мірской“ жизни.

Къ особенностямъ монастырскаго типикона слѣдуетъ отнести особыя *пасхальные часы*, предварявшіе собою литургію. Древніе соборные типиконы ихъ не знали, какъ не знали и вообще часовъ—службъ, исключительно практиковавшихся прежде въ монастыряхъ. Пасхальные часы состояли изъ однихъ почти пасхальныхъ тропарей и при томъ—въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ теперь у насъ ²⁾). Псалмы, составлявшіе въ монастырскомъ богослуженіи главный элементъ, совершенно отсутствуютъ на этихъ часахъ; чтеніе уступаетъ мѣсто пѣнію. Въ томъ и другомъ нельзя не видѣть вліянія мірскихъ порядковъ на монастырскіе обычаи и даже подчиненіе послѣднихъ первымъ. Древніе типиконы святогорбскій и константино-

¹⁾ Въ параллель крещенію, совершавшемуся въ древности въ соборныхъ храмахъ на Пасху, по монастырямъ постригали въ *великую схиму*. См. напр. Инокисносъ Саввы освещ. въ „Опис. лит. рки.“ т. I, стр. 228. Уставъ Алексѣевскій по рки. Моск. синод. б. „Опис. слав. рки. моск. синод. б.“ III, стр. 245. Въ обычаѣ давать схиму именно на пасху (во вторникъ) нельзя не видѣть вліянія извѣстнаго ученія нѣкоторыхъ древнихъ монаховъ, что великая схима есть второе крещеніе (μ:ητ σ:υ:χ:η:μα—δ:ε:υ:τ:ε:ρ:ο:υ β:α:π:τ:η:σ:μα). Интересную, хотя и довольно оригинальную, аргументацію этого ученія, нашедшаго себѣ яраго защитника въ лицѣ пр. Θεοδο:ρ:α Σ:τ:υ:δ:ι:τ:α, мы встрѣтили въ одной изъ греч. рки. XIII в. Моск. синод. б.

²⁾ Напр., въ по Алексѣевскому типикону XII в. (рки. Моск. синод. б. № 380) пасхальные часы совершаются такъ: сначала—„Христосъ воскресъ“... трижды, затѣмъ—тропарь „Веселитесь небеса“..., слава—„Аще и во гробъ“..., и нынѣ—„Что ты наречемъ“..., „Св. Боже“... трижды, „Пресв. Троица“, „Отче вашъ“... и, по возгласѣ, „Господи помилуй“ 12. См. „Описаніе слав. рки. Моск. синод. б.“ III, стр. 245.

польскій начинаютъ литургію тремя антифонами, приспособленными въ своемъ содержаніи, а главнымъ образомъ—въ припѣвахъ, сохранившихся и до нашего времени, къ празднику Пасхи ¹⁾. Три антифона въ началѣ службы не составляетъ особенности какой-либо одной и исключительной службы; нѣтъ, это просто признакъ и необходимая принадлежность того типа службъ, которыя въ древности назывались *пѣсенными*. И три антифона полагались, по уставу пѣсеннаго послѣдованія, не за одною только литургіею. Они находили себѣ мѣсто во всѣхъ пѣсенныхъ службахъ, когда бы послѣднія ни совершались: ночью или днемъ, или вечеромъ. Въ начальной части онѣ были совершенно одинаковы по плану.

Надо думать, что, согласно съ обычаями іерусалимской патріархіи, патріархъ шествовалъ на литургію *со славою*, въ сопровожденіи свиты духовенства всѣхъ іерархическихъ степеней, при пѣніи праздничныхъ пѣсней. По крайней мѣрѣ, уставъ пасхальной литургіи въ храмѣ Воскресенья прежде всего отмѣчаетъ „стихъ на входѣ“: *Ангель Твой Господи* ²⁾... Нельзя не указать, что въ древнихъ типиконахъ антифонъ: „Да воскреснетъ Богъ“ съ припѣвами тропаря: „Христось воскресъ“ исполнялся не дважды, какъ теперь,—при началѣ службы и затѣмъ послѣ антиф. 2: „Боже, ущедри ны“, а только одинъ разъ, и именно—какъ *третій* антифонъ. Произносимый нынѣ діакономъ при маломъ входѣ стихъ: „Въ церквахъ благословите Бога“... и отмѣчаемый въ древнихъ типиконахъ словомъ *εἰσοδικόν*—„входное“, есть одинъ изъ стиховъ третьяго антифона, каждый стихъ котораго и въ древности сопровождался пѣніемъ тропаря: „Христось

¹⁾ См. 'Αναλέκτα τ. β. изд. Правосл. Палест. Общ., стр. 200. А. А. Дмитриевскаго—„Богослуж. стр. и пасх. седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в.“ Каз. 1894, стр. 193. „Описание литур. памяти. хранящ. въ библ. ир. Востока“ т. I, стр. 135 и 174.

²⁾ Въ тѣ времена, когда послѣ утрени изъ храма Воскресенія совершали процессію къ Гробу Господню, этотъ „стихъ“ исполнялся, вѣроятно, на обратномъ пути отъ Гроба при входѣ въ храмъ Воскресенья.

воскресе“, и къ концу котораго приурочивался малый входъ... Какъ всегда бывало, каждый антифонъ при окончаніи своемъ имѣлъ особенно благозвучно исполняемый кондакъ *на слава и нѣтъ*. По третьемъ антифонѣ пѣлся, какъ и теперь, кондакъ: „Аще и во гробъ“; по второмъ—пѣснь „Единородный Сыне“. Удивительно, что послѣ перваго антифона не положено никакой особой пѣсни; случайно ли это, или на то была особая причина, не знаемъ.

Выше нами замѣчено, что если въ день Пасхи совершалось крещеніе и миропомазаніе оглашенныхъ, то, по древнѣйшимъ обычаямъ, они входили въ церковь вмѣстѣ съ патриархомъ—совершителемъ таинствъ, и этимъ входъ новыхъ членовъ Церкви совпадалъ со временемъ окончанія третьяго антифона. Новопросвѣщенные вводились въ храмъ иногда съ пѣніемъ псалма: „Блажени ихже оставишася беззаконія“, каковой положенъ и въ современномъ намъ чинѣ крещенія, въ концѣ его ¹⁾ Намекъ на присутствованіе ихъ за пасхальной литургіей, и именно—съ конца третьяго антифона, можно усмотрѣть въ возглашаемомъ діакономъ входномъ стихѣ: „Въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ *источникъ* (ἐκ πηγῶν) израилевыхъ“. *Источникъ* воды живой, который даровалъ Господь Иисусъ Христосъ, согласно Своему обѣтованію (Іоанн. 4. 14), вѣрующимъ въ Него, есть спасительная вѣра Христова; восхвалить Господа Бога за приобщеніе къ спасительной вѣрѣ Христовой въ нѣдрахъ св. Церкви и приглашаются стихомъ: „Въ церквахъ благословите“... только что вступившіе въ число полноправныхъ членовъ Церкви омывшіеся водою крещенія и миропомазаные „новопросвѣщенные“. Полагаемъ, что ближе всего и скорѣй всего именно къ нимъ относятся эти пригласительныя слова „входного“ стиха. Если такъ, то, слѣд., вромѣ общеизвѣстнаго воспоминанія о крещальномъ чинѣ въ день Пасхи—пѣснопѣнія:

¹⁾ См. наше—„Канунъ праздника Рождества Христова“. Кіевъ 1903, стр. 6. „Опис. лит. ркн.“ т. I, стр. 147—148.

„Елицы во Христа креститесь“..., мы имѣемъ и еще воспоминаніе о немъ—во „входномъ“ стихѣ: „Въ церквахъ благословите Бога“...

Останавливаетъ на себѣ вниманіе порядокъ чтенія евангелія, наблюдавшійся въ Святогробскомъ храмѣ, Софіи константинопольской и въ древнихъ монастырскихъ церквахъ. „Святое евангеліе“, указываетъ святогробскій типиконъ, „патріархъ читаетъ на сопрестоліи его (т. е. со своего обычнаго мѣста въ алтарѣ), архидіаконъ же—на амвонѣ, послѣдую патріарху въ статіяхъ, на которыхъ патріархъ останавливается, ибо что говоритъ патріархъ, повторяетъ архидіаконъ до конца“. Чтеніе евангелія самимъ патріархомъ служило выраженіемъ идеи, что проповѣдь ученія Христова принадлежитъ всецѣло ближайшимъ преемникамъ апостольскаго служенія—епископамъ. А повтореніе евангелія архидіакономъ внѣ алтаря, на амвонѣ, было введено, надо думать, въ цѣляхъ дать возможность слышать это полное возвышеннаго содержанія евангеліе о Богѣ Слово всѣми, даже стоящими далеко отъ алтаря богомольцами. Константинопольскій типиконъ какъ бы дѣлаетъ особое удареніе, когда въ одномъ случаѣ указываетъ, что за патріархомъ повторяетъ евангеліе дьяконъ по національности (*ἑρακός* ¹⁾). И вообще, изъ древнихъ памятниковъ только одна редакція типикона вел. конст. церкви (по Дрезденск. ркп. XII в.) сообщаетъ, что на пасхальной литургіи кромѣ греческаго читалось еще *латинское* евангеліе ²⁾. Это наводитъ на мысль о константинопольскомъ происхожденіи обычая читать пасхальное евангеліе на разныхъ языкахъ, принятаго и у насъ ³⁾. Монастырскіе типиконы указываютъ,

¹⁾ См. „Опис. л. ркп.“ т. I, стр. 136.

²⁾ См. „Древнѣйш. патріарш. типик.“... *ibid.*

³⁾ Святогробскій типиконъ сохранилъ извѣстіе, что лишь слово Златоустаго „Аще кто благочестивъ“... по прочтеніи па подливномъ нарѣчій переводили на *арабскій* языкъ, „дабы имѣли утѣшеніе и не знающіе греческаго языка, и была бы радость, веселіе и торжество всякому народу малому и великому“. См. 'Avaléxta, стр. 199 и „Богослуж. страстн. и

что евангеліе читалось въ алтарѣ у престола священникомъ, при чемъ два діакона держали книгу предъ священникомъ, который читалъ евангеліе обратясь лицомъ къ западу. Часто два діакона замѣняются двумя прислуживающими у алтаря лицами безъ іерархической степени: это—надо думать, въ тѣхъ храмахъ, которые имѣли ограниченный составъ причта. При этомъ, священникъ, не измѣняя вообще положенія—быть лицомъ къ народу, стоялъ уже не около престола, а за престоломъ, на горнемъ мѣстѣ, куда имѣли доступъ лица не іерархическаго достоинства, каковыми и были прислуживающіе въ алтарѣ. Въ одномъ, напр., памятникѣ XIII в. сказано, что евангеліе держать предъ игуменомъ во время чтенія два клирика, именно: еkkлезіархъ и чтець. Вслѣдъ за священнослужителемъ, какъ и при службѣ патріарха, повторялъ евангеліе діаконъ на амвонѣ. Евангеліе дѣлилось при этомъ на отдѣлы въ нѣсколько стиховъ, такъ что каждый отдѣлъ читался священникомъ и тутъ же повторялся діакономъ. Сдѣлано это было, очевидно, въ цѣляхъ лучшаго усвоенія пасхальнаго Слова Божія молящимися¹⁾. Въ памятникѣ XIII же вѣка (1292 г.) находимъ указаніе, и, если не ошибаемъ

пасх. седмиць“... стр. 191. На Востокѣ, въ Греціи и въ славянскихъ земляхъ, евангеліе на разныхъ языкахъ имѣютъ обыкновеніе читать теперь за вечерней въ первый день Пасхи. См. А. А. *Дмитріевскаго*—„Чтеніе евангелія въ первый день Пасхи на разныхъ языкахъ и обряды, сопровождающіе это чтеніе“ въ „Рук. д. с. п.“ 1885 г. т. I, стр. 355 и дал. Въ болгарскомъ современномъ типиконѣ (Терновск. изд 1890 г.) въ уставѣ о вечернѣ въ первый день Пасхи сказано: „также читается святое евангеліе на различныхъ языки якоже обычно“, стр. 360. Нельзя не согласиться, что такой порядокъ удобнѣе нашего. Ночная служба въ день Пасхи и сама по себѣ продолжительна; къ чему осложнять ее еще чтеніемъ евангелія на разныхъ языкахъ? Впрочемъ, нѣкоторые архипастыри, снисходя къ физической слабости нынѣшняго поколѣнія, начинаютъ выводить изъ употребленія нашъ давнишній обычай и ограничиваются евангеліемъ только на славянск. языкѣ и при этомъ—иногда читаютъ евангеліе сами, какъ бывало въ древнія времена, устраняя при этомъ протодіакона и діаконѣвъ, что опять таки сокращаетъ продолжительность службы...

¹⁾ Ркп. Барбер. б. № 69, 1205 г. См. „Опис. л. ркп.“ т. I, стр. 831.

ся,—первое по времени, что чтеніе пасхальнаго евангелія должно сопровождаться ударами въ било, соотвѣтственно началу чтенія каждаго новаго отдѣла евангелія. Въ концѣ чтенія производили быстрые удары въ било, что давало нѣчто подобное нашему „трезвону“ въ колокола ¹⁾). По славянскимъ памятникамъ XVI в. ²⁾), каждый отдѣлъ евангелія сопровождался ударомъ въ „кандію“, висѣвшую въ церкви, и въ „великій камбанъ“ и „великое било“—въѣркви. По прочтеніи евангелія ударили „напрасно“ (т. е. сразу, внезапно) „во вся камбаши и въ великое било ясно“. Вышеназванный памятникъ 1292 г. указываетъ, что *только* пасхальное евангеліе одно изъ всѣхъ, читалось при звонѣ; этимъ, конечно, отличалась особенная важность содержанія пасхальнаго евангелія, какъ то же самое обозначалось и исключительною манерою чтенія его.

Въ древнихъ послѣдованіяхъ пасхальной литургіи останавливаетъ вниманіе великій входъ. На этомъ входѣ было положено продолжительное пѣніе. По константинопольскому типикону, херувимская пѣснь исполнялась трижды; столько же разъ она исполнялась и въ монастыряхъ, создававшихъ свои богослужебные порядки подъ вліяніемъ св. Софіи ³⁾). Въ святотробскомъ типиконѣ указано пѣніе сначала пасхальныхъ стихирь: „Пасха священная“... и пр., съ ихъ стихами-припѣвами, а затѣмъ—вмѣсто херувимской пѣсни, которая въ храмѣ Воскресенія въ этотъ день не пѣлась, положено особое пѣснопѣніе „Воскресль еси, Христе, отъ гроба“... Обиліе пѣнія на великомъ входѣ въ пасхальную литургію объясняется тѣмъ, что въ этотъ день проскомидія,—обычно она совершалась въ началѣ литургіи вѣрныхъ, въ то время, которое соотвѣтствуетъ пѣнію у насъ херувимской пѣсни и великому

¹⁾ Ркн. Ватик. б. № 1877. Ibid. стр. 887.

²⁾ См. „Рук. д. с. н.“ 1885 т. I, стр. 358.

³⁾ См. напр. „Опис. л. ркн.“ т. I, стр. 831 и 887.

входу ¹⁾),—должна была быть болѣе продолжительною, чѣмъ всегда. Въ первый день Пасхи во всѣхъ церквахъ бывало много причастниковъ; число ихъ въ соборныхъ храмахъ увеличивалось еще новопросвѣщенными. Приготовить дары для пасхальныхъ причастниковъ возможно было, конечно, въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени, каковой и заполнялся продолжительнымъ пѣніемъ, чтобы молитвенное настроеніе присутствующихъ въ храмѣ не разсѣявалось.

Съ тою же, конечно, цѣлью, въ древности во время приобщенія мірянъ пѣлся не одинъ, какъ теперь, *причастенъ*— „Тѣло Христово пріимите“..., а исполнялся цѣлый рядъ пѣснопѣній, перемежающихся кинонникомъ „Тѣло Христово“, при чемъ иногда то или другое пѣснопѣніе исполнялось такъ, какъ вообще исполнялись пѣсенныя части службы—антифонно. Въ одномъ мѣстѣ константинопольскаго типикона находимъ замѣчаніе, что киноникъ „Тѣло Христово“ поется цѣлую недѣлю до субботы Свѣтлой седмицы; это наводитъ на мысль, что приобщеніе вѣрующихъ совершалось въ древности въ теченіе цѣлой Пасхальной недѣли ²⁾).

Святогробскій уставъ сохранилъ особую заамвонную молитву въ первый день Пасхи: „Нынѣ намъ, братіе, возсіяло свѣтлое и спасительное воскресеніе“..., содержаніе которой не оставляетъ тѣни сомнѣнія въ томъ, что древняя Церковь ко дню св. Пасхи приурочивала вступленіе въ свои нѣдра новыхъ членовъ. „Жены мироносицы“, читаемъ въ молитвѣ, „приносятъ Царю вѣковъ вѣнки, благоухающіе не запахомъ полевыхъ цвѣтовъ, но ароматомъ даровъ благодати, излитой на новопросвѣщенныхъ“. Жены мироносицы—*ἑσπέραι* *μυροφόροι* были особыми должностными лицами при храмѣ гроба Господня; онѣ, вмѣстѣ съ подвигами личнаго духовнаго со-

¹⁾ Воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ чинѣ архіерейскаго служенія литургіи и доселѣ. Какъ извѣстно, архіерей только при пѣніи „Херувимской“ подходитъ къ жертвеннику и совершаетъ здѣсь то поминаніе, которое священники совершаютъ во время часовъ.

²⁾ См. стр. 136 „Опис. л. ркп.“ т. 1.

вершенствованія, несли и нѣкоторыя церковныя обязанности, какъ напр., заботу о благолѣшій св. Гроба; онѣ часто принимали участіе въ богослужебныхъ церемоніяхъ іерусалимской церкви; онѣ же, какъ видно изъ приведенныхъ словъ молитвы, служили при таинствѣ крещенія оглашенныхъ, а, можетъ быть, даже раздѣляли съ катихизаторами и трудъ наученія крещаемыхъ истинамъ Христовой вѣры. Ревностное служеніе благочестивыхъ женъ при Гробѣ Господнемъ, равно какъ усердіе ихъ въ проповѣданіи воскресшаго Христа, давало основаніе назвать ихъ именемъ тѣхъ евангельскихъ женъ, которыя и при жизни Спасителя вѣрно служили Ему и по воскресеніи Христа изъ мертвыхъ первыя поспѣшили возвѣстить ученикамъ Его эту радостную вѣсть.

Предъ окончаніемъ литургіи въ храмѣ Воскресенія богомольцы совершали поклоненіе св. Гробу Господню, къ которому направлялись съ пѣніемъ кондака: „Аще и во гробъ“... Въ храмѣ константинопольской Софіи поклоненія святынѣ не было, но послѣ литургіи патріархъ шель въ св. колодезь—особое отдѣленіе при храмѣ, гдѣ приносилъ поздравленіе императору, надѣвалъ на него царскую корону и благословлялъ артосомъ и просфорою. Императоръ дарилъ патріарха золотомъ. Возвратившись въ храмъ, патріархъ приглашалъ къ праздничной трапезѣ высшее духовенство. Императоръ въ это время, при несмолкающихъ привѣтствіяхъ царедворцевъ, возвращался въ дворець... Надо думать, что праздничная трапеза для духовенства бывала и въ покояхъ іерусалимскаго патріарха. „Отець“ — патріархъ раздѣлялъ ее съ своими „дѣтьми“—митрополитами, архіепископами, епископами. Восточный обычай главы Церкви раздѣлять хлѣбъ-соль съ духовенствомъ перешелъ и въ Россію. Мы видимъ русское духовенство за трапезой у патріарха въ первый день Пасхи, которая предлагалась послѣ перенесенія артоса изъ Успенскаго собора въ патріаршую домовую церковь, участіе въ каковой процессіи принималъ и царь.

Въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, (преимущественно—въ четвергъ), по особому указанію изъ царскихъ палатъ, русскій патріархъ съ духовенствомъ являлся къ царю для поднесенія „великодепскихъ даровъ“ и поздравленія съ праздникомъ. Прочитавъ особую молитву¹⁾ и благословивъ царя иконою и золотымъ крестомъ, патріархъ подносилъ ему дорогіе подарки, какъ то: кубки, бархатъ, атласъ, *три сорока соболей* и 100 золотыхъ. Царицамъ, царевичамъ и царевнамъ патріархъ подносилъ тоже праздничные подарки, но — меньшей цѣнности²⁾...

Какая разница! Византійскій императоръ самъ щедро одарялъ патріарха, а въ Россіи, наоборотъ, царь принималъ подарки отъ владыки. Но зато и духовенство русское держалось на приѣмѣ у Царя съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ византійское на приѣмѣ у императора³⁾. По византійскому этикету, духовенство должно было также падать долу предъ императоромъ, какъ то дѣлали и всѣ его подданные, не смотря на высокое государственное положеніе, которое иногда занимало то, или другое лицо. Одинъ только патріархъ ограничивался простыми поклонами предъ особою императора, послѣ чего императоръ христосовался съ патріархомъ, и оба они садились на своихъ мѣстахъ. Русское духовенство свободно было отъ земныхъ поклоненій царю. Оно было въ этомъ отношеніи выдѣлено изъ всѣхъ сословій государства и, очевидно, — во имя духовнаго авторитета, — того авторитета, въ силу котораго русскій царь называлъ главу духовенства — патріарха *отцомъ* своимъ...

Кратковременъ былъ отдыхъ богомольцевъ въ первый день Пасхи послѣ трапезы. Раньше обычнаго Церковь приглашала ихъ въ этотъ день къ *вечернему богослуженію*, но объ этомъ — въ слѣдующій разъ. II. Нальмовъ.

¹⁾ См. эту молитву, напр., въ перг. слав. требникѣ XIV—XV в. ркп. Моск. синод. б. № 371 л. 158. „Опис.“ с. 146.

²⁾ См. *Писарева* — „Домашній бытъ русскихъ патріарховъ“. Каз. 1904, стр. 221.

³⁾ „Духъ Бесѣда“ 1872 г. № 20, стр. 372.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кириллъ.

Кіевъ. Университетская типографія Авд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года апрѣля 9-го дня.

Содержаніе: Современное значеніе монастырей въ народной жизни.—
Сельскій священникъ и аграрные безпорядки.— Два предразсудка
въ дѣлѣ предохраненія людей отъ простуды.

Современное значеніе монастырей въ народной жизни.

Въ декабрѣ 1898 года торжественно открыта и освя-
щена бесплатная больница и лѣчебница въ Кіево-Покровскомъ
женскомъ монастырѣ.

Освященіе отличалось необыкновенною торжественностію,
такъ какъ этой больницѣ даровано было наименованіе „Без-
платной больницы и лѣчебницы для приходящихъ больныхъ
Императора Николая II-го“; устроена она была стараніями
въ то время еще здравствовавшей основательницы Кіево-
Покровскаго женскаго монастыря Вел. Кн. Александры
Петровны, въ инокиняхъ Анастасіи, и поставлена была съ
самыхъ первыхъ минутъ своей дѣятельности во всѣхъ отно-
шеніяхъ образцово.

Такое далеко незаурядное событіе, какъ открытіе образцово поставленной безплатной больницы въ женскомъ монастырѣ не могло не обратить на себя вниманія общества и печати. И оно было обращено. Ни для кого не тайна, что среди такъ называемаго интеллигентнаго нашего общества давно уже существуютъ отрицательные взгляды на жизнь и дѣятельность монастырей, каковыя взгляды въ послѣднее время начали весьма усердно распространяться и среди простого народа. Люди, и умомъ и сердцемъ увлекшіеся исключительно въ сторону непосредственно и очевидно полезнаго, никакъ не могли и не могутъ смотрѣть на тѣ или другія формы жизни безпристрастными очами и видѣть въ этихъ формахъ не только неизмѣнныя, но и въ высокой степени полезныя проявленія духовной жизни человѣчества. Въ своихъ отрицательныхъ сужденіяхъ и отношеніяхъ къ монастырямъ, особенно къ мужскимъ, обыкновенно изыскиваютъ самыя разнообразныя доводы; но самыми излюбленными являются—яко бы недѣятельность монашествующихъ или во всякомъ случаѣ бесполезное времяпрепровожденіе большинства изъ нихъ, особенно же молодыхъ и здоровыхъ; богатства монастырей, образовавшіяся съ давнихъ временъ и для настоящаго времени составляющія въ жизни народной мертвый капиталъ, что особенно печально при общей нашей бѣдности и въ частности—ужасающей бѣдности простого народа; собираніе народныхъ трудовыхъ денегъ въ монастырскія кассы, собираніе въ лучшемъ случаѣ для народа бесполезное, а иногда и совершенно вредное, разорительное. Благодаря тому, что существуютъ т. наз. чтимые монастыри, цѣлыя сотни тысячъ народа имѣютъ пагубное для ихъ матеріальнаго благополучія обыкновеніе ежегодно путешествовать по „святымъ мѣстамъ“ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. чѣмъ теряютъ и время, и деньги, а главное—пріучаются къ ничегонедѣланію и способствуютъ чрезмѣрному обогащенію безполезныхъ учрежденій церковныхъ. Если, говорятъ, кто дѣйствительно религіозенъ и въ мо-

литвѣ хотеть найти для себя утѣшеніе, то развѣ для него мало своего приходского храма?—

Въ послѣднее время такого рода разсужденія особенно часто слышатся. Враги государства и Церкви, мнимые друзья простого народа и рабочихъ еще во время Японской войны громко и настойчиво требовали отобранія у монастырей, особенно у лавръ „милліардныхъ капиталовъ“. Въ настоящее время—нѣкоторыя политическія партіи, даже не изъ крайнихъ, во имя того же блага общенароднаго во главу угла своихъ программъ полагаютъ отобраніе церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и распредѣленіе ихъ при посредствѣ государства между „трудящимися классами населенія“.

Извѣстнаго направленія крайнія политическія партіи и ихъ печатные органы въ цѣляхъ расположенія къ себѣ массъ народныхъ ведутъ въ настоящее время самую усиленную пропаганду мыслей объ отобраніи имуществъ монастырскихъ среди простого народа. Онѣ знаютъ, что народъ „бредитъ землицей“, и увѣренныя, что ихъ разрушительныхъ теорій онѣ не пойметъ и не приметъ, эти партіи пашли для него приманку и этою приманкою усилѣли не мало уже зла патворить. Намъ лично неоднократно даже весьма религіозныя крестьяне, много читающіе отъ „божественнаго“, спрашивали, правда ли, что „въ нашихъ лаврахъ милліарды лежатъ“, и какъ же къ „такимъ богатствамъ бѣдный-то народъ долженъ относиться? Какъ вообще, вопрошали сомнѣвающіеся, нужно смотрѣть на дѣло-то это?“... „Вонъ, продолжали они, одинъ изъ нашихъ вычиталъ изъ газеты (кажется „Русскія Вѣдомости“), что пужно народу отобрать у лавръ ихъ милліарды, а всѣхъ монаховъ выселить въ холодныя страны, на сѣверь. Онъ насъ увѣрялъ, что такъ и должно и справедливо будетъ: вѣдь они, монахи, ничего не дѣлаютъ“.

Пришлось не мало поговорить съ этимъ совопросникомъ,— нужно замѣтить, глубокорелигіознымъ человѣкомъ, указывать на значеніе монастырей не только въ области религіозно-нравственной, но и въ матеріальной культурѣ нашего оте-

чества. Нашимъ доводамъ внималъ нашъ собесѣдникъ. Но насъ неотвязчиво тревожила и продолжаетъ тревожить мысль: что же думаютъ всѣ тѣ православные русскіе люди, къ которымъ дошли и въ душу проникли „идеи“ своеобразныхъ радѣтелей блага народнаго? Не распространяется ли повсюду этотъ страшный „бредъ землицей?“ Не укрѣпляются ли среди бѣднаго и обманываемаго народа надежды на легкое и быстрое обогащеніе „землицей“ на счетъ монастырей и другихъ землевладѣльцевъ?—Дѣйствительность, печальная наша дѣйствительность говоритъ, что „бредъ“ во многихъ уже мѣстахъ перешелъ и переходитъ въ жизнь и осуществляется самымъ ужаснымъ образомъ на первыхъ порахъ надъ частновладѣльческимъ имуществомъ.

Съ другой стороны, когда всѣ силы, лучшія разумѣемъ,—нашего разоряемаго государства направляются на борьбу со зломъ, невольно самъ себя вопрошаешь, дѣйствительно ли всѣ и во всемъ ли объемѣ наши добрыя силы, какъ выражаются, мобилизованы для борьбы съ врагами Церкви и отечества? Не требуется ли въ настоящее время особенно серьезнаго напряженія со стороны тѣхъ учреждений, которыя бы могли оказать особенно важныя услуги Церкви и государству, благодаря богатству духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, въ ихъ распоряженіи находящихся?

Къ разряду могущественнѣйшихъ церковныхъ организацій мы причисляемъ наши монастыри. Сотни тысячъ русскаго православнаго народа, нынѣ сбиваемаго съ истиннаго пути религіозно-нравственной и общественно-политической жизни, ежегодно бываютъ въ монастыряхъ, здѣсь ищутъ и находятъ для себя утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ и, успокоенные въ своей совѣсти и разумѣ, расходятся по весямъ русскимъ и всюду несутъ свое успокоеніе. Изъ края въ край нашего огромнѣйшаго въ мірѣ государства разносится русскими многочисленными паломниками слава обителей и живущихъ въ нихъ подвижниковъ-иноковъ,—а вмѣстѣ съ нею и всѣ добрыя наученія о вѣрѣ и о жизни доброй христіан-

ской... Какъ много можетъ сдѣлать весь сонмъ нашихъ монастырей для успокоенія взволнованнаго врагами Церкви и государства народа?!

Мы нашу рѣчь „о современномъ значеніи монастырей въ народной жизни“ начнемъ съ факта, о которомъ вначалѣ сказано,—съ открытія въ Кіево-Покровскомъ монастырѣ бесплатной больницы и лѣчебницы Императора Николая II-го. Этимъ фактомъ нѣкоторые воспользовались для того, чтобы провести и высказать свои задушевные мысли и желанія—видѣть монастыри въ новомъ ихъ служеніи народу. Съ этихъ мыслей мы и начнемъ, такъ какъ онѣ, не отличаясь рѣзкостью современной борьбы, для огромнаго количества людей казались и кажутся совершенно правильными и соответствующими дѣйствительнымъ и жизненнымъ интересамъ монастырей.

Вслѣдствіе превосходной постановки врачебнаго дѣла и благодаря необычайно внимательному отношенію къ больнымъ и служащему персоналу со стороны Великой Княгини Александры Петровны,—строительницы монастыря и всѣхъ учреждений въ немъ, дѣятельность больницы быстро расширялась и расширяется, количество больныхъ, ищущихъ и получающихъ помощь въ ней, исчисляется въ настоящее уже время десятками тысячъ, и слава о „бѣлой“ больницѣ, какъ называютъ ее въ народѣ, все болѣе и болѣе распространяется по городамъ и весямъ Русской земли. Великое благо, распространяемое лѣчебными учрежденіями Покровскаго монастыря преимущественно среди бѣднаго и неимущаго люда, тѣмъ цѣннѣе и возвышеннѣе, что оно совершается и насаждается при такой обстановкѣ, которая сама собою и при томъ самымъ естественнымъ образомъ обращаетъ взоры страждущихъ и болящихъ отъ этой юдоли скорби и тѣлесныхъ страданій къ міру высшему, неземному, которая наглядно и для всѣхъ понятно говоритъ о великой силѣ христіанской заповѣди о любви къ Богу и ближнему, и тѣмъ самымъ смягча-

еть сердца людскія и научаетъ любви дѣятельной и самоотверженной.

Такое значеніе бесплатной больницы и лѣчебницы въ Кіево-Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ, удостоившейся получить наименованіе больницы и лѣчебницы Императора Николая II, въ особенности же образцовая постановка въ ней всего дѣла подали поводъ къ печатному выраженію такихъ взглядовъ относительно современнаго значенія монастырей въ жизни народной, съ которыми трудно согласиться, и которые, поэтому, должны быть значительно ограничены, не смотря на то, что они высказаны людьми широко образованными и съ цѣлями, несомнѣнно, благими.

Въ наше время, какъ сказано уже выше, подѣ вліяніемъ идей извѣстнаго направленія, явно и прикровенно часто слышатся со стороны многихъ свѣтскихъ людей пожеланія, чтобы наши православные монастыри по своей служебной роли обществу стали въ ряду всѣхъ другихъ учреждений благотворительнаго характера, работающихъ на пользу общества для всѣхъ понятнымъ и очевиднымъ образомъ. Такой взглядъ выраженъ и въ библиографической замѣткѣ проф. В. В. Подвысоцкаго по поводу „Краткаго цифрового отчета по бесплатной больницѣ и лѣчебницѣ для приходящихъ больныхъ Императора Николая II при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежительномъ монастырѣ за 1898 г.“. Вставши исключительно на точку утилитаризма, притомъ выражающагося въ наиболѣе очевидной формѣ, проф. Подвысоцкій говоритъ: „Какъ извѣстно, въ древней Руси, до татарскаго нашествія, монастыри наши были не только разсадниками знанія, хранителями образованности и оказывали матеріальную поддержку нуждающимся, но вмѣстѣ съ тѣмъ они устраивали больницы и по мѣрѣ силъ своихъ оказывали врачебную помощь больнымъ. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ свѣтской культуры и съ сосредоточеніемъ врачебнаго искусства въ рукахъ врачей и подѣ управленіемъ свѣтской власти, роль монастырей, какъ врачебныхъ центровъ, постепенно

исчезла. Ни для кого не тайна, что въ нынѣшней дѣятельности монастырей и въ организаціи монастырской жизни идеаль христіанства—любовь къ ближнему и страждущему не находятъ себѣ того широкаго осуществленія, которое она, естественно, могла бы встрѣтить при иной организаціи монастырской жизни со стороны людей сильныхъ духомъ и отказавшихся отъ міра... Первый трудный шагъ на пути реального участія монастырей въ охраненіи народнаго здравія сдѣланъ „Покровскимъ монастыремъ“. Мы увѣрены, что этимъ первымъ шагомъ начинается новая эра въ культурномъ значеніи монастырей на Руси“.

„Благодаря устроенной при Покровскомъ монастырѣ стараніями Ея Императорскаго Высочества образцовой больницѣ и обширнѣйшей не только въ Кіевѣ, но и на всемъ югѣ Россіи амбулаторіи, положено прочное начало новой эры въ жизни нашихъ монастырей,—начало, которому, естественно, должны будутъ слѣдовать постепенно остальные монастыри для того, чтобы среди все возрастающаго матеріализма современной цивилизаціи укрѣпить за собою и сохранить высокій авторитетъ и то культурное значеніе, которое они въ доброе старое время стяжали себѣ въ народѣ“.

Такой взглядъ на современное значеніе монастырей въ жизни народной заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ. Мы здѣсь слышимъ выраженіе того общераспространеннаго мнѣнія, которое въ этой же формѣ, а иногда и въ болѣе грубой и рѣзкой существуетъ среди образованныхъ людей нашего времени и которое является слѣдствіемъ крайне односторонняго развитія современной „культуры“ и современной „цивилизаціи“ и именно ихъ исключительно матеріалистическаго направленія. Въ высказанномъ взглядѣ проф. Подвысоцкаго, кромѣ того, нельзя не видѣть и стремленія оправдать яко бы наступающую „новую эру въ жизни нашихъ монастырей“ высшими интересами самихъ монастырей, и именно необходимостію укрѣпить за собою и сохранить высокій авторитетъ среди все возрастающаго мате-

ріалізма сучаснай цывілізацыі і то культурнае значэнне, якое яны ў добрае старае часе стаялі сабе ў народзе“. І гэтая „новая эра“ тым больш неабходна, што зараз „ні для каго не тайна, што ў сучаснай дзейнасці манастыроў і ў арганізацыі манастырскай жыцця ідэал хрысціянства—любовь да бліжняму і страждучаму не знаходзіць сабе таго шырокага ажыццяўлення, якое яна, натуральна, магла сустрэціць пры іншай арганізацыі манастырскай жыцця са старона людзей моцных духам і адказаўшыхся ад сусвету“, пры чым такую арганізацыю, найбольш адпаведную „новай эры“, трэба прызнаць толькі—наілепшае ўладарства ў манастырах лекавага дэла.

Всё гэта вядома істина, што людзі бачаць асабліва добра толькі тое, што яны бачаць „з свайго акна“ і праз „свае вочы“. Але нам здаецца, што зараз затрагваецца пытанне не адной якой-лібо спецыяльнасці, а агульнага і пры гэтым існаснага ў культурнай жыцці сучаснага чалавечества, то трэба поле з’яўлення раздвінуць у мяру шыроты затрагнутага пытання. Інакш—ніякага разрэшэння пытання, акрамя аднабоўнага і нават канцавага, не можа быць, і кожны ў адрозненні чалавек ці група людзей, занятая і больш за ўсё знаёмая са сваім дэлам, будуць патрабаваць разрэшэння паднятага пытання толькі са пункту з’яўлення інтарэсаў гэтага дэла. Так, у даным выпадку, напр., людзі, блізка знаёмыя са нуждаю чалавеческаю, са горем і ўсёмажымі апраўжэннямі б’дзнікаў, „новую эру“ манастырскай жыцця дзейнасці ўбачаць толькі тады, калі манастыры ператраўцца ў дабрадзейныя ўчреждэння, а на жаданія лекараў—абаўраць манастыры ў „большыя, убаўжыца і школы для слепых, глухонемых, чахоточных, прокажэнных і прачых несчасных больных, конымі па большай частцы нідзе няма прыюта“, каковыя больныя да таго ж могуць быць небяспечны для здравых (напр. прокажэнныя і умаляшэнныя),—сучасныя „дабрадзейцы“ ўвоўн рэзонна могуць заўважыць, што, вядома, карань ўсёх

болѣзней—нищета, невозможныя гигиеническія и всякія другія житейскія условія. Съ меньшей основательностью своихъ требованій, желаній и исканій „новой эры“ могутъ выступить и тѣ, кто видитъ главное зло современной нашей простонародной жизни въ отсутствіи сельско-хозяйственныхъ знаній и хорошихъ практическихъ руководителей народа въ этомъ отношеніи и кто пожелаетъ обратить монастыри въ сельско-хозяйственныя станціи, а ихъ имущества—въ опытные поля. А что скажутъ гг. врачи въ отвѣтъ людямъ, ревнующимъ о народномъ просвѣщеніи, когда они, основываясь на вполнѣ и неоспоримо вѣрномъ фактѣ народнаго невѣжества, служащаго источникомъ неисчислимыхъ злоключеній въ жизни народной и въ томъ числѣ народныхъ болѣзней, пожелаютъ создать изъ монастырей, ради „новой эры“ ихъ жизни, образцовыя школы, разсадники современнаго знанія? Вѣдь, въ давно-минувшихъ и недавнихъ временахъ, да и теперь еще всѣ эти ищущіе и создающіе „новыя эры“ и радующіеся „первымъ шагамъ“ въ области этой эры, несомнѣнно, больше, чѣмъ врачи, найдутъ указаній на былую и современную отчасти роль монастырей, когда они создавали свой авторитетъ, являясь въ жизни народной прибѣжищемъ въ дни общаго горя и кормильцами въ дни народныхъ невзгодъ (достаточно вспомнить времена монгольскаго ига и самозванщины), особенно ревностными и особенно совершенными училищами сельско-хозяйственныхъ знаній (кто не знаетъ значенія Соловецкаго и всѣхъ сѣверныхъ монастырей въ этомъ отношеніи) и таковыми же, а въ первыя времена и единственными училищами высшихъ знаній, характера общеобразовательнаго (извѣстна дѣятельность всѣхъ монастырей въ этомъ отношеніи). Вѣдь страницы нашей исторіи испещрены указаніями на всѣ эти виды дѣятельности нашихъ монастырей, и этихъ указаній несравненно больше, чѣмъ такихъ, какія взяты изъ лѣтописи проф. Подвысоцкимъ и которыми свидѣтельствуется, что „строеніе банное и врачеве, и больницы всѣмъ приходящимъ и безмездно врачеваніе въ

своемъ градѣ устрои (архіепископъ Ефремъ) и по инымъ своимъ градамъ митропольскимъ“. Мало этого. Могутъ найтись люди, которые, основываясь тоже на историческихъ данныхъ и при томъ высокой важности и большой количественности, пожелали бы такой „новой эры“ въ жизнедѣятельности православныхъ монастырей, какая была уже, напр., въ первыя времена у насъ христіанства, когда иноки приходили въ княжій домъ и поучали ихъ „какъ управлять“, когда они обличали худую жизнь князей и бояръ, когда они грозно осуждали увлеченія свѣтскихъ людей разнаго рода „богомерзкими“ дѣлами, какая была и въ болѣе позднія времена, напр., въ періодъ самозванщины, когда Троице-Сергіевъ монастырь, богатый (а богатство, вѣдь, особенно нужно и важно для людей „новой эры“) и вліятельный (это впрочемъ, не особенно желательно), мощно и необычайно успѣшно всталъ на защиту Церкви и отечества, когда его дѣятельность и значеніе стали превыше всѣхъ „государственныхъ“ и иныхъ дѣятелей и учрежденій. Что же мы скажемъ всѣмъ этимъ людямъ и группамъ людей, понимающимъ „новую эру“ по-своему, что скажемъ, если примемъ взглядъ врачей на современное значеніе монастырей въ жизни народной, какъ только прекрасно устроенныхъ лѣчебницъ? Вѣдь и эти люди имѣютъ полное право желать осуществленія своихъ идеаловъ, видимыхъ ими чрезъ „свои очки“ и въ „свои окна“. Но если мы начертасемъ „новыя эры“ для монастырей по желаніямъ вышеуказанныхъ лицъ и группъ ихъ, то что же останется отъ „монастырей“, какъ учрежденій съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ характеромъ, и будемъ ли мы имѣть право называть лѣчебницы, убѣжища, пріюты для глухонѣмыхъ, прокаженныхъ, умалишенныхъ, всѣ эти сельско-хозяйственныя станціи и даже собразово и богато обставленныя школы „монастырями“? Намъ кажется, что изъ пожеланій „новыхъ эръ“ и радостей по поводу „первыхъ шаговъ“ на этомъ новомъ пути можетъ быть только одинъ выводъ: уничтожьте монастыри или, если менѣе рѣзко выразиться, превратите

ихъ въ больницы и т. д. Но въ такой формѣ поставленный вопросъ, конечно, вызываетъ много другихъ вопросовъ, по существу своему стоящихъ много выше вопроса больничнаго и даже общаго о народномъ здоровіи.

М. Гн.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сельскій священникъ и аграрные безпорядки.

I.

Князь Мещерскій высказалъ какъ-то въ своемъ „Гражданинѣ“ сочувственное мнѣніе о сельскомъ духовенствѣ, извиняя и оправдывая его пассивное отношеніе къ аграрной крестьянской смутѣ и вообще къ революціонному движенію среди прихожанъ. Слова князя отмѣчены были свѣтской печатью, а потомъ, за послѣднее время, стали перепечатываться и въ органахъ духовной журналистики¹⁾, какъ правдивое, заслуживающее нашего вниманія, оправдательное мнѣніе. Однако, прежде чѣмъ утѣшаться имъ и благодарить, интересно и нелишне поглубже вникнуть въ княжескія слова. Князь пишетъ вотъ-что:

„Сельскій священникъ живетъ подаяніемъ отъ своего прихода,—можно ли отъ него требовать такого подвижничества въ самоотверженіи, чтобы онъ, забывъ свою семью, рѣшился высказаться за права помѣщиковъ и противъ насилій крестьянъ, зная напередъ, что онъ не найдетъ взамѣнъ ни поддержки отъ помѣщичьяго сословія, ни поддержки отъ правительства, но зато лишится матеріальной помощи отъ своего прихода?

Возмущаться и даже смущаться такою постановкою вопроса о долгѣ священника въ наступившую минуту крестьянскихъ безпорядковъ никто не имѣетъ права, ибо сельскій священникъ—прежде всего человекъ, да еще сознательно изъ поколѣнія въ поколѣніе вводимый въ искушеніе невыносимой тяжестью на немъ лежащаго матеріальнаго гнета; но теперь

¹⁾ Странникъ, янв. 1906 г., Церк. голосъ, № 3-й 1906 г. и др.

дѣло уже не въ вопросѣ: смущаетъ ли сельскій священникъ своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ аграрнымъ безпорядкамъ, а въ томъ, что если такое пассивное отношеніе сельскаго священника къ аграрнымъ безпорядкамъ продолжится, то правительству угрожаетъ имѣть дѣло съ общимъ крестьянскимъ возстаніемъ по всей Россіи, коего ужасныхъ, разрушительныхъ послѣдствій нельзя даже предвидѣть.

Когда является мысль о созывѣ церковнаго собора, правительство призвано вспомнить, что если 1861 годъ прошелъ спокойно въ Россіи, если 40 лѣтъ полнаго преданія забвенію крестьянскаго населенія прошли спокойно, если деревня слушалась и подчинялась власти, то первою тому причиною было то, что этотъ забытый и забитый сельскій священникъ былъ главнымъ подспорьемъ порядка въ деревнѣ, при всѣхъ своихъ недугахъ и при всѣхъ проявленіяхъ къ нему равнодушія и даже неуваженія со стороны правительства.

Давно пора это понять, давно пора правительству признать себя должникомъ этого сельскаго священника“...

Когда намъ пришлось въ первый разъ прочитать эти княжескія рѣчи, за которыя такъ поспѣшно съ полнымъ согласіемъ и радостію ухватились наши публицисты, мы, напротивъ, сразу почувствовали, невольно для самого князя выраженный имъ, презрительный, барскій взглядъ на сельскаго священника и поняли суть его рѣчей: „Стоитъ ли смущаться пассивнымъ отношеніемъ сельскаго священника къ смутѣ и народнымъ волненіямъ, искать мужества въ нищемъ... Сами виноваты: пообѣщайте ему поддержку, награду, и онъ станетъ за васъ. Иначе, безъ его содѣйствія, дѣло можетъ окончиться всеобщимъ крестьянскимъ возстаніемъ“. Последняя тревожная мысль и заставила, по нашему мнѣнію, князя разговориться о сельскомъ священникѣ и такъ заботливо напомнить правительству о нѣкоторомъ нравственномъ долгѣ по отношенію къ нему... Впрочемъ, всё это для насъ выяснится при послѣдовательномъ разсмотрѣніи сужденій князя Мещерскаго, къ чему и перейдемъ.

II.

Итакъ, князь говоритъ о пассивномъ отношеніи сельскаго священника къ аграрнымъ крестьянскимъ бзпорядкамъ, тогда какъ долженъ бы былъ онъ выступить противъ крестьянъ въ защиту помѣщиковъ. Священникъ не останавливаетъ своихъ прихожанъ, когда они идутъ громить и жечь помѣщичьи усадьбы, рубятъ чужой лѣсъ, завладѣваютъ насильно чужой землей. Онъ боится, не смѣетъ поднять голоса въ обличеніе вопіющаго беззаконія, удержать крестьянъ отъ кроваваго преступленія, потому что живетъ подаяніемъ прихода, потому что эти кормильцы—беззаконники могутъ на него прогнѣваться за обличительное пастырское слово и отказать въ подаяніи... Нѣтъ, ужъ Богъ съ ними: пусть дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы кормили. Лучше не вмѣшиваться и молчать!.. И сельскій священникъ не рѣшается удерживать приходъ отъ явно-преступнаго шага. „Да и можно ли требовать отъ него такого подвижничества въ самоотверженіи, чтобы онъ рѣшился, ради прямого пастырскаго долга, забывъ семью, лишиться матеріальной помощи отъ прихода!“ Князь и не думаетъ предъявлять къ сельскому священнику подобныхъ идеальныхъ требованій, онъ не ставитъ нарушеніе ихъ въ вину приниженному, забитому человѣку, дрожащему за кусокъ хлѣба, за утрату подаянія, и великодушно извиняетъ пастырскую пассивность и малодушіе.

Не лестно же должно быть для сельскаго священника подобное извиненіе и оправданіе приписываемой ему пассивности—бездѣтельности при аграрныхъ погромахъ, такъ какъ тѣмъ самымъ признается безсиліе его подняться хоть сколько-нибудь надъ своими „шкурными“ интересами! Однако, можно ли примириться съ такимъ обиднымъ признаніемъ? Пусть, въ общемъ, духовенство—не рыцарское сословіе (гдѣ ужъ намъ?), пусть зависимость сельскаго священника отъ прихода крайне тяжела и связываетъ ему порой языкъ и руки; но неужели она уже такъ обезличила его, довела до такой

правственной приниженности, что онъ способенъ сказать прихожанамъ: дѣлайте, что хотите, грабьте, насильничайте, только кормите, не отказывайте въ подаиіи: видите, я молчу!.. Страшное положеніе и жалкое состояніе, въ какомъ едва ли находится одинъ хотя бы священникъ: до этого не дошли... Правда, матеріальная зависимость отъ прихожанъ должна неизбѣжно сказываться нѣкоторой покладистостью, толерантностію по отношенію къ ихъ недостаткамъ,—этого отрицать нельзя; но не въ такихъ случаяхъ и не при такихъ обстоятельствахъ выражаются онѣ. Вѣдь здѣсь на глазахъ у пастыря замышляется и даже совершается вопіющее, кровавое преступленіе, страшный грѣхъ, нетерпимый ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ, и... священникъ боится, не смѣетъ крикнуть: „Побойтесь Бога! Вспомните Его! Что вы дѣлаете? Рѣшаетесь на грѣхъ Каина!“ Онъ молчитъ, чтобы за свои слова не лишиться подаиія. Но, кромѣ этой причины, князь приводитъ еще и другое, обидное для сельскаго священника, объясненіе его молчанія. „Священникъ не высказывается въ защиту помѣщика противъ насилій крестьянина, напередъ зная, что не найдетъ, взамѣнъ, поддержки ни отъ помѣщичьяго сословія, ни поддержки отъ правительства“. Это по-просту значить; если бы помѣщики пообѣщали священнику награду и поддержку (не оставимъ, молъ, только помогите), а равно—и правительство, тогда онъ не сталъ бы молчать, постоялъ бы за ихъ дѣло грудью, а то—защитой безкорыстно, предупреждай погромы съ рискомъ для себя!.. На это сельскіе священники не пойдутъ. Дальше идти въ приписываніи духовенству унижительныхъ чертъ и расчетливости, думаемъ, некуда!.. Одно утѣшительно въ данномъ случаѣ для бѣднаго духовенства, что подобное сужденіе о немъ—обидная несправедливость, что такихъ сельскихъ священниковъ, развѣ—какъ рѣдкаго исключенія, нѣтъ. Да подобнаго трусливаго и расчетливаго пастыря, который не смѣетъ удержать прихожанъ отъ явнаго грѣха, не напоминаетъ о правдѣ Божіей, приходъ скорѣе еще бросить, не будетъ

кормить: „на кой его намъ,—скажутъ:—коли во время не надумили, не учили добру; зналъ, что на худое идемъ, и не удержалъ?... Печего ему и подаваніе давать“! Притомъ же, странно и несправедливо думать о мужикѣ, чтобы онъ лишилъ подаванія, не влюбилъ своего священника за одно прямое исполненіе пастырскаго долга, за то одно, что онъ ему напомнилъ о Богѣ, объяснить всю тягость грѣха убійства и насилія, хотя бы и надъ помѣщикомъ. Иное, конечно, дѣло, если бы сельскій священникъ, не взирая на возбужденное состояніе прихода, сталъ упорно, рѣзко и добровольно, какъ говорится, „распинается“ за интересы помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, расширяя произвольно пастырскую программу,—тогда, можетъ статься, и не одобровать бы священнику; но не въ подобныхъ же подвигахъ должно состоять пастырское отношеніе къ аграрной смутѣ, и воздержаніе отъ нихъ нельзя еще признать требующей извиненія и оправданія пассивностію со стороны духовенства...

III.

Если же Мещерскій дѣйствительно понимаетъ дѣятельное отношеніе духовенства къ аграрному вопросу въ смыслѣ всесторонней и упорной защиты помѣщичьихъ и, вообще, землевладѣльческихъ интересовъ противъ посягательствъ крестьянъ, и если предлагаетъ правительству вспомнить о сельскомъ духовенствѣ, дать ему поддержку съ цѣлію воспользоваться имъ, какъ сподручній силой для проведенія плановъ внутренней политики; то, по правдѣ сказать, не легкую же задачу хочетъ онъ возложить на бѣдную, покорную выю сельскихъ пастырей, и въ ожиданіи ея духовенство невольно должно глубоко вздохнуть и задуматься!.. Оно опытно знакомо съ подобной поддержкой въ исполненіи пастырскаго долга, и не напрасно радовалось, когда, при объявленіи вѣротерпимости, оно, какъ будто, освобождалось отъ этой внѣшней опеки, часто отзывавшейся на направленіи и степени плодотворности пастырской дѣятельности... Но кто же можетъ

усумниться, что именно таково пониманіе нашимъ благожелателемъ служебнаго долга сельскаго священника по отношенію къ переживаемыхъ событіямъ? Отсюда и его тревожное указаніе на пассивное отношеніе священника къ аграрнымъ безпорядкамъ, которое ничуть не можетъ быть названо трусливой и намѣренно-расчетливой бездѣятельностію пастыря, а все сводится къ *невозможности* въ данный моментъ погасить вспыхнувшій стихійный пожаръ одними чисто-пастырскими религіозно-нравственными средствами, и это—уже никто не можетъ поставить въ вину пастырю, кромѣ благожелательнаго князя...

А что наше сельское духовенство никогда малодушно не уклонялось отъ исполненія прямаго пастырскаго долга и теперь дѣлаетъ свое дѣло, что оно способно на самоотверженный подвигъ и при случаѣ не побоится потерять кусокъ хлѣба, говоря и дѣйствуя прямо, безкорыстно и честно,—этого не могъ не признать и не подтвердить самъ Мещерскій въ концѣ своей рѣчи, въ прямое противорѣчіе своимъ же словамъ о сельскомъ священникѣ, что отъ него якобы не мыслимо ждать и требовать какого-либо подвига въ самоотверженіи. Говоря о сравнительно-безмятежномъ, мирномъ и покорномъ состояніи народныхъ массъ со времени 60-хъ годовъ вплоть до послѣдняго бурнаго времени, князь, въ данномъ случаѣ вполне справедливо, объясняетъ этотъ фактъ умиротворяющей, безкорыстной дѣятельностію „забытого и забитого священника, при равнодушіи и даже неуваженіи къ нему правительства“. Но если такъ дѣйствовалъ сельскій священникъ до послѣдняго времени, то почему же,—спросить бы князя,—теперь не можетъ быть и рѣчи о его „подвигѣ въ самоотверженіи“, откуда это якобы „пассивное“, трусливое отношеніе священника къ аграрнымъ безпорядкамъ, изъ котораго и можно его вывести лишь обѣщаніемъ наградъ и поддержки?.. Не ясно ли, что тутъ дѣло въ чемъ-то другомъ, что время на время не указываетъ, и что, поэтому, тоже самое пастырское воздѣйствіе, которое могло поддержи-

вать миръ и безмятежіе народныхъ массъ раньше, и та же пастырская работа священника оказываются теперь уже сами по себѣ недостаточными для умирения обездоленного крестьянства, дошедшаго до отчаянія, до потери благоразумія. Потушить возгорѣвшійся при такихъ условіяхъ народный стихійный пожаръ не во власти священника, это—задача, дѣло другихъ... Онъ, свершая духовный свой подвигъ—воздѣйствуя пастырски на народъ, можетъ только съ горькимъ чувствомъ сожалѣнія и въ сознаніи своей правоты сказать извѣстные слова: *quod potui, feci: facient meliora (et necessiora) potentes!* Несомнѣнно, отъ дѣятельнаго и благотворнаго участія сихъ „*potentes*“ въ судьбѣ народныхъ массъ и зависитъ теперь возвращеніе ихъ къ миру и безмятежю.

Напрасны и суетны, поэтому, кажутся намъ тревожныя рѣчи Мещерскаго о сельскомъ священникѣ, какъ лицѣ, отвѣтственномъ за аграрные беспорядки, за ихъ широкое распространеніе, благодаря, будто бы, его пассивному отношенію къ нимъ; излишни и княжескія напоминанія правительству о сельскомъ духовенствѣ для скорѣйшаго оказанія послѣднему поддержки въ защитѣ имъ помѣщиковъ отъ произвола крестьянъ. Мы уже знаемъ, что сельское духовенство само, по безкорыстнымъ пастырскимъ побужденіямъ, ни мало не рассчитывая на награду и поддержку, всегда было готово и впредь готовится сослужить, при современной смутѣ, вѣрную службу своей родинѣ и своей изстрадавшейся, сбитой съ толка, крестьянской паствѣ. Объ этомъ теперь у духовенства первая дума, первая рѣчь на пастырскихъ сѣздахъ и собраніяхъ; для идейной, плодотворной борьбы съ разрушительной смутой вырабатываются здѣсь дѣйствительныя, надежныя мѣры. И надо надѣяться, что оно никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не покинетъ своего пастырскаго священнаго поста, будутъ или нѣтъ оказаны ему здѣсь поддержка и воздаяніе!

С. В—ій.

Два предразсудка въ дѣлѣ предохраненія людей отъ простуды.

Заболѣванія отъ простуды случаются у людей часто, и это происходитъ, съ одной стороны, оттого, что сами люди допускаютъ многократные и разнообразныя поводы къ ихъ возникновенію, а съ другой стороны—оттого, что однажды пострадавшій отъ простуды органъ становится слабѣйшимъ и болѣе воспріимчивымъ къ новымъ простуднымъ вліяніямъ; такъ что не рѣдко встрѣчаемъ людей, у которыхъ простудныя заболѣванія носа, горла, кожи появляются ежегодно и даже по нѣскольку разъ въ годъ и становятся какъ бы обычными, а иногда они, начавшись однажды, не проходятъ вовсе и переходятъ въ хроническія. Частота и распространенность простудныхъ заболѣваній, естественно, вызывали издавна у людей стремленіе къ употребленію мѣръ и средствъ, предохраняющихъ отъ простуды. Но не вполне правильное пониманіе условій возникновенія и сущности заболѣваній отъ простуды дало возможность, на ряду съ мѣрами рациональными, появиться и утвердиться въ практическомъ примѣненіи мѣрамъ, далеко недостаточнымъ для достиженія данной цѣли, даже иногда приводящимъ къ противоположному нежелательному результату; тѣмъ не менѣе эти несоотвѣтственныя мѣры распространены—частію въ угоду одностороннему теоретическому основанію, а частію благодаря указанію на нихъ, подсказываемому чувствомъ любви и благожеланія. Разсматриваемыя въ данномъ случаѣ предохранительныя отъ простуды мѣры сгруппировались въ два противоположныхъ одинъ другому способа: способъ *закаливанія* *человѣческаго организма* съ цѣлію сдѣлать его устойчивымъ противъ падающихъ на него простудныхъ вліяній и способъ *тщательнаго укутыванія* *человѣческаго тѣла* принадлежностями одежды и другими средствами съ цѣлію не допустить до него ни холода, ни вѣтра.

Для того, чтобы ясно себѣ представить, насколько возможно достиженіе дѣйствительныхъ успѣховъ въ предохраненіи людей отъ простуды посредствомъ этихъ двухъ указанныхъ способовъ, необходимо предварительно себѣ уяснить, какъ возникаютъ простудныя заболѣванія, и въ чемъ состоитъ ихъ сущность.—Самое названіе „простуда“ указываетъ, что это есть дѣйствіе холода (стужи). Но холодъ, дѣйствуя на человѣка, способенъ производить *ознобленіе* разныхъ степеней—отъ красноты до омертвенія; однако эти расстройства не называются простудными. Простудныя заболѣванія, хотя и возникаютъ при участіи холода, но происходятъ иначе. Для возникновенія простуднаго заболѣванія не нужно собственно холода, особенно сильнаго; простуживаются люди и лѣтомъ, когда холода собственно и нѣтъ; температуру въ $+5^{\circ}$ или $+10^{\circ}$ R нельзя назвать холодомъ; наоборотъ—люди хорошо переносятъ температуру и въ -40° R. Обратимся къ примѣрамъ обычнаго появленія простудныхъ заболѣваній. Лѣтомъ сидитъ человѣкъ на балконѣ и пьетъ чай; тѣло нѣсколько разгорячено, кожа нѣсколько потна: дуетъ небольшой вѣтерокъ и обдуваетъ человѣка особенно съ одной стороны; или зимою сидитъ человѣкъ за чаемъ у окна; изъ щелей рамы втекаетъ легкая струя **холоднаго** воздуха и доходитъ до человѣка: легко получается простуда; появляется боль головы, зубовъ, лица, уха и другихъ частей, которыя подвергались обдуванію вѣтеркомъ или дуновенію втекавшей струи. Человѣкъ съ теплой постели встаетъ босою ногою на полъ комнаты: получилъ насморкъ, головную боль. Одѣтый и обутый человѣкъ промочилъ ноги на улицѣ: получилъ насморкъ, боль головы. Человѣкъ, напившись дома горячаго чаю, тотчасъ пошелъ въ холодъ на улицу; или человѣкъ курить, говорить, поетъ на холодномъ уличномъ воздухѣ: получается простуда горла. Человѣкъ, разгоряченный танцами, дыша учащенно, усиленно, глубоко, выходитъ освѣжиться на уличный воздухъ: легко получить воспаленіе легкихъ. Человѣкъ за горячимъ, особенно жирнымъ кушаньемъ пьетъ холодную

воду: получается простуда желудка и кишек. Человѣкъ по-лежалъ на сырой землѣ животомъ, бокомъ: простудилъ животъ, бокъ. Одѣтый всадникъ ѣдетъ въ холодную вѣтреную погоду; колѣна его выдаются, верхняя одежда не пракрываетъ ихъ, и вѣтеръ обдуваетъ ихъ сильнѣе: получается простуда колѣнъ. Прачка мостъ бѣлье то въ горячей, то въ холодной водѣ: получается простудная экзема рукъ. Хлѣбопеки, повара то жарятся у печи, то выходятъ на улицу освѣжиться: получается простуда то кожи, то горла, то внутреннихъ органовъ. Человѣка всего охватилъ вѣтеръ, человѣкъ сильно весь озябъ: получается заболѣваніе внутреннихъ органовъ—то почекъ, то легкихъ, то мозга. Изъ этихъ примѣровъ усматриваются слѣдующія особенности явленій: 1) для возникновенія простуды нужно дѣйствіе не столько сильнаго холода, сколько вдругъ наступающаго и представляющаго рѣзкій контрастъ съ теплотою тѣла; неравномѣрное вліяніе наружной температуры съ быстрыми переходами отъ тепла къ холоду (и обратно—по всей вѣроятности) вызываетъ простудное разстройство¹⁾; 2) фізіологическое состояніе органа и организма можетъ представлять и мало и много благопріятную почву для воздѣйствія простуднаго вліянія: въ раздражительно-чувствительномъ, изнѣженномъ, ослабленномъ органѣ и организмѣ простудныя разстройства возникаютъ легче; 3) простудное разстройство возникаетъ въ той части тѣла, которая охлаждается, при сравнительно достаточной теплотѣ другихъ частей; 4) простудное разстройство возникаетъ не всегда въ охлаждаемомъ органѣ, а иногда вдали отъ него;

¹⁾ Замѣчательно, что рѣзкихъ перемѣнъ въ дѣйствіи тепла и холода не выноситъ все живое: напримѣръ, въ садоводствѣ установлено, что растенія погибаютъ отъ холода (вымерзаютъ) главнымъ образомъ не отъ силы холода, а отъ рѣзкихъ колебаній тепла и холода; постепенно усиливающейся и ослабѣвающей холодъ растенія выносятъ; опытъ показываетъ также, что нѣкоторые хладнокровные организмы (лягушки, рыбы) будучи охлаждены до замерзанія, вновь оживаютъ при осторожномъ постепенномъ оттаиваніи.

5) при охлажденіи наружной поверхности тѣла разстройства возникаютъ иногда, главнымъ образомъ, во внутреннихъ органахъ. Въ чемъ же состоятъ разстройства въ органахъ, вызываемыя простудой? Обычное и быстро наступающее явленіе—боль простуженнаго органа. Взамѣнъ боли можетъ появляться иногда потеря чувствительности или движенія въ простуженномъ органѣ. Боль, потеря чувствительности и движенія—явленія, имѣющія мѣсто въ сферѣ нервной системы. Въ доступныхъ осмотру простуженныхъ органахъ (въ носу, горлѣ, кожѣ) мы ясно видимъ перемѣну въ ихъ состояніи: ткани ихъ становятся покраснѣвшими и опухшими. Покраснѣніе и опуханіе тканей происходитъ въ нихъ отъ прилива и застоя крови, доводящихъ въ дальнѣйшемъ теченіи и до воспаленія.

Значить, простудное вліяніе дѣйствуетъ на нервную систему и на кровеносную систему органа, вызывая въ немъ раздраженіе и даже воспаленіе.—Бываетъ однако (и не рѣдко) такая особенность въ состояніи человѣческаго организма, что нервная система и кровеносная система не во всѣхъ органахъ обладаютъ достаточной устойчивостію и выносливостію; напротивъ, нѣкоторые органы—потому ли, что неоднократно подвергались заболѣванію, — потому ли, что по условіямъ жизни даннаго человѣка работаютъ усиленно и устаютъ,— потому ли, что человѣкъ самъ не бережетъ и разстраиваетъ ихъ, или наоборотъ излишне изнѣживаетъ ихъ,—потому ли, наконецъ, что отъ природы достались человѣку слабыми и болѣе раздражительными,—находятся у людей въ состояніи ослабленнаго питанія, вялой дѣятельности, разстроенными, ослабленными. При этомъ условіи понятнымъ становится то явленіе, что отъ простуднаго вліянія можетъ произойти разстройство въ органѣ слабѣйшемъ, хотя бы онъ находился въ отдаленіи отъ части тѣла, подвергшейся простудному вліянію; въ органѣ слабѣйшемъ могутъ скорѣе и ярче наступить разстройства, чѣмъ въ органѣ охлаждаемомъ, но болѣе крѣпкомъ и устойчивомъ. Процессъ такого отдаленнаго дѣй-

ствія простуднаго вліянія устанавливается и осуществляется на томъ основаніи, что какъ нервная система, такъ и кровеносная, во всемъ тѣлѣ представляетъ органически связанное цѣлое и является связующимъ посредникомъ для отдѣльныхъ органовъ; такъ что переносъ нервныхъ раздраженій и переменъ въ кровополненіи съ одной части тѣла на другую происходятъ самостоятельно и могутъ быть вызваны искусственно. Понятно также, что при охлажденіи обширной поверхности тѣла простудное вліяніе можетъ произвести оттокъ и скопленіе большихъ количествъ крови во внутреннихъ органахъ съ болѣвымъ раздраженіемъ въ нихъ. т. е. вызвать воспаленіе почекъ, легкихъ, мозга и друг.

Теперь рассмотримъ, насколько упомянутые способы предохраненія людей отъ простуды удовлетворяютъ достиженію цѣли. Способъ закаливанія находитъ одобреніе и практикуется чаще со стороны людей крѣпкихъ и сильныхъ. Стоитъ оны вообще въ томъ, что поверхность человеческого тѣла нарочно подвергаютъ дѣйствию холода—или въ частяхъ, обычно подвергающихся простудѣ (шея, туловище, руки, ноги), или всю. Производится это обыкновенно посредствомъ обтиранія полотеницами, смоченными въ холодной водѣ, посредствомъ прохладнаго водяного душа, обливанія холодной водой, погруженія въ прохладную ванну и купанья въ прохладной водѣ. Для дѣтей способъ этотъ примѣнялся и въ другой формѣ, особенно часто лѣтъ 20—25 назадъ. Благодаря тому, что одежда у дѣтей съ этической стороны допускаетъ болѣе свободное пошеніе, устраивали съ цѣлію закалить тѣло дѣтей отъ простуды и носили одежду такимъ образомъ, что шея, верхняя часть груди, руки, колѣна и голени у дѣтей были открытыми, а остальные части тѣла были защищены одеждой и обувью. Горькій опытъ показалъ непримѣнимость этого средства, особенно въ мѣстностяхъ умѣреннаго и холоднаго климата; вмѣсто закаливанія получалось множество простудныхъ заболѣваній. калѣчившихъ дѣтей; и теперь это средство едва ли имѣетъ шансы на распростра-

неніе. Подобно сему и осуществленіе этого способа посредствомъ холодныхъ обтираній, душа, обливанія и купанья также не примѣнимо у дѣтей: обладая легко возбудимой и слабо устойчивой нервной системой, имѣя еще только развивающіеся и не окрѣвшіе другіе внутренніе органы, дѣти не могутъ вынести безнаказанно такихъ насильственныхъ, грубыхъ, естественнымъ порядкомъ жизни не испытываемыхъ раздраженій; ближайшимъ послѣдствіемъ такихъ воздѣйствій, раньше достиженія успѣховъ нервной закаленности и выносливости, у дѣтей появляется повышенная общая раздражительность, особенно повышенная раздражимость и усиленная дѣятельность сердца (сердцебиеніе, головокруженіе, головная боль, грудная боль, одышка при бѣганьи и борьбѣ); а это, при недосмотрѣ, можетъ повести къ большому и постоянно-му разстройству здоровья: дѣти блѣднѣютъ, худѣютъ, становятся раздражительными, теряютъ аппетитъ, плохо спятъ, слабо развиваются. Не только у дѣтей, но и у взрослыхъ, очень чувствительныхъ и слабыхъ особъ, особенно у женщинъ и стариковъ, дѣйствіе холодныхъ обливаній, душа, ваннъ, купаній нерѣдко не переносится, къ укрѣпленію и закаливанію нервной системы не ведетъ, а на сердцеъ отзывается неблагоприятно. Вдругъ дѣйствующій холодъ въ формѣ обливанія, душа, ванны, купанья, есть очень сильный раздражитель организма и у слабыхъ или нѣжныхъ можетъ вызвать остановку сердечной дѣятельности, или спазмъ дыханія, или общій мышечный столбнякъ; у стариковъ нерѣдко вызываетъ удушье и даже мозговой ударъ (кровоизліаніе). Но допуская, однако, что у людей крѣпкихъ и сильныхъ при осторожномъ и методическомъ дѣйствіи холодныхъ обтираній, обливаній, душа, ваннъ, купанья можно достигнуть благотворнаго результата—укрѣпленія нервной системы, все-таки должно помнить, что это благотворное дѣйствіе ограничивается собственно кожными нервами и не устраняетъ, или не уменьшаетъ возможности простуды путемъ прямого воздѣйствія на нервную и кровеносную систему внутреннихъ

органовъ, напр., простуды дыхательныхъ путей вдыханіемъ холоднаго воздуха и проч., или простуды пищепріемныхъ путей глотаніемъ горячаго на холодномъ воздухѣ, холоднаго послѣ горячаго и проч.

Преподаватель *Городецкій*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ Редакціи.

Вышли въ свѣтъ листки *для народа*: 1) Тяжелое время; 2) Предъ выборами въ Государственную Думу; 3) Государственная Дума; 4) Какъ крестьянамъ приобрѣтать землю мирнымъ и законнымъ путемъ, и что нужно, чтобы толково обрабатывать ее (по поводу Высоч. маниф. 3 ноября 1905 г.); 5) О свободѣ, дарованной маниф. 17 окт. 1905 г.; 6) Трудись; 7) Земныя блага; 8) Какъ живутъ и трудятся люди въ другихъ странахъ (въ Германіи, Франціи и Англии); 9) Свобода вѣровать и молиться (по поводу маниф. 17 апр. 1905 г.); 10) О податяхъ и повинностяхъ.

Цѣна за сотню экземпляровъ каждаго выпуска 35 коп. съ пересылкою, кромѣ листка № 8, каждый экземпляръ котораго (брошюрка) стоитъ 3 коп., и № 10 по 1 коп. экз.

За наложенный платежъ прибавлять по 15 коп. на сотню.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 16.** Подписка принимается въ редак-
цію журнала, при Невской духов-
ной Семинаріи.
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

1906-го года апрѣля 16-го дня.

Содержаніе: Двадцать седьмое апрѣля.— Два предразсудка въ дѣлѣ предохраненія людей отъ простуды (окончаніе). — Марьявиты. — За-мѣтка.

Двадцать седьмое апрѣля.

Указомъ 12 февраля сего года Государю Императору благоугодно было назначить днемъ собранія и открытія дѣятельности Государственной Думы *двадцать седьмое апрѣля.*

Что дастъ Россіи, русскому народу, Православной Церкви, грядущій день, напередъ невозможно сказать. Несомнѣнно одно—идеть со всею своею неизвѣстностію на Русскую землю нѣчто новое, чреватое по своимъ послѣдствіямъ. И мысль и чувство невольно работаютъ ускореннымъ темпомъ... Настоящее сливается съ прошедшимъ и будущимъ, и предъумственнымъ взоромъ встаютъ разнообразныя картины будущаго, весьма близкаго будущаго,—освѣщаемыя лучами прошлаго, восполняемыя образами настоящаго. Мы, всѣ русскіе до единаго человѣка, въ настоящее время поставлены предъ

лицомъ неудержимо надвигающагося событія чрезвычайной важности. Готовится рѣшительное измѣненіе всего нашего быта, не такъ еще давно казавшагося непоколебимымъ и вполне для насъ пригоднымъ. Что будетъ?

Готовится или, вѣрнѣе сказать, — *готовятся* для насъ весьма серьезное повое. Но готовы ли мы? Готовъ ли нашъ народъ къ должному воспріятію этого новаго? Съ рѣшительностію мы должны сами себѣ сказать, что мы почти всѣ, притомъ и образованные и необразованные, совершенно не готовы къ надлежащей дѣятельности на новомъ пути государственной и общественной нашей жизни. Прислушайтесь ко всему, что говорится, пишется, прислушайтесь къ своему внутреннему голосу, — и вы увидите, что нѣтъ, положительно нѣтъ ни одного вопроса, относящагося къ будущему, на который мы могли бы отвѣтить и вполне рѣшительно, и тѣмъ болѣе вполне основательно. А вопросы-то подняты послѣдними двумя годами самые существенные для всѣхъ русскихъ людей! Всюду царить какая-то растерянность, отсутствіе болѣе или менѣе выработаннаго плана. Даже народившіяся у насъ въ несмѣтномъ количествѣ политическія партіи не создали еще для себя точныхъ, опредѣленныхъ программъ. Только люди, воодушевляемые злобою противъ всякаго порядка, такъ называемые — крайніе, знаютъ свое дѣло и попрежнему съ бомбами и револьверами наступаютъ на существующій строй политической и экономической жизни нашей... Знаютъ, вѣроятно, что нужно дѣлать, и наши западно-окраинскіе инородцы, но и они знаютъ точно только одно — дѣлать Россію, изгнать русскихъ изъ своей среды, воспользовавшись всѣмъ, что успѣлъ создать для нихъ своею кровію и потомъ — русскій народъ, и что онъ можетъ дѣлать въ будущемъ для охраны ихъ отъ враговъ внѣшнихъ.

Насколько мы растерялись и не знаемъ, что же намъ дѣлать для блага Церкви и дорогихъ историческихъ нашихъ завѣтовъ, легко видѣть хотя бы изъ того, что въ различныхъ епархіяхъ различно до противоположности отнеслись къ од-

ному изъ существеннѣйшихъ вопросовъ, вызванныхъ Положеніемъ о Государственной Думѣ, и въ частности къ вопросу объ участіи православнаго духовенства въ выборахъ и о принадлежности къ той или другой политической партіи: въ однѣхъ епархіяхъ—вопросы эти и епархіальною властію и самимъ духовенствомъ разрѣшались отрицательно, въ другихъ, напротивъ, не только въ положительно-умѣренной формѣ, но даже въ крайней. Въ первомъ случаѣ обыкновенно говорили и увѣщевали духовенство стоять вдали отъ борьбы партій, воздерживаться отъ участія въ самыхъ выборахъ, даже отъ той или другой степени руководства простымъ народомъ—на томъ основаніи, что православному пастырству политическая дѣятельность не свойственна, что такое или иное участіе его въ партійной борьбѣ и самыхъ выборахъ должно будетъ отразиться на дальнѣйшемъ положеніи Церкви въ государствѣ и духовенства среди другихъ сословій. При рѣшеніи же вопроса объ участіи православнаго духовенства въ выборахъ въ положительномъ смыслѣ—одни ограничивали это участіе только тѣми рамками, которыя указаны въ Положеніи о выборахъ, другіе же прямо и рѣшительно приглашали духовенство къ тому, чтобы оно открыто пристало къ какой-либо политической партіи, при чемъ не останавливались даже предъ рекомендаціями партій такихъ, какъ конституціонно-демократическая (нынѣ называемая партіей „народной свободы“) и социаль-демократическая. Что же все это значитъ, какъ не то, что мы, стоя на перекресткѣ, гдѣ встрѣтились разныя дороги, не знаемъ, по которой изъ нихъ мы должны идти? А это, въ свою очередь, означаетъ нѣчто еще болѣе грустное: почему не знаемъ? вѣроятно всего потому, что не думали надъ дѣломъ первостепенной важности, что мы не только теперь,—это *теперь* только насъ показало другимъ,—но и прежде никогда не задумывались надъ существеннѣйшими для нашей дѣятельности вопросами и не разрѣшали ихъ не только для другихъ, но и для самихъ себя. Что же *теперь* будетъ съ нами неподготовленными?! Въ день

двадцать седьмого апреля не поплывемъ ли мы такъ же, какъ въ дни наступающаго половодья шлывуть противъ воли и съ мучительными криками животныя на оторванной неожиданно напоромъ воды льдинѣ?

Не мы одни, сравнительно простые люди, оказываемся не подготовленными. Оказывается, что и люди съ высшимъ образованіемъ и близко стоящіе къ русской исторіи смущены 17 октября (а этотъ день—начало и источникъ всѣхъ нашихъ разномысліи и растерянности) настолько, что не знаютъ, какъ его разсматривать:—актъ 17 октября устанавливаетъ ли у насъ на манеръ Запада конституцію, или только возвращаетъ насъ ко временамъ до-петровскаго самодержавія, Земской и боярской Думѣ? И нѣкоторые изъ таковыхъ „мятущихся“ ученыхъ, въ своихъ поискахъ правды, которая бы удовлетворила нашихъ и „самодержавниковъ“ и „конституціоналистовъ“, прибѣгаютъ къ такимъ сопоставленіямъ, толкованіямъ и аналогіямъ историческимъ, что выходитъ—съ одной стороны, Дума Государственная по 17-му октября, даровавшему ей законодательныя права, учрежденіе съ характеромъ, ограничивающимъ самодержавную власть Монарха, а съ другой—она ничто иное, какъ Земская и даже боярская Дума. А гдѣ дѣйствительная правда,—а она должна быть только одна,—на это не желающіе прямо и открыто смотрѣть ей въ глаза и называть вещи своими именами, не даютъ точнаго отвѣта, такъ необходимаго для самоопредѣленія каждаго русскаго человѣка въ предстоящемъ государственномъ дѣлѣ. Чтобы не было никакихъ сомнѣній для установленія возникающихъ новыхъ отношеній къ Престолу, а съ нимъ и ко всему общественному строю нашей жизни, между тѣмъ крайне необходимо точно знать, чего хотѣлъ, или искалъ новый графъ русской земли г. Витте, когда во время ужасныхъ забастовокъ оповѣщалъ русскій народъ о 17 октября. Въдѣ для русскаго человѣка, безпристрастно и не черезъ западно-европейскія очки смотрящаго на русскую исторію, на русскій народъ, безусловно важно знать, призывается ли онъ

дѣйствительно къ дѣлу государственному, чтобы въ дѣйствительномъ общеніи съ Самодержавнымъ Государемъ служить всему русскому народу, или онъ призывается къ парламентаризму и служенію въ оппозиціи къ Государю на благо и пользу господствующей въ данное время политической партіи? Отъ того или иного рѣшенія этого вопроса зависятъ и самый образъ дѣйствій, и даже спокойствіе духа, и надежды на грядущее будущее. Между тѣмъ мы точнаго отвѣта на этотъ вопросъ не имѣемъ ни отъ Витте, ни отъ безпристрастной науки. Чему же и во имя чего мы пойдѣмъ *теперь* служить,—Самодержавному ли Государю, совѣщающемуся и выслушивающему голосъ народа отъ его представителей—земскихъ людей всякаго чина и званія, или парламенту, не знающему въ точности нуждъ общенародныхъ и не признающему голоса меньшинства, нерѣдко совершенно случайно и искусственно образующагося въ парламентѣ? Кто дастъ намъ отвѣтъ? А главное—мы сами-то предъ своею совѣстію этотъ вопросъ ставили ли и обслѣдовали ли его надлежащимъ образомъ?

Тяжело на душѣ становится, когда мы видимъ эту нашу неподготовленность, но неизмѣримо тяжелѣе дѣлается, когда слышишь, какъ иные въ своихъ стремленіяхъ „истолковать“ актъ 17 октября непремѣнно въ „духѣ освободительнаго движенія“ и всѣхъ излюбленныхъ нѣкоторыми нашими партіями „свободъ“ доходятъ до такихъ „толкованій“, о которыхъ можно только воскликнуть: „Господи, вразуми ихъ!“ Намъ приходилось уже разъ говорить о преосвященномъ Нарвскомъ Антонинѣ, предусматривавшемъ еще въ актѣ 6 августа необходимость „въ лучахъ Преображенія Господня“ „перевертыванья пластовъ русской земли“. Въ настоящее время, предъ лицомъ 27 апрѣля, нельзя пройти молчаніемъ „творенія“ того же преосв. Антонина, откликнувшагося замѣткою „Православіе и 17 октября“ на страницахъ „Слова“ (№ 330, 1905 г.) на представленіе Государю Императору депутаціи отъ „Союза русскихъ людей“, — нельзя пройти молчаніемъ

уже по тому одному, что эта замѣтка слишкомъ уже отчетливо характеризуетъ наше психопатическое время, когда люди съ умопомрачительной храбростью въ цѣляхъ „свободъ“ бросаются даже въ толкованіе тайнъ Божіихъ и дерзновенно-декадентскою мыслию стараются призвать на служеніе „потрясенному уму“ своему само Богооткровенное ученіе въ его непостижимыхъ для здраваго, непоколебимаго ума человѣческаго тайнахъ.

Епископъ Антонинъ, конечно, торжествуетъ, что депутація отъ „Союза русскихъ людей“, въ лицѣ которой „реакція дѣлала покушеніе на молодую свободу нашей родины“, получила „достойное вразумленіе“, и потомъ исповѣдуетъ, что „невольный грѣхъ православія въ томъ, что его доселѣ заставляли нести солдатскую охрану государственнаго режима“, что „священное горѣніе сердець и задушевность церковныхъ молитвъ были культивируемы на пропаганду и защиту общественнаго строя, именуемаго „самодержавіемъ“, и что „этотъ полицейскій мотивъ убилъ церковную искренность и силу авторитета“. Представшая по этому случаю „потрясенному уму“ (слова еп. Антонина) епископа Нарвскаго картина „лобнаго мѣста, съ котораго Іоаннъ Грозный приносилъ покаяніе народу“, обращаетъ этотъ „потрясенный умъ“ къ „христіанской Голгоѣ“. И что же видитъ еп. Антонинъ? Видитъ онъ „не идейную или только постулируемую отвѣтственность, а дѣйствительное реальное страданіе и казнь“, причемъ „клеймо преступника было воспринято самимъ Богомъ для того, чтобы не могли и не выгораживали себя отъ суда никакая чванливость, никакой престижъ и никакая человѣческая высота“. Такъ „спеціально - глубокомысленно и богословски-оригинально“ изъяснивши тайну искупительной жертвы Божіей за грѣхи человѣчества (а не за грѣхи Божіи, какъ глубокомысленно, но, надо полагать, не по-христіански учитъ епископъ Антонинъ) епископъ, — другъ свободы молодой и врагъ самодержавія и „самоуправства“, — приходитъ къ „постулату: на монарха не должна падать отвѣтственность“.

каковая перелagается съ плечъ не непогрѣшимаго монарха „на плечи министра“. Какъ же такое „перекладываніе“ можетъ совершаться, и гдѣ такому необъяснимому съ точки зрѣнія всякой несправедливо неотвѣтственной „чванливости“ явленію найти оправданіе? Оригинально-богословствующій и специально-глубокомысленный епископъ это оправданіе быстро находитъ. „Моя мысль отходить немного въ сторону (мы думаемъ—не немного!): я погружаюсь въ созерцаніе схемы руководящаго жизни міроваго закона. Отвѣтственность, воспринимаемая Богомъ въ моментъ самоощущенія (невѣроятно-глубокомысленно!), раскрываетъ нашему умозрѣнію нѣкоторую процессуальность въ нѣдрахъ Божества (вѣроятно, вспомнились „потрясенному уму“ пласты перевернувшіеся). Богъ какъ бы расчленяется, развертывается и отъ первичной инстанціи обособляется другая. Мы познаемъ перваго и втораго субъекта небесной тріады (Боже, Боже, что за языкъ,—воскликнулъ бы Гоголь!). Межъ ними единеніе, уподобляемое человѣческимъ отношеніямъ отца и сына. Отець—родникъ, носитель силы, сынъ—генетически продолженіе, точная копія отца, но въ новомъ специфическомъ моментѣ отвѣтственности (это—Богъ-то Отець и Богъ-Сынъ отвѣтственны!). Отець—иниціатива, Сынъ—инстанція осуществляющая, производящая, но и *страждущая* (курсивъ еп. Антонина). Богъ Отець въ христіанствѣ какъ бы отступаетъ въ нѣкоторую область неприкосновенности (это, очевидно, на землѣ неотвѣтственный монархъ!); дѣятелемъ, посредникомъ, ходатаемъ между нимъ и землею является Христось (это, очевидно, на землѣ отвѣтственный министръ, напр., нашъ Витте!). Онъ тотъ фокусъ, чрезъ который излучается любовь, благодать и щедроты Отца, и съ другой стороны—въ котормъ преломляются (какъ, очевидно, лучи Преображенія Господня въ перевертываемыхъ пластахъ русскаго народа) мольбы, вопли и горе человѣческое. Имъ, какъ безвинно пострадавшимъ, они какъ бы винтываются (!!) и учитываются, грѣховность поглощается (а не лучше ли то же впи-

тывается!), и каждая вѣрующая душа только въ Немъ и чрезъ Него получаетъ дерзновеніе проникнуть въ область безгрѣшной святости, въ лоно Бога Отца. (Завѣтъ филологически то же, что конституція, поясняетъ еп. Антонинъ). Сила Новаго Завѣта, его спасительность, обновленіе міра, возрожденіе надеждъ—все дано апофеозомъ, обожествленіемъ момента отвѣтственности. Вотъ интуитивный смыслъ Божьяго откровенія троичности (жаль, что еп. Антонинъ забылъ въ той же мѣрѣ глубокомысленно коснуться Третьяго Лица Св. Троицы и указать и Ему „мѣсто“ въ схемѣ міроваго закона и въ процессуальности въ нѣдрахъ Божества, какъ третьяго субъекта небесной тріады). Для улучшенія, облегченія, оздоровленія, спасенія личности, какъ клѣточки бытія, необходимо усвоить и переварить душою біогенетическій законъ, что въ Богѣ родникъ жизни, но въ Немъ же въ ближайшей органической сродченности съ творческимъ актомъ и инстанція живой, дѣйствительной отвѣтственности. Самъ Богъ подклонилъ волю Свою подъ обвиненіе и осужденіе“. Для чего же весь этотъ наборъ словъ иностранныхъ и русскихъ? А вотъ для чего: „гдѣ же послѣ этого мѣсто человѣческому абсолютизму и непогрѣшимости?“, когда, добавимъ мы, продолжая мысль еп. Антонина, Самъ Богъ не абсолютенъ и не непогрѣшимъ! Продолжимъ дальше, чтобы показать, до какого „потрясенія умовъ“ дошли нѣкоторые изъ насъ. Мы каждый день возносимъ Богу Отцу моленіе о томъ, чтобы воля Его осуществлялась на землѣ, какъ и на небѣ. Въ числѣ другихъ мотивовъ въ этихъ словахъ звучитъ и тотъ, чтобы на землѣ все устроилось и протекало по тому типу, какъ то происходитъ на небѣ. Какъ тѣнь небеснаго плана, какъ отраженіе тамошней организаціи и на землѣ должны быть: власть верховная, какъ вдохновляющее, санкціонирующее начало и зиждительная потенція; около нея трансформаторы, распредѣлители и проводники созидательной силы и энергіи, но существенно и непремѣнно всецѣлые и фактическіе отвѣтчики за способъ и послѣдствія дѣйствій. Отсюда начинается отчетъ, судъ и отвѣтственность. Въ этотъ моментъ должны быть кресты, но не одни только орденскіе

на грудь, но и какъ знаки осужденія на спину“. Какая цѣна всей этой философіи,—едва ли нужно говорить. И мы привели выдержки изъ произведенія еп. Антонина только для того, чтобы воочію показать, до какого „потрясенія умовъ“ мы дошли. Отсюда уже не трудно сдѣлать выводъ и относительно того, какихъ *добрыхъ* результатовъ для нашего будущаго можно ожидать, когда мы приступимъ къ дѣятельности въ Государственной Думѣ.

Смущеніе наше предъ наступающимъ 27 апрѣля еще болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что самые выборы въ Думу идутъ, и во многихъ мѣстахъ прошли крайне неблагопріятно для всѣхъ тѣхъ партій, отъ которыхъ всего болѣе можно было ожидать правильныхъ и производительныхъ занятій въ Думѣ. Почти вездѣ во время выборовъ взяли перевѣсъ члены т. н. конституціонно-демократической партіи (она же партія „Народной Свободы“). Къ чему стремится эта партія и что она изъ себя представляетъ, съ несомнѣнною точностію трудно сказать. Дѣло въ томъ, что подъ флагомъ этой партіи во время выборовъ соединились всѣ крайнія партіи—до революціонеровъ-анархистовъ включительно. Въ программѣ же самой партіи находятся такіе пункты, какъ самая широкая автономія (*до личной уни,* хотя этого и не говорятъ открыто) нашихъ окраинъ,—по преимуществу же Польши, Финляндіи, Кавказа и даже Малороссіи, полное равноправіе евреевъ съ допущеніемъ расселенія ихъ по всей Россіи, отобраніе церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ, казенныхъ и даже частно-владѣльческихъ земельныхъ имуществъ въ пользу крестьянъ; вмѣстѣ съ этимъ—кадеты (какъ называютъ обыкновенно конституціонно-демократовъ) требуютъ—самаго широкаго ограниченія монархической власти, отдѣленія Церкви отъ государства и для установленія новаго строя государственно-общественной жизни—Учредительнаго собранія (Французы это называли Національнымъ Собраніемъ и Національнымъ конвентомъ). Имѣя въ виду, что партія кадетовъ сама по себѣ малочисленна, что она одержала побѣду

надъ другими партіями только вслѣдствіе поддержки евреевъ, поляковъ, армянъ и всѣхъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи,—мы убѣждены, что она вслѣдствіе своихъ такихъ союзовъ должна будетъ, вступивши въ Думу въ преобладающемъ количествѣ, принять рѣшительно революціонный характеръ, что неизбежно должно будетъ вызвать на Руси новыя смуты и кровавыя столкновения. Необходимо помнить, что, когда во Франціи въ концѣ 18 вѣка собирались въ генеральные штаты народные депутаты, почти никто не предугадывалъ, къ чему поведетъ это собраніе, чѣмъ больше всего займутся депутаты, такъ какъ послѣдними, по мнѣнію всего общества, были въ огромномъ большинствѣ люди умѣреннаго направленія. А между тѣмъ—что произошло?! Сколько было пролито крови и внесено разоренія въ массы народныя! И все это произошло въ государствѣ съ населеніемъ, совершенно единоплеменнымъ. Вотъ почему мы съ великой тревогой ожидаемъ нашего 27 апрѣля: наши кадеты идутъ въ Думу съ рѣшительною цѣлію разрушать, о чемъ открыто и говорятъ; идутъ дѣйствовать отъ имени всего населенія, отъ имени якобы русскаго народа, а въ дѣйствительности почти исключительно отъ инородцевъ и крайнихъ революціонеровъ-анархистовъ, ученію которыхъ нѣтъ мѣста и свободы даже въ самыхъ свободныхъ государствахъ; что можетъ противоставить ихъ разрушительной дѣятельности не только Дума, но и вся разноплеменная Русь? Мы уже достаточно насмотрѣлись на крайнее легкомысліе русскихъ людей во время выборовъ, когда многіе изъ нихъ шли за кадетами, рѣшительно не вникая въ сущность программы ихъ и неизбежные выводы изъ нея. Соблазняемые разными красивыми приманками, изложенными въ увлекательныхъ положеніяхъ программы (на подобіе французами измышленной „трехвостки“—свобода, братство и равенство), они съ легкой душой шли въ лагерь самыхъ злѣйшихъ враговъ русской исторіи, русскаго имени и, совершая величайшую несправедливость по отношенію къ русскому народу, воображали, что они со-

вершаютъ подвигъ величайшей любви и дѣйствительно-благодѣтельнаго „прогресса“.

Нѣкоторые думаютъ найти для себя и утѣшеніе и успокоеніе относительно будущаго въ томъ, что въ составъ Государственной Думы, какъ и выборщики, проходитъ много крестьянъ, что Дума будетъ „мужицкая“, а потому и консервативная. Мы рѣшительно не раздѣляемъ этихъ упованій. Нужно прежде всего присмотрѣться къ тѣмъ крестьянамъ, которые пойдутъ и идутъ въ Государственную Думу: это въ большинствѣ случаевъ—или крестьяне только по званію, а въ дѣйствительности служащіе въ земскихъ управахъ и потому открыто принадлежащіе къ кадетамъ и даже социаль-демократамъ,—или это крестьяне-бѣдняки малоземельные, которыхъ совершенно не трудно склонить къ какому угодно сторону обѣщаніями земли и иныхъ благъ. Нужно имѣть въ виду, потомъ, и то, вслѣдствіе какихъ побужденій крестьяне выбирали и выбираютъ своихъ выборщиковъ и членовъ Думы: имъ наговорили, что каждый членъ Думы будетъ получать ежедневно по 10 рублей,—такъ зачѣмъ же такіе „гроши“ „попамъ“ и панамъ,—они и такъ довольно ихъ имѣютъ! Такія разсужденія—дики, но съ ними пришлось и приходится считаться. Не менѣе дико и многознаменательно для будущаго и другое разсужденіе крестьянскаго міра, „вотиrowавшаго“ за своихъ избранниковъ: нужно выбирать не „дуже розумныхъ“, потому что „розумные“ съ панамъ сойдутся. Что это значить и къ чему могутъ неразумные повести все дѣло въ Думѣ, не трудно понять. Нельзя рѣшительно уповать и на „природный смыслъ русскаго крестьянина“, могущій подсказать ему, какъ члену Государственной Думы, когда нужно подавать утвердительные и отрицательные голоса, какъ нельзя уповать на стародавнюю приверженность крестьянина къ Церкви Православной и Государю. Дѣло въ томъ, что не только „не дуже розумные“, но разумные въ вопросахъ общественно-политическихъ обладаютъ крайне скудными, чтобы не сказать больше, познаніями. Въ этомъ отношеніи по-

учительны наши земскія собранія, гдѣ обыкновенно присутствуютъ только „разумные“ изъ крестьянъ (волостные старшины). Въ только что закончившейся выборной кампаніи намъ лично приходилось быть свидѣтелями того, какъ легко можно „обойти“ простыхъ людей „простыми же словами“: когда на собраніи неосторожный ораторъ начнетъ называть свои пожеланія настоящими именами (конституція, ограниченіе самодержавія, допущеніе евреевъ ко всѣмъ должностямъ и т. п.), то „простые люди“ приходятъ въ негодованіе и изгоняютъ оратора; когда же болѣе осторожный и опытный ораторъ начнетъ говорить другими терминами, нерѣдко „болѣе зловѣщими“ (напр. учредительное собраніе, автономія, равноправіе для всѣхъ, отобраніе имуществъ въ пользу крестьянъ, о грядущихъ благахъ для всѣхъ бѣдныхъ людей отъ Государственной Думы только изъ лѣвыхъ и т. п.),—ему рукоплещутъ... Вотъ почему, наконецъ, весьма вѣроятны предположенія, что революціонныя партіи и сами кадеты нарочито употребили всѣ усилія, чтобы „мужикъ“, а не священникъ и землевладѣлецъ шелъ въ выборщики и въ члены Государственной Думы: на темноту рассчитывали и рассчитываютъ, и мы думаемъ, что не ошибутся.

Успокаиваютъ себя иные еще и тѣмъ, что сильнѣйшимъ противовѣсомъ слишкомъ „красной“ Думѣ будетъ Государственный Совѣтъ по закону 20 февраля. Что Государственный Совѣтъ будетъ сдерживать „красные“ порывы „красной“ Думы,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что такая дѣятельность Совѣта вызоветъ жестокія столкновенія съ Думой,—а кто выйдетъ изъ этихъ столкновений побѣдителемъ,—это неизвѣстно, особенно, если во главѣ министерствъ будетъ стоять такой человекъ, какъ гр. Витте. Нужно имѣть въ виду и то еще, что всѣ эти столкновенія, на чьей бы сторонѣ побѣда ни оставалась, не могутъ не вызвать волненій среди населенія, не могутъ не раздражать даже наиболѣе спокойную часть этого населенія... Имѣя предъ собою въ прошлыхъ

судьбахъ народовъ примѣры того, къ чему обыкновенно вели столкновенія „двухъ палатъ“, особенно въ началѣ ихъ дѣятельности и при первыхъ же попыткахъ ввести въ жизнь народную новыя начала, мы невольно опасаемся за ближайшее будущее Россіи. И эти опасенія тѣмъ болѣе основательны, что вслѣдствіе многочисленныхъ свободъ, выросшихъ у насъ при покровительномъ участіи гр. Витте, спокойствіе большинства населенія у насъ поколеблено въ значительной степени, что забастовки, чудовищныя аграрныя безпорядки и явно-революціонная пресса, наводнившая своими произведеніями не только города, но и села,—весьма сильно развратила не только фабричный рабочій людъ, но и крестьянство, вслѣдствіе чего смуту вызвать теперь несравненно легче, чѣмъ когда бы то ни было. А что предъ смутой, хотя бы и въ ужасно-кровавой формѣ, торжествующіе кадеты и ихъ союзники не останутся, въ этомъ едва ли кто-нибудь можетъ сомнѣваться. Сомнѣвающимся же совѣтуемъ обратить вниманіе на приемы и тонъ торжествующей кадетской печати: въ ея послѣвыборномъ голосѣ слышится не та истинная радость, которая охватываетъ человѣка при достиженіи имъ искомаго успѣха на благо всего народа, а злобствующая радость дикарей, справляющихъ свою тризну надъ трупомъ убитаго или издѣвающихся надъ захваченнымъ хитростію плѣнникомъ; такъ выражали свою радость наши среднеазіатскіе кочевники, разграбивши караванъ русскихъ купцовъ; такъ радовались вдохновляемые іезуитами поляки, захвативши въ плѣнъ казацкихъ вождей и приготовившись сжигать ихъ въ мѣдныхъ быкахъ или сдирать съ нихъ живыхъ кожу. Такъ радоваться побѣдѣ на выборахъ, какъ радуются наши кадеты и ихъ приспѣшники, могутъ только такія партіи и отдѣльныя личности, которыя шли и идутъ не на водвореніе въ странѣ порядка и правды, благосостоянія и счастья, равноправія и дѣйствительной свободы, а только на разрушеніе и уничтоженіе всего, что смѣетъ иначе мыслить и чувствовать,

чѣмъ они. Это изступленные сектанты-фанатики, ни себя, ни другихъ не щающіе...

Что же дѣлать? Дѣлать нужно много и, что главнѣе всего, настойчиво и быстро. Въ такой короткій промежутокъ времени, какой остается до 27 апрѣля, конечно, многого не сдѣлаешь. Но по нашему личному убѣжденію, 27 апрѣля не конецъ или вѣнецъ дѣла, а только начало, и въ чемъ бы это начало ни выразилось,—потребуется отъ всѣхъ, кто только любитъ свою родину, долговременная и упорная работа. Въ чемъ же она должна выразиться?

Обратитесь къ разсмотрѣнію причинъ, помогшихъ кадетамъ одержать выборную побѣду. Главнѣйшую причину мы видимъ въ значительномъ ослабленіи среди русской интеллигенціи національнаго самосознанія, въ первобытномъ состояніи этого самосознанія среди простого народа. Со временъ Петра Великаго оторванная отъ народа и жившая все время по указаніямъ Запада, наша интеллигенція постепенно утратила то чувство,—глубокое и могущественное, которое связываетъ отдѣльныхъ лицъ данной народности въ одно цѣлое, заставляетъ чутко относиться ко всему, что хотя въ слабой степени затрогиваетъ національную гордость и честь. Для нашихъ интеллигентовъ законы 17 октября и 11 декабря—это просто документы или, пожалуй, трактаты, въ желательномъ для нихъ смыслѣ изъясняющіе права гражданъ; какъ эти документы отразятся на жизни всего *русскаго* народа, въ особенности той его части, которая вкраплена среди другихъ народностей, есть ли въ этихъ документахъ данныя, обезпечивающія быть, *свободу* русскихъ людей въ тѣхъ частяхъ огромной имперіи, гдѣ имъ, русскимъ людямъ, приходилось не десятилѣтіями, а столѣтіями лить свою кровь за право быть русскими и православными,—эти вопросы остались чужды большинству нашего образованнаго и мнимобразованнаго класса, они нисколько не тронули сердца этого тоже русскаго класса, но уже давнымъ-давно оторвавшася отъ русской почвы. Развѣ гдѣ-нибудь, въ ка-

кой-либо другой странѣ возможны такія „космополитическія“ и „альтруистическія“ явленія, какъ резолюціи на Съѣздѣ земскихъ и городскихъ, якобы, дѣятелей, съ совершенно спокойной совѣстью и даже съ радостнымъ сердцемъ раздѣлившихъ Россію на „автономіи“ и великодушно отдавшихъ Польшѣ весь западъ и юго-западъ Россіи чуть-ли не съ самымъ городомъ Кіевомъ? Такія резолюціи возможны только тамъ, гдѣ вывѣтрилось совершенно національное чувство, гдѣ вмѣсто него подъ флагомъ общечеловѣческихъ чувствъ и общаго блага всѣхъ людей господствуетъ только личный эгоизмъ: вѣдь съ даруемыми и пріобрѣтаемыми благами, истекающими отъ свободы, будетъ лучше всего имъ, интеллигентамъ! Вотъ на эту-то сторону нашей жизни и нужно больше всего обратить вниманіе. Школы, общественныя учрежденія, личныя вліянія, проповѣдь—все должно быть направлено на заполненіе опустошенной чуждыми вліяніями души русской чувствомъ любви къ родинѣ, родному народу и ко всему русскому. Не опасайтесь какой-либо исключительности при этомъ. Больше всего нужно опасаться укрѣпленія въ нашей общественно-политической жизни такой формулы: все для другихъ и ничего для своего народа,—каковая формула фактически уже въ послѣднее время прията. Припомнимъ, что дѣлалось у насъ во время японской войны: сколько злобы, ненависти, осужденій и злорадства изливалось русскими на правительство! Сравните съ тѣмъ, что дѣлалось во Франціи при разрѣшеніи вопроса о Морроко! Мы привыкли видѣть и находить на западѣ поучительные для себя примѣры, но совсѣмъ не умѣемъ находить тамъ таковыхъ же примѣровъ изъ области національныхъ вопросовъ,—почему? Потому что если не на словахъ, то въ душѣ и на дѣлѣ забыли свою родину. Къ этому нужно присоединить наше полное почти невѣжество, за рѣдкими исключеніями, въ области родиновѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ этого слова. Развѣ наши, хотя и мнимые, земцы, дѣлившіе на участки въ Москвѣ всю русскую землю между армянами, поляками,

нѣмцами и финляндцами, знали условія прошлой и современной жизни русскаго народа въ отторгаемыхъ ими въ пользу инородцевъ областяхъ? И не знали, и не думали объ этихъ условіяхъ,—для нихъ все заключалось въ разныхъ четырехвостныхъ и иныхъ „либеральныхъ и космополитическихкихъ“ формулахъ.

Простой народъ первобытно любитъ свою родину, своего Царя, свою Церковь. Вслѣдствіе этого его инстинктивную любовь легко обмануть, особенно вначалѣ, и нужны особенныя испытанія, чтобы этотъ инстинктъ вылился въ сознательную форму. Люди зла и злоумышляющіе на Русь этимъ легко и воспользовались и даже пользуются. Вѣдь и кадеты говорятъ народу, что они не противъ Царя и, конечно, не противъ родины! Не договаривая многого изъ своего ученія и соблазняя вполне очевидными и понятными благами, они и подняли руку народную на помѣщиковъ и духовенство. Съ особеннымъ вниманіемъ нужно относиться къ этой сторонѣ духовной жизни народа. Все совершающееся предъ нами и грядущее заставляеть, если мы не хотимъ быть свидѣтелями ужасовъ пугачевщины, серьезно заняться разъясненіемъ народу истинныхъ намѣреній и стремленій различныхъ политическихъ нашихъ партій, особенно же крайнихъ, которыя чаще всего прикрываютъ свои разрушительныя теоріи мнимыми и рѣшительно неосуществимыми благами для простого народа. Одновременно съ этимъ является необходимость всѣми средствами укрѣплять и развивать потрясаемые нашими революціонерами лучшія чувства народа, благо они еще не искоренены. Въ этомъ отношеніи для насъ поучительна самая дѣятельность нашихъ разрушителей. На что они въ своей разрушительной работѣ обращаютъ особенное вниманіе? На то, что служить собственно основой всей жизни народной, всего его міросозерцанія. Это—Церковь съ православнымъ духовенствомъ и Государь съ его неограниченной властію. Разными уловками, чаще же всего начиная съ доступнаго и понятнаго (по отношенію къ Церкви—съ недо-

статковъ духовенства, по отношенію къ Царю—съ мелкихъ чиновниковъ), они стараются поколебать эти устои, воплигъ основательно расчитывая затѣмъ на болѣе или менѣе значительный успѣхъ во всемъ остальномъ. Людямъ же порядка и ревнителямъ истиннаго блага народнаго, въ противовѣсъ злостствующимъ, необходимо укрѣплять, очищать, освѣщать по возможности всесторонне все, что можетъ въ той или другой степени способствовать успокоенію населенія и правильному, спокойному теченію совершенствующейся жизни. Кромѣ того, долгъ пастыря выяснить идущимъ въ Государственную Думу всю важность, отвѣтственность предъ Богомъ и людьми принятой ими на себя обязанности—быть выразителями предъ престоломъ царскимъ нуждъ общенародныхъ, указать на тотъ страшный грѣхъ, который бы взялъ на себя крестьянинъ или кто другой—членъ Думы, измѣнивъ изъ-за корысти или страха предъ кѣмъ-либо вельніямъ своей совѣсти и интересамъ родины. Въ виду же возможныхъ въ недалекомъ будущемъ осложненій настаетъ крайняя нужда сплотить всѣ наиболѣе надежные въ приходѣ элементы въ цѣлое и, опираясь на нихъ, усиленно,—словомъ и дѣломъ, бороться со всѣми враждебными элементами, особенно же съ разнаго рода агитаторами. Опытъ показываетъ, что быстрота и энергія въ такой борьбѣ всегда спасали и спасаютъ населеніе отъ результатовъ обманной дѣятельности агитаторовъ. Отъ соотвѣтствующаго разумнаго участія въ предстоящемъ великомъ народномъ дѣлѣ, какъ дѣятельность Государственной Думы, пастырей Церкви будетъ въ значительной степени зависѣть, чтобы народные избранники имѣли мужество „быть предъ Государемъ его вѣрными слугами, неподкупными, безбоязненными, нелицепріятными, безкорыстными свидѣтелями нуждъ и пользы народныхъ“ и были готовы принести на дѣло духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія нашего дорогого отечества всѣ силы своего разумѣнія, всю чистоту совѣсти при свѣтѣ Христовой вѣры, и чтобы

пославшіе нашихъ представителей своимъ спокойствіемъ под-держали добрую дѣятельность посланныхъ.

Не можемъ не выразить пожеланія, чтобы пастыри Церкви, имѣвшіе счастье попасть въ члены Государственной Думы, взяли въ ней подъ особое свое руководство всѣхъ депутатовъ изъ крестьянъ, особенно изъ разряда „не дуже розумныхъ“.

Только въ дружной усиленной работѣ всего пастырскаго міра на благо Церкви и родины мы черпаемъ для себя утѣшеніе и надежды, что возможная чаша бѣдствій или минеть наше отечество или, по крайней мѣрѣ, не будетъ она переполнена.

М. Ги.

Два предразсудка въ дѣлѣ предохраненія людей отъ простуды.

(Окончаніе ¹⁾).

Способъ укутыванія тѣла для защиты его отъ холода и вѣтра, съ цѣлю предохраненія отъ простуды, примѣняется обыкновенно людьми нѣжными, чувствительными и въ отношеніи людей также нѣжныхъ, — особенно матерями къ дѣтямъ. Способъ этотъ можно бы считать цѣлесообразнымъ и удобнымъ, если бы употребляемые при этомъ средства были безупречны и цѣлесообразно дѣйственны; однако практика показываетъ, что и здѣсь то переходятъ границы нужнаго, то сверхъ ожиданія получаютъ совсѣмъ нежелательные результаты, — и по той, и по другой причинѣ способъ этотъ на дѣлѣ оказывается вреднымъ. — Избавляя организмъ отъ непріятныхъ ощущеній холода и не надѣясь на его выносливость въ отношеніи простудныхъ вліяній, заботливые люди стараются, передъ выходомъ на улицу, возможно больше и теп-

¹⁾ См. № 15-й за 1906 г.

лѣе укутать голову, шею, даже закрываютъ теплыми шарфами и платками ротъ и носъ, уши затыкаютъ ватой, надѣваютъ на себя шерстяную фуфайку, очень теплую мѣховую одежду, мѣховыя перчатки,—словомъ стараются, чтобы ни черезъ какую щель не добрался до теплаго тѣла холодный воздухъ. Достигается дѣйствительно большое согрѣваніе тѣла, даже до испарины. Въ такомъ тепломъ и богатомъ испариной воздухѣ подъ одеждою кожа распаривается и изнѣживается, какъ будто подъ согрѣвательнымъ компрессомъ или послѣ бани. Такая изнѣженная кожа становится чрезвычайно чувствительною къ холоду и не выноситъ слабаго холода и вѣтра. Поэтому для такого закутаннаго человѣка, если дѣйствительно случайно откроется гдѣ нибудь щель въ одѣяніи и откроется холодному воздуху доступъ къ тѣлу, простуда неизбежна. Также грозитъ опасность простуды и въ томъ случаѣ, если такой любитель тепла одѣнется не столь тщательно, и его случайно застигнетъ перемена погоды на улицѣ: не устойчива окажется изнѣженная кожа противъ вліянія холода и вѣтра, неожиданно смѣнившихъ тепло. Мало того, боящіеся холода любители тепла не забываютъ, что и при закутываніи тѣла одеждою остается еще широкій путь для прохода холоднаго воздуха къ тѣлу—черезъ ротъ и носъ. Желая преградить и этотъ путь, они не только закутываютъ ротъ и носъ платкомъ или шарфомъ, но даже пользуются придуманнымъ для этой цѣли аппаратомъ, такъ называемымъ респираторомъ. Респираторъ представляетъ собою тонкую металлическую сѣтку, къ которой присоединяется иногда слой ваты, обтянутую пористой матерей; сѣтка эта прикрываетъ отверстіе рта и держится привязанною къ лицу; а иногда къ сѣткѣ добавляется матерчатый мѣшокъ, закрывающій конецъ носа; соприкасаясь съ теплымъ тѣломъ, металлическая сѣтка нагрѣвается и должна согрѣвать проходящій черезъ нее въ ротъ воздухъ; выдыхаемый черезъ носъ воздухъ въ полости мѣшка (если респираторъ съ носовымъ мѣшкомъ) отчасти удерживается и, смѣшиваясь со вдыхаемымъ воздухомъ, от-

части согрѣваетъ его; ватный слой и пористая матерія замедляютъ проходъ воздуха въ ротъ и служатъ къ очищенію воздуха фильтрованіемъ. На дѣлѣ—средство это и обманчиво, и небезвредно. Природою установленъ первый путь для прохода вдыхаемаго воздуха—именно черезъ носъ, и носъ по своимъ дѣйствіямъ является важнымъ дыхательнымъ органомъ. Дѣятельное участіе носа въ актѣ дыханія выражается въ томъ, что онъ согрѣваетъ и очищаетъ (фильтруетъ отъ пыли) проходящій по его теплымъ, влажнымъ и извилистымъ ходамъ воздухъ, а кромѣ того—и оцѣниваетъ доброкачественность воздуха (обоняніемъ). Дыша черезъ ротъ, чело-вѣкъ не только лишается всѣхъ этихъ услугъ носа, но еще и даетъ возможность холодному воздуху быстро широкою струею проходить черезъ ротъ въ глотку и дальше: не успѣвшій согрѣться воздухъ охлаждаетъ стѣнки этихъ дыхательныхъ путей и вызываетъ простуду зѣва, глотки, гортани, дыхательныхъ вѣтвей и даже легкихъ. Поправка ротового ды-ханія респираторомъ, если и достигнетъ согрѣванія вдыха-емаго воздуха, то совсѣмъ лишена оцѣнки доброкачественно-сти воздуха обоняніемъ, а главное—сама въ себѣ заключаетъ источникъ порчи вдыхаемаго воздуха: въ матеріи и ватѣ респиратора задерживается много пыли, которая здѣсь, при теплотѣ и влагѣ, разлагается, и гнилостные пары, а также испорченный выдыхаемый воздухъ, задержанный отчасти въ носовомъ мѣшкѣ респиратора, примѣшиваются ко вдыхаемо-му воздуху. Ко всему этому случается еще и то, что люди иногда забываютъ о привязанномъ ко рту респираторѣ и по физиологической привычкѣ дышать черезъ носъ. Что касает-ся дѣтей, то пользованіе респираторомъ къ нимъ не примѣ-няется; по всей вѣроятности не удастся пріучить ихъ дышать ртомъ, завязавши его респираторомъ.—Укутываніе носа и рта платкомъ, шарфомъ, а также и навязанный на носъ ма-терчатый мѣшокъ респиратора, помогая согрѣванію воздуха, создаютъ въ этомъ окружающемъ носъ пространствѣ затхлую атмосферу испорченнаго воздуха—и отъ примѣси задержива-

емаго здѣсь выдыхаемаго воздуха, и отъ примѣси пахучихъ паровъ и газовъ, исходящихъ отъ самаго платка и шарфа.— Очень распространено еще также не безвредное средство предохраненія отъ простуды—въ формѣ шерстяной фуфайки, носимой непосредственно на тѣлѣ. Ношеніе шерстяной фуфайки на голомъ тѣлѣ сопровождается нѣсколькими вредными явленіями для здоровья. Шерстяная фуфайка разгорячаетъ голую кожу и вызываетъ усиленную испарину; эта испарина впитывается и удерживается фуфайкой (отчего собственно и зависитъ полезное дѣйствіе фуфайки: не допуская теплой испаринѣ улечиваться далеко отъ тѣла, фуфайка и сохраняетъ тепло тѣла); но эта испарина въ теплѣ разлагается и пропитанная испариной фуфайка черезъ нѣсколько дней становится зловонной; раздраженіе зловонной фуфайкой вызываетъ сыпь на кожѣ; а кромѣ того эта атмосфера испорченныхъ паровъ, окружая грудь, можетъ примѣшиваться и ко вдыхаемому воздуху. Привычка къ фуфайкѣ у нѣкоторыхъ слабыхъ людей становится такъ обязательна, что они не могутъ обходиться безъ фуфайки даже лѣтомъ, избѣживъ свое тѣло до боязни свѣжаго воздуха; лѣтомъ вредныя явленія вызываются фуфайкой въ большей степени.

Потребность въ укутываніи тѣла на уличномъ воздухѣ развивается у многихъ изъ боязни холода вслѣдствіе привычки къ большому теплу въ жиломъ помѣщеніи; многіе любители тепла излишне нагрѣваютъ воздухъ въ комнатахъ, при чемъ воздухъ становится еще богатымъ парами, такъ какъ обыкновенно такіе люди вентиляціи не любятъ и даже естественные вентиляціонные пути черезъ щели въ окнахъ, дверяхъ стараются плотно закрыть и замазать. Такая комната можетъ по своему вліянію и послѣдствіямъ уподобляться теплицѣ. Для защиты отъ холода, съ выгодною не нажить изнѣженности тѣла и не ослабить бодрости и энергіи рабочихъ органовъ тѣла, достаточно имѣть въ жиломъ помѣщеніи,—не сыромъ и не пропускающемъ вѣтра,—тепла въ 14—15° R; важно только, чтобы такая температура въ ком-

натахъ поддерживалась, по возможности, постоянно равномерною.

Необходимо упомянуть и о недавно распространившейся привычкѣ, сдѣланной по требованію моды,—носить мѣховую горжетку вокругъ голой шеи. Являясь совершенно излишнею для здоровья, только какъ модное украшеніе, горжетка, носимая при томъ и на холоду, и въ теплѣ, даже въ жиломъ помѣщеніи, очень нѣжитъ кожу, и что всего хуже—въ томъ органѣ, который обыкновенно бываетъ болѣе доступенъ свѣжему уличному воздуху и который особенно часто подвергается простудѣ. Безразборчивое ношеніе горжетки увеличить во много разъ склонность и случаи простуды органовъ шеи.

—

Если закаливаніе и укутываніе, какъ способы предохраненія людей отъ простуды, не имѣютъ вѣрнаго теоретическаго обоснованія и заключаютъ въ себѣ не мало мѣръ и средствъ, сомнительно-полезныхъ и прямо вредныхъ при практическомъ ихъ примѣненіи, то что же могутъ наука и практика предложить какъ вѣрное, надежное и исполнимое для предохраненія людей отъ простуды?

Первая мѣра по ея важности и порядку примѣненія—это *не привыкать къ теплу, не стараться окружать себя искусственнымъ тепломъ*, памятуя, что организмъ отъ природы снабженъ въ себѣ самомъ аппаратомъ, достаточно охраняющимъ свое тепло. Образованіе тепла въ организмѣ совершается главнымъ образомъ рабочими органами тѣла—мышцами и железами подъ управляющимъ вліяніемъ теплообразовательныхъ центровъ головного мозга; а отдача тепла тѣломъ въ окружающую среду совершается главнымъ образомъ черезъ кожу и легкія также подъ управляющимъ вліяніемъ нервной системы, регулирующей обращеніе крови (ея скорость и массу) въ кожѣ и легкіяхъ и выработку пота кожей. При надающихъ на него охлаждающихъ вліяніяхъ организмъ, рядомъ приспособленій въ дѣятельности органовъ, въ состояніи сохранить свое тепло въ достаточной для здоровья сте-

пени,—конечно въ извѣстныхъ границахъ этихъ вліяній и безъ подавляющей совокупности неблагопріятныхъ условій. Поэтому со стороны человѣка требуется прежде всего не ослаблять этого теплорегулирующаго аппарата, не мѣшать свободному его дѣйствию на все тѣло и не противопоставлять ему, какъ бы нарочито, случаевъ и поводовъ особенно благопріятнаго дѣйствія простудныхъ вліяній. Отъ этихъ-то вредныхъ условій и не свободны способы закаливанія и укутыванія. Напротивъ, отъ человѣка требуется, чтобы онъ помогъ своему теплорегулирующему аппарату, защищая свой организмъ отъ излишней и быстрой потери тепла въ окружающую среду, но отнюдь не стараясь, при здоровомъ своемъ состояніи, заимствовать тепло изъ окружающей среды. Средствами защиты отъ излишней теплоотдачи для человѣка служатъ соотвѣтственно устрояемая и носимая одежда и устраненіе чрезвычайно дѣйствующихъ вліяній холода и вѣтра. Относительно теплоохраняющей роли одежды слѣдуетъ принять во вниманіе, что это полезное дѣйствіе одежды достигается 1) тѣмъ, что подъ нею собирается и удерживается вокругъ тѣла слой теплаго, нагрѣваемаго тѣломъ воздуха; поэтому теплая одежда должна быть достаточно плотна, должна равномерно прикрывать всѣ части тѣла, не должна быть тѣсною или слишкомъ широкою, а должна облегать тѣло свободно; извѣстно, напримѣръ, какъ хорошо защищаютъ отъ холода и вѣтра свободно надѣваемые шинели, ретонды и кавказскія бурки;—2) тѣмъ, что одежда плохо проводитъ черезъ себя тепло тѣла и отдаетъ его окружающему воздуху; этимъ свойствомъ въ достаточной мѣрѣ обладаютъ шерстяныя ткани и вата и въ большой мѣрѣ—мѣхъ. Выборъ ткани для одежды обусловливается конечно климатомъ и временемъ года; но слѣдуетъ признать, что потребность въ пушистыхъ мѣхахъ, разгорячающихъ тѣло, не настоятельна въ умѣренномъ климатѣ; здѣсь достаточно шерстяной и ватной одежды, а мѣховая одежда необходима въ суровыхъ холодныхъ мѣстностяхъ. Надѣваемое на голое тѣло бѣлье всего лучше дѣ-

латъ изъ льняныхъ тканей; поверхъ бѣлья для слабыхъ и обильно потѣющихъ людей можно надѣвать и шерстяную фуфайку, отчего полезное дѣйствіе фуфайки не уменьшается, а вредное устраняется, однако при условіи частаго мытья фуфайки для устраненія ея дурного запаха. Шею и руки, какъ части тѣла, всего чаще испытывающія неравномѣрную внѣшнюю температуру, не слѣдуетъ изнѣживать мѣховыми одеждами; гораздо лучше надѣвать полотняные или шелковые шарфы и перчатки. Слѣдуетъ заботливо беречь ноги отъ охлажденія; обуви должна быть просторная, всего лучше—кожаная; въ холодѣ можно надѣвать шерстяные чулки поверхъ нитяныхъ. Тѣсная, сдавливающая одежда и обувь, а также одежда, не прикрывающая всѣ части тѣла, кромѣ того, мѣшаютъ достаточному дѣйствію теплорегулирующаго аппарата, стѣсная кровообращеніе и угнетая дѣятельность нервной системы.

Необходимо беречь и укрѣплять кожу и дыхательные пути,—органы, чаще другихъ подвергающіеся простудѣ. Заботливое омовеніе кожи, съ приученіемъ ея къ прохлаждѣ, укрѣпляетъ кожу; для этого хорошииъ средствомъ служатъ и баня, и ванна, и купаніе. Никогда нельзя подвергать кожу и дыхательные органы рѣзкому дѣйствію холода и вѣтра, да еще при другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Напримѣръ, разгоряченному и вспотѣвшему человѣку нельзя снимать съ себя части одежды для уменьшенія тягостнаго ощущенія жара; нужно спокойно дожидаться такого состоянія, когда разгоряченіе тѣла пройдетъ. Нельзя допускать вдыханія холоднаго и вѣтрянаго воздуха разгоряченными дыхательными путями. Вдыхать воздухъ необходимо всегда открытымъ носомъ и не надѣяться на респираторъ; поэтому должно заботиться о свободной проходимости и здоровьи носовой полости; между тѣмъ многими насморкъ не считается за болѣзнь и, пока не вызываетъ тяжкихъ расстройствъ, даже не пользуется ни уходомъ, ни леченіемъ; особенно тяжелыя расстройства вызываетъ насморкъ у малыхъ дѣтей; а потому у дѣтей

требуется болѣе тщательный уходъ за носомъ и устраненіе насморка. Не допуская раздраженія дыхательныхъ путей куреніемъ, вдыханіемъ пыли, гнилостныхъ и ѣдкихъ паровъ, воздуха переменнѣй температуры, заботясь объ ихъ чистотѣ и свободной дѣятельности, мы тѣмъ самымъ способствуемъ ихъ укрѣпленію.

Вторая мѣра предохраненія отъ простуды—это *отучиться отъ привычки къ теплу*. Здѣсь требуется строгая осторожность; дѣлать это нужно не вдругъ и все разомъ; нельзя снять теплую шапку, теплый шарфъ, теплое пальто, теплыя галоши, замѣнить ихъ легкими и идти на холодъ и вѣтеръ. Отучаться отъ изнѣживающаго укутыванія нужно начинать съ лѣта; совмѣстно съ этимъ полезно постепенно укрѣплять кожу тепловатыми и прохладными ваннами и купаньемъ; къ зимѣ нужно приучить себя довольствоваться менѣе теплой, а только защищающей отъ холода одеждой, и излишнія укутыванія вовсе оставить. Особенно осторожно нужно отучать отъ привычки къ теплу дѣтей и стариковъ, помня, что у стариковъ выработка тѣломъ тепла ослаблена, а у дѣтей отдача тѣломъ тепла увеличена. Болѣе смѣло можно проводить эту мѣру въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ.

Отучившись отъ привычки къ теплу, можно стараться *приучать себя къ выносливости холода, закалять себя*. Но здѣсь еще строже требуется методическая постепенность и выборъ лицъ для надежнаго использованія этой мѣры. Дѣтямъ, старикамъ, болѣзненнымъ, слабымъ закаливаніе не подъ силу и опасно для здоровья. Приучать къ выносливости холода слѣдуетъ безъ того, чтобы вызывались тягостныя ощущенія или тѣмъ болѣе тяжелыя, хотя и временныя, расстройства; нужно допускать какъ можно менѣе насилія надъ организмомъ. Начинать приученіе къ холоду слѣдуетъ съ дѣйствія на кожу водой такой температуры, которая переносится человѣкомъ легко; нужно помнить, что для нѣкоторыхъ (особенно дѣтей) температура и въ $+27^{\circ}$ R. не кажется теплой; затѣмъ можно переходить къ дѣйствию прохладной

температурой и, не форсируя, доходить до холодныхъ температуръ, не вызывая появленія неблагоприятныхъ явленій, указывающихъ, что такой степени холодъ нельзя примѣнять.

Резюмируя сказанное, мы имѣемъ такія правила относительно предохраненія людей отъ простуды: съ дѣтства слѣдуетъ не привыкать къ теплу, избѣгать изнѣживанія тѣла укутываніемъ и не бояться холода; въ юности необходимо отучиться отъ сдѣланной привычки къ теплу и пріобрѣтенной изнѣженности; при возмужалости и крѣпости организма можно пріучаться къ большой выносливости холода и вѣтра; въ старости остается заботливо беречься и защищаться отъ холода и вѣтра, прибѣгая даже и къ мѣховой одеждѣ и мѣховой обуви; во всѣ же возрасты и при всякихъ состояніяхъ организма необходимо избѣгать тѣхъ условій въ образѣ жизни и окружающей средѣ, когда простудное вліяніе можетъ дѣйствовать сильно и превозмочь; заботиться объ укрѣпленіи тѣла питаніемъ, свободною работою, покоемъ и надлежащимъ уходомъ.

Преподаватель *Городецкій*.

„Марьявиты“.

Въ средѣ католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ появилось теченіе, которое духовныя власти признали „ересью“ и виновныхъ ксендзовъ отрѣшили отъ права совершать священнослуженіе. Суть этой ереси, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ газетъ, такова: „Марьявиты“, прозванные такъ благодаря особому культу Богоматери, или „манкетники“, какъ зоветъ ихъ народъ (въ знакъ смиренія они отказываются надѣвать манжеты), отличаются аскетическимъ образомъ жизни, религіозностью, доходящей до средневѣковаго фанатизма и полнымъ отрицаніемъ матеріальныхъ интересовъ. Человѣкъ, по ихъ толкованію, лишень свободной воли, которую замѣняетъ благодать Божья. Благодать Божья дѣлаетъ излишней науку, благодать Божья отвергаетъ лѣченіе болѣз-

ни, такъ какъ безъ воли Бога никто не умреть и не выздороветь. Всякая общественная дѣятельность вредна, такъ какъ отвлекаетъ отъ молитвы. Сектанты отвергаютъ таинство покаянія, считаютъ себя призванными къ борьбѣ съ Антихристомъ, который уже родился и имѣетъ отъ роду $3\frac{1}{2}$ или $4\frac{1}{2}$ года. Антихристъ проявляется въ разныхъ формахъ: въ видѣ, на примѣръ, политическихъ партій, книгъ масонскихъ и даже крестьянскихъ кооперативныхъ товариществъ.

„Марьявиты“ существуютъ не со вчерашняго дня, но духовныя власти не придавали имъ особаго значенія, такъ какъ ни одинъ изъ уклоняющихся ксендзовъ не отличался ни особымъ умомъ, ни способностями или наукой. Это были все люди простоватые, почти ограниченные,—и аскетическая ихъ жизнь заставляла снисходительно относиться къ ихъ странностямъ, которыя, какъ казалось, не могли вліять на окружающее населеніе. Между тѣмъ въ средѣ этихъ ксендзовъ оказались люди съ амбиціей, которые, видя, что достигли вліянія на окрестное населеніе, пожелали выдвинуться, не остававшись для этого передъ отпаденіемъ отъ католической Церкви. Во главѣ ихъ стоитъ ксендзь Янъ Ковальскій изъ Сobotки около Ленчицы. Этотъ ксендзь уѣхалъ на дняхъ въ Швейцарію, чтобы тамъ добиться сана старокатолическаго епископа и затѣмъ, вернувшись на родину, открыть духовную семинарію. Центръ „марьявитовъ“—это Плоцкъ, гдѣ проживаетъ „святая дѣвица“, нѣкая Козловская, по профессіи прачка, женщина немолодая, имѣющая дѣтей и внуковъ. Этой Козловской Богъ посылаетъ откровенія, которыя оповѣщаются и комментируются съ амвона. Она—высшая духовная инстанція, и даже ксендзы преклоняютъ предъ ней колѣна и цѣлуютъ ея руки. „Марьявиты“ агитируютъ въ средѣ окрестнаго крестьянства не безъ успѣха, хотя слѣдуетъ замѣтить, что успѣхомъ этимъ они обязаны наиболѣе темной и склонной къ религіозному фанатизму массѣ. (Нов. Вр. № 10748).

Замѣтка.

Въ „Донскихъ Еп. Вѣдомостяхъ“ (№ 2 т. г.) пишутъ: Недавно мы получили первый нумеръ за ноябрь—декабрь 1905 г. новаго „Молоканскаго религіозно-экономическаго“ журнала, подъ заглавіемъ: „Духовный христіанинъ“, основанный въ память столѣтняго молоканскаго юбилея 1805—1905 г. Издается въ Тифлисѣ. Программа намѣчена словами св. ап. Павла: „что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте“ (Фил. 4, 8). Отвѣчаетъ ли журналъ по духу своему и направленію святымъ словамъ Писанія, это—другой вопросъ, но важно отмѣтить появленіе его и предостеречь православныхъ, высоко чтущихъ всякое печатное слово, чтобы тѣ „испытывали духи, отъ Бога ли они“ и не вѣрили лъстивымъ словамъ лжепророковъ. „Пусть умолкнуть, говорятъ работники новаго журнала, всѣ разногласія, пусть исчезнуть всякая рознь и раздѣленія, создавшіяся на почвѣ личныхъ отношеній“! Какъ хорошо это сказано. Однако, дальнѣйшее прибавленіе: „Соединимся всѣ предъ благодатной задачей служенія упованію, *завѣщанному намъ предками*“,—уже отзывается духомъ не Христовымъ. Самое необыкновенное сочетаніе въ названіи журнала понятій „религіозности и экономическихъ интересовъ“ показываетъ, съ одной стороны, на двойство задачъ его—превѣчныхъ, небесныхъ, и чисто земныхъ, временныхъ, а съ другой, и на средства къ распространенію религіозныхъ идей извѣстной партіи.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кириллъ.

Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 17.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1906-го года апрѣля 23-го дня.

Содержаніе: *Finita comedia.*—Чѣмъ долженъ быть приходъ. (продолже-
ніе).—Соціализмъ и пастырь Церкви.—Голосъ архипастыря по по-
воду нестроеній.

Finita comedia.

Приходилось ли вамъ, читатель, видѣть картины худож-
никовъ-импрессионистовъ? Лиловое небо, лиловая земля, ли-
ловые деревья, или желтыя растенія, желтыя животныя, зе-
мля, небо—все окрашено въ очень цвѣтовой тонъ. Въмѣсто
опредѣленныхъ и закругленныхъ линій, гармонически соеди-
ненныхъ въ стройное художественное цѣлое,—отдѣльные
штрихи, даже просто мазки, пятна. Это искусственно; это
неестественно, но это производитъ сильное, неотразимое, на-
вязчивое впечатлѣніе, отъ котораго вы долго не можете осво-
бодиться: вы невольно заражаетесь внушеннымъ вамъ настро-
еніемъ.

Такое же впечатлѣніе производитъ эскизь г. В. Розанова „Русская церковь“, появившійся въ „Полярной Звѣздѣ“¹⁾. Это импрессионитская картинка, написанная рѣзкими, ярковышуклыми штрихами, и дѣйствуетъ на читателя неотразимо. Эта неотразимость кроется не въ силѣ логической мысли, не въ философскомъ даже смыслѣ новаго произведенія г. Розанова, а въ настроеніи, выраженномъ въ яркой художественной формѣ. Затрагивая глубочайшую религіозно-философскую проблему и рѣшая ее примѣнительно къ запросамъ переживаемаго нами общественнаго момента, новое произведеніе имѣетъ, конечно, метафизическое и общественное значеніе; но прежде всего оно имѣетъ значеніе субъективное, оно выражаетъ ярко и сильно настроеніе автора, раскрываетъ предъ нами тайну его души и ея трагедію.—„Церковь мертва“—таковъ *leitete motive* произведенія г. Розанова.

„Русская церковь увядаетъ своимъ особымъ способомъ, по своему особому типу, повинуюсь своему особому закону и троекторіи полета, какъ и двѣ другія церкви—католическая и протестантская. Всѣ три церкви страшно быстро понижаются въ своемъ уровнѣ, и это движеніе неудержимо, какъ высыханіе средне-азіатскихъ озеръ, морей, какъ неудержимо исчезновеніе лѣсовъ съ цивилизаціей. Вообще все христіанство, въ его кристаллическихъ, оформленныхъ явленіяхъ (церкви) таетъ; оно гаснетъ, догорая, и уже во многихъ мѣстахъ только чадитъ, даетъ зловоніе и утарь. Вотъ основная идея автора.

„Христіанство вдругъ оказалось ограниченнымъ, не всеобъемлющимъ, не универсальнымъ... Ни которая изъ церквей и, наконецъ, все христіанство не можетъ отвѣтить на самые мучительные вопросы ума, на самые законныя требованія жизни; и цивилизація не столько враждебна къ нему, сколько получаетъ неожиданную возможность, почти невольную необходимость смотрѣть на него почти съ грустью и жалостью,

¹⁾ „Полярная Звѣзда“, 1906-й г., № 8, стр. 524—540.

какъ на младенца, или, пожалуй, какъ впавшаго въ младенчество старичка, который не умѣеть посовѣтовать, наставить выросшихъ своихъ дѣтей, да даже и понять, какъ слѣдуетъ, ихъ горести и нужды не умѣеть же". Таково настроеніе автора; въ немъ соединились боль и тоска разочарованія въ самомъ дорогомъ, самомъ святомъ для сердца, съ жалостью къ этой поверженной во прахъ святынѣ сердца и какою-то смутною надеждою на возможность возврата невозвратно минувшаго.

Какъ настроеніе, такъ и идея новаго произведенія не новы и не неожиданны для насъ. „Жива ли церковь“? спрашивалъ Розановъ и мучился надъ рѣшеніемъ этого вопроса, постоянно возвращаясь къ нему въ своихъ произведеніяхъ. Въ церкви смущалъ его „темный ликъ Христовъ“, и онъ давно уже стоялъ „около стѣнъ церковныхъ“, не рѣшаясь переступить порогъ храма ¹⁾. Долго стоялъ онъ, слушая доносившейся изъ церкви „невѣдомое“ („не всегда все разслышишь, не всегда все поймешь“) и рѣшая все тѣ же мучительные вопросы: жива ли Церковь? Войти ли въ нее или стоять тутъ у стѣнъ церковныхъ? Сердце тянуло туда, въ этотъ храмъ, наполненный сѣрымъ людомъ,—туда, откуда смутно доносились чарующіе звуки, трогающіе сокровенныя струны сердца, пробуждающіе въ душѣ все то чистое, святое, далекое, что связано съ воспоминаніями о золотыхъ годахъ дѣтства. Но воображеніе пугалъ „темный ликъ Христовъ“, строго смотрящій со стѣнъ церковныхъ. Суровые, изможденные лики святыхъ на иконахъ, запахъ ладана, мерцаніе свѣчей подъ темными сводами... А тутъ „клейкіе листочки“, темно-голубой сводъ небесъ, залитый серебряннымъ сіяніемъ луны, пьянящій аромат цвѣтовъ и „до дерзости страстная“ пѣснь соловья... А духъ—искуситель нашептываетъ соблазнительныя, огнемъ страсти жгуція слова:

„Прекрасна ночь—и жаръ любовный
Въ людскихъ сердцахъ сильнѣй горить,

¹⁾ См. сборникъ „Около стѣнъ церковныхъ“ т. 1 и 2-й.

И сонъ блаженный, сонъ грѣховный
 Надъ спящимъ городомъ парить.
 Грудь ищетъ страстно груди знойной,
 Горять уста и взоръ погасъ...
 Туда-ль, мечтатель безпокойный,
 Туда-ль идешь ты въ этотъ часъ?...
 Ужель не знаешь власти чудной
 Земной любви, земныхъ утѣхъ,
 Какъ грѣхъ силенъ, какъ сладокъ грѣхъ!
 Вѣдь Богъ земной—земное наслажденіе!
 Вернись! вернись! вернись! Тебѣ я счастье дамъ“¹⁾ ...

И въ воображеніи, разгоряченномъ ароматомъ ночи, отравленномъ дыханіемъ весны, возстаетъ образъ соблазнительно прекрасной и вакхически сладострастной Афродиты—вѣчно дразнящій и манящій образъ богини любви и сладострастия. И строгія черты Лика Христова дѣлаются еще строже и мрачнѣе предъ этимъ ослѣпительнымъ, переливающимся всѣми радугами земной любви и нѣги, образомъ земной богини. „Ликъ Христовъ“ все тускнѣетъ и тускнѣетъ въ сознаніи, уходятъ все дальше и дальше, а его мѣсто занимаетъ, заполняя сознаніе, чаруя сердце и покоряя волю, образъ языческой богини.

Въ душѣ шла борьба между двумя началами жизни и мысли—началомъ Христовымъ, высшимъ, духовнымъ, и началомъ Діонисовымъ, вакхическимъ (Афродита).

Теперь эта драма душевная разрѣшилась.

Finita comedia (точнѣе—трагедія)! Розановъ разрубилъ Гордіевъ узелъ сомнѣній, покончилъ съ тяжелымъ, большимъ вопросомъ своей совѣсти и рѣшилъ наконецъ... уйти отъ „стѣнъ церковныхъ“, выйти изъ ограды церковной на вольный просторъ жизни. „Церковь мертва—христіанство изжито“; вотъ отвѣтъ на давно поставленный вопросъ.

¹⁾ Минскій Н. „Искушеніе“.

„Христіанство не космологично, говоритъ г. Розановъ, и поэтому не можетъ ни согласоваться, ни съ силою и правомъ противостоять космологичному знанію человѣчества, выросшему въ формѣ наукъ. Религіозное мышленіе, въ предѣлахъ схемы христіанской, давно представляетъ собою усохшую мумію въ драгоценномъ саркофагѣ, о которой никто не замѣтилъ даже момента, когда же именно она перестала жить и дышать. Всегда она была та же; всегда страшилась измѣнить свои черты; всегда считала себя „истиною“. И никто не замѣтилъ времени, когда эта „истина“ съ недвижными чертами перестала быть кому-нибудь нужною и занимательною“. Это отвѣтъ на всѣ мучившіе доселѣ вопросы—отвѣтъ безпощадно суровый и рѣшительный, не оставляющій мѣста сомнѣніямъ; въ немъ сдѣланъ приговоръ прежде всего себѣ самому, своимъ исканіямъ и карамазовскимъ вопросамъ. *Finita comedia!* Все, что волновало, мучило, терзало, вся гамма чувствъ и настроеній—порывы горячей вѣры и мучительныя сомнѣнія, свѣтлая радость и мрачная печать отчаянія—все теперь слилось въ одинъ, полный безнадежности, аккордъ, звучащій, какъ гедіиесъ христіанству, какъ „надгробное рыданіе“ и „вѣчная память“ Церкви.—Православіе монофизитно, говоритъ Розановъ: „все оно выросло изъ одной тенденціи—истребить изъ религіи всѣ человѣческія черты, все обыкновенное, житейское, земное, и оставить въ ней только небесное, божественное, сверхъестественное“. А такъ какъ, продолжаетъ авторъ, смерть представляетъ полную противоположность и отрицаніе жизни, то православіе невольно пришло къ апоѳеозу смерти, которая и является его божествомъ. Но, отвергнувъ жизнь, съ страшной силою оттолкнувъ отъ себя все живое, православіе *eo ipso* обрекло себя на смерть и, вмѣстѣ съ христіанствомъ вообще, „гаснетъ, догорая, и во многихъ мѣстахъ только чадить, даетъ зловоніе и угарь“.

Вы смущены, читатель? Вы поражены силою отрицанія и, м. б., возмущены рѣзкостью, даже грубостью его выраженія? Но—умирите гнѣвъ вашъ; не забывайте, что въ этихъ

мрачныхъ аккордахъ розановской симфоніи вылилась душевная драма автора, раскрылась тайна его души. И мы должны скорбѣть—и дѣйствительно скорбимъ—о мракѣ души автора. Вѣдь это онъ опустошалъ душу свою; вѣдь это „онъ самъ, говоря словами Ницше, разбилъ сердце свое, готовое поклоняться“. И если онъ не ужаснулся еще предъ открывшейся бездной въ своей душѣ, подобно Ницше, со всей силой своего могучаго духа устремившемуся противъ христіанства и не выдержавшему этого ужаса отрицанія; если, говоримъ, Розановъ еще не ужаснулся, то вѣдь рано или поздно онъ долженъ прійти въ тотъ же „мистическій ужасъ“¹⁾. Намъ невольно вспоминается Иванъ Карамазовъ и его знаменитая легенда о великомъ Инквизиторѣ, тонкій и глубокій анализъ которой съ рѣдкимъ мастерствомъ сдѣлалъ г. Розановымъ. Иванъ—этотъ духовный братъ Розанова, передававшій Алешѣ свою поэму, дошелъ до самаго патетическаго мѣста—финала поэмы, когда Христось молча приближается къ старику (инквизитору) и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. „Старикъ вздрагиваетъ. Что-то шевельнулось въ концахъ губъ его; онъ идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ ему: ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда! И выпускаетъ его на „темный стогна града“. Песѣнникъ уходитъ.—А старикъ? спрашиваетъ Алеша.—Поцѣлуй горитъ на его сердцѣ, но старикъ остается въ прежней идеѣ.—И ты вмѣстѣ съ нимъ? и ты? горестно воскликнулъ Алеша.

Иванъ засмѣялся.—Къ чему ты въ такой серьезъ берешь? Я вѣдь тебѣ сказалъ: мнѣ бы только до тридцати лѣтъ дотянуть, а тамъ—кубокъ объ полъ!

— А клейкіе листочки, а дорогія могилы, а голубое небо, а любимая женщина! *Какъ же жить-то будешь, чѣмъ ты любить-то ихъ будешь?* горестно восклицаетъ Алеша.— *Съ такимъ адомъ въ груди и въ головѣ развѣ это возможно?*

¹⁾ Шестовъ Л. „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Ницше“. СПб. 1900 г. стр. 120.

Нтъзъ, именно ты ѣдешь, чтобы къ нимъ (іезуитамъ, направляющимъ подвигъ Христа) примкнуть... а если нтъзъ, то убѣешь себя самъ, а не выдержишь!—Есть такая сила, что все выдержать! съ холодною уже усмѣшкою проговорилъ Иванъ.—Какая сила?]

— Карамазовская... сила низости Карамазовской... *только до тридцати лтъзъ, можетъ быть, и избытну, а тамъ* ¹⁾... И Иванъ Карамазовъ не выдержалъ, какъ не выдержалъ муки отрицанія Ницше, изобразившій весь ужасъ своего отрицанія. „Слыхали-ль вы, говорить онъ, — о томъ безумномъ, который въ ясное утро зажегъ фонарь и побѣжалъ на площадь, безъ умолку крича: „я ищу Бога, я ищу Бога“! Всѣ кругомъ смѣялись. Но безумный бросился въ середину толпы, пронзая ихъ взоромъ, воскликнулъ: „гдѣ Богъ? Я вамъ скажу! Мы его убили, я и вы, мы всѣ его убійцы. Но какъ мы это сдѣлали? Кто далъ намъ губку, чтобы стереть весь горизонтъ? Какъ мы могли испить океанъ? Что мы сдѣлали, когда отдѣлили эту землю отъ ея солнца? Куда стремится она, куда стремимся мы теперь? Не падаемъ ли мы непрерывно назадъ, впередъ, въ сторону, во всѣ стороны? Существуетъ ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечной пустотѣ? Не объаты ли мы дыханіемъ пустого пространства? Не стало ли оно холоднѣе? Не сгущается ли мракъ ночи надъ нами? Не должны ли мы зажигать фонари утромъ? Развѣ вы не слышите, какъ шумятъ могильщики, роющіе могилу Богу?.. Богъ умеръ! Богъ пребываетъ мертвымъ“! Среди молчанія изумленной толпы безумный бросилъ въ концѣ концовъ свой фонарь на землю и разбилъ его на куски ²⁾)...— Тутъ пророчески изображена судьба самаго Ницше—этого гениальнаго безумца.

¹⁾ „Братья Карамазовы“ Ч. 1-я. стр. 312—313. Изданіе Маркса. СПб. 1895 г. Курсивъ нашъ.

²⁾ Ф. Ницше. „Веселая наука“ (Die fröhliche Wissenschaft), § 125.

Розановъ страшно близокъ, духовно близокъ Ивану Карамазову; но близокъ также „Ницше, близокъ по духовному складу и своимъ идеямъ: не даромъ нѣкоторые склонны видѣть въ немъ даже русскаго Ницше ¹⁾). Если это такъ, то глубока должна быть трагедія его души, и мы невольно задаемъ себѣ Карамазовскій вопросъ: „какъ же жить-то будетъ, чѣмъ онъ любить будетъ?.. Съ такимъ адомъ въ груди и въ головѣ развѣ это возможно“? Мы не пророчествуемъ и не хотимъ пророчествовать о судьбѣ нашего, хотя и не Ницше, но несомнѣнно талантливаго писателя; но мы хотимъ указать, что Розановъ, желая изобразить мирную трагедію—трагедію смерти христіанства вообще и русскаго православія въ частности, въ мрачныхъ аккордахъ изобразилъ трагедію своей души,—трагедію духовной смерти своего „я“. Онъ себѣ поетъ requiem, но не Церкви и христіанству. Онъ хотѣлъ Церкви сказать грозное: „memento mori“, но сказалъ это себѣ самому. Съ нимъ повторилось старое, но вѣчно новая исторія пророка Валаама. „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь“ (Рим. 12, 19). А Церковь?—Церковь живетъ—живетъ и молится. Она вѣчно будетъ жить и будетъ молиться—*„о всякой душѣ христіанской скорбящей и озлобленной“*... 2000 лѣтъ уже вокругъ нея мятутся народы, возстаютъ царства и исчезаютъ, воздвигаются гоненія—кровавыя, лютыя—и затихаютъ, и вновь поднимаются ученые, философы, преслѣдуя словомъ, напрягая всю силу геніальнаго ума, чтобы поколебать ея незыблемое основаніе. А она стоитъ, какъ и 2000 лѣтъ назадъ, и совершаетъ свое великое дѣло. „Спокойнымъ окомъ зреть она, какъ вѣкъ за вѣкомъ, волна за волной, гроза историческихъ тревоженій, потоки страстей и мыслей человѣческихъ клубятся и мечутся вокругъ Камня, на Которомъ она утверждаетъся; зреть и не смущается, ибо вѣрять въ Его несокрушимость, Камень этотъ—Христось“ ²⁾).

¹⁾ Хотя между ними, конечно, громадное разстояніе.

²⁾ Хомяковъ А. С. Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 255.

Розановъ, какъ видно изъ сказаннаго, желаетъ свою личную драму объективировать и сдѣлать ее міровой трагедіей¹⁾; и это имѣетъ свой *raison d'être*, потому что изображаемая имъ душевная драма выходитъ за границы индивидуальности, хотя и не имѣетъ мірового значенія. Несомнѣнно, ту же драму переживаетъ въ извѣстной части и наше общество. Розановское настроеніе является для нѣкоторой части нашего общества, особенно интеллигенціи, типичнымъ и характернымъ настроеніемъ настоящаго момента. Многіе въ переживаемый нами острый моментъ общественной жизни мучатся, часто сами не сознавая того, розановскимъ вопросомъ, — и онъ своимъ произведеніемъ даетъ исходъ ихъ мучительнымъ сомнѣніемъ: онъ своимъ рѣшеніемъ подсказываетъ отвѣтъ на ихъ мучительный, но не ясно сформулированный вопросъ. Розановъ чуткій и талантливый писатель, онъ умѣетъ затронуть созвучныя ему струны современной души; онъ можетъ заставить биться въ унисонъ своему родственныя ему сердца. И мы не удивимся, если въ тотъ моментъ, когда на горизонтѣ нашей церковной жизни занимается заря свѣтлаго будущаго, многіе, доселѣ молчавшіе, на обращенный къ нимъ призывъ Церкви скажутъ: „Церковь мертва, да и все христіанство гаснетъ, догорая!“ Мы не удивимся, если даже многіе, слѣдуя призыву „властиителя душъ“ своихъ, уйдутъ изъ оградъ церковной... Но все это не означаетъ и не говоритъ о смерти Церкви. „Говорятъ, что Церковь наша безжизненна, писалъ еще Гоголь: это ложь. Церковь наша это и есть сама жизнь. Мы трупы, а не Церковь наша“. Церковь наша переживаетъ тяжелый моментъ; Розановъ со свойственной ему наблюдательностью подмѣтилъ это, но преувеличилъ опасность, сгустивъ краски, принялъ временное недомоганіе за смертельный недугъ и, прежде времени, сталъ читать „отходную“. Но Церковь жива и „уже готовится она,

¹⁾ Таково свойство талантливыхъ, одаренныхъ сильною индивидуальностью натуръ.

скажемъ словами Гоголя, вступитъ въ полныя права свои и засіяетъ свѣтомъ на всю землю... Блеснетъ сокровище (которое среди насъ, и котораго мы не видимъ), и на всемъ отсвѣтится блескъ его. Не умретъ изъ нашей старины ничего, что есть въ ней истинно русскаго, и что освящено Самимъ Христомъ. Разнесется звонкими струнами поэтовъ, развозвѣстится благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшій свѣтъ любви смиренный и возсіяетъ свѣтъ Христовъ“. Розановъ поспѣшилъ уйти отъ „стѣнъ церковныхъ“. Вотъ уже гудятъ колокола, несется звонъ торжественный, пасхальный. Они поютъ: „Христось воскресъ“! И вторятъ имъ со всѣхъ сторонъ: и хоры звѣздъ, и дальній лѣсъ, и люди, ангелы съ небесъ, и все поетъ: „Христось воскресъ! Воистину Христось воскресъ“!

Услышитъ ли онъ ихъ, вернется ли!—Въ мрачной Рязанской семинаріи есть одинъ слабый, едва слышный аккордъ, который можетъ разростись въ торжественный гимнъ, въ побѣдную пѣсню Воскресшему изъ мертвыхъ. „При пониманіи недостатковъ (въ Церкви), говоритъ Розановъ, ее больно критиковать, хочется ей все извинить, со всѣмъ примириться и умереть все-таки православнымъ, даже при отрицаніи почти всего въ православіи. Это—одна изъ тайнъ „русской вѣры“... Да, это тайна глубокая... Не эта ли тайна вызвала слезы у гр. Л. Толстого, когда онъ, давно оставившій Церковь, зашелъ въ храмъ при погребеніи брата своего и, поставивъ гробъ, быстро удалился изъ церкви, закрывъ лицо руками? Не воскреситъ ли она въ авторѣ вѣру въ Воскресшаго и не раскроетъ ли сердце его навстрѣчу грядущему Христу? Тутъ завѣса: будущее сокрыто отъ насъ... А теперь—*finita comedia*.
Анатолій Макаковъ.

Чѣмъ долженъ быть приходъ?

(Продолженіе ¹⁾).

Юстиніаново законодательство о правахъ мірянъ на участіе въ управленіи церковью не могло удовлетворить тѣмъ строго клерикальнымъ принципамъ, которые проводилъ на Западѣ Римъ. Юридическимъ основаніемъ всѣхъ правительственныхъ правъ въ церкви являлось не обладаніе какими бы то ни было гражданскими правами, хотя бы и правомъ собственности на церковь, и даже не принадлежность къ клиру, какъ *ecclesia regnans*, а только порученіе со стороны высшей власти, въ концѣ концовъ—папы.

И на приходъ римская церковь смотрѣла, какъ на низшее административное дѣленіе церкви, въ предѣлахъ котораго, настоятелю его (пароху) принадлежитъ осуществленіе предоставленной ему юрисдикціи. Ктиторскія права Юстиніанова законодательства являлись на Западѣ тѣмъ болѣе неудобными, что даже сельскія церкви въ большинствѣ случаевъ принадлежали не приходамъ, а средневѣковымъ баронамъ, не склоннымъ подчиняться чьему бы то ни было надзору вообще, и епископскому—въ частности. Папы вообще были противъ собственности частныхъ лицъ на храмы: при первой возможности они требовали, чтобы строитель отказался въ пользу церковныхъ учрежденій отъ своихъ правъ собственности на устроенную имъ церковь и ставили этотъ отказъ условіемъ ея освященія. Но условія средневѣковой жизни не давали возможности провести этотъ принципъ съ выгодой для церкви, и папы пошли на компромиссъ. Они признали за ктиторами или—какъ называли ихъ на Западѣ, патронами церквей, отдѣльныя права, предоставленныя имъ и Юстиніаномъ, но видѣли въ нихъ лишь привиллегію, данную имъ церковью въ виду особыхъ услугъ, оказанныхъ ими

¹⁾ См. № 14 за 1906 г.

данному церковному учрежденію. По отношенію къ церквамъ услуги эти выражались въ томъ, что патронъ отводилъ свою землю подъ постройку церкви, выстраивалъ или возобновлялъ зданіе и, наконецъ, обезпечивалъ содержаніе ея и ея служителей. Со времени папы Александра III, реформировавшаго, такимъ образомъ, западный *jus patronatus*, послѣдній очень отличается отъ своего предшественника, восточнаго ктиторскаго права. Право собственности на церковь, служащее на Востока источникъ ктиторскихъ правъ—на Западѣ игнорируется: *jus patronatus* есть лишь духовный придатокъ къ праву собственности *spiritu de annexum*, приобретаемый въ силу особой привилегіи.

Патронъ въ церковномъ управленіи дѣйствуетъ не въ силу собственнаго права, а лишь въ силу порученія отъ церковной власти, хотя бы порученія, даннаго разъ навсегда. Уже это одно являлось огромнымъ приобретениемъ для церкви, давая возможность сохранить теоретическую неприкосновенность основнаго принципа церковнаго управленія. Но и по объему принадлежащихъ имъ правъ ктиторъ и патронъ далеко не тождественны. Ктиторъ подлежалъ лишь извѣстнымъ ограниченіямъ въ правѣ пользованія и распоряженія принадлежащею ему церковью: право его опредѣлялось, какъ право дѣлать все, что могутъ дѣлать собственники священныхъ вещей. Патрону принадлежали лишь отдѣльныя, точно обозначенныя и перечисленныя права, которыя не подлежали распространительному толкованію. Самое существенное право патрона, право предлагать кандидата на открывшуюся вакансію при патрониремой церкви подверглось существенному измѣненію съ появленіемъ реформаціи.

Католическая церковь упорядочила приходъ, такъ сказать, съ внѣшней стороны. Германскіе протестанты принуждены были принять этотъ строй, несмотря на противорѣчіе его принципиальнымъ взглядамъ протестантизма на церковную общину. Дѣло въ томъ, что сохраненіе этого строя было не-

обходимо для протестантовъ въ видахъ реформы внутренней жизни прихода. Съ ихъ точки зрѣнія католическое населеніе прихода во многихъ отношеніяхъ представляло изъ себя крещеныхъ язычниковъ, которыхъ предстояло еще обратить въ христіанство, научивъ основнымъ истинамъ вѣры. Пасторъ и долженъ былъ быть такимъ миссіонеромъ, служителемъ слова (*minister verbi*). Для требоисполнительства въ протестантизмѣ мѣста почти не оставалось, такъ какъ на самыя католическія требы протестанты смотрѣли съ ненавистью, какъ на идолопоклонство. Въ стремленіи упростить обрядность они дошли до полнаго почти ея уничтоженія. Богослуженіе ихъ сводится въ сущности къ устной проповѣди пастора, все же остальное въ немъ составляетъ лишь несущественную прибавку къ ней. Но очевидно, что для такого служителя слова возможно обширное образованіе являлось не только желательнымъ, но и обязательнымъ, отсутствіе же его представляло бы непреодолимое препятствіе для осуществленія этой миссіи.

Успѣхи протестантовъ на почвѣ проповѣди заставили и католическую церковь позаботиться о лучшей постановкѣ дѣла пастырства въ католическихъ приходахъ и о необходимомъ для этого повышеніи ценза духовенства. Отъ кандидата въ патеры или пасторы стали обязательно требовать соотвѣтствующей подготовки къ пастырству. Молодой человекъ, желающій посвятить себя на служеніе церкви, долженъ пройти соотвѣтствующій курсъ спеціальнаго заведенія и затѣмъ сдать установленный церковною властію экзаменъ для удостовѣренія пригодности его къ пастырству. При такихъ условіяхъ принадлежащее патрону право представленія кандидатовъ, по буквѣ оставаясь прежнимъ, по существу подверглось коренному измѣненію. Если прежде патронъ могъ представить лицо совершенно неизвѣстное церковной власти, то теперь выборъ его фактически ограниченъ лишь кандидатами уже испытанными и одобренными церковною властію. Прежде патроны опредѣляли самый личный составъ духовенства; теперь этотъ

составъ опредѣляется церковною властію, отъ патроновъ же зависитъ лишь распредѣленіе наличныхъ его представителей. Принимая во вниманіе, что число этихъ представителей не можетъ быть чрезмѣрно велико, и что при всемъ томъ дѣятельность патрона находится подъ контролемъ церковной власти, мы поймемъ, что отъ права патрона представлять кандидата, какъ оно понималось встарину, въ дѣйствительности осталось очень мало.

Но и въ такомъ видѣ право предоставленія вызываетъ въ настоящее время возраженія и со стороны католической іерархіи и со стороны протестантовъ. Католики, хотя большинство католическихъ приходо въ Германіи суть приходы патронируемые, считаютъ нормальнымъ способъ замѣщенія приходскихъ вакансій по свободному выбору епископа (т. наз. *collatio libera*), замѣщеніе же патрономъ (*collatio non libera*) считаютъ за отступленіе отъ нормы, которое уже по этому одному желательно уничтожить. Тѣмъ болѣе, что вопросъ о томъ, кому принадлежитъ вещный патронатъ, рѣшается свѣтскимъ судомъ, и по свѣтскому закону, патрономъ католическаго приходскаго храма можетъ быть и не католикъ. Для протестантовъ же права патрона противорѣчатъ ученію о принципиальномъ равенствѣ всѣхъ членовъ общины въ правахъ церковнаго управленія.

На Востокѣ ктиторское право осталось на прежнихъ основаніяхъ, и служитъ однимъ изъ источниковъ приходскихъ неурядицъ въ дѣлѣ пастырства. Константинопольскимъ патріархамъ и въ XIX вѣкѣ приходилось воспрещать отдачу приходо въ на откупъ мірянамъ. Такіе откупщики пользовались всѣми доходами отъ церкви, а для богослуженія нанимали какого-нибудь священника. Священники находились въ полной зависимости отъ епитроповъ (приходскихъ старостъ). Они продавали священническія мѣста, для чего произвольно увеличивали число ихъ въ зависимости отъ числа покупателей. Въ самомъ К—лѣ духоузенство было нѣсколько ограждено отъ этого грубаго про-

извола лишь въ 1887 г., когда было объявлено, что священника не будутъ переводить на другой приходъ раньше истеченія года по его назначеніи, а епитропы, добивающіеся перевода священника, обязаны доказать его вину. Уже по этимъ распоряженіямъ мы можемъ судить о размѣрахъ тѣхъ злоупотребленій, которыя прежде и за злоупотребленія не считались, а были въ порядкѣ вещей. То же наблюдаемъ мы и въ древнерусскомъ приходѣ въ зависимости отъ той же системы. Тотъ же невысокій цензъ и невысокія личныя качества духовенства, та же его необеспеченность и зависимость отъ произвола прихожанъ. Для насъ представляется страннымъ, что приходъ рядилъ священника на опредѣленный срокъ, напр., на годъ; но это не было еще худшимъ. Мы находимъ ту же систему отдачи церквей на откупъ попамъ даже въ такомъ передовомъ въ древней Руси городѣ, какимъ былъ Новгородъ. Къ чему сводилось пастырство такихъ поповъ-откупщиковъ, догадаться объ этомъ не трудно. Борьба противъ недостойнаго духовенства была безплодною, хотя не было недостатка въ архіереяхъ, желавшихъ повысить уровень духовенства. Изъ нихъ мы указали бы для примѣра на архіепископа новгородскаго Ілію-Іоанна (1164—1186). Этотъ популярнѣйшій въ Новгородѣ владыка—патріотъ, герой народныхъ легендъ, избранъ былъ изъ новгородскихъ священниковъ и, конечно, лично зналъ, какъ своихъ товарищей, такъ и ихъ недостатки. И вотъ онъ въ первой же своей рѣчи при вступленіи на кафедру предложилъ лицамъ, сознающимъ свое достоинство, добровольно сложить свой санъ, не вынуждая его подвергать ихъ суду, и въ такомъ случаѣ тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ поповство было единственнымъ средствомъ пропитанія, обѣщалъ выдавать пособіе изъ архіерейской казны. Судя по этой рѣчи, Ілія былъ архіереемъ въ своемъ родѣ единственнымъ, но и онъ не могъ добиться положительныхъ результатовъ. Дѣло было собственно не въ однихъ попахъ, а въ общемъ строѣ церковной и приходской жизни. Священникъ фактически назначался

прихожанами, которые ища пона-ремесленника, конечно, не находили священника-пастыря.

Появленіе раскола и необходимость борьбы съ нимъ дало толчокъ къ реформѣ прихода и пастырства. Направленіе и характеръ этой реформы опредѣлены были мѣрами, принятыми Петромъ Великимъ. Мѣры эти вообще должны были сводиться: 1) къ упорядоченію храмоустройства въ связи съ необходимостію опредѣленія состава и границъ приходоу, и 2) къ правильной постановкѣ пастырства въ приходѣ. Вопросъ о храмоуздательствѣ, какъ мы видѣли, былъ регулированъ уже Юстиніаномъ, законодательство котораго на этотъ счетъ вошло и въ кормчую книгу. Петръ В. началъ съ того, что совершенно уничтожилъ право частныхъ лицъ устраивать неприходскія церкви, а существующія уже предписалъ запечатать и разобрать, чтобы собственники ихъ не гордились, а ходили въ приходскія церкви. Если же кто выстраивалъ приходскую церковь, то и по отношенію къ ней онъ не пріобрѣталъ черезъ это никакихъ юридическихъ преимуществъ, сравнительно съ прочими прихожанами. Этимъ ктиторское право Юстиніана было совершенно уничтожено, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженъ и фундаментъ, на которомъ было построено приходское самоуправленіе въ Византіи и древней Руси. Отъ Юстиніанова законодательства осталась лишь система ограничительныхъ условій для храмоуздательства вообще и прежде всего, кромѣ само собою подразумѣвающагося требованія предварительнаго согласія архіерея, требованіе полного обезпеченія храма и причта при немъ. Требованіе это не только строго соблюдалось, но и было положено въ основу раздѣленія территоріи русской церкви на приходы, въ основу такъ называемыхъ приходскихъ штатовъ. Предписывая, чтобы въ приходѣ было не менѣе такого-то числа дворовъ, или въ послѣдствіи—душъ, законодатель имѣлъ въ виду прежде всего обезпеченіе духовенства въ связи съ уменьшеніемъ его числа (послѣднее интересовало Петра В. едва ли не болѣе, чѣмъ первое).

Даже комиссія 1863 г. стояла на той же точкѣ зрѣнія и въ видахъ улучшенія быта духовенства закрывала и такіе приходы, которые потомъ пришлось открывать вновь.

Проф. *Пл. Соколовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Соціалізмъ и пастырь Церкви.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась въ русскомъ переводѣ книга проф. Штейна „Соціальный вопросъ съ христіанской точки зрѣнія“ (СПб. 1900). Трактую, между прочимъ, о значеніи религіи для соціального дѣла, названная книга, кажется, является послѣднимъ словомъ западнаго соціализма по данному вопросу и можетъ служить выразительницею тѣхъ требованій и претензій, съ какими современный соціализмъ можетъ обратиться къ религіи, Церкви и духовенству.

По ученію Штейна, современная религія должна замѣнить традиціонную любовь къ Богу любовью къ человѣчеству и вмѣсто вѣры въ Бога поставить вѣру человека въ самого себя, въ свои силы. Идеаль будущей жизни долженъ исчезнуть, и люди все болѣе и болѣе должны объединяться новымъ идеаломъ этой здѣшней жизни, который можно выразить въ формулѣ: воспитаніе высшаго типа человека. Въ связи съ такимъ измѣненіемъ религіознаго сознанія человѣчества должна измѣниться и дѣятельность клира. Его дѣятельность должна теперь заключаться въ томъ, чтобы нравственный идеаль свести съ неба на землю и наглядно показать его человеку. Вмѣсто усовершенствованія человѣческой души въ будущей жизни должно энергически настаивать на усовершенствованіи человека въ этой жизни. Омірщенный клиръ можетъ достичь этой цѣли только въ томъ случаѣ, если онъ столь же основательно займется общественными науками, какъ до сихъ поръ онъ занимался догмати-

кой. Онъ долженъ обладать достаточными свѣдѣніями въ политической экономіи, статистикѣ и общественной философіи, чтобы указать слушателямъ на необходимость постоянного и сознательнаго роста человѣческой солидарности, на необходимость выработки высшаго человѣческаго типа не потому, что таково велѣніе небесныхъ силъ, а потому, что это есть необходимый постулатъ общественной науки. Ради почтенія къ прошлому онъ можетъ черпать свои аргументы и изъ откровенія или преданія, но при этомъ его общественно-философское образованіе должно стоять на высотѣ современныхъ научныхъ представленій, такъ какъ онъ обязанъ не только на минуту господствовать надъ человѣческими чувствованіями силою своей реторики, но прежде всего подчинить себѣ человѣческій разумъ силою своей логики.

Дѣйствуя такъ, новые пастыри могутъ оказать огромную услугу дѣлу скорѣйшаго социализированія человѣчества. Имъ, говорить проф. Штейнъ, открыты такія уши, до которыхъ пока не доходятъ наши голоса; въ паосѣ ихъ есть такіе мягкіе ласкающіе звуки, которые встрѣчаются на полдорогѣ съ настроеніемъ слушателей и которые намъ были бы совсѣмъ не къ лицу. Если же наша логика соединится съ ихъ паосомъ, то появится такая психическая сила, такая власть внушенія надъ массами, о какой мы даже и представить себѣ не можемъ при теперешнемъ раздѣленіи этихъ двухъ факторовъ.

Научно-гуманитарные и социальныя мотивы должны руководить дѣятельностію клира. Если же послѣдній будетъ держаться за прошлое съ его сверхчувственными мотивами общественной жизни, то онъ неизбѣжно уляжется въ ту же могилу, въ которой навѣки похоронены всѣ прежнія экономическія и общественныя теоріи ¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе содержаніе книги проф. Штейна изложено мною въ статьѣ „Требованія къ духовенству со стороны новѣйшей социологіи“. „Руков. д. сельск. наст.“ 1902, № 32.

Такия требованія предъявляются духовенству новѣйшимъ социализмомъ. Но если нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти требованія (у насъ) могли еще носить до нѣкоторой степени отвлеченный, книжный характеръ, то теперь ихъ выдвигаетъ сама жизнь. Въ настоящее время вмѣстѣ съ политической и социальной агитаціей въ народную жизнь готовится сразу хлынуть цѣлый потокъ новыхъ идей, мыслей, системъ. Проповѣдники социализма при этомъ стараются прежде всего разсѣять религіозныя вѣрованія „рабовъ земли и мастерскихъ“, призывая ихъ искать свой рай не въ небесахъ, а здѣсь, на землѣ. И пастырѣ церковный, если онъ не хочетъ остаться безучастнымъ зрителемъ того, какъ „волкъ распудитъ овцы его“, долженъ выступить здѣсь съ пастырскимъ словомъ и дѣломъ.

Конечно, онъ—пастырѣ Христовъ—не соблазнится ни льстивыми призывами, ни угрозами социализма, требующаго, чтобы духовенство приняло участіе „въ процессѣ социализированія челоувѣчества“ во имя научно-гуманныхъ и социальныхъ мотивовъ. Мотивы дѣятельности пастыря—иные, именно: долгъ спасенія, усовершенствованія души своей паствы во имя Христа и любви христіанской. Но нельзя совершенно игнорировать и голоса современной социологіи, нельзя признать совершенно бесполезнымъ ея совѣта пастырю—быть широко освѣдомленнымъ въ общественныхъ наукахъ. Духовенство должно чутко прислушиваться къ мірскимъ голосамъ, которые требуютъ, чтобы оно внимательно отнеслось къ мірскимъ нуждамъ, къ земному горю своей паствы, чтобы пастырскому вліянію и попеченію подлежала вся жизнь пасомыхъ во всѣхъ ея отношеніяхъ. Общество хочетъ отъ духовенства христіански просвѣтленнаго отвѣта на всѣ мучающіе его современные вопросы, и было бы несправедливо и неблагоприятно, какъ разсуждаетъ одинъ католическій писатель, отвѣтить на эти вопросы стереотипными поученіями о соблюденіи уставовъ и чаяніи небеснаго блаженства. Въ противовѣсъ социалистической пропагандѣ духовенство должно научить свою паству, какъ разумно и счастливо устроить эту

жизнь на началахъ Божественной любви и человѣческой справедливости; духовенство должно разъяснить паствѣ истинно-христіанскія основы общественности, построенной на началахъ высшей правды. Но для всего этого пастырь Церкви долженъ самъ много знать. Теперь, какъ справедливо пишетъ проф. С. Н. Булгаковъ, вся русская жизнь перестраивается заново, причѣмъ въ эту перестройку, если не добровольно, то насильно вовлекается и Церковь; становится необходимымъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для церковныхъ людей, прежде всего *понять* происходящее и, лишь основательно понявъ, произнести судъ (См. Бог. Вѣстн. 1906, 2). Поэтому-то пастырь Церкви, если онъ хочетъ быть *пастыремъ добрымъ*, долженъ, по апостолу, *испытать*—изучить все, долженъ озаботиться приобрѣтеніемъ самыхъ разнообразныхъ познаній, не пренебрегая знакомствомъ и съ современными научными и общественными вопросами.

Далѣе, хотя не единымъ хлѣбомъ живо человѣчество, но для его существованія нуженъ и хлѣбъ. Человѣкъ не есть только духъ; его духъ органически связанъ съ тѣломъ. Окружающіе насъ люди, природа, весь матеріальный міръ—все это условія, въ которыхъ развивается нашъ духъ. Пусть же Церковь научитъ разумно пользоваться этими условіями. Христіанство есть религія любви, т. е. братской общности, совмѣстнаго наслажденія дарами неба. И Самъ Христосъ не уходилъ отъ жизни и людей. *Милосердуя о народъ семъ*, Онъ шелъ утѣшить и горе вдовы, лишившейся единственного сына, и раздѣлить радость брачнаго пира. По примѣру Спасителя и Его преемники—пастыри Церкви—по отношенію къ своимъ пасомымъ должны быть сострадательны, заботясь о нихъ и въ тѣлесныхъ ихъ нуждахъ, какъ говоритъ св. Василій Великій. Надъ всею жизнію паствы должны быть простерты благословляющія руки духовенства, всюду долженъ проникать его голосъ то ласковый, то авторитетно поучающій, то обличающій безстрашно. Это благословеніе и этотъ отеческій голосъ успокоитъ мятежный духъ, облегчитъ горе

страдальца, оградивъ его отъ отчаянiя, а счастливица, наслаждающагося дарами жизни, оно спасеть отъ огрубѣнiя, отъ нравственнаго отучиѣнiя; оно одухотворитъ его счастье, заставивъ его пользоваться этимъ счастьемъ для высшихъ цѣлей, нравственно *богатѣть въ Бога*. Только пастырь церковный не долженъ отворачиваться отъ жизни, а умѣло проникать во всѣ ея сферы.

Въ такомъ только случаѣ и современный социализмъ найдетъ въ Церкви надлежащiй отпоръ своимъ притязанiямъ, а въ пастыряхъ Церкви встрѣтитъ сильныхъ и смѣлыхъ своихъ изобличителей.

В. Родниковъ.

Голосъ архипастыря по поводу нестроений.

Одинъ изъ причтовъ Симбирской епархіи въ декабрѣ 1905 г. донесъ мѣстному епископу, преосв. Гурію, что жена одного крестьянина, по окончаніи утренняго богослуженія, самовольно взошла на церковный амвонъ и обратилась къ присутствующимъ въ храмѣ съ рѣчью политическаго характера. По поводу этого обстоятельства преосв. Гурій пишетъ: „Храмъ Божій—домъ молитвы и нашего спасенія вѣчнаго во Христѣ, гдѣ Св. Духомъ совершается наше просвѣщеніе свѣтомъ вѣры Христовой, освѣщеніе и оправданіе во святыхъ таинствахъ. Это—домъ Отца нашего Небеснаго, въ который Онъ собираетъ истинно-вѣрующихъ въ Него не для политическихъ какихъ-либо интересовъ или для совопросничества по текущимъ вопросамъ и обстоятельствамъ нашей гражданской жизни, какъ бы послѣднія ни занимали насъ, а собираетъ—единственно для того, чтобы здѣсь объять насъ, какъ чада Своихъ, Божественною Своею любовію, облегчить наши скорби и страданія въ жизни и лишенія, какимъ подвергаемся, по Его же праведному и всеблагому промышленію (заботливости) о насъ, о нашемъ спасеніи, чтобы мы, оставаясь всегда вѣрными Ему и по убѣжденіямъ ума, проникну-

таго Его св. вѣрою, и по настроенію сердца, и по распоряженію или направленію воли—свободы нашей,—объ одномъ только заботились, по наставленію нашего Спасителя и Господа, искать царствія Божія и правды Его, а все прочее, потребное для жизни, приложится намъ, по Божественному промысленію о насъ, и въ жизни внѣшней, безъ особенныхъ съ нашей стороны заботъ и стараній. Въ такомъ настроеніи духа и жизни долженъ находиться истинный христіанинъ всегда и вездѣ. Всякое его отвлеченіе отъ единого на потребу, подъ какимъ бы или чьимъ бы то ни было вліяніемъ это ни происходило, всегда сопровождается разстройствомъ нравственно-духовной и гражданской жизни въ семьѣ, и обществѣ, и цѣломъ государствѣ, что мы въ настоящее время и видимъ въ нашемъ дорогомъ отечествѣ: всюду происходятъ мятежи и междоусобія, соединенные съ грабежами и убійствами. Разоряются и уничтожаются вѣковыя имущественныя достоянія, завѣщанныя въ наслѣдіе потомству для пользованія во славу Божію, причемъ не щадится ни честь, ни достоинство, даже и самая жизнь владѣльцевъ этихъ имѣній... Какое-то безумство напало на русско-православный народъ, искони добрый и сердечный, а съ безумствомъ—и озвѣреніе до попраиія даже и Святыни Господней, до кощунственнаго оскверненія храмовъ Божіихъ... Въ ужасъ приходишь, читая сообщенія обо всемъ этомъ въ газетахъ. Вотъ и у насъ въ губерніи начались подобныя же злодѣянія, которыя и совершаются по мѣстамъ въ ужасныхъ размѣрахъ всякаго рода преступныхъ дѣяній. Явится въ деревню или въ село какой-нибудь недобрый человѣкъ, проникнутый ненавистью и озлобленіемъ противъ Царя, Помазанника Божія, и противъ всякой богопоставленной власти церковной и гражданской, а равно—и къ устоямъ жизни, по имущественному состоянію людей, зависящему отъ Божьяго опредѣленія, ибо Богъ Самъ убожить и богатить, по Своѣму праведному усмотрѣнію; наговорить народу всякій вздоръ, собьетъ его съ толку, внушивъ ему недоувѣріе и противленіе всякому

начальству и власти, въ силу того, что теперь, послѣ дарованія всеѣмъ свободы, будто бы все стали равны между собою, что и Царя будто бы не надобно для жизни общественной, не надобно будто бы и священниковъ (поповъ, по ихъ печестивому выраженію), что и церкви—де не нужно, ибо все это—выдумка поповъ въ корыстныхъ цѣляхъ, какъ стараются увѣрить подобные недобрые люди, страстноующіе пынѣ по селамъ и деревнямъ, чтобы смущать и развращать народъ Божій; и вотъ, наслушавшись такихъ бредней, являются въ деревнѣ или селѣ послѣдователи таковыхъ учителей сначала, по большей части, изъ молодыхъ, а потомъ къ нимъ присоединяются и возмужалые крестьяне. Начинаются между ними стачки, подь руководствомъ и указаніемъ тѣхъ же недобрыхъ людей, образуются волненія, которыя затѣмъ и направляются къ совершенію всякихъ злодѣяній, безъ зазрѣнія совѣсти, съ забвеніемъ Бога, св. Церкви и всего святаго... И вотъ, подь вліяніемъ такихъ-то недобрыхъ учителей, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ послѣ дарованія свободы, Русь святая, какъ ее называли наши благочестивые предки, доведена до того, что она предѣставляетъ теперь собою какую-то бойню, царство зла и всеобщаго разрушенія, такъ что поэтому признають ее стоящею на краю гибели... Очевидно, и крестьяне, судя по волненію ихъ въ св. храмѣ 4-го декабря, подиали подь такое же зловерное и пагубное вліяніе недобрыхъ людей, что и настроило ихъ противъ дѣйствія богопоставленной власти, каковое демонское настроеніе они дерзнули выразить даже въ домѣ Отца Небеснаго, съ заявленіемъ при этомъ своему духовному пастырю, что церковь-де паша; вамъ можно говорить въ церкви, значить и намъ можно... Кто сдѣлалъ такое заявленіе, того да судить Самъ Господь и въ настоящей и въ будущей жизни. Домъ Отца Небеснаго никто не долженъ считать своею собственностію, и порядокъ въ ономъ служебно-церковный предоставляется церковными правилами вѣдѣнію исключительно только священно—и церковно-служителей, а не народа, который

долженъ находиться въ полномъ подчиненіи настоятелямъ церквей. Благовременно напомнить это братіи церкви Божіей, какъ и о томъ, что они, къ нашему тяжкому прискорбію, забыли свою прежнюю любовь къ Богу и святой Его Церкви, каковую я усмотрѣлъ въ нихъ, когда былъ въ ихъ селѣ, въ іюнь сего года. Забыли они и наставленіе св. апостола: „*Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Петръ 2 гл., 17 ст.), какъ и всякую предержащую власть, ибо *тѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляйся власти. Божію посыланію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ приѣмлютъ. Божіей бо слуга есть, тебѣ во благо* (Римл. 13 гл. 1, 2 и 4 ст.). Если одинъ крестьянинъ своими преступными дѣйствіями по нарушенію общественнаго порядка и спокойствія обратилъ на себя вниманіе мѣстной власти и признанъ ею зловреднымъ, власть должна была исполнить то, чего требуетъ законъ, а равно и совѣсть, ибо *власть, по апостолу, есть Божіей слуга, и отмститель злое творящему* (Римл. 13 гл. 4 ст.), и кто возсталъ бы противъ этого, къ чему приглашались кѣмъ-то крестьяне даже въ церкви, тотъ этимъ показалъ бы, что онъ противникъ Божій, врагъ Его опредѣлений къ благоустроенію человѣческихъ обществъ, слѣдовательно,—онъ дѣйствуетъ за одно съ діаволомъ, княземъ власти воздушной, который нынѣ, по слову апостола Павла, и особенно въ настоящее время,—дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія (Ефес. 2 гл., 2 ст.), а такихъ сыновъ противленія, со времени 17-го октября, развилось у насъ въ Россіи не одинъ легіонъ повсюду въ разныхъ направленіяхъ и дѣйствіяхъ, доводящихъ наше отечество до разоренія и гибели. Пора бы русскому народу войти въ себя и сознать пагубное свое увлеченіе, по слову апостола, всякою лестію неправды въ погибающихъ (2 Солун. 2 гл. 10 ст.) его непрощенныхъ учителей—проходимцевъ, демонски настроенныхъ къ уничтоженію всякихъ порядковъ жизни семейной, общественной и государственной,—сознать и успокоиться въ ожиданіи Государственной Думы, когда она составитъ изъ достойныхъ сыновъ Россіи, чтобы вмѣстѣ съ Благочестивѣйшимъ нашимъ Государемъ Императоромъ сѣставить правопорядокъ жизни на тѣхъ началахъ, какія объявлены Самодержцемъ нашимъ въ манифестѣ отъ 17-го октября сего года“.

(Симб. еп. вѣд. № 2—3 за т. г., офиц. отд.).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ **№ 18.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.
 ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

1906-го года апрѣля 30-го дня.

Содержаніе: Великій грѣхъ.— Чѣмъ должесть быть приходъ (продолженіе).— Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній.— Чешскій журналъ объ о. Іоаниѣ Кронштадтскомъ.

Великій грѣхъ.

Подъ такимъ заглавіемъ выпустилъ въ самый разгаръ такъ называемыхъ аграрныхъ безпорядковъ брошюру графъ Л. Н. Толстой. По обыкновенію своему, особенно развитому у него въ послѣднее время, „великій писатель земли Русской“, пренебрегая тяжелою и во многихъ мѣстахъ кровавою уже дѣйствительностію и мѣшая дѣйствительно важное и существенное съ утопическимъ, выступилъ въ этой брошюрѣ на разоблаченіе великаго грѣха, даже злодѣянія, совершаемаго въ Россіи и во всемъ мірѣ землевладѣльцами и состоящаго „въ лишеніи большинства народа несомнѣннаго, естественнаго права cadaго челоуѣка пользоваться частью (?) той земли, на которой онъ родился“. Не говоря уже о томъ, что приведенная формула „великаго грѣха“ страдаетъ выдающеюся

неясностію, нельзя не указать на то, что исцѣленіе Россіи отъ этого грѣха графъ предлагаетъ совершить по рецептамъ англійскаго писателя Генри Джорджа, „посвятившаго все свои огромныя духовныя силы на разъясненіе неправды и жестокости земельной собственности“. Утопіи Джорджа нашли давнымъ-давно надлежащую оцѣнку въ Западной Европѣ, и никто изъ людей, серьезно знакомыхъ съ политико-экономіей, давно уже не занимается не только распространеніемъ „идей“ этого мыслителя, но и разборомъ ихъ. По нашъ графъ Л. Толстой, владѣющій тысячами десятинъ земли и прикрывающій это владѣніе тѣмъ, что онѣ, эти тысячи десятинъ, принадлежатъ его женѣ или семьѣ, нашелъ возможнымъ и даже какъ бы необходимымъ выступить съ обличеніемъ „злодѣяннн“ въ такое, тяжкое время нашей общественно-политической жизни, какъ переживаемое, когда революціонеры и анархисты стремятся поднять массу народную на государство, прельщая ее „чернымъ передѣломъ“, даровымъ отобраніемъ всей помѣщицкой, церковной, казенной и удѣльной земли! Читая „великій грѣхъ“, невольно задумываешься надъ вопросомъ: знаютъ ли наши великіе и малые писатели, что они творять? Чувствуетъ ли ихъ душа, ихъ совѣсть, какой великій грѣхъ они сами-то совершаютъ, увлекая темную массу народную на путь грабежей, насилія, кровавой расправы съ „злодѣями“—землевладѣльцами?!

Думается намъ, что таковыя писатели и не писатели нисколько не задумываются, какъ того требовало бы ихъ положеніе, надъ своими дѣянннми. Совѣсть ихъ спокойна, а славолубіе или честолюбіе удовлетворено? Чего же больше!

Грустно становится на душѣ при видѣ такихъ дѣянннй. Они всего болѣе свидѣтельствуютъ о томъ легкомысліи, прикрывающемся видимымъ глубокомысліемъ, вслѣдствіе котораго наша интеллигенція со времени своего отдѣленія отъ народа совершила великое множество великихъ и малыхъ грѣховъ по отношенію къ „меньшимъ братьямъ“,—совершила

и совершаетъ, не замѣчая ихъ грѣховности. За это теперь и приходится расплачиваться.

Предъ нами въ настоящее время стоитъ не тотъ „великій грѣхъ“, о которомъ трактуетъ графъ Толстой, а другой, на нашъ взглядъ дѣйствительно великій. Намъ кажется, что наше смутное время особенно рѣзко обнажило его.

Вотъ картинки,—только очень грустныя, нашей текущей жизни. Въ селѣ издавна существуетъ „барскій домъ“,—значить, существуетъ болѣе или менѣе богатое помѣстье. Не рѣдко въ этомъ домѣ можно было видѣть и „барина“ или „пана“, а чаще всего—его управляющаго или арендатора. Не далеко отъ „барскаго дома“—каменный прекрасный храмъ многоглавый, съ садомъ вокругъ и довольно обширною площадью. Издавна помѣстье и домъ принадлежатъ извѣстной фамиліи, прадѣды, дѣды и отцы которой погребены въ оградѣ ими построеннаго храма. Жизнь села и „дома“ тоже издавна текла мирно и въ полномъ согласіи. Помѣщикъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ со своей семьей; крестьяне работали на своихъ и на его поляхъ, и не было ссоръ, кромѣ развѣ незначительныхъ изъ-за потравъ, притомъ всегда оканчивавшихся благополучно и быстро. Мало того,—чувствовалось даже нерѣдко, что между селомъ и домомъ какъ будто есть и любовь, какая-то связь внутренняя, начавшаяся при томъ не сегодня, а какъ будто стародавняя.

Но вотъ „пошли слухи“, а за ними появились невѣдомо откуда взявшіеся и никѣмъ на мѣстѣ незнаемые люди, полились бумажнымъ потокомъ воззванія, объявленія, „прокламаціи“, послышалось ученье о землѣ, о несправедливостяхъ со стороны землевладѣльцевъ, захватившихъ всю землю въ свои руки и т. п. и т. п. Жизнь села и „дома“ сразу приняла другой характеръ: село начало глухо волноваться, недоувѣрчиво, искоса посматривать на „домъ“,—а „домъ“ сначала по обыкновенію пренебрежительно отнесся къ „слухамъ“, а потомъ сталъ бояться... и дѣло окончилось полнымъ звѣр-

скимъ и безцѣльнымъ разгромомъ „дома“ и даже истязаніями его обитателей.

Какъ же все это могло произойти? Мирная жизнь въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ между „домомъ“ и селомъ нарушена и превращена въ настоящій адъ какими-то слухами и случайными людьми, слову которыхъ село всецѣло повѣрило и повиновалось?! Неужели же такъ легко разрываются связи? А если онѣ разорваны, то почему? Вотъ невольные недоумѣнные вопросы!

Другая картинка. Въ теченіе не малаго количества лѣтъ въ приходѣ живетъ „батюшка“; да и приходъ-то переходитъ почти постоянно отъ отца къ сыну,—значить, тоже былъ своего рода фамильный. Прихожане на рукахъ носили „поповичей, одѣляли ихъ въ Рождественскіе и Пасхальные праздники конейками и яйцами (крашенками), умильно взирали на нихъ, когда они выростали и становились сами батюшками. Къ батюшкѣ шли непринужденно съ требами, причемъ не упускали случая и подарочки принести и, какъ водится, поторговаться „за свадьбу“; къ батюшкѣ безболзненно несли свои грѣхи, съ нимъ нерѣдко совѣтовались и о мірскихъ дѣлахъ; приходили нерѣдко и „запросто“,—такъ—„чайку попить“... Все шло, повидимому, хорошо, чинно и мирно. Ни разу прихожане даже не жаловались на своихъ батюшекъ ни благочинному, ни консисторіи, и слова батюшкина слушались. Въ рѣдкіе часы проповѣдыванія въ храмѣ—даже слезы умиленія и какого-то особеннаго восторженнаго настроенія проливали. Не обижали батюшку ни хлѣбомъ, ни землею, ни разнаго рода другими сборами. Вмѣстѣ трудились и надъ благоукрашеніемъ храма приходскаго...

Но вотъ пошли тѣ же „слухи“, появились въ приходѣ никому невѣдомые люди, слышались новыя и страшныя рѣчи... и голосъ батюшки потонулъ въ этихъ рѣчахъ, никто батюшку не слушаетъ, увѣщанія его не только не дѣйствуютъ, но раздражаютъ... И оканчивается дѣло тѣмъ, что

барскій домъ разоряется; батюшка избивается, и пасомые становятся неузнаваемыми!

Что же все это значить? Куда исчезла вся прежняя идиллія? Да и почему она исчезла?

Опять вопросы и вопросы мучительные, необъяснимые! Все, во что только что вѣрили, повергнуто во прахъ. Люди, которые были только-что руководителями, стали врагами! И кто же этотъ переворотъ произвелъ?—люди незнаемые, слухи, дошедшіе невѣдомо откуда! Совершилось что-то невѣроятное, непонятное!

А между тѣмъ нужно понять, нужно себѣ и другимъ объяснить это явленіе!

Говорять, — аграрные беспорядки произошли, барскія усадьбы разрушены, хлѣбъ увезенъ, скоть перерѣзанъ—потому, что „народъ грезить землей“, что наши революціонеры угадали слабую струнку народной души и удачно играютъ на этой струнѣ. Это правда, но это не коренная причина, а скорѣе слѣдствіе первичной причины. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это народъ, доселѣ въ теченіе вѣковъ видѣвшій постоянную охрану закономъ и властью имущественныхъ правъ помѣщика, сразу увѣровалъ не только въ то, что „теперь времена не тѣ, что батюшка Царь повелѣлъ-де землю народу отдать“, но и въ то, что помѣщики—злодѣи, что за грабежъ ихъ имѣній „ничего не будетъ“?. Вѣдь какъ бы ни хотѣлось воспользоваться чужимъ, но желательнымъ добромъ, далеко не всякаго соблазнишь на воровство, а тѣмъ болѣе на грабежъ и убійство. Сущность-то дѣла и заключается именно въ томъ, какъ это такъ народъ *быстро*, въ мгновеніе ока убѣдился въ „злодѣйствѣ“ помѣщиковъ, въ неправотѣ владѣнія ими землею, въ томъ, наконецъ, что это люди чужіе, а потому пусть уходятъ съ земли, куда глаза глядятъ, а то—такъ на казенные хлѣба въ качествѣ чиновниковъ. Жили-жили вмѣстѣ, и вдругъ вся эта совмѣстная жизнь оказалась неправдою!

Мало того. Въ такомъ же положеніи, какъ и помѣщики, оказались и батюшки, приходскіе священники. Вѣдь,

какъ крестьянинъ ни „грезить“ землю, не можетъ онъ же не знать, что земли у священника и не много, да и дана-то она ему въ пособіе, въ облегченіе самого прихода отъ тяжести содержанія причта, и притомъ дана эта земля не лично священнику, а церкви,—той церкви, отъ которой онъ, крестьянинъ, не хочетъ, вѣдь, бѣжать! Такъ почему же и въ отношеніи къ батюшкѣ, отцу духовному,—даже любимому, повидимому, быстро народилось не только недовѣріе, но даже вражда?

Мы думаемъ, что причина одна и та же вздымаетъ теперь волны вражды и негодованія народнаго противъ землевладѣльцевъ и священниковъ или вѣрнѣе—противъ всей сельской интеллигенціи. Эта-то причина и скрывается въ томъ дѣйствительно великомъ грѣхѣ, на который мы хотимъ указать, и о которомъ меньше всего думаютъ и графъ Толстой и другіе писатели и не писатели.

Спросимъ себя: что народъ видѣлъ въ теченіе вѣковъ отъ этой сельской интеллигенціи, отъ помѣщиковъ и даже самого приходскаго духовенства? Вѣдь—огромное большинство помѣщиковъ, какъ и вообще всего русскаго образованнаго класса, постоянно стояло вдали отъ народа, къ послѣднему подходило въ рѣдкихъ случаяхъ, да притомъ въ обстановкѣ почти всегда, такъ сказать, не будничной. Народъ видѣлъ отдыхающихъ лѣтомъ въ своихъ „барскихъ“ сельскихъ домахъ господъ; видѣлъ заботливость иногда тѣхъ же господъ объ увеличеніи доходовъ помѣстья; видѣлъ пріѣзды, отъѣзды, прогулки и разныя другія удовольствія господъ, но что же больше-то? Изо-дня въ день „страдной“ поры, когда весь крестьянскій людъ въ потѣ изнывалъ отъ работы,—господа въ легкихъ костюмахъ прогуливались, изрѣдка любовались согнутыми спинами жнецовъ или косарей, или прекрасными видами извиистой рѣчки, катались на лодкахъ,—однимъ словомъ, жили въ свое удовольствіе, набирались свѣжихъ силъ для зимняго труда, народу неизвѣстнаго, или просто зимней жизни, для народа совершенно чуждой. Какъ народъ долженъ

быль смотрѣть на такихъ владѣльцевъ земли, надъ обработкой которой трудились тѣ же крестьянскія руки и спины, что и надъ крестьянской землей? Не чужіе ли были это люди не только по одеждѣ своей или нравамъ, времяпрепровожденію, но и по всей своей жизни?

Мы вовсе не хотимъ, чтобы изъ этого сдѣланъ былъ такой же выводъ, какой когда-то сдѣланъ былъ графомъ Толстымъ,—именно о необходимости опрощенія, обращенія образованнаго класса къ крестьянскому труду. Мы увѣрены, что когда крестьяне видѣли графа Толстого тачающимъ сапоги или печку созидающимъ, то въ душѣ своей говорили: „балуется“, а то такъ—„съ жиру бѣсится“. Жестоко ошибаются наши опрощители, когда думаютъ, что народъ выше крестьянскаго труда ничего не знаетъ и не цѣнитъ. Жестоко и для цѣлей жизни вредно ошибаются и тѣ, которые думаютъ, что для восстановленія довѣрія со стороны народа къ помѣщикамъ необходимо, чтобы послѣдніе сами стали обрабатывать землю. Думаемъ, что есть другія формы труда на пользу свою и другихъ, которыя способны установить правильныя и обоюдно-довѣрчивыя взаимныя отношенія между народомъ и образованнымъ классомъ скорѣе, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые опрощенные роды дѣятельности. И на первое мѣсто между ними необходимо поставить тѣ изъ нихъ, которыя бы свидѣтельствовали народу о серьезной, дѣйствительно плодотворной и ни въ какомъ случаѣ не благотворительной заботливости „господъ“ о нуждахъ народа. Школы, больницы, всегдашняя готовность притти на помощь словомъ и дѣломъ, чуждая всякой сантиментальности и искусственно созидаемой народности манера обращенія въ житейскихъ отношеніяхъ или при необходимыхъ разъясненіяхъ различныхъ возникающихъ въ народѣ вопросовъ,—вотъ виды дѣятельности, которые могли бы показать народу, что люди, стоящіе выше его, не чуждаются его, считаютъ его близкимъ къ себѣ, а потому и нужды его считаютъ какъ бы своими нуждами. Усовершенствованныя формы и приемы земледѣлія, ското-

водства, огородничества, садоводства и др. и связанная тѣсно съ ними всегдашняя готовность подѣлиться знаніями и продуктами въ этихъ отрасляхъ добывающей промышленности— не о чемъ иномъ будутъ свидѣтельствовать предъ народомъ, какъ только объ искренней заботливости о немъ, объ искреннемъ желаніи ему добра.

Но видѣлъ ли народъ господъ въ такихъ формахъ отношенія къ нему? Были и есть рѣдкіе случаи, и они народомъ оцѣнены. Вотъ гдѣ мы ищемъ причинъ быстрого отчужденія народа отъ господъ, съ которыми жилъ мирно и тихо въ теченіе многихъ дѣсятилѣтій и даже вѣковъ. Высшій, образованный классъ населенія, особенно же тотъ, который по роду имущественнаго своего положенія былъ ближе всего къ народу, всегда народу былъ чужимъ, а владѣніе имъ, этимъ классомъ, землею—неправильнымъ, такъ какъ правильнаго пользованія на благо личное и общее народъ не видѣлъ.

Отсюда, намъ кажется, само собою понятно, что нужно сдѣлать образованному классу, господамъ, чтобы возстановился дѣйствительно мирный, обоюднo-согласный образъ жизни между ними и народомъ. Мы не вѣримъ, чтобы даже широкимъ надѣломъ крестьянъ землю можно было достигнуть болѣе или менѣе значительнаго подъема экономическаго благосостоянія населенія крестьянскаго и всего государства,—не вѣримъ потому, что у народа нѣтъ для надлежащаго использованія этой земли культурныхъ безусловно-необходимыхъ силъ. Мы думаемъ, что при сравнительно незначительномъ расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, но при непремѣнномъ условіи установленія культурнаго единенія,—хотя бы оно, съ одной стороны, и выражалось, особенно въ началѣ, въ формѣ руководства,—между землевладѣльцами и крестьянами и устраненія великаго грѣха былой и современной нашей жизни,—отчужденія между образованнымъ классомъ и массой народа,—мы думаемъ, что экономическая жизнь нашего отечества при этихъ условіяхъ будетъ быстро развиваться и совершенствоваться.

Тѣмъ же великимъ грѣхомъ страдало и страдаетъ въ отношеніи къ простому народу и православное духовенство. Мы не будемъ вдаваться въ изысканіе причинъ, почему произошло значительное разрушеніе когда-то бывшихъ въ высшей степени крѣпкими связей между пастырями и пасомыми. Но что это разрушеніе произошло,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Слѣдствіемъ этого и стало то внутреннее отчужденіе между пастырями и пасомыми, которое придало приходской жизни какую-то натянутость, мертвенность, а пастыря превратило въ какого-то особаго рода чиновника.

Всматриваясь повнимательнѣе въ современные отношенія пастырей и пасомыхъ, мы не можемъ не видѣть, какъ изъ этихъ отношеній постепенно исчезалъ и во многихъ мѣстахъ исчезъ уже духъ истинной христіанской любви, на которомъ, какъ на твердой, пезыблемой основѣ, должна развиваться вся приходская жизнь. Обязанности пастыря въ отношеніи къ пасомымъ все болѣе и болѣе не только на дѣлѣ, но и въ сознаніи первыхъ сокращаются и въ иныхъ случаяхъ ограничиваются только требоисправленіемъ. Праздничные и воскресные дни, къ которымъ приурочиваются нерѣдко и всѣ требы, терпяція отлагательство, только отдаются, да и то иногда чисто внѣшне, на служеніе приходу. Что же прихожане-крестьяне могли и могутъ видѣть въ такой дѣятельности приходскаго священника привлекательнаго, дѣлающаго его человѣкомъ близкимъ, своимъ? Мало того,—не могли ли прихожане, напротивъ, замѣтить не мало такого въ этой дѣятельности, что невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности поступковъ, въ достоинствѣ пастыря? Не благоговѣйное совершеніе богослуженія, таинствъ, пренебреженіе къ церковной и школьной просвѣтительной дѣятельности,—развѣ все это не видѣлъ народъ и развѣ онъ не понималъ истиннаго значенія всего этого? Онъ видѣлъ, понималъ, цѣнилъ, но молчалъ до поры до времени. Далѣе. Отсутствие въ приходахъ какихъ бы то ни было, хотя бы только въ зачаточной формѣ благотворительныхъ учреждений, которыя

бы свидѣтельствовали о заботливости со стороны батюшки о бѣдныхъ, сирыхъ и вообще несчастныхъ—развѣ опять-таки народу непонятно и развѣ оно не дѣйствуетъ отрицательно на душу народную?! Мы даже думаемъ, что образъ жизни,— семейный и общественный,—приходскаго духовенства, значительно измѣнившійся въ послѣднее время, не могъ не отразиться болѣе или менѣе отрицательно на взаимныхъ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ. Не говоря о многихъ другихъ явленіяхъ семейной и общественной жизни многихъ современныхъ пастырей, явленіяхъ, свидѣтельствующихъ объ удаленіи послѣднихъ отъ народа въ направленіи къ господамъ,—не можемъ не задаться даже такимъ вопросомъ: какъ приходское населеніе смотрѣло на дѣтей священниковъ и другихъ членовъ причта, когда эти дѣти во время „забастовокъ“ явились въ неурочное время въ села? Не могло ли показаться народу въ этомъ явленіи что-нибудь унижающее не только бастующихъ дѣтей, но и ихъ родителей, не сумѣвшихъ, а во многихъ мѣстахъ и не желавшихъ „унять“ своихъ дѣтей? Мы можемъ даже предположить, что во время этихъ забастовокъ, свидѣтельствовавшихъ, что дѣти духовенства занимаются не своимъ дѣломъ и не занимаются тѣмъ дѣломъ, на которое въ такомъ изобиліи идутъ церковныя деньги,— что во время этихъ забастовокъ могъ возникнуть въ сознаніи иныхъ прихожанъ вопросъ: правильно ли они даютъ свои церковныя деньги на церковныя школы?

Не можемъ видѣть ни оправданія, ни извиненія въ тѣхъ ссылкахъ на давно и не такъ еще давно минувшія времена, когда приходская жизнь была необыкновенно проста и безъ всякихъ „затѣйливыхъ“ учрежденій, и когда, несмотря на это, отношенія между пастырями и пасомыми были болѣе тѣсны и сердечны, чѣмъ теперь, когда любовью прихожанъ покрывались легко не только недостатки и случайности разныя въ жизни пастыря и его семьи, но и пороки. Не можемъ признать эти ссылки что-либо изъясняющими, потому что жизнь ушла вездѣ весьма уже далеко, и при видимой

неподвижности массы народной и здѣсь многое измѣнилось, и что всего главнѣе—измѣнились здѣсь взгляды на взаимныя отношенія людей, на ихъ права и обязанности; въ средѣ народной пробудились новыя стремленія, возникла жажда просвѣщенія и усовершенствованія, улучшенія своего быта. Нагляднымъ доказательствомъ всего этого служить тотъ несомнѣнный фактъ, что самая сѣрая, даже сплошь неграмотная масса желала слушать и слушала чтеніе газетъ, искала послѣднихъ и самымъ ревностнымъ образомъ обсуждала сообщавшіяся въ этихъ газетахъ свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, многіе изъ насъ не замѣтили во-время этого пробужденія въ народѣ и появленія на горизонтѣ его мыслей и сознанія новыхъ вѣяній,—не замѣтили и были застигнуты врасплохъ, не замѣтили же потому, что стояли въ отдаленіи отъ народа, были въ значительной степени чужды ему, какъ и онъ намъ.

Необходимо въ нашемъ великомъ грѣхѣ немедленно покаяться и, покаявшись, приняться также немедленно къ установленію въ приходской жизни такихъ началъ, которыя бы и уму и сердцу прихожанъ говорили о сердечной близости пастыря къ пасомымъ, о серьезной, дѣйствительной заботливости его о вѣчныхъ и временныхъ благахъ своихъ чадъ.

Не будемъ ждать грядущихъ реформъ, тѣмъ болѣе, что онѣ и легче придуть-то и скорѣе въ жизнь войдутъ, какъ плодотворныя начала, если мы ихъ встрѣтимъ уже на полѣ нашей дѣятельности, а не „по занечью“, какъ говорили въ старину о лицахъ, прятавшихся отъ дѣла. Не будемъ ждать, потому что реформы, какъ бы онѣ ни были совершенны сами по себѣ,—всегда нуждаются въ лицахъ живыхъ, дѣятельныхъ и сами по себѣ никогда и никому блага не создавали, если только жаждавшіе этихъ реформъ самостоятельно и сознательно не приготавливались къ ихъ уразумѣнію и осуществленію.

Не будемъ ждать прихода ожидаемыхъ и желаемыхъ реформъ потому, наконецъ, что въ рукахъ современнаго па-

стырства и безъ новыхъ путей, имѣющихъ открыться съ реформами въ быту духовенства и въ приходской дѣятельности, не мало весьма высокихъ и могущественныхъ средствъ для плодотворнаго и благодѣтельнаго воздѣйствія на жизнь прихожанъ. Это—благоговѣнное совершеніе богослуженія и таинствъ, церковное учительство, школа; не закрыты пути для пастыря и къ учрежденію въ приходѣ братствъ, попечительствъ, разныхъ благотворительныхъ учреждений. Современныя общественно-политическія движенія, возникшія во всѣхъ слояхъ населенія, даютъ сами собою богатый матеріалъ и весьма много побужденій для самой усиленной и разносторонней дѣятельности пастырей Церкви, особенно среди безоружной предъ обманными и туманными программами различныхъ партій массы народной.

Необходимо помнить, что вольно или невольно совершавшійся нами великій грѣхъ—отчужденія отъ простого народа, причинилъ дѣлу религіозно-правственнаго развитія народа не мало бѣдъ. Не мало онъ поколебалъ авторитетъ и общественно-служебное положеніе пастырства православнаго.

Необходимо помнить, что враги Православной Церкви очень хорошо знаютъ этотъ нашъ грѣхъ предъ народомъ и умѣло пользуются нашею привязанностію къ нему, развивая все болѣе и болѣе свои связи съ народомъ, возникшія и возникающія на мѣстѣ разрушающихся связей между православнымъ пастыремъ и его паствою. Идутъ враги на Церковь и государство, вооруженные всѣми средствами разрушенія. Встанемъ предъ этими врагами и на защиту самыхъ цѣнныхъ нашихъ богатствъ, вооруженные правдою и всѣми тѣми средствами, котóрыя болѣе всего способны созидать жизнь, а не разрушать.

Но чтобы созидать что-либо въ народной жизни, необходимо стать какъ можно ближе къ народу.

М. Гн.

Чѣмъ долженъ быть приходъ?

(Продолженіе ¹⁾).

Устроенные такимъ образомъ приходы должны были получить тотъ же полицейскій характеръ, какимъ отличается и государственный и церковный строй XVIII и первой половины XIX в. На приходскаго священника была возложена масса чисто полицейскихъ обязанностей, приходъ же утратилъ право самоуправленія. Право это, какъ мы видѣли, было основано на правѣ собственности прихода на церковь. Но и Петръ В. и послѣдующее законодательство видѣли въ церквахъ и ихъ имуществахъ собственность духовнаго вѣдомства, какъ одного изъ казенныхъ управленій, а отнюдь не собственность приходовъ. Право и обязанность избирать старосту для „совмѣстнаго съ причтомъ пріобрѣтенія, храненія и употребленія церковныхъ денегъ“ не есть право самоуправленія въ современномъ смыслѣ. Староста является не органомъ прихода, а лишь рекомендуемымъ прихожанами лицомъ, коему вмѣстѣ съ клиромъ епархіальная власть вручаетъ завѣдываніе имуществомъ данной церкви. Такой способъ замѣщенія государственныхъ должностей фискальнаго управленія былъ очень обыченъ въ Московской Руси. Староста не является даже процессуальнымъ представителемъ церкви на судѣ. Его обязанности суть обязанности низшаго органа епархіальнаго начальства, которому исключительно онъ подчиненъ. Права прихода по отношенію къ нему суть лишь права нѣкотораго контроля за его дѣятельностію; существеннаго для самоуправленія права руководить его приходъ не имѣетъ. Прежнее законодательство не только не признавало нужды въ такомъ самоуправленіи, но и относилось къ нему подозрительно. Только въ сравнительно недавнее время въ этомъ отношеніи сдѣлана нѣкоторая поправка учре-

¹⁾ См. № 17 за 1906 г.

жденіемъ приходскихъ попечительствъ, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже.

Что же касается до вопроса о правильной постановкѣ пастырства въ приходѣ, то только въ XIX в. сдѣланы серьезные шаги къ правильному разрѣшенію его. Ранѣе этому мѣшали какъ сословный строй русскаго общества вообще и духовенства въ частности, такъ и недостаточность учебныхъ заведеній для подготовки кандидатовъ священства. Сословность православнаго духовенства въ Россіи сложилась исторически. Католическое духовенство, обязательно безбрачное, очевидно не можетъ образовать замкнутаго наслѣдственнаго сословія. Мало для этого условій и въ протестантизмѣ, гдѣ нѣтъ клира и пожизненнаго посвященія, которое навсегда выдѣляло бы пастора изъ разряда мірянъ. Иначе было съ православнымъ русскимъ духовенствомъ. Священникъ и діаконъ посвящался на всю жизнь и, по прямому русскому церковному закону, обязательно вступалъ въ бракъ передъ посвященіемъ, чего не было даже на православномъ востокѣ. Уже въ силу этого они были въ правѣ требовать распространенія своихъ привиллегій и на ихъ дѣтей и съ тѣмъ большимъ правомъ, что фактически только дѣти духовенства могли получать подготовку, необходимую для кандидата въ священство. Бытовая наслѣдственность духовнаго званія возникла гораздо раньше его юридической наслѣдственности. Съ образованіемъ замкнутыхъ сословій въ Россіи и духовенство стало такимъ же наслѣдственнымъ сословіемъ. Въ такомъ видѣ оно стало представлять даже социальную опасность, такъ какъ численность его превышала дѣйствительную нужду въ служителяхъ Церкви, и государство видѣло въ излишнихъ полахъ и поповичахъ попросту тунеядцевъ. Вводя штаты духовенства, государственная власть вслѣдъ за Петромъ В. преслѣдовала, кромѣ показной цѣли—обезпечить духовенство, еще другую цѣль: лишить не вошедшихъ въ штаты церковниковъ привиллегій духовнаго званія и привлечь ихъ къ государственному тяглу. Отсюда страшные для ду-

ховенства разборы его въ XVIII в., сопровождавшіеся сдачею излишнихъ церковниковъ въ солдаты. Въ указахъ иногда высказывалась даже такая мысль, что солдатская служба для поповича есть, такъ сказать, природная служба, то служеніе по образцу древнихъ левитовъ, о которомъ говоритъ Св. Писаніе (Исх. 32 ст. 25—29). Естественный защитникъ несчастныхъ левитовъ—духовное начальство было поставлено въ крайнее затрудненіе. Оно и само сознавало зло отъ переполненія духовнаго сословія неподходящими элементами, но при крѣпостномъ сословномъ строѣ Россіи оно не имѣло исхода въ самомъ простомъ средствѣ для уничтоженія этого зла: въ дозволениі выхода изъ духовнаго сословія. Такое дозволеніе, открывая тѣмъ представителямъ духовнаго сословія, которыхъ желательно было удержать въ немъ, доступъ въ классъ служащихъ, въ то же время не освобождало духовное сословіе отъ худшихъ его элементовъ, отъ которыхъ только и пужно было избавиться, такъ какъ для нихъ выходъ изъ духовнаго званія былъ бы крайне невыгоденъ, какъ сопряженный съ перечисленіемъ въ одно изъ податныхъ сословій. Насильственное удаленіе нежелательныхъ элементовъ изъ духовнаго званія являлось, такимъ образомъ, единственнымъ исходомъ, и духовное начальство принуждено было стараться лишь о томъ, чтобы число такихъ удаляемыхъ было по возможности невелико. При этомъ вопросъ о замѣщеніи приходскихъ должностей до такой степени перепутывался и переплетался съ вопросомъ о призрѣніи лицъ духовнаго званія, что о правильной постановкѣ пастырства не могло быть и рѣчи. Задача сводилась не къ тому, чтобы обезпечить приходы достойными служителями Церкви, а къ тому, чтобы размѣстить при церквахъ по возможности всѣхъ наличныхъ церковниковъ. Этотъ трудно разрѣшимый вопросъ разрѣшился самъ собою съ окончательнымъ раскрѣпощеніемъ русскаго населенія, когда и духовное сословіе было въ 1863 г. уничтожено, и духовная должность перестала считаться средствомъ призрѣнія духовенства.

Благополучному разрѣшенію вопроса много помогло и повышеніе образовательнаго ценза духовенства. Въ этомъ отношеніи XVIII в. для массы духовенства сдѣлалъ очень немного. Хотя Духовный Регламентъ и мечталъ о домахъ училищныхъ, и Синодъ постоянно находилъ въ этихъ мечтахъ аргументъ противъ записи дѣтей церковниковъ въ окладъ (они вѣдь должны были учиться въ этихъ домахъ), но дѣйствительность далеко не соответствовала идеалу. Домовъ училищныхъ было мало, и они были плохо обставлены съ учебно-воспитательной стороны. Учительскій персоналъ былъ слабъ, программы не выходили изъ предѣловъ самыхъ элементарныхъ, учебныя пособія заставляли желать лучшаго, средства на содержаніе школъ отпущались слабо. Но даже если въ лицахъ, прошедшихъ курсъ такой школы, видѣть людей образованныхъ (образование понятіе относительное), то и ихъ было мало для замѣщенія приходскихъ вакансій въ особенности въ деревняхъ. Поэтому, хотя архіереямъ и предоставлено было право свободно замѣщать приходскія вакансіи учеными кандидатами, но большинство священниковъ были выборными отъ прихожанъ попрежнему. Но это право выбора съ уничтоженіемъ ктиторства происходило на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежде: въ теоріи уже не архіерей одобряетъ назначеннаго прихожанами кандидата, а наоборотъ, прихожане давали кандидату одобреніе, на основаніи котораго онъ назначался епископомъ. Текстъ такого одобренія въ настоящее время былъ бы признанъ оскорбительнымъ не только для священника, но даже для лакея. Оно гласило: „Мы нижеподписавшіеся (такой то церкви) прихожане свидѣтельствуемъ по чистой нашей совѣсти, что желающій быть при нашей церкви (такой то) есть человекъ добрый, не піаница, въ домостроительствѣ своемъ не лѣшывый, не клеветникъ, не сварливъ, не любодѣица, не бійца, въ воровствѣ и обманахъ не изблеченный, добронравенъ и поведенія честнаго, *и потому* мы его желаемъ имѣть при нашемъ приходѣ“. Такое одобреніе могло бы быть выдано даже

безграмотному; оно не удостовѣряетъ того, что кандидатъ въ священники не способенъ на кражу и обманъ, а только что онъ пока еще не уличенъ въ нихъ. Если прибавимъ къ этому, что такое одобреніе выдавалось на однообразно составленныхъ печатныхъ бланкахъ, то легко понять, что оно и вовсе ничего не удостовѣряло. Такіе бланки, стирая всѣ индивидуальныя особенности отдѣльныхъ кандидатовъ, не давали епископу возможности составить правильное представленіе о его достоинствѣ. Освобождая прихожанъ отъ труда составлять одобреніе и вдумываться въ его содержаніе, бланки подписывались просто потому, что „такъ требуется“ и въ сущности являлись канцелярскою формальностію. Нужда въ ней совершенно прекратилась съ развитіемъ духовно-учебныхъ заведеній. Это произошло уже въ XIX в., благодаря трудамъ комиссіи духовныхъ училищъ 1808 года. Созданная ими паша духовная школа стала давать достаточно кандидатовъ на священство, которыми епископъ и долженъ былъ замѣщать приходскія вакансіи безъ всякихъ одобреній со стороны прихожанъ. Одобренія эти въ силу этого исчезли, а вмѣстѣ съ ними окончательно исчезло и участіе прихода въ выборахъ приходскаго священника. Иѣкоторое время свобода епископскаго назначенія стѣснялась еще наслѣдственностію духовныхъ мѣстъ. Сводъ законовъ видѣлъ въ закрѣпленіи приходскихъ мѣстъ за сиротами лицъ занимавшихъ эти мѣста одинъ изъ способовъ призрѣнія духовенства. Исторически такая точка зрѣнія не вѣрна; но и въ такомъ видѣ стѣсненіе архіерейскаго усмотрѣнія было менѣе существеннымъ, чѣмъ можетъ это представляться намъ въ настоящее время. На практикѣ мѣста священниковъ закрѣплялись преимущественно за дочерью ихъ, которымъ родственники должны были подыскать жениха изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Выборъ родственниковъ лично заинтересованныхъ въ томъ, чтобы новый священникъ былъ хорошимъ человѣкомъ, могъ и для архіерея представлять лучшую въ этомъ

отношеніи гарантію, чѣмъ чисто формальное одобреніе прихожанъ. Тѣмъ не менѣе право передачи было уничтожено въ 1863 г. по принципиальнымъ соображеніямъ.

Система свободнаго архіерейскаго назначенія въ связи съ дѣятельностію духовной школы создала условія для правильной постановки пастырства въ приходѣ. Приходу она обезпечила подготовленнаго по образованію священника, священнику—необходимую для пастырства обезпеченность противъ произвола прихожанъ. Если и желательно въ интересахъ большаго сближенія между пастыремъ и пасомымъ привлечь приходъ къ активному участию въ назначеніи пастыря, то отнюдь не жертвуя ради этого сдѣланными уже пріобрѣтеніями въ пастырскомъ дѣлѣ, въ особенности же—образовательнымъ цензомъ. Во всякомъ случаѣ возстановленіе приходскаго самоуправленія въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ древней Руси, невозможно и едва ли желательно. Опытъ всей Церкви говоритъ противъ буквального примѣненія нормъ Юстиніанова законодательства, да и современныя воззрѣнія на приходъ и его задачи совсѣмъ не тѣ, какія были при Юстиніанѣ. Самоуправленіе нынѣшняго прихода должно съ этимъ считаться. Мы видимъ, что и наше законодательство стало уже на эту точку зрѣнія. Первая попытка его возстановить активное участіе прихожанъ въ дѣлахъ прихода путемъ учрежденія приходскихъ попечительствъ есть попытка, хотя и не особенно удачная, организовать ихъ по западному образцу.

Проф. *Ил. Соколовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній.

Духовно-учебныя заведенія стоятъ на порогѣ коренныхъ реформъ въ ихъ строѣ. Если обобщить всѣ пожеланія духовенства, высказанныя на епархіальныхъ съѣздахъ, въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, даже въ частныхъ бесѣдахъ относительно усовершенствованій жизни духовно-учебныхъ заведеній, то едва ли не кореннымъ будетъ пожеланіе о томъ, чтобы духовно-учебныя заведенія вышли изъ своей замкнутости, были приближены въ программахъ къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, чтобы былъ открытъ семинаристамъ ходъ во всѣ высшія учебныя заведенія, а затѣмъ на всѣ поприща жизни. Въ резолюціяхъ, семинарскихъ петиціяхъ, постановленіяхъ духовенства не всегда высказывалось пожеланіе о коренной реформѣ воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ, объ усиленіи и укрѣпленіи въ ученикахъ духа церковности и благочестія, но зато въ каждой изъ нихъ пожеланіе объ университетѣ есть непремѣнно. Въ строѣ настоящей духовной школы духовенство отмѣчало съ особенной настойчивостію одну неприглядную сторону, именно ту, что она, не давая выхода въ другія сословія и роды службы, заставляла идти во священники не по призванію и по чувству влеченія къ пастырскому служенію, а по необходимости; настоящая семинарія замыкала человѣка въ духовномъ сословіи, предопредѣляла его служеніе. Одинъ изъ кіевскихъ священниковъ въ „Епархіальныхъ Извѣстіяхъ“ то обстоятельство, что духовенство, особенно городское и состоятельное, отдаетъ дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія, прямо объяснилъ нежеланіемъ духовенства *предрѣшать* судьбу своихъ дѣтей, напередъ указывать имъ будущій жизненный путь. Не беремся судить, плохо или хорошо такое предрѣшеніе дѣтской судьбы, хотя исторія и показываетъ, что такое предрѣшеніе, закрѣпленное сильнымъ семейнымъ вліяніемъ, было иногда и къ плохимъ слѣдствіямъ не вело. Примѣры тому ярки:

Пресвятая Дѣва Марія, Самуиль, многіе русскіе святые. На самомъ дѣлѣ въ нынѣшней семинаріи такого предрѣшенія и не было, такъ какъ семинарская выучка и дипломъ хотя и не жирный кусокъ хлѣба вполнѣ обезпечивали въ любой, не только духовной службѣ. Гдѣ, въ какомъ только вѣдомствѣ нѣтъ теперь семинаристовъ? Тихоміровъ въ 16 книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ приводитъ интересныя статистическія свѣдѣнія для нѣсколькихъ семинарій, обобщая ихъ слѣдующимъ образомъ: „число выбывшихъ изъ духовнаго вѣдомства по окончаніи курса духовной семинаріи обычно колеблется отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ общаго числа оканчивающихъ курсъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ оно бываетъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего состава окончившихъ курсъ“. Можно ли говорить здѣсь о томъ, что духовная школа, не давая выхода въ свѣтскія учебныя заведенія, закрѣпощаетъ людей противъ желанія въ левитовомъ званіи? Мало того, семинарія мало пренятствовала и поступленію во всѣ высшія учебныя заведенія, такъ какъ программа ея въ общемъ все же не далека отъ программъ другихъ учебныхъ заведеній; для труда и таланта была открыта широкая дорога куда угодно, во всѣ учебныя заведенія, и навѣрно у каждаго изъ насъ есть примѣры семинаристовъ, переступившихъ черезъ перегородки внѣшняго характера и пренятствія къ высшему образованію.

Духовенство въ своемъ стремленіи къ реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, въ смыслѣ расширенія общеобразовательнаго курса и открытія доступа въ свѣтскія учебныя заведенія руководилось высокимъ желаніемъ—отдѣлить въ своемъ питомникѣ козлицъ отъ овецъ, дать выходъ изъ духовнаго сословія лицамъ, желающимъ того, чтобы чрезъ это въ духовенствѣ остались только люди призванія, истинные свободные пастыри, а не подневольные рабы, и тѣмъ помочь духовенству очиститься отъ людей тепло-хладныхъ, равнодушныхъ. Критикуя современное пастырство, неудовлетворительность его, мысль переносилась при этомъ къ лучшимъ временамъ Церкви, когда больше на нивѣ Христовой было лю-

дей призванія, съ апостольской ревностію. Сочувствуя такому святому и доброму желанію, хотѣлось бы отмѣтить только двѣ мысли. Во-первыхъ, трудно согласиться съ отрицательнымъ отношеніемъ къ современному намъ духовенству, якобы подневольному, насильно втиснутому въ рясу. Пусть даже многіе изъ священниковъ—такъ дѣйствительно и есть—идутъ и шли во священники за неимѣніемъ иныхъ жизненныхъ дорогъ, а не по призванію, но нельзя же утверждать того, что пастырскій духъ и настроеніе дается готовымъ юношѣ, сидящему на скамьѣ, а не вырабатывается въ пастырствѣ, въ самомъ служеніи, въ близости священника къ религіозной жизни человѣческой души въ ея сокровенныхъ изгибахъ; закрѣпляется и возвращается это настроеніе живущею въ священникѣ благодатію священства. Пусть въ средѣ духовенства даже преобладаютъ лица, вошедшія въ званіе духовное не по призванію, а все же дѣло пастырства они въ большинствѣ несутъ удовлетворительно; думаемъ, что лица, хотя и неимѣющіе апостольской ревности и огня, но вѣрующіе, получившіе удовлетворительное богословское образованіе, для Церкви нужны, и въ пастырствѣ посильно полезны. Во-вторыхъ, пожеланіе о томъ, чтобы въ пастырствѣ, благодаря реформѣ, остались только люди высокаго одушевленія, апостольской ревности, люди призванія, такое желаніе практически никогда не осуществится, *да исторія такихъ счастливыхъ временъ и не знаетъ.*

Когда говорится о пастырствѣ въ лучшемъ смыслѣ, то сейчасъ же воскресаютъ въ памяти въ немерцающей славѣ образы свв. Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Аѳанасія Великаго, Филиппа Московскаго и многихъ другихъ представителей, повидимому, болѣе счастливыхъ для пастырства временъ. Но думаемъ, что эти лица не были бы намъ и извѣстны, если бы имъ не составляло пьедестала пастырство среднее,—десятки и сотни тысячъ безвѣстныхъ среднихъ тружениковъ, не имѣвшихъ ихъ ревности, но все же въ Церкви полезныхъ. Скажемъ больше того, въ прошлой исторіи духовенства, съ самыхъ раннихъ временъ, встрѣчались

такія несимпатичныя мрачныя явленія, какихъ совершенно не знаетъ современное намъ пастырство. Объ этомъ смотри недавно изданную книгу профессора Лебедева: „Бытъ духовенства“). Правда, предъ нами стоитъ вѣкъ—апостольскій, вѣкъ мучениковъ; но думаемъ, что это исключительный періодъ историческаго христіанства,—крещеніе и миропомазаніе его,—время высшаго благодатствованія, которое какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, не повторяются.

Мы не противъ реформы духовно-учебныхъ заведеній; не противъ того, чтобы дѣти духовныхъ имѣли предъ собою широкую жизненную дорогу; напротивъ, реформа будетъ полезна для духовенства, напимѣрь, въ томъ отношеніи, что создастъ Церкви кругъ доброжелателей въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности. При реформѣ духовенство устроится самымъ удобнымъ образомъ: давши дѣтямъ дешевое, иногда безплатное, образованіе въ средней духовной школѣ, выкормивши ихъ, пусть и не особенно вкусной, но за то, сравнительно съ свѣтскими учебными заведеніями, довольно дешевой церковной кашей, безъ особыхъ усилій и чрезмѣрныхъ непосильныхъ затратъ, оно доведетъ ихъ до высшей школы, гдѣ молодежь, ставши на ноги, сама уже будетъ пробивать себѣ дорогу. Чего лучше желать?... Вопросъ здѣсь только въ томъ, не пострадаютъ ли отъ этого не сословные, а общецерковные интересы, не поведетъ ли это къ полному оскудѣнію въ образованномъ хотя бы въ настоящемъ смыслѣ, духовенствѣ? Обольщаться намъ кажется нельзя. Трудно рассчитывать на то, что общеобразовательный курсъ, приравненный къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, будетъ лучше воспитывать, чѣмъ, предположимъ, курсъ настоящій, будетъ развивать вкусъ и охоту къ пастырству; закрѣпитъ и повыситъ духъ церковности въ заведеніяхъ, имѣющихъ въ своемъ существѣ общеобразовательныя цѣли, тѣмъ меньше можно рассчитывать: если духъ церковности, церковная дисциплина, въ видѣ, напр., постовъ, продолжительныхъ богослуженій, вызываетъ и теперь глухіе протесты, когда семинаристы со-

знають, для чего они учатся, то что же будетъ въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ главная цѣль будетъ не церковная, а общеобразовательная? Призваніе не у многихъ является съ самымъ рожденіемъ, а вырабатывается и воспитывается, и думаемъ, что не много дастъ наша реформированная школа охотниковъ идти во священники, когда впереди будетъ не одна поповская, часто горькая, доля, а вся жизнь, во всей игрѣ цвѣтовъ ея и красокъ, всѣ виды и роды службъ (съ жирными окладами, свободой отъ разныхъ стѣсненій доступности удовольствій и развлеченій). Какъ настроено наше семинарство теперь, какъ оно жаждетъ университета—говорить не приходится. Спросите любого даже заморыша-богослова, въ теченіе семинарства не прочитавшаго ни одной книжки,—съ какимъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ отстаиваетъ онъ семинарскій умъ и семинарскія права на университетъ! Если и теперь лучшая часть семинаристовъ бѣжитъ отъ священства, то въ реформированной школѣ *это быство будетъ поголовное*. Въ той же указанной выше статьѣ Тихомірова приведено нѣсколько интересныхъ цифръ, изъ коихъ видно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ свободныя священническія мѣста занимали неспособныя лица, т. е. не получившія образовательныхъ правъ, отъ 24 до 75%. Фактъ знаменательный! И несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ, церковному начальству жизнь задастъ очень трудный вопросъ о томъ, гдѣ брать правоспособныхъ кандидатовъ священства?

Сообразно съ измѣнившимися условіями жизни несомнѣнно долженъ измѣниться и взглядъ на духовно-учебныя заведенія. Именуются они духовными потому, что готовятъ дѣтей духовенства, для *духовнаго* служенія, еще и потому что хозяиномъ ихъ фактически было духовенство. Духовенство пользовалось въ нихъ различными привилегіями, правомъ нѣкотораго контроля, въ то время какъ остальные сословія были стѣснены процентной нормой, платой за правоученіе, повышенной платой за содержаніе, стѣсненіями въ полученіи стипендій и казеннаго содержанія. Пока духовенство брало

на себя хотя до нѣкоторой степени обязательство давать русскому народу образованныхъ священниковъ, обслуживать народъ въ поставкѣ кандидатовъ священства, всѣ эти привилегіи имѣли нѣкоторый смыслъ, теперь онѣ падаютъ. Духовно-учебныя заведенія, лишь по недоразумѣнію, да пожалуй, по праву давности, мыслятся нѣкоторыми какъ принадлежація духовенству, какъ сословію или кастѣ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Государство, когда отпускало и если впредь будетъ отпускать средства на духовно-учебныя заведенія, то, конечно, съ одною цѣлью—имѣть всегда для народа образованныхъ священниковъ. Частные жертвователи съ тою же цѣлью дѣлали свои вклады, радѣя объ интересахъ не духовенства, а Церкви и папства. Мѣстныя суммы, епархіальныя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствовались не отъ духовенства, а отъ церквей. Насколько широко пользовались этимъ правомъ, показываетъ хотя такой маленькій случай: въ Харьковской епархіи отъ каждой церкви и теперь берутъ по 2 р. на... семинарскій оркестръ и музыку. [Почему эту музыку больше права имѣютъ слушать поповичи, а не хохлята, по копейкѣ эти 2 р. снявшіе въ церковь, рѣшать не беремся]. Словомъ, если разложить наши духовно-учебныя заведенія на слагаемыя, то выйдетъ, что духовенству въ нихъ принадлежитъ самая малая толика: духовенство въ нихъ было не владѣльцемъ, а лишь организаторомъ. Такъ какъ владѣльцемъ духовно-учебныхъ заведеній является въ концѣ концовъ православный русскій народъ, для котораго нуженъ образованный священникъ, такъ какъ въ интересы Церкви и храмовъ, какъ отдѣльныхъ единицъ, вовсе не входитъ кому-то давать общее образование съ малой надеждой видѣть его священникомъ, такъ какъ духовенство нашло необходимымъ для своихъ дѣтей открывать всѣ дороги, то разумѣется, *въ силу чувства справедливости*, оно должно отказаться и отъ привилегированнаго въ нихъ положенія, и всѣ остальные классы народа должны имѣть къ духовно-учебнымъ заведеніямъ равный съ духовными дѣтьми доступъ. Неудобно же въ самомъ дѣлѣ

пользоваться отъ народа и отъ церковнаго лишка разными льготами и не давать за это никакихъ обязательствъ! Прежде всего должна быть уничтожена $\%_0$ норма для дѣтей инословныхъ, какъ явно несправедливая; притокъ свѣжихъ силъ въ духовное сословіе прямо необходимъ для освѣженія, доступъ въ духовно-учебныя заведенія долженъ быть открытъ всѣмъ по конкурсу. Особого вниманія при этомъ заслуживаютъ деревенскія крестьянскія дѣти, какъ потому, что крестьяне изъ восковыхъ свѣчекъ создало намъ учебныя заведенія, а духовенство, какъ matka, только распоряжалось мірскими копейками, такъ и потому, что крестьяне самая крѣпкая физически и морально сила; наконецъ и потому, что *изъ крестьянскихъ дѣтей больше будетъ священниковъ, чѣмъ изъ іерейскихъ*. Не знаю, случайно ли это, но изъ моихъ товарищей по семипаріи, свѣтскихъ по происхожденію, только одинъ пошелъ по свѣтской дорогѣ, остальные священствуютъ. Сколько бы ни говорили, но несомнѣнно, что семья можетъ не только предрѣшать, но и готовить къ той или иной службѣ. Въ общемъ, духовенство, признавая, конечно, высоту пастырскаго служенія, не признаетъ его особенно удачной жизненной дорогой, а потому рѣдко *энергично* ведетъ дѣтей на ту же дорогу. Въ отзывахъ объ іерейской жизни самихъ же пастырей рѣдко прозвучитъ бодрая, энергичная и радостная струна; преобладаетъ миноръ, жалобы на скудость матеріальную, на угнетеніе, безправіе, пренебрежительное отношеніе сильныхъ міра сего. (Какъ будто Христосъ обѣщалъ намъ всѣ блага). Это и понятно, горести іерейскаго существованія лучше всего чувствуются самимъ же священникомъ; а такъ какъ человѣку всегда кажется, что лучше тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, такъ какъ жизнь открываетъ предъ священникомъ хоть краешекъ иной, болѣе радостной, живой, съ внѣшней стороны интересной жизни, то и неудивительно, что духовенство, хоть и отдаетъ дѣтей въ духовную школу, но частенько со вздохами озирается по сторонамъ и не прочь видѣть своихъ дѣтей докторами, судьями и т. д. Не то крестьян-

ство. Видѣть у престола Божія молитвенникомъ сына—для массы вѣрующихъ крестьянъ такая мечта, о которой они и думать не смѣютъ. Матеріальное благосостояніе священника для крестьянъ кажется настолько достаточнымъ, что они только руками разводять при обычныхъ жалобахъ духовенства на матеріальную скудость. Крестьянская среда,—пусть это звучитъ парадоксомъ,—неизбалованная, не разочарованная, больше можетъ поддержать сына въ стремленіи искать священства, чѣмъ духовенство. Только откройте духовно-учебныя заведенія для крестьянъ, и въ нихъ будутъ ломиться тысячи. Ограниченія % нормы одной мало; плата со свѣтскихъ за правоученіе и двойная плата за содержаніе въ интернатахъ также должна быть уничтожена.

Духовенству, въ виду угрожающаго ему оскудѣнія, необходимо принять самыя энергичныя мѣры и къ тому, чтобы привлечь къ пастырскому служенію людей, не получившихъ богословскаго образованія, но удовлетворяющихъ минимальнымъ требованіямъ отъ пастыря. Для этого должна быть выработана нормальная программа не только знаній, но и жизни, одинаковая для всѣхъ епархій, и преподаны руководящія правила для привлеченія стороннихъ элементовъ къ пастырскому служенію.

Противъ реформы духовно-учебныхъ заведеній трудно возражать, ибо она отвѣчаетъ запросамъ духовенства, какъ сословія, но нужно принять во вниманіе интересы Церкви, православнаго народа,—и вполне обезпечить его кандидатами священства. Иначе народъ въ недалекомъ будущемъ скажетъ намъ приблизительно слѣдующее: „Мы собираемъ вамъ церковныя капиталы, изъ которыхъ не имѣемъ права дать обнищавшему собрату 5 рублей, а вы свободно строите на нихъ и содержите духовно-учебныя заведенія, которые не даютъ намъ священниковъ. Такъ, голубчики, не годится. Не треба!“ Такія мысли мы можемъ услышать скорѣе, чѣмъ думаемъ, благодаря Государственной Думѣ, которая навѣрно внимательно будетъ читать государственную роспись. А на пустующіе

приходы (такіе и теперь уже существуютъ по мѣстамъ)—народъ будетъ выбирать невѣгласовъ, изъ-за которыхъ будетъ ссориться съ епархіальными архіереями. Хорошо ли это будетъ?..

Свящ. В. Пестряковъ.

Чешскій журналъ объ о. Иоаннѣ Кронштадтскомъ.

Въ ж. „Slavorum litterae theologicae“ (№ 1, p. 79—80) сообщаются свѣдѣнія о пастырскихъ трудахъ о. прот. Иоанна Кронштадтскаго по случаю исполнившагося въ декабрѣ мѣсяцѣ (12) прошедшаго 1905 г. пятидесятилѣтія служенія о. Иоанна въ санѣ священника.

Названный журналъ въ характеристикѣ юбиляра отмѣчаетъ, прежде всего, всецѣлую преданность долгу пастырства. О Иоаннѣ поставилъ цѣлью жизни сдѣлаться истиннымъ посредникомъ между Богомъ и людьми. Любовь къ Богу и къ людямъ—вотъ единственное правило его жизни. Въ молитвенномъ подвигѣ кронштадтскій пастырь достигъ высшей степени совершенства. Вся Россія вѣруеть въ силу его богоугодной молитвы и обращается съ просьбою о ней въ трудныя минуты жизни. Многие изъ самыхъ знатныхъ лицъ въ Россіи не предпринимаютъ безъ благословенія о. Иоанна ничего важнаго. Богослуженія онъ совершаетъ ежедневно, что является необычнымъ дѣломъ для прочихъ русскихъ священниковъ. Предъ литургіей о. Иоаннъ неопустительно прочитываетъ всѣ „стихиры и каноны“, какіе содержатся въ славянскомъ канонникѣ, очень длинные, и потомъ уже идетъ на литургію, совершаемую всегда съ большимъ благоговѣніемъ. Богослуженіемъ въ храмѣ не оканчивается его ежедневная молитва: послѣ литургіи о. Иоаннъ ѣздитъ по частнымъ домамъ, куда наперерывъ приглашаютъ о. Иоанна для молитвы вѣрующіе въ особенную силу его молитвеннаго предстательства. Почти ежедневно съ тою же цѣлью о. Иоаннъ бываетъ въ С.-Петербургѣ. Домой онъ воз-

вращается только вечеромъ, читаетъ полученные письма и телеграммы, составляетъ отвѣты на нихъ, готовится къ завтрашней службѣ и проповѣди, занимается литературнымъ трудомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ, по справедливости называемыхъ „училищемъ благочестія“, о. Іоаннъ выступаетъ не какъ простой человѣкъ, но какъ *пророкъ*, которому Богъ открываетъ тайны жизни и сокровенныя глубины вѣры. Неудивительно, что проповѣди и частныя бесѣды кронштадтскаго пастыря, проникнутыя духомъ благодати, производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе на слушателей. Ученики гимназій, въ которой о. Іоаннъ преподавалъ Законъ Божій въ теченіе 25-ти лѣтъ, неизмѣнно дарили его любовью и уваженіемъ. Широка благотворительность о. Іоанна и хорошо извѣстна она въ Россіи, но русскіе всѣхъ классовъ общества и состояній выше этого цѣнятъ въ любимомъ пастырѣ обильный даръ чудотвореній, подаваемыхъ имъ. Высокія духовныя качества, живымъ носителемъ которыхъ является кронштадтскій пастырь, объясняютъ, почему русскіе относятся къ о. Іоанну, пожалуй, съ бѣльшимъ почтеніемъ, чѣмъ къ многимъ канонизованнымъ святымъ...

Отъ Редакціи.

Печатаются новые листки для народа: № 11 „О забастовкахъ“ и № 12 „О сохраненіи лѣсовъ“. Цѣна сотни 35 коп.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Кирилль.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.